ИСТОРІЯ

ГАЛИЦКО-ВОЛОДИМИРСКОИ РУСИ

ôтъ найдавнѣйшихъ временъ до року 1453.

На пôдставѣ жерелъ написалъ

Исидоръ Шараневичь.

ВЪ ЛЬВОВѢ
Въ печатни Института Ставропигійского.
Накладомъ автора.
1863.

Nescire, quid antea, quam natus sis, acciderit, id est semper esse puerum.
Cicero.

Adducimur, ut credamus, historiam esse templum veritatis.
Dionisius Halic. de Thucydide 8.

Предмова.

Предкладаю честнымъ читателямъ дѣло: Исторію Галицко-Володимирскои Руси. Обнимае оно подрôбный розказъ событій въ тыхъ рускихъ земляхъ, которіи зъ перва творили два удѣльніи княжества, Галицкое и Володимирское. Въ другôй половинѣ XII. столѣтія соединили ся они въ одну цѣлôсть, и составляли въ XIII. и въ первôй половинѣ XIV. столѣтія самостоятельну державу, простираючую ся ôтъ Карпатъ ажь по Днѣпръ. По утратѣ самостоятельности роздѣлили ся землѣ Галицко-Володимирского княжества знову на двѣ части, одна была пôдвластною Польщи, друга Литвѣ, но мимо того стояли они тожсамостію вѣроисповѣданя и языка, торговлею и загально стремленьемъ своимъ въ тѣсныхъ взаимныхъ ôтношеняхъ. — Дѣло по естествѣ предмета розкладае ся на два періоды: періодъ самостоятельности Галицко-Володимирскои Руси и періодъ борбы межи Литвою и Польщею о землѣ Галицко-Володимирскои Руси по утратѣ ей самостоятельности. Событія до р. 1290 основують ся на рускихъ лѣтописяхъ и розказанѣ суть просторонѣйше въ дѣлѣ покôйного Дениса Зубрицкого: Исторія древняго Галичско-русскаго княжества. Въ настоячôмъ дѣлѣ собранѣ суть событія ôтъ найдавнѣйшихъ временъ до року 1290 въ бôльшіи групы съ означеньемъ загальныхъ поглядôвъ, ôтвлеченыхъ временному характеру, и представленѣ суть зъ становиска политичного и социяльного житя, якое тогды на Руси вело ся. Ôтъ р. 1290 начинають ся мои власніи изслѣдованя и тягнуть ся до р. 1453. Ôтъ року 1453 до р. 1463 непроизôйшло ничь важного въ земляхъ Галицко-Володимирскои Руси, по крайнôй мѣрѣ польскіи и литовскіи лѣтописи не со-

хранили памъ жадного важного событія зъ того десятка лѣтъ, а рускіи жерела ôтносячіи ся до тыхъ временъ загибли. Въ прочемъ борба межи Литвою и Польщею хотя р. 1453 не окôнчила ся, однакожь на соймахъ въ Парчовѣ и Піотрковѣ р. 1453 довременно была залагожена. Ôтъ смерти Свидригайла въ р. 1452, по которôй Литва области Володимирской Руси мимо притязаній Польщи къ собѣ присоединила, територіяльнии границѣ межи Польщею и Литвою въ головныхъ чертахъ бôльше не змѣняли ся, поки ажь любельская унія зъ року 1569 Литву и Польщу въ одно политичное тѣло не перетворила.

Обôчь польскои и литовскои Руси было еще Белзкое княжество, о стôлько ôтъ Польщи независимое, о скôлько не безпосередно польскôй коронѣ, но князямъ зъ роду Піастôвъ Мазовецкихъ было пôдчиненое. Но и тое княжество по смерти безпотомного Владислава, князя Белзко-Равского, яко лено припало до короны р. 1462. Въ прочемъ и безъ того уже ôтъ р. 1392 по изгнаню питомыхъ князей Юрія и Іоана зъ Белза, стояли новіи князѣ въ тѣснôмъ союзѣ съ Польщею, а Белзкая земля дѣлила тую самую судьбу, що и Галицкая Польщи пôдвладная Русь, и участвовала съ нею рôвнымъ способомъ въ историчныхъ событіяхъ. Хотя отже борба межи Польщею и Литвою о землѣ принадлежавшіи до составу давного Галицко-Володимирского княжества, еще рокомъ 1453 не окôнчила ся и характеръ внутреннои исторіи въ слѣдство того спору еще долго той самъ осталъ ся, однакожь для выжь наведеныхъ причинъ избралъ я сей рôкъ яко точку, до которои событія въ земляхъ древного Галицко-Володимирского княжества розказалъ емь. Еслибымь до другого періода, розказаного въ тôмъ дѣлѣ, включилъ былъ еще событія одного столѣтія, т. е. ôтъ р. 1453 до р. 1569, такъ другій періодъ взрослъ бы былъ до надзвычайного объему, несоразмѣрного объемови первого періода. Въ слѣдуючихъ столѣтіяхъ по роцѣ 1463 споры о границѣ не суть уже головною двигнею событій, но за то внутренняя перемѣна Литвы потягла за собою также религійніи и социяльніи перемѣны въ земляхъ южнои Руси и приготовила движеня, которіи ажь до

роздѣлу Польщи яко неперерывное пасмо въ исторіи польскои рѣчи посполитои продолжаютъ ся.

Если мнѣ Всевышній дозволитъ и въ будучôмъ времени силъ и охоты до працѣ, и если потребніи къ такому дѣлу обстоятельства и дальше мнѣ спріяти будутъ, выдамъ за рôкъ або два лѣта Исторію Галицко-Володимирскои Руси ôтъ р. 1453 до р. 1772 въ просторонномъ томѣ, до которого теперь матеріялы собираю.

Пускаючи настоячую исторію въ Божій миръ, не намѣряю вѣрнымъ начертаньемъ давныхъ объявôвъ и формъ рускои народнои жизни возбужати тугу за ними, якобы они были лучшими и щастлившими ôтъ нынѣшнихъ, я не хочу умножати числа мечтателій! Общество спочивае днесь въ Европѣ уже на иныхъ пôдставахъ, а минувшôсть наша приналежитъ нынѣ наукѣ и рефлексіи. Зъ знаня рускои исторіи должнû мы черпати любовь до землѣ, напятнованои дѣйствами и терпѣнями ôтцѣвъ нашихъ и богатои въ историчніи переданя; знанье рускои исторіи должно укрѣпляти въ насъ замилованье до руского языка, которымъ предки нашû межи собою, съ дворами и королями пересправљали и умыслово проживали, и утвержати насъ при церковномъ обрядѣ, которымъ они съ Найвысшимъ естествомъ сносили ся.

Маю въ Бозѣ надѣю, що настоячая исторія стане ся дѣломъ народнымъ и принесе для краю правдивый пожитокъ. Щобы однакожь тое стало ся, желаемъ, щобы многіи исторію тую съ увагою и прилѣжностію читали, щобы старшіи и съ исторіею обзнакомленіи мужѣ своими увагами и розсуженями, которыхъ умѣщеня рускіи часописи не ôтмовлятъ, мое дѣло дополняли и справляли, наконецъ щобы люди, обзнакомленіи съ потребами школъ и различныхъ сословій, отвѣтно до степени образованя и потребъ тыхъже, дѣло тое перерабляли и популяризовали.

Пособія къ настоячому дѣлу достарчали мнѣ публичніи тутъ въ Львовѣ находячіи ся библіотеки, именно ц. к. университетска библіотека и достохвальная библіотека заведеня имени

Оссолиньскихъ. Благороднїи настоятелѣ и управителѣ тои библїотеки съ звычайною имъ готовостїю отворили мнѣ охотно всѣ сокровища того многополезного краевого заведеня, и я всенародно сказати долженъ, що безъ помочи тыхъ мужей мое дѣло не было бы такъ полное, якъ оно есть.

Не звычайный убирати ся въ чужїи заслуги, признаю, що много основныхъ и точныхъ изслѣдованїй и любопитныхъ предметôвъ извлѣкъ я уже готовымъ монографїямъ и историчнымъ працамъ критичного Дениса Зубрицкого, безстороннего Казимира гр. Стадницкого и ученого крылошанина Антонїя Петрушевича. Замѣчаю также, що заслуженый о розвой руского языка професоръ Михаилъ Осадца съ властивымъ ему безкорыстнымъ трудолюбїемъ читалъ весь манускриптъ и исправилъ текстъ тогоже въ граматичнôмъ взглядѣ, за що ему сердечную подяку всенародно изъявляю.

Львовѣ дия $^{3}/_{15}$. *Мая 1863.*

Авторъ.

ИСТОРІЯ ГАЛИЦКО-ВОЛОДИМИРСКОИ РУСИ.

ПЕРІОДЪ ПЕРВЫЙ.

Время самостоятельности Галицко-Володимирскои Руси.

Періодъ I. самостоятельности Галицко-Володимирскои Руси роспадаеся на три ôтдѣлы: 1ый ôтдѣлъ содержитъ дѣяня ôтъ найдавнѣйшихъ временъ до основаня державы рускои въ Новгородѣ (862 року) и въ Кіевѣ (межи 862—866 р.), и ôтъ времени основаня державы рускои до заложеня удѣльныхъ княжествъ на берегахъ Днѣстра и Сана и укрѣпленя тыхъ княжествъ при династіи Ростиславичей на княжескôмъ съѣздѣ въ Любечи 1097 року; 2ый ôтдѣлъ содержитъ дѣяня ôтъ съѣзду въ Любечи (1097 р.) до зліяня княжествъ на Днѣстрѣ и Санѣ въ одно бôльшое княжество Перемышльско-Галицкое 1125 року, и ôтъ того времени до пересѣченя династіи Ростиславичей. Основанье удѣльного княжества Володимирского и дѣяня того княжества розказани суть вразъ съ иными современными дѣянями въ 1ôмъ и 2ôмъ ôтдѣлѣ; 3ій ôтдѣлъ содержитъ историю Галицкого и Володимирского княжества, ôтъ соединеня ихъ за Романа и за его наслѣдникôвъ, ажь до пересѣченя тои династіи въ 1337 року.

I. ÔТДѢЛЪ.

Не скорше якъ въ первой половинѣ 5ого столѣтія передъ Христомъ, въ время лютыхъ войнъ о свободу и независимôсть Грекôвъ съ Персами, озаряе слабое свѣтло историi тіи стороны, которіи суть поприщемъ дѣяніи, въ настоячôй книзѣ росказаныхъ. Въ тыхъ сторонахъ обитали земледѣльцѣ и орачѣ Скиты надъ Днѣпромъ и Днѣстромъ; обôчь нихъ

кочевали Скиты номады межи Волгою и Дономъ. Тіи то Скиты номады пановали надъ всею чорноморскою стороною, а Скиты орачѣ и земледѣлцѣ проживали въ зависимости ôтъ нихъ. Скиты кочевники были народомъ азіатицкимъ, сроднымъ съ древними Персами и Медами; Скиты земледѣлцѣ были иного ôтъ Скитôвъ номадôвъ и по всей вѣроятности словяньского произхоженя.

Имя Скитôвъ отримали хлѣборобы и земледѣлцѣ ôтъ кочуючихъ своихъ владѣтелій. Греки называли Скитôвъ Европейскихъ по бôльшôй части Сколотами. Ôттакъ на западъ и полнôчь ôтъ Скитôвъ европейскихъ (Сколотôвъ) обитали численіи словяньскіи племена именно: Неуриды[1]) (Нуряне), Савары (Сѣверяне), Тирегиты (Тиверцѣ), Буды (Будове) и Пингиты (Пиняне). Бористенитами звали ся Скиты земледѣлцѣ надъ Днѣстромъ[2]).

Въ другôй половинѣ 5го столѣтія передъ Христомъ розпало ся паньство Скитôвъ и роздробило ся на многіи независиміи племена. Тіи племена стояли съ греческими городами на чорнôмъ мори въ дружескихъ отношеняхъ; городы платили имъ часто дань, а они за то обороняли тіи городы оружіемъ своимъ. Ôтъ времени роздробленя державы Скитôвъ явили-сь Келтове, въ III. столѣтію уже ажь въ окрестностяхъ Днѣстра и Буга. Майже въ тыхъ самыхъ временахъ явили ся на Днѣпрѣ побратимцѣ ихъ Бастарны и Роксоланы, нарôды сарматского произхоженя, которіи Сколотôвъ въ борбахъ съ посторонными народами вспомагали. Сарматы былъ то народъ военный; ихъ побратимцѣ Язиги проживали за рускихъ князей еще долго надъ берегами нижного Буга и Нарева. Сарматы розпросторонили були свое владѣнье надъ словяньскими племенами по обша-

---

1) Замѣчательно для галицкои топографіи есть слѣдуючое мѣстце Геродота, переведене зъ греческого на языкъ латиньскій. Herodot Parisiis 1858 l. IV, cap. 51. pag, 198: primus igitur Scytharum fluvius est Ister, post hunc vero Tyras (Днѣстеръ) est. Is a septentrione progrediens fluere incipit ex magna lacu, quae in confiniis est Scythicae et Neuridis terrae. Отже пôсля Геродота близъ жерела Днѣстра обитали Неуриды (Нуряне). — Днѣстеръ произтѣкае, якъ знаемо, зъ Самбôрскихъ гôръ у села Волча и соединяе-сь близъ Самбора съ другимъ майже не меньшимъ, якъ ôнъ самъ, доплывомъ Стрвяжомъ. Слившись съ нимъ плыне посередъ низины, простираючои ся ôтъ селъ Бисковичь и Гордынѣ по за устье Верешицѣ въ Днѣстеръ ажь до Комарна. Низины тіи переполневіи суть великими болотами, а пôдчасъ наводненя Днѣстра перетворяютъ ся въ одно непрезримое озеро. Вѣроятно тіи низины творили колись озеро, сыченое двома доплывами майже собѣ рôвными (теперѣшнимъ Днѣстромъ и Стрвяжомъ передъ ихъ соединеньемъ). Зъ того озера вытѣкалъ Днѣстеръ, умноженый водами озера и яко бôльше замѣчательна краевая рѣка увеличеный, насупротивъ того теперѣшній Стрвяжь и Днѣстеръ выжь Самбора, казали-сь быти доплывами озера. Тымъ способомъ высше наведеное преданье у Геродота, що Днѣстеръ зъ озера вытѣкалъ, естественно изъясняе ся.

2) Szafarika słowiańskie starożytności, Poznań 1842. T. 1. str. 394—395.

рахъ Днѣстра и Буга. Племена тіи кормили ихъ плодами благословеной словяньскои землицѣ, Сарматы же защищали ихъ противу непріятелей. Господьство Сарматôвъ зломане зôстало ôтъ полудня Даками, ôтъ сѣвера Готами.

Готôвъ вытиснули Гуны въ 4ôмъ столѣтію по Хр. зъ надъ чорного моря, Днѣстра и Дуная. Стало ся, що одинъ народъ военный уступалъ другому, одно враждебное племя пожирало другое. Наконець, коли въ другой половинѣ 5го столѣтія по Хр., имперія Гунôвъ съ кончиною Атилѣ роспала ся, скитали ся лишь останки племенъ Скитскихъ, Сарматскихъ, Готскихъ и всѣхъ Гунами порушеныхъ народôвъ по просторонныхъ обшарахъ надъ чорнымъ моремъ.

Словяне тиснени зъ своихъ колибельныхъ жилищь надъ Дунаемъ[3]) ôтъ Келтôвъ, Римлянъ и Германôвъ, посували-сь все дальше на сѣверъ ажь до 3. столѣтія по Христѣ, выпирали зъ жизненныхъ низинъ сѣверной Европы финьскіи племена и оперли ся о Карпаты и о горы Татры, розпростерлись по Вислѣ и по Днѣпрѣ, къ Невѣ и финьскому заливу, построили села, гдекуды и городы, и трудячи ся земледѣльствомъ и торговлею проживали на обшарахъ ôтъ финьского залива къ чорному морю, ôтъ Вислы до Дону. Начавши ôтъ 3. столѣтія по Хр., коли Германы начали на полудне посувати ся, а именно въ 4. 5. и 6. столѣтію по Хр., коли Германы садовили-сь внутрь предѣлôвъ римскои имперіи, спускали ся Словяньскіи племена на югъ и западъ, и забирали стороны, нѣмецкими племенами на Савѣ, Дравѣ, Одрѣ и Лабѣ опорожненіи и опущеніи. Якъ азіатицкій кочуючій народъ Гунôвъ своимъ походомъ далъ первый прудъ до загального шествія народôвъ германьскихъ въ направленю къ югу и западу, такъ тиснувшіи ся за Гунами Авары, Булгары и Хазары до 8. столѣтія понужали Словянъ, оставити свои жилища на кранцяхъ сѣверовосточной Европы, и къ югу и западу подвигати ся.

Начавши ôтъ 6. столѣтія по Христѣ, Словянскіи племена, обитаючіи въ предѣлахъ древнои Скитіи и Дакіи, зовутъ ся Антами, и вразъ съ тымъ общимъ именемъ сродныхъ племенъ являе ся рôвновременно загальное имя Словянъ. Словяне заселившіи просторонь ôтъ Лабы до финьского залива и чорного моря, являютъ ся въ 8. и 9. столѣтію подѣленіи на многіи племена. Въ 9. столѣтію сосередочаютъ ся словянскіи племена, розсѣяніи по сѣверовосточной части Европы въ три великіи державы: первая держава обнимаюча Чехи, Моравію и бôльшую часть Панонія, основана Святополкомъ; другая держава Ляхôвъ или польска основана около 840 року;

---

[3]) Chronica Nestoris. Textum russico-slovenicum edidit Fr. Miklosich. Vindobonae 1860. pag. 2: „по мнозѣмъ же временемъ сѣли суть Словѣне по Дунаеви, къде есть нынѣ угорская земля и болгарская, и отъ тѣхъ Словѣнъ разидоша ся по земли и пр.

а третя держава руская основана уже зъ начала въ двохъ головнѣйши точкахъ, въ Новгородѣ и Кіевѣ (862—866 року).

Южніи Словяне поселившіи ся на берегахъ Дуная, на Савѣ и Дравѣ и предѣлахъ древнои Мезіи и Греціи, начавши ôтъ 6. столѣтія, именно Хорваты и Сербы и (принявшіи имя своихъ завоевателей) Булгары, ôтдѣлили ся ôтъ прочихъ сѣвероевропейскихъ Словянъ и вôйшли въ стычнôсть съ бизантійскою имперією и съ германьскимъ паньствомъ Карля Великого. Отдѣлени ôтъ сѣверныхъ Словянъ народами иноплеменными розположившими ся на Дунаю, утворили осôбніи державы, которіи съ прочимъ Словяньскимъ миромъ лише случайно стыкали ся. Тіи югословяньскіи народы бороли ся съ Франками на западѣ, такъ якъ ихъ соплеменникии на востоцѣ съ Аварами и Хазарами. Словяне на Лабѣ и Одрѣ вступали также въ бой съ нѣмецкими императорами и ихъ ôтпоручниками маркграфами, но въ нерôвнôй борбѣ упали и ôтступили мѣстце свое германьскимъ племенамъ.

Племена поселившіи ся на сѣверозападнôй просторони Европы звали ся: Сорабы, Ободриты, Вилцы, Чехи, Моравяне, Ляхи; еще бôльшое количество словяньскихъ племенъ являе ся на востоцѣ сѣверной Европы. Сидятъ они по направленю рѣкъ именно: на пôдошвѣ Карпатъ Хорваты, на Бузѣ Бужане, на низшôмъ Днѣстрѣ Тиверцѣ и Угличѣ, на Бозѣ Дулѣбы, на Припети Деревляне, на лѣвôй сторонѣ Днѣпра Сѣверяне, коло Днѣпра Поляне, на сѣверъ ôтъ Припети Дреговичѣ, въ сторонахъ высшого Днѣпра Кривичѣ, а въ прочѣй части сѣвероевропейской просторони лядскіи племена Вятичѣ и Радимичѣ; около Финьского залива Весь, Чудь и Словѣне. Племена розпадали ся на семейства. О тыхъ племенахъ говоритъ лѣтописець: „имѣяху убо обычая своя и законъ отьць своихъ и преданія и къждь свой нравъ.“ [4]) Семействами управляли старѣйшины, племенами избраніи князѣ. Такъ управлялъ н. пр. Деревлянами князь Малъ; у Полянъ управлялъ Кій вразъ съ братьми и построилъ городъ Кіевъ на лѣвôй сторонѣ Днѣпра. И у иныхъ словяньскихъ племенъ встрѣчаемъ уже дуже рано городы, именно: у Хорватôвъ Перемышль, у Бужанъ Волынь и Червень, у Угличей и Тиверцей Пересѣченъ, у Деревлянъ Искоростѣнь и Овручь, у Полянъ Кіевъ и Вышегородъ, у Сѣверянъ Любечь и Черниговъ, у Кривичей Смоленськъ, у Словѣнъ Новгородъ, Ладогу, Изборскъ и Полоцкъ. — Наведеніи словяньскіи племена, поселившіи ся на сѣверовосточнôй площади Европы, спорили межи собою, подôбно якъ на западѣ Вилцѣ съ Ободритами. Деревляне передъ завладѣньемъ Кіева Варягами, насильствовали Полянъ и много имъ зла творили[5]). Окрôмъ тои племенной борбы

---

[4]) Chronica Nestoris, ut supra pag. 6.

[5]) Chronica Nestoris, ut supra pag. 8. „По сихъ же лѣтѣхъ, по съмерти братия сея быша обидими (Поляне) Дрѣвлями и инѣми окольными и т. д.

провадили Словяне борбу съ Хазарами, Аварами и Нормано — Варягами. Однакожь въ слѣдство неедности и племенныхъ распрѣ зôстали черезъ иноплеменикôвъ покорени.

Хазары построили собѣ головное сѣдалище надъ Волгою, ихъ владѣнье розпростирало ся по Кубанъ и обнимало тавридскую пôлвыспу. Они были зразу Магомеданами, потôмъ пріяли вѣру греческу въ слѣдство ихъ отношеній до Греціи. Ихъ верховодителѣ (Ханы) входили съ бизантійскими императорами въ родственіи звязи и уважали ихъ верховную власть надъ собою. Хазары покорили Полянъ, Вятичей и Радимичей и принудили ихъ до плаченя ежегодной дани. Авары, такожь кочуючое племя и скитаючое ся по Дунаю, покорили Дулѣбъ и Угличей и привели въ такое пôдданьство, якъ Хазары Полянъ, еще иніи племена.

Нормано-Варяги ѣздили черезъ землѣ заселеніи словяньскими племенами, именно вздолжь рѣкъ въ чорное море до Греціи, разъ ради торговлѣ[6]), другій разъ ради службы военнои, которую на дворѣ бизантійскихъ императорей за добрую плату принимали. Норманы начавши ôтъ 5. столѣтія непокоили надбережія Европы. Въ направленю рѣкъ вдирали ся они на шибкихъ лодяхъ въ глубъ краѣвъ, нѣмецкого и французского, разоряли городы, поселили сь въ Англіи, въ побережію Франціи и въ южнôй Италіи. Часто призывали ихъ тамошніи жителѣ або ихъ владѣтелѣ для службы военной, щобы землю передъ нападами иныхъ напастникôвъ защищали або владѣтелей ихъ въ борбѣ нерôвной съ сусѣдами вспомагали. Норманы дѣлили ся на поколѣня, поколѣня роспадали ся на роды. Одно поколѣнье Нормано-Варяжское покорило въ теченю временъ словяньскіи и финьскіи племена надъ Невою, Ладогою и Ильменомъ, и ôтъ покореныхъ тутъ племенъ выбирало дань.

Покореніи племена схаменули ся и изгнали Варягъ за море. Скоро однакожь по изгнаню Варягъ настали роздоры: племя повставало на племя, родъ на родъ и не было ладу и наряду въ тôй обильнôй и просторонной земли. Щобы безпокоямъ конець положити, пôслали[7]) два пле-

---

[6]) Chronica Nestoris ut supra pag. 11. cap. XVIII. Олегъ приплынулъ подъ Кіевъ и велѣлъ сказати Аскольду и Дирови прельщаючи ихъ: „яко гость (купецъ) есмь, и идемъ въ Греки отъ Ольга и отъ Игоря княжища: да придѣта къ намъ, къ роду своему.“

[7]) Chronica Nestoris ut supra pag. 9. 10. И идоша за море къ Варягомъ, къ Руси; сице бо ся зваху ти Варязи, Русь, яко се друзіи зовутъ ся Свіе, друзіи же Нурмане, Агляне, друзіи Готы, тако и си. Рѣша Руси Чюдь, Словѣне, Кривичи и Весь: земля наша велика и обильна, а наряда въ ней нѣсть; да пойдете княжитъ и владѣтъ нами. И избраша ся три братія съ роды своими, и пояша по собѣ всю Русь, и придоша, и старѣйшій Рурикъ сѣде въ Новѣградѣ, а другій Синеусъ, на Бѣлѣ Езерѣ, а третій Изборстѣ, Труворъ. И отъ тѣхъ Варягъ прозва ся русьская земля Новоградци.

мена финьскіи Весь и Чудь, и два словяньскіи Словѣны и Кривичѣ за мо, по Варягôвъ-Русь, и выбрали р. 862 родъ конюковъ або верховодителей того племени доброволно собѣ за князей. Были то три братя зъ племени Варягъ-Русôвъ: Рурикъ, Синеусъ и Труворъ, которіи понявши съ собою много Русôвъ прійшли и засѣли княжити въ городахъ рускихъ, въ Новгородѣ, Бѣлоозерѣ и Изборску. Синеусъ иТруворъ скоро умерли; тогды Рурикъ присоединилъ ихъ удѣлы до свого, и розширилъ свое владѣнье до рѣки Оки и Полоты. Новгородъ, которого первобытными жителями суть Словѣны, принялъ ôтъ тыхъ Варягъ имя Русь, а тое имя чимъ разъ бôльше розширяло ся, о кôлько держава Рурика побôльшала ся. Вкорѣнивши ся на однôмъ пунктѣ пускали ся Вѣряги-Русь чимъ разъ дальше въ словяньскіи землѣ, освобожали племена ôтъ дани, котру Аварамъ и Хазарамъ платили, и накладили на нихъ дань для себе. Одныхъ покорили оружіемъ, другіи пôддавали ся имъ доброволно, уважаючи Варягъ яко защитникôвъ противъ прежнимъ своимъ томителямъ. Варяги забирали городы по направленю рѣкъ, поселяли ся въ нихъ, або строили новіи городы и крѣпости. Зъ тыхъ владѣли надъ прилежачими областями, предпринимали походы въ ôтдаленіи краи именно въ Грецію, або внутрь землѣ населенои Словянами, чимъ разъ дальше панованье свое розширяли.

РУРИКЪ

Такъ уже скоро по тôмъ, якъ сталъ Рурикъ на берегахъ Ильмена княжити, два бояры, оже люди не княжеского рода, Аскольдъ и Диръ, пустились долѣ Днѣстромъ, и приплывши пôдъ Кіевъ, освободили той городъ ôтъ дани Хазарамъ платенои и завладѣли сами нимъ. Ôттакъ предприняли оба съ дружиною походъ на Грецію на 200 лодяхъ въ 866 року, въ время, коли патріархъ Фотій управлялъ Церквою восточною, и загрозили Константинополь; но бурею розсѣяніи ледво спасли житье, вернулись домôвъ, и вступили съ Греками въ мирное отношенье. Такъ на двохъ пунктахъ устроили Варяги-Русь свое владѣнье, котре уже въ самôмъ зародѣ бôльшого общественного соединеня словяньскихъ племенъ, на двѣ державы роздѣлило ся: на варяжско-кіевску и варяжско-новгородску. Имя Русь вспôльное было обомъ державамъ. Оно въ продолженію времене, коли руская держава многими словянскими племенами обвладѣла, похлонуло имена поединчихъ племенъ, и загальніи назвы н. пр. Антôвъ, употребленіи въ давнѣйшихъ временахъ для означеня цѣлого щепу Словянъ, цѣлкомъ вытиснуло.

Кіевская и новгородская держава стояли въ независимости ôтъ себе до 879 року. Непокореніи Варягамъ племена Сѣверяне и Кривичѣ дѣлили державу бояръ Аскольда и Дира въ Кіевѣ ôтъ державы Рурика въ Новгородѣ. Рурикъ умеръ 879 року. По смерти его наслѣдилъ сродникъ его и старшій въ родѣ Олегъ, принялъ немовля сына Рурикова, Игоря пôдъ свою опѣку и былъ ему въ ôтця мѣсто. Предпріемчивый

ОЛЕГЪ

сей князь пустилъ ся вразъ съ Игоремъ и дружиною на лодяхъ низъ Днѣпромъ, станулъ пôдъ Кіевомъ, удалъ купця присланого княземъ новгородскимъ, и призвалъ Аскольда и Дира на лодіи пôдъ предлогомъ, щобы ихъ, яко людей одного рода, поздоровити. Явившихъ ся Аскольда и Дира повелѣлъ ôнъ умертвити, зъ причины, що они не были князями, но боярами и що не маючи по варяжскому обычаю права на осôбный удѣлъ або конунгаръ, устроили независиму державу и членамъ княжеского рода срôвнали ся. Днѣпръ былъ путемъ въ богатую Грецію. Кіевъ близше якъ Новгородъ лежалъ цивилизованому свѣту, которымъ была Греція, и былъ выгôдною точкою посредственною межи чорнымъ а балтицкимъ моремъ. Длятого то Олегъ рѣшилъ ся съ Игоремъ и цѣлою дружиною переселити-сь въ Кіевъ и избрати сей городъ за головную столицю княжеского рода. Ôнъ принялъ имя великого князя а Кіевъ прозвалъ матерію рускихъ городôвъ[8]) Ôтъ Кіева розпростороняль Олегъ и его наслѣдники владѣнье надъ словяньскими племенами, строилъ крѣпости такъ для укрѣпленя свого панованя якъ и для защиты краѣвъ пôдвладныхъ, которіи ôтъ своихъ владѣтелѣвъ приняли также имя Русь. Олегъ правилъ отъ 879—913. року. Послѣ же освободилъ Радимичей, Вятичей и Деревлянъ ôтъ дани плаченой Хазарамъ, и воевалъ съ Угличами и Тиверцями. (все тое въ лѣтахъ 882, 884, 888). Межи 885—904 рокомъ продолжалъ свои подвиги ажь до карпатскихъ гôръ, а собравши полки ôтъ всѣхъ покореныхъ собѣ народôвъ, именно ôтъ Хорватъ зъ надъ Днѣстра и Сана, Дулѣбъ зъ надъ Буга, Угличей, Тиверцей, Сѣверянъ, Полянъ, и пр. двигнулъ ся моремъ и сушею пôдъ Царгородъ, затревожилъ сей городъ и принудилъ Грекôвъ къ заключеню выгôдного для Руси торговельного примѣрія (р. 912). Зъ договору того до нашихъ временъ задержаного довѣдуемъ ся, що пристани рускіи находили ся на убережіяхъ чорного моря и що рускіи люди по тôмъ убережію шатали ся; также що греческіи кораблѣ знать обремененіи торговельными сокровищами посѣщали рускіи убережія и пристани, а рускіи купцѣ-гостѣ часто наветъ въ великôмъ числѣ для торговельныхъ цѣлей въ Царгородѣ пребывали. Понятія о маетку и властности были уже розвитыми и знаными рускимъ людямъ. Русь и Греція невольниками торговали и невольникôвъ уживали.

Вѣра христіаньская еще не была озарила и просвѣтила умы князей Рурика и Олега и дружины его. Поганьскіи волхвы толкуютъ Олегу, що ôнъ умре ôтъ любимого коня своего. Князь велѣлъ скрыти коня, щобы избѣгнути предсказаной смерти, коли однакожь, повернувши зъ славного

---

[8]) Chronica Nestoris ut supra p. 12. И сѣде Ольгъ княжа въ Кыевѣ. И рече Ольгъ: се буди мати градомъ русьскымъ. И бѣша у него Варязи и Словѣни, и проче прозваша ся Русію.

похода на Грецію, о смерти коня своего довѣдалъ ся, посѣтилъ его могилу, трунулъ ногою лобъ и поругалъ ся о пророчествахъ волхвôвъ. Но тутъ укусила го змія, котора въ лобѣ коньскои стерви скрывала ся, и князь ôтъ того умеръ. Смерть Олега убѣдила дружину о правдивости идолопоклоньства и высшôй силѣ волшебникôвъ и служителей поганьскихъ богôвъ.

За панованя Олега пересунулись полчища кочевого народа Угрôвъ (Мадярôвъ) черезъ Русь, станули обозомъ надъ Днѣпромъ и розложили шатры. Позванiи императорами греческими противу Булгаръ наддунайскихъ переколзнулись черезъ Русь и заняли стороны наддунайскiи.[9])

Нарôдъ чтилъ память князя витязя Олега и прозвалъ го вѣщимъ т. е. мудрымъ.

ИГОРЬ

По смерти Олега наслѣдилъ Игорь (913 — 945). Игорь жилъ въ дружескихъ сношенiяхъ съ Грецiею а Грецiя платила Руси дань прежними договорами условленую. Игорь спомагае императора греческого кораблями рускими и тiи товаришатъ греческôй флотѣ въ еи походѣ на Италiю 936 року.

Но коли императоръ Романъ Локапенъ запретилъ Руси условленую дань, предпрiялъ Игорь два походы на Грецiю, одинъ 941, другiй 944 року. Русь пôдъ проводомъ князя подвигае ся по першiй разъ на 10000 корабляхъ, а вторый разъ сухимъ путемъ и кораблями на Царгородъ. Первый разъ упостошаютъ Русины окрестности Ираклiи и Пафлягонiи. Сражали-сь они съ Греками на мори въ морскôй битвѣ и побѣдженiи ôтъ Грекôвъ ледво спасли ся бѣгствомъ на кораблѣ и ôтплыли домôвъ. Другiи разъ встрѣтили Греки войско Игореве при устю Дуная. Послы висланiи ôтъ греческого императора, обѣщали дань и предложили условiя договора. Въ настоячой вôйнѣ вспомагали Игоря призванiи полки Варягôвъ зъ Скандинавiи и Печениги. Якъ теперь такъ еще и пôзнѣйше утримовали рускiи князѣ зъ рода варяжского связь съ своими одноплеменниками въ Скандинавiи. Игорь призвалъ Варягôвъ, яко вспомагательную рать противъ бизантiйскому царю. -- Печенѣги вытиснули Угрôвъ зъ областей надволжаньскихъ, а сами тисненiи Узами и Половцями явили ся за временъ Игоря 915 року на Руси, заключали съ нею миръ, то снова воевали (920 року); современно посували ся они къ Дунаю, вспомагали Булгаръ въ борбѣ съ бизантiйскими императорами и прибѣгали на легкихъ коняхъ своихъ неизмѣримiи просторони надъ чорнымъ моремъ ажь по Дунай и Алюту. Печенѣги вспомагавшiи Игоря въ настоячôй вôйнѣ съ Греками (944) перекуплени хитро дарами Грекôвъ ôтступили ôтъ него. Въ наслѣдокъ

---

[9]) Chronica Nestoris ut supra pag. 12. въ лѣто 6406: (898) идоша Угры мимо Кыевъ горою и пр.

того ôтступленя Печенѣгôвъ договоръ Игоря съ Греками менше былъ догôдный якъ оный, который Русь съ Грецiею за временъ Олега (912 р.) была заключила.

За временъ Игоря стараютъ ся словяньскiи племена ôтъ составу новоучрежденои рускои державы ôтдѣлити, супротивляютъ ся настоячому князю и съ оружiемъ въ руцѣ свою независимôсть ôтзыскати усилуютъ ся. Первый примѣръ такого супротивленя дали Деревляне. Отношенье словяньскихъ городôвъ и племенъ до князей стало ся слѣдуючимъ. Словяньское громадское устройство утерпѣло за пришествiемъ Варягôвъ великую перемѣну. Князѣ мѣсто старшины зъ словяньскихъ племенъ, посылали въ городы своихъ посадникôвъ-бояръ, которымъ раднѣйше, якъ словяньскимъ ôтъ народа выбранымъ, завѣряли.[10]). Княжескiи бояры вступивши въ право старѣйшины, ползовали ся ихъ ужитками и на супротивъ давному устройству зависѣли ôтъ князя, противно же князѣ роспоряжали исключно ужитками своихъ посадникôвъ. Покоренiи словяньскiи племена ставили полки и вспомагали князей въ ихъ частяхъ подвигахъ на Царгородъ. Князь на челѣ своеи дружины посѣщалъ племена лично, ставалъ обозомъ на ихъ земли, выбиралъ дань, состоячую зъ хлѣба, и пр., пôдвысшалъ дань по своему произволу, грабилъ пôдъ предлогомъ дани нарôдъ и набравши доволѣ имѣня, роздавалъ межи дружину або поверталъ съ добычею домôвъ. Новымъ отношеньемъ въ составѣ рускои державы неудоволенiи Деревляне пôднесли отвертый мятежь скоро по смерти Олега. Покоренiи соподвижниками Олега по многихъ усилiяхъ утихли, служили въ походахъ на Грецiю вразъ съ ихъ соплеменниками Тиверцями и прочими словяньскими племенами, но тиснени данею ôтъ князя до крайности, въ 945 року еще разъ мятежь пôднесли, захватили князя и умертвили го ужаснымъ способомъ. Въ прочемъ непосѣдалъ Игорь ни прозорности Олега, ни его ничимъ неперееломанои енергiи. Бôльшая часть его правленя именно время ôтъ 913—941 року съ изъятiемъ лѣтъ 920 и 935 пройшли въ миръ. Найбôльшое влiянье на дѣла всенароднiи посѣдалъ покоритель Тиверцей и Угличей Свѣнолдъ. Князь опредѣлилъ ему дань принадлежню ôтъ Деревлянъ и тымъ предпочелъ его прочôй дружинѣ. Свѣнолда окружали отроки т. е. прибочная служба. Данею собраною богатѣютъ его отроки. Прочая дружина княжеска роптае на тое вывышенье и обогаченье одного зъ посередъ себе, принужае князя побôльшити дань на Деревлянахъ, щобы срôвнати Свѣнолду и тымъ способомъ вырж помянутый ужасный мятежь выкликуе. Ôтъ временъ правленя Игоря чимъ разъ бôльше водворяло ся

---

[10]) Chronica Nestoris, ut supra pag. 10. и прiя власть Рурикъ и раздая мужемъ своимъ грады, овому Полоцкъ, овому Ростовъ, другому Бѣлоезеро.“

Христіаньство въ Кіевѣ. Ôтъ коли епископъ высланый ôтъ греческого патріарха Фотія, крестилъ Асколда и Дира[11]), часть дружины князя вызнавала вѣру Христову. Церковь св. Иліи создана внутрь Кіева служила громадѣ Христіанъ состоячôй зъ поселившихъ ся купцѣвъ греческихъ и окрестившихъ ся бояръ рускихъ за божницю и за мѣстце, где цѣловали крестъ и въ утверженье заключеныхъ всенародныхъ договорôвъ правдивымъ Богомъ заклинали ся. Обôчь церкви св. Иліи взносили ся еще кумиры Волоса и Перуна въ Кіевѣ; имъ приносила поганьская часть дружины княжескои жертвы и ôтдавали звычайное поклоненье. Могилы знаменовали гробы Олега и Игоря, вѣроятно по обычаю стародавному высыпани руками людскими.

Народъ позиралъ на тіи могилы, привязовалъ до нихъ историческіи преданія и розказовалъ о походахъ и пированяхъ и пр. тыхъ князей, которіи пôдъ тыми могилами спочивали.

ОЛЬГА По несподѣванôй смерти Игоря зôсталъ ся четырылѣтный Святославъ единственый сынъ князя Игоря. Вопреки дотеперѣшнему обычаю варяжскому исключаючому жены ôтъ правленя, приняла власть надъ рускими землями мати Святослава, а вдова по Игорю благоразумная Полочанка Ольга. Она княжила до полнолѣтства своего сына, ôтъ 945—955 року. Ольга припоручила начальство надъ войсками досвѣдченому воеводѣ Свѣнолду, а воспитанье сына Святослава боярину Асмуду. Передъ всемъ мстила на Деревлянахъ смерть своего мужа, умертвила льстивымъ способомъ около 5000 Деревлянъ, пôдпалила ихъ мѣсто, а тое все зъ причины, щобы и прочіи словяньскіи племена строгостію и ужасомъ встримати ôтъ опасного наслѣдованя взбунтовавшихъ ся противу новому паньству Деревлянъ. Ольга занимала ся черезъ цѣлое время своего владѣня устроеньемъ порядку у покореныхъ словяньскихъ племенъ. Племенніи князѣ словяньскіи ползовали ся лишь незначительными личными выгодами. Ихъ власть обмежена была вѣчію, на которôй собравшіи ся старѣйшины громады важніи справы рѣшали. Ольга уничтожила власть племенныхъ князей у Деревлянъ[12]). Давніи словяньскіи громады уважали землю яко загальную собственнôсть. Члены громады управляли почву совокупно вразъ съ своими родимцями и плодами пріобрѣтеными дѣлили ся ведля потребъ своихъ. Ольга объѣзджала лично области Деревлянъ, Полянъ и Сѣверянъ и пр. По берегахъ Днѣпра Десны, Мсти и Луга, дѣлила землю на погосты межи жителей, установляла и пôдвысшала поземніи податки ôтповѣдно земнымъ посѣда-

---

[11]) Зубрицкаго Исторія Галичскаго княжества Т. I. стр. 136—137. Примѣчаніе 30.

[12]) Chronica Nestoris ut supra pag. 33. Ольга старѣйшины же града изима и прочая люди овыхъ изби, а другыя работѣ прѣдасть мужемъ своимъ."

нямъ[13]). Для пôдвысшеня власти центральнои опредѣлила и устроила Ольга княжескіи ловища и доходы.

Въ 955 року, коли достигъ Святополкъ до 18 лѣтъ, ôтдала ему правленье, сама же въ сопроводѣ рускихъ бояръ и посланиковъ рускихъ городôвъ поѣхаля 955—957 року до Царгорода, посѣтила двôръ царя бизантійского Константина Багрянородного († 959), и приняла тутъ зъ рукъ греческихъ священиковъ св. крещенье. Коли Святославъ шаталъ ся по Греціи, Булгаріи и Хазаріи за славою и добычію, — Ольга прочую жизнь свою проживала въ Кіевѣ, заботила ся о ширенье ся Христіаньства и двомъ своимъ собѣ повѣренымъ внукамъ Ярополку и Олегу надала вѣроятно Христіаньское выхованье. Но всякіи усилія Ольги понудити Святослава до принятія вѣры Христовои были безъ успѣху. На представленя своеи матере отвѣчалъ князь: „якъ я самъ единъ прійму законъ Христовый, а дружина моя зъ мене смѣяти ся иметъ.“ Проживши бôльшую часть своего владѣня въ военныхъ подвигахъ и утвердивши сердце своє, не малъ ни князь ни его дружина смысла для свѣтла науки Христовои, которая розгрѣває любовію сердце человѣческоє и ублагороднює душу его. Въ глубокôй старости своей приключило ся Ользѣ попасти ся въ небеспеченьство зъ стороны военныхъ Печенѣгъ. Въ времена побыту Святослава въ Булгаріи надъ Дунаемъ осадили Печенѣги Ольгу вразъ съ молодыми Святославичами въ Кіевѣ и былибы городъ опановали, еслыбы не ôтвага и не мужество руского воеводы Прѣтича. Козацкимъ обычаемъ пôдплылъ Прѣтичь съ военнымъ ôтрядомъ пôдъ Кіевъ и станы Печенѣгôвъ, и прельстилъ ихъ хитрою вѣстію о близости Святослава. Печенѣги учувши тое напудили ся, оставили дальшую осаду Кіева, и уступили въ свои кочевища р 968. Ольга умерла р. 969. Нарôдъ прозвалъ ю „денницею предъ солнцемъ, зорею предъ свѣтомъ, луною свѣтлицею посредѣ нощи, бисеромъ (т. е. перлою) въ калѣ (болотѣ[14])“ со взгляду на то, що Ольга просвѣтилась наукою Христа въ время, коли еще бôльшая часть руского мира бездушнымъ идоламъ поклонъ ôтдавала, и що она своимъ примѣромъ всеобщое розпростороненье божественного свѣтла науки Христовои якъ зоря передъ свѣтомъ, яко денница передъ солнцемъ предварила.

СВЯТОСЛАВЪ

Святославъ былъ надзвычайно военного духа; ôнъ покорилъ Вятичій на Оцѣ плативщихъ Хазарамъ дань; въ р .966 предпринялъ походъ на Хазаръ. Святославъ розтрѣскалъ имперію Хазарскую,

---

[13]) Chronica Nestoris ut supra pag. 34: иде Ольга по дрѣвстѣй земли съ сыномъ своимъ и съ дружиною, уставляющи уставы и урокы“ и т. д. „иде Ольга Новуграду и устави по Мстѣ погосты и по Лузѣ оброкы и дани“ и т. д „и по Днѣпру прѣвѣсища и по Деснѣ.

[14]) Chronica Nestoris ut supra pag. 39.

занялъ головное мѣсто ихъ въ надволжаньскôмъ побережію Саркель и простеръ свое панованье до Кубана и пôдошвы Кавказа. Тіи области выступаютъ въ рускôй исторіи пôзнѣйше пôдъ именемъ удѣльного княжества Тмутороканьского.

Въ лѣтахъ 967 и 969 предпринялъ Святославъ походъ на Булгаръ. именно въ роцѣ 967 призвалъ Святослава греческій царь Никифоръ противъ булгарского царя Петра за то, що той верховную его власть узнавати не хотѣлъ. Съ великаньскимъ войскомъ двигнулъ ся Святославъ въ лодяхъ къ Дунаю, обладѣлъ столицею болгарского паньства Переяславцемъ, и ту на Дунаи выбралъ собѣ сей городъ на вторую столицю. Святославъ носилъ ся съ мыслію, завоевати бизантійскую имперію. Ôнъ найраднѣйше пребывалъ въ Переяславци и прозывалъ той городъ серединою землѣ своей[15]). Повернувши на просьбу матере своей и горожанъ Кіевскихъ до Кіева, прогналъ Печенѣгъ въ степъ и снова вопреки всѣмъ представленямъ умираючои матери скоро по еи смерти до Булгаріи, въ области наддунайскіи вернулъ. Тымъ часомъ наслѣдилъ Никифору царь Цимискій и поладилъ ся съ Булгарами по смерти ихъ царя Петра. Булгары схаменули-сь и Руси Переяславець изторгнули. Святославъ взялъ Переяславець приступомъ, двигнулъ ся на Грецію, и звитяжилъ бизантійского императора пôдъ Адріанополемъ. Но позаякъ побѣда тая Святославу много хоробрыхъ войнôвъ стояла, такъ зôйшолъ ся ôнъ лично съ бизантійскимъ царемъ пôдъ Доростоломъ, и заключилъ съ нимъ миръ. Въ слѣдство того Святославъ уступилъ ся зъ Переяславця и обремененый добычею и сокровищами повerталъ домôвъ. Перезимовавши при устю Днѣпра на Бѣлобережію, плылъ горѣ Днѣпромъ на лодяхъ и пôдступилъ пôдъ пороги, не слухаючи рады досвѣдченого воеводы Свѣнолда, щобы сухимъ путемъ обôйшолъ тіи опасніи мѣстця, где якъ чутка несла, вороги Печенѣги на него были зачаили ся. Неустрашимый витязь, незвычайный уклоняти ся ôтъ опасностіи, попалъ ся Печенѣгамъ въ руки. Тіи убили князя и бôльшую часть дружины его р. 972. Свѣнолдъ съ малою другою частію вымкнулъ ся щастливо изъ засаженои сѣти, продеръ ся черезъ заступы того дикого народа и съ печальнымъ сердцемъ повернулъ до Кіева 972 року. Святославъ, выхованый воеводою Асмудомъ, пребывалъ бôльшую часть свого житя пôдъ голымъ небомъ безъ шатра, сѣдло кôньское было подушкою головѣ его, а звѣряче мясо жареное на угляхъ звычайнымъ его ѣдломъ.

---

15) Chronica Nestoris ut supra pag. 39, „хочю жити въ Переяславци на Дунаи, яко то есть срѣда земли моей, яко ту вься благая съходять ся: отъ Грекъ злато, паволокы, вина, овощове разьноличии, изъ Чехъ же, изъ Угръ сребро и комони, изъ Руси же скора и воскъ, медъ и челядъ."

До сихъ поръ зôставляли Рурикъ и Игорь, каждый зъ нихъ единственого сына, который былъ природнымъ наслѣдникомъ власти и державы ôтцѣвскои. Святославъ зôставилъ трехъ сынôвъ: Ярополка и Олега ôтъ законнои жены, а ôтъ ключницѣ своеи Малуши сына Володимира. По норманьскому обычаю всѣ сыны великого князя мали право на удѣлъ. Удѣлъ ставалъ ся собственностію того потомкôвъ. Отношенье удѣльныхъ князей до себе и до великого князя не были еще близше опредѣленіи. Святославъ слѣдовалъ тому обычаю норманьскому еще передъ остатнимъ походомъ своимъ въ Булгарію 969 або 970 року; ôнъ призначилъ Ярополку Кіевъ и всю землю на лѣвôй сторонѣ Днѣпра а Олегу землю Деревляньскую вразъ съ прочими областями на правôй сторонѣ Днѣпра ажь по горы Карпатскіи. Первую побудку до того роздѣлу дали князю желаня Новгородчанъ. Новгородцѣ намовленіи Добрынею молили Святослава, щобы имъ далъ за князя Володимира[16]). Кіевляне желали такожь присутства князя тымъ усерднѣйше, понеже Печенѣги Кіевлянамъ загражали. Святославъ нехотѣлъ зôставати въ Кіевѣ; неутомима жажда славы понужала его на югъ подвигати ся. Однакожь ôнъ не мôгъ зôставляти Печенѣгами загроженого Кіева безъ защиты при настоячой смерти матере своеи. Святославъ призналъ справедливіи желаня Кіевлянъ и исполнилъ ихъ стôлько, що имъ вмѣсто себе сына Ярополка въ князя поставилъ. Олегу ôтдалъ землю Деревляньскую, Володимира же ôтпустилъ до Новгорода. Володимиръ ôтправилъ ся былъ тамъ съ Добрынею, братомъ матери своеи.

ЯРОПОЛКЪ

По смерти Святослава посварили ся сынове межи собою. При Ярополку пребывалъ Свѣнолдъ служившій отечеству пôдъ кôлькома князями. Стало ся, що коли одного разъ сынъ его Лутъ выйшолъ на ловы въ деревляньскіи лѣсы, стрѣтилъ го тамъ князь Олегъ и убилъ. Свѣнолдъ тымъ оскорбленый пôдмовилъ Ярополка на Олега. Ярополкъ вырушилъ противу Олега ратію въ поле, побѣдилъ его и погналъ за нимъ въ Овручь. Олегъ при входѣ въ сей городъ упалъ зъ моста въ рôвъ, приваленъ былъ тѣлами коней и людей, и удусилъ ся. Ярополкъ завладѣлъ заразъ землями его.

Обычаи норманскіи вкорѣняли ся черезъ князей варяжского племени въ руское общество. Такъ н. пр. убилъ Олегъ Свѣнолдового сына Лута зъ причины, що той налѣзъ и ползовалъ ся звѣринною ловлею въ лѣсахъ и областяхъ изключно на ловища князю Олегу опредѣленыхъ. Право о ловищахъ было у Норманъ дуже строгое и карало въ многихъ случаяхъ смертію або утратою членôвъ тыхъ, которіи тое переступали. Такъ и месть родовая незнана словяньскимъ племенамъ найшла въ настоячое

---

[16]) Chronica Nestoris ut supra pag. 40. „и рѣша Новградьци Святославу: вѣдай ны Владимѣра.“

Володимиръ время полное употребленье. Володимиръ зъ Новгорода постановилъ ôтмстити насильну смерть брата Олега. Ôнъ побѣгъ, здае ся за намовою Добрынѣ въ Скандинавію, привелъ съ собою свѣжіи заступы Варягъ, пустилъ ся на югъ, и обладѣлъ Полоцкомъ. Тутъ умертвилъ князя тамошного Рогволда, похитилъ доньку его Рогнѣду, обручену Ярополкови, приспѣлъ по тому къ Кіеву, и осадилъ Ярополка въ Кіевѣ. Ярополкъ уйшолъ былъ зъ Кіева до Родна, но тутъ по совѣту своего дорадчика Блуда (бо Свѣнолдъ здае ся не долго передъ тымъ умеръ) измѣнившого тайкомъ князю своему, ôтдалъ ся въ руки Володимиру, который въ теремѣ ôтцѣвского княжеского двôрця велѣлъ го умертвити р. 980.

Есть мнѣніе[17]), що Блудъ и Добрыня были приверженцями идолопоклоньства, що оба пôзнѣйшіи князѣ Олегъ и Ярополкъ спріяли Христіаньству, що умертвленьемъ Ярополка угорченіи Христіане Кіевскіи грозили отвертымъ мятежемъ и що Володимиръ для убезпеченя владѣня своего языческую партію пôдкрѣпити намѣрилъ. Про то Володимиръ въ Кіевѣ а Добрыня въ Новгородѣ ôтновили кумиры и возстановили жертвоприношеня. Нарôдъ, бояре и старцѣ Кіевскіи совѣтовали о дѣлахъ угодныхъ идоламъ. Сынъ Христіанина Варяга зôсталъ жребіемъ призначеный на жертву кровную богамъ. Отець не повиновалъ ся тому, но взялъ сына въ оборону и всенародно сталъ доводити, що идолы не боги но мертвое дерево.[18]). Розлютившая ся тымъ толпа Кіевлянъ розвалила дôмъ, въ котрôмъ затворилъ ся былъ сынъ и отець и умертвила стѣнами ихъ обохъ. — Есть также мнѣніе[19]), що реченый Варягъ отець былъ якимъ то важнымъ партіи идолопоклоньства опаснымъ противникомъ. Варяги покликани Володимиромъ зъ за моря до помочи, помогли ему были побѣдити брата; но за тое домагали ся надгороды и дѣлали жителямъ насиліе. Они пôдкрѣпляли также елементъ варяжскій и спиняли цѣлковиту смѣсь варяжского пануючого рода съ елементомъ словяньскимъ. Неспокôйство новыхъ прибышôвъ ставало ся вредливымъ новому общественному порядку. Тому постановилъ Володимиръ завôзваныхъ тыхъ Варягôвъ позбути ся; лучшимъ зъ нихъ пороздавалъ городы[20]), другихъ же ôтослалъ въ Грецію съ тайною просьбою до Царя бизантійского, щобы ихъ до службы своей принялъ и имъ въ Русь назадъ вертати недозволилъ. Володимиръ уладивши ся дома вступилъ въ слѣды Святослава. Гдекоторіи городы и племена еще

---

[17]) Зубрицкаго исторія галичскаго княжества. Т. I. с. 163. 164

[18]) Chronica Nestoris ut. s. pag.

[19]) Зубрицкаго Исторія Т. I. стор. 167.

[20]) Chronica Nestoris ut s. pag. 46. избра отъ нихъ мужа добры, съмысльны и храбры, и раздая имъ грады.“

въ время слабосильного Игоря, або въ время подвигôвъ Святослава на Булгарію и Грецію отлучилися были ôтъ рускои державы и ôтъ средоточія еи Кіева. Именно Вятичѣ и Радимичѣ перестали были повинную дань платити. Такъ н. пр. и Полоцкъ отôрвалъ ся былъ и принялъ собѣ за князя пришедшого зъ за моря Рогволда. Городы Червень и Перемышль завоеваніи зôстали сусѣдними Ляхами, которіи уже въ бôльшую державу (Польщу) были соединили ся. Также Хорваты были въ продолженіи правленя Володимира ôтъ него ôтлучили ся. Володимиръ завладѣлъ Полоцкомъ еще тогды, коли на пути зъ Новгорода къ Кіеву напротивъ брату своему Ярополку ратію ишолъ. Тогды убилъ ôнъ Рогволда, оженилъ ся съ Рогнѣдою, обручницею брата Ярополка, и присовокупилъ Полоцкъ къ своему владѣню. Року 981 предпріялъ Володимѣръ походъ на Ляхôвъ и завладѣлъ Червенемъ[21]), Перемышлемъ и многими иными въ рукахъ Ляхôвъ находячими ся городами; въ лѣтахъ 981 и 982 ходилъ ратію на збурившихъ ся Вятичей и Радимичей, и покорилъ снова тіи лядскіи племена; въ р. 992 направилъ свôй походъ на Хорватôвъ, которіи збуривши ся плаченье повинной дани были ôтказали. Володимиръ смирилъ ихъ оружіемъ и такъ востановилъ власть Рурикового рода надъ всѣми племенами, которіи уже предкамъ его повиновали ся. Володимиръ воевалъ такожь съ посторонными народами. Въ лѣтахъ 881 — 882 ходилъ ôнъ на Ятвягъ, поселеныхъ вздолжь западного Буга и загорнулъ землѣ того племени ажь по за Дрогичинъ и Брестъ, не далеко лядского города Люблина. Року 885 ходилъ съ Добрынею на лодяхъ противу Булгарôвъ камскихъ на Волзѣ побѣдилъ ихъ и заключилъ съ ними миръ. Въ року 988 ôтправилъ ся на лодяхъ низъ Днѣпромъ до Крима, которая то область хазарскимъ Ханамъ пôдвластна, по розореню хазарского престола въ Саркелю надъ Волгою, пôдъ верховною властію бизантійскихъ императорôвъ пребывала. Володимиръ взялъ стольный городъ тои области Корсунь насиліемъ, и увѣзъ дорогоцѣнніи утворы церковніи и произведеня греческого искуства, два мѣдяніи болваны, четыры мѣдяніи конѣ и пр. Володимиръ зажелалъ ôтъ верховного пана херзоньскои области, императорôвъ бизантійскихъ, братей Василія и Константина, сестру ихъ Анну собѣ за жену. Императоры согласились

---

[21]) Покойный Ходаковскій въ статіи: „Пути сообщенія древнои Россіи, напечатанôй въ рускôмъ историческôмъ сборнику въ Москвѣ Т. I. ст. 10. 1837." утвержае, що Бужане западніи або Волынцѣ проживали въ независимости ажь до року 981. Въ тôмъ року Володимиръ взялъ городъ ихъ Волынь, лежачій при устіи рѣки Гучвы, которого обширный валъ съ особеннымъ городкомъ словяньскимъ и съ множествомъ могилъ внутри того вала и на восточнôй сторонѣ Буга видни по сію пору. Основанье города Володимиря на рѣцѣ Лузѣ, прозваного по имени сего великого князя, было вѣроятно слѣдствомъ упадку древнои Волыни, жестоко укараной може быти за упорное супротивленье. —

пôдъ тымъ однымъ условіемъ, щобы Володимиръ покинулъ идолослуженѣ. и крестилъ ся. Володимиръ исполнилъ предлогъ бизантійскихъ императорôвъ и принялъ вѣру Христовую въ завоеванôмъ собою городѣ Херсонѣ. Тогды прислали Императоры Володимиру сестру свою Анну, которую ôнъ собѣ за жену поялъ. Херсонъ вернулъ греческимъ императорамъ, а заключеный миръ съ бизантійскою имперіею заховалъ ажь до кôнця житя свого. Еще передъ походомъ въ Корсунь поколебалъ ся былъ Володимиръ въ идолопоклоньствѣ. Ôнъ вразъ съ высшимъ сословіемъ руского народа, боярами и старцями совѣтовалъ, котору бы вѣру вмѣсто язычества приняти подобало. Князь, бояре и старцѣ испытавши всѣ въ тыхъ часахъ употребленіи богослуженя убѣдили ся о истинѣ вѣры Христовои, понравили собѣ лѣпоту восточного обряда и рѣшились приняти греческое вѣроисповѣданье. Тое передусовѣтованое намѣренье въ Корсунѣ исполнило ся. Князю послѣдовали бояры и крестились въ Корсунѣ; примѣру князя и дружины его послѣдовалъ весь нарôдъ. По поворотѣ князя до Кіева громадилъ ся на приказъ его нарôдъ толпами надъ береги Днѣпра, погружалъ ся въ воду и принималъ зъ рукъ херзоньскихъ и греческихъ священикôвъ прибывшихъ въ тôй цѣли до Кіева св. крещенье 988 року.[22]). Ôтъ тыхъ временъ душа Володимира ôтродила ся. Ôнъ покинулъ жестокôсть, принялъ милосердіе, повергъ злобу, обвлѣкъ ся любовю, оставилъ гибельніи зачепніи рати, провадилъ войны лишь ради защищеня цѣлости и обеспеченя своей державы передъ внѣшними непріятелями, и прочую часть жизни своей посвятилъ внутренимъ дѣламъ и благоустройству Руси. Володимиръ уничтожилъ кумиры, розпросторонялъ вѣру Христову, созидалъ церкви по городахъ и областяхъ Руси именно основалъ ôнъ церковь св. Василя и св. Богородицѣ въ Кіевѣ. Основалъ такожь училища, опредѣлилъ доходы церквамъ, и призначилъ десятину зъ доходôвъ городскихъ для удержаня церкви св. Богородицѣ и еи служителей въ Кіевѣ. Щобы край передъ свирѣпыми Печенѣгами убезпечити, закладалъ городы по Деснѣ, Острѣ, Сули, Стугнѣ, Трубежи и на Ирпени[23]). Оборонительну вôйну провадилъ Володимиръ съ Печенѣгами въ лѣтахъ 996 и 997 пôдъ Переяславомъ, Кіевомъ и Василевомъ, бôльшію частію безъ успѣшно, зъ причины, що князь ôтклонилъ ся ôтъ военныхъ дѣлъ, воины его порозходили ся и не было ни воинôвъ, ни коней, ни оружія у него. Тымъ осмѣленіи злобивіи люди розпочали дѣлати въ краю насилія и розбои. Епископы и старшина совѣтовались о состоянію краю, упоминали князя, щобы въ цѣли защищеня краю выступилъ по званію своему противъ безбожникамъ и перекоротилъ карами беззаконье. По совѣту тыхъ мужей кара смерти замѣнена зôстала на вы-

[22]) Chronica Nestoris ut supra pag. 71. 72.

[23]) Chronica Nestoris ut supra pag. 74.

сокіи кары грошевіи а грошѣ тымъ способомъ приобрѣтени, призначени были на покупъ оружія и коней. Въ прочемъ заховалъ Володимиръ миръ съ сусѣдами, съ королемъ польскимъ и ческимъ Болеславомъ и королемъ угорскимъ Стефаномъ.

Володимиръ роздѣлилъ землю по норманьскому обычаю межи 12 сынôвъ своихъ, котріи должни были давати дани въ ôтцѣвскую касу. Новгородцѣ задумали ôтлучити ся ôтъ великого князя и дань платити ôтказали. Ярославъ станулъ вразъ съ Новгородцями, призвалъ Норманъ и готовилъ ся къ войнѣ противу ôтця. Окрôмъ того нападъ Печенѣгôвъ на рускую землю опечалилъ Володимира въ послѣднихъ лѣтахъ жизни его. Володимиръ пôслалъ противъ Печенѣгôвъ сына своего Глѣба съ кіевскимъ полкомъ, а самъ готовилъ ся на рать противу сына; но въ тôмъ заскочила го смерть року 1015.

Князь сей переобразивши себе крещеньемъ, потерялъ по крещеню свôй богатырскій характеръ и оставилъ военну жизнь, но мѣсто того добрыми учрежденями заслужилъ собѣ на благодарнôсть Руси, а крещеньемъ руского народа достигнулъ приналежитое мѣстце въ числѣ угодникôвъ божихъ.

Сынове Володимира заняли свои удѣлы еще передъ смертію ôтця. Межи иными княжили: Святославъ въ земли Деревляньскôй, Всеволодъ въ Володимирѣ Волыньскôмъ, къ чему по всей вѣроятности присовокуплении были и пôдкарпатскіи Хорваты и области надъ Саномъ и надъ Днѣстромъ; Глѣбъ въ Муромѣ, Борысъ въ Ростовѣ, Ярославъ въ Новгородѣ, Святополкъ въ Туровѣ и проч. Скоро по смерти ôтця закипѣла вражда межи братьми. Володимиръ отецъ ихъ, убивши Ярополка (якъ мы о тôмъ высше сказали) поялъ уже непразну жену его собѣ за жену, и тая родила сына Святополка. [24]) Святополкъ былъ оже не сыномъ Володимира, но Ярополка. Того Святополка оженилъ Володимиръ съ дочерею Болеслава Хороброго, князя польского. Володимиръ умираючи, вѣдай не опредѣлилъ, кто по его смерти на велико-княжескôмъ престолѣ въ Кіевѣ засѣсти малъ. Право на той престолъ, по древному обычаю норманьскому приналежало найстаршому съ братій або сынôвъ умершого князя. Святополкъ, яко найстаршій въ родѣ, упередилъ рôдного сына Володимира, Ярослава и засѣлъ чимъ скорше на осироченомъ тронѣ Володимира. Сей

СВЯТОПОЛКЪ

властолюбивый князь, щобы ôтсторонити всѣхъ прочихъ сынôвъ Володимра ôтъ опасного ему соперничества, будучи при смерти Володимира въ Кіевѣ, утаилъ смерть его, созвалъ бра-

---

[24]) Chronica Nestoris pag. 46 „Владимѣръ же залеже жену братню Грекыню, и бѣ непраздна, отъ неяже роди ся Сватополкъ, отъ корени же безплоднаго золъ плодъ бываетъ.“

тій, нѣбы въ имени ôтця до Кіева, щобы послухали послѣдню волю ôтця, но тутъ поубивалъ обманеныхъ князей, именно: Глѣба и Борыса на дорозѣ до Кіева, и былъ бы и прочихъ поубивалъ, еслибы сестра ихъ Предслава еще завчасно о злобнôмъ намѣреніи Святополка не была братей упередила и передъ ставлеными сѣтями на житье ихъ не остерегла.

Есть мнѣніе, [25]) що въ тôмъ времени умеръ Всеволодъ Волыньскій, и що Святославъ присовокупилъ область до своей власти. Владѣлъ оже Святославъ Деревлянами, Волынемъ и Хорваціею. Святополкъ вырушилъ противу Святославу въ поле и побѣдилъ его. Побѣженый Святославъ пустилъ ся на югъ черезъ Карпаты въ Угры, но на дорозѣ захваченъ Святополкомъ, зôсталъ на поли коло Синовôдска убитый, где увѣкопомнило преданье память того событія прозываючи досегодне мѣстце, где убійство собыло ся, долиною Святослава.

ЯРОСЛАВЪ

Ярославъ новгородскій выступилъ яко мститель убитыхъ братій за помочію Новгородчанъ и призваныхъ зъ за моря Варягôвъ. Святополкъ зъ своеи стороны призвалъ Печенѣгôвъ. Печенѣгамъ тіи усобицѣ были дуже угодніи и они готовіи были помагати которому нибудь зъ спорячихъ братей уже для того, щобы спорами братей земля руска ослабѣла. Братя сразили ся у Любеча. Святополкъ зôсталъ розбитый и бѣжалъ до тестя своего Болеслава Хороброго до Польщи. Болеславъ вступилъ ся за Святополка року 1018, поразилъ Ярослава на берегахъ Буга, завладѣлъ Кіевомъ, и посадилъ зновъ на велико-княжескôмъ престолѣ въ Кіевѣ зятя свого Святополка. Ярославъ побѣдженый удалилъ ся до Новгорода. Вертаючи до дому, возпользовалъ ся князь Болеславъ межи усобицею князей рускихъ и завладѣлъ городами Червенемъ, Перемышлемъ, Белзомъ и прочими червеньскими городами, [26]) которіи еще ôтъ временъ Володимира (881) къ Руси приналежали.

Скоро Болеславъ въ Полщу ôтдалилъ ся, Ярославъ за помочію Новгородцей и вѣроятно своей партіи въ Кіевѣ, прогналъ Святополка зъ Кіева. Святополкъ бѣжалъ вторично до Печенѣгôвъ и вспоможеный ôтъ того народа сражалъ ся съ Ярославомъ на берегахъ Алты, однакожь былъ пораженъ, бѣжалъ вонъ зъ отечества и уже бôльше не повернулъ. Въ слѣдство тои побѣды завладѣлъ Ярославъ Кіевомъ. Не задолго по тôмъ, бо въ року 1026 выступилъ противъ Ярославу братъ его Мстиславъ Тмутороканьскій, побѣдилъ его у рѣки Руды близь Листвина и принудилъ го ôтступити ему уговоромъ всю часть Руси лежачу по лѣвôй сторонѣ Днѣпра съ головнымъ городомъ тыхъ заднѣпровскихъ сторонъ Черниговомъ.

---

[25]) Зубрицкого Исторіа Галичского княжества. Т. II. ст. 5.

[26]) Chronica Nestoris u. s. pag. 89. „Болеславъ же побѣже изъ Кіева вземъ имѣніе и боляры Ярославля и сестрѣ его, и людей множьство веде съ собою, и грады червеньскія зая себѣ.“

Ôттакъ жили и дѣйствовали оба братя Ярославъ и Мстиславъ въ мирѣ и согласіи. За 10 лѣтъ умеръ Мстиславъ а Ярославъ загорнулъ цѣлый удѣлъ его. Съ временемъ и прочіи братя Ярослава померли бездѣтно. Зôстала ся была еще побочна линія по сыну Володимира Великого и несчастной Рогнѣды, въ Полоцку Брячеславъ Изъяславичь. Той пôслалъ на Новгородъ рать. Ярославъ розбилъ его, однакожь примирилъ ся съ нимъ, а для лучшого утверженя мира ôтступилъ му кôлька городôвъ. Брячеславъ по всей вѣроятности узнавалъ такожь верховную власть Ярослава. Въ прочемъ соединилъ былъ Ярославъ еще разъ всю Русь въ одни руки. Усталивши ся на тронѣ, предпринималъ Ярославъ побѣдоносніи походы противъ сосѣдуючихъ племенъ и народôвъ. Въ року 1030 занялъ Ярославъ Белзъ, въ року 1031 ôнъ и жившій еще тогда братъ его Мстиславъ потрясли оружіемъ Мечислава II. короля польского, въ слѣдъ чего Мечиславъ завоеваніи Болеславомъ Червеньскіи городы назадъ звернулъ. Печенѣгôвъ сила зôстала такожь черезъ Ярослава зломана; въ роцѣ 1036 ôтнѣсъ Ярославъ около Кіева надъ Печенѣгами побѣду. [27]) За Печенѣгами поступали Половцѣ, и не долго по Ярославѣ розложили ся на Печенѣгами передже занятыхъ обшарахъ. Въ року 1038 воевалъ Ярославъ Ятвягъ (въ гродненьской губерніи), въ року 1040 побѣдилъ Литву, въ 1041 помагалъ князю Казимиру утомити мятежь въ Мазовіи и обручилъ тому князю сестру Марію. Въ року 1042 убито въ Царгородѣ якого то знатного Русина. Ярославъ пôслалъ сына Володимира съ сильнымъ отрядомъ войска въ Грецію противу Константину Мономаху. Руское войско ôтнесло побѣду, почемъ заключенъ былъ миръ съ Греками на рôвныхъ условіяхъ. [28])

Розширивши предѣлы на всѣ стороны довольно, занялъ ся Ярославъ внутренными дѣлами. Ôнъ обвелъ Кіевъ камѣнными стѣнами, построилъ золотіи ворота, и опредѣлилъ закономъ „Правдою рускою" устройство Рускои державы. Ôнъ означилъ такожь точно становище церкви въ державѣ, основалъ церкви, именно построилъ Софійскую церковь въ Кіевѣ, избралъ митрополита, умножилъ число епископôвъ и основалъ училище въ Новгородѣ на 300 дѣтей. Ярославъ строилъ городы на Роси (поселяючи тамъ плѣненыхъ Ляхôвъ) для встримованя нападôвъ Печенѣгôвъ еще тогды, нижели сила того народа зôстала знищена.

Просторонь земель зôстававшая пôдъ владѣньемъ его, граничила на пôлнôчь о финскій заливъ, на полудне о Прутъ и Карпаты, жерела Ин-

---

[27]) Chronica Nestoris pag. 92. Въ лѣто 6538 „Ярославъ Белзъ взялъ;' въ лѣто 6539 „Ярославъ и Мстиславъ събраста воя многы идоста на Ляхы и заяста грады червеньскыя опять, и повоеваста лядскую землю, и многы Ляхы приведоста, и раздѣлиста я, и постави Ярославъ своя по Роси и суть до сего дьне."

[28]) Chronica Nestoris pag. 93.

гула, Медведицѣ и пороговъ Днѣпра. Побереже чорного моря занима.. Печенѣги, а не долго по ихъ истребленю Половцѣ. На западъ творили границю рѣки Санъ, Вислока и Бугъ, на востокъ сягали предѣлы до Волги и Ворскли. По остатній разъ соединени зôстаютъ всѣ на сѣверѣ и югозападѣ поселившіи ся словяньско-рускіи племена въ рукахъ одного владѣтеля Ярослава, предѣлы старинной Руси ôттогды уже дальше не розширили ся. Племена, съ которыхъ складалась такъ просторонна держава, не приступили доброволно къ тому державному составу, они были присоединени Варягами за помочію оружія и дани, съ изъятіемъ Словѣнъ надъ Ильменомъ, которіи доброволно призвали князей зъ роду варяжского. Навѣть обѣ первѣстніи части рускои державы, Кіевъ и Новгородъ за помочію призваныхъ зъ Скандинавіи Варяговъ два разы въ рукахъ одного владѣтеля въ одну цѣлость зôстали соединени. Такъ Володимиръ за помочію Варягъ побѣдилъ брата своего, Кіевского князя Ярополка. Такъ Ярославъ за помочію Варягъ изгналъ Святополка зъ Кіева и подобно Володимиру соединилъ Новгородъ и Кіевъ съ пôдвластными областями. Варяги прибывшіи съ Рурикомъ и его братями умножали-сь новыми прибывшими зъ Скандинавіи. Князѣ платили имъ дань за военну услугу, а скоро Варяги не отримали ожиданои платы, тогды творили пакости и мирнымъ жителямъ ôтбирали имѣнье. Ярославъ заперечилъ имъ разъ на всегда платежь дани и отъ того времени князѣ рускіи Варяговъ не призывали. Отколи уже князѣ перестали призывати и принимати Варягъ зъ за моря, оже ôтколи тіи не подкрѣпляли и неживили уже характеръ поселившего ся на Руси варяжского елемента, ôттогды народный характеръ варяжскій потерялъ ся а языкъ ихъ згубилъ ся и зôсталъ заступленый словяньскимъ, а днесь лишь гдеякіи топографичніи и личніи имена и иніи худіи останки ихъ языка въ правдѣ Рускôй свѣдчатъ о древнôй историческôй бытности ихъ на Руси. Уже за первыхъ князей вступали знамените люде словяньского происхоженя обôчь Варягъ въ службу князя и занимали нарочитіи мѣстця при боку и въ числѣ его дружины. Такъ н. пр. встрѣчаемъ при боку Володимира вуя его Добрыню, при боку Ярополка измѣнника Блуда. [29]) Число тыхъ нарочитыхъ служителей и людей словяньского племени въ дружинѣ князя для недостатку людей варяжского происхоженя съ временемъ умножало ся. Варяги бояре и Варяги князѣ смѣшиваютъ ся съ Словянами, а цѣлое высшое сословіе на Руси ознаменовало ся однымъ словяньско-рускимъ характеромъ. Съ звычаемъ занесенымъ Варягами на Русь родовая месть еще позôстала. Если бы она была вкорѣнила ся въ всѣхъ своихъ послѣдствахъ, ново устроеное державное общество безъ сомнѣнія было бы розвязало ся. Про то обмежилъ

---

[29]) Chronica Nestoris pag. 95.

мудрый Ярославъ звычай родовой мести на смертиубійство, а даже месть за убійство позволилъ лишь найблизшимъ сродникамъ, на прочіи же переступленя опредѣлилъ по достоинству грошевую кару, которая родственнику обиженого платила ся.

Новоустроеное паньство руское не творило цѣлости сосередоточенои (сконцентрованои) въ нынѣшнѣмъ значеню того слова. Рускіи землѣ находили ся по Володимирѣ вторый разъ лишь случайно въ рукахъ одного владѣтеля Ярослава. Мы видѣли, що уже Святославъ подѣлилъ былъ Русь межи трехъ сыно̂въ своихъ, Володимиръ подѣлилъ ю межи 12, а Ярославъ снова межи 5 сыновъ и отъ того времени продолжали ся дѣлежи руского краю межи члены княжескои родины черезъ цѣлое время исторіи древнои Руси. Братя строго наблюдали мысль о ро̂вноправности, удѣльный князь уважалъ ся ро̂внымъ другому зъ того самого поколѣня происходячому удѣльному князю. Князь старшій въ родѣ былъ головою родины и прозывалъ ся Великимъ княземъ. О̂нъ резидовалъ въ Кіевѣ и владѣлъ такожь однымъ удѣломъ. Съѣзды князей рѣшали споры межи князями, мирили, судили и опредѣляли кары. Великій князь впроважалъ рѣшеня княжескихъ съѣздо̂въ въ дѣйство; однакожь часто встрѣчаемъ, що поединчіи князѣ удѣльніи не повинуютъ ся рѣшеніямъ съѣздовъ княжескихъ и даже великому князю впроважаючому тіи рѣшенія въ дѣйство, съ оружіемъ въ руцѣ супротивляютъ ся. Великій князь по̂длягалъ соньму князей удѣльныхъ.[29]) Въ прочемъ удѣльніи князѣ не были обовязаніи Великому князю дани платити. Великій князь малъ право сзывати съѣзды, жадати о̂тъ удѣльныхъ князей по̂дпомоги ратію и участія въ военныхъ подвигахъ въ случаю, если вороги внѣшніи вспо̂льное отечество ихъ загрожали. Такъ н. пр. являютъ ся рускіи князѣ совокупно въ борбѣ съ Половцями, а въ XIII. вѣцѣ въ борбѣ съ Монголами. Хотя тогды уже кіевскій Велико-княжескій престолъ упалъ, удѣльная система значительно обезсилила ся и гдекотріи удѣлы, укрѣплени при поединчихъ родахъ, въ самостоятельніи княжества перемѣнили-сь.

Руская земля уважала ся вспо̂льнымъ достояньемъ цѣлого рода. Удѣлъ не мо̂гъ быти по законѣ о̂тнятый у надѣленого нимъ князя ажь до смерти. Но часто ставало ся, що Великій князь новый, наслѣдившій умершому предшественику своему по старшиньствѣ въ родѣ, изганялъ князей, которіи еще предшествеником его были надѣленіи удѣлами. Молодшое племя т. е. сыны братей надѣленыхъ удѣлами, по смерти о̂тцей своихъ не мали

---

[29]) Chronica Nestoris p. 167. „Владимѣру же съ вои стоящу въ бору, Владимѣръ и Давыдъ и Ольгъ послаша мужа своя, глаголюще къ Святополку (Великому князю): Чьто се зъло сътворилъ еси въ русьстѣй земли и вьверглъ еси ножь въ ны? чему еси ослѣпилъ братъ свой? аще ти бы вина кая была нань, обличилъбы и прѣдъ нами, и упрѣвъ и сътворилъ ему.“

права на удѣлы такъ долго, поки старшое племя не угасло. Они часто возбороняли уступити ся зъ земель, где князями якъ ôтцѣ остояли ся при удѣлахъ, замѣняли тіи въ батькôвщины и передавали своимъ потомкамъ въ наслѣдіе. На конець дѣлежь часто былъ нерôвный, съ чого родились споры о границѣ; бывало такожь що, удѣльніи князѣ, братя съ сынами умершого великого князя межи собою о великокняжескій престолъ въ Кіевѣ спорили, ба даже Великого князя зъ Кіева проганяли. Зъ наведеныхъ причинъ повставали межиусобицѣ, а съѣзды князей умолкали. Пристрастне было розъяренье одныхъ князей на другихъ. Вела ся внутренняя борба, которая въ продолженю многихъ столѣтій силы древной Руси пожирала. Тую борбу порôвнуютъ съ борбою поколѣнь и часточныхъ паньствъ въ Греціи. Борбы межиусобніи въ древнôй Руси рѣшались оружіемъ дружины княжескои и участвовали въ нихъ лишь тіи бôльшіи городы, въ которыхъ пановали и обитали спорячіи князѣ, и зъ которыхъ взаимно проганяли ся. Бôльшая часть народа въ тыхъ спорахъ не брала жадного участія. Прото сказуютъ, що межиусобицѣ не уничтожали цвѣтучого состояня тогдашнои Руси, но противно приводили ôтдаленіи стороны просторонныхъ земель рускихъ въ близшую стычнôсть. Князь зъ ôтдаленыхъ сѣверныхъ сторонъ засѣдалъ часто на якôмъ то удѣлѣ южнои Руси. Бояре надъильменьскихъ сѣверныхъ або восточныхъ наддніпрôвскихъ сторонъ познакомляли ся съ боярами удѣлôвъ южнорускихъ, взаимнôсть въ сношеніяхъ, однообразіе въ способѣ зрѣнія и въ обычаяхъ высшого сословія, все тое было для древнои Руси лише съ пожиткомъ. Князѣ удѣльніи, щобы отримали ся при якôмъ удѣлѣ, строили собѣ и своимъ дѣтямъ крѣпости и зозидали городы. Внутрь своего удѣлу малъ удѣльный князь всѣ права якого нибудь суверена. Ôнъ окруженъ былъ боярами и дружиною такъ, якъ и Великій князь, совѣтовалъ съ ними надъ важными краевыми дѣлами, о войнѣ и мирѣ, о союзахъ и враждѣ съ иносторонными племенами, або съ прилежащими братними рускими княжествами. Удѣльный князь производилъ найвысшій судъ надъ всѣми своими пôддаными, розпоряжалъ урядами, достоинствами и недвижимыми имѣніями, роздавалъ городы и села за воиньскіи заслуги въ прокормленье, доводилъ собственными военными полками и т. д. Дѣти бояръ творили молодшую дружину князя, которую князѣ може быти удѣльніи своимъ родственикамъ або сынамъ, або нарочитымъ мужамъ повѣряли.

Значительное становище занимали важнѣйшіи городы въ рускôй земли именно: Новгородъ, Кіевъ, Псковъ, Полоцкъ, Стародубъ и проч.

Въ Новгородѣ сохранило ся давное городское устройство еще найвѣрнѣйше. Важніи справы городскіи рѣшали ся на вѣчахъ, т. е. собраняхъ горожанъ. Горожане скликовали ся на вѣче великимъ звономъ, построенымъ въ той цѣли при якôмъ то головнôмъ храмѣ. Вѣче избирало тивунôвъ, де-

сятскихъ, сотскихъ и прочихъ урядникôвъ города. Тивунъ председалъ вѣчу. Вѣчи судили тивуна и прочихъ урядникôвъ. Ярославъ поставилъ Новгородъ на ровнѣ съ Кіевомъ, затвердивши свободу города льготными грамотами. Уже при Володимирѣ грозили Новгородцѣ, що собѣ изберутъ иного князя, если ôнъ не пришле имъ сына. Пôзнѣйше избираютъ собѣ Новгородцѣ сами князя, повѣряютъ му военачальство и защиту города передъ непріятелями, вызначаютъ му пригородки на утриманье, не дозволяютъ му жадного влiянiя на внутренни дѣла города, а если онъ по ихъ воли не дѣлалъ, проганяютъ го и выбираютъ иного князя. Подôбно Новгородцямъ и Кіевляне совѣтуютъ на вѣчахъ и выбираютъ тивуна, и въ время межиусобиць росполагаютъ великокняжескимъ престоломъ, однакожь свобода города Кіева не могла розвинутись до того степени, якъ въ Новгородѣ. В. кназѣ уважали вмѣшеванье ся Кіевлянъ въ справы престола Великихъ князей яко мятежь и строго вязницею, утратою очей, а наветъ смертiю за такое дѣло казнили. Въ якôмъ отношеню стояли старшiи кназѣ къ молодшимъ, старшая дружина къ молодшôй, въ такôмъ отношеню стояли такожь старшiи городы къ молодшимъ своимъ колонiямъ, котрiи пригородками прозывали ся. Молодша дружина и князѣ должни были исполняти то, що старши кназѣ и старшая дружина рѣшили. Пригородки должни были повиновати ся тому, що вѣче, або народное собранiе въ головнôмъ и старшôмъ городѣ рѣшило. Жителѣ бôльшихъ городôвъ дѣлили ся на сословiя, именно: гостей т. е. чужосторонныхъ купцѣвъ провадячихъ торговлю съ заграничiемъ и купцѣвъ туземныхъ, провадячихъ торговлю внутрь предѣлôвъ Руси. Мелкiи ремѣсники творили клясу горожанъ пôдъ названьемъ Чорныхъ людей. Окрôмъ того перебывали въ городахъ бояре, построившiи собѣ въ нихъ жилища и посѣдателѣ просторонныхъ земскихъ имѣнiй, рôвняючiи ся достоинствомъ боярамъ, т. е. огнищане. Потому розпадалъ ся цѣлый нарôдъ по вышь помянутымъ клясамъ, на бояръ огнищанъ, купцей и проч. Прочiй нарôдъ по селахъ або коло городôвъ обраблялъ рôлю. Селяне-хлопы прозывали ся такожь смердами. Не знано намъ есть право смердôвъ до земель, которiи обрабляли. Чи смерды были полными властителями меншихъ парцелiй, ними обрабляныхъ, чи нѣтъ, то на всякiй случай свободою личною пользовали ся, про то розличити ихъ належитъ ôтъ рабôвъ або невôльникôвъ: челядникôвъ. Тыми ставали ся люде плѣнени на ратехъ, не выкупившiи ся должники и не могшiи платити долгъ свôй, дѣти невôльникôвъ, або люде запродавшiи свою личную свободу другимъ.

Въ прочемъ В. князѣ созывали часомъ удѣльныхъ князей на раду разомъ съ боярами, старцями, мужами городскими города Кіева, съ митрополитомъ, епископами и игуменами, и совѣтовали на такôмъ соборѣ въ справахъ тычащихъ ся общого порядку Руси.

Справами церковными управлялъ митрополитъ, который обиталъ въ Кіевѣ. Митрополитъ узнавалъ верховну власть царгородского патріарха, котрый однакожь не мôгъ вмѣшивати-сь безпосередно въ дѣла церковніи рускихъ епархій. Ярославъ избралъ вразъ съ епископами митрополита Иларіона. [30]) Епископôвъ выбирали князѣ удѣльніи вразъ съ своими горожанами, боярами и ереями, митрополитъ же потвержалъ и посвячалъ избраныхъ епископôвъ. Патріархъ потвержалъ избраного митрополита. Въ пôзнѣйшихъ временахъ князѣ саміи безъ предъидучого народного выбора посылали тыхъ мужей до Царгорода, которыхъ желали мати у себе митрополитами, а патріархи поставляли ихъ на митрополитôвъ. И еще пôзнѣйше часто поставляли патріархи на митрополитôвъ людей греческого произходженя, и посылали ихъ на опорожненый митрополичій столецъ зъ Царгорода до города Кіева.

Въ вѣдомство и зарядъ митрополита и церковного суда въ обще определилъ Ярославъ сопружества, розводы, церковную татьбу и несогласія межи родителями и дѣтьми. Монастырямъ и церквамъ опредѣляли князѣ десятины съ княжескихъ доходôвъ на утриманье; княгинѣ же жертвовали золото и серебро. Князѣ созидали церкви и украшали ихъ дорогоцѣнными, зъ далекихъ сторонъ привезеными и чудотворными иконами. Члены княжеского рода, мужѣ и жены найчастше при кôньци жизни постригали ся въ черницѣ и черницѣ и остатніи лѣта жизни въ монашôмъ супокою проводили. Князѣ рускіи печалили ся о просвѣщенье народа, именно о просвѣщенье священикôвъ, которіи придбавши собѣ науки, свѣтло межи народъ розпростороняли. Мы видѣли, що Володимиръ и Ярославъ устроили въ Кіевѣ училища, а читаемъ также о якôмъ то князю Романѣ, що учителей латинянъ и Грекôвъ своею касою удерживалъ, дабы малъ ученыхъ священикôвъ. [31]) Такъ устроена была Русь въ времена Ярослава. Ярославъ мудрый умеръ року 1054.

ИЗЪЯСЛАВЪ

По Ярославѣ наслѣдилъ Изъяславъ достоинство великого князя вразъ съ обома княжествами Новгородскимъ и Кіевскимъ. Игорь отрималъ Володимирское, Всеволодъ Переяславское, Святославъ Черниговское, Вячеславъ Смоленьское княжество. По смерти Вячеслава отрималъ Игорь Смоленьскъ, а Володимирское княжество взялъ самъ Великій князь Изъяславъ. При дѣленю земель ненадѣлилъ Ярославъ Всеслава Полоцкого и Ростислава сына Володимира. Володимиръ былъ старшимъ сыномъ Ярослава, княжилъ за житя ôтця въ Новгородѣ, доводилъ ратію ôтпосланою Ярославомъ противу Грековъ и преставилъ ся еще передъ смертію ôтця.

---

[30]) Chronica Nestoris pag. 96. „Постави Ярославъ Иларіона митрополитомъ Руси въ святѣй Софіи, събравъ епископы."

[31]) Татищевъ пôдля Зубрицкого исторіи галицкого княжества. Т. I. стор. 106.

Всеславъ былъ сыномъ Брячеслава, сына Изъяслава Володимировича; оже лишилъ ся также по предвчесной смерти ôтця своего, который былъ стрыечнымъ братомъ Ярослава яко молодшій князь т. е. яко принадлежачій къ молодшому поколѣню. Молодшихъ князей выключалъ норманьскій обычай ôтъ удѣлôвъ, поки старшіи не вымерли. И отъ, настала борба: Всеславъ супротивлялъ ся оружіемъ въ руцѣ великому князю, который хотѣлъ выгнати его зъ Полоцка. Ôнъ замышлялъ наветъ завладѣти Новгородомъ, но розбитый Ярославичами зôсталъ плѣненый и въ темницю въ Кіевѣ заключеный. Ростиславъ Володимировичь бѣжалъ съ Вышатою Остромиричемъ, боярскимъ сыномъ зъ Новгорода до Тмуторокана 1054. [32]) Тмуторокань належалъ до удѣла князя Черниговского, Святослава, который владѣнье тои области сыну своему Глѣбу былъ поручилъ. Ростиславъ изгналъ Глѣба и завладѣлъ Тмутороканемъ, но не на долго.

РОСТИСЛАВЪ

Посолъ отъ византійского императора отроилъ Ростислава 1065 р. Судьба Ростислава найшла у Корсунянъ справедливое соучастіе. Корсуняне стоявшіи съ Ростиславомъ въ блисшихъ отношеняхъ, вознегодовали на отравчика и убили го камѣнями. Такъ скôнчилъ ся отець династіи Ростиславичей. Ростиславъ зôставилъ по собѣ трехъ сынôвъ: Рурика, Володаря и Василька.

Тымъ часомъ возникла борба межи старшими братями о Кіевскій престолъ. Изъяславъ былъ програлъ битву съ Половцями на Алтѣ 1068. Побитіи Кіевляне хотѣли другій разъ ударити на Половцей, но Изъяславъ не хотѣлъ. Кіевляне взбунтовали ся, освободили Всеслава Брячиславича заключеного въ темници въ Кіевѣ, и поднесли его на велико-княжескій престолъ. Тогды бѣжалъ Изъяславъ до Польщи до Болеслава Смѣлого. Болеславъ смѣлый былъ сыномъ Казимира и Маріи Володимирôвной, родной сестры Ярослава. За помочію того близкого сродника своего повернулъ Изъяславъ назадъ, прогналъ Всеслава до Полоцка, завладѣлъ Кіевомъ, казнилъ 70 мужей Кіевскихъ смертію, а другихъ ослѣпилъ. Такъ по вторый разъ повертаютъ изгнаніи братіею великіи князѣ, разъ Святополкъ, другій разъ Изъяславъ р. 1068. за помочію польскою на кіевскій престолъ. Ляхи сопровадившіи ихъ были порозставляніи по городахъ и запевно насиловали жителямъ, про що жителѣ негодовали на нихъ и многихъ изъ нихъ позабивали. [33])

Не долго потôмъ братя Святополкъ и Всеволодъ прогнали Изъяслава. Ôттакъ Изъяславъ скиталъ ся по Польщи и Нѣмцяхъ. Святославъ

---

[32]) Chronica Nestoris pag. 101.

[33]) Chronica Nestoris pag. 108. „и разпуща (Изъяславъ) Ляхы на покормъ, и избиваху Ляхы отай, и възвратися въ Ляхы Болеславъ въ землю свою.“ Chronica Nestoris p. 88. „Болеславъ (Хробрый) же въ Кыевѣ сѣдя, окаяный же Святополкъ рече: еликоже Ляховъ по градомъ избивайте я и избиша Ляхы.

СВЯТОСЛАВЪ стал ся Великимъ княземъ и умеръ 1076. Изъяславъ повернулъ назадъ, надалъ Всеволоду область умершого Святослава Черниговъ, и сынови того Володимиру Мономаху Переяславъ, а сынôвъ Святослава: Олега и Романа, яко молодшихъ князей зôставилъ безъ всякого удѣла.

Володимирское княжество ôтдано было Олегу Святославичу въ время княженія на велико-княжескôмъ престолѣ въ Кіевѣ ôтця его Святослава. Знать уже по смерти Святослава, прогналъ Изъяславъ зъ Володимира Олега Святославича. Прото Олегъ и Романъ Святославичѣ, лишеніи ôтцѣвскихъ удѣлôвъ Чернигова и Володимиря, наймаютъ Половцей и Хазаръ, проганяютъ Всеволода зъ Чернигова въ Переяславъ, и такъ той удѣлъ ôтця свого ôтзыскуютъ. За Всеволодомъ вступилъ ся былъ такожь Великій князь Изъяславъ и Володимиръ Мономахъ, сынъ Всеволода, наступило сраженье 1076. Святославичѣ прогрываютъ битву, и бѣжатъ въ Тмуторокань, сіе звычайное убѣжище прогнаныхъ або оскорбленыхъ князей. Однакожь побѣда много стояла князей соединеныхъ. Великій князь Изъяславъ убитъ на мѣстци сраженя, а Всеволодъ вступилъ по немъ яко

ВСЕВОЛОДЪ найстаршій въ родѣ, на престолъ Великого княжества. Всеволодъ ôтдалъ Черниговъ сыну своему Володимиру Мономаху. Прогнаніи Святославичѣ не теряютъ надѣи. Олегъ по смерти брата своего Романа наймае Половцей, и за помочію ихъ проганяе Володимира Мономаха зъ Черниговской области въ Переяславъ, удѣлъ ôтця его р. 1093.

Якъ Святославичѣ за Днѣпромъ, такъ и по той сторонѣ Днѣпра являютъ ся князѣ молодшого поколѣнія, которіи о ôтцѣвскіи удѣлы упоминаютъ ся, або тіи противу Великимъ князямъ хотѣвшимъ ихъ прогнати защищаютъ. Были то: сынъ давнѣйшого князя Володимирского а потôмъ Смоленьского: Давидъ, и три сынове Ростислава отроеного черезъ греческого посла въ Тмуторокани: Рурикъ, Володарь и Василько.

Борба тыхъ князей такъ якъ и борба Святославичей есть ничимъ инымъ, якъ борбою молодшихъ поколѣній съ старшими, сыновцѣвъ съ стрыями. Великіи князѣ не допускаютъ молодшихъ поколѣній до удѣлôвъ, а тіи нехотятъ уступити-сь зъ областей, которіи яко ôтцѣвское достоянье уважаютъ. Сыновцѣ супротивляютъ ся звычайно оружіемъ Великимъ князямъ, проганяючимъ ихъ зъ ôтцѣвскихъ предѣлôвъ. Тіи, що мали соотвѣтное къ тому щастье и силу, остояли-сь. Великіи князѣ принужденіи были оставити имъ ôтцѣвскіи удѣлы, або по крайнôй мѣрѣ надѣляли ихъ иными областями. Великій князь Всеволодъ надѣлилъ Володимиремъ сына своего предшественика на Велико-княжескôмъ престолѣ въ Кіевѣ, Ярополка Изъяславича 1078, а Смоленьскомъ по смерти Игоря Ярославича, надѣлилъ Володимира Мономаха. Сынъ Игоря Давидъ зôсталъ отже безъ

удѣла. Также (по всей вѣроятности) не надѣленіи были сынове Ростислава († 1065): Рурикъ, Володарь и Василько.

За Великого князя Всеволода управлялъ важными справами княжества сынъ его Володимиръ Мономахъ. Онъ въ имени ôтця проганялъ и вводилъ князей на удѣлы, созывалъ соборы, мирилъ и проч. Противу установленому князю Володмирскому Ярополку повстали Давидъ и Ростиславичѣ: первый яко претендентъ ôтцѣвского удѣла, другій незнати зъ якои причины. Есть мнѣніе, що Ростиславъ былъ надѣленъ якою то областію Володимирскою по переселеню ся Игоря въ Смоленьскъ, передъ бѣгствомъ своимъ въ Тмуторокань [34]). Жерело сказуе [35]), що Володарь и Василько прогнали Ярополка зъ Володимиря и що Мономахъ возстановилъ го снова на стôлци Володимирскôмъ силою оружія 1078. Въ року 1081 бѣжали Давидъ и Володарь до Тмуторокани [36]), где звычайно недоволеніи князѣ ради пріобрѣтеня военныхъ средствъ и ради заключеня отношеній съ Половцями удавали ся. Тіи звычайно лишь чекали на способнôсть, щобы могли вторгнути ся въ землю рускую и про то кождого князя противу другому вспомагали. Въ роцѣ 1083 Володарь и Давидъ повернули зъ Тмуторокани.

Володимирскій князь Ярополкъ возсталъ на Володимира Мономаха. Мономахъ прогналъ его зъ Володимиря и посадилъ вмѣсто него, тыхъ областей претендента повернувшого зъ Тмуторокани Давида Игоревича 1085. Ярополкъ убѣгъ до Польщи, но не за долго вернулъ ся назадъ, помирилъ ся съ Великимъ княземъ и отрималъ Володимирь, а Давидъ мусѣлъ уступити и самымъ Дорогобужемъ довольнити ся.

Въ року 1086 княжилъ въ Перемышли Рурикъ Ростиславичь. Князь Володимирскій Ярополкъ ѣздилъ року 1086 въ Новембри до Звенигорода [37]). Чи Звенигородъ належалъ тогды до Володимиріи, чи до области Перемышльскои Ростиславичей, жерело не упоминае, также не сказуе оно, чи Ярополкъ ѣхалъ въ гостѣ до Перемышльского князя на дорозѣ проводячой черезъ Звенигородъ, чи ôнъ хотѣлъ лишь посѣтити Звенигородъ, яко головнѣйшій городъ просторонного удѣла своего. Будь що будь, якій то Нерадецъ убилъ князя на дорозѣ, бѣжалъ до Рурика въ Перемышль и найшолъ ту пріемъ. Про то подозрѣвали рускіи князѣ Рурика о якое то участіе въ тôмъ мерзкôмъ убійствѣ. Ве-

Рурикъ Ростиславичь

---

34) Зубрицкаго исторія Галичскаго княжества Т. II. стор. 11.

35) Chronica Nestoris pag. 127, 128.

36) Chronica Nestoris pag. 127. „приде Ол:гь изъ Грекъ Тмутороканю ия Давыда и Владаря Ростиславища“ срôвнай съ поданымъ Татищева у Зубрицкого Т. II. стор. 17.

37) Chronica Nestoris pag. 128.

ликій князь Всеволодъ ходилъ самъ 1086 на Перемышльского князя Рурика [38]) но о результатѣ того похода жерела ничого не споминаютъ.

По смерти Ярополка отрималъ Володимирское княжество Давидъ Игоревичь. Ростиславичѣ проживаютъ въ Перемышльскôмъ княжествѣ, а Василько наймолодшій зъ нихъ въ союзѣ съ Половцями, опустошае области сусѣднихъ Ляхôвъ. 1092 умирае Рурикъ. Великій князь Всеволодъ роздѣляе области межи Давида, Володаря и Василька, Давида укрѣпляе при Володимирѣ, Володареви ôтдае Перемышль, а Васильковн Теребовлю [39]). Въ року 1093 умеръ Великій князь Кіевскій Всеволодъ Ярославичь, а наслѣдилъ найстаршій въ родѣ Святополкъ Изъяславичь зъ Турова. Такъ стояли отношеня року 1093.

Святополкъ

Молодше племя: Ростиславичѣ пановали на Днѣстрѣ и Санѣ, Давидъ въ Володимирѣ. Олегъ Святославичь въ Черниговѣ. Половцѣ помогли Олегу овладѣти Черниговомъ, Володарь и Давидъ по всей вѣроятности утримовали сношенія съ Половцями, юный князь Василько стоялъ також въ тѣсномъ союзѣ съ Половцями. [40]) Половцѣ шатали ся пôдъ стѣнами Кіева и области приналежачіи грозно опустошали. Разъ, щобы укрѣпити порядокъ, опредѣлити отношеня молодшихъ князей, ôтсторонити домову борбу, которая легко могла возпламенѣти при помочи съ Половцами, щобы соединити всѣхъ рускихъ князей противу тому кочевому народу, висѣвшому ôтъ 1067 року якъ грозна хмара надъ рускою землею, созванъ зôсталъ 1097 по нарадѣ Мономаха съѣздъ князей въ Любечи. Ту постановлено зъ общого согласія князей, правило, що дѣтямъ приналежитъ удѣлъ ôтцѣвскій. За князями укрѣпленіи городы и области, которіи до сихъ поръ дѣйствительно посѣдали, именно: за Святославичами укрѣпленъ Черниговъ и проч., за Давидомъ Володимирь, за Володаремъ Перемышль, за Василькомъ Теребовля. Такъ основанье двохъ осôбныхъ княжествъ Перемышльского и Теребовельского съ правомъ простонаслѣдія дѣтей по ôтцю конечно узаконено. Князѣ крестнымъ цѣлованьемъ обовязали ся защищати другъ друга, жити мирно и рѣшати споры общимъ согласіемъ.

II. Ôтдѣлъ.

Ростиславичѣ, Володарь и Василько.

Заключеный и заприсяженый въ Любечи миръ, рускіи князѣ не сохранили. Коли Василько Ростиславичь повертаючи зъ Любечи по дорозѣ до Кіева на богомоліе вступилъ и передъ городомъ шатрами розложилъ ся, Давидъ Игоревичь князь Волыньскій, и Великій князь Святополкъ Изъяславичь при-

[38]) Chronica Nestoris pag. 129. „въ се же лѣто ходи Всеволодъ къ Перемышлю."
[39]) Chronica Nestoris pag. 134.
[40]) Chronica Nestoris pag. 134. sq.

звали его прелестно на гостину до дво̂рця княже ского внутрь Кіева. Василько прійшолъ. Коварный Давидъ оклеветалъ былъ Василька, що за его вѣдомостію убитый зо̂сталъ Володимирскій князь Ярополкъ, и вмавлялъ въ великого князя, що Василько робилъ пляны противу нимъ, т. е. Давиду и Великому князю, хоче захватити городы В. князя Пинскъ и Туро̂въ, и що, если В. князь при такъ дого̂дной способности не позбуде ся Василька, то ни В. князю споко̂йно княжити въ Кіевѣ, ни ему-Давиду въ Володимири. Три бояре Турякъ, Лазоръ и Василь по̂дмавляли Давида на Василька [41]), Давидъ же уговорилъ В. князя, который на конець далъ тому вѣру. Мерзкое злодѣйство исполнено; — по приказу В. князя и за по̂дъущеньемъ Давида увязнено Василька, о̂твезено го до Бѣлогорода, и ту насильно го ослѣплено. По ослѣпленю о̂твезено нещастного князя до Володимиря. Тутъ въ темници заключеный, нарѣкалъ о̂нъ го̂рко на поступокъ братій князей и заклиналъ ся Богомъ, що о̂нъ злого намѣренія противу Давиду и В. князю не малъ. Василько увѣрялъ, що о̂нъ загадалъ былъ просити у Давида и Володаря молодшую дружину, и за согласіемъ князей, и призвавши на помо̂чь кочуючихъ Половцей, Берендѣевъ и Торко̂въ, завоевати хотѣлъ наддунайскіи Булгары, нанести войну сосѣднимъ Ляхамъ, о̂тмстити имъ пограничніи обиды, наконець за изволеньемъ Великого князя по̂йти на Половцей, бы истребити сей наро̂дъ, употребивши его впередъ яко средство къ покореню ворого̂въ Руси, и розширеня границь своего удѣла на счотъ иноплеменнико̂въ. Василько намѣрялъ благо вспо̂льного отечества, „ино помышленье въ сердци моемъ не было.“ [42]).

Злобніи дѣла Давида нескôньчили ся ослѣпленьемъ Василька. О̂нъ хотѣлъ насамперед хитростію уговорити Василька, щобы той доброво̂льно уступилъ ему Теребовельскую область, и давалъ ему въ замѣну три свои маліи городы, Всеволожь, Шеполь и Перемиль; но коли Василько тымъ предложеніямъ удосточинити о̂тказалъ, выступилъ Давидъ въ Марти 1097 на челѣ полко̂въ въ поле, Теребовельску область насильно загорнути намѣряючи. За зломанье крестного цѣлованя здѣланого въ Любечи, за нарушенье условленого мира, за обиду Василькову, выступилъ доброво̂льный сторожь порядку и закона на руско̂й земли князь Переяславскій Володимиръ Мономахъ, требовалъ рѣшительно о̂тъ В. князя отвѣта, чему о̂нъ коварно велѣлъ ослѣпити Василька и чему впередъ тяжбу свою съ Василькомъ судови и совѣтови общого княжеского съѣзда не предложилъ. В. князь складалъ цѣлу вину на Давида. О̂нъ обѣщалъ выступити ратію,

---

[41]) Chronica Nestoris pag. 170. „вѣ не придоховѣ на градъ вашь ни на васъ, нъ на врагы своя, на Туряка и Лазаря и на Василя, ти бо суть намолвили Давыда и тѣхъ есть послушалъ Давыдъ, и сътворилъ се зъло“

[42]) Chronica Nestoris pag. 169.

и за здѣланое злочиньство Волыньского князя строго наказати, но исполненье того обѣщаня ôтложилъ до пôзнѣйшого времени. Тымъ часомъ выступилъ, яко мститель нанесеной Васильку кривды, противу Давиду рôдный братъ его Володарь. Онъ побилъ Давида, а осадивши го въ Бужску, притиснулъ до крайности и принудилъ до выданя ослѣпленого князя Василька 1098. На весну слѣдуючого року 1099 выступили уже оба князѣ, Володарь и Василько ратію противу Давиду, спалили любимый городъ Давида, Всеволожь, осадили Володимирь, затревожили тамошнихъ бояръ и горожанъ, и зажадали выдачѣ виновникôвъ сдѣланого на Васильцѣ злодѣйства, вышь реченыхъ трехъ бояръ. Володимирцѣ збурили ся, созвали вѣчу и принудили князя до выданя виновникôвъ. Одинъ зъ нихъ спасъ ся бѣгствомъ, прочихъ двохъ умертвлено негôдною смертію. Того самого року выступилъ такожь В. князь противу Давиду, щобы го по требованю Мономаха и прочихъ рускихъ князей наказати. Давидъ, осаженый полками В. князя въ Володимирѣ и притисненый до крайности, убѣгъ зъ города до Червеня, а ôтси до сродника своего В. князя Кракôвского Владислава, который малъ рôдную тету его, доньку Ярослава, дѣда его, Марію за жену. Великій князь завладѣлъ Володимиремъ, но незадовольняючи ся тою просторонною областію, выступилъ противу Ростиславичамъ, и загадалъ тыхъ князей-братей зъ ихъ удѣлôвъ прогнати. В. князь объявилъ, що земля обладана Ростиславичами была собственостію ôтця его, Изъяслава и брата Ярополка. Зъ того видко, що Изъяславъ и Ярополкъ области Ростиславичей посѣдали, и що тіи еще тогды творили частку Володимирского удѣла. Обстоятельство то могло Давиду дати поводъ, що ôнъ Васильку давнои частки своего ôтцѣвского удѣла завидовалъ, що Великій князь Святополкъ притязаючи собѣ такожь право до Володимирского княжества по ôтци и братѣ своемъ, и выгнавши Давида зъ Володимиря, теперь на Ростиславичей воевалъ, щобы имъ часть достоянія своего ôтобрати. [43]) Въ прочемъ сей поступокъ былъ такожь доказомъ лукавого и вѣроломного умысла В. князя.

Братя Ростиславичѣ пригадали му его крестное цѣлованье въ Любечи, выступили ратію противу нему, сразили-сь съ нимъ где то на граници своего удѣла, на Рожнôмъ поли близь Голыхъ гôръ, и побѣдили Великого князя совершенно. Не желаючи однакожь жадныхъ новыхъ приобрѣтеній, употребили ôтнесеную побѣду съ надзвычайною умѣреностію, станули на поли битвы и сказали: „не хочемъ гнати за В. княземъ, довлѣе намъ оборонивши землю нашу ôтъ несправедливого напада, стати на межи своей."

---

[43]) Chronica Nestoris „Святополкъ же прогнавъ Давыда нача думати на Володаря и на Василька, глаголя: яко се есть власть отьца моего и брата."

Тымъ часомъ прибылъ зъ Польщи Давидъ и явилъ ся знать нечаянно съ женою у Ростиславичей, яко скиталець въ Перемышли. Ôнъ еще преже извинялъ ся, що не добровôльно, но принужденый участвовалъ въ злочиньствѣ ослѣпленя Василька, и що былибы и его убили, если бы ôнъ-Давидъ не былъ повиновалъ ся наказамъ В. князя. Въ прочемъ месть Ростиславичей охолоднѣла, коли бояре пôдмовившіи Давида къ злочиньству, были наказаніи. Святополкъ посадилъ по битвѣ на Рожнôмъ поли сына своего Мстислава въ Володимирѣ, а другого сына Ярослава ôтославъ въ Угры, и призвалъ угорского короля Коломана на помôчь и къ участію въ войнѣ противу Перемышльско-Теребовельскимъ князямъ. Не позôстало Ростиславичамъ ничь иного, якъ також обôзрѣти ся за союзникомъ, простити Давиду кривду и злодѣйство, и съ нимъ разомъ противу ихъ вспôльному врагу В. князю Кіевскому соединити ся. Давидъ не маючи собственныхъ силъ, побѣгъ въ степъ, и призвалъ Половцей и явилъ ся съ Половецкою силою въ тое время у Перемышли, коли угорскій король Коломанъ выступилъ съ надзвычайною силою, и на лѣвôмъ березѣ Сана близь города Перемышля, въ углѣ межи рѣками Вяромъ и Саномъ розположилъ ся. Наступило сраженье 1099. Мадяры вываблени зъ становъ своихъ, сразили ся съ Половцями и боронили ся хоробро, но наконецъ побѣжени, обернули ся въ бѣгство. Гонени Русинами, топили ся многіи въ Санѣ и Вярѣ, а прочіи спасаючи жизнь, пôгнали вразъ съ королемъ своимъ Коломаномъ за горы домôвъ. По совершенôй побѣдѣ явилъ ся Давидъ съ Половцями у Володимиря, и за помочію Половецкого хана Боняка осадилъ Володимирь, и сразилъ ся съ Святополчичами. Мстиславъ Святополчичь лишилъ ся жизни на поли сражанія. Давидъ завладѣлъ Луцкомъ, изгнавши ôтси якого то князя Святошу Давидовича, усадилъ ся въ Луцку, а зъ Луцка завладѣлъ и Володимиремъ. Въ хвили опасности простилъ ся Давидъ съ Ростиславичами, но тымъ не усмирилъ еще негодованя Мономаха и прочихъ рускихъ князей за зневаженье умовленого на съѣздѣ Любечскôмъ примѣрія. Рускіи князѣ наставали, щобы Давида наказати. Князѣ съѣхали ся въ Увѣтичахъ р. 1100 и ôтсудили Давида ôтъ Володимиря. Определено му Бужскъ, Острôвъ, Черторыскъ и еще кôлька сотъ гривенъ рочного жалованя т. е. пенсіи. В. князь ôтдалъ Володимирь сыну своему Ярославцу, окрôмъ того рѣшено въ Увѣтичахъ, щобы Ростиславичѣ выдали Теребовлю, щобы Володарь взялъ до себе Василька и выдалъ всѣхъ захваченыхъ на Рожнôмъ поли плѣнникôвъ В. князя. Ростиславичѣ ôтказали по первый разъ послушеньство рѣшеню общого княжеского соньма. В. князь хотѣлъ противу нихъ за непослушеньство ратію выступити, но Мономахъ противилъ ся тому, приводячи въ память определеня княжеского соньма въ Любечи, на которôмъ Ростиславичѣ опирали ся. Самостоятельнôсть Ростиславичей утвердила ся ôтъ тыхъ поръ, именно же ôтъ тогды, якъ Володарь и Ва-

силько противу самому Великому князю на Рожнôмъ поли выступили і его побѣдили, и якъ по первый разъ рѣшенію общого княжеского соньма супротивили ся, и при своихъ волостяхъ противъ воли Великого князя Святополка остояли ся.—Великій князь Святополкъ умеръ 1113. Кіевляне збунтовали ся, плѣнили орудія тыраньства Святополка—его урядникôвъ, и завозвали Володимира Мономаха кн. Переяславского на Кіевскій престолъ. Требованье Кіевлянъ впиралъ общій голосъ на Руси объявившій ся за Володимиромъ. Наветъ Ольговичѣ не оспоривали престола Володимиру, хотя были еще сынове старшихъ братей ôтъ ôтця его. Володимиръ засѣвши про то безъ всякихъ перешкодъ на Кіевскôмъ престолѣ, завязалъ заразъ зъ начала дружескіи отношеня съ Греціею, отрималъ ôтъ греческого императора Алексея Комнена въ знакъ почтеня и пріазни золотый вѣнець т. е. золоту корону и укороновалъ ся нимъ.

Великій князь Володимиръ старалъ ся всю Русь въ своихъ рукахъ соединити. Ôнъ проганялъ князей непослушныхъ зъ ихъ удѣлôвъ и присоединилъ удѣлы помершихъ. Мономахъ въ тôмъ направленю успѣлъ, бо при кôнци жизни своей въ 1125 року, майже вся Русь въ его рукахъ была соединена, съ изъятіемъ удѣла Черниговского, въ котрôмъ Всеволодъ Ольговичь, потомокъ Святослава княжилъ, и Галичского княжества, въ котрôмъ предпріимчивіи Ростиславичѣ пановали. Князѣ Полоцкіи выгнани, снова повернули и основали третое ôтъ Мономахова рода не зависимое княжество. Слѣдуючи внутреной политицѣ, стремячôй къ соединеню рускихъ земель, выступилъ Мономахъ противу чимъ-то оскорбившому его Володимирскому князю Ярославцу Святославичу, и осажалъ столечный городъ того князя, Володимирь черезъ 60 день 1117 р. Ярославець оставленъ ôтъ своихъ бояръ, убѣгъ въ Польщу до своего шурина Болеслава, князя Краковского.

Мономахъ ôтдалъ Володимирь своему сынови Романови, а по того смерти другому сынови Андрееви. Мономаха вспомагали въ изъгнаніи Ярославця и пріобрѣтеніи Володимиря нашіи Ростиславичѣ [44]), которіи впрочемъ въ походахъ Мономаха въ ôтдаленіи землѣ не участвовали. Ярославця приняли на дворѣ Краковскôмъ и вспомагали оба мужѣ сестръ его, Болеславъ Краковскій и Стефанъ король Угорскій. Такъ розпочала ся погранична борба, на однôй сторонѣ стоялъ Ярославець съ своими шуринами, на другôй Мономахъ, его сынъ Андрей и мужественіи Ростиславичѣ. Борба продолжала ся ôтъ 1118—1122 року. Поляки не могли ничого скуточного сдѣлати для Ярославця, поки хоробрый Володарь противъ нему и его союзникамъ воевалъ. Потому за-

---

[44]) Ипатіевска лѣтопись въ полномъ собранію Русскихъ лѣтописей. Томъ II. Санктпетербургъ 1843.

гадали они коварнымъ способомъ Володаря захватити. Якій то вельможа польскій Петръ, вступивши въ службу Перемышльского князя Володаря, пріобрѣлъ собѣ его довѣренôсть. Стало ся, що будучи на ловахъ разомъ, захватилъ вельможа Володаря и увѣзъ го до Польщи [45]). За помочію брата своего Василька и сына своего Володимира выкупилъ ся Володарь за 2000 гривенъ серебра; 1300 гривенъ заплатили нашіи князѣ въ сей часъ, а за прочіи 700 заставлено князя Ярослава, сына слѣпого Василька. Здае ся, що при освобоженю своемъ зъ лядского плѣна обовязалъ ся Володимиръ оставити союзъ съ Мономахомъ и приступити до союза Полякôвъ и Угоръ, которіи предпріяли прогнати Андрея зъ Володимиря и Ярославця снова на Володимирскій престолъ всадити р. 1123. По крайнôй мѣрѣ явились Ростиславичѣ противно своей дотеперѣшной политицѣ пôдъ Володимиремъ въ союзѣ съ Болеславомъ Краковскимъ и Стефаномъ Угорскимъ. Еще передже силовалъ ся Ярославъ за помочію Ляхôвъ, но безъуспѣшно, завладѣти Червенемъ, который то городъ до Володимирского а не до Перемышльского уделу принадлежалъ [46]). Въ время осады Володимиря убитый зôсталъ Ярославець пôдъ тымъ городомъ ôтъ двохъ Ляхôвъ, выйшовшихъ изъ союзного табора; за для якои причины, незнати. Угорскій король хотѣлъ взяти городъ, но угорскіи воеводы запретили ему. Сей походъ былъ предпринятый изключно въ фамилійнôй справѣ для возстановленя изгнаного сродника, оже зъ семейныхъ причинъ. Скоро того Ярославця не стало, перекоротила-сь причина вôйны. Союзніи князѣ ôтпослали къ Володимиру Мономаху послôвъ съ богатыми дарами, примирили ся съ нимъ и повернули домôвъ 1123. Послѣже Ростиславичѣ снова поссорили ся съ Болеславомъ; знать набѣги зъ ихъ стороны на смежни области Польщи ôтновили ся. Володарь не ходилъ уже въ поле, но пôслалъ былъ сына своего героичного Володимира. Щобы за набѣги ôтмстити, вырушилъ Болеславъ Кривоустый въ поле, выжегъ много рускихъ селъ и городôвъ, убилъ двохъ рускихъ полководителей, и поразилъ Володимирка у Волихова такъ, що той ажь въ Галичи очутилъ ся 1124 [47]). Еслибы тая вѣсть, черпана зъ польскихъ жерелъ, была правдивою, тогдыбы Галичь уже въ тіи времена былъ значительною крѣпостію. Въ прочемъ уже за Великого князя Святополка († 1113) галицкіи купцѣ спроважали сôль зъ пôдкарпатскихъ сторонъ тутъ до Кіева [48]), оже удержовали связь съ матерію

[45]) Ипат. лѣт. стор. 9. 21.

[46]) Ипат. лѣт. стор. 8.

[47]) Зубрицкаго исторія Галичскаго княжества Т. II. стор. 53.

[48]) Патерикъ л. 144, у Арцыбишева повѣствованіяхъ о Россіи. Москва 1838 ст. 63. примѣч. 377. „въ то убо время (1113) велію нестроенію сущу и грабленію беззаконному; не пустиша купцевъ къ Кіеву, изъ Галича и Перемышля и бысть соли въ всей руской земли, и бѣ видѣти тогда людей сущихъ въ великой печали.

городôвъ рускихъ и купчили съ нею кто знае ôтъ которыхъ еще временъ. Мы сказали, що Ростиславичѣ вспомагавшіи Мономаха противу Ярославця, не вспомагали князя въ ôтдаленыхъ борбахъ противу Половцей. Сей Великій князь соединилъ былъ въ прочемъ всѣхъ рускихъ князей противу Половцей, побѣдилъ ихъ многократно, плѣнилъ множество ихъ ханôвъ и росточилъ значительно силу половецкого народа. Ôтъ того времене обезсиленіи Половцѣ искали союза у рускихъ князей, входили съ ними въ сватôвства, принимали вѣру рускую и мало по малу обрущали ся.

Покореньемъ Половцей розпросторонило ся владѣнье Мономаха. Мономахъ поставилъ посадникôвъ своихъ въ наддунайскихъ городахъ Измаилѣ и Киліи. Ôнъ построилъ мôстъ черезъ Днѣперъ коло Кіева, основалъ на сѣверѣ Володимирь надъ Клязмою, пôзнѣйшу столицю Великихъ князей по упаденю Кіева и проч. Володимиръ Мономахъ умеръ року 1125. Въ тôмъ самôмъ року умеръ и нашь мужественый и предпріемчивый Володарь, оставивши двохъ сынôвъ, Ростислава и Володимирка. Донька Володаря пôйшла за царевича византійского Андроника или Исакія. Зосталъ ся еще братъ Володаря слѣпый Василько съ сынами Іоаномъ и Григоріемъ. Ярославъ Васильковичь, бывшій закладникъ въ Польщи, умеръ еще передъ Володаремъ.

Володимиръ Мономахъ посѣдалъ майже всю Русь съ изъятіемъ княжествъ: Черниговского, (Полоцкого) и Галицко-Перемышльского. Ôнъ роздѣлилъ ю межи своихъ 7 сынôвъ: старшому сынови Святославу призначилъ Кіевъ и достоиньство Великого князя, наймолодшому Юрію новозбудованый Володимирь надъ Клязмою и тіи стороны лѣсніи на сѣверѣ Европы, а прочимъ опредѣлилъ иніи удѣлы. Уже Мономахъ а еще бôльше сынъ его Мстиславъ старали ся мысль о старшеньствѣ уничтожити, которая порядокъ наслѣдія на велико-княжескôмъ престолѣ въ Кіевѣ опредѣляла, и утвердити панованье на Руси, а особливо наслѣдіе на Великокняжескôмъ престолѣ въ однôй родинѣ (Мономаховичей). Въ тôмъ взглядѣ спріяло на якійсь часъ Мономаховичамъ щастье. Они владѣли въ Новгородѣ и Кіевѣ, въ Переяславли и на Волыню. Противъ Мономаховичамъ выступили однакожь потомки Олега Черниговского. Олегъ былъ сыномъ Святослава, а Святославъ сыномъ Ярослава Мудрого. Ольговичѣ защищали право наслѣдія по старшеньству на стôлци велико-княжескôмъ въ Кіевѣ и вытиснули Мономаховичей зъ Кіева, Новгорода и Переяславля.

Великіи князѣ поступали собѣ въ тыхъ временахъ дуже довольно. Неуважаючи на давный, обычаемъ освяченый законъ, що удѣлъ немôгъ ôтъятый быти ôтъ которого нибудь князя въ время жизни его, проганяли одныхъ князѣвъ зъ удѣлôвъ и другихъ тымъ же надѣляли. Дѣяло ся тое звычайно тогды, коли по смерти якого В. Князя вступилъ новый В. князь на Кіевскій престолъ. Зверхъ того упоминали ся сыны умершихъ

Великихъ и прочихъ удѣльныхъ князей у наслѣдниковъ Кіевского престола о удѣлы. Неудоволеніи князѣ искали союзниковъ и съ оружіемъ въ руцѣ принужали Великого князя къ задосытьучиненю ихъ желанямъ. Зверхъ тыхъ движеній о первеньство, удѣлы, велико-княжескій престолъ и о Володимирь Волыньскій, спостерѣгаемъ у поединокихъ князей стремленье къ независимости. Тое стремленье являе ся найсильнѣйше у нашихъ Перемышльско-Галицкихъ князей, ба наветъ въ родѣ Мономаховичей удѣльніи князѣ, сынове покойного Мономаха и наслѣдники тыхъ же, уклоняютъ ся ôтъ Велико-княжеского престола въ Кіевѣ, спорятъ и воюютъ съ Великимъ княземъ, такъ якъ и нашіи Галицко-Перемышльскіи Ростиславичѣ, а передаючи свои удѣлы дѣтямъ своимъ въ наслѣдство, стараютъ ся тіи при своихъ сынахъ и потомкахъ утвердити. Такій загальный характеръ мае тогдашня всеобща історія руска. Дѣянія нашого отечества Галиціи и Володимиріи должни мы въ подробности начертати.

РОСТИСЛАВЪ И ВОЛОДИМИРКО.

По смерти Володаря наслѣдили сынове его Ростиславъ и Володимирко [49]); Ростиславъ въ Перемышли, а Володимирко въ другôмъ знаменитôмъ городѣ тыхъ земель, въ Звенигородѣ. Сыны покôйного Василька Георгій и Іоанъ наслѣдили въ Теребовли. Перемышль, Звенигородъ и Теребовля были оже три удѣлы одного рода Ростиславичей, въ Перемышли княжилъ Ростиславъ, въ Звенигородѣ Володимирко, а въ Теребовли Іоанъ и Георгій. Скоро по смерти Володаря розкоторили ся сынове его Ростиславъ и Володимирко. За Ростиславомъ вступили ся Великій князь, сынъ Мономаха и наслѣдникъ на велико-княжескомъ престолѣ Мстиславъ, и оба Васильковичѣ, князѣ Теребовельскіи. Володимирко былъ женатый съ якою то княгинею угорскою. По обычаю того времене, що сродники посторонныхъ державъ за сродниками вступали ся, вступилъ ся за Володимиркомъ Звенигородскимъ король угорскій. Даремно старалъ ся Великій князь погодити спорячихъ братей, надармо завôзвалъ ихъ на съѣздъ и для устныхъ переговорôвъ до города Щирця [50]). Князѣ сойшли-сь, но не перемирили ся. Володимирко пустилъ ся въ Венгрію, знать за бôльшимъ вспомагательнымъ войскомъ. Великій князь, Ростиславъ и Васильковичѣ осадили Звенигородъ, и намагали-сь взяти приступомъ, но Звенигородцѣ стояли рѣшительно при Володимирку, и мужественно оборонями ся. Нижели еще Володимирко повернулъ зъ Угоръ съ помôчными силами, оставили соединеніи князѣ Звенигородъ и повернули домôвъ. Скоро потôмъ умеръ Ростиславъ 1126 року и тымъ перекоротила ся братня ссора. Ростиславъ зôставилъ одного сына Иванка, знаного въ рускôй

---

[49]) Зубрицкаго Исторія Галичскаго княжества Т. II. стор. 54 на пôдставѣ Длугоша.
[50]) Ипатіевска лѣтопись стор. 17.

исторіи пôдъ прôзвищемъ Берладника. Володимирко завладѣлъ знать по смерти Ростислава всею его областію и соединилъ два удѣлы въ свои руки, Перемышльскій и Звенигородскій. Галичь былъ тогды уже знаменитымъ городомъ; но до которого зъ тыхъ трехъ княжествъ, т. е. Перемышльского, Звенигородского и Теребовельского первѣстно принадлежалъ, не знаемъ. Може быти, що былъ городомъ цѣлого рода и середоточіемъ трехъ удѣлôвъ. Въ Галичи умеръ 1141 Иванко Ростиславичь, князь Теребовельскій (Георгій еще передъ нимъ скôнчалъ ся); тогды Володимирко завладѣлъ Теребовлею „и сего же лѣта пристави ся у Галичи Васильковичь Иванъ и прія волость его Владимирко Володаревичь, и сѣде въ обою волостію княжя въ Галичи[51]).“ Держава, соединена по смерти Ростислава въ рукахъ Володимирка 1126, прозывае ся ôтъ Галича уже въ року 1134 стôлцемъ Галицкимъ[52]). Галицкое княжество розпростороняло ся тогды до Дуная. Земля надъ Дунаемъ и доплывами его Прутомъ, Серетомъ и прочими зъ карпатскихъ гôръ произходячими рѣками, творила тогды удѣльное, ôтъ Галицкого стôлця зависимое княжество, а городы торговельніи, малый Галичь т. е. Галачь надъ Дунаемъ (колонія великого Галича на Днѣстрѣ), Текуча и Берладъ утримовали торговельніи сношеня съ ôтдалеными землями. Ту приходили купцѣ зъ Мезембріи, ту стѣкали ся продукта и произведеня промышленности зъ Чехіи, Угоръ и Руси. Торговельніи свободы и улегченя наданіи купцямъ, успѣшаючіи цвѣтучое состоянье городôвъ, множили богатство жителей и связь торговельную тыхъ областей, а чрезъ то и сношенье Великого Галича съ ôтдалеными краями и стрефами пôддержовали и вспирали.

ВОЛОДИМИРКО.

Иванко Ростиславичь, лишеный по смерти ôтця Перемышльского княжества, надѣленый былъ ôтъ стола Галицкого тыми областями надъ Дунаемъ. Ôнъ резидовалъ въ Берладѣ и ôтъ того города прозвалъ ся его удѣлъ княжествомъ Берладскимъ, а ôнъ самъ Берладникомъ. До которого року проживалъ и управлялъ Иванко Ростиславичь въ Берладѣ, незнаемъ; также сказати не знаемъ, чи ôнъ того удѣла зрѣкъ ся, чи его лишенъ былъ. Іоанъ дошедши до лѣтъ и возмужавши, вѣроятно недовольнялъ ся Берладомъ

---

[51]) Дневникъ въ Яссахъ, Instructiunea publica р. 1860 ч. 1 сообщилъ слѣдуючую грамоту: У имя отца і сына (і святаго Духа аминь). Азъ Іванко Ростіславовічь от стола Галічского, кнѣзь Берладскыі свѣдчуіу купчемъ (Меси) брііськымъ, да не платѣтъ мыть у градѣ нашемъ (у Ма)ломъ у Галічі на ізкладъ, развѣ у Берладѣ і у Текучому, и (уг) радохъ нашіхъ: а на ісъвозъ ро зьнымъ товаромъ тутошнымъ і угръськымъ і руськимъ і чесь(кымъ), а то да платѣтъ нікодіжь, развѣ у Маломъ у Галічі. А кажітъ (sic) воевода: а на томъ обѣтъ. (Въ лѣто) от рожьства Христова, тісѣщу і стъ і трдсть і четіре лѣтъ, мѣсяца маѣ к. днь.“

[52]) Ипат. лѣт. стор. 20.

и упоминалъ ся у Володимирка своего отцѣвского удѣла Перемышля. Володимирко неудосточинилъ, по крайной мѣрѣ не по желанію Иванка, требованіямъ и претенсіямъ его. Въ року 1144 проживалъ Иванко не въ Берладѣ, но (чи яко удѣльный князь?) въ Звенигородѣ[53]), питаючи огорченье въ сердци своемъ противу Володимирка, лишившого его Перемышля.

Межи тымъ ôтъ року 1126 предпринималъ бранелюбивый Володимирко воинственіи походы. Въ року 1132 ходилъ ôнъ въ Угры и ту участвовалъ въ войнѣ межиусôбнôй Борыса Коломановича противу Беллѣ, по обычаю времене, по которому князѣ сродники сродникамъ и шуринамъ въ межиусобицяхъ помагали. Въ Польщи жилъ тогды князь Болеславъ Кривоустый. Володимирко неперествавалъ напастовати и разоряти смежніи области сего князя. Въ року 1136 порозумѣлъ ся Володимирко съ измѣнившимъ своему князю воеводою Болеслава, Венгерцемъ, перехватилъ ся через Вислу, завладѣлъ Городомъ Вислицею и награбивши ся доволѣ певернулъ съ великою добычею домôвъ.

По смерти Великого князя Мстислава († 1132) наслѣдилъ Ярополкъ. У Ярополка упоминалъ ся о удѣлъ сынъ помершого Великого князя Изъяславъ Мстиславичь. Ôнъ доходилъ своихъ претенсій за помочію Ольговичей (т. е. Черниговскихъ князей) и призваныхъ Половцей. Радъ не радъ вывелъ Ярополкъ Андрея Ярославича, рôдного брата своего зъ Володимиря до Переяславля, а Изъаславу Мстиславичу ôтдалъ Володимирь.

По смерти Великого князя Ярополка († 1139) наслѣдилъ Вячеславъ, но Ольговичѣ стремили такожь за первеньствомъ. Всеволодъ Ольговичь изгналъ Вячеслава и засѣлъ самъ на престолѣ въ Кіевѣ. Всеволодъ оспорывалъ Андрея въ Переяславли и Изъяслава Мстиславича въ Володимирѣ. Противу Андрея вырушилъ самъ въ поле, но Андрей хоробро защищалъ ся и оборонилъ ся; противу Изъяславу велѣлъ вырушити Володимирку и Іоану Васильковичу, оже князямъ Перемышльско-Галицкому и Теребовельскому. Оба князѣ (стрыечніи братя) вырушили 1140, явили-сь вѣроятно въ Володимирскôй области, но узнавши, що ихъ Великій князь употребляе яко орудіе своихъ личныхъ цѣлей, прибавили Изъяслава до себе „и не урядивши ся, вернули ся опять"[53]). Въ року 1141 по смерти Іоана Васильковича присоединилъ Володимирко Теребовельскую область къ своимъ владѣніямъ. Галичь сталъ ся головнымъ городомъ и столицею просторонного княжества, простираючого ся ôтъ Вислоки и Сана вздолжь Днѣстра и Прута къ Дунаеви. Зъ Галича предпринималъ князь Володимирко свои военніи походы.

---

[53]) Ипат. лѣт. стор. 16.

Въ року 1142 помагалъ Владиславу, князю Краковскому противу Болеславичамъ. Болеславъ Кривоустый умеръ 1139 р. роздѣливши землю межи 4 сынôвъ. Братя нехотѣли мати старшого брата вмѣсто ôтця, ниже ему повиноватися. Про то Владиславъ розпочалъ войну съ братями, въ которôй рускіи силы участвовали. Владиславъ малъ доньку Великого князя Всеволода за жену. Всеволодъ приказалъ рускимъ князямъ противъ вороговъ Владиславовыхъ ити ратію. Нашь Володимирко повиновалъ ся приказу Великого князя, двигнулъ на челѣ полкôвъ своихъ, соединилъ ся у Черска съ рускими ôтрядами, плѣнилъ землю Лядскую и взявши бôльше Ляхôвъ мирныхъ якъ ратныхъ повернулъ домôвъ[54]).

Въ року 1144 пôднѣсъ Володимирко рать противу самому В. князю Всеволоду. В князь Всеволодъ вывелъ князя Володимирского Изъяслава Мстиславича въ Переяславль, а Володимиремъ надѣлилъ власного сына Святослава. Володимирко не хотѣлъ мати обôчь себе Ольговича, бо опасалъ ся могучого сосѣды; тому предпринималъ мѣры, щобы его зъ Володимиря прогнати. Великій князь призвалъ собѣ на помôчь зятя своего Владислава зъ Польщи, соединилъ рускихъ князей Ольговичей и Мономаховичей, пôслалъ Изъяслава Давидовича въ степъ за Половцями, и явилъ ся съ великою силою на березѣ рѣки Серета, текучой въ предѣлахъ нынѣшной Галиціи. Володимирко съ Галицкими полками, и вспоможеный угорскими ôтрядами пôдъ предводительствомъ бана, станулъ по другôй сторонѣ берега; ôттакъ двигнулъ ся Володимирко пôдъ Звенигородъ, а В. князь поступалъ за нимъ. В. князь догнавши Володимирка, не осмѣлилъ ся съ нимъ на Рожнôмъ поли около Голыхъ-гôръ зразити ся. Володимирко пріялъ позицію около Звенигорода, закрываючи ся болотами рѣки Бѣлки. Тымъ часомъ приспѣлъ Изъяславъ Давидовичь съ Половцями. Той князь прійшолъ зъ степу черезъ Подôлье къ Галичу и занялъ на дорозѣ два Подôльскіи, Галицкому князю принадлежачіи городы: Ушицу и Микулинъ[54]). В. князь велѣлъ передъ лицемъ Володимирка строити гаты и переправилъ черезъ болотнистую Бѣлку войско свое на другу сторону. Ту стоялъ Володимирко межи болотами и крѣпостію, но ради тѣсноты мѣстця не мôгъ ся съ великимъ княземъ сразити. В. князь переправилъ ся на фланцѣ полкôвъ Володимирка, и занялъ возвышености за Звенигородомъ около Давидова и Черепина.

Тымъ способомъ загрозилъ Великій князь Володимирку, и пересѣкнулъ комуникацію съ Галичемъ и Перемышлемъ. Войны Володимиркови встревожили-сь и сказали: „мы ту стоимо, а онамо жены наши

---

[54]) Ипат. лѣт. стор. 20.

заберутъ.“ Володимирко, который стоячи надъ Серетомъ всѣ предложеня В. князя ôтвергъ, прибѣгъ къ брату В. князя Игорю, и обѣцялъ ему допомочи въ сзучаю смерти Всеволода до Велико-княжеского престола, если ôнъ В. князя умолитъ и пожеланый миръ зыскае. На предложенье Володимирка Игорь и Великій князь согласили-сь. В. князь приказалъ Володимирку вернути захваченіи городы Микулинъ и Ушицу, а Володимирко приобѣцялъ, посѣданю Володимирской области черезъ сыны В. князя не противити ся.

Тои зимы Володимирко, щобы ôтъ трудôвъ военныхъ ôтпочати, ôтъѣхалъ былъ въ Тысмяницю и ту забавлялъ ся ловами. Галичане, въ неприсутствіи князя пôднесли мятежь, зовôзвали въ Галичь Ивана Берладника зъ Звенигорода, и посадили его на столець княжескій. Володимирко скоро приспѣлъ, осадилъ Галичь и притиснулъ до крайности. Иванъ вымкнулъ ся зъ города дня 18. Февруара 1145, продеръ ся черезъ Володимирковіи полки и убѣгъ въ Берладъ, а ôттакъ въ Кіевъ до В. князя Всеволода. Володимирко розсердилъ ся на Великого князя про то, що той изгнанику убѣжище далъ и мстячи-сь захватилъ В. княжескій городъ Прилуку, лежачій на верхахъ Буга. В. князь приказалъ рускимъ князямъ ступати ратію на князя Володимирка, призвалъ Половцей и вразъ съ тыми и самъ подвигнулъ ся 1146. Присоединилъ ся до него также князь Мазовецкій Болеславъ. Военніи силы приспѣли пôдъ Звенигородъ и осадили городъ, но дождь и розкаль, которіи по всей вѣроятности встримали и утрудили походъ, докучили теперь до крайности осаджаючимъ. Звенигородская осада, маючи на челѣ неустрашенного воеводу Ивана Халдѣева, обороняла ся. Притисненіи осадою станули Звенигородцѣ на вѣче, и озвали-сь голосы трохъ воинôвъ, которіи совѣтовали оставити супротивленье и сдати ся. Халдѣевъ приказалъ боязливыхъ дорадникôвъ умертвити, и тѣла ихъ по за стѣны крѣпости выкинути. В. князь испитавши неустрашимого духа Звенигородской осады, приступилъ ко городу, зажегъ зъ трохъ сторонъ остроги, т. е. внѣшное укрѣпленье городское, и оставилъ осаду[55]). Прибывши до Кіева готовилъ ся Великій князь бôльшими силами ударити на Володимирка, созвалъ въ тôй цѣли князей, но смерть не дозволила му осуществити предпрінятіе. В. князь преставилъ ся 30. Юлія 1146.

По смерти Всеволода воспламенѣла жестокая вôйна меже князями Мономахового дому о престолъ Кіевскій. По Всеволодѣ наслѣдилъ Рурикъ, братъ его, но Кіевляне збунтовались и призвали зъ Переяславля Изъяслава Мстиславича зъ роду Мономахова, того самого, що давнѣйше княжилъ въ Володимирѣ. Игорь и Изяславъ сразили-сь, Мстиславичъ побѣдилъ Игоря и занялъ Кіевъ; Кіевляне увязнили Игоря и убили. В.

---

55) Ипат. лѣт. стор. 21, 22.

князь Изяславъ, изгнавши Ольговичей, вывелъ Святослава Всеволодови также зъ поколѣня Ольговичей зъ Володимиря, забралъ тую область для себе, а Святослава надѣлилъ Бужскомъ, Котельницею и Межибожіемъ и еще иными чотырми городами. Святославъ повсталъ на В. князя, про-то В. князь прогналъ его зъ тыхъ городôвъ, и надѣлилъ ними бѣжавшого ôтъ ôтця своего Юрія Суздальского, сына Ростислава. Изяславъ прогналъ также стрыя своего Вячеслава зъ Турова и посадилъ въ Пересопници. Наконець ограбилъ и прогналъ Ростислава; но тымъ стягнулъ на себе месть Юрія Суздальского (бо Ростиславъ прибѣгъ къ ôтцю, простилъ ся съ нимъ и наклонилъ ко войнѣ противу Изяславу). Юрій вырушилъ въ поле, побилъ Изяслава коло Переяславля 23. Августа 1149, и завладѣлъ Кіевомъ. Изяславъ оставилъ Кіевъ, бѣжалъ въ Володимирь Волыньскій, и призвалъ на помôчь зятя по сестрѣ Евфрозинѣ, короля угорского Гейзу, князей Польскихъ Болеслава и Генрика, и Владислава короля ческого. Призваніи князѣ приспѣли. Изяславъ пріялъ сильну позицію и собиралъ силы у Луцку. Юрій Суздальскій соединилъ ся съ Вячеславомъ, прогнанымъ зъ Турова и станулъ въ Пересопници. Нашь князь Володимирко выступилъ рѣшительно за Юріемъ противу Изяславу; на челѣ избраныхъ полкôвъ двигнулъ ся зъ Галича и росположилъ ся на пути Кремянца до Острога коло Шумска. Болеславъ польскій вернулъ ся до дому, зъ причины, що Прусаки впали въ его край, черезъ що сила Изяслава значительно ослабѣла. Король Угорскій предкладалъ миръ, но спорячіи князѣ не согласили-сь. Юрій осадилъ Луцкъ, а Изяславъ готовилъ ся до рѣшительнои битвы; тогды нашь Володимирко быстро двигнулъ ся зъ Шумска къ Полонной, станулъ на берегахъ Стыра межи обома къ бою приготовлеными сторонами, и говорилъ: Богъ насъ поставилъ князями и волостилями въ месть злодѣямъ а въ добродѣтель благочестивымъ[56]). На посредничество Володимирка спорячіи князѣ съѣхались въ Пересопници, и сотворили миръ. Юрію признано Кіевъ а Изяславу Володимирь; почемъ Юрій и его союзники по 6 недѣльной осадѣ отъ Луцка ôтступили. Володимирко еще тѣснѣйше связалъ ся съ Юріемъ, оженивши сына своего Ярослава съ дочкою сего князя 1150.

Но не долго панoвала тишина въ рускôй земли. Юрій не исполнилъ условія мира и не вернулъ всѣхъ плѣнникôвъ и пожиткôвъ захваченыхъ въ Переяславскôй битвѣ Изяславу, якъ миромъ въ Пересопници было условлено. Самъ засѣлъ на княжескôмъ стольци въ Кіевѣ, выключилъ ôтъ княженя старшого брата Вячеслава, ба навѣть вывелъ его зъ Пересопницѣ и посадилъ въ Вышегородѣ. Тымъ оскорбленый Вячеславъ приближилъ ся къ Изяславу. Кіевляне негодовали строгому правленю Юрія Суздальского, вôйшли съ Изяславомъ въ тайніи сношеня, и запросили его въ Кіевъ.

---

56) Ипат. лѣт. стор. 48.

Изъяславъ двигнулъ ся быстро и ненадѣйно къ Кіеву. Юрій ледва мôгъ зъ города убѣгнути и переплывши вразъ съ сыномъ Днѣперъ, на лѣвый берегъ рѣки до Остерского городка спасти ся р. 1150. Изъяславъ началъ снова княжити въ Кіевѣ. Вячеславъ прельщеный Изъяславомъ приманчивыми словами не противилъ ся. Скоро узналъ о тыхъ приключеняхъ нашь галицкій князь Володимирко, собралъ прехорошу силу, двигнулъ ся къ Кіеву, встрѣтилъ и розбилъ Изъяслава у Ольшаници, плѣнилъ многихъ людей его и прогналъ Изъяслава зъ Кіева [57]). Изъяславъ удалилъ ся въ Володимирь Волыньскій. Тымъ часомъ Юрій собралъ военніи силы за Днѣпромъ, и явилъ ся въ Кіевѣ. Оба князѣ, Юрій и Володимирко встрѣтилиcь на могилѣ Ольговôй близъ Кіева и привиталиcь сердечно. Такъ Юрій за помочію Галицкого князя засѣлъ въ Кіевѣ. Кіевляне дрожали ôтъ страху, щобы Галицкій князь не вступилъ на челѣ полкôвъ въ городъ и строго не укаралъ винныхъ за ихъ змѣну. Вправдѣ Галицкій князь вступилъ въ Кіевъ, но не яко побѣдоносный, строгій воджь, но яко богомолець. Ôнъ посѣтилъ Кіевскіи церкви, помолилъ ся въ нихъ а ôттакъ оставилъ Кіевъ и обернулъ ся домôвъ. На дорозѣ располагалъ Володимирко здае ся въ имени В. князя областями и городами Волыньскими, именно посадилъ въ Пересопници Мстислава Игоревича, прогналъ зъ Дорогобужа Мстислава Изъяславича и осадилъ Луцкъ. Той городъ боронилъ ся хоробро пôдъ проводомъ Святополка, брата Изъяслава. Володимирко ôтступилъ ôтъ Луцка, завладѣлъ городами надъ Горинею, пріялъ якую-то часть Володимирской области [58]) ôтъ В. князя Юрія въ надгороду за выдатки настоячого подвига и повернулъ съ славою и добычею въ столечный свôй городъ Галичь.

Изъяславъ негодовалъ сильно на Володимирка. Володимирко вытиснулъ былъ Изъяслава зъ Кіева, ввелъ ворога его Юрія на Кіевскій престолъ, прогналъ сродникôвъ и пріятелей его зъ удѣлôвъ Волыньскихъ на дорозѣ зъ Кіева въ Галичь и забралъ для себе городъ Володимирскій Бужскъ и всѣ городы на Горини. Про то призвалъ Изъяславъ шурина своего,

---

[57]) Ипат. лѣт. стор. 50. 51.

[58]) Ипат. лѣтопись стор. 52. „Володимиръ отъя городы всѣ (на Горини) идя и приде къ Лучску. Володимиръ Галичскій по его (Юрія) велѣнію волость мою взялъ и опять кь Володимиру моему хочеть пойти на мя.“ Городы, которіи обовязалъ ся былъ Володимирко вернути Изъяславу по нещастнôмъ сраженю пôдъ Перемышлемъ 1152 были: Бужскъ, Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ и Гнойница Зубрицкіи въ Исторіи галичскаго княжества есть того мнѣнія, що В. князь Юрій ôтступилъ Володимирку якую то область около Белза. Городы Шумскъ, Тихомль захвачени на пути зъ Кіева черезъ Владимирка лежали надъ Горинею; где лежали Гнойница и Выгошевъ, незнати. Бужскъ лежалъ въ области Белзской и той по всей вѣроятности зверхъ городôвъ надъ Горинею ôтступленый былъ Юріемъ князю Володимирку.

короля угорского Гейзу, противу Володимирку. Володимирко стоялъ тогды коло Белза, коли король угорскій черезъ Санокъ къ Перемышлю подвигалъ ся.

Володимирко утримовалъ такожь пріязніи ôтношеня съ бизантійскимъ царемъ Емануиломъ, который пределы угорского краю въ пользу Володимирка загрозилъ. Про то долженъ былъ Гейза ступати назадъ за горы для защиты своего краю. Однакожь на ôтходѣ обѣцялъ Изъяславу, що му въ случаю потребы належитую помôчь пôшле.

Въ самôмъ дѣлѣ явили ся Угры слѣдуючого року 1151 числомъ 10.000 кôнныхъ и соединились съ полками Изъяслава пôдъ Володимиремъ. Соединеніи силы встремились быстро къ Кіеву, но и Галицкій князь не медлилъ. Узнавши о походѣ Угоръ и Изъяслава двигнулъ ся на Волынь и на рѣцѣ Уши вразъ съ княземъ Пересопницкимъ заставилъ имъ дорогу. Изъяславъ и Угры прельстили князя Галицкого, розложили великій огонь, якій звычайно великіи полки на ночлегу розкладаютъ, а саміи уйшли по за плечи Володимирка къ Кіеву. Юрій незналъ ничого о походѣ Изъяслава и про то не сдѣлалъ былъ ніякихъ приготовленій, тому не позôстало ему теперь ничь иного, якъ зъ Кіева уступати. Ôнъ вразъ съ сыномъ Борысомъ переправилъ ся на лодцѣ на противню сторону Днѣпра къ Остерскому городку. Кіевъ и преддпѣпровская сторона попали-сь Изъяславу въ руки, а вся заднѣпровская остала ся при Юрію. Володимирко вознегодовалъ на Юрія про неосторожнôсть; „одинъ сынъ сѣдитъ въ Бѣлогородѣ а другій въ Пересопници, сказалъ ôнъ, и не вѣдалисте, що рать Изъяслава на Васъ иде; княжѣте сами, я одинъ не могу вôйны съ Изъяславомъ поддерживати.“ Ôттакъ ôтправилъ ся Володимирко въ Галичь; по дорозѣ выбралъ ôтъ всѣхъ, собою забраныхъ Волыньскихъ городôвъ пôдъ предлогомъ дани, золото, серебро и иніи дорогоцѣнности р. 1151.[59]).

Изъяславъ правилъ въ Кіевѣ пôдъ авторитетомъ Вячеслава, которого призналъ былъ вмѣсто ôтця. Юрій покушалъ ся еще разъ о Кіевъ, и призвалъ въ тôй цѣли на помôчь Половцѣвъ и пріязныхъ ему князей рускихъ, а именно Галицкого Володимирка. Изъяславъ же призвалъ Угрôвъ, пославши до угорского короля сына своего Мстислава. Угры явились, — Володимирко выступилъ въ поле, и установилъ ся коло Белза; тогда Изъяславъ двигнулъ ся быстро на Юрія, зразилъ ся съ нимъ у рѣки Рутъ, побѣдилъ го совершенно, а въ наслѣдокъ того Юрій ôтказалъ ся ôтъ Кіева. Угры вертаючи домôвъ вразъ съ Мстиславомъ Изъяславичемъ, рôзложили ся на ночлегъ у Дорогобужа. Честованіи хмѣлевыми напоями ôтъ тамошного князя Володимира Андреевича, заснули глубокимъ сномъ. Володимирко тайкомъ поступовалъ за Уграми, ударилъ на неосторожныхъ,

---

59) Ипат. лѣтопись стор. 56.

убилъ многихъ а прочихъ имилъ. Мстиславъ пробудившись ледва встигнулъ съ малою дружиною до Луцка утечи. По тôмъ вернулъ Володмирко до Галича. Изъяславъ устремилъ ся на Кіевъ, прогналъ Юрія зъ Переяславля, а Володимирь поручилъ брату своему Святополку.

Слѣдуючого року 1152 явилъ ся самъ король угорскій Гейза съ великаньскою силою пôдъ Перемышлемъ. Явились ту также Изъяславъ Кіевскій съ чорными Клубоками, соплеменниками Половцей, и братіею и сыновію своею, князями Володимирскимъ, Дорогобужскимъ и Пересопницкимъ. Войска рускіи и угорскіи соединивши-сь розложили ся на лѣвôй сторонѣ Сана. Володимирко где то межи Вяромъ и Саномъ стоялъ въ углѣ таборомъ, укрѣпленымъ окопами. Слѣдуючого дня по Недѣли Свѣтлого Воскресеня Христового, пустились угорскіи и рускіи полки въ брôдъ черезъ Санъ, овладѣли правымъ берегомъ Сана, и розбили и осадили за окопами скрывшого ся Володимирка. Володимирко ледва продеръ ся черезъ непріятельску рать и убѣгъ до Перемышля. Войска плѣнили великолѣпный дворецъ стоявшій где то на лузѣ близъ Сана[60]), и приступили до осады Перемышля.

Первои ночи, котора по битвѣ слѣдовала, пôслалъ Галицкій князь мужей своихъ до обозу угорского короля Гейзы. Тіи пôдкупили Архіепископа, сопровожавшого короля въ тôмъ походѣ и угорскихъ полководцей золотомъ и иными дарами, и склонили ихъ тымъ, щобы за Володимиркомъ у короля вставили ся. Послы освѣдчили королю, що князь Володимирко раненый въ битвѣ и тяжко розболѣвшій ся проситъ пощады и молитъ, щобы король былъ ему въ ôтця мѣсто, поминаючи заслуги, якіи ôнъ свѣдчилъ ôтцю его, слѣпому королю угорскому Белли. Король угорскій согласилъ ся, и противу желанію Изъяслава, хотѣвшого видѣти силу Володимиркову уничтожену, заключилъ миръ. Володимирко цѣловалъ крестъ, обѣтуючи повиновати ся и служити Изъяславу яко Великому князю, и вернути ему забраніи прежными лѣтами городы: Шумскъ, Бужскъ, Тихомль, Выгошевъ и Гнойницу. Сказуютъ, що короля угорского Беллю склонило къ такъ скорому миру грозное становище, якое якъ року 1150 такъ и теперь занялъ былъ Царь византійскои имперіи противу Уграмъ въ пользу Галицкого князя, друга и союзника своего 1152 р.[61]).

Володимирко не здержалъ мира и не ôтдалъ городôвъ, якъ было условлено, извиняючи ся тымъ, що его до тыхъ некорыстныхъ условій и до цѣлованя крестного присиловано. Изъяславъ повернувши до Воло-

---

[60]) Ипаг. лѣт. стор. 67 „еже баше дворъ княжь внѣ города, на лузѣ, надъ рѣкою Саномъ."

[61]) Зубрицкаго исторія галичскаго княжества Т. II. стор. 86.

димиря Волыньского, не мôгъ однакожь нiякихъ военныхъ мѣръ противъ Володимирка предпринимати и его до здержаня заприсяженыхъ условiй принудити. Бо власне тогды собралъ былъ Юрiй князь Суздальскiй, зôставши зо всѣхъ заднѣпрôвскихъ сторонъ вытисненый, великое войско, призвалъ такожь Половцей и загадалъ былъ Изъяслава зъ Кiева прогнати. Галицкiй князь выступилъ на Волынь въ тôй цѣли, щобы Изъяслава ôтъ защиты Кiева ôтвлечи и Юрiю случай подати, въ окрестностяхъ Кiева воспользовати ся. Изъяславъ выступилъ на самый передъ напротивъ Володимирка, однакожь Володимирко не впускалъ ся въ бой, но наполонивши здобычи доволѣ, оставилъ Волынь и обернулъ ся до Галича. Тогды двигнулъ ся Изъяславъ къ Кiеву и принудилъ Юрiя, тисненого неудачiю въ Суздаль удалити ся. Коли такъ Изъяславъ съ ворогами своими упоралъ ся, пôслалъ къ Галицкому князю посла съ крестными грамотами, упоминаючись о осуществленье заприсяженыхъ пôдъ Перемышлемъ условiй, т. е. о зверненье захваченыхъ, вышь наведеныхъ Волынькскихъ городôвъ. Володимирко прiялъ посла Великого князя Петра Борыславича дуже неблагосклонно и ругалъ ся, коли тôй звертал крестнiи грамоты и приводилъ ему въ память заприсяженiи обѣтницъ. Володимирко нехотѣлъ вернути городôвъ, приказалъ послу вынести ся зъ Галича, не давши ему ни повинного посламъ прокормленя ни подвода. Якбы за кару такого безбожного клятвопреступленя и нарушенье звычайного на земли Словяньской гостепрiемства умеръ Володимирко, еще того самого вечера апоплексiею удареный, власнѣ въ тôй хвили, коли ôтпѣвши вечерню зъ Церкви св. Спаса до дворця своего верталъ р. 1153.[62]).— Князь сей славолюбивый, опытный въ искуствѣ военнôмъ и неутомимо подвизаючiй ся въ походахъ военныхъ, при тôмъ прозорливый политикъ, старалъ ся доступити цѣли своей не тôлько оружiемъ но и дипломацiею. Володимирко мѣрилъ силы свои або и вязалъ ся съ могучими князями, вмѣшивалъ ся въ споры сусѣдôвъ, возбужалъ рати, або мирилъ спорячихъ и своею дѣятельностiю розширилъ предѣлы Галицкого княжества, мстилъ обиды нанесенiи на тоеже посторонными племенами и достигнулъ великого могучества на внѣ и въ справахъ рускихъ переважного влiяня. Володимирко хитростiю прельщалъ, обманивалъ и побѣджалъ ворогôвъ, бы безъ кровопролитiя прiйти до цѣли, ба наветъ не цурялъ ся клятвопереступленя. Въ прочемъ Володимирко свѣдомый былъ доброго званiя, якое провидѣнiемъ опредѣлене есть князямъ и владѣтелямъ; укорочати и карати безбожныхъ, а провадячихъ благочестивое житье защищати. Володимирко по обычаю тогдашного времене ôтдавалъ ся прилѣжному богомолiю. Ôнъ скрѣпилъ власть княжеску внутрь галицкого княжества и каралъ безощадно тыхъ, которiи ему измѣняли. Своего братанця и опа-

---

[62]) Ипат. лѣт. стор. 72.

сного соперники для властолюбивыхъ плянôвъ своихъ Ивана Берладника выгналъ зъ Галича, забезпечилъ престолъ своему сыну, утвердилъ въ галицкôмъ княжествѣ системъ простонаслѣдія въ родѣ своемъ и опровергнулъ наслѣдіе по старшеньствѣ.

ЯРОСЛАВЪ

Заразъ по смерти Володимирка призвалъ сынъ Ярославъ посла великого князя, прибываючого въ время смерти князя на ночлегу въ Болшовѣ и объявляючи жаль свôй о смерти ôтця своего, просилъ, щобы Изъяславъ простилъ ему вину и былъ ему въ ôтця мѣсто. Миролюбивый Ярославъ желалъ осуществити всѣ условія заключеного пôдъ Перемышлемъ договора, и намѣрялъ звернути великому князю всѣ занятіи Володимиркомъ Волыньскіи городы, но бояре супротивляли ся. Ярославъ радъ не радъ принуженъ былъ, не взираючи на крестніи грамоты, послушати совѣта бояръ и въ ôтданю захваченыхъ городôвъ ôтказати ся [63]).

Изъяславъ розполагалъ тогды Кіевскимъ княжествомъ и Волыньскими землями. Ôнъ надѣлилъ тыми своихъ племяникôвъ, именно ôтдалъ Володимирь брату Святославу, иному брату Володимиру Дорогобужь, а сынови Мстиславу Переяславль. Володимиръ Андреевичь, которого отець княжилъ давнѣйше въ Володимирѣ а потôмъ въ Переяславлю, надѣленъ былъ Берестьемъ. Ôнъ былъ братанцемъ великого князя. Призвавши всѣхъ тыхъ своихъ племяникôвъ надѣленыхъ волостями, и упросивши помочи у князя Черниговского Изъяслава Давидовича, вырушилъ Изъяславъ въ Галицкую область на Ярослава. Ярославъ такожь не медлилъ, но съ боярами и стройными полками своими выйшолъ многочисленнôй непріятельскôй рати на встрѣчу. У Серета, тамъ где тая рѣка съ Гнизною сплывае ся, передъ лицемъ укрѣпленого города Теребовлѣ завязала ся 17 Януарія 1154 р. жестокая битва межи Русинами зъ надъ Днѣстра и Сану а рускими мужами собравшими ся зъ просторонныхъ земель на лѣвôй и правôй сторонѣ Днѣпра и его доплывôвъ, Припети, Горини, Случи и западного Буга. Наступило страшное сраженье. Молодый князь по совѣту бояръ, обавляючихъ ся о житье его, не участвовалъ въ сраженю, но оставши въ городѣ позиралъ на движенье полкôвъ. На однôмъ крылѣ побѣдили Галичане, на другôмъ Великій князь. Братя Святополкъ и Владиславъ и сынъ великого князя Мстиславъ бѣжали. Однакожь Вел. князь Изъяславъ зôсталъ ся на поли сраженя и захватилъ много Галичанъ; многіи прибѣгали къ городу, собирали ся ту и приготовлялись до нового сраженя. Изъяславъ ôтъ своихъ племенникôвъ оставленый велѣлъ нечеловѣчимъ способомъ всѣхъ Галицкихъ плѣнникôвъ умертвити, а самъ еще тои самои ночи обернулъ ся назадъ до Кіева. Такъ Бужскъ и прочіи Волыньскіи Володимиркомъ за-

---

[63]) Ипат. лѣт. стор. 73.

хваченіи городы зостали при Ярославу. Еще того самого року въ Носмбрѣ умеръ Великій князь Изъяславъ. Ему послѣдовалъ найстаршій зъ рода Вячеславъ, который княженье съ Ростиславомъ изъ Смоленьска, такожь зъ роду Мономаха, дѣлити хотѣлъ. Вячеславъ умеръ скоро, а Ростиславъ уступилъ ся тогды Юрію Долгорукому, В. князю Суздальскому, который прійшовши на челѣ военныхъ полкôвъ Кіевомъ по третій разъ завладѣлъ. Юрій Долгорукій засѣлъ на Велико-княжескôмъ стôльци, а сынамъ своимъ роздалъ прилежачіи области: Глѣбу Переяславль, Андрею Вышегородъ, Борысу Туровъ. Въ Черниговѣ и въ Новгородѣ сѣверскôмъ княжили два Ольговичѣ именно въ Черниговѣ Изъяславъ Давидовичь, а въ Новгородѣ Святославъ Ольговичь. Въ Володимирѣ Волыньскôмъ владѣли Володимирскою областію по смерти Святополка сынове Изъяслава бывшого великого князя, именно княжилъ Мстиславъ въ Пересопници а Ярославъ въ Володимирѣ. Юрій Долгорукій опасалъ ся Мстислава, бы подôбно ôтцю своему не захотѣлъ такожь въ Кіевѣ засѣсти, бо видѣлисмо уже вышше, що отець его Изъяславъ Юрія Долгорукого два разы зъ Кіева проганялъ. Мстислава обавлялъ ся и Галицкій князь Ярославъ, понеже то былъ князь дѣлательный и предпріемчивый якъ отець его. Въ временахъ побѣды, ôтнесенои Уграми пôдъ Перемышлемъ, наставалъ Мстиславъ, щобы Володимирка уничтожити; тымъ объявилъ ôнъ былъ Галицкому князю свою неблагосклонность. Мôгъ оже Ярославъ опасати ся, що Мстиславъ буде упоминати ся и оружіемъ въ руцѣ домагати ся зверненя Володимирскихъ городôвъ, о которіи ôтъ кôлькохъ лѣтъ споръ велъ ся. Юрій и Ярославъ соединились, щобы за вчасу убезпечити ся и зъ Володимира опасного князя прогнати. Мстиславъ изгнаный ними зъ Пересопницѣ заперъ ся въ Луцку. Ту затворилъ ся и другій Изъяслявовичь, рôдный братъ его Ярославъ. Ярославъ Галицкій и присланіи ôтъ Юрія Долгорукого помôчніи полки осадили Луцкъ. Мстиславъ бѣжалъ зъ Луцка и удалъ ся до Польщи за помочію. Оставшій ся Ярославъ обороналъ ся крѣпко и принудилъ непріятелей сняти осаду, по чемъ кназь Галицкій понернулъ домôвъ року 1155. Скоро по неудачнôмъ подвизѣ на Луцкъ помирилъ ся Юрій съ Володимирскими князями. Былъ еще одинъ претендентъ Володимирского княжества, стрый Изъяславичей а братъ ôтця ихъ, Володимиръ Мстиславичь. Той оспоривалъ Ярослава и Мстислава и притязивалъ Володимирскій престолъ для себе, яко старшого въ родѣ.

Оже ту въ Володимирскôмъ княжествѣ повторяе ся борба, которая ôтъ давна о Кіевъ и Велико-княжескій престолъ вела ся. Сынове великихъ князей хотятъ наслѣдити ôтцямъ по простонаслѣдію, но братя ôтцей ихъ защищаютъ свое право наслѣдія во старшеньству.

Были еще и иніи притязателѣ Волыньского престола, именно Володимиръ Андреевичь князь Берестейскій, которого отець, якъ мы высше

сказали, владѣлъ въ Володимирѣ, а по тôмъ въ Переяславли; жилъ такожь еще Георгій сынъ Ярославця, бывшого князя Володимирского, убитого пôдъ стѣнами Володимира. Володимиръ Мстиславичь содѣйствовалъ въ настоячой вôйнѣ на сторонѣ Юрія и Ярослава князя Галицкого въ время осады Луцка [64]). Здае ся, що великій князь Юрій вступалъ ся за правомъ сего князя опираючого ся на старшеньствѣ. Наконець Великій князь Юрій помирилъ ся съ Изъяславичами и наступилъ новый дѣлежь Володимирского княжества. Володимиръ Мстиславичь отрималъ Володимирь, Ярославъ Изъяславичь Луцкъ, а Мстиславъ Изъяславичь Пересопницю. Пôзнѣйше встрѣчаемъ еще одного наймолодшого сына Изъяслава, Ярополка на престолѣ въ Бужску. Въ прочемъ былъ тогды Бужскъ пôдъ властію Ярослава. Якою мѣрою и на якое время Ярополкъ въ Бужску вокняжилъ ся, того не знаемъ [65]).

Борба о наслѣдіе межи Володимиромъ, защищаючимъ принципъ старшеньства и Мстиславомъ хотячимъ вокняжитись по простонаслѣдію, въ року 1156 воспламенѣла на ново. Мстиславъ двигнулъ ся нечаянно къ Володимирю, завладѣлъ столицею, полонилъ жену и матерь Володимира, и захвативши многіи богатства заточилъ ихъ въ Луцку. Володимиръ бѣжалъ черезъ Перемышль до Угоръ шукати помочи. Юрій Долгорукій и нашь Ярославъ Галицкій выступили такожь ему на помôчь, соединили полки свои на Волыни у Свиносъ, осадили Володимирь и опустошали окрестности Червеня. Кровь лялась струями, но Изъяславичѣ боронили ся хоробро. При великôмъ князю содѣйствовали Берендѣи, нарôдъ сродній Половцямъ и Володимиръ Андреевичь. Великій князь выступилъ противу Мстиславу за Володимиромъ Мстиславочомъ, стрыемъ его, не гадалъ однакожь ôтзыскати для него Володимиря, но хотѣлъ тамъ Володимира Андреевича посадити. Не успѣвши здобути Володимиря, снялъ осаду и ôтпустилъ Ярослава въ Галичь а Володимиру Андреевичу ôтдалъ Пересопницю и Дорогобужь 1156 [66]). Такъ Володимиръ Мстиславичь зôсталъ ся безъ удѣла, подôбно якъ и сынъ Ярославця Георгій, не ôтказавши ся однакожь доходити земель и удѣлôвъ съ оружіемъ въ руцѣ.

Подôбну вôйну о наслѣдіе якъ межи Володимиромъ и Мстиславомъ въ Володимирѣ велъ въ Галичи Ярославъ съ племяникомъ своимъ Иваномъ Берладникомъ. Сей князь, сынъ Ростислава, старшого брата Володимирка, малъ по простонаслѣдію неоспоримое право на престолъ. Былъ ôнъ вѣ-

---

[64]) Ипат. лѣт. стор. 78. „Володимиричь же Ярославъ Галичскій съ Володимиромъ Мстиславичемъ мачешичемъ стоявше у Лучска и не въспѣвше ничтоже вратишa ся опять."

[65]) Зубрицкій 105, II.

[66]) Ипат. лѣт. стор. 80.

роятно старшій лѣтами ôтъ Ярослава, оже и по старшеньствѣ належа.. ся ему наслѣдіе въ Галичи.

Ôтколи уничтожено право старшеньства и укрѣплено право простонаслѣдія въ низходячой линіи на велико-княжескôмь престолѣ въ Кіевѣ, ôтъ тогды розродившіи ся роды спорятъ межи собою о Кіевскій престолъ, именно Мономаховичѣ съ Ольговичами, а часто Мономаховичѣ саміи межи собою. Ôтъ коли великій князь пересталъ быти старшій по лѣтамъ въ княжескôмъ поколѣнію, и велико-княжескій престолъ въ Кіевѣ сталъ ся собственностію одного рода, ôтъ тогды настаютъ и прочіи роды въ удѣлахъ укрѣпляти ся и ôтъ составу старинной державы рускои, которои середоточіемъ былъ Кіевъ, чимъ разъ бôльше ôтдаляти ся.

Передъ всѣми ôтдѣлило ся ôтъ прочого составу Галицкое княжество на юзѣ а Суздальское на сѣверѣ. Князѣ тыхъ обохъ княжествъ идутъ зразу рука въ руку съ собою. Въ настоячôмъ времени родина Изъяславичей именно Мстиславъ вкоренила ся въ княжествѣ Володимирскôмъ. Пôзнѣйше и иніи удѣлы слѣдуютъ тому загальному правилу. Борба, которая о велико-княжескій престолъ вела ся, переноситъ ся въ удѣлы; молодшіи оспорываютъ старшихъ и якъ о великокняжескій престолъ спорили роды, такъ ту спорятъ члены одного рода. По смерти удѣльного князя сынове его мали право дѣлити ся землями и повинни были узнавати старшого яко ôтця и яко голову родины. Часто былъ дѣлежь нерôвный, и повставала борба о границѣ, часто старшіи выключали молодшихъ зъ удѣлôвъ, молодшіи же вытисняли молодшое поколѣнье старшихъ, ползуючи ся ихъ сирôтствомъ або малолѣтствомъ. Кождый князь намагалъ ся посѣданіи нимъ области сыну своему въ наслѣдство передати. Изгнаніи ôтъ братій своихъ князѣ искали помочи або у великого князя, або у иныхъ рускихъ князей и такъ продолжали ся роздоры и рати на рускôй земли безустанно. Зъ того становища представили мы борбу о наслѣдіе въ Володимирѣ и зъ того самого становиска понимаемъ борбу Ярослава Галицкого съ Іоаномъ Берладникомъ.

Іоанъ Берладникъ убѣгъ былъ якъ мы видѣли зъ Галича 1144 до Великого князя Всеволода, который за нимъ противу Галицкому князю ратію вступилъ ся. По смерти Великого князя Всеволода служилъ ôнъ на челѣ охотникôвъ, которіи около него горнули ся або може быти и съ останками своеи дружины, рускимъ князямъ за добру заплату. Такъ н. пр. служилъ у князя Черниговского, Смоленьского а наконецъ у Суздальского Юрія Долгорукого. Ôтъ коли Юрій завладѣлъ Кіевомъ, пребывалъ Иванко Берладникъ въ тôмъ городѣ. Тымъ затревоженый Ярославъ, желалъ черезъ послôвъ, князя Святополка сына Юрія Туровского, который въ службѣ его зôставалъ и черезъ Коснятина Сѣрославича, щобы Великій князь Иванка Берладника ему выдалъ. Но коли за Берладникомъ вставлялъ

ся митрополитъ и прочое высокое духовеньство, тогды Юрій отказалъ тому предложеню князя Галицкого. Щобы однакожь обавы его заспокоити, приказалъ Иванка зъ Кіева въ далекій Суздаль отвезти. На дорозѣ до Суздаля захватилъ Иванка князь Черниговскій Изъяславъ Давидовичь и схоронилъ го въ Черниговѣ. Той князь заключилъ былъ такожь союзъ съ княземъ Володимирскимъ Мстиславомъ и готовилъ ся до войны противъ Юрія. Но власнѣ въ тое время умеръ Юрій Долгорукій р. 1157, а Изъяславъ по зову Кіевлянъ вступилъ на велико-княжескій престолъ.

Вразъ съ Изъяславомъ прибылъ такожь до Кіева захваченый отъ Изъяслава Иванъ Берладникъ, страшилище Галицкото князя. Изъяславъ вступаючи въ Кіевъ, уступилъ Черниговъ другому Ольговичу Святославу. Онъ преже всего печалилъ ся, щобы Володимира Мстиславича заспокоити, прогнаного якъ мы сказали, братанцями своими Ярославомъ и Мстиславомъ зъ Володимиря. Георгій Ярославичь былъ завладѣлъ Туровомъ Великій князь хотѣлъ прогнати Георгія, сына Ярославца, зъ Турова, щобы тою областію Володимира надѣлити. Въ той цѣли вырушилъ самъ на челѣ полковъ въ поле, и приказалъ Ярославу Галицкому помагати ратію. Ярославъ знаючи добре, акое орудіе противу нему мае Великій князь въ особѣ Берладника, повиновалъ ся, и пославъ вспомагательніи полки до Турова и Пинска (на Припети). Однакожь Георгій Ярославичь хоробро защищалъ ся. Великій князь снялъ осаду, до чего причинила ся и явившая ся зараза коньская въ таборѣ, и повернулъ безъ успѣха до Кіева, Галицку же вспомагательну рать отпустилъ домовъ р. 1158. Ярославъ Галицкій добре вѣдалъ о нежичливости Великого князя Изъяслава къ нему. Берладникъ здае ся подмавлялъ Изъяслава неустанно противу Галицкому князю; про то Ярославъ старалъ ся грозячое небезпеченьство завчасно отстоpонити и противу Великому князю оборонительный союзъ утворити. Но еслибы и того не было, то по крайной мѣрѣ за посредствомъ посольствъ и переговоровъ снискалъ Ярославъ у всѣхъ майже современныхъ князей, що они уважаючи Берладника яко камѣнь преткновеня настоячого порядку на Руси и яко мужа неспокойного, могучого своими притязаніями вспертыми отъ Великого князя замутити вообще спокой, зажадали у Великого князя черезъ пословъ, щобы Берладника Галицкому князю выдалъ. Такое требованье предложили Великому князю Мстиславъ Изъяславичь Володимирскій, Ярославъ Изъяславичь Луцкій, Володимиръ Андреевичь Пересопницкій, Святославъ Ольговичь Черниговскій и Ростиславъ Смоленьскій. Наветъ король угорскій и князѣ польскіи вспирали посольствами настоячое предложенье князей рускихъ 1158 року. Изъяславъ „припрѣ всѣхъ и отвѣтъ имъ давъ отпусти я“ [67]); т. е. Ве-

[67]) Ипат. лѣтопись. стор. 83.

ликій князь Изъяславъ ôтказалъ ся исполнити желанье нарочитого посольства туземныхъ рускихъ и иностороннихъ князей. Берладникъ однакожь напудивши ся бѣжалъ къ Половцямъ, и съ помочію Половцей устремилъ ся къ наддунайскимъ городамъ, которыми прежнѣйшими лѣтами управлялъ.

Держава Ярослава Галицкого розтягала ся ажь по устье Дуная. Ту приходили судна купцей Галицкихъ съ богатыми товарами, везеными ôтъ берегôвъ Анатоліи; ту шатали ся рыбаръ Галицкіи за ловлею рыбъ въ глубинахъ Дуная и Чорного моря. Берладникъ мстилъ свое изгнанье, забралъ два кубаръ т. е. судна Галицкіи, пакостилъ ихъ рыболовамъ [68]), и въ загалѣ затревожилъ сообщенье посторонныхъ областей черезъ Чорное море съ ôтдалеными стрефами востока, котре ту на устію Дуная сосередоточало ся. Число Половцей и прочихъ охотникôвъ около Іоана Берладника громадившихъ ся, увеличило ся до 6000 мужа. Съ такою силою двигнулъ ся Иванъ въ направленю къ Днѣстру, завладѣлъ городомъ Кученьминомъ, и осадилъ Ушицу. Засада Ярослава вôйшла была въ Ушицу. Состояла она частію зъ хлопôвъ. Бояре крѣпко боронили ся, хлопы начали убѣгати къ Ивану. Половцѣ хотѣли приступомъ взяти городъ, Ростиславъ же противилъ ся. Тымъ розсердили ся Половцѣ и покинули Ивана. Тогды Изъяславъ видѣвши Ивана оставленого, призвалъ го назадъ до Кіева. За тое готовили ся на вôйну противъ Изъяславу Волыньскіи князѣ, Мстиславъ Володимирскій и Володимиръ Андреевичь зъ Пересопницѣ, вступаючи ся за Ярослава Галицкого противу Берладнику. Изъяславъ успѣлъ привлечи Святослава Ольговича на свою сторону, и заключилъ съ князями того племене на съѣздѣ въ Лутавѣ оборонительный Кіевско-Черниговскій союзъ въ року 1159. Берладникъ утримовалъ сношенія съ Галицкими боярами. Тіи призвали Ивана Берладника и обѣтовали ôтступити ôтъ Ярослава [69]). Современно готовилъ ся ратію Изъяславъ на Ярослава Галицкого, щобы притязанія Ивана всперти. Однакожь Ярославъ и его союзники выпередили Великого князя и его заплечника.

Ярославъ, а съ нимъ князѣ Волыньскій и Пересоцницкій встремили ся на Кіевъ. Стало ся, що Изъяславу измѣнили Берендѣи и Торки; Святославъ Ольговичь оставилъ его въ тôй опасности безъ помочи. Союзники овладѣли Кіевомъ р. 1159, и посадили тамъ Ростислава зъ Смоленьска. Изъяславъ бѣжалъ до Половцей, и нападалъ за ихъ помочію области то Кіевску, то Черниговску. Ôттакъ дѣйствуе рать Галицкая вразъ съ Волыньскими, Смоленьскими и Черниговскими князями, сражае ся съ

---

68) Ипат. лѣт. 83. 84.

69) Ипат. лѣт. стор. 84 „Томъ же лѣтѣ поча рать Изъяславъ Давидовичь на Ярослава на Галичского, ища волости Иванови Ростиславичу, рекшему Берладнику, слахутъ бо ся къ нему Галичане.“

Половцями 1159 межи Мунаревомъ а Ярополчемъ, и побѣжае ихъ. Въ 1160 року прибыла Галицкая рать пôдъ проводомъ Теодора Елцича на помôчь Черниговскому, ôтъ Изъяслава и Половцей напастованому князю Святославу. Въ року 1161 вспирала Галицкая рать Великого князя Ростислава противу Изъяславу. Изъяславъ сразилъ ся, но зôсталъ побитъ, и найшолъ смерть при Желани року 1161.

Иванъ Берладникъ держалъ ся изгнаного Изъяслава. Его охотники, званіи Берладниками, шатали ся по побережу Чорного моря и овладѣли торговельнымъ городомъ Олешію року 1161. Въ року 1162 защищалъ ся Иванъ Берладникъ въ городѣ Веревѣ вразъ съ женою своего покровителя Изъяслава, противу великому князю Ростиславу Смоленьскому. Въ року 1162 умеръ Иванко въ Тесалоницѣ отруенъ ѣдомъ, лишивши одного сына и наслѣдника своихъ притязаній и нещастной судьбы своей Ростислава.

Ôттакъ ôтъ року 1162—1167 неопускали Галицкіи полки Галицкихъ предѣлôвъ. Были то щастливіи лѣта княженя Ярослава. Ôнъ утримовалъ пріязніи ôтношеня съ царями византійскими; у него искалъ 1165 Андроникъ Комнинъ, сынъ Исакіа, братъ Емануила убѣжища и отрималъ гостинный пріемъ. Ярославъ определилъ ему кôлька городôвъ Галицкихъ на ôтповѣдное его достоинству утриманье [70]). Въ року 1167 участвовали стройніи Галицкіи полки съ 11 иными западными, ôтъ Днѣпра довольно ôтдалеными князями, межи прочими съ Мстиславомъ Володимирскимъ, Ярославомъ Луцкимъ, Ярополкомъ Бужскимъ и Владимиромъ Пересопницкимъ, въ походѣ къ Каневу [71]). Туда ôтправили ся они по требованю Великого князя и вразъ съ нимъ тутъ розположили ся, бы судна греческихъ и херсоньскихъ купцей противу нападамъ по степамъ шатаючихъ ся военныхъ Половцей защищати. Судна греческихъ и херсоньскихъ купцей сопровожали въ тое время рѣкою Днѣпромъ въ городы рускіи, особливо же въ городъ Кіевъ, дорогоцѣнніи товары.

Въ року 1167 умеръ Великій князь Ростиславъ. Нарôдъ и князѣ завôзвали Мстислава Изъяславича зъ Володимиря на велико-княжескій престолъ въ Кіевѣ. Ярославъ Галицкій выслалъ пять стройныхъ полкôвъ доброму сусѣду на помôчь. Мстиславъ вступилъ въ Кіевъ, предпринялъ блестательный подвигъ противу Половцей, и о благо пôдвластныхъ земель щиро печалилъ ся. Тымъ часомъ укновалъ Андрей Боголюбскій, сынъ и наслѣдникъ Юрія Долгорукого, князь Влодимиро-Суздальскій плянъ къ уничтоженю Кіева. Ôнъ завидуючи величію и цвѣтучому состоянію столицѣ стародавной Руси, привлѣкъ за посредствомъ тайныхъ переговорôвъ

---

[70]) Ипат. лѣт, стор. 93.
[71]) Ипат. лѣт. стор. 94.

на свою сторону Заднѣпровскихъ князей и пôслалъ рать пôдъ проводомъ бранилюбивого сына своего Мстислава. Мстиславъ завладѣлъ Кіевомъ. Великій князь Мстиславъ обороналъ ся мужественно, однакожь на дармо. Ôнъ ледво успѣлъ призвати братей своихъ, князей Волыньскихъ, Берендѣевъ и Торкôвъ на помôчь. Мстислава полки вдерли ся дня 12 Марта 1169 въ стѣны Кіева, а Мстиславъ съ братію спасъ ся бѣгствомъ въ Володимирь Волыньскій. Жена, сынъ и бôльшая часть дружины его попали ся въ руки непріятеля. Непріятелѣ грабили городъ, зажигали домы, захвачали частное имущество, лишали церкви дорогоцѣнностей, иконъ, книгъ, священыхъ ризъ и пр. [72]). Мстиславъ посадилъ на престолъ Кіевскій Глѣба, князя Переяславского, однакожь въ зависимости ôтъ ôтця своего, князя Владимиро-Суздальского, и самъ съ богатымъ полономъ ôтправилъ ся въ Володимиръ Клязменьскій. Андрей Боголюбскій принялъ титулъ Великого князя, и уважалъ Кіевъ яко удѣлъ зависячій ôтъ престола Володимиро-Клязменьского. Ôтъ тогды князѣ Володимиро-Клязменьскіи розполагаютъ Кіевомъ, одныхъ князей ôтси проганяютъ, другихъ постановляютъ. Въ время, коли Володимиро-Суздальскіи князѣ затрудненіи были дома, стае ся Кіевъ предметомъ спора межи сусѣдними Смоленьскими, Черниговскими и Волыньскими князями. Прогнаніи зъ Кіева князѣ искаютъ союзникôвъ и продолжаютъ борбу не о Велико-княжескій престолъ въ Кіевѣ, которого могучества ледва тѣнь позôстала, но лишь о титулъ Великого князя и о городъ Кіевъ съ прилежачою ôтъ давна уже до него областію.

Ярославъ Галицкій былъ рѣшительнымъ непріятелемъ Андрея Боголюбского. Ôнъ въ противнôсть ему вспомагалъ всѣхъ князей, которіи ходили ратію на установленыхъ нимъ въ Кіевѣ князей, або которіи вообще противили ся направленю политическому сего Володимирско-Суздальского князя. Такъ въ року 1170 вспомагалъ Ярославъ ратію Мстислава Изъяславича, князя Волыньского противу Володимиру Андреевичу, князю Пересопницкому и Дорогобужскому. Сей князь спріялъ Андрею Боголюбскому и участвовалъ въ заговорахъ Андрея противу Мстиславу. Мстиславъ оже по утратѣ Кіева предпріялъ военный похôдъ, щобы нещирого племяника укарати. Мстиславъ немôгъ соединенымъ силамъ Галицкимъ и Володимирскимъ противустанути. Ôнъ, зложеный тяжкою болѣзнею, въ время настоячои брани преставилъ ся, по чемъ удѣлы его Пересопниця и Дорогобужь дôстали ся въ руки Володимиру Мстиславичу, знаному намъ уже стрыеви настоячого Володимирского князя Мстислава [73]). Въ року 1171 предпріялъ Мстиславъ ратный похôдъ въ цѣли ôтыскання

[72]) Ипат. лѣт. стор. 100.
[73]) Ипат. лѣт. стор 100. 101.

Кіева. Вспомагалъ его рôдный братъ Ярославъ Луцкій, и помôчь прислана ôтъ сусѣда Ярослава Галицкого. Мстиславъ завладѣлъ вторично Кіевомъ и осадилъ Вышегородъ. Въ тое время ôтступилъ ôтъ него самовôльно воевода Галицкій Коснятинъ Сѣрославичь. Ôнъ спѣшилъ въ Галичъ, и ту дѣлалъ въ направленю сторонництва въ Галичи, которое противу князю Галицкому было образовало ся. Мстиславъ долженъ былъ по ôтступленю Галицкого воеводы оставити ся всѣхъ приобрѣтеній. Ôнъ уступилъ ся зъ Кіева и лишаючи сей городъ на произволъ спорячихъ князей, повернулъ больный зъ Кіева до Володимиря и умеръ р. 1170.

Романъ Мстиславичь

По немъ наслѣдилъ въ Володимирскôмъ княжествѣ сынъ Святославъ, а по того смерти случившôй ся року 1175, молодшій братъ его Романъ, основатель нашои династіи Романовичей, вславившій ся надзвычайнымъ властолюбіемъ, остроуміемъ и мужествомъ.

При Романѣ княжилъ стрый его Ярославъ въ Луцку. По умертвленю Андрея Боголюбского черезъ заговорщикôвъ, выступилъ Ярославъ Луцкій противу его союзникамъ. Его вспиралъ Ярославъ Галицкій р. 1173. За помочію Волынцей и Галичанъ завладѣлъ Ярославъ Кіевомъ, однакожь уступилъ скоро сей городъ добровôльно Роману Ростиславичу Смоленьскому. Ярославъ Галицкій вспомагалъ Рурика противу Святослава Всеволодовича зъ роду Ольговичей 1180 [74]). Колиже Святославъ зъ роду Ольговичей, изгнавши Рурика, на престолѣ Кіевскомъ утвердилъ ся, тогды по зову его, вспиралъ Ярославъ Галицкій вспомагательными полками Святослава въ настоячой борбѣ съ Половцями р. 1183 [75]). Въ тыхъ походахъ не участвовалъ Ярославъ самъ, но посылалъ стройни полки свои пôдъ проводомъ 3 знаменитыхъ людей, именно Теодора Ельцича и Коснятина Сѣрославича. Ярославъ не искалъ завоеваній, ôнъ задовôльнялъ ся Галицкою областію и давалъ помôчь обиженымъ князямъ противу городамъ и насильствуючимъ. Ярославъ любовалъ ся бôльше въ дѣлахъ мирныхъ, нижели ратныхъ. Въ время, коли его воеводы искали славы въ ôтдаленыхъ областяхъ Руси, коли участіе Галицкого оружія въ справахъ рускихъ снискало княжеству Галицкому въ южнôй Руси перевѣсъ, который ôтдалени князѣ Володимиря Суздальского на дармо оспоривали, тогды Ярославъ зъ столечного своего города Галича промышлялъ о пôднесеню земледѣлія, торговлѣ, цвѣтучого состоянія городôвъ и проч. Галицкая земля не видѣла черезъ двадцять лѣтъ передъ смертію Ярослава въ предѣлахъ своихъ вооруженого ворога. Ярославъ уникалъ, о много мôгъ, кровопролитія, ôнъ щадилъ крови своихъ пôдданыхъ, но часто на военнии

---

74) Ипат. лѣт. стор. 123.

75) Ипат. лѣт. стор. 127.

подвиги полки иноплеменникôвъ наймалъ за грошѣ. [76]). Пôдъ такимъ благоразумнымъ, надзвычайными правительствеными добродѣтелями одаренымъ княземъ, процвила Галицка Русь. Но то уже естество щастя земного, що оно часто тогды, коли водворивши-сь, достигло найвысшой степени, зародъ розтлѣня въ собѣ скрывае.

Въ родинѣ Ярослава возникъ роздоръ. Ярославъ былъ женатый якъ мы видѣли ôтъ року 1152 съ Ольгою, дочкою Юрія Долгорукого. Тая родила ему Володимира. По при жену сообщалъ ся Ярославъ съ коханкою Анастасіею, прозваною по нарôдному выговору Настаською. Тая уродила Ярославу сына природного (незаконного) Олега. Законна жена горевала на любительницю своего мужа. Настаська принадлежала родинѣ званой „Чарговыми". Здае ся, що черезъ Настаську родина Чарговыхъ достигла до великого вліянія на князя и на государствени дѣла, про що негодовали прочіи бояре. Такъ семейственый роздоръ княжеского дома привелъ за собою и роздоръ въ дружинѣ и боярахъ. На челѣ неудовольныхъ бояръ стоялъ знаный нашъ воевода, Коснятинъ Сѣрославичь. Проживалъ еще въ Галичи при боку князя Ярослава, князь Святополкъ, сынъ Георгія Ярославича владѣвшого Туровомъ. Сей князь спріялъ также потаемно партіи неудовольныхъ. Стало ся, що року 1172 княгиня съ сыномъ оставила Галичь и переселила-сь въ Польщу. За нею послѣдовали Коснятинъ Сѣрославичь и неудоволени бояре. Княгиня проживала вразъ съ сыномъ и товаришами своей сумной долѣ черезъ 8 мѣсяцей у Ляхôвъ. Сынъ Володимиръ выпросилъ у тогдашного князя Володимирского Святослава Червень и обѣцялъ тому звернути Бужскъ и еще кôлька городôвъ Бужскъ находилъ ся тогды снова въ рукахъ Галицкого князя. Зъ Червеня переселилъ ся Володимиръ съ своими соумышлениками въ Галичь. Въ тôмъ наступило въ Галичи страшное движенье. Бояре понудили жителей пôйти за собою. Тіи возстали, поубивали рôдъ Чарговыхъ, Настаську и ей сына имили, розложили огонь, спалили Настаську, сына всадили въ темницу, а князя водили къ кресту и понудили до клятвы, що призве законну жену и съ нею по правдѣ жити име [77]). Княгиня и сынъ ей Володимиръ повернули, но не на долго. Уже року 1173 убѣгае Володимиръ зъ Галича, но небавомъ до ласки ôтця принятый, повертае назадъ. Межи 1181—1183 самъ отецъ Ярославъ изгналъ Володимира зъ Галицкой землѣ. Володимиръ въ року 1173 былъ найшолъ пріемъ у Ярослава, князя Луцкого. Въ року 1181 искалъ ôнъ пріема у Романа Володимирского, но не принятый ôтъ него, скиталъ ся ôтъ князя до князя, ажь наконець прій-

---

[76]) Ипат. лѣт. стор. 108. „Пославъ Ярославъ Галичскій приведе Ляхи въ помочь собѣ и да имъ 3000 гривенъ серебра".

[77]) Ипат. лѣтопись стор. 106.

шолъ до Путивля до князя Игоря, знаного рускимъ читателямъ зъ слова о полку Игоревômъ, потомка Ольговичей. Той вставилъ ся за нимъ у Ярослава. Ярославъ по третій разъ принялъ Володимира до милости. Ôттакъ Володимиръ повернулъ до Галича и ту проживалъ ажь по смерть ôтця.

Жена Ярослава Ольга оставила на всегда Галичь и мужа своего, и удала-сь въ Суздаль, где жила при братѣ В. князя въ згодѣ ажь до смерти своей. Ярославъ малъ двохъ сынôвъ, законного Володимира и незаконного сына ôтъ Настаськи, увязненого, а потôмъ освобоженого Олега. Настаськи Олегъ малъ по всей вѣроятности владѣтельніи добродѣтели, которыхъ законный сынъ Володимиръ не посѣдалъ. Володимиръ огорчалъ сердце ôтця злыми пороками, душа его была преисполнена страстьми, которіи владѣтелю и князю найменьше пристоятъ, ба навѣть если владѣтель ними поводуе ся, благоденьству державы загрожаютъ. Про то благородный Ярославъ опредѣлилъ Олегу Галичь, а Володимиру призначилъ Перемышль. Созвавши сынôвъ и бояръ, объявилъ тое присмертное завѣщанье всенарôдно и водилъ ихъ къ кресту т. е. велѣлъ имъ здѣлати торжественну клятву, що волю его соблюдятъ, и що не имутъ искати Галича пôдъ Олегомъ, ни Володимиръ ни бояре [78]). Такъ уладивши наслѣдіе и роздѣливши княжество Галицке снова на два удѣлы, Галицкій и Перемышельскій, умеръ Ярославъ року 1187.

Рускій пѣвець о полку Игоря, ровесника князя Ярослава, прозвалъ его Осмомысломъ, про его мудрôсть и владѣтельніи добродѣтели. „Галицкій Осмомысле Ярославе! высоко сѣдиши на своемъ златокованôмъ столѣ, пôдперъ горы угорскіи своими желѣзными полки, заступивъ королеви (угорскому) путь, затвори въ Дунаю ворота, меча бремены (тяжкіи вещи) черезъ облаки, суды (судна-кораблѣ) рядя до Дуная. Грозы твоя по землямъ текутъ; отворяеши Кіеву ворота, стрѣляеши съ отня злата стола Султаны (т. е. хановъ Половцей) [79]). Тыми образами воспѣлъ пѣвець правленье Галицкого Ярослава. И въ самôмъ дѣлѣ вводилъ Ярославъ на Кіевскій престолъ князей, вспомагалъ рускихъ князей въ борбѣ съ Половцями и самъ ихъ побѣжалъ. Подвиги стройныхъ полкôвъ розпростороняли грозу имени и могучества его, и ледва якіи укрѣпленя и городы передъ бременами вержеными за посредствомъ военныхъ махинъ остояли-сь. Король угорскій не вмѣшивалъ ся въ время Ярослава въ дѣла князей рускихъ; Ярославъ желѣзными, т. е. непреодолимыми полками пôдперъ Карпаты т. е. затворилъ всѣ входы и выходы Карпатскихъ гôръ. Ярославъ владѣлъ ключомъ торговлѣ надъ Дунаемъ, маючи устье въ рукахъ своихъ; Галицкіи городы користали зъ тыхъ ôтношеній и посылали кораблѣ и судна купецкіи рѣками до Дуная.

---

[78]) Ипат. лѣт. стор. 136.

[79]) Слово о полку Игоря Святославича. Въ Львовѣ 1850. стор. 28. 29

Ярославъ опровергнулъ присмертнымъ своимъ постановленьемъ право простонаслѣдія въ низходячой линіи, и подѣлилъ княжество Галицкое на двѣ части. По праву простонаслѣдія принадлежалъ престолъ въ Галичи Володимиру. Бояре не сдержали крестного цѣлованя, они скоро по смерти Ярослава изгнали Олега, бѣжавшого въ Увручь, и призвали Володимира. Володимиръ вступилъ на столець Галицкій въ противнôсть завѣщаню ôтця по зову бояръ и мужей Галицкихъ, и завдячовалъ Галицкій престолъ тымъ мужамъ и боярамъ [80]).

ВОЛОДИМИРЪ

Ôтколи удѣльніи княжества перестали быти собственностію цѣлого роду Рурикового, ôтколи они ôтъ составу рускои державы и велико-княжеского престола въ Кіевѣ ôтдѣлили ся, ôтколи укрѣпили-сь при удѣлахъ династіи, которіи землѣ пôдвластніи сынамъ въ наслѣдство передавали, ôттогды и бояре и личная княжеска дружина, дѣлившая съ княземъ благо и горе, перестала по смерти князя своего зъ княжества на княжество, зъ города до города шатати-сь, и вразъ съ уступаючими зъ удѣлôвъ сынами, зъ одного удѣла на другій, зъ сѣверу на югъ, зъ востока въ западніи области Руси переносити-сь.

Дружина князя поселила ся при утвердившôй ся въ якôмъ то княжествѣ династіи, и надѣлена областями и городами, не лишала ся тыхъ по смерти ôтця князя, передавала занятіи въ доживотье области и городы своимъ сынамъ, и перемѣняючи довременни посѣлости въ ôтцѣвства, розбогатѣла и розгордѣла ся на способъ сосѣднихъ угорскихъ и польскихъ вельможей. Мы видѣли, що въ время Володимира и Ярослава дерзнули бояре и мужѣ Галицкіи вмѣшивати-сь въ дѣла и роздоры семейніи своихъ князей. Тіи бояре и мужѣ розвинули по смерти Ярослава еще бôльше вліяня и могучества, а то тымъ скутечнѣйше, понеже Володимиръ имъ престолъ завдячовалъ, и понеже оніи мужѣ на челѣ полкôвъ, которыми при Ярославѣ доводили, яко и при прежнихъ достоинствахъ, урядахъ и угодіяхъ лишили ся. Володимиръ не ходилъ по закону Божому, и не правилъ по воли мужей Галицкихъ и по стародавному рускому обычаю. Ôнъ ôтвергъ законну жену, ôтнялъ жену у одного попа, и сплодилъ зъ ней двохъ сынôвъ. Тымъ дѣломъ оскорбилъ Володимиръ моральное чувство Галичанъ, которіи высоко почитали и соблюдали законнôсть и неповреженôсть фамилійной жизни, не меньше оскорбилъ ихъ гордôсть и высокомѣріе. Они не хотѣли вмѣсто законной женѣ князя, происходячой зъ рода княжеского, кланяти ся женѣ попа, которую може быти и для того, що принадлежала нисшому сословію, пренебрегали. Володимиръ не мôгъ снискати уважаня у пôдвладныхъ розгордѣлыхъ бояръ, понеже

---

80) Ипат. лѣт. стор. 136. „сдумавши мужи Галичскіи съ Володимиромъ преступивша крестно цѣлованье.“

ôтдавалъ ся сластолюбію и надъ мѣру хмѣльными напоями упивалъ ся [81]). Сверхъ того Володимиръ правилъ по произволу, а не по давному рускому обычаю. Жерело сказуе, що Володимиръ „бѣ любезнивъ питію многому и не любяше думы съ мужи своими [82])" т. е. ôнъ не созывалъ думы, и не совѣтовалъ ся съ дружиною надъ важными дѣлами княжества. Про то, злыми пороками и правительственымъ произволіемъ огорченіи бояре и мужѣ Галицкіи, снуютъ плянъ противу князю, и входятъ въ порозумлѣнье съ сосѣднымъ княземъ Володимирскимъ Романомъ Мстиславичемъ. Бояре и мужѣ совокупили свои полки [83]), утвердили-сь клятвою, и грозою объявили Володимиру, що они не на него востали, но не хотятъ кланяти-сь попади, и що ю убити намѣряютъ. Знали они добре, що Володимиръ не лишитъ попадѣ, тому осмѣленіи впростъ противу князю выступили и ударъ противу любовници вымѣрили. Володимиръ ужаснувши ся, забралъ золото и серебро и прочіи княжескіи сокровища, и бѣжалъ въ Угры съ приклонною собѣ дружиною т. е. частію бояръ и мужей приклонныхъ и вѣрныхъ его особѣ, и съ попадею и съ двома ей сынами р. 1188. Тогды мужѣ Галицкіи совѣтовавшіи ся еще передъ бѣгствомъ князя съ Романомъ Володимирскимъ, пôслали по него до Володимиря и призвали его на княжескій престолъ въ Галичи. Романъ прійшолъ, пріялъ городъ и засѣлъ торжественно на стôльци княжества Галицкого.

Ôттакъ утворила ся партія, придана Роману Мстиславичу, и завязалъ ся зародокъ до соединеня двохъ могучихъ княжествъ: Галицкого и Володимирского. Ажь по сію пору еще не вмѣшивали ся чужіи, нерускіи владѣльцѣ въ внутренніи справы Галича, лишь князь и бояре радили ся дома безъ участія иноплеменныхъ. Ôтъ настоячой хвилѣ характеръ внутренной исторіи Галича змѣнилъ ся.

Еще два князѣ въ земляхъ по сей сторонѣ Днѣпра владѣвшіи, участвовали въ настоячихъ событіяхъ, именно Рурикъ и Всеволодъ, сынѣ Ростислава князя Смоленьского. Рурикъ княжилъ давнѣйше въ Кіевѣ, уступилъ той городъ Святославу зъ дому Ольговичей, а за собою задержалъ Овручь и Бѣлогородъ. Всеволодъ былъ молодшій братъ Романа и владѣлъ въ настоячое время городомъ Белзкимъ.

Володимиръ Ярославичь бѣжалъ зъ Галича и снискалъ помôчь у короля Угорского Беллѣ. Белля выступилъ за Карпаты въ предѣлы Галицкого княжества, а Романъ оставилъ Галичь. Белля занялъ городъ, ôтдалъ правленье Галицкимъ мужамъ, щобы снискати ихъ благосклонність, утвер-

---

[81]) Ипат. лѣт. стор. 136. „а се увѣдавъ Романъ, ажь мужи Галицкіи не добро живутъ съ княземъ своимъ, про его насильє, зане гдѣ умовивъ жену, или чью дочерь поимашетъ насиліемъ."

[82]) Ипат. лѣт. стор. 136.

[83]) Ипат. лѣт. стор. 137.

дилъ тымъ способомъ угорское сторонництво въ Галичи, и за помочію того посадилъ 1188 на стôльци княжества не Володимира, за которымъ былъ выступилъ, но власного сына Андрея. Такъ уладивши въ Галичи, забралъ король у Володимира сокровища, а его самого ôтвѣзъ до Угоръ и посадилъ въ темницю. Тымъ способомъ королевичь, а съ нимъ и Угры по первый разъ завладѣли Галичемъ. Романъ Володимирскій бѣжавшій передъ Уграми зъ Галича, забралъ съ собою всѣхъ приклонныхъ собѣ Галицкихъ бояръ, а женѣ Романа слѣдовали жены боярскіи, которіи звычайно руску княгиню окружали. Ôтправляючи ся въ Галичь, зôставилъ Романъ Володимирь брату своему Всеволоду Белзкому и клялъ ся ему, що Володимиря не ôтбере ôтъ него. Теперь уступаючи зъ Галича прибѣгнулъ пôдъ Володимирь, но Всеволодъ затворилъ ворота и не впустилъ го въ городъ. Романъ побѣгъ къ тестю своему Рурику, которого мы яко князя Овручского и Бѣлогородского пôзнали, и проживалъ у него съ своими боярами и жена его вразъ съ бояринями удала ся на якійсь часъ также.

Романъ выспросивши у тестя вспомагательну рать, задумалъ завладѣти укрѣпленымъ городомъ Галицкимъ Плѣснискомъ въ тôй цѣли, щобы зъ ôтти военніи операціи противу Уграмъ и ихъ сторонництву въ Галичи предпринимати. Городъ Плѣснискъ лежалъ на розмежію водъ Стыра и западного Буга и былъ построеный на стромистыхъ горбахъ. Романъ узнаючи важнôсть того города къ дальшимъ пôдвигамъ, приступилъ къ нему, однакожь засада Плѣсниска защищала-сь хоробро. Романъ осажалъ Плѣснискъ лише такъ долго, поки не приспѣли Угры и Галичане, не вдарили на Романову рать и не розбили го пôдъ стѣнами города. Романъ прибѣгнулъ тогды до польскихъ князей, Краковского Казимира и Великопольского Мечислава. Тіи оба князѣ были дядями Романа (по матери ихъ), и вступилися по обычаю того времени за своего родственика и выслали вспомагательну рать, бы по крайнôй мѣрѣ выперти зъ Володимиря брата Романового Всеволода, и ôтзыскати Роману сіе ôтцѣвство его, которого такъ ненадѣйно лишилъ ся. Но военніи силы польскихъ князей не могли принудити Ярополка, бы въ Володимиря на корысть брата уступилъ ся. Щобы Романъ не зôставалъ безъ удѣла, надѣлилъ его Рурикъ Торческомъ. Такъ посягнувши за Галичь, утратилъ могучій Володимирскій князь Володимирь и долженъ былъ лишь однымъ городомъ довольнити ся. Современно точили-сь переговоры Рурика и прочихь князей, приклонныхъ Роману, съ братомъ его Всеволодомъ. Всеволодъ не уступившій силѣ военнôй Ляхôвъ, понуженый былъ переговорами Роману Володимирь вернути и самому въ Белзъ удалити ся. Тымъ часомъ совѣтовалъ Рурикъ князь Овручскій и Святославъ князь Кіевскій о изгнаню Угоръ зъ Галича. Къ тому побужалъ ихъ митрополитъ Кіевскій словами: „се иноплеменници ôтняли отчину вашу, не

лѣпо бы Вы потрудити ся [84]).“ Рурикъ и Святославъ выступили въ то̂й цѣли ратію, но посварили ся надъ тымъ, чего еще не посѣдали. Святославъ не хотѣлъ уступити Рурику землѣ Галицкои, поки не о̂тступитъ Рурикъ вмѣсто ней Овручь и Бѣлогородъ. Рурикъ же не хотѣлъ тыхъ городо̂въ лишити ся. Въ слѣдство несогласія розстали-сь Рурикъ и Святославъ, недошедши наветъ до Галицкихъ предѣло̂въ.

Въ то̂мъ стали Галичане Униграми быти недовольніи, и по всей вѣроятности посылали за князями до Кіева и до Овруча. Наконецъ по̂слали по Ростислава, сына нещастного Ивана Берладника, перебываючого тогды у Давыда князя Смоленьского. Ростиславъ прибылъ съ малою дружиною по̂дъ Галичь, но Галицкіи бояре не осмѣлили ся о̂тступити о̂тъ Угро̂въ и ко Ростиславу присоединити ся.

Ростиславъ сразилъ ся съ Уграми по̂дъ Галичемъ, но былъ сбоденъ зъ коня, раненъ и до Галича о̂твезенъ. Угры приложили зѣлье отруваючое до ранъ и умертвили его. Такъ ско̂нчилъ ся остатній потомокъ старшой линіи Ростиславичей. Угры довѣдавши ся еще передъ прибытіемъ Ростислава, що Галицкіи бояре иного собѣ князя ищутъ, водили нарочитыхъ бояръ къ присягѣ, що будутъ всегда теперѣшному своему князю предаными и послушными. Зверхъ того забралъ король Угорскій для убезпеченя сына своего въ Галичи, сыно̂въ и братей Галицкихъ бояръ яко закладнико̂въ. Галичане узнали, що дружина Ростислава мала, и силѣ угорско̂й ро̂внати ся не може. Оже стало ся, що бояре измѣнивши Униграмъ, не осмѣлили ся теперь имъ явно противити ся, а наветь тіи, которіи Ростислава на княженье призвати ходили и въ его полку находились, о̂тступили теперь о̂тъ него, и съ прочою Галицкою братіею соединили ся. Про сношеня съ Ростиславомъ стали Угры на Галичанахъ мститись, чинили дочкамъ и женамъ ихъ насиліе, а церкви ихъ обертали на стайнѣ. Тымъ нарушили они двѣ головни точки норовственой жизни, которыми бояре Галицкіи при всей своей непостояности и непокойствѣ о̂тличали ся, фамилійную и религійную. Галичане зачали каяти-сь, що Володимира прогнали и тужили дуже за нимъ, яко за остатною о̂траслею Ростиславового поколѣня.

Межи тымъ успѣлъ Володимиръ по̂дкупивши сторожо̂въ, умкнути зъ вязницѣ въ Униграхъ. Лишивши попадю и сына судьбѣ, прибѣгъ до нѣмецкого императора Фридерика Барбароссы, обѣцялъ ему по̂дданымъ быти и 1000 гривенъ золота щорочной дани платити, если допоможе ему вернути на Галицкій престолъ. Фридерикъ Барбаросса занятый тогды приготовленьемъ крестового похода до Палестины, не мо̂гъ власными силами Володимира вперти. Придавши му однакожь ко̂лька нѣмецкихъ рицарей, о̂тправилъ его до князя Крако̂вского Казимира, съ препоруче-

[84]) Ипат. лѣт. стор. 138.

ньемъ, щобы Казимиръ выслалъ рать, прогналъ Угровъ зъ Галича и изгнаного князя назадъ востановилъ. Краковскій князь исполнилъ препорученье нѣмецкого цѣсаря и выслалъ съ Володимиромъ воеводу Николая. На челѣ польскихъ полковъ встремилъ ся тойже борзо на Галичь и вытиснулъ отси королевича и Угровъ. Галичане приняли питомого князя Володимира съ щирою радостію 1189, и посадили го на отцѣвскомъ престолѣ [85]). Володимиръ пославъ до вуя своего т. е. родного брата матери, князя Володимиря Суздальского Всеволода, и прирѣкъ мати его за отця и господина своего, если онъ вступитъ ся за немъ, и выможе на королю Угорскомъ и прочихъ князяхъ посторонныхъ, що Галича отъ него не отберутъ. Всеволодъ удосточинилъ просьбѣ Володимира, провадилъ переговоры съ королемъ угорскимъ и князями лядскими, и тіи клятвою обовязали-сь, що Галича отъ Володимира не отоймутъ. Отъ року 1190 проживалъ Володимиръ по горкихъ житейскихъ досвѣдченяхъ въ согласію съ поддаными и въ мирѣ съ посторонными князями.

Въ тіи времена пановалъ въ Володимирскомъ княжествѣ Романъ Мстиславичь. Онъ поссорилъ ся былъ съ своимъ тестьемъ Рурикомъ ради городовъ: Торческа, Триполя, Богуславля, Канева и Корсуня. Рурикъ надѣлилъ былъ ними Романа, но скоро и отнялъ ихъ отъ него, бы удосточинити желанямъ Всеволода князя Суздальского, имѣвшого притязаня до тыхъ самыхъ городовъ. Получивши Всеволодъ выжпомянутіи городы, надѣлилъ по желанію своему Торческомъ сына Рурика и зятя своего Ростислава. Тое огорчило Романа, про то заключилъ союзъ съ князем ъ Черниговскимъ противу тестю своему.

До того роздору межи тестемъ а зятемъ причинилъ ся много роздоръ фамилійный Романа съ собственною женою а донькою Рурика. Чимъ больше отдалялъ ся Романъ отъ Рурика, тымъ больше сближалъ ся къ двору Краковскому, съ которымъ такожь былъ покревненый. Мати Романа именемъ Святохна была польского происхоженя и донькою Болеслава Кривоустого, а Казимиръ справедливый былъ крестнымъ отцемъ Романа. Въ юношествѣ своемъ воспитовалъ ся Романъ такожь на дворѣ въ Краковѣ. Колька лѣтъ познѣйше отпустилъ Романъ жену свою а дочь Рурикову и отославъ ю отцю, самъ же оженилъ ся съ княгинею Лядскою, племеницею Лешка Бѣлого. Тая родила му где то около р. 1200 двохъ сыновъ Данила и Василька.

Романъ близкій сродникъ Пястовичей участвовалъ въ настоячой борбѣ, которая въ Польщи отъ временъ смерти Болеслава Кривоустого провадила ся. Была то борба подобна той, которую удѣльніи рускіи князѣ межи собою вели, она произтѣкала зъ тыхъ самыхъ жерелъ и во-

---

[85]) Ипат. лѣт. стор. 139.

зникала всегда тогды, коли повставалъ вопросъ: кто по смерти В. князя въ Краковѣ наслѣдити мае, чи сынъ, еще до того малолѣтный по низходячой линіи, чи по старшеньствѣ князь зъ якого сосѣдного удѣла, стрый або близкій кревный умершого В. князя. Такъ повсталъ по смерти Казимира въ Польщи вопросъ, кто наслѣдити мае, чи сынъ но родившій ся 1188, Лешокъ Бѣлый, чи Мечиславъ князь Великопольскій. Мати Лешка Бѣлого, вдова княгиня Елена, была донькою Всеволода князя Белзкого, оже Русинка зъ роду. Такъ тогды повязаніи были родовіи сношеня рускихъ князей съ польскими. Для того то и въ духу того времени, по которому кревный або сродникъ помагалъ сроднику, и ставалъ за обиду его, спостерѣгаемъ такое участіе пограничныхъ князей двохъ словяньскихъ племенъ въ межиусобныхъ борбахъ. Мати и опекунка Лешка Бѣлого призвала Романа на помôчь противу Мечиславу, который намѣрилъ былъ ихъ зъ Кракова выгнати и самъ на великокняжескôмъ престолѣ засѣсти. Романъ приспѣлъ, отвергъ всѣ предложеня Мечислава, который желалъ, бы Романъ помирилъ го съ Лешкомъ, сразилъ ся съ нимъ, однакожь зôсталъ коло Андреева совершенно побитый. Тяжко раненого принесли до Володимиря. Романъ находилъ ся тогды въ труднôмъ положеню. Ôнъ посварилъ ся былъ про городъ Торческъ и иніи городы съ тестьемъ своимъ Рурикомъ, и звязалъ ся съ Ярославомъ Ольговичемъ, княземъ Черниговскимъ противу Рурику. Рурикъ увѣдомленый о военныхъ намѣреняхъ Романа, готовилъ ся къ вôйнѣ власнѣ тогды, коли Романъ выступивши въ походъ на Ляхôвъ, зôсталъ побитый и раненый. Здае ся, що Романъ тогды не былъ еще изгналъ жены своеи, дочки Рурика ôтъ себе. Будучи въ такъ труднôмъ положеню зближилъ ся князь Романъ къ тестю своему и просилъ у него милости и пощады. Рурикъ даровалъ му его провину и ôтступилъ му въ надгороду за городъ Торческъ и прочіи городы полтартакъ корсуньскій р. 1195 [86]). Однакожь примиренье Романа съ Рурикомъ не было щирое. Може быти, що власне по тôмъ ôтославъ Романъ свою жену Рурику. Уже въ року 1196 выступилъ ôнъ также ратію противъ Рурику, сыну его Ростиславу и брату Давиду, получивши помôчь ôтъ союзника своего князя Черниговского. Рурикъ зажадалъ былъ ôтъ Галицкого князя помочи, и тогды то Галицкій князь Володимиръ пôславъ свои полки. Тіи вступили въ Волынь, опустошали окрестности около Перемиля, а Ростиславъ Руриковичь опустошалъ окрестности около Кремяньца [87]). Мстиславъ удалый, близкій сродникъ Рурика, вспомагалъ такожь Кіевского князя, участвовалъ самъ въ тôмъ походѣ и розорялъ вразъ съ нашимъ Галицкимъ княземъ области Волыня. Цѣла тая вôйна кромѣ опустошеній

---

86) Ипат. лѣт. стор. 146. Тартакъ т. е. млынъ, на которôмъ рѣжутъ доски.

87) Ипат. лѣт. стор. 149.

не мала жадныхъ последствъ. Мстиславъ былъ не долго потому надѣлены. городомъ Торческомъ, и вспиралъ дядя своего Рурика въ дальшой борбѣ съ Ольговичами.

Современно тымъ событіямъ княжилъ Володимиръ въ Галичи. Въ остатніи лѣта княженя Володимира Ярославича Галицкого повернула тишина въ рускую землю, земледѣлье и торговля процвитали, и казалъ бысь, що лѣта князя Ярослава и времена благополучія повернули. Въ томъ умеръ Володимиръ року 1198, остатній потомокъ Ростиславичей. Династія Ростславичей владѣла около 100 лѣтъ отечествомъ нашимъ, сосередоточила часть руского племени надъ Саномъ и Днѣстромъ, и основала тутъ независиму державу, воздвигла ю на высокій степень могучества, розширила границѣ еи ажь до Дуная, утвердила на внутрь цвѣтучое состоянье, у посторонныхъ же и сосѣдныхъ городовъ и державъ приобрѣла для неи ѡтповѣдную почесть и становище.

ѾТДѢЛЪ III.

Въ настоячомъ времени представляе ся намъ старинна Русь подѣлена на самостоятельніи княжества. Въ Полоцку володѣютъ ажь до XIV. столѣтія князѣ производячіи свой родъ ѡтъ старшого сына Володимира В. и Рогнѣды, Изъяслава. Въ прочихъ земляхъ володѣютъ потомки иного сына Володимира Великого и Ярослава I, именно Ольговичѣ и Мономаховичѣ. Ольговичѣ подѣлились на двѣ ѡтрасли, одна княжитъ въ Путивли, Курску, Брянску и производитъ родъ свой ѡтъ Святослава Ольговича. Той отрасли принадлежитъ такожь прославленый въ пѣсни о полку Игоревомъ: Игоръ князь Путивельскій. Ѻнъ былъ женатый съ дочкою Ярослава Галицкого, Евфрозиною. Зъ того сопружества произойшли своею нещастною судьбою ѡтличившіи ся въ настоячомъ ѡтдѣлѣ Галицкой исторіи Игоревичѣ. Молодшая линія тои ѡтрасли Ольговичей княжитъ въ Муромѣ, Рязани, Проньску. Другая ѡтрасль Ольговичей княжитъ въ Черниговѣ, производячи свой родъ ѡтъ Всеволода Ольговича. Потомки его ѡтличаютъ ся неспокойствомъ, воинственымъ духомъ и неутомимою дѣятельностію. Колька Ольговичей той ѡтрасли встрѣтили мы на великокняжескомъ престолѣ въ Кіевѣ. Въ Володимирѣ, Галичи, Смоленьску и въ Суздальско-Володимирскихъ земляхъ володѣютъ Мономаховичѣ. Ѿтъ сына Володимира Мономаха, Мстислава, князя Кіевского, родилъ ся сынъ Изъяславъ, ѡтъ Изъяслава Мстиславъ, а ѡтъ Мстислава Романъ Мстиславичь. Романъ былъ въ настоячое время княземъ Володимирскимъ, а по пересѣченю династіи Ростиславичей присоединилъ опорожненое Галицкое княжество съ Володимирскимъ. Въ прочемъ Володимирское княжество въ теперѣшное время

розпадало ся на удѣлы, которыми близкіи племяники Романа управляли. Такъ княжилъ въ Белзѣ молодшій братъ Романъ Всеволодъ. Ônъ умеръ року 1195. Сынове его наслѣдили ôтця, старшій Александръ въ Белзѣ, а молодшій Всеволодъ въ Червени. Два стрыечніи братя Романа Ингваръ и Мстиславъ Ярославичъ княжили первый въ Луцку, другій въ Пересопници. Всѣ тіи князѣ узнавали Романа зъ Володимиря яко голову родины и верховного князя.

Въ Смоленьску княжили потомки ôтъ молодшого сына Мстислава Мономаховича, В. князя Кіевского Ростислава. Зъ того роду происходятъ Мстиславъ Хоробрый, и сынъ того Мстиславъ Удалый. Мстиславъ Удалый, съ которымъ познакомили мы ся въ II. ôтдѣлѣ, выбраный княземъ въ Новгородѣ, дѣйствуе по всей Руси, а особливо въ наступаючемъ времени на поприщи исторіи Галича. Въ Суздали княжатъ сынове наймолодшого сына Володимира Мономаха, Юрій и Всеволодъ. Всеволода племя утвердило-сь въ тыхъ сторонахъ и розродило-сь на многіи вѣтви. Тому и княжество Суздальское розпало ся на княжества: Ростовское, Володимирское, Переяславское, Тверское, и проч. Князѣ тыхъ удѣлôвъ узнаютъ за голову родины верховного князя въ Володимирѣ надъ Клязмою, ôтличеного титуломъ Великого князя.

Составъ старинной Руси розпалъ ся на независиміи дерржавы, именно утворило ся княжество Суздальское и Галицко-Володимирское. Смоленьское и Черниговское княжества роздѣляли Суздальское ôтъ Володимирско-Галицкого. Въ серединѣ межи княжествами Смоленьскимъ и Черниговскимъ лежалъ Кіевъ, предметъ неустанного спора межи князями рускими о посѣданье тогоже.

Система дѣлежи земель и областей межи братією и потомками братій, которіи звычайно ôтцямъ своимъ въ удѣлахъ слѣдуютъ, впроважена была бъ житье на Руси особливо въ Суздальскôмъ и Галицко-Володимирскôмъ княжествѣ. Внутрь княжествъ вопросъ чи по старѣйшиньствѣ, чи по простонаслѣдію должни княжити члены родины, рѣшено уже по бôльшой части на сторону простонаслѣдія. Всѣ члены одного рода маютъ право на удѣлы, дѣти слѣдуютъ своимъ ôтцямъ по простонаслѣдію. Цѣлое княжество есть вспôльною собственностію родины.

Оставляючи исторію прочихъ княжествъ на боцѣ, звернемъ ôтъ теперь увагу нашу лише на Галицко-Володимирское княжество. О прочихъ областяхъ лишь мимоходомъ говорити будемъ, о кôлько ихъ исторія съ нашою стыкае ся. —

РОМАНЪ МСТИСЛАВИЧЬ, КНЯЗЬ ГАЛИЦКІЙ И ВОЛОДИМИРСКІЙ

Скоро ино вѣсть о смерти Володимира Галицкого рознесла ся, двигнулъ ся Романъ зъ Володимиря съ Волыньскими полками, а оставивши по дорозѣ полки, ôтправилъ ся до Кракова и получилъ тутъ помôчь ôтъ мужей, которіи володѣли тогды справами Краковского престола. Примѣтити належитъ, що

въ битвѣ пôдъ Андреевомъ Мечиславъ Великопольскій такожь тяжко бы.. раненъ и на поли сраженя единственого сына утратилъ. Ôнъ не ужитковалъ зъ побѣды, но сама вдова княгиня Елена зрекла-сь добровôльно велико-княжеского престола и уступила тойже Метиславу, самаже довольнила ся задержаньемъ Судомирской области для себе и малолѣтного сына своего. Въ Краковѣ проживалъ Лешокъ Бѣлый, но не яко великій князь, но яко малолѣтное дитя. Правленье держали въ имени Мечислава Николай воевода и братъ его епископъ Краковскій. Николай воевода двигнулъ ся на помôчь Роману. Лешокъ молодый просилъ, щобы такожь участвовалъ въ тôмъ подвизѣ намѣренôмъ на корысть добродѣя и близкого сродника Романа. Воевода Николай, по всей вѣроятности пріятель и другъ Романôвъ еще ôтъ молодецкихъ лѣтъ, не мôгъ ôтказати желаню молодого князя, объявляючого тымъ добру охоту къ воинственнымъ дѣламъ. В. князь Мечиславъ старый, былъ затрудненый справами Великопольщи. Польскіи полки пôдъ проводомъ воеводы Краковского Николая въ сопроводѣ молодого Лешка соединили ся съ Волыньскими полками, ждавшими на нихъ на дорозѣ и приспѣли пôдъ Галичь р. 1199. По всей вѣроятности була одна часть бояръ угорскому королю приклонна. Король угорскій прибѣгъ за горы, но услышавши, що Романъ випередилъ его и станулъ пôдъ Галичемъ, обернулъ ся домôвъ [88]). Галичане пôддали ся, отворили городскіи ворота и ôтдали Роману князю Володимирскому Галицкій престолъ. Правленье Романа въ Галичи было жестокое. Многіи бояре лишь принужденіи узнали Романа за князя, а коли той на Галицкôмъ престолѣ засѣлъ, часто правленю его противили ся, а може быти що и повставали противу Роману. Наступило страшное кровопролитіе [89]). Романъ многихъ бояръ поубивалъ, другіи поутѣкали. Межи ними былъ такожь якійто Кормиличичь, который наведеный въ жерелѣ пôдъ именемъ Володиславъ [90]). Ôнъ повернулъ по смерти Романа до Галича. Истребленьемъ супротивныхъ бояръ достигъ Романъ въ Галичи неограниченои власти. Тымъ съ бôльшою енергіею обертаютъ ся звычайно князѣ и володѣтелѣ на внѣ, чимъ бôльше внутрь предѣлôвъ ихъ державъ, умолкнутъ всѣ спиняючіи перешкоды и чимъ бôльшій зъ стороны пôдвластныхъ послухъ и повинованье. Романъ засѣлъ на Галицкôмъ княжествѣ и присоединилъ тіи просторонніи области къ прочимъ своимъ ôтцѣвскимъ владѣніямъ, взмôцнилъ власть свою за помочію приклонной собѣ партіи Галицкихъ бояръ, объявилъ на внѣ великую дѣятельность и осягнулъ надзвычайную славу. Романъ жилъ въ великôй пріязни съ императоромъ византійскимъ (Але-

---

88) Зубрицкого Исторія Галическаго княжества. Т. III. ст. 19.

89) Dlugosz Lib. VI ad a. 1199.

90) Ипат. лѣт. стор. 136. „малу же времени минувшу и приведоста Кормиличича, иже бѣ загналъ великій князь Романъ невѣры ради."

ксіемъ Комненомъ). Сей царь призвалъ Романа противу Волоховъ и Половцей, которіи опустошали Тракію, накладали на имперію дань и своими набѣгами даже саму столицю загражали. Народъ Галицко-рускій (Russi, christianissima gens) и князь того народа Романъ (Halitziae princeps Romanus) [91]) за порукою и просьбою митрополита Кіевского явили-сь на челѣ многочисленой рати въ Половецкихъ областяхъ, розоряли ихъ городы, освободили много плѣнниковъ христіянъ и тымъ привудили ихъ для защиты своихъ собственыхъ жилищь отступити отъ Константинополя и оставити Тракію. Той самъ царь Алексей Комненъ, изгнаный Алексіемъ Исаковичемъ, бѣжалъ не долго по освободженю Царгорода отъ Волоховъ и Кумановъ (Половцей) за посредствомъ руского оружія, въ Галичь и найшолъ ту гостинный пріемъ и убѣжище р. 1200.

Романъ продолжалъ споръ съ своимъ тестьемъ Рурикомъ. Рурикъ связалъ ся съ княземъ Черниговскимъ и иными князями, наймилъ Чорныхъ Клубоковъ и намѣрилъ ити на Романа. Но Романъ упередилъ его и двигнулъ ся быстро подъ Кіевъ. Черниговскій князь и прочіи союзники а навѣть и наемники оставили Рурика. Кіевляне отворили ворота долѣшной части города Кіева або такъ званого Подоля. Рурикъ затворилъ ся въ горѣшной части города, но осадженый и притисненый до крайности, отдалъ городъ въ руки Романа а самъ удалъ ся въ Овручь. Той посадилъ въ Кіевѣ двоюродного брата Ингваря Ярославича р. 1202. Рурикъ загадалъ употребити Половцей для отзысканя Кіевского престола, а укрѣпѣвши ся съ ними союзомъ, напалъ въ Януаріи р. 1203 въ ихъ супроводѣ и за помочію рускихъ князей Роману непріязныхъ, а именно Ольговичей на Кіевъ, и взялъ городъ приступомъ. Союзники его обдирали церкви и монастырѣ зъ дорогоцѣнностей, книгъ, сосудовъ и ризъ священическихъ, взяли купцямъ половину ихъ имѣня, молодь отвели плѣнно, а городъ сожегли. Чиномъ тымъ огорченый Романъ приспѣлъ уже въ Февруари подъ столечный Овручь. Дальшій токъ того событія пропущенъ въ жерелѣ [92]). Столько извѣстно, що Романъ съ Рурикомъ помирилъ ся и оставилъ его въ супокойномъ посѣданю Кіева. Въ року 1204 ходили Романъ съ Рурикомъ и другими заднѣпровскими князями на Половцей, захватили много плѣнниковъ и стадъ, однакожь на дорозѣ до престольного города поссорили ся. Романъ велѣлъ схватити Рурика, жену и дочку его и всѣхъ трое постричи въ черцѣ. Такъ вторично завладѣлъ Романъ Кіевомъ.

Розполагаючи землями отъ Днѣпра и Половецкихъ степовъ до Дуная и горъ Карпатскихъ, выступилъ Романъ за Лешкомъ бѣлымъ, коли

[91]) Nicetas Choniates Bonae 1835 pag. 691. Историческій сборникъ, изданый обществомъ Галицко-руской матицѣ Т. III. примѣч. 2.

[92]) Лаврентіевска лѣтопись въ выжь наведеномъ собраніи рускихъ лѣтописей Т. I. стр. 176.

Поляки по смерти Мечислава старого на Великокняжескій престолъ въ Краковѣ Владислава Ласконогого вмѣсто молодого Лешка призвали. Романъ переправилъ ся черезъ Вислу, а ôттакъ подвигалъ ся черезъ Судомирскую область въ направленю къ Краковскимъ предѣламъ, городы и села жгучи и окрестности опустошаючи. Владиславъ Ласконогій сближилъ ся до Лешка, а Лешко за просьбою Владислава вставлялъ ся у Романа, щобы пощадилъ городы и окрестности. Романъ розсердилъ ся за тое посередничество на Лешка, объявилъ готовôсть уступитись зъ польскихъ предѣлôвъ, но еще впередъ желалъ надгороды въ золотѣ за издержки, понесенiи въ слѣдство настоячого предпріятія. Въ тôмъ взглядѣ почали ся переспровы. Сталося, що Романъ станувши таборомъ за Вислою пôдъ Завихвостомъ, выѣхалъ былъ одного разу съ малымъ числомъ своей дружины зъ табора въ поле, може быти для звѣданя становища и силы непріятельскои. Встрѣтивши-сь ненадѣйно съ значительнымъ ôтрядомъ полскимъ Владислава Ласконогого, зôсталъ окруженый и до битки принуженый. Романъ закôнчилъ тутъ житье свое въ нерôвнôмъ бою р. 1205. Галичане приспѣли на помôчь, но уже было за пôзно. Они найшли лишь тѣло убитого героя, ôтвезли го въ Галичь и обычаемъ рускимъ похоронили въ церкви св. Богородицѣ [93]). — Князь Романъ былъ человѣкъ черезвычайнои енергіи и властолюбія. Ôнъ воевалъ часто съ Литовцями, которіи на своихъ борзыхъ коняхъ не переставали нападати на землю рускую. Романъ побѣжалъ Литовцей, а плѣненыхъ велѣлъ впрягати въ плугъ, бы тымъ ихъ набѣги на рускій край ôтмстити и ôтъ дальшихъ нападеній Литовцѣвъ ôтстрашити.

Сутъ слѣды, що Романъ воевалъ побѣдоносно не лише съ Ляхами, Литвою и Половцями, но и угорскими королями [94]). Ôнъ соединилъ значительну часть рускихъ земель въ бôльшую цѣлость пôдъ своею властію, и прозваный былъ самодержцемъ всеи Руси. Затрудненый неустанно военными подвигами, пролѣталъ краи быстро якъ орелъ, въ военныхъ биткахъ боролъ ся хоробро и неуступчиво якъ туръ, на земли непріятелскôй пустошилъ жилища, убивалъ семейства, забиралъ въ полонь людей и имущества, словомъ пожиралъ все якъ крокодиль; на христіянъ и поганъ а особливо на Литовцей и Половцей стремилъ ся нестерпимо и побѣдоносно якъ левъ, и преодолѣлъ всѣ окольнiи поганьскiи племена [95]).

По смерти Романа зôстала ся вдова съ двома сынами, четыролѣтнымъ Даниломъ и дволѣтнымъ Василькомъ. Они мали переняти ôтцѣвскій престолъ по

---

[93]) Зубрицкого исторія Галичскаго княжества. Т. III. стр. 28, 29, 30 и Лаврентіевска лѣтопись стр. 178.

[94]) Радзивиловска лѣт. ведля Зубрицкого исторіи Галичскаго княжества Т. III. стор. 31. пр. 17.

[95]) Ипат. лѣт. стор. 155.

ДАНИЛО И ВАСИЛЬКО РОМАНОВИЧѢ

простонаслѣдію. Романъ былъ заключилъ съ королемъ Угорскимъ союзъ, и той клялъ ся любовь чинити оставшому ся по животѣ племени его [96]).

Въ Галичи явили ся двѣ партіи. Одна противна соединеню Галицкого княжества съ Володимирскимъ, не взираючи на то, що жили еще племенники Романа, кôлька князей на Волыню, именно братъ Ингваръ Пересопницкій и братанцѣ Александеръ Белзкій и Всеволодъ Червеньскій, ôтклонила ся ôтъ цѣлого рода и призвала [97]) на престолъ знаного намъ Рурика, бывшого тестя Романа, который скинувши монашеску одежь по смерти Романа завладѣлъ былъ Кіевскимъ престоломъ. Рурикъ звязалъ ся въ тôй цѣли съ Ольговичами и съ Володиславомъ Ласконогимъ, которого ôтряды, якъ мы вышше сказали, убили хороброго Романа. Такъ вражда Рурика и Володислава Ласконогого съ Романомъ обернула ся по его смерти противу сынамъ и сиротамъ въ той способъ, що Рурикъ загадалъ Василька и Данила зъ Галича изгнати и самъ на тôмъ престоли засѣсти, въ чемъ го Володиславъ Ласканогій вспирати постановилъ. Однакожь сиротамъ Богъ батько! Ôнъ далъ имъ лепскихъ сосѣдôвъ, которіи за ихъ доброе право вступили ся. Сусѣдою тымъ былъ благородный король Угорскій. Памяталъ такожь Лешокъ бѣлый на добродѣйства одержаніи ôтъ Романа и печалилъ ся судьбою Романовыхъ, особенно ôтъ того времени, коли по Владиславѣ Ласконогôмъ неоспоримо на Краковскій Великокняжескій престолъ вступилъ. Король Угорскій прислалъ на призовъ вдовы Романа, печалившой ся сердечно о судьбѣ своихъ дѣточокъ, много Угоръ для скрѣпленя вѣрнои Романовичамъ засады въ Галичи. Стояли такожь на сторонѣ Романовичей по бôльшôй части бояре Володимирскіи, навыкшіи до Романа и его племени ôтъ многихъ лѣтъ, и бояре Галицкіи, которіи еще за Володимира зъ роду Ростиславичей позвали были Романа на Галицкіи престолъ, дѣйствуючи въ дусѣ соединеня Володимирского и Галицкого княжества. Рурикъ понявши Половцей и съ помочію многихъ рускихъ князей Черниговскихъ и Смоленьскихъ вступилъ зъ Кіева въ Галицкіи предѣлы, и сразилъ ся пôдъ городомъ Микулиномъ надъ рѣкою Серетомъ съ выступившими за добру справу Романовичей, Галицкими и Володимирскими полками р. 1206. Тіи побитіи звернули ся къ Галичу и соединили ся съ засадою Галицкою. Было тогды такожь много Угоръ въ Галичи, которіи вразъ съ вѣрными остатками розбитои надъ Серетомъ арміи сильно обо-

---

[96]) Ипат. лѣт. 156 „Даніила посла Лешко въ Угры, и съ нимъ послалъ посолъ свой Вячеслава Лысого рекы королеви: азъ не помянухъ свады Романовы, тебѣ бѣ другъ, кляла ся бѣста, яко оставшу въ животѣ его племени любовь имѣти"

[97]) Ипат. лѣт. стор. 156. „Пришедшю же Рурику въ Галичь и не успѣвши ничтоже за то" — „и за то не смѣша Галичане ничтоже створити, бѣ бо у нихъ много Угоръ" доказуе, що Галицкіи бояре были въ порозумлѣню съ Руриковъ

ропяли ся. Современно угрожали ôтряды Володислава Ласконогого городу Володимирю. Рурикъ поступилъ пôдъ Галичь, но не успѣлъ здобути города. Тымъ часомъ выступилъ и король Угорскій для защиты вдовы и сирôтъ Романа за горы въ Галицкіи предѣлы и находилъ ся уже въ Саноку. Романова узнавши о потери надъ Серетомъ бояла ся зôстати въ Галичи вразъ съ дѣтьми, и пустила ся королеви на встрѣчу до Санока. Король пріялъ ихъ сердечно, однакожь не направилъ свôй путь на Галичь но на Володимирь, щобы тойже передъ розореньемъ Ласконогого защитити. Ласконогій ôтступилъ ôтъ осады, а тогды впровадилъ король вдову съ сынами въ наслѣдственый ихъ ôтцѣвскій городъ Володимирь. Рурикъ стоявшій пôдъ Галичемъ якъ ино узналъ, що король на Володимирь подвигае ся, убоялъ ся, щобы король угорскій не заступилъ ему тылъ и неокружилъ его, про то пустилъ ся быстро назадъ къ Кіеву. Король и Галичане узнали, що невозможно есть удержати неспокôйное Галицкое княжество за маленькими Романовичами. Кормило правленя требовало сильныхъ и опитныхъ рукъ. Про то образовала-сь партія въ Галичи, которая за порадою самого короля Беллѣ призвала на престолъ Ярослава, князя Переяславского, стоявшого въ дозрѣлôмъ вѣку, бо сына еще В. князя Всеволода. По смерти Романа явилъ ся якъ злый духъ изгнаный зъ Галича Романомъ кормиличичь Володиславъ. Ôнъ былъ ворогомъ племени Романового, и уговорювалъ Галичанъ, щобы призвали на престолъ въ Галичи не Ярослава Переяславского, но сынôвъ славного Игоря и доньки Ярослава Осмомысла Евфрозины: Игоревичей, происходячихъ ôтъ женьского колѣна Ростиславичей, которыхъ свойства черезмѣрно выхвалялъ [98]).

Два рôжніи посольства ôтправили ся ôтъ Галичанъ, одно къ Ярославу Переяславскому, другое къ Игоревичамъ. Игоревичѣ вспомагали были Рурика въ настоячôмъ походѣ на Галичь и змѣряли теперь вразъ съ Рурикомъ на ôтворотнôмъ пути зъ Галича къ Кіеву. Отримавши вѣсть о успособленю бояръ Галицкихъ, ôтступили Игоревичѣ тайкомъ ôтъ ополченя Рурика, насамперѣдъ Володимиръ, по немъ Романъ, поспѣшили пôдъ Галичь и засѣли Володимиръ въ Галичи, а Романъ въ Звенигородѣ.

На ôтворотнôмъ походѣ зôсталъ Рурикъ еще въ инôмъ отношеню обманеный и прельщеный. Союзникъ его Всеволодъ Чермный упередилъ Рурика, устремилъ ся въ Кіевъ, овладѣлъ городомъ и пôслалъ посадникôвъ своихъ по городахъ. Такъ Рурикъ принуженый былъ удалити ся до Овруча. Ôтси оспоривалъ Всеволода въ Кіевѣ и отъ! снова вôйна межи Мономаховичемъ и Ольговичемъ о Кіевскій престолъ власнѣ въ той часъ ôтновила ся, коли сынове ôтъ доньки Ярослава Осмомысла на престолахъ Галицкого княжества позасѣдали р. 1206.

---

[98]) Ипат. лѣтопись стор. 156.

Въ Галичи сторона бояръ, призвавшая Игоровичей, восторжествовала. Тогды Игоревичѣ загадали истребити племя Романовичей и заволодѣти Володимиремъ „поспѣвающимъ же безбожнымъ Галичаномъ“ [99]). Подарилось Игоревичамъ втягнути въ заговоръ противу Романовичамъ трехъ знаменитыхъ бояръ въ Володимирѣ: Мстибога, Мончука и Микифора. Въ прочемъ Володимирцѣ приданiи были Романовичамъ, яко законнымъ наслѣдникамъ ôтцѣства хороброго Романа. Коли по совѣту Галицкихъ бояръ ôтпосланый былъ пôпъ до Володимиря съ предложеньемъ и угрозою ôтъ Игоревичей, щобы имъ племя Романа выдано, Володимирцѣ збунтовали ся и угрожали послу смертiю. Но выжь помянутiи три бояре уговорили ихъ, що не подобае убивати посла, и тымъ спасли попа ôтъ смерти. Усмиривши нарôдъ стали его ôтъ Романовичей ôтмавляти и Игоревичей захваляти и всѣми силами старали ся, вѣрну приданôсть Володимирцей къ Романовичамъ поколибати и къ желанямъ Игоревичей наклонити.

Бѣдная Романова посовѣтовавши ся съ придворнымъ попомъ и съ дядькою Мирославомъ намѣрила убѣгнути тайкомъ зъ города. Мирославъ взявши старшого сына Данила на коня передъ себе выѣхалъ на передъ а пôпъ съ кормилицею взяли меншого сына Василька и умкнули дирою городского укрѣпленя въ ночи. Всѣ вразъ съ вдовою направили-сь до Кракова (р. 1206) до Лешка бѣлого и найшли у того благородного князя сердечный прiемъ и безпечное убѣжище [100]). Тогды посадили Игоревичѣ въ Володимирѣ брата Святослава.

Володимиръ зъ Галича вспомагалъ Всеволода Чермного въ борбѣ съ Рурикомъ о Кiевскiй престолъ. Романъ князь Звенигородскiй поссоривши ся съ Володимиромъ Галицкимъ призвалъ Угрôвъ на помôчь, сразилъ ся за ихъ помочiю съ Володимиромъ, побѣдилъ его и завладѣлъ Галичемъ. Володимиръ принуженый былъ бѣжати въ ôтчину свою Путивль 1209. Въ тôмъ самôмъ року 1209 Александеръ князь Белзкiй, Всеволодъ Червеньскiй и Мстиславъ Пересопницкiй, жалѣючи що князь ôтдаленои линiи володѣе Володимиремъ, двигнули ся на Святослава Игоревича, осадили его въ Володимирѣ, здобыли городъ и плѣнили Святослава. Въ тôмъ подвизѣ помагалъ имъ такожь польскiй В. князь Лешокъ. Выгнавши Святослава посадили въ Володимирѣ князя по старшеньствѣ зъ роду Мстиславичей, Ингваря Ярославича Луцкого. При тôй способности захватили союзнiи князѣ Володимира, князя Пиньского, помагавшого Святославу Игоревичу [1]). Лешокъ связалъ ся тѣсно съ Волыньскими князями, пôймаючи дочку Ингваря собѣ за жену. Къ Ингварю питали Володимирцѣ надзвычайное не-

---

[99]) Ипат. лѣт. стор. 156.
[100]) Ипат. лѣт. стор. 156.
[1]) Ипат. лѣт. стор. 157

любіе, про то уступилъ ся Ингваръ доброво̂льно, о̂тдаючи сей престолъ въ руки Александра Всеволодовича Белзкого.

Бояре въ Галичи дѣлали такожъ самово̂льно, творили беззаконія и бунтовали ся противу Роману. Одна часть бояръ задумала была прогнати Романа за угорскою помочію. Въ порозумлѣню съ ними двигнулъ ся король Андрей по̂дъ Галичь, вступилъ тайкомъ и ненадѣйно въ городъ и имилъ неосторожного Романа, коли власне въ купѣли зо̂ставалъ. Овладѣвши Галичемъ, Угры томили и насиліе чинили боярамъ и горожанамъ, творили блудъ, и жены, черницѣ и попадѣ оскверняли. Галичане розкаяли-сь о изгнаню Игоревичей, и стали Мстислава Пересопницкого на княженье до Галича призывати. Коли однакожъ той князь съ малочисленою дружиною по̂дъ Галичь приспѣлъ, бояре узнавши, що силы его недостаточніи суть, щобы съ Уграми мѣрити ся, ругали ся зъ него и о̂тправили его прочь, и мѣсто него призвали вторично Игоревичей на престолъ княжескій. Передъ Игоревичами, по̂двигаючими ся быстро съ всѣми ихъ роду принадлежачими силами, уступили Угры зъ Галича. Тогды Игоревичѣ снова заладѣвши Галицкимъ княжествомъ роздѣлили области тогоже межи себе р. 1210. Володимиръ вокняжилъ ся въ Галичи, Романъ въ Звенигородѣ, Изъяславъ въ Теребовли а Святославъ выкупившій ся зъ полони въ Перемышли.

Тымъ часомъ судьба Романовыхъ улучшила ся. Благородный Лешко уймилъ ся за сиротами Даниломъ и Василькомъ. О̂нъ то угорскому королеви пригадовалъ любовь, винну Романови и побужалъ его, щобы вступилъ ся за изгнаными Романовичами и привернулъ ихъ снова на о̂тцѣвскій престолъ. Король угорскій малъ охоту исполнити предложенье Лешка и обовязокъ любви, и призвалъ Данила на сво̂й дво̂ръ. О̂ттакъ Данило воспитовалъ ся въ Венгріи, а Василько съ матеріею проживалъ у Лешка на крако̂вско̂мъ дворѣ. Володимиръ Игоревичь зналъ опасно̂сть, якая его владѣню о̂тъ стороны Угоръ угрожала, про то не залишилъ о̂нъ за посредствомъ партіи ему приклонныхъ Галичанъ вліяти на короля угорского и дарами дорогоцѣнными и обѣтницями понудилъ его, що оставилъ гадку, Данила на о̂тцѣвскій престолъ привернути.

Бересть, городъ надъ нижнимъ Бугомъ съ прилежачою къ нему областію стоялъ давныхъ лѣтъ по̂дъ особенными князями, по смертиже Володимира Андреевича 1171 присоединеный былъ до Володимирского княжества. Романъ защищалъ Берестянъ о̂тъ Литовцей и Ятвягъ, съ которыми сосѣдовали. Зъ причины воинъ, проваджеными съ Литовцями и Ятвягами, пребывалъ Романъ часто въ Берестю. Берестяне питали къ Роману и его племени приклонно̂сть и любовь. Они по смерти безвѣстного намъ князя 1209, который по̂сля Романа ихъ дѣлами управлялъ, по̂слали до Кракова и призвали сиротъ Данила и Василька до себе на княженяе. Мы видѣли, що Данило тогды находилъ ся въ Униграхъ. Вдова Романова съ Василькомъ

приспѣли. Берестяне встрѣтили ихъ съ великою радостю „яко великаго Романа жива видящи“ [2]). Поселивши ся въ Берестію смотрѣла съ жалемъ Романова вдова, що зъ просторонныхъ земель Романа ледва малый кусокъ землѣ дôсталъ ся сынамъ ей. Она выложила Лешку князю Краковскому тую несправедливôсть, що Александеръ Белзкій вмѣсто ей сынôвъ, законныхъ наслѣдникôвъ, посѣдае Володимирское княжество; въ слѣдство того предложеня вступилъ ся Лешокъ по вторый разъ за сиротами. За его посредничествомъ ôтступилъ Александеръ Васильку свое питоме Белзкое княжество, а въ замѣнъ за Белзъ отрималъ ôтъ Василька крайніи городы по лѣвôй сторонѣ Буга: Угровескъ, Верещинъ, Столпье и Комово. Володимирска область остояла ся при Александрѣ. Такъ Василько сталъ быти княземъ Белзкимъ и Берестейскимъ. Въ року 1209 оже не долго потôмъ, якъ Александеръ и Василько по межи собою ладъ учинили, вторгли Литовцѣ и Ятвяги въ область по лѣвôй сторонѣ Буга, розположили-сь таборомъ коло Уханя и ôттакъ плѣнили области около Комова и Туриска и поступили ажь до стѣнъ Червеня. Володимирцѣ сразили ся пôдъ Червеньемъ, Литовцѣ и Ятвяги были знать побѣжени, но побѣда стояла Володимирцей много страты, бо потеряли въ вышпомянутôй битвѣ кôлька хоробрыхъ воеводъ. Володимирская земля утерпѣла тогды великую бѣду, но Литовцѣ и Ятвяги уступили ся зъ предѣлôвъ рускихъ.

Игоревичѣ вокняживши ся по вторый разъ въ Галицкôмъ княжествѣ, сотворили совѣтъ на убіенье Галицкихъ бояръ. Они намѣрили истребленьемъ боярского сословія пересѣчи мятежи и неспокôйства, положити конець бунтамъ и волненямъ и на престолѣ Галицкого княжества убезпечити ся. Наступило страшное кровопролитіе въ Галичи; убито около 500 знаменитыхъ и великихъ бояръ, именно Юрія Витановича, Илію Щепановича и проч. Прочіи перепудивши ся убѣгли до Угоръ, якъ н. пр. Володиславъ кормиличичь, за которого порукою Галичане были призвали Игоревичей, и иніи верховодителѣ политеческихъ волненій (агитаторы), якъ Судиславъ и Филипъ [3]). Явившись-на дворѣ Угорскôмъ, каяли-сь о призваню Игоровичей, призывали Данила Романовича на княженье и молили короля, щобы вспер ихъ помочію, бы изгнали Игоревичей а Данила на Галицкій престолъ посадили. Угорскій король согласилъ ся, и наступила кровавая борба о Галицкій престолъ межи Романовичами и Игоревичами. Данила вспирали угорскіи полки, полки ôтъ брата его Василька, князя Белзкого и Берестейского, помôчь ôтъ Лешка Бѣлого и Ингваря, князя на Луцку и Шумску. Передъ всѣмъ пôдвигачая ся угорская рать осадила Перемышль, завладѣла городомъ и имила Святослава Игоревича, по тôмъ соединивши ся

---

[2]) Ипат. лѣт. стор. 157.
[3]) Ипат. лѣт. стор. 158.

съ прочими союзниками и полками осадила Звенигородъ. Игоревичѣ приспѣли на защиту Звенигорода, Володимиръ зъ Галича, Изъяславъ зъ Теребовлѣ. Ростиславъ Игоревичь привелъ помôчную силу зъ ôтцѣвскихъ городôвъ Путивля и сѣверского Новгорода. Такъ напружили Игоревичѣ всѣ силы прислужаючіи ихъ роду, щобы при Галицкôмъ княжествѣ остояти ся. Наступило сраженье пôдъ Звенигородомъ. Игоревичѣ побѣджени бѣжали, Володимиръ прибѣгъ съ Изъяславомъ къ Галичу, но ту увидѣвши невозможность устояти ся, встремили-сь на путь къ Днѣпру до Новгорода и Путивля. Туда ôтправилъ ся также Романъ, убѣгшій зъ Звенигорода, и князь Ростиславъ съ остатками полкôвъ своихъ. Союзніи силы, которыми Данило розполагалъ, дôгнали Ростислава на рѣцѣ Гнизнѣ, вливаючой ся у города Теребовлѣ въ Серетъ, розбили его, и взяли въ полонь. Романъ зôсталъ у Шумска захваченый и зловленый. Такъ три Игоревичѣ, Ростиславъ, Романъ и Святославъ находили-сь въ рукахъ Угорскихъ а прочіи два: Володимиръ съ Изъясловомъ убѣжали. Галичане отворили побѣдоносным полкамъ ворота столечного города. Приспѣла вдова Романова видѣти любимого сына своего, бояре Галицкіи и Володимирскіи именно вышь помянутіи Володиславъ кормиличичь и Вячеславъ Володимирскій, также и всѣ воеводы Угорскіи, Польскіи и Рускіи собрали ся въ Галичи и ту посадали торжественно Данила на княжескôмъ престолѣ ôтця его Романа р. 1211 [4]).

Стыдно историку розказати событіе, которое тому великолѣпному торжеству слѣдовало. Мстивіи бояре Галицкіи понудили Угрôвъ дарами, бы имъ выдали Игоревичей, которыхъ позорною смертію (на висѣльници) умертвили, въ мѣсяци Септемвр. 1211. Князь Данило вернулъ ся на ôтцѣвскіи престолъ въ Галичи, но спокойство не повернуло. Знаеміи намъ зъ агитацій въ попереднѣйшихъ временахъ Володиславъ кормиличичь, Филипъ, Судиславъ, Александеръ и тивунъ Шумавиньскій хотѣли ôтдалити матерь Данилову зъ Галича, которая радою вспирала молодого Данила, ей любимого сына и самоволію бояръ Галицкихъ препятствовала. Нещастная вдова ради миролюбія рѣшила-сь оставити Галичь и въ область другого сына Василька переселити ся. Тое поступованье бояръ наполнило горестію сердце Данила. Ôнъ былъ обнажилъ мечь на боярина, который вхопилъ за узды коня, на которôмъ печальная матерь сидѣла, щобы ю по за стѣны города вонъ вывести, но мати изторла мечь изъ рукъ сына. Выѣхавши до Белза, жалила ся на тое королю Угорскому, благородному защитнику ей дѣтей. Король Андрей выступилъ въ предѣлы Галицкого княжества, приспѣлъ до Галича, призвалъ князей то зъ Белза, то князя Ингваря Луцкого на судъ до Галича, пероконалъ Судислава, Филипа и Во-

---

[4]) Ипат. лѣт. стор. 158.

лодислава о винѣ, и велѣлъ ихъ увязнити и мучити. Судиславъ окупилъ ся золотомъ, прочихъ именно Володислава и Филипа, король оковалъ, завелъ въ Угры и заключилъ въ темницю 1212. Романова вдова вразъ съ Василькомъ, молодшимъ сыномъ переселили-сь до Галича, но не на долго. Скоро удалилъ ся король Угорскій, бояре снова збунтовали ся. Въ неприсутствіи боярина Володислава ôтвезеного до Угоръ и заключеного въ темницю, агитуютъ противу Данилу братя оного Яволодъ и Ярополкъ и шлютъ по Мстислава, того самого зъ которого уже разъ пôдъ Галичемъ ругано ся, бы приспѣвалъ до Галича. Василько и Данило, еще вчасно вѣрными боярами зъ Буска о приближеню ся Мстислава зъ Пересопницѣ предостороженi, затревожили ся; Василько съ вѣрнымъ дядкомъ Мирославомъ удалилъ ся въ Белзъ, а Данило съ матерію убѣгли до Угоръ. Такъ Мстиславъ зъ Пересоницѣ вокняжилъ ся въ Галичи при кôнци року 1212. Король Угорскій выступилъ зновъ р. 1213, щобы заговорщикôвъ наказати, но пришедши на челѣ военныхъ полкôвъ въ горы и стануввши у монастыря Лелесова, узналъ о страшнôй мятежи въ Униахъ и принуженъ былъ вернути ся. Тымъ часомъ знаемый намъ зъ попереднѣйшои агитаціи коромолникъ кормиличичь Володиславъ въ порозумлѣню съ мятежниками Угорскими утѣкъ зъ вязницѣ и не сподѣвано явилъ ся въ Галичи „Володиславу же ѣхавшу на передъ съ всѣми Галичаны“ [5]). Мстиславъ узнавши о заговорѣ измѣнныхъ Галичанъ съ Володиславомъ, уѣхалъ до Пересопницѣ, а Володиславъ дерзнулъ засѣсти на княжескôмъ престолѣ великого Романа. „Володиславъ же въѣха въ Галичь, и вокняжи ся и сѣде на столъ“ [6]). Такъ и Галицкои Руси исторія дôстала своего самозванця. Злополучіе Романовичей не кôнчило ся на утратѣ Галича. Александеръ зъ Володимиря налягалъ на Василька, щобы уступилъ ся зъ Белза. Незнати зъ якихъ причинъ и Лешко Кракôвскій вспиралъ Александра въ тôмъ требованю. Василько уступилъ зъ Белза до Каменца, знать не Подôльского, но до города того имени, где то на Волыни обрѣтаючого ся [7]). Каменецъ былъ ôтступленъ Александромъ Васильку въ надгороду за ôтступленье Белза, а Белзъ ôтданъ былъ брату Александра, Всеволоду Червеньскому. Однакожь и той разъ Романовичей добріи люде не опустили. Съ Даниломъ и матерію его ôтправилъ ся былъ въ Угры вѣрный бояринъ Володимирскій Вячеславъ Толстый [8]).

---

[5]) Ипат. лѣт. стор. 159.

[6]) Ипат. лѣт. стор. 159.

[7]) О тôмъ другôмъ Каменци на Волыни говоритъ Ипат. лѣт. стор. 149. р. 1196. „Ростиславъ съ Володимиричи и съ Чернымъ Клубокомъ, ѣхавши, повоеваша и пожгоша волость Романову около Каменца.“ Романъ тогды володѣлъ лише на Волыни.

[8]) Ипат. лѣт. стор. 159. „Княгыня же Романовая съ сыномъ своимъ Даниломъ и Вячеславомъ толстымъ бѣжаша въ Угры.“

Оттакъ узнавши, що король занятый мятежемъ Угорскимъ не мôгъ скутечно за Романовичами вступити ся, удалили ся изгнаники до Кракова. Лешко пріялъ ихъ съ честію и ôтправилъ ихъ къ Каменцу. Ту перебывалъ Василько, и ту сбирали ся и згромаджали ся зъ всѣхъ сторонъ крѣпкіи воины и великіи бояре ôтця его Романа, „бяху бояре велиціи отца его вси у него“ [9]).

Болѣло то Мстислава Пересопницкого, що принуженый былъ уступити самозванцу зъ Галича; ôнъ успѣлъ понудити Лешка Кракôвского, Александра Володимирского и Всеволода Белзкого, заключити съ нимъ союзъ и на самозванца вооружити ся. Володиславъ нанялъ шайки охотникôвъ зъ Угоръ и Чехъ, выступилъ противу ополченымъ князямъ, сразилъ ся на рѣцѣ Бобрцѣ не побѣженъ уѣхалъ до Галича и тутъ затворилъ ся. Даремніи были усилія Лешка и прочихъ князей завладѣти Галичемъ. Володиславъ хоробро защищалъ ся. Лешко про то ôтступилъ ôтъ города и довольнилъ ся опустошеньемъ окрестностей Теребовлѣ, Моклекова, Быковена и Збыража.

Лешко не будучи въ состояню Романовичамъ ôтцѣвскій престолъ ôтзыскати, вымôгъ по крайнôй мѣрѣ на Александрѣ, що той два Володимирскіи городы, Тихомль и Перемиль Данилу и Васильку ôтступилъ. Зъ тыхъ городôвъ, лежачихъ въ поближію Володимиря, позирали Романовичѣ на сей великолѣпный городъ ôтця ихъ, чувствуючи всю кривду, нанесеную имъ собственими племенниками, которіи возползовавшись сирôтствомъ Романовыхъ тую часть ихъ ôтцѣвского достояня собѣ присвоили. Щобы исторгнути Галицкое княжество зъ рукъ самозвяньця, заключили по совѣту Данила Романовича и Пакослава, воеводы Судомирского, Кракôвскій князь Лешко и король Угорскій уговоръ въ Спѣжи [10]). Они условились обручити пятилѣтного сына Угорского короля, Коломана съ трилѣтною дочкою Лешка Бѣлого Соломеею и посадити обоихъ на стôльци княжества Галицкого. Для осуществленя того условія ôтпôслали король Угорскій и Лешокъ Кракôвскій р. 1214 полки свои къ Галичу. Воеводы Угорскіи и Польскіи завладѣли Галичемъ, изгнали Володислава и заключили его въ темницю. Ту скôнчалъ ся головный мятежникъ и спружина современныхъ внутренихъ волненій и потрясеній въ Галицкôмъ княжествѣ. Потомки его наслѣдили по немъ лише ненависть, бо всѣ князѣ презирали рôдъ того человѣка, который не бывши княжеского рода, дерзнулъ за престоломъ посягнути и въ Галичи вокняжити ся [11]).

---

[9]) Ипат. лѣт. стор. 159.

[10]) Ипат. лѣт. стор. 160. „Данилу же у Лешка сущу, Лешко же посла своего Лестича и Пакослава воеводу“ — „и улюби король совѣтъ ось Пакославль.“

[11]) Ипат. лѣт. стор. 160.

Наступилъ дѣлежь въ той способъ, що Галичь призначенъ для Коломана и Соломеи, Перемышльская область ôтдана Лешку, а Любачевская Пакославу, воеводѣ Судомирскому. Пакославъ былъ по всей вѣроятности головною спружиною тыхъ произшествій. „Пакославъ бо бѣ пріятель Романовой и дѣтей его“ [12]). За порадою Пакослава принудилъ Лешко угрозою Александра, що той Романовичамъ Володимирь уступилъ, а самъ Белзкимъ княжествомъ довольнилъ ся [13]). Король Угорскій писалъ до папы Инокентія III, що бояре Галицкіи молили поставити имъ сына его на короля, и що намѣраютъ будучи несоединеными съ римскою церквою, до апостольского престола присовокупити ся. Про то просилъ папу, що бы успѣшаючи дѣлу соединеня достоучинилъ желаню бояръ, и соизволилъ архіепископови Остригомскому въ силѣ поваги апостольской сына Коломана на царство Галицкое помазати. Папа согласилъ ся а Коломанъ и Соломея, привезеніи до Галича, пріяли корону королевства Галицкого зъ рукъ Остригомского архіепископа [14]). Возведенье Коломана и Соломеи на престолъ въ Галичи, было оже слѣдствомъ уговора межи Польщею и Угрею и содѣйства тыхъ обохъ державъ; а може быти и согласія Данила, ôтзыскавшого при тôй способности Володимирское княжество за посредствомъ тыхъ самыхъ мужей: „Лешка и Пакослава,“ которіи Коломана на престолъ Галицкій ввели. Коломанъ и Соломея проживали спôкойно въ Галичи до року 1219; въ ихъ имени владѣли княжествомъ угорскіи воеводы. Андрей отець Коломана, вытиснулъ въ тôмъ времени Лешка зъ Перемышля а Пакослава зъ Любачева и присоединилъ тіи области къ владѣнямъ сына Коломана. Лешко оскорбленый призвалъ Мстислава, князя Новгородского, которого мы уже переже на поприщи руской исторіи напотыкали. Мстиславъ вмѣшивалъ ся въ споры рускихъ князей и рѣшалъ тіи посредствомъ оружія, защищаючи доброе право слабшого противу насилію сильнѣйшого. Такъ рѣшилъ споръ о дѣлежь и границѣ по смерти В. князя Всеволода въ Володимирско-Суздальскôмъ княжествѣ. Рѣшилъ такожь споръ о Велилокняжескій престолъ въ Кіевѣ, коли по смерти Рурика вытисненіи зôстали сынове его зъ Кіева, и Всеволодъ Чермный, князь Черниговскій ихъ удѣлами завладѣлъ. Мстиславъ прогналъ Всеволода зъ Кіева, который недолго по тôмъ зъ гризоты скончалъ ся, и ввелъ на Кіевскій престолъ князя Мстислава, братаньця Рурика. Въ р. 1219 простилъ ся Мстиславъ Удалый на вѣчахъ съ Новгородцями: „хоцю поискати Галиця, а васъ не забуду“ [15]) — кланяю ся св.

---

[12]) Ипат. лѣт. стор. 160.
[13]) Ипат. лѣт. стор. 160.
[14]) Зубрицкаго исторія Галичскаго княжества. Т. III. стор. 69.
[15]) Новгородска лѣтопись I. стор. 36 цитована въ Зубрицкаго исторіи Т. III. стор. 67.

Софіи и молю Бога, щобы далъ Богъ костямъ моимъ лечи при гробахъ отцей моихъ ту.

Современно творили такожь Галичане плянъ противу Уграмъ, бо уже наскучила ся имъ была гордбсть Угорскихъ воеводъ. За понукою знаного намъ боярина Судислава, который по смерти Володислава яко провбдникъ движеній являе ся, призвали Галицкіи бояре Данила, пребываючого въ Володимирѣ, на княженье до Галича, но Мстиславъ Новгородскій приспѣлъ скорше и упередилъ Данила. Воевода Угорскій Бенедиктъ Лысый вразъ съ Коломаномъ и Соломеею и прибилыми полками Угорскими опустили Галичь и бтправили ся до Угоръ. Мстиславъ вступилъ въ Галичь, заключилъ миръ съ Даниломъ и бтдалъ для укрѣпленя пріязни дочку свою Марію Данилови за жену. Зъ того малженьства родилось Данилу кблька сынбвъ, межи ними найстаршій Левъ.

Современно якъ Мстиславъ Удалый обладѣлъ Галичемъ, возникли споры межи Даниломъ и Лешкомъ. Данило жаловалъ ся, що Лешко, за которого посредничествомъ бтдалъ ему Александеръ княжество Володимирское, при тбй способности бтлучилъ городы Берестій, Угровескъ, Столпье, Комово и Верищинъ бтъ Володимирской области и присоединилъ къ своимъ владѣнямъ. Здае ся, що якая то третяя особа, може быти Александеръ Белзкій посварила Данила съ Лешкомъ. Данило розпочалъ съ Лешкомъ вбйну, соединивши ся съ Василькомъ, завладѣлъ тыми областями Лешка, который зновъ воеводамъ въ Украину вторгнути приказалъ. Такъ звалась часть Володимирскои области, смежная Польщи и простираючая ся по лѣвой сторонѣ Буга. Лешко подозрѣвалъ Галицкого Мстислава, якобы бнъ былъ возбудилъ Данила противу нему, про то бтвернулъ ся бтъ Мстислава и приближилъ ся къ Андрею, королю Угорскому. По совѣту и намовѣ Лешка двигнулъ ся Андрей на челѣ огромныхъ военныхъ силъ за горы въ Галицкіи предѣлы, взявши съ собою Коломана, опановалъ Перемышль и у города Городка розположилъ ся. Ту приспѣли и полки Мстислава. Наступило кровавое сраженье. Воеводы Мстислава были розбитіи, а Угры одолѣли. Городокъ державъ въ имени Мстислава знаный намъ бояринъ, мятежникъ Судиславъ, который выдалъ городъ королю Угорскому. Мстиславъ уступилъ за рѣку Зубру, а Данилу, который Мстислава въ тбй вбйнѣ вспиралъ, приказалъ удалити ся въ Галичь. Угры пбгнали далѣй за Мстиславовыми воеводами и розбили остатки силъ его на рѣцѣ Щирцѣ, а потбмъ приступили къ Галичу и сточили кровавый бой на бродахъ, искаючи переправы черезъ Днѣстръ. Прійшла глубокая осѣнь, упалъ снѣгъ и настала розкаль. Мстиславъ узналъ, що не возможно теперь буде вспомагати Данила въ Галичи. Александеръ Белзкій, который такожь въ настоячой вбйнѣ обовязалъ ся вспирати Мстислава и на челѣ военныхъ полкбвъ выступилъ въ поле, бтложилъ ся бтъ него.

Тое все зваживши, узналъ Мстиславъ, що Данило не есть въ состояню на долшій часъ Угорскимъ силамъ въ Галичи опирати-сь, про то приказалъ ему, вступити ся зъ Галича. Данило убѣгъ черезъ Толмачь и рôвнинами (тогды степами) по правôй сторонѣ Днѣпра на Подôлье. Угры заняли Галичь и впровадили по вторый разъ Коломана. Мстиславъ же побѣгъ до Половцей, призвалъ Половецкого князя и тестя своего Котяна, связалъ ся съ наддніепровскими князями и явилъ ся слѣдуючого року съ огромною силою пôдъ Галичемъ. Современно собралъ Данило Володимирскую рать и направилъ ся къ Галичу, щобы тестя своего Мстислава всперти. Лешко содѣйствуючій тогды Уграмъ затримовалъ военными маневрами Данила и перешкажалъ ему съ Мстиславомъ соединити ся. Тымъ часомъ завязалъ Мстиславъ жестокій бой съ Уграми пôдъ Галичемъ и побѣдилъ ихъ совершенно, взялъ Галичь и принудилъ Коломана, затворившого ся вразъ съ придворными своими панами и воеводами въ церкви пресв. Богородицѣ къ здачи р. 1220 [16]). Коломанъ ôтвезенъ до Торческа, цѣлый рôкъ пребывалъ въ плѣни, наконець дорогою цѣною окупилъ ся.

Въ Галичи находили ся бояре, которіи постоянно Угорской стороны придерживали ся. Такимъ былъ передъ всѣми бояринъ Жирославъ. Мстиславъ привыкшій въ Новгородѣ повиновати ся вѣчу и слухати голоса народного, старалъ ся и ту въ Галичи основати свое владѣнье на народной воли, а не опирати ся единственно на насилію. Про то старалъ ся погодити всѣ стремленя и притязаня, оспориваючіи его владѣнье. Дочку свою Марію ôтдалъ за третого сына короля Угорского, Андрея и ôтступилъ ему Перемышльскую область. Судислава, измѣнившого ему попереднѣйшого року въ Городку, и Жирослава, ôтвертого сторонника угорского, пріялъ въ свою ласку; Судислава поставилъ навѣтъ яко своего намѣстника въ Звенигородѣ. Наконець укороновалъ ся Мстиславъ вѣнцемъ Коломана, оставленымъ въ Галичи, на царя Галицкого [17]).

Битва пôдъ Галичемъ рѣшила споръ на сторону Мстислава. Лешко принуженый былъ оставити Данила въ спокою. Данило обернулъ ся тогды противу Александру, который Мстиславу въ время остатной борбы его съ Уграми измѣнилъ былъ. Данило опустошалъ жестоко окрестности Белза, но за посредничествомъ Мстислава оставилъ по тôмъ Александра въ спокою.

Зъ прочихъ Волынскихъ князей, происходячихъ зъ того самого рода що и нашіи Романовичѣ, т. е. зъ потомкôвъ Изъяслава, жили еще слѣдуючіи князѣ: Мстиславъ зъ Пересопницѣ владѣлъ въ Луцку, Ярославъ въ Дорогобужу, а Александеръ въ Белзѣ; о братѣ его Всеволодѣ лѣтописи уже

---

[16]) Ипат. лѣт. стор. 162.
[17]) Зубрицкаго исторія Галичскаго княжества Т. III. стор. 80.

не вспоминаютъ. Васильку и Данилу позôстала ся Володимирска и Берестейска область, Мстиславъ Удалый царствовалъ въ Галичи. Въ Кіевѣ княжилъ Мстиславъ Старый, въ Черниговѣ Ольговичѣ а въ Новгородѣ сѣверскôмъ и Путивлю, сынъ Володимира Игоревича Изъяславъ.

На югъ ôтъ рускихъ княжествъ обитали Половцѣ. Головніи ихъ жилища и сѣдалища ихъ ханôвъ находили ся межи Волгою, Дономъ и Азовскимъ моремъ. Владѣнье Половцей простирало ся до побережія чорного моря и опирало ся о предѣлы Галицкого княжества. Половецкіи князѣ приняли рускіи обычаи и вѣру греческу, и входили съ рускими князями въ тѣсніи семейственіи ôтношеня. Полки Половецкіи служили, якъ мы видѣли, князямъ рускимъ и вспомагали ихъ въ неусыпающихъ межиусобицяхъ. Такъ устала племенна вражда межи Половцями и Русинами, которіи начали смотрѣти на Половцей якъ на своихъ братій. Половецкіи кочевища были запоною для другихъ посуваючихъ ся зъ Азіи кочуючихъ народôвъ и сильною защитою хлѣборобнымъ Русинамъ передъ дикими азіатицкими племенами. Половцѣ встримовали прудъ посуваючихъ ся зъ Азіи до Европы Номадôвъ такъ долго, поки тіиже на предѣлы Европы поединчо напирали и поки еще въ бôльшую цѣлôсть не соединили ся.

Въ другôй половинѣ XII столѣтія образовало ся соединенье Монгольскихъ и Турецкихъ племенъ надъ озеромъ Байкалемъ и горнымъ Амуромъ. Творцемъ того соединеня былъ Тшингисханъ Темутшинъ. Покоривши майже всѣ кочуючіи племена сѣверной Азіи, принудилъ Темутшинъ царя Хиньского признати ся его пôдвластнымъ, пôдбилъ образовану и купецкую Ховорезмію и побѣдилъ по первый разъ державу Перскую. Рать татарская на пути зъ Персіи вступивши за желѣзніи ворота, (такъ звались просмыки гôръ Дербентскихъ), явилась въ предѣлахъ Половцей р. 1223, розоряла ихъ жилища, похищала ихъ имущество и на борзыхъ степовыхъ коняхъ наплѣнивши ся до волѣ, удаляла ся въ глубину азіатскихъ степôвъ. Може быти, що такіи напады часто повтаряли ся. Народы обитаючіи надъ Дономъ и Волгою затревожили ся. Булгары камскіи бѣжали до сѣверо-рускихъ князей, Хазары до Крыму, а Половцѣ удалили ся въ предѣлы рускихъ князей. Ихъ верховный ханъ Котянъ явилъ ся у своего затя Мстислава [18]) въ Галичи, розказивалъ ему о нечуваныхъ гостяхъ, перестерѣгалъ его и молилъ помочи. Рускіи князѣ съѣхавши-сь въ Кіевѣ [19]) рѣшили вступити ся за Половцями и соединеными силами спинити навальницю Татаръ, которая проломивши валъ Половцей на Донѣ, предѣламъ рускихъ княжествъ и областей угрожала.

Волыньскіи, Галицкіи, Кіевскіи, Черниговскіи и Новгородско-сѣверскіи полки явили-сь сухимъ путемъ у берегôвъ Днѣпра, Галицкіи выгонь-

---

[18]) Зубрицкаго исторія Галичскаго княжества Т. III. стор. 90.

[19]) Ипат. лѣт. стор. 163. „бывшю же съвѣту всѣхъ князей въ градѣ Кіевѣ."

цѣ [20]) плыли на 1000 лодяхъ по Днѣпрѣ въ Чорное море, а ôттакъ горѣ Днѣпромъ до острова Хортицѣ. Володимирско-Суздальскіи князѣ, призваніи южно-рускими князями, рѣшили сь также всенародному подвигу содѣйствовати; но полки ихъ для далекости не приспѣли на часъ. Южнорускіи князѣ пустили ся за Днѣперъ и стрѣтили ся у Калки съ татарскою ордою р. 1224. Наступило страшное сраженье. Не было согласія межи рускими князями, ни единомыслія въ военныхъ дѣйствахъ. Мстиславъ Галицкій завидовалъ славы Мстиславу, тогдашному князю Кіевскому, и не увѣдомилъ его о намѣреню своемъ, съ Татарами сражати ся. Оба князѣ стояли въ ôтдаленю въ особенныхъ таборахъ. Стрѣлы Татарскіи несли дальше якъ стрѣлы рускіи. Хотя князѣ рускіи и войны бороли-сь съ необыкновенною хоробростію и пожертвованьемъ, то однакъ Татары преодолѣли. Кровь ляла-сь струями, нашь Данило былъ ранный, Василько верженый зъ коня и приваленый на земли, многіи князѣ убитіи. Трупы жителей зъ надъ Днѣпра, Сану, Прута и Буга постыгли въ ôтдаленю надъ берегами Калки. Мстиславъ Галицкій, Романовичѣ и Мстиславъ Луцкіи бѣжали. Мстислава Кіевского принудили Татары къ здачи и придусили его вразъ съ затями пôдъ досками. Татары еще тогды не намѣряли завоеваній на Руси, и про то по ôтносенôй побѣдѣ удалили ся въ далекіи степы. Тогдашніи Русины не знали однакожь, ôтки Татары пришли и куда подѣли-сь [21]).

Якъ скоро удалили-сь Татары въ степъ, ôтновили ся распры и межиусобицѣ рускихъ князей. Александеръ, князь Белзкій, оклеветалъ Данила передъ его тестемъ Мстиславомъ; за тое выступилъ Данило ратію на Александра р. 1225. Данила вспомагалъ Лешокъ Краковскій, а Александра Мстиславъ Галицкій. Данило соединивши ся съ Ляхами побѣдилъ Мстислава, вторгнулъ въ землю Белзкую и жестоко спустошилъ окрестности Белза. Мстиславъ призвалъ Котяна Половецкого и готовилъ ся до дальшой вôйны, поки не выяснила ся клевета, подавшая повôдъ до роздору межи Мстиславомъ и Даниломъ, по чемъ спорячіи князѣ межи собою уладили ся. Ôттогды Данило и Василько вспирали Мстислава [22]).

Мстиславъ малъ въ Галичи трудное становище. Бояре Галицкіи заувважали, що имъ лучше быти пôдъ вліяньемъ короля угорского пробываючого въ ôтдаленю, якъ пôдъ безпосереднимъ владѣньемъ, предпріемчивого руского князя, обитаючого въ Галичи. Ходило имъ лишь о тое, щобы угорскій король ôтпослалъ на престолъ Галицкій кото-

---

[20]) Тое слово толкуе Зубрицкій въ исторіи Т. III. стор. 92, нота 75 черезъ: пѣшое войско.

[21]) Первая Софійская лѣт. у Зубрицкого исторіи Галичского княжества стор. 95. Т. III. „сихъ же злыхъ Татаръ Таурменъ не свѣдаемъ откуду были пришли на насъ, и гдѣ ся дѣли опять, но только Богъ вѣсть."

[22]) Ипат. лѣт. стор. 165.

рогозъ молодыхъ сынôвъ, и щобы не угорскимъ воеводамъ, но имъ самымъ повѣрилъ узды правленя. Въ тôмъ случаю пріобрѣли бы они были великое поле для самоволія, и къ тому звернули всю свою дѣятельнôсть. Передъ всѣми иными ôтличали-сь агитаціею на корысть сына короля угорского, знаніи намъ бояре Жирославъ, Судиславъ и Филипъ. Увидѣвши, шо Мстислава могучество и силы утерпѣли много потерею надъ Калкою, выступили они тымъ смѣлѣйше противу Мстиславу. Жирославъ понудилъ былъ Галицкихъ бояръ ложными вѣстями о злобныхъ намѣреняхъ Мстислава, здѣланыхъ нибы къ истребленю боярского сословія, бѣжати зъ Галича въ горы р. 1226. Мстиславъ пôслалъ за ними духовника Тимофтея, который дôгнавши утѣкаючихъ, о лжи розсѣяныхъ вѣстей ихъ убѣдилъ, по чемъ бояре до Галича вернули. Жирославъ удалилъ ся въ Новгородъ сѣверскій до Изъяслава, сына Володимира Игоревича. — Въ року 1226 выступилъ король Угорскій противу Галицкого Мстислава. Бояринъ Самюнко Чермный былъ уговорилъ Андрея, сына короля Угорского, который будучи съ донькую Мстислава обрученый, надѣленъ былъ Перемышлемъ, що Мстиславъ намѣряе его изгнати. Сторонництво Мадярское бояръ бѣжало вразъ съ Андреемъ до Угоръ и понудило самого короля противу Мстиславу. Король двигнулъ ся за горы, завладѣлъ Перемышлемъ, пôдступилъ пôдъ Звенигородъ и розположилъ ся ту таборомъ. Зъ ôтси ôтряды угорскихъ войскъ поступили пôдъ Галичь. Въ тôмъ походѣ вспомагалъ короля Угорского по приказу Лешка Пакославъ, Судомирскій воевода. Мстиславъ выступилъ въ поле и побѣдилъ короля, который бѣжалъ въ Угры. Мстиславъ соединилъ ся у Городка съ Романовичами Даниломъ и Василькомъ, намѣрилъ встремитись въ погонъ за королемъ Угорскимъ, но бояринъ Судиславъ, стоявшій такожь по всей вѣроятности въ порозумлѣню съ Уграми, противилъ ся [23]). Король уйшолъ щастливо до Угоръ, а Галицкіи и Володимирскіи князѣ повернули въ свояси. Бояринъ Судиславъ представилъ Мстиславу, що бояре съ нимъ не задоволеніи и намовилъ его, що ôнъ ôтдалъ за жену вторую доньку свою Марію сынови короля угорского Андрею, и ôтступилъ ему Галичь, самъ же задержалъ для себе Понизіе (т. е. Подôлье) и въ городъ Торческъ удалилъ ся. Андрей прибылъ до Галича, а Судиславъ пріялъ правленье р. 1227.

Въ Луцку княжилъ, якъ мы видѣли, Мстиславъ, племяникъ Романовичей. Ôнъ умеръ, поручивши свои удѣлы и сына своего Ивана опѣцѣ Дани-

---

[23]) Ипат. лѣт. стор. 166. „Даниловн же пришедшу къ Мстиславу съ братомъ Василькомъ къ Городку, и Глѣбъ съ нима, и молвящимъ имъ, пойди княже на короля по Лохти ходитъ, Судиславъ же бранящетъ ему, бѣ бо имѣяшетъ лесть въ сердци своемъ, не хотяшетъ бо пагубы королеви."

ла, но когда Иванъ також р. 1227 преставилъ ся и Ярославъ Ингваревичь зъ Дорогобужа Луцкомъ овладѣлъ, объявилъ Данило Ярославу войну, сразилъ ся съ нимъ, побѣдилъ и плѣнилъ его, и прiялъ городъ Луцкъ. Данило присоединилъ до Володимирского княжества заняти городы: Луцкъ, Пересопницу и Дорогобужъ, и надѣлилъ ними довременно брата своего Василька. Коли Ярославъ надаремно покушалъ ся Луцкомъ овладѣти, опановали князѣ Пиньскiи Чарторыйскъ. За соизволеньемъ Мстислава розпочалъ Данило съ князями Пиньскими войну, побѣдилъ и плѣнилъ ихъ, и прилучилъ Чарторыйскъ къ своему владѣнiю. Въ року 1228 умеръ Мстиславъ Удалый въ Торческу. Мстислава сынъ Георгiй долженъ былъ довольнити ся Торческомъ, а Данило занялъ Понизье. Тiи притязанiя Данила возбудили завистъ у руcкихъ князей. Зверхъ того Ростиславъ, отець князей Пиньскихъ, порушалъ князей рускихъ противу Данилу. Князѣ, Кiевскiй Володимиръ, Новгородско-Сѣверскiй, и проч. призвали Хана Половецкого Котяна, двигнулись на Волынь, и осадили Каменець, одинъ зъ головнѣйшихъ городôвъ Волыня. Данило побѣгъ до Кракова просити помочи у Лешка, привлѣкъ на свою сторону Половецкого Хана Котяна; а соединени князѣ ôтступили тогды ôтъ осады Каменьця. Они стояли въ добромъ порозумѣню съ Уграми, насупротивъ тому Данило снискалъ помôчь у Лешка и поступилъ пôдъ Кiевъ намѣряючи князя Кiевского за осаду Каменця наказати. Тогды явили ся послы ôтъ князей Кiевского и Черниговского, и заключили миръ съ Даниломъ[24]). Всѣ области приобрѣтени остались при Данилѣ. Пинскiи князѣ освобожени, узнали знать теперъ верховную власть Данила. Ôтъ тогды уважаютъ Володимирскiи князѣ Пинскихъ князей яко своихъ пôдручникôвъ, а Пинскую область яко частку Володимирского княжества зôстаючую въ зависимости ôтъ нихъ пôдъ особными князями.

Въ року 1229 (1227?) убитый былъ измѣниками въ Краковѣ князь Лешко. Ему слѣдовалъ молодшiй братъ его Кондратъ на престолѣ княжества Кракôвского. Въ року 1229, спомагалъ неутомимый нашъ герой Данило прiятеля своего Кондрата противу Владиславу Одоничу князю Опольскому, который оспоривалъ Кондрата. Данило подвигалъ ся въ ôтдалени области Польщи, приспѣлъ пôдъ Калишь, который то городъ ôтъ Кондрата былъ ôтложилъ ся, и принудилъ оружiемъ Калишанъ пôддати ся Кондрату. Въ время ôтсутствiя своего оставилъ Данило защиту земель своихъ своему пôдручнику князю Пинскому. Здае ся що знаный намъ бояринъ Судиславъ загадалъ корыстати зъ ôтсутства Данила, бо еще въ осени року 1229 двигнулъ ся на Понизье въ той цѣли, щобы тую область Данилѣ ôтобрати и присоединити къ Галицкому княжеству, зôстаючому подъ вла-

---

[24]) Ипат. лѣт. стор. 167, 168.

дѣнiемъ угорского королевича. Но зъ Галицкихъ жителей одни тримали съ королевичемъ, другiи бажали за Даниломъ, которого за держателя Богомъ собѣ даного уважали. Коли Судиславъ двигнулъ ся на Подолье, мужѣ приклонни Данилу дали ему о предприиятьяхъ Судислава вѣдомôсть. Данило былъ тогды уже въ Угровску, городѣ лежачôмъ на рѣцѣ Угрѣ по лѣвой сторонѣ западного Буга; но якъ тôлько тую вѣсть учулъ, заразъ приспѣлъ пôдъ Галичь, где многiи бояре съ своими полками до него пристали. Данило переправилъ ся черезъ мôстъ, построеный пôдъ Галичемъ, плѣнилъ дворище Судислава лежачое по за стѣнами города, и готовилъ ся до осады города. Приспѣлъ такожь съ помочными силами зъ Волыня къ Данилу Володимиръ Ингваревичь братъ Ярослава. Лише бояринъ Чермюнко стоялъ еще на сторонѣ Угоръ. Судиславъ увѣдавши о пришествiи Данила, прибѣгъ зъ Подоля до Галича. Данило собралъ силы, состоячiи зъ бояръ и хлопôвъ зъ цѣлои просторони земель ôтъ Бôбрки до Прута и Ушицѣ, и осадилъ Галичь. Угры здали ся, Данило ôтпустилъ Андрея домôвъ, Судиславъ презрѣный ôтойшолъ за Андреемъ, огорченый нарôдъ кидалъ за нимъ камѣнями и кричалъ „иди изъ града мятежниче земли“[25]). Еще того самого року въ пôзнôй осени (1229) ôтправилъ король угорскiй, зъ намовы боярина Судислава, старшого сына своего Беллю въ Галичь. Белля вступилъ за Карпаты, настали дощи, наводнились рѣки, и съ великою бѣдою прибыли Угры пôдъ Галичь. Данило призвалъ на помôчь Половцей. Угры ôтъ Галича ôтражени, пустили ся въ бѣгство, и побережемъ по лѣвой сторонѣ Днѣстра уходили; у Василева переправили ся черезъ Днѣстеръ, а ôттакъ черезъ рѣку Прутъ и горы, и съ остатками войска вернули до Угорскои землѣ.

Скоро ино Данило по-третiй разъ овладѣлъ Галичемъ, сдѣлали вѣтренни и легкомысленни Галицкiи бояре заговоръ, намѣриваючи убити Данила и Василька р. 1230. Головною пружиною тыхъ заговорôвъ былъ князь Александръ Белзкiй, по крайной-мѣрѣ загадалъ ôнъ употребити замахъ бояръ Галицкихъ на житье Романовичей, и самъ на Галицкôмъ престолѣ засѣсти. Однакожь заговоръ зôсталъ ôткрытый, многiи заговорчики плѣнени, инiи же бѣжали до Перемышля, где прибылъ и Александръ стоявшiй съ заговорчиками въ тѣсныхъ сношеняхъ. Данило и Василько выступили на челѣ вѣрнои имъ дружины противу Александру и заговорчикамъ. Василько занялъ Белзъ и Червень, Данило розбилъ Александра и заговорчикôвъ пôдъ Перемышлемъ, и прогналъ ихъ зъ предѣловъ Галицкихъ[26]). Всѣ они удалили-сь до Угоръ, где перебывалъ Судслиавъ и вразъ съ нимъ понудили короля Угорского пойти ратiю на Романовичей.

---

[25]) Ипат. лѣт. стор. 169.
[26]) Ипат. лѣт. стор. 170, 171.

Въ року 1231 явилъ ся король Угорскій съ обома сынами въ сопровоженю князя Александра, Судислава и прочихъ измѣнниковъ бояръ въ предѣлахъ Галича. Многіи бояре, що еще тримали съ Даниломъ, ôтступили ôтъ него и привернули ся къ королю. Король завладѣлъ Перемышлемъ, Ярославомъ и Галичемъ, пôдступилъ пôдъ Володимирь, осадилъ городъ и принудилъ воеводу старого Мирослава управляючого краемъ въ отсутствію Данила и Василька, заключити примѣріе, и городôвъ Белза и Червеня ôтказати ся. Король ôтдалъ тіи городы Александру, а сына своего Андрея посадилъ по другій разъ въ Галичи. Данило майже въ тôмъ самôмъ времени участвовалъ въ борбѣ Михаила Черниговского съ Володимиромъ Кіевскимъ. Оба князѣ спорили о престолъ въ Кіевѣ. Данило не былъ въ состояню такимъ силамъ противу станути, ôнъ ждалъ ôтшествія Угоръ, почемъ мстилъ ся на Александрѣ и опустошилъ окрестности Червеня. Королевичь Андрей вспиралъ зъ Галича Михаила Черниговского, съ которымъ связалъ ся былъ такожь Изъяславъ сынъ Володимира Игоревича зъ Новгорода Сѣверского. Военными движеніями на Волыни старали ся Александръ Белзкій и королевичь угорскій Данила ôтъ Кіева и ôтъ дальшого вспомаганя Володимира ôтвлечи. Такъ образовали ся два союзы. Князѣ Черниговскій, Новгородскій, Белзкій и Угры стояли на едной сторонѣ, на другой сторонѣ Романовичѣ съ Кіевскимъ Володимиромъ, а вôйна о Галицкій престолъ межи Уграми и Романовичами спрягла ся съ вôйною о престолъ въ Кіевѣ. До королевича пристали Болоховскіи князѣ, пôдручники Данила, владѣючіи надбужаньскими областями на Подôлю. Данило вступилъ межи тымъ въ Кіевъ, помирилъ спорячихъ князей, приобрѣлъ Торческъ для себе и побудилъ ихъ, щобы съ нимъ разомъ ишли на иноплеменныхъ. Связавши ся съ Половцями двигнулъ ся Данило на Волынь, соединилъ ся съ Васильком, а встрѣтивши королевича на Случи, рострѣскалъ полки его на порохъ разъ около Шумска, другій разъ у Перемыля. Тогды Александръ Белзкій ôтступилъ ôтъ королевича и помирилъ ся съ Романовичами. Данило приступилъ р. 1233 пôдъ Галичь и осадилъ той городъ ôтъ стороны рѣки. Королевичь умеръ въ время 9 недѣльной блокады Галича. Галичане притиснени голодомъ сдали ся. Данило засѣлъ по четвертый разъ на престолъ въ Галичи, а Судислава вразъ съ трупомъ королевича ôтпустилъ до Угоръ [27]). Ôттогды зчезае партія бояръ, которая стороны Угоръ придерживалась. Семюнко Чермный покорилъ ся Данилу, а о Жирославѣ и Судиславѣ исторія бôльше ничого невспоминае.

Александръ Белзкій сотоварищившій Данилу по битвѣ пôдъ Перемылемъ, въ время блокады Галича побуженый обѣтницями Судислава ôтступилъ былъ ôтъ Данила и ôтдалилъ ся въ Белзкую область. Данило овла-

---

[27]) Ипат. лѣт. стор. 173.

дѣвши Галичемъ, двигнулъ ся теперь на измѣнника; Александръ же убоявши ся пустилъ ся къ Кіеву до своего тестя Володимира. Данило догналъ Александра у Полономъ, и имилъ его [28]), по чемъ въ жерелѣ о немъ больше не вспоминае ся. Оттогды Белзкая область перестала быти особнымъ удѣломъ и была къ прочимъ владѣніямъ Романовичей присоединена. — Въ року 1235 двигнулъ ся Данило надъ Днѣперъ, где распря межи Черниговскимъ княземъ Михаиломъ и Кіевскимъ Володимиромъ продолжала ся. Данило вспираючи Володимира, отперъ Михаила отъ Кіева, которому той загрожалъ, вытиснулъ его зъ Чернигова и посадилъ на Черниговскомъ престолѣ двоюродного брата его Мстислава. Михаилъ уступаючи насилію, призвалъ Половцей, вступилъ снова въ Кіевскую область, плѣнилъ Володимира, погналъ за Даниломъ, сразилъ ся съ нимъ у Торческа и побѣдилъ его совершенно [29]). Въ той битвѣ вѣрни Данилу бояре частію избитыми, частію захвачеными зостали, а по крайной мѣрѣ, Данило по той битвѣ партіи боярской въ Галичи цѣлкомъ лишилъ ся. Въ прочемъ и тое на увазѣ мати потреба, що многіи бояре приступали къ Данилови, якъ счастье на поли битвы ему служило, а многіи въ нещастю отъ него откланяли ся. И такъ Данилова сторона межи боярами Галицкими по обстоятельствамъ то умножала ся, то уменшала ся. Вмѣсто стороны Угорской являе ся въ Галичи партія князей Черниговскихъ Михаила и его сына Ростислава. Предводителями той были Доброславъ, Борисъ Межибожскій, Володиславъ и иніи. Борисъ Межибожскій уговорилъ Данила приспѣвшого въ Галичь по битвѣ подъ Торческомъ, що князь Черниговскій вразъ съ Половцями загрозилъ городу Володимирю. Данило отослалъ любимого брата Василька съ останками войска для защиты Володимиря. Тогды принудили бояре князя лишеного всякихъ военныхъ силъ зъ Галича утѣкати, а въ мѣсто него призвали на престолъ Галицкій Михаила Черниговского. Михаилъ явилъ ся въ Галичи р. 1235 и связалъ ся съ неприклонными Данилу Болоховскими князями. Данило выступилъ зъ Галича, искалъ помочи въ321Уграхъ, призвалъ Лаховъ, соединилъ ся съ братомъ своимъ Василькомъ, и воевалъ Михаила на Подгорю, и около Галича и Звенигорода. Данила и Василька вспирали въ настоячой борбѣ приклонніи роду ихъ и вѣрніи имъ Володимирскіи бояре. Михаилъ за помочію Болоховскихъ князей и приклонныхъ Галичанъ воевалъ на Понизью и около Каменца. Данилови воеводы плѣнили Болоховскихъ князей. Съ Михаиломъ соединилъ ся Изъяславъ зъ Новгорода Сѣверского, который по битвѣ подъ Торческомъ засѣлъ на Кіевскомъ престолѣ, а съ Даниломъ освободившій ся зъ плѣна Володимиръ, бывшій князь Кіевскій.

---

[28]) Ипат. лѣт. стор. 173.
[29]) Ипат. лѣт. стор. 174.

Желаючи Болоховскихъ князей отъ плѣна освободити, выступилъ за ними Кондратъ, князь Мозовецкій, и явилъ ся яко помочникъ Михаила, на военномъ поприщи. Онъ отпослалъ воеводъ, которіи опустошали окрестности Червеня, сразили ся съ Василькомъ на рѣцѣ Вепрѣ, и потеряли много воиновъ. Однакожъ Романовичѣ пустили князей Болоховскихъ на вольность и наконець р. 1235 умирили ся съ Михаиломъ. Михаилъ отступилъ имъ Перемышль, а самъ остоялъ ся при Галичи, Теребовли и Звенигородѣ. Такожь князѣ Изъяславъ и Володимиръ помирили-сь съ собою.

Изъяславъ отступилъ Кіевъ Володимиру, но Володимиръ не могъ остояти-сь въ Кіевѣ, онъ уступилъ той городъ князю Ярославу зъ Новгорода Великого. Якъ ино Ярославъ по смерти брата своего Георгія въ Володимирь Клязменьскій удалилъ ся, тогды побѣгъ Михаилъ зъ Галича, бы приняти Кіевъ на себе а въ Галичи оставилъ сына своего юного Ростислава [30]).

Мы спостерѣгаемъ у Данила надзвычайную дѣятельность. Въ время тяжкихъ борбъ на руской земли о власное достоянье его, которое вороги при кождой способности похищали и межи себе роздирали, Данило въ одномъ пунктѣ Володимирского княжества, Каменци утвердивши ся, приобрѣтае часточками одную область по другой. Данило присоединилъ всѣ области Володимирского княжества, ба навѣть предѣлы тогоже новыми приобрѣтенями розширилъ. Володимирскіи бояре вспирали Данила въ тыхъ предпріятіяхъ. Данило въ настоячой хвилѣ владѣе Володимирскою, Луцкою, Берестейскою, Белзкою и Перемышльскою землею. Все то здѣлалъ Данило въ продолженью 20 лѣтъ, онъ не откладалъ отъ молодецкихъ лѣтъ своихъ оружія зъ рукъ, но дѣйствовалъ неутомимо, уступалъ, коли узналъ невозможность, при первой лучшой способности продолжалъ свое дѣло, воевалъ, боролъ ся, укладалъ и уговоривалъ ся. Въ року 1236 володѣлъ онъ въ слѣдство своей неутомимой дѣятельности вышпомянутыми землями. Данило былъ бы до сихъ поръ и Галичемъ завладѣлъ, если бы не Галицкіи бояре. Тіи по образу Угорскихъ и Польскихъ олигарховъ хотѣли самовольства, и противили ся соединенію Галицкого княжества съ Володимирскимъ въ рукахъ Романовичей въ одну большу державу. Романовичѣ, розполагаючи силами Володимирского княжества за помочію приклонныхъ собѣ Володимирскихъ воиновъ и бояръ, мали средства въ рукахъ къ тому, бы самовольство ихъ обмежити. Однакожь уже самое присутство Романовичей въ Галичи неправило ся розгордѣвшимъ властолюбивымъ боярамъ, про то волѣли они королевичей Угорскихъ, або князей Черниговскихъ якъ Романовичей, бунтовали-сь противу Романовичамъ, из-

---

30) Ипат. лѣт. стор. 175.

ганяли ихъ, вспомагали впередъ притязаня то Игоровичей то королевича Угорского а по томъ князей Черниговскихъ на Галичь, и тымъ раднѣйше имъ княжескій столецъ повѣряли, чимъ больше призваный ними князь уже становищемъ своимъ зову бояръ одолженъ, повѣрялъ имъ судъ и правленье, не ставлялъ самоволству ихъ жадныхъ перепонъ, щобы снискати добрую волю и приклонôсть нарочитыхъ бояръ и единственно за помочію ихъ передъ намаганіями Романовичей остояти ся, которіи тую послѣдную часть отцевского достоянія ôтзыскивали. Мы видѣли, що неразъ горко прельщени были Галичане Уграми, що они притиснени и оскорблени угорскими намѣстниками часто каяли ся, дѣлали заговоры противу Уграмъ, и къ Романовичамъ прибѣгали. Король Угорскій убѣдивши ся, що не возможно удержати для сына престола Галицкого безъ стороны и доброй волѣ мужей Галицкихъ, престалъ посылати Галичанамъ намѣстниковъ и воеводъ, которіи при боку и пôдъ авторитетомъ королевича управляли дѣлами Галицкими, и управленіе края повѣрилъ самымъ боярамъ; но и тогды лишь малое число бояръ корыстало и угожало своему властолюбію. Мы видѣли, що властолюбіе одного зъ нихъ такъ далеко поступило, що ôнъ дерзнулъ засѣсти на престолѣ, на которôмъ до сихъ поръ лишь члены принадлежачіи княжескому роду засѣдали. Бояре Галицкіи придерживаючи ся партіи Угорской, по томъ князей Черниговскихъ очевидно стремили ко розрыву княжества Галицкого ôтъ Володимирского, и намѣряли розвинути и утвердити олигархичную форму правленя приобрѣтаючи для малого числа зъ помежи себе неограниченую власть. Такіи стремленя не могли понравити-сь бôльшой части народа. Ôнъ бажалъ за Романовичами, якъ бажаютъ пчолы за маткою, якъ дѣти за отцемъ, якъ жаждучій воды за источникомъ, уважаючи Данила и Василька за законныхъ, Богомъ даныхъ наслѣдниковъ Галицкого княжества, которыхъ лишь волненье и самолюбіе олигархôвъ ôтъ ôтцѣвского престола ôтстороняло. Такое было розположенье народа въ Галичи, коли по ôтшествію Михаила, сынъ его Ростиславъ позôставшій въ Галичи, хотѣлъ якимъ мужественнымъ подвигомъ вславити ся, и походъ на ôтдалену Литву предпріялъ, лишаючи столицю безъ защита. *Галичане увѣдомили Данила о ôтсутствію Ростислава, и призвали его до Галича. Данило перебывалъ тогды въ Холмѣ.* Той городъ построилъ Данило, и перебывалъ въ немъ съ умиленьемъ. Данило не медлилъ, двигнулъ ся быстро зъ Холма, и приспѣлъ пôдъ Галичь. Народъ отворилъ ему ворота городскіи, принялъ съ восторгомъ, и впровадилъ его на престолъ отцѣвскій въ Богородичную первопрестольную церковь Галича. Бояре, съ которыми держалъ епископъ Артемій, ради нерадн не могли повстримати общого восторга народа, пріишли съ видомъ покаянія и покорили ся. Данило пріялъ ихъ ласкаво, и простилъ имъ вину пôдъ условіемъ, бы не творили бôльше такого беззаконія. Ростиславъ узнавши на

дорозѣ до Литвы о происшествіяхъ въ Галичи повернулъ, но уже за пôзно. Галичь твердо стоялъ при Данилѣ, и такъ Ростиславъ лишилъ ся Галича. Ростиславъ не ишолъ къ Кіеву зъ причины, що не возможно, а по крайной мѣрѣ опасно было продератись черезъ Волынь и Понизье, которіи въ рукахъ Романовичей обрѣтали ся; инои же дороги до Кіева не было. Тому отправилъ ся черезъ Борсуковъ Дѣлъ, лежачій въ областяхъ нынѣшной Буковины до Родны, и прибѣгъ на двôръ короля Угорского Беллѣ съ просьбою, щобы противу могучому Романовичу за нимъ вступилъ ся. Но король Угорскій жилъ тогды съ Даниломъ въ добрôй пріязни. — Въ лѣтахъ 1235—1239 служило щастье Данилу. Ôнъ не взираючи на затрудненіе дома, влекомый неутомимою жаждою славы, предпринималъ военни подвиги въ ôтдалени землѣ, такъ н. пр. на рыцарей нѣмецкого ордена, которіи по зову Мозовецкого князя Кондрата надъ нижною Вислою были поселили ся. Въ р. 1236 ходилъ Данило на Ятвягъ, заключилъ союзъ съ Литвою, зяпріязнилъ ся съ ихъ княземъ Миндогомъ, заключилъ дружескіи ôтношенія съ угорскимъ королемъ Беллою, и вразъ съ братомъ своимъ Василькомъ посѣтилъ дворъ короля Беллѣ, и его коронаціи присутствовалъ.

Въ року 1239 появили ся Татаре за Днѣпромъ. Михаилъ, князь Кіевскій бѣжалъ въ Угрію, потôмъ до Ляхôвъ и искалъ помочи. Тымъ часомъ рускій князь Ростиславъ возпользовалъ ся случаемъ и завладѣлъ Кіевомъ. Данило вытиснулъ его зъ Кіева, завладѣлъ тымъ городомъ, присоединилъ Кіевскую область къ своимъ владѣніямъ, и поставилъ въ Кіевѣ намѣстника Димитрія, припоручивши ему стеречи берегъ Днѣпра передъ опасностію, якая ôтъ року 1239 руской земли зъ стороны Татаръ угрожала. Тогды Данило пріобрѣлъ всѣ области отца своего по жерела Нѣмана и Днѣпра и востановилъ могучественну державу. Всѣ вороги Данила побѣжени умолкли; головніи непріятелѣ Романовичей, Михаилъ вразъ съ сыномъ Ростиславомъ скитали ся, якъ бы въ заточенію въ Польщи и Уграхъ, наконецъ прибѣгли до Данила и просили милости. Романовичѣ простили имъ, дарили ихъ имѣньемъ многимъ, Ростиславу дали Луцкъ, а Михаилу обѣцяли Кіевъ [31]).

Власнѣ въ тое время направили Татаре походъ свôй на южную Русь. Сыны Тимутшина умершого р. 1227 подѣлили царство его на чотыре улусы. Кождый зъ чотырехъ сынôвъ засѣлъ въ особнôмъ улусѣ. Области надъ Каспійскимъ и Азовскимъ моремъ, межи Домомъ а Волгою, тамъ где было головное сѣдалище Половцей, занялъ Дшудши, найстаршій сынъ Те-

---

[31]) Ипат. лѣт. стор. 179 „отца ты въ велицѣ чести держаста и Кіевъ обѣчаста, тобѣ Луческъ вдаста, и матерь твою и сестру изъ Ярославлю руку взъяста"

мутшина, и утворилъ ту особный Улусъ пôдъ именемъ золотой орди або Киптшакъ. Головное сѣлалище Дшудшія, и его наслѣдникôвъ былъ городъ Серай построеный надъ Ахтубою не далеко Волги. Всѣ сынове надѣлени Улусами и дѣлившіи ся ними, стояли съ собою въ родственныхъ отношеніяхъ и были въ звязи съ верховнымъ ханомъ, обитаючимъ въ Карокорумѣ. По смерти кождого верховного хана собирали ся мужескіи члены родины и удѣльни князѣ, и обирали зъ помежи себе нового преемника Дшингисханату.

По смерти Темутшина наслѣдилъ въ Каракорумѣ на его мѣстци другій сынъ Огошай. Сынове Темутшина не переставали оружіемъ и заборами свои Улусы, або Ханаты розширяти. До сихъ поръ розширяли они свои Улусы заборами пограничныхъ земель въ Азіи. Сынъ Дшудшого, оже внукъ Темутшина Батый наслѣдивши отцу въ золотой ордѣ обернулъ свое оружіе на западъ въ Европу на области рускіи. Батый побилъ въ лѣтахъ 1230—1240 сѣверную Русь, и принудилъ ей князей подчинитись, такъ В. князя Суздальского а навѣть и князя В. Новгôрода. Но не лишь сѣверная Русь испитала всю горесть нашествія Батыевого. Батый вдарилъ на Половцей, обитаючихъ межи Дономъ а Богомъ. Тіи бѣжали передъ навальницею Татарскою въ Галицкую область, ôттакъ до Угоръ. Тамъ поселились они и ихъ потомки пôдъ именемъ Кумановъ обитаютъ еще до сего дне на просторонныхъ степахъ Угорского краю. Въ року 1240 явилъ ся Батый передъ Кіевомъ, завладѣлъ городомъ и городскою крѣпостію, хотя Даниловъ воевода и Кіевляне отчаянно защищали-сь. Жителѣ искали убѣжища въ Богородичнôмъ соборѣ Кіевскомъ, и затворили ся съ дорогоцѣнными имѣніями своими въ церквѣ и на верху еи сводôвъ. Помостье и стѣны обремененіи людьми и вещами завалились. Татары бродили въ невинной крови, розорили Кіевъ до крайности, принудили воеводу Димитрія поступати съ ними вразъ внутрѣ цвѣтучихъ областей Данила, по собѣ великую руину зôставляючи. Стогнала руска земля, куда ступала Татарска чернь.

Не было Данила дома. Ôнъ предвидячи, що самъ своими силами передъ Татарвою не устоить ся, ѣздилъ до Угорского короля, бы ему грозячую опасность представити и скуточную помôчь упросити противу ворогу, который если забере Галичину, также и о Угорскую землю покушати ся буде. По ôтшествію Данила плоска земля не супротивляла ся. Жителѣ оставляли хаты, бѣжали въ лѣсы и горы, або хоронили-сь за багнами и мочарами. Лише укрѣплени городы опирались сильно, но и тіи улягли насилію р. 1241. Татары вдерши-сь въ ихъ стѣны похищали, рѣзали, палили, розоряли. Такой судьбѣ попалъ ся Колодяжинъ въ Подолю, Каменець, Володимирь, Галичь и многіи иніи городы.

Лишь единственый Кремянецъ удержалъ ся силою своихъ укрѣпленій[32]). Татары пришли пôдъ Кремянецъ, но испытавши его твердость, нехотѣли впускатись въ долготревалую осаду. Ôттакъ орда Батыева подѣлила ся на двѣ части. Одна часть вступила черезъ Польщу въ Шлезію, ôттакъ въ Моравію, другая вôрвалась въ Угры. Первая побѣдила Лядскихъ князей у Хмельника и Лигница, оперла ся о укрѣпленя и желѣзную грудь ческихъ богатырей въ Олумуцу, другая прогнала Беллю зъ столечного города вонъ до Дальмаціи. Данило не отримавши ôтъ Беллѣ скуточной помочи повертаӆъ зъ Угоръ домôвъ, и сталъ въ горахъ въ Синовôдску въ монастырѣ пресвятой Богородицѣ на нôчлегъ. Тутъ узналъ о нашествію Батыя на землю Галицкую и Володимирскую, о разореню своихъ городôвъ, а увидѣвши множество любимого народа своего, искаючого въ ущеліяхъ гôръ убѣжища, сожалѣлъ и ужаснулъ ся. Данило вернулъ ся зъ Синовôдска знов до Угоръ, и ôттакъ черезъ Бардіевъ ôтправилъ ся до Польщи. На рѣцѣ Полцѣ срѣтилъ ся Данилко съ своею родиною, бѣжавшою також зъ ужаса передъ Татарами. Ôттакъ вернулъ въ ôтцѣвску землю, не давно посѣяну цвѣтучими городами и розкошными селами, а теперъ кровію обагрену и Татарвою на великую руину перемѣнену.

Татары перебывали до кôнця року 1241 въ Униграхъ, въ Шлезіи и Моравіи. Вѣсть о смерти верховного хана Оготая скончавшого ся 29. Ноембра 1241 понудила Батыя оставити военное поприще въ Европѣ. Ôнъ спѣшилъ до Азіи для участія въ предстоячôмъ выборѣ верховного хана по смерти Оготая. На дорозѣ ôтрядилъ еще двохъ полководцей на Данила. Данило уклонилъ ся зъ Холма, любимого города своего и удалилъ ся вразъ съ Митрополитою Кириломъ до брата Василька перебываючого где то на граници Польщи. Татары гнали ся за нимъ и пустошили окрестности до Влодавы, по за которую Данило былъ удалилъ ся.

Татары якъ прійшли такъ счезли зъ руской землѣ, и пôгнали ся за Днѣперъ въ далекій степъ, въ глубоку Азію. Позôстали однакожь страшніи слѣдства нашествія ихъ на рускую землю.

Нашествіемъ Татаръ возпользовали ся подручніи Данилу, уже разъ полонени, потôмъ зъ плѣна освобожденіи Болоховскіи князѣ и Галицкіи бояре. Первіи снеслись съ Татарами и покорили ся имъ добровôльно, вторіи подѣлили области Даниловіи межи себе, вôйшли съ Черниговскими боярами въ порозумѣнье, призвали ихъ въ Галичь и пороздавали боярамъ и хлопамъ княжескіи городы и области. Щастье, що гордіи олигархи Доброславъ и Григорій посварились межи собою. Данило пользовалъ ся ихъ роздоромъ, и заключилъ предводителей, Григорія Василевича и Доброслава въ темницю. Современно вернули Михаилъ и Ростиславъ бѣжав-

---

[32]) Ипат. лѣт. стор. 177. 178.

шіи передъ Татарами зъ Волыня въ Шлезію, назадъ черезъ Волынь, обрь ніи на чужинѣ всего имѣнія, которымъ надѣлени были ôтъ Романовичей. Не памятаючи на тіи благодѣяня, оказовали по поворотѣ своемъ къ Романовичамъ якую то неприклонность. Ростиславъ встремилъ ся за Днѣперъ и поселилъ ся въ Черниговѣ, а Михаилъ прибылъ на мѣстце, где стояла руина Кіева, и ту поселилъ ся на однôмъ островѣ Днѣпра.

Въ тѣснôмъ порозумлѣню съ Галицкими боярами, прибѣгъ Ростиславъ зъ Чернигова на Понизье, и связалъ ся съ Болоховскими князями 1242. Печатникъ Данилôвъ Кирилъ стоялъ вѣрно при Данилѣ и защичалъ Понизье и головный городъ Бакоту передъ наѣздникомъ. Ôнъ опустошилъ такожь всю землю Болоховскихъ князей и розорилъ ихъ городы. Ростиславъ не ôтчужилъ ся тымъ ôтъ своихъ намѣреній. Слѣдуючого года 1243 завладѣлъ Ростиславъ[33]) за сопровоженьемъ боярина Володислава Галичемъ, а ôтосланый ôтъ него Константинъ Рязаньскій Перемышлемъ. Ростислава притязаніямъ и успѣхамъ содѣйствовали бояре Галицкіи, ба навѣть и епископъ Галицкій Артемій и Перемышльскій. Владыки участвовали въ горожаньскихъ справахъ, занимали при дворѣ князей знаменитое становище, и стоячи по сторонѣ бояръ участвовали въ ихъ олигархичныхъ стремлѣняхъ. Данило приспѣлъ зъ Холма въ Галичь, а Дворецкого Андрея ôтослалъ къ Перемышлю. Стѣны городôвъ сокрушени остатнимъ нападомъ Татаръ, лихое давали Ростиславу и его соумышленикамъ убѣжище. Ростиславъ бѣжалъ передъ Даниломъ до Щекотова. Галичь и Перемышль попались въ руки Данила; одни бояре зôстали ятіи и ограбленіи, иніи порозбѣгались. Еще того самого року прибѣгъ Ростиславъ до Угоръ. Угорскій король Белля змѣнилъ свою дотеперѣшну политику. Ôнъ выдалъ одну свою доньку Кунигунду за Болеслава Стыдливого, другую въ настоячое время за Ростислава. — Мало-Польща была тогды роздѣлена на два княжества: Кракôвско-Судомирскую и Мазовецко-Куявскую часть. Болеславъ былъ сыномъ Лешка Бѣлого, и притязивалъ по смерти ôтця отъ р. 1229 Кракôвскій престолъ по простонаслѣдію. Его оспоривалъ князь Мазовецко-Куявскій Кондратъ, притязуючи той самъ престолъ для себе по правѣ старшеньства. Кондратъ былъ женатый съ якою-то кревною Данила, Агафіею. Данило вспиралъ противу Болеславу Кондрата, а король Угорскій вспиралъ Болеслава противу Кондрату, а Ростислава другого зятя своего, вступившого въ тѣсніи отношенія съ Болеславомъ Кракôвскимъ, противу Данилу. Данило и Василько вырушули чотырми ôтрядами въ поле року 1245 въ землю Кракôвско-Судомирскую[34]). Всѣ чотыры

---

[33]) Мати Ростислава а жена Михаила была сестрою Данила и Василька.

[34]) Ипат. лѣт. стор. 181. „Самъ Данило воева около Люблина, а Василько по Изволи и Ладѣ около Бѣлои, дворскій же Андрей по Сану, а Вышата воева Пôдгорье.“

ôтряды грозно опустошали лядскіи предѣлы, но Ляхи ôтмщали опустошеня нападеньемъ на рускіи области[35]). Пограничная опустошительна борба продолжала ся через долшій часъ. Данило и Василько взяли съ собою пращи и военніи махины, двигнулись однымъ днемъ зъ Холма пôдъ Люблинъ, осадили той городъ, и метаючи стрѣлы затревожили жителей и принудили ихъ до съобовязаня ся ôтступити ôтъ Болеслава, и бôльше ему не помагати.[36]) Въ року 1245 Ростиславъ вспомаганый ôтъ угорского короля, вторгнулъ въ Галицкіи предѣлы и завладѣлъ Перемышлемъ. Данило выслалъ противу нему найстаршого сына своего Льва въ сопроводѣ опытныхъ воеводъ по первый разъ въ поле. Но когда ихъ Ростиславъ у Сѣчницѣ (Сосницѣ) поразилъ, двигнулъ ся Данило лично къ Перемышлю и прогналъ смѣлого наѣздника за горы.

Въ року 1247 вторгнули Литовцѣ въ область Володимирскую и поплѣнили окрестности Пересопницѣ, Мелника и Дрогичина. Въ надбужаньскіи области Романовичей вторгали такожь Ятвяги. Данило зайшолъ Литовцямъ тылъ у Пинска 1247, розбилъ вертаючихъ ся, многихъ убилъ, другихъ имилъ, и полонъ ôтполонилъ. Року 1247 побилъ Данило Ятвягъ, и многихъ полонилъ. Есть мнѣніе, що Ятвяги и Литовцѣ были Болеславомъ Стыдливымъ пôдмовленіи, непокоити и тревожити области Данила, щобы его ôтъ участія въ спорѣ о великокняжескій престолъ въ Польщи ôтвлечи. Наконець приготовилъ еще и Ростиславъ сильный ударъ на Данила. Въ лѣтѣ р. 1249 ôтослалъ король угорскій вразъ съ зятемъ своимъ Ростиславомъ военніи полки противу Данила. Ростиславъ отрималъ помôчь ôтъ престола Краковского. Всѣ полки собрались около Ярославля и осадили сей городъ. Романовичѣ оба, Данило и Василько и сынъ Данила Левъ, и помôчь ôтъ Кондрата князя Мазовецкого, и якіи то Половцѣ, запевно остатки Половецкого народа, приспѣли пôдъ Ярославь и розложили ся на лѣвôмъ березѣ Сану у дебрѣ, насупротивъ войскъ непріятельскихъ. Ростиславъ малъ намѣренье завладѣти Галичемъ. Въ его ополченю находили ся неприклонніи Романовичамъ бояре, именно знаный намъ уже олигархъ и мятежникъ Володиславъ. Въ ополченю Данила перебывали князѣ: Василій и Мстиславъ Глѣбовичѣ, и Всеволодъ Александровичь, и еще многіи вѣрніи Володимирскіи и гдекоторіи придерживаючіи ся его стороны Галицкіи бояре. Наступило страшное кровопролитіе 17. Августа 1249. Мадяры, Ростиславъ и его приверженьцѣ зôстали побѣжени, Володиславъ и

---

[35]) Ипат. лѣт. 181. „малу врмени минувшу, приѣхавши Ляхове и воеваша около Андреева.“

[36]) Długosz говоритъ, що Данило завладѣлъ Люблиномъ року 1244 и сей городъ присоединилъ къ своей державѣ. Казимиръ Гр. Стаднѣцкій оспориває основно сіе поданье Длугоша въ дѣлѣ: Synowie Gydemina T. II. nota 3.

угорскій воевода Филя были захвачени и жестокимъ способомъ умертвлени. Здає ся, що Данило и Василько мстили ся на Уграхъ за спомаганье Галицкихъ олигархôвъ, зъ которыхъ кождого безъ милосердія убивали, которого лише захватили. Тымъ способомъ пересѣкло ся пасмо движеній сословія боярского въ Галичи. Ростиславъ ôтправилъ ся до Угоръ, надѣленъ былъ княжествомъ Маховскимъ и больше о Галицкую область не покушалъ ся.

Въ року 1255 завладѣлъ князь Новгородско-Сѣверскій Изъяславъ, которого отець Володимиръ позорною смертію умеръ въ Галичи, въ порозумлѣню съ останками Галицкихъ олигархôвъ, въ ôтсутствіи Данила еще разъ престоломъ Галицкимъ. Однакожь Данило и сынъ его Романъ преодолѣли Изъяслава и плѣнили его. Ôтъ того времени Данило наскучилъ собѣ неспокôйну жизнь въ Галичи, и постоянно уже перебывалъ въ Холмѣ. Данило еще передъ пришествіемъ Батыя основалъ былъ сей городъ, и украсилъ его величными будынками и храмами, призываючи до него Ляхôвъ, Русь, Нѣмцей и прочихъ иноземцей. Галичь стае ся лишь историческою столицею просторонныхъ земель, пôдвладныхъ Данилу. Событія головніи, рѣшаючіи судьбою краю, уже неопираютъ ся о Галичь. Для найстаршого сына Льва, ожененого съ дочкою короля угорского, построилъ Данило городъ Львôвъ, на стромистôй горѣ надъ рѣкою Полтвою. Коли р. 1259 горѣлъ Холмъ, стоялъ уже нововыбудованый городъ Львôвъ. Въ немъ поселилъ ся Левъ вразъ съ молодшою дружиною и зъ него стерѣгъ землю Галицкую передъ нашествіемъ Литовцей и иныхъ напастникôвъ.

Тымъ часомъ Татары заволодѣли всею наднѣпровскою Русію. Князѣ зъ роду Ольговичей, Черниговскіи, Василій и Мстиславъ Глѣбовичѣ бѣжали передъ Татарами въ Галицко-Володимирску Русь и вступили въ службу Данила. Мы стрѣтили ихъ яко воджей и хоробрыхъ борцей въ ополченю Данила передъ Ярославлемъ. Михаилъ поселившій ся по ôтшествію Татаръ на островѣ Днѣпра, явилъ ся 1243 вразъ съ заднѣпровскими и сѣверорускими князями по приказу Батыя въ Сераи. Татары желали, щобы рускіи князѣ, явившіи ся въ ордѣ, ôтдали честь Татарскимъ идоламъ и въ довôдъ пôдданьства Киптшакскому хану поклонили ся. Они повиновались съ изъятіемъ Михаила, который ôтказовалъ ся исполнити Татарскіи обряды, и не хотѣлъ кланяти ся кумирамъ, про то пріялъ смерть ôтъ Татаръ вразъ съ своимъ вѣрнымъ бояриномъ Теодоромъ съ твердостію, якую объявили въ первыхъ вѣкахъ христіяньскіи мученики. Татары знать цѣлую правую сторону Днѣпра, оже и Кіевъ лишили еще теперъ въ рукахъ Данила[37]). Данило ôтдалъ Кіевъ своему племеннику Ярославу, сынови Ингвара, который посадилъ въ Кіевѣ яко намѣстника воеводу бо-

---

[37]) Зубрицкаго Исторія nota 135.

ярина Ейковича. Достоянье роду Романовичей состояло оже зъ трехъ частій Кіева, Володимиря и Галича[38]). Данило былъ головою родины и верховнымъ княземъ тыхъ областій, оже еще и по ôтшествію Татаръ могучимъ княземъ по лѣвôй сторонѣ Днѣпра, розполагаючимъ простороннымы землями. Татары якъ ôтъ прочихъ князей, такъ именно ôтъ Данила жадали, щобы въ ордѣ явилъ ся, и Киптшакскому хану пôдданьство и свою покôрность объявилъ.

Батый поставилъ сына своего Сертака съ 160000 Татаръ и 500000 Туркôвъ надъ Дономъ. Темникъ его, Куремса стоялъ съ 10000 Татарского войска пôдъ Переяславомъ. Батый требовалъ ôтъ Данила, щобы прибылъ до орды, и далъ доводъ пôдданьства и покôрности. Данило вздрожалъ, долго ôттягалъ ся требованію хана, но наконець загадалъ послушати; и истинно не могъ ôнъ иначе здѣлати, видячи передъ собою такъ огромную вооруженую силу, розложену въ близости его предѣлôвъ, и ожидаючу лишь мгновеня своего владѣтеля.

Въ осени, на самъ праздникъ Димитрія 1250 ôтъѣхалъ Данило до Кіева, и ту въ церкви св. Михаила ôтдавши ся опѣцѣ Всевышнего, ôтправилъ ся Днѣпромъ и въ лоди къ Переяславлю. Ту встрѣтилъ Татаръ, приѣхалъ до Переяславля къ темнику Куремсѣ, ôтси надъ Волгу къ Батыеви, приклонилъ колѣно передъ Батыемъ, былъ нимъ ласкаво принятый, и перебывши 18 день въ Улусѣ, былъ ôтпущеный: „и поручена бѣ земля его ему, иже бьяху съ нимъ"[39]). Тымъ чиномъ узналъ Данило верховную власть Киптшакского хана надъ собою, а въ наслѣдокъ того обобязанъ былъ военными полками служити хану, за то пріобрѣлъ такожь для себе право въ потребѣ жадати ôтъ хана помочи и покровеня. Пôдъ Ярославлемъ покорилъ Данило своихъ ворогôвъ, внѣ и внутръ своей державы; достоучиненьемъ воли хана ôтсторонилъ ôтъ себе небезпеченьство; связею съ Татарами сталъ ся грознымъ для сосѣдôвъ, и не дивъ, що по битвѣ пôдъ Ярославлемъ и по возворотѣ зъ орды такъ старанно король угорскій и князь Кракôвскій о пріязнь Данила убѣгались. Ôтъ тогды Данило змѣнилъ свою политику, и заключилъ дружбу съ угорскимъ королемъ и Кракôвскимъ княземъ Болеславомъ. Для укрѣпленя заключеного мира, женилъ Данило сына своего Льва съ донькою короля угорского Констанціею. — Примиріе съ угорскимъ королемъ и Кракôвскимъ Великимъ княземъ не вредило пріязнымъ ôтношенямъ Данила съ князями Мазовецкими, Половцями и Литовцями. — По смерти Кондрата 1251, пріятеля Данила, наслѣдилъ въ княжествѣ Мазовецкôмъ сынъ его Болеславъ. Болеславъ оженень

---

38) Ипат. лѣт. стор 185. „Данилу Романовичу, князю бывшу велику обладавшу рускою землею, Кіевомъ и Володимиромъ и Галичемъ съ братомъ и инѣми странами.„

39) Ипат. лѣт. стор. 184, 185.

былъ съ донькою стрыечного брата Данила, Александра Белзкого, Анастазіею. Ôнъ чтилъ Данила, сносилъ ся съ нимъ, и слухалъ рады его. По смерти Болеслава наслѣдилъ Семовитъ, братъ его, который такожь съ Даниломъ въ тѣсныхъ дружескихъ ôтношеняхъ стоялъ. Съ Литовцями жилъ Данило въ дружбѣ еще передъ Ярославскою битвою, теперъ по смерти первой жены Анны женилъ ся Данило съ кревною Миндога, а которого зъ сынôвъ своихъ женилъ съ дочкою Половецкого князя Тегака, прото называе ся Тегакъ въ жерелахъ сватомъ Данила[40]).

Тіи сродства были въ тôмъ времени порукою тѣсной политической связи и дружбы съ всѣми посторонными князями.

Связею съ Татарами, дружбою съ посторонными князями и державами, Данило ôтôтхнувши свободно розвязалъ собѣ руки и нужь ставлялъ городы, и предпринималъ походы такъ для убезпеченя своихъ границь противъ нападôвъ дикихъ пограничныхъ Ятвягôвъ, для розширеня предѣлôвъ своего паньства и для защиты своихъ сродникôкъ противъ насилію могучихъ сосѣдъ, якъ на конець для угоженя своему славолюбію. Такожь неразъ принималъ Данило участіе въ ôтдаленыхъ походахъ въ пользу сосѣдныхъ князей и для осуществленя якихъ то далековидныхъ плянôвъ, которіи однакожь часто не зôстали осуществлени, и кромѣ славы не принесли ему жадной иной корысти.

Замѣчаемъ у Данила якое то пристрастіе къ военнымъ походамъ. Въ року 1252 подвигалъ ся въ Угры, соединилъ ся у Прешбурга съ угорскимъ королемъ Беллою, и удивлялъ прибывшихъ тогды до Угоръ нѣмецкихъ послôвъ стройностію полкôвъ, красотою одежи, блескомъ оружія и богатствомъ снаряду своего[41]). Данило вспомагалъ свата своего, короля угорского Беллю въ спорѣ съ королемъ Ческимъ Вачеславомъ и сыномъ его Отокаромъ о герцогство Ракуское. За намовою Вячеслава избрали ракускіи станы сына его Отокара за своего Герцога, той женилъ ся съ сестрою умершого герцога Фридерика зъ роду Бабенбергôвъ, и овладѣлъ Ракузами и Стиріею. Белля унялъ ся за правами на землю Ракускую дочки старшого брата Фридерика зъ Бабенбергôвъ а вдовы Германа Марграфа Баденьского Гертруды, которая искала у него убѣжища и защиты. Ôнъ понудилъ Гертруду, що тая ôтступила ему свои права на герцогство Стырійское и Ракуское, котори въ рукахъ ческого Отокара находили ся. Въ тôй власне борбѣ (1252) вспомагалъ короля угорского Данило. Оба суверены опустошали и розоряли пограничніи окрестности на берегахъ Лейты и Мура, однакожь ни король угорскій, ни Данило рускій не осягнули настоячою войною окрôмъ добычи, жадного иного важнѣйшого по-

---

40) Ипат. лѣт. стор. 188.
41) Ипат. лѣт. стор. 187.

слѣдства. Для пôддержаня охоты Данила къ участію въ настоячемъ спорѣ о землю ракускую, женилъ угорскій король сына Данила Романа съ братаницею остатного герцога Бабенбергского Гертрудою, и пріобѣцялъ приобрѣсти для обоихъ герцогства Ракуское и Стырійское. Оже ради вспираня власного сына, двигнулъ ся Данилко на возванье и просьбу короля угорского, съ полками своими и брата Василька, въ сопроводѣ старшого сына Льва, и соединивши ся съ Болеславомъ Краковскимъ напротивъ короля ческого Вячеслава, подтримуючого сына своего Отокора на герцогствѣ Ракускомъ, — въ ôтдалену Шлезію року 1254. Ту воевали лядскіи и рускіи полки около Опавы. Замѣчаемъ якое-то несогласіе межи польскими воеводами и Русію. Они, сразившись съ Чехами были побитіи. Данило ободрялъ ихъ словами „война не бывае николи безъ урону, инии умираютъ дома безъ славы, падшіи же ту окрыли ся славою.“ Данило и Левъ розоряли окрестности за Одрою и добули якій то Шлезскій городъ Насилье (Носельтъ.) Ческій воевода Гербортъ прислалъ ему мечь въ доводъ покорности. Данило не мôгъ продолжати настоячую войну для болѣзни очей. Ôнъ вернулъ ся домôвъ черезъ Кракôвъ въ свой любимый городъ Холмъ, окрытый честію и славою, и благодарилъ и прославлялъ Бога въ церкви св. Богородицѣ и Іоана Златоустого, „и не бѣ бо никоторый князь рускій воевалъ земли ческой — ни Святославъ Хробрый, ни Владиміръ Святый.“[42])

Тымъ часомъ Романъ, сынъ Данила оженившій ся съ Гертрудою, продолжалъ войну противу Отокару. Осаженъ своимъ соперникомъ въ городѣ Австрійскôмъ Нейбургу близъ Віенны, не отрималъ ôтъ Беллѣ пріобѣцяной помочи, а притисненый голодомъ до крайности, ледва за помочію вѣрного полководца Беренгара успѣлъ черезъ непріятельскіи войска пробити ся и на Русь уѣхати.

Въ лѣтахъ 1250-1252 воевалъ Данило съ Ятвягами. Ятвяги обитали надъ западнымъ Бугомъ и надъ Нарвою, въ околицяхъ преисполненыхъ мочарами, рѣчками и озерами. Будучи въ непрерывной связи съ сродними Литовскими племенами, нападали они на смежніи имъ области польскіи и рускіи, пустошили ихъ и забирали людей въ полонь. Рускіи и лядскіи князѣ предпринимали звычайно зимовою порою походы на Ятвягъ, бы имъ за тіи напады ôтмстити. Въ вышпомянутыхъ лѣтахъ вникнулъ Данило глубоко въ лѣсы Ятвяжскіи, пôдступилъ къ Визнѣ и къ Наревѣ, вывабилъ ихъ зъ лѣсôвъ и зъ поза мочаръ на чистое поле, попалилъ ихъ села, грабилъ ихъ домы и дворы, и освободилъ зъ полоня захваченыхъ ними христіянъ.[43])

---

[42]) Ипат. лѣт. стор. 189. 190.
[43]) Ипат. лѣт. стор. 191.

Въ лѣтахъ 1252, — 1253, — 1255 предпринималъ Данило походъ на Литовцей. Въ просторонныхъ земляхъ надъ балтицкимъ моремъ обитали Литовцѣ, Пруссы, Борты и инни племена того самого летоньского происхоженя. Пôдвладнiи въ давнѣйшихъ столѣтiяхъ Великимъ князямъ Кiевскимъ, и платившiи имъ дань зъ плодôвъ лѣсныхъ и земляныхъ, вывязались съ того пôдданьства въ время межиусобицѣ межи рускими князями, а теперь выступаютъ яко независимый и военный народъ на историчнôмъ поприщи. Въ первой половинѣ XIII столѣтiя поселили ся рицарѣ нѣмецкого и мечевого ордина, первiи надъ Вислою, другiи надъ Диною. Они пôдбили обитаючiи тамъ летоньскiи племена, именно Пруссôвъ, Бортôвъ, и проч., вырубали лѣсы, высушили озера, построили замки и городы, и поселяли весь край новыми приходцями, Нѣмцями. Давнiи жителѣ пôдносили мятежь противу ордину въ союзѣ съ смежными соплеменниками своими, но улягли рицарямъ и по бôльшой части зôстали истреблени. Побѣдивши мятежи, выступали рицарѣ нѣмецкого ордина напротивъ вспомагавшимъ ихъ племенамъ, заходили въ ихъ край, и розширяли предѣлы свои чимъ разъ глубше въ землю летоньскихъ племенъ. Смежнiи летоньскiи племена, а именно Литовцѣ, тисненiи ôтъ двохъ сторонъ, обавляючи ся о свою независимôсть и вѣру, выходили зъ предвѣчныхъ лѣсôвъ, борôвъ и мочаръ, консолидовали-сь въ бôльшую цѣлôсть и набѣгали пôдъ князями и воеводами своими землѣ и городы нѣмецкого и мечевого ордина. Навѣть новопостроенiи и новоукрѣпленiи нѣмецкiи городы и замки не могли остояти ся передъ набѣгами Литовцей, которiи звычайно съ давными покореными народами тыхъ областей въ тѣсныхъ сношеняхъ стояли. Литовцѣ набѣгали и на востокъ на смежни области. Были тамъ численiи рускiи городы: Полоцкъ, Друцкъ, Смоленскъ, Витебскъ, Новгородъ и проч., стоявшiи въ торговельной связи съ городами ганзеятскими на балтицкôмъ мори, а на чорнôмъ мори съ Генуезами, которiи тамъ свои торжища были построили. Тiи городы устроени были по стародавному обычаю славяньскому на способъ республиканьскiй, и процвитали богатствомъ и просвѣщеньемъ.

Стало ся, що майже въ тое самое время ôтъ запада Литовцѣ, а ôтъ востока Татары независимости рускихъ городôвъ угрожали. Многiи зъ тыхъ городôвъ пôддавались Татарамъ, другiи входили въ уговоры съ Литовцями, и самыхъ Литовецкихъ князей (молодшои линiи) за князей у себе избирали. Тымъ способомъ рускiи городы прикорочали набѣги и напады Литовцей, и передъ Татарами за помочiю Литвы убезпечали ся.

Въ Литвѣ княжилъ въ настоячое время Миндогъ, который по сю пору стоялъ съ Даниломъ въ дружескихъ ôтношеняхъ. Его сродники воевали рускiи городы, потôмъ призванiи вокняжили-сь въ нихъ за уговорами. Такъ завладѣли Литовцѣ Миндога рускими свобôдными городами, а именно вокняжилъ ся братъ жены Данила, Ердивидъ въ якôмъ то неизвѣ-

стномъ городѣ а другій Тевтивиль въ Полоцку. Миндогъ зажадалъ ôтъ Литовскихъ князей, своихъ сродникôвъ, обволодѣвшихъ рускими городами, покорности, но тіи супротивляли ся, а Миндогъ изгналъ ихъ. Изгнаніи искали у Данила, шурина своего, убѣжища и охороны. Уже ôтъ давна намагали ся папы римскіи соединити сосѣдніи католическіи державы въ бôльшій союзъ противу могучому Миндогу, которого напады угрожали розореньемъ христіяньскои культуры въ областяхъ нѣмецкого и мечового ордина. Миндогъ изганяючи своихъ племяникôвъ зъ рускихъ городôвъ намѣрялъ былъ присоединити безпосредственно рускіи городы и области до Литовскои державы. Теперъ Данило выступилъ за прогнаными шуринами и въ оборонѣ независимости рускихъ городôвъ и заключилъ союзъ съ ординомъ мечевымъ и съ головнымъ городомъ того ордина Ригою. Заразомъ ôтпославъ полки свои въ тую ôтдалену область и побудилъ свободни и о свою независимôсть стоявшіи городы на Мингога. Той до крайности притисненый просилъ у майстра мечового ордина милости, примирилъ ся съ ординомъ, принялъ крещенье и получилъ ôтъ обрадованого тымъ папы Инокентія IV. королевскій вѣнець. Не смотрячи на то продолжалъ Данило вôйну съ Миндогомъ р. 1253, плѣнилъ землю Новгородскую, здобылъ Городенъ, вернулъ ся до дому въ слѣдство наступившои непогоды въ пôзнôй осени, но потôмъ ôтновилъ еще разъ року 1255 походъ на землю Литовскую. Цѣль Даниловыхъ походôвъ зôстала осягнена, понеже шуринамъ его Тевтивилю и Ердивиду городы рускіи зôстали привернени[44]).

Участвуючи въ тыхъ подвигахъ не спускалъ Данило Татаръ зъ очей. Ôнъ промышлялъ, якъ бы вывязати ся зъ пôдданьства, въ которое такъ наступчиво попалъ ся. Уже папа Инокентій III. звернулъ былъ увагу свою на могучого Галицко-Володимирского князя Романа, приобѣцювалъ за посредствомъ меча Петрова надѣлити его областями и предкладалъ ему королевское достоинство и діадему р. 1204[45]). Романъ ôтвергъ былъ на той разъ тое предложенье, видитъ ся зъ причины, що не мôгъ исполнити условія, якіи папы ôтъ него требовали. Майже пôлъ столѣтія пôзнѣйше не меньше мудрый и предприемчивый папа Инокентій IV въ слѣдство передидучихъ переговорôвъ, которіи еще ôтъ року 1247 продолжали ся, пôславъ легата своего Опиза въ той цѣли, щобы въ имени апостольского престола Данила на короля руского помазалъ и короновалъ. Дѣйство коронаціи совершилъ легатъ Опизо въ Дрогичинѣ близъ Мазовецкихъ предѣлôвъ 1255. Данило отрималъ діадему и титло свѣтлого короля Руси (Rex Russiae illustris)[46]), которій уживалъ до смерти своей навѣтъ по ôтпаденю ôтъ римского престола.

---

[44]) Ипат. лѣт. стор. 187. 188. 191.
[45]) Зубрицкаго Історія Галичскаго княжества Т. III. стор, 30.
[46]) Turgenevii historica Russiae monumenta T. I. p. 56. 57.

Воспитаный на дворахъ западныхъ, польскôмъ и угорскôмъ, сообщалъ ся Данило съ князями католическихъ державъ, и заключалъ съ ними сватôвства и союзы. Убѣженый тыми князями именно Болеславомъ Краковскимъ, Семовитомъ Мазовецкимъ и матерею Лешка Бѣлого, а своею ятровѣею, согласилъ ся Данило на предложеня папы. Ôнъ прïялъ вразъ съ святителями княжества Галицко-Володимирского унïю[47]) и признавши папу римского головою церквы, обовязалъ ся по всей вѣроятности неусыпати въ вôйнѣ съ поганами, а именно съ Татарами. Папы же зъ своей стороны прирекли и торжественно обовязали ся всею имъ предстоячою моральною и физическою силою вспомагати Данила противу Татаръ и въ всякôй инôй потребѣ. Унïя и покоренье папѣ римскому мали усталити на вѣчнïи часы связь Володимирско-Галицкого княжества съ западною системою католическихъ паньствъ въ Евровѣ, которыхъ политическимъ средоточïемъ въ тыхъ временахъ былъ папа римскïй.

Покоренье здѣланое Даниломъ папѣ римскому, раздражнило Татаръ. Вѣроятно за повелѣньемъ самого Хана выступилъ Куремса, щобы ôтмстити за ôтступничество Данилѣ, за Днѣперъ, завладѣлъ Кïевомъ, завоевалъ Понизье и оперъ ся ажь о укрѣпленя Кременця. Вôйны съ Татарами не можно было Данилу оминути, и еще въ року 1255 вытиснулъ ôнъ Татаръ зъ Понизя. Теперь сподѣвалъ ся помочи ôтъ католическихъ державъ запада и ôтъ папы, но когда тая не послѣдовала, смѣнилъ свою политику совершенно и ôтложилъ ся ôтъ унïи и сообщеня съ апостольскимъ престоломъ. Майже въ тое самое время ôтступилъ Миндогъ, король Литовскïй ни лише ôтъ папы, но и ôтъ христïаньства, и повернулъ до вѣры ôтцѣвъ своихъ. Оба князѣ ôтступники, Данило и Миндогъ сближили ся до себе и заключили тѣсный союзъ въ тôй цѣли, щобы Татаръ зъ надъ Буга и зъ Кïева выгнати. Для взмôцненя заключеного союза женитъ Данило одного сына Шварна съ донькою Миндога, а другого Романа (ожененого колито съ Гертрудою) съ донькою пôдручника Миндога, князя Свислоцкого Глѣба. Миндогъ надѣляе Романа Новгородкомъ и иными городами литовского Полѣся, и той стае ся пôдручникомъ Миндога а поручникомъ новозаключеного союза. Тогды Литовскïи князѣ воюютъ на Татаръ почавши ôтъ року 1256 вразъ съ Галицко-Володимирскими князями. Вспомаганый ôтъ Литвы покорилъ Данило за помочïю сынôвъ своихъ Шварна и Льва пôддавшихъ ся Татарамъ князей половецкого племени р. 1257, заволодѣлъ Побо-

---

47) Ипат. лѣт. стор. 191. „Онъ же (Данило) вѣнецъ отъ Бога прïя, отъ церкви Святыхъ апостолъ, и отъ стола св. Петра, и отъ отца своего папы Инокентïа, и отъ всѣхъ епископовъ своихъ. Никентïй бо кльняше тѣхъ хулящимъ вѣру Грецькую правовѣрную и хотящу ему сборъ творити о правой вѣрѣ и воединеньи церкви. Данило же прïя отъ Бога вѣнецъ въ городѣ Дрогичинѣ.“

жіемъ, взялъ Татарами завоеваніи городы на рѣцѣ Тетеревѣ и посунулъ свое панованье ажь въ поближіе самого Кіева р. 1259.

Татары были тогды затруднени дома и не могли на произшествія за Днѣпромъ неподѣленои уваги звертати. Въ р. 1255 умеръ былъ ханъ Киптшакскій Бату. Тому слѣдуе Сертакъ, по того скоропостыжной смерти Улавтши, а наконецъ Берке. Перемѣны лицъ царствуючихъ въ ордѣ дѣялись часто въ сопровоженю сильныхъ внутренихъ волненій, но если бы и того не было, то смерть Джингисхана Менгу 1257 мала въ послѣдству кровавіи борбы межи членами Демутшиньскои родины, въ которыхъ такожь ханы киптшакскіи а именно Берке участвовали. Но скоро война домовая укончила ся и Кубилай 1259 на престолѣ Джингисханату въ Каракорумъ, за помочію Беркого, укрѣпилъ ся, тогды Берке довѣдавши ся о сношеніяхъ Даниловыхъ, его союзѣ съ Литвою и о его успѣхахъ на Волыни и Подолю, откликалъ темника Куремсу, который для наступчивой войны не малъ потребной проворотности и належитой енергіи, умножилъ силы Татарскіи и поставилъ надъ ними предпріемчивого Бурундая.

Бурундай загадалъ небезпечный для Татаръ союзъ Данила съ Литвою розорвати, и приказалъ Володимирско-Галицкимъ князямъ яко своимъ мирникамъ т. е. союзникамъ, наступчивою войною разомъ съ собою ити на Литву. Отъ тогды отновило ся давное горе Данила! Не могучи отказати ся приказови воджа, розполагаючого по словамъ лѣтописца тяжкою силою, а при томъ неосмѣляючи ся лично станути передъ воджемъ Татарского хана, которому покореньемъ папѣ спроневѣрилъ ся, заступилъ ся Данило въ томъ походѣ своимъ любимымъ братомъ Василькомъ. Коли войска рускіи упереджаючи Бурундая, въ угодность ему землю Литовскую р. 1260 пустошили, Данило удалилъ ся былъ въ землю Берейстейскую до Мѣльника, и молилъ ся тамъ щиро передъ иконою Спаса Избавителя обѣцяючи украсити ю, если Богъ избавитъ землю отъ бѣдствій, а его семію охоронитъ отъ попаденя въ руки роздражненого хана Татарского. Татары подступили подъ Володимирь, зъ отки за повелѣньемъ Данила сынове его Левъ и Шварно удалились, потомъ пойшли къ Мѣльнику, надѣючи ся здыбати Данила, — но Данило и отси передъ ними уклонилъ ся. Война[48]) съ Литвою кончилась спустошеньемъ земель Литовскихъ и совершенымъ розореньемъ союза Литвы съ княжествомъ Володимирско — Галицкимъ. Щобы короля Руского обезсилити и обезоружити, и всѣ его союзи и мирніи сношенія, якіи его съ сусѣдними католическими державами и спокревнеными тыхъже князями вязали, со-всемъ уничтожити, выйшолъ Бурундай р. 1261 снова зъ своихъ кочевищь, приказалъ строго

---

[48]) Ипат. лѣт. стор. 197. 198

князямъ передъ собою лично явити ся, и ново построенiи городы, которыми земля Володимирско-Галицкая красовала ся, роскопати або розметати. Василько и Левъ явились передъ ханомъ, послушали приказови его и розметали Кремянець, Луцкъ, Данилôвъ, Стожекъ и Львôвъ. Данило не осмѣлилъ явити ся; передостереженый Василькомъ о гнѣвѣ и ярости, объявленôй Бурундаемъ за то, що Данило передъ лицемъ его не станулъ, оставилъ нашь князь родиму землю свою и шукалъ убѣжища у князей сусѣднихъ въ Польщи и Венгрiи[49]). Въ той часъ Бурундай забравши безъ сомнѣнiя военнiи силы Володимирско-Галицкои Руси и умноживши ними уже безъ того великiи заступы Татарскiи переправилъ ся черезъ Вислу, осадилъ и здобулъ Судомирь, и изсѣкъ всѣхъ мешканцѣвъ Судомирскихъ, бояръ и простыхъ людей „отъ мала до велика.“[50]) Передовiи корпусы Бурундая пôдступили вѣроятно пôдъ Краковъ, а пôдля польскихъ жерелъ Бурундай самъ здобулъ Краковъ и спустошилъ тую величавую столицю князя Малопольского. Такъ походъ на Судомирь, рôвно якъ и походъ на Литву кôнчилъ ся спустошеньемъ землѣ и довременнымъ розтерзаньемъ прiязныхъ отношенiй Данила до Литвы и Болеслава Краковского. Послѣдства были дуже горестнiи! Литовскiи князѣ, не знаючи въ якую нужду Володимирско-Гилицкiи князѣ попались и думаючи, що они зъ власнои волѣ соеднились съ Татарами и пустошили землю Литовскую и Нальщаньскую, — захватили поручника заключеного межи Литвою а Русiю союза Романа, затащили его где то въ недоступнiи стороны и тамъ его убили[51]). За тое выступили Романовичѣ на Литву и плѣнили Литовского князя Глѣба. Литва въ року 1262 явилась въ земли Берестейской и спустошеньемъ ôтмщала нанесеную обиду, но и Рускiи князѣ нелѣнились, но вторгнувши въ землю Литовску встрѣтили Литовцей у Набля, сразились и ôтнесли свѣтлую побѣду[52]). — Не повѣдае намъ лѣтописецъ, чи Болеславъ не былъ розсердилъ ся на Романовичей про то, що они Татарскому воджови землю Судомирскую воевати помагали; польскiи жерела повѣдаютъ[53]), що пôдъ Судомиромъ явились яко союзники Татаръ Данило, Левъ, Василько и Романъ, — но Данило пребывалъ тогды въ Венгрiи, Романъ былъ Литовскими князями еще передже забитымъ, однакожь присутствiе Льва и Василька впростъ заперечити не можна, якъ и въ загалѣ не осмѣляюсь заперечати поданя иносторонныхъ жерелъ, если тiи положительно не противорѣчатъ собѣ самымъ або поданямъ нашого лѣтописця. Лѣтописецъ розсказуе тôлько,

---

[49]) Ипат. лѣт. стор. 197, 198.
[50]) Ипат. лѣт. стор 199 200.
[51]) Ипат. лѣт. стор. 197.
[52]) Ипат. лѣт. стор. 200.
[53]) Krommer de origine et rebus gestis Polonorum pag. 231. Lib. IX.

що въ року 1262 сотворили князъ Рускіи съ Лядскимъ княземъ Болеславомъ соймъ въ Тарновѣ „и положиша рядъ межи собою о землю Рускую и Лядскую, утвердивши ся крестомъ честнымъ;“ очевидно тымъ закôнчили борбу, которую запалили Татары, роздражнивши якъ передже Литву такъ теперь Болеслава на Рамановичей, о которôй лѣтописець незнати для якихъ причинъ замолчае[54]). Якъ по побѣдѣ надъ Литвою у Набля, такъ по заключенôмъ въ Тарновѣ мирѣ вернула ся давная пріязнь и дружба межи Даниломъ а Литвою и княземъ Малопольскимъ. — Идея о тѣснôмъ соединеню Володимирско-Галицкого княжества съ Литвою ôтживлена была по вторый рязъ, очемъ низше близше розсказовати буду. — Сомнѣватись не можно, щобы о новыхъ предпріятіяхъ и союзахъ Володимирско-Галицкого князя Татары ничего не знали; прощо однакожь теперь не грозили Данилу, про що не выступили съ збройною силою и не перешкодили ему на ново ôтбудовати того, що передъ двома лѣтами такъ накоренно розрушили? На тое знаходимъ отвѣтъ въ исторіи Ордъ Татарскихъ.

Въ року 1261 станули Татары на найвысшôмъ степени могучества и славы. Они покорили были Тибетъ, Хины, Персію, Арменію, Сирію и землю Святую и оперли ся на югъ о Индусъ и Египтъ, на востокъ о жолте море, на западъ о чорное море и о нашу Галицкую Русь. Потомки Демутшина подѣлили просторонніи области татарской имперіи межи себе на Улуссы. Въ теперѣшное время возгорѣла вражда межи Улуссами Перскимъ и Киптшакскимъ[55]). Причина той вражды была религійная. Ханъ Гулагу, владѣючій Персіею, притиснялъ вѣру могамеданьскую, заволодѣлъ Багдадомъ и умертвилъ Калифа, а Берке ханъ Киптшакскій въ тое майже самое время понуженый купцями зъ Ховаресміи, пріялъ Исламъ и приказалъ тое своимъ пôдданымъ учинити. Уже року 1252 бѣжали два Арменьскіи короли тиснении еще ôтъ попередника Гулагового Аргуя, до хана Киптшакского Батыя и просили у него защиты и покровительства[56]). Теперь тіи, которіи противлячи ся приказу хана Киптшакского Беркего, не хотѣли Исламу приняти, гонении бѣжали до Гулагу. Въ противнôсть тому Берке завязалъ сношенія съ поддаными Гулагу, и заключилъ союзъ съ природнымъ ворогомъ того Египтомъ. Возгорѣвшая зъ той причины борба ôтъ року 1262—1266 продолжалась и отвернула снову на якійсь часъ увагу Кип-

---

[54]) Кроммеръ въ книзѣ IX. стор. 233. 234. розказуе о военныхъ походахъ рускихъ князей Данила а именно Шварна вспоможеного Литовцями на Мазовскую и Судомирскую землю. Лѣточисленіе у Кроммера есть дуже непевне. Походы на Мазовію кладе ôнъ межи 1260 — 1264 рокомъ, походъ въ Судомирскую область въ 1262 рôкъ.

[55]) Ипат. лѣт. стор. 202. „бысть мятежь великъ въ самѣхъ Татарѣхъ, избиша сами промежи собою безчисленое множество аки песокъ морскій.“

[56]) Hammer Purgstal Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak. Pesth. 1840. S. 140.

тшакского хана ôтъ дѣлъ и политическихъ стремленій короля Володимирско-Галицкого.

Границя Володимирско-Галицкого княжества тягнула ся за временъ Данила ôтъ вершинъ, зъ которыхъ вытѣкае рѣка Вислокъ, по при тую рѣку до Сана[57]), далѣй полемъ къ Вепру, прибочнôй рѣцѣ западного Буга, по тôмъ рѣкою Вепромъ и сухимъ полемъ ажь до рѣчки Тисмяницѣ, котора зъ правой стороны впадае въ Вепръ. Село Воинъ, лежачое въ поближію Тисмяницѣ недалеко ôтъ еи устя въ Вепръ, принaлежало до Володимирского княжества[58]). Ôтси тягнула ся границя далѣй сухимъ полемъ и доплывами Нарвы ажь до лѣвого берега тои рѣки, включаючи городы пограничніи въ земли Ятвязкôй Дрогичинъ, Бресть, Каменецъ и Бѣльскъ. Предѣлы Володимирско-Галицкого княжества сближались ôтси до жерелъ рѣки Нѣмна и припирали часами ажь до лѣвого берега тои Литовскои рѣки, далѣй простирались до Березины и Друча, прибочныхъ доплывôвъ Днѣпра, ажь до устя ихъ въ Днѣпръ, а Днѣпромъ ажь низше Кіева. Дальше переходила границя до жерелъ Случа и до восточного Бога. Вздолжь Бога сусѣдили Русины съ Половцями и Татарами. Границя тутъ на полудне ôтъ часу до часу змѣнялась, такъ якъ и на полнôчь ôтъ Литвы предѣлы то посували то приближали ся. Въ загальности сказати можна, що границя не доходила нисшого Бога, но ôтступивши ôтъ него, склоняла ся къ устю Днѣстра — дальше вздолжь побережія чорного моря, притыкала до Дуная, Прута и вздолжь Прута до хребтôвъ Карпатскихъ гôръ у жерелъ его, наконець вздолжь хребта тыхъ гôръ сягала ажь до вершинъ Вислока, а може и по за жерела Вислоки по Тыличь[59]). Межи княжествомъ Кракôвскимъ и Галицкимъ была якая-то стратегичная линія. Въ лѣтописи вспоминае ся мѣсто, черезъ которое должно было переходити зъ Кракова до Белза, названое Ворота и Наворота[60]). Року 1268, коли Болеславъ, князь Кракôвскій воюе напротивъ Шварна, полки его обшедши Наворота устремились къ Белзу и начали села жечи, на поворотѣ

---

[57]) Городъ Переворескъ лажащій межи Вислокомъ и Сяномъ принадлежалъ Льву, року 1281. Ипат. лѣт. стор. 209: „Иде Лешко на Льва и взя у него городъ Переворескъ."

[58]) Ипат. лѣт. стор 211. р. 1282. „Село на въ крайници (т. е. на розмежію земли лядскои и рускои) именемъ Воинъ" и пр.

[59]) Тыличь, село въ Сандецкихъ горахъ надъ доплывомъ Попрада. Року 1262 ѣздилъ Данило черезъ Тыличь до Угоръ. Послы отъ брата Василька Борисъ и Изоболко догонили Данила „у Телича" (лѣт. ст. 200) привозячи Данилу вѣсть о побѣдѣ, котору ôтнѣсъ Василько надъ Литвою. — Если припустимъ, що Данило черезъ свою землю ѣздилъ до Угорского короля, то Галицкое княжество сягало ажь по Тыличь, где еще и по днесь люди руского языка и обряда гр. обитаютъ. Зри: Zubrzyckiego granicy Polski i Rusi w Galicyi.

[60]) Ипат. лѣт. стор. 203.

же до дому сразились Польскіи полки съ Рускими полками Шварна у Воротъ. „Ляхове еще бяхутъ не вошли въ свою землю, но токмо бяхутъ Ворота прошли, се же бяшетъ мѣсто твердо, зане не можно бысть обойти никуда — тѣмже нарѣкахутъ ся ворота тѣсноты рады.“ Въ тыхъ предѣлахъ мѣстило Володимирско-Галицкое княжество цѣлу Волыньскую землю, сягаючую ôтъ западного Буга по Днѣпръ и Припеть, часть Литовского Полѣся[61]). такъ званую горную сторону Перемышельскую надъ Саномъ и кусникъ Галицкого Пôдгôря[62]), цѣлое Покутье, т. е. области по правôй сторонѣ Днѣстра ажь по Карпаты, цѣлое Подôлье т. е. просторонь ôтъ рѣки Стрыпы ажь по за Днѣперъ до Чорного моря и Понизье, обнимаючое цѣлое побережье низшого Днѣстра ажь до устя тогоже въ чорное море[63]). Тая держава дѣлила ся за временъ Данила и его наслѣдникôвъ на княжества, Галицкое, Перемышльское, Белзкое и Володимирское. Княжество Володимирское роскладалось на землю Володимирскую, Луцкую и Берестейскую, а княжество Белзкое на землю Белзкую и Холмскую[64]).

Тіи землѣ частію одѣдиченіи ôтъ Романа, а частію приобрѣтени и умножени оружіемъ Данила уважаніи были яко собственнôсть роду Романовичей.

Князь Данило укрѣпивши ся на престолѣ, роздалъ землѣ просторонного Галицко-Володимирского княжества межи свою найближшу семію, именно надѣлилъ Василька Володимирскимъ, Шварна Галицкимъ, а Льва Перемышльскимъ княжествомъ. Всѣ три повинуютъ ся Данилу яко верховному князю. Они являютъ ся на челѣ полкôвъ и участвуютъ по приказу Данила въ военныхъ подвигахъ. Однакожь не были то послухъ и повинованье ся принуженое, но добровôльное, опертое нв родинной системѣ, совокупляючой значительну часть руского племени въ бôльшую политическую цѣлôсть. Въ прочемъ Данило хотя верховный князь и воджь не поступалъ самовôльно, но передъ начинаньемъ важныхъ дѣлъ требовавшихъ общого содѣйства, созывалъ братôвъ и сынôвъ своихъ на совѣтъ и сгадавши ся съ ними, предпринималъ военніи походы, або заключалъ договоры съ сусѣдними народами.

Зъ побôчной линіи того рода проживали за Данила еще Всеволодъ сынъ Александра Белзкого, и Ярославъ и Всеволодъ сынове Ингваря Луц-

---

61) Ипат. лѣт. стор. 206. „Мстиславъ — воюе на Полѣсю и пр. — Пôзнѣйше: Województwo Podlaskie“ обнимало землю Ягвязкую.

62) Такъ зове ся въ лѣтописи западная часть Галиціи у подножія Карпатъ; Ип. лѣт. стор. 174. „Михайлови же стоящу на Подгоріи“. —

63) Названія: горная сторона Перемышльская, — Понизье, читаютъ ся въ лѣтописи Ипат: стор. 176. —

64) Мирная грамота межи князями Литовскими а королемъ польскимъ. Акта запад. Россіи. Том. I. услов. 2.

кого. Ярославъ надѣленый былъ якій-то часъ Кіевомъ. Чи Ярославъ посѣдалъ еще якій иный удѣлъ по отци, и чи Всеволодъ сынъ Александра и Всеволодъ сынъ Ингваря якимъ удѣломъ надѣленіи были, жерело не вспоминае. Всеволодъ Ингваревичь приводитъ Данилу военніи полки зъ Волыня пôдъ Галичь, а Всеволодъ Александровичь служитъ въ ополченю Данила пôдъ Ярославомъ. Зôстаютъ такожь въ службѣ Данила вышь помянутіи князѣ Черниговскіи Василько и Мстиславъ Глѣбовичъ, бѣжавшіи передъ Татариномъ. Такожь вспоминаютъ ся якіи то князѣ, обитаючіи около Луцка[65]), може потомки Ингваря Луцкого и его сына Ярослава. Въ Кремянци предстоитъ городу якій то князь Андрей[66]), но якого ôнъ былъ происходженя, незнати. Зверхъ того пôдвладніи суть Данилу князѣ Пинскіи Теодоръ, Демидъ и Юрій, и князѣ Болоховскіи, обитаючіи на Подôлю, и Бѣлоберезцѣ и Чернятинцѣ (князѣ Бѣлобережа и Чернятина). Князѣ Болоховскіи не приклонніи были Данилу, и пôддали ся Татарамъ добровольно, прото не годовалъ Данило на нихъ, що бôльшу надѣю на Татарву якъ на него покладали[67]). Они входили въ порозумлѣнье съ боярами Галицкими и вспирали кôлькакротно полки чужихъ князей на Галицкій престолъ, ажь р. 1257 вразъ съ Бѣлобережцями и Чернятинцями конечно Данилу покорили ся. Болоховскіи князѣ были по всей вѣроятности половецкого племени, которіи зрущивши ся зôставали въ областяхъ межи Днѣпромъ а Богомъ; по переселеню собратій ихъ зъ надъ Дона и Волги въ Угрію, не были они въ силѣ въ самостоятельности отримати ся, про то узнавали верховную власть можнѣйшого сосѣда Данила. Якъ князѣ Болоховскіи на Понизю, такъ князѣ Пинскіи на Полѣсю лише зъ нужды послушали Данилу и до составу Галицко-Володимирского княжества признавали ся. Князѣ Свислоцкіи были по всей вѣроятности зъ роду князей Пинскихъ. Тіи надѣлени ôтъ Миндога волостями служили Литвѣ. Князѣ Пинскіи мали участіе въ внутренихъ произшествіяхъ Литвы. Они симпатизуютъ съ Литвою, ради бы измѣнити Данилу и лишь неволею вспомагали Романовичей въ время ихъ борбы съ Литовцями[68]).

Всѣ тіи князѣ володѣючи волостями, выразно ôтъ бояръ або войнôвъ короля Данила различаютъ ся.

Данило якъ и его попередники надѣляли бояръ городами и волостями въ нагороду за здѣланіи заслуги пôдъ условіемъ певныхъ обовязаностей. Чи городы и области приналежали довременно надѣленому а если такъ было, коли на дѣти и потомки попереходили, жерела неопредѣляютъ. Бояре

---

65) Ипат. лѣт. стор. 201.
66) Ипат. лѣт. стор. 195.
67) Ипат. лѣт. стор. 192.
68) Ипат. лѣт. стор, 180.

посѣдаютъ ôтцѣвства и дворы и села свои и рабôвъ и имѣнье[69]). Они носили имена ôтъ городôвъ и областей, которiи посѣдали. Такъ зве ся Климата зъ Голыхъ гôръ по всей вѣроятности ôтъ мѣстцевости того имени, Давидъ Вишатичь, начальникъ въ Ярославѣ, може быти ôтъ села Вышатичи. Однакожь встрѣчаемъ и у бояръ прôзвища розличнiи ôтъ именъ городôвъ и областей ихъ, такъ н. пр. въ Плѣсниску встрѣчаемъ яко властителей Абрузовичей[70]). Бояре предводили военными полками и звались ôтъ того воеводами и полководцями. Вѣроятно знаменитiи бояре являли-сь на челѣ полкôвъ выбираныхъ зъ тыхъ областей, которыми ихъ князѣ были надѣлили. Знать не всѣ бояре мали къ князю тiи сами обовязаности; бояре, которiи до тѣснѣйшой службы обовязани были, называли ся отроками королевскими. Были то слуги и урядники королевiи, которiи въ прочемъ мали великое влiянье на державни дѣла и вразъ съ прочими вельможами въ политическихъ волненяхъ участвовали. Нарочитiи уряды княжiи были: печатникъ, дворскiй, тысячскiй, сотскiй, дѣтскiй т. е. судiя придворный, сѣдилничiй, и стольникъ. Окрôмъ тыхъ упоминае ся дякъ, который былъ письмоводитилемъ княжеского двора, кормиличичь, которому князѣ повѣряли воспитанье дѣтей, далѣ посадники и тивуны, которыхъ князѣ представляли городамъ, положитель, посылаемый для выбираня дачки, намѣстникъ князя на Понизю и проч. Тiи урядники и высокiи достойники окружаютъ князя а бояринѣ, н. пр. кормилица, товаришатъ княгини. Бôльша часть тыхъ урядникôвъ н. пр. печатникъ, тысячскiй, сотскiй, дворскiй, являютъ ся на челѣ военныхъ силъ и доводятъ ними. Князь въ важныхъ справахъ созывалъ бояръ и отрокъ на раду и пыталъ ихъ о мнѣнiе и волю. Бояре и отроки княжiи рѣшали вопросъ, чи ити на вôйну, чи зôстати въ дома[71]). Всѣ бояре совокупно становили войско, и прото войнами называли-сь. Однiи знать вырушали въ поле на челѣ цѣлыхъ полкôвъ н. пр. дворскiй, тысячскiй и вельможи бояре, ини служили поединчо яко рицарѣ (всадники) на коняхъ.

Въ княжескôмъ ополченю розличаютъ ся выразно коннiи (всадники) ôтъ пѣшихъ. Знать кôнно вырушали лишь бояре, пѣши были брани зъ простыхъ людей[72]). Полкъ состоялъ вѣроятно съ 1000 мужа и 100 кôн-

69) Ипат. лѣт. стор. 165. „Тимофей клене боярину Жирославу да будетъ дворъ его пустъ а въ селѣ его не будетъ живущого."

70) Ипат. лѣт. стор. 173.

71) Ипат. лѣт. стор. 174.

72) Ипат. лѣт. стор. 181. Данило „пойде (на Ростислава) собравъ многiи вои и пѣшцѣ" „вшедшу же ему (Ростиславу) собравше смерды многи, пѣшцѣ и собра я въ Перемышль." Ипат. лѣт стор. 169. „и собравъ землю Галицкую ста на четыре части окрестъ его, и собра отъ Бобрки, даже до рѣки Ушици и Прута, обсѣде (Галичь) въ силѣ тяжцѣ." Ипат. лѣт. стор. 137. „Мужи же Галичкые прiимше совѣтъ Романовъ, совокупивши полки своя и утвердивши ся крестомъ и возстаста на князь свой." —

ныхъ, полкомъ доводилъ тысячскій, трема же полками т. е. 3000 пѣшими и 300 всадниками доводилъ печатникъ. Окрѡмъ пѣшихъ и конныхъ вспоминаютъ ся княжи оружники, ихъ щиты были блистячіи ся, а сами оружники подѡбніи соньцу. Была то прибочна гвардія короля, на ей утриманье служила волость Коломыя. Окрѡмъ тыхъ оружниковъ дѣйствуютъ въ войску пѡдчасъ сраженя по бѡльшой части успѣшно стрѣльцѣ прозванныи соколами.

Сословіе боярское стояло высоко надъ горожанами и хлопами. Жерело розличае весь народъ на тіи три сословія: князѣ, бояре и простіи люде[73]), оже до простыхъ людей причисленъ былъ кождый, кто не былъ бояриномъ, именно: горожанинъ и хлопъ. Горожане трудили ся торговлею и рукодѣліемъ, однакожь не мали такого становища якъ жителѣ иныхъ рускихъ городѡвъ н. пр. Новгорода, Пскова и пр. Въ Галицко-Володимирскѡмъ княжествѣ розвинуло ся боярство до надзвычайного могучества; горожане не мали ни свободъ, ни своей милиціи и ѡтгривали въ справахъ политическихъ лишь пѡдрядную ролю; часто служили они къ пѡдкрѣпленю княжеской власти впростъ противно якъ рускіи городы на горнѡмъ Днѣпрѣ и Невѣ.

Хлопъ жилъ въ пренебреженю. Якіи должности чинилъ ѡнъ въ времена Данила окрѡмъ пѣшои службы военной, жерело теперъ не замѣтило. Маемъ лишь одинъ примѣръ, що по ѡтшествію Татаръ бояре утискали и грабили землю на Подѡлю т. е. селянъ, и що князь ѡтпослалъ своего печатника, щобы исписалъ (т. е. изтязалъ и списалъ) грабительства бояръ и землю утишилъ[74]). Окрѡмъ хлопѡвъ суть еще и рабы бояръ и невѡльники, которыми по бѡльшѡй части ставали ся люде на рати плѣнени и захвачени.

Знаменитое мѣстце въ обществѣ занимали духовники, именно же митрополитъ, обитаючій въ Кіевѣ и епископы, которіи звычайно въ столечныхъ городахъ въ Галичи, Перемышли, Холмѣ и пр., при князяхъ обитали. Епископы часто участвуютъ въ политическихъ волненяхъ противу правовитому князю въ пользу олигархій, а именно епископъ Галицкій и Перемышльскій. Епископы надѣлени были областями; жерела вспоминаютъ такожь о слугахъ и боярахъ епископскихъ, ѡтличеныхъ свѣтлою и богатою одежою[75]). Въ областяхъ Галицко-Володимирского княжества было много монастырей построеныхъ частію по городахъ, частію по лѣсахъ и мѣстцяхъ недоступныхъ. Были монастырѣ мужескіи и женьскіи, и розличаютъ ся въ нихъ черцѣ и черницѣ. Сословіе монашеское въ великѡмъ было почтеню; князѣ и княгинѣ, наскучивши собѣ житье, постригали ся часто

---

[73]) Ипат. лѣт. стор. 204. 205. „Володимиръ правдолюбіемъ свѣтя ся къ всей своей братьи и къ боярамъ и къ простымъ людемъ."

[74]) Ипат. лѣт. стор. 179.

[75]) Ипат. лѣт. стор. 180.

въ черцѣ и черницѣ; такъ н. пр. самая вдова Романова, а мати нашихъ князей Данила и Василька, утвердивши сынôвъ своихъ на княжесвѣ Володимирскôмъ, постригла ся въ черницю. Маемъ примѣры, що при боку князя дѣйствуе пôпъ яко дорадникъ и посередникъ межи княземъ и боярами, такъ н. пр. при Мстиславѣ Тимотей, або яко прiятель домовый н. пр. при матери Данила и Василька. Игоревичѣ здѣлавши плянъ на изтребленье Романовичей уживали попа яко посла до Володимирцей. Въ прочемъ была родина попа якъ видко зъ одного намека лѣтописи, рôвно якъ хлопскiй родъ въ якôмъ то пренебреженю[76]). Не было межи сословiями такого розличiя, якъ въ державахъ стародавныхъ востока межи кастами. Есть примѣръ, що въ ôтсуствiю Данила бояре надѣлили хлопамъ Коломыю; межи боярами, которiи собѣ области самовôльно присвоили, находилъ ся такожь попôвъ внукъ Судичь[77]). Тое самовольство обрушило князя на бояръ, понеже князю а не боярамъ приналежало исключное право роздавати области и городы, и понеже городы не хлопамъ но по происхоженю боярамъ роздавали ся.

Въ такiй способъ образовалось общественное устройство въ Галицко-Володимирскôмъ княжествѣ еще въ времена Данила.

Данило Романовичь умеръ року 1264. Былъ то князь добрый, мудрый, хоробрый, хитрый и дбаючiй о благо земель пôдвладныхъ. Яко человѣкъ былъ ôнъ побожный, почитаючiй высоко матерь свою и милуючiй искренно свою родину. Въ неустаннôй борбѣ съ противностями въ нещастю не терялъ надѣи и ôтваги, а въ щастю николи збыточно не выносилъ ся; любилъ великолѣпни одежи, красоту и стройнôсть полкôвъ, славу и величie.

Въ первôй половинѣ жизни своей боролъ ся о достоянье ôтцѣвъ своихъ, розтерзаное внутреними и внѣшними ворогами; приобрѣтши достоянье и укрѣпивши ся на престолѣ Галицко-Володимирского княжества, не спочилъ, но принуженъ былъ о независимôсть новообрѣтеной державы передъ Татарами опасати ся. Зразу пôддалъ ся Татарамъ хитро, щобы ихъ благосклоннôсть снискати и грозячое нашествie тыхъ дикунôвъ ôтъ своего отечества ôтсторонити. Не долго по тôмъ ôтступилъ ôтъ Татаръ и союзомъ съ папою загадалъ ôтвернути иго татарское, но заведенъ въ надѣяхъ связалъ ся съ Литвою. Въ старости своей не найшолъ Данило супокою, бо наѣлѣкъ былъ на себе всю тяжесть гнѣва и ярости ханôвъ кипчакскихъ. Въ двохъ остатнихъ лѣтахъ житя, въ время межиусобицѣ въ Татарiи блыснулъ Данилу снова лучь щастлившой будучности. Ôнъ

---

[76]) Ипат. лѣт. стор. 137. Бояре Галичскiи сказали Володимиру: „мы не хочемъ кланяти ся попади а хочемъ ю убити.“—

[77]) Ипат. лѣт. стор. 179.

загадалъ тѣсный суюзъ Галицко-Володимирской Руси съ Литвою ôтновити, однакожь умеръ не припровадивши тую гадку въ житье. —

По смерти Данила проводничилъ родинѣ братъ его Василько. Шварно володѣлъ Холмскою, Червеньскою, Белзкою[78]) и Галицкою землею; Левъ ограниченъ былъ на держанье Перемышльского княжества. Жерело бо выразно повѣдае, що ôнъ не скорше ажь по смерти Шварна началъ княжити въ Галичи и въ Холмѣ[79]).

Мы сказали, що уже за Данила два разы появляла ся мысль тѣснѣйшого союза и соединеня Литвы съ Галицко-Водимирскою Русiю. Творцемъ той мысли былъ рôдный сынъ Литовского князя Миндога,

ШВАРНО И ВОЙШЕЛКЪ.

Войшелкъ. Ôнъ еще за времени ôтця Миндога управлялъ областями Новгородкомъ, Городномъ, и Вослонимомъ, въ которыхъ руская народнôсть и христiяньская религiя надъ Литовскимъ народоселенiемъ и поганьствомъ перемагала. Войшелкъ преслѣдовалъ зразу вѣру христiяньску, пôзнѣйше наступило преображенье ума его и ôнъ сталъ ся зъ жестокого поганина искреннимъ христiяниномъ. Войшелкъ посредничилъ миръ межи Русiю и Даниломъ еще року 1256. Ôнъ то былъ, который женилъ еще въ времени Данила доньку Миндога и сестру свою съ Шварномъ, а доньку пôдручника Литовского Глѣба съ Романомъ. Ôнъ ôтступилъ Роману городы Вослонимъ, Новгородокъ и Городно, которыми управлялъ. Посадивши Романа въ тыхъ областяхъ постригъ ся на черця, однакожь звергъ монашеску одѣжь, коли услышалъ, що Татары вразъ съ Романовичами найшли на Литву и ю страшенно розоряли. Не знаючи причинъ такого поступованя Романовичей и подозрѣваючи, що они зъ доброи волѣ не зъ нужды вразъ съ Татарами Литву розоряли, явилъ ся въ поле, и захватилъ и убилъ поручника союза межи Литвою а Русiю, Романа. По тôмъ дѣлѣ, ôтмстивши на Романовичахъ розтерзанье союза повернулъ Войшелкъ снова въ свое возлюбленое уединенье. Мы тiи событiя высше розказали, однакожь на виновника тыхъ же мы еще тогды не вказывали. Стало ся, що князь Довмонтъ убилъ Миндога и князь иной линiи Ттойната наступилъ на стôльци литовского княжества. Войшелкъ узнавши о убитiю ôтця своего, еще разъ скинулъ черничу ризу, поспѣшилъ до Литвы, убилъ Тройнату и засѣлъ на стôльци княжества литовского р. 1263. Оже рôкъ передъ смертiю Данила ôтновили ся прiязнiи сношеня Литвы съ Русiю. Войшелкъ призывае Шварна, своего шурина, щобы съ нимъ престолъ и княженье на Литвѣ дѣлилъ. Тогды то стояли въ союзѣ съ Литвою всѣ Романовичѣ, Василько, сынъ его Володимиръ и сынъ Данила Шварно, окрôмъ Льва.

---

[78]) Ипат. лѣт. стор. 203.
[79]) Ипат. лѣт. стор. 205

Левъ упослѣдженъ ôтъ ôтця и лишенъ при Перемышльскôмъ княжествѣ, негодовалъ уже тогды на таку систему, которая Шварна и Василька предпочела и его при однôмъ лишь Перемышльскôмъ княжествѣ лишила.

Року 1268, коли Войшелкъ съ Болеславомъ Краковскимъ войну провадилъ, вспомагали Войшелка Шварно, Василько и Володимиръ, Левъ же и его полки не участвовали въ тôй войнѣ[80]). Въ тôмъ самôмъ року Русь умирила-сь съ Ляхами. Тогды Войшелкъ въ пересвѣдченю, що земля литовская на супротивъ ворогôвъ убезпечена, ôтдалъ престолъ и княженье въ Литвѣ самому Шварнови, а самъ еще разъ надѣвши черничу одежу удалилъ ся въ Угровескъ въ монастырь. Если Левъ уже передже негодовалъ зъ причины, що Шварно бôльшую часть ôтцѣвского достояня наслѣдилъ, то теперъ, коли Шварно наслѣдивши вь Литвѣ сталъ быти могучественѣйшимъ ôтъ Льва и предѣлы княжества его отвсюды стиснилъ, негодованье перемѣнило ся въ зависть и ярость, которую обернулъ напротивъ виновнику и творцю такого составу князю монаху Войшелку. Про то не дивно намъ буде, що Левъ зôйшовши ся съ Войшелкомъ въ Володимирѣ и розпаливши кровь свою хмѣлевымъ напоемъ, въ черезмѣрнôмъ престрастію убилъ его[81]). По убіеню Войшелка скôнчила ся обава Льва. Въ Литвѣ зôсталъ Шварно Тройденомъ вытисненый, послѣ чего въ року 1270 умеръ. Левъ наслѣдилъ по Шварнѣ землѣ его Галицкую и Белзкую (вразъ съ Холмскою и Червеньскою). Въ рôкъ по тôмъ умеръ и Василько роздѣливши Володимирское княжество межи родину, именно надѣливши свого сына Володимира Володимирскою а иного сына Даниловго Мстислава Луцкою землею. Въ Володимирскôмъ княжествѣ пôдъ рукою Володимира встрѣчаемъ Василька князя Слонимского и Юрія князя Пороського т. е. на Поросю[82]). Первый дѣйствуе яко воевода, другій яко посолъ; оба находились въ службѣ Володимира, но удѣльными князями знать они не были.

ВОЛОДИМИРЪ И ЛЕВЪ

Зъ потомкôвъ Романа въ низходячôй линіи жили тогды слѣдуючіи: Левъ и Мстиславъ, сынове Данила, и Володимиръ, сынъ Василька. Льву родилъ ся сынъ Юрій. Левъ надѣлилъ его, коли возмужалъ, княжествомъ Белзкимъ; Мстиславу родилъ ся Данило. Той также прійшовши до доспѣлыхъ лѣтъ участвовалъ въ военныхъ походахъ, но чи по звычаю рускому надѣленъ былъ также якою областію, не знаемъ. Кто по смерти Василька былъ головою родины, опредѣлити трудно. Мы замѣчаемъ якое-то нелюбіе и несогласіе межи членами родины, ба наветъ сепаратизмъ. Такъ н. пр. въ войнѣ р. 1273, которую провадитъ Володимиръ съ Литовскимъ княземъ

---

80) Ипат. лѣт. стор. 203.
81) Ипат. лѣт. стор. 204.
82) Ипат. лѣт. стор. 224.

Тройденомъ, не бралъ Левъ жадного участія, но власнѣ въ тое время проживалъ въ великой любвѣ съ Тройденомъ[83]). Взаимніи порады дѣютъ ся рѣдше, и мы спостерѣгаемъ неразъ, що въ случаяхъ, коли всѣ члены родины якій то военный походъ предпринимали, въ время похода одни передъ другими утаиваютъ ся и сами безъ вѣдомости другихъ на свою руку и собственну корысть дѣлаютъ[84]). Въ прочемъ родинна система еще соблюдае ся. Князѣ зъ роду Романа посылаютъ совокупно своихъ воеводъ на челѣ полкôвъ на Ятвягъ року 1272 и 1273. Ятвяги побѣджени посылаютъ послôвъ до Льва, Володимира и Мстислава, и просятъ мира; въ р. 1279 въ время голода притиснени до крайности выпрошаютъ у Володимира жита и обовязуютъ ся до плаченя дани плодами земскими[85]). Въ областяхъ лѣсныхъ, завоеваныхъ на Ятвягахъ а до его предѣлôвъ притыкаючихъ, вырубовалъ Володимиръ лѣсы и ставлялъ городы н. пр. Каменецъ, который ôтъ Каменца Волыньского розличити належитъ. Такожъ заложилъ Володимиръ городы Бресть, знать иный ôтъ того, который еще за временъ Романа и передъ Романомъ ту вспоминае ся.

Въ року 1274 поратили ся Левъ и Тройденъ. Тройденъ занялъ городъ Льва Дрогичинъ, зъ чого видко, що предѣлы Льва ажъ ту недалеко ôтъ Берестя розтягали ся. Левъ проситъ у киптшакского хана помочи. Въ ордѣ царствовалъ по смерти Беркого 1266 наслѣдникъ зъ другои киптшакскои линіи, ханъ Менгутимуръ. Ôнъ пославъ своихъ воеводъ Льву на помôчь и приказалъ всѣмъ князямъ заднѣпровскимъ и князямъ Володимирскимъ Льва вспомагати. Жерело сказуе, що тогды всѣ князѣ рускіи были въ воли т. е. въ послушеньствѣ хана Татарского[86]). Левъ завоевалъ литовскій Новгородокъ. Въ року 1275 еще разъ послали Левъ, Володимиръ и Мстиславъ войска на Литву, которіи городъ Вослонимъ здобили. Тройденъ опустошалъ окрестности около Каменца; Володимиръ же разорялъ окрестности на Нѣмнѣ.

По тыхъ взаимныхъ опустошеняхъ князѣ Левъ, Володимиръ и Мстиславъ съ Тройденомъ умирили ся и начали въ великои любвѣ жити. Татары поглядали завистнымъ окомъ на любовь Галицко-Володимирскихъ князей съ Литвою. Мы спостерѣгаемъ еще ôтъ смерти Беркого бôльшое роздробленье киптшакского улусса. Менгутимуръ, потомокъ ôтъ другого сына Дшудшіевого, вспомагавшій въ попереднѣйшихъ лѣтахъ Галицко-Володимирскихъ князей противу Литвѣ, княжилъ надъ Волгою; потомокъ найстаршого сына Дшудшіевого, основателя киптшакскои орды, Токати-

---

83) Ипат. лѣт. стор. 205.
84) Ипат. лѣт. стор. 207. 208.
85) Ипат. лѣт. стор. 193. 194.
86) Ипат. лѣт. стор. 205.

муръ володѣлъ въ Крымѣ; Богадыръ сынъ пятого сына Дшудшіевого вокняжилъ ся надъ озеромъ Аральскимъ и Амуромъ, которіи то области такожь первѣстно частку киптшакского ханату становили. Еще одинъ князъ Ногай, потомокъ семого сына Дшудшіевого, вславившій ся въ войнахъ Беркого съ Ханами Перскими яко начальный воевода киптшакскихъ войскъ, усадовилъ ся въ полудневой Руси и построилъ собѣ осóбную юрту (таборъ) въ Курску и Рыльску. Зъ óттамъ дѣйствовалъ Ногай яко намѣстникъ Менгутимура. Увѣдавши о примиреню и любвѣ Галицко-Володимирскихъ князей съ литовскимъ княземъ Тройденомъ, пóслалъ Ногай послóвъ съ письменными приказами до Льва, Володимира и Мстислава р. 1277, щобы вразъ съ призначенымъ къ тому полкомъ татарскимъ пóдъ воеводою Мамшіемъ пóйшли воевати Литву. Тогды Мстиславъ и Юрій утаивши ся передъ Володимиромъ покушали ся завладѣти Городномъ, но безуспѣшно. Вóйна не мала иныхъ послѣдствій, якъ ино тое, що новозаключена пріязнь межи Тройденомъ а Галицко-Володимирскими князями тымъ невóльнымъ походомъ Галицко-Володимирскихъ князей на Литву розтерзала ся[87]). Жерело примѣчае, що Левъ и сынъ его Юрій[88]) радъ ходилъ съ Татарими т. е. óнъ зъ доброй охоты вязалъ ся съ Татарами и товаришилъ имъ въ военныхъ подвигахъ, а Володимиръ и Мстиславъ и сынъ того Данило ходили неволею Татарскою т. е. лишь зъ нужды Татарамъ содѣйствовали.

Мы замѣчаемъ, що Левъ зъ политичныхъ взглядóвъ вязалъ ся съ Татарами и часто прочей своей братіи, котора связи съ Татарами была неприхильна, такъ долго противилъ ся, поки тіи не пóйшли тою самою дорогою що и óнъ, и съ Татарами неповязали ся. Но óтколи и Володирскіи князѣ Володимиръ и Мстиславъ перестали гадати о таемныхъ союзахъ съ Литвою, бы за еи посредствомъ передъ Татарами въ независимости удержати ся, и óтколи искренѣйше Татарамъ пóддались, — а Татары убезпечивши собѣ ихъ перестали къ военымъ походомъ на Литву ихъ принуджати, óттогды и стосунки Володимира и Мстислава до Литвы ставали пріязнѣйшими.

Татары звернули свое оружіе на Польщу и на сосѣдню Венгрію. Галицко-Володимрскіи князѣ товаришили имъ найчастше сáміи. Володимиръ черезъ свою болѣзнь не мóгъ товаришити Татарамъ, и посылалъ звычайно полки свои, вручаючи начальство надъ ними князю Белзкому Юрію Львовичу. — Въ тое время завязала ся была вражда и погранична борба межи гдекоторыми лядскими и Галицко-Володимирскими князями, въ котоpóй Литовцѣ Володимирского князя вспомагали.

---

87) Ипат. лѣт. стор. 207.
88) Ипат. лѣт. стор. 208.

Зъ земель польскихъ стыкали ся съ княжествами Галицко-Володимирскими, Мазовія и земля Краковская. Мазовія была по смерти Семовита подѣлена межи два сыны его Кондрата и Болеслава. Болеславъ посварилъ ся съ Кондратомъ Мазовецкимъ и побудилъ князя Володимирского Володимира до войны на Кондрата 1279. Война кончила-сь тымъ, що Володимиръ и Кондратъ помирили ся[89]). Оттогды проживали Кондратъ и Володимиръ въ доброй пріязни. Кондратъ зове Володимира своимъ господиномъ, который ему есть въ отця мѣсто и держитъ его подъ рукою своею; Володимиръ же отъ тогды помагае Кондрату противу Болеславу. Такъ отправилъ былъ р. 1280 войска на лодяхъ рѣкою Вислою, которіи Кондрату при зовоеваню города Гостинной вспомагали[90]).

Въ Краковскомъ княжествѣ княжилъ Болеславъ Встыдливый до року смерти своей 1279. Съ нимъ вымерла старшая линія Пястовичей. Князѣ молодшихъ линій Семовитовичѣ Мазовецкіи съ Казимирчиками, и Болеславичами Великопольскими начали споръ о Краковскій престолъ. Левъ корысталъ зъ тыхъ непокоѣвъ, бы якою-то часткою въ земли Лядской або якимъ городомъ въ украйной Польщи заволодѣти. Въ той цѣли просилъ у Ногая помочи. Ногай приказалъ князямъ Волыньскимъ выступити въ поле и Льва вспомагати. Левъ и Юрій сынъ его, Володимиръ съ Мстиславомъ и сыномъ Даниломъ и рать Татарская вторгнули въ украйну Польщу. Межи тымъ зъ притязателей великокняжеского престола въ Польщи засѣлъ и укрѣпилъ ся на немъ Лешокъ Чорный зъ линіи Казимировичей. Той выступилъ противъ Льву, встрѣтилъ его на дорозѣ до Кракова и побѣдилъ въ р. 1280. Левъ вернулъ ся домовъ съ встыдомъ. Тогды Лешко связалъ ся съ Болеславомъ Мазовецкимъ, который якъ мы видѣли, жилъ въ нелюбію съ братомъ своимъ Кондратомъ и съ Володимиромъ, княземъ Володимирскимъ.

Пограничная война межи Галицко-Володимирскими князями и Лешкомъ Чорнымъ продолжала ся еще черезъ якоесь время. Лешко за помочію Люблинцей взялъ украйное село руское Воинъ; по тому напалъ на городъ Льва, Переворскъ и спалилъ тойже р. 1281. Щобы Володимира Волыньского за участье въ походѣ на Польщу 1280 укарати, вослалъ Лешокъ на него полки свои, которіи около Берестя на пограничной рѣцѣ Кроснѣ воевали, но Берестяне отперли нападъ и розбили Ляховъ року 1281[91]).

Въ томъ роцѣ умеръ ханъ киптшакскій Менгутимуръ. По немъ слѣдовалъ на престолъ Киптшака молодшій братъ его Тудай-Менгу. Такъ

---

89) Ипат. лѣт. стор. 208.
90) Ипат. лѣт. стор. 209.
91) Ипат. лѣт. стор. 209. 210. 211.

слѣдовалъ Тудаю братанець его, ôтъ старшого брата Бартуя, Телебуга. Ôнъ предводилъ въ время панованя Тудая войсками его. Наконець порозумѣвши ся съ рôднымъ братомъ и съ сынами усопшого Менгутимура зсадилъ Тудая зъ престола и началъ княжити съ трема соподвижниками своими р. 1284. Всѣ четыры прозванiи суть въ исторiи ôтъ числа ихъ тетрархами. Отколи слава и могучество Ногая взмагало ся, ôттогды уже завидовалъ Ханъ въ Сераи Ногаю. Также взгорѣла зависть межи Ногаемъ а воджемъ Телебугою и возпламенѣла въ ôтверту вражду ôтъ тогды, ôтколи Телебуга съ своими трема соподвижниками въ ордѣ воцарилъ ся. Еще за временъ хана Тудая р. 1282. а пôдля польскихъ жерелъ въ самъ рôкъ низложеня Тудая предприняли Ногай и Телебуга походъ на землю угорскую. По приказу воджей татарскихъ товаришили имъ всѣ князѣ Галицко-Володимирскiи, окрôмъ Володимира, который хромый на ногу, оставилъ ся вдома. Также ишли съ Татарами князѣ заднѣпровскiи, понеже тогда всѣ князѣ рускiи зôставали пôдъ волею Татаръ. Ногай ступалъ дорогою, которая провадитъ зъ Галицiи до Пряшова, а Телебуга ишолъ поперекъ гôръ карпатскихъ въ направленю къ верховiямъ Тысы. Той походъ кôнчилъ ся неудачею. Татары умѣли бороти ся на ôтвертôмъ поли въ степахъ, однакожь не знали ходити и воевати въ ущелiяхъ и по хребтахъ гôръ карпатскихъ. Незнаемôсть дороги, обманъ проводниковъ, слоты, снѣжниця, и въ послѣдство того возникшiй голодъ и помôръ истончили полки татарскiи. Останки сразились съ Мадярами пôдъ Регичемъ, Мадяры побѣдили Татаръ[92]) и принудили розбитки поселити ся по Тысѣ, где еще до сего дне въ селахъ маючихъ татарское названье ихъ потомки проживаютъ. Самъ Телебуга, потерявши войско вернулъ ся домôвъ. О слѣдствахъ похода Ногая наше жерело ничого не вспоминае. Здае ся, що Ногай вразъ съ рускими князями узнавши о потерѣ Телебуги надъ Тысою безчинно домôвъ повернулъ. Въ время ôтсутствiя рускихъ князей, сотоваришившихъ Ногаю на походѣ до Угоръ, нападалъ р. 1282. або 1284 Болеславъ Мазовецкiй землю князя Галицкого и пустошилъ области около Щекарева (т. е. Красностава). Левъ выпросилъ ся у Ногая до дому, щобы землю свою мôгъ защищати и противу Болеслава Мазовецкого мѣры предпринимати. Володимиръ и Левъ пôслали свои полки противу Болеславу; Володимиръ призвалъ еще и помôчь литовскую. Рускiи и литовскiи войска вторгнули въ Мазовiю и опустошили окрестности Вышегорода. По тôмъ поминаючи давнiи пакости нанесени Лешкомъ рускимъ землямъ, ôтправили Литовцей вразъ съ своими полками на Люблинъ. Тiи опустошили окрестности Люблина, пôймали челяди множество въ полонь и съ славою и честiю въ свояси удалили ся[93]).

---

[92]) Thwrocz. II. annales Hungariae.

[93]) Ипат. лѣт. стор. 211.

Въ року 1283 (пôдля иносторонныхъ лѣтописей р. 1285) ходили Ногай и Телебуга на Польщу. Телебуга приказалъ ити съ собою всѣмъ князямъ заднѣпровскимъ и Галицко-Володимирскимъ. Тогды пановало межи Телебугою а Ногаемъ великое нелюбіе. Телебуга вступилъ съ Татарскими силами на рѣку Горынь, а потôмъ двигнулъ ся на Бужковскіи поля (надъ западнымъ Бугомъ). Ту перезрѣлъ свои полки, пôдступилъ пôдъ Володимирь, соединилъ свои силы съ полками Володимирскими, которыми князѣ Галицко Володимирскіи Володимиръ, Мстиславъ, Левъ и Юрій, кождый на челѣ своей рати, предводили. Ôтси двигнулъ ся на западъ, перейшолъ рѣку Санъ и Вислу высше Судомира, и не успѣвши взяти Судомирь намѣрилъ ити къ Кракову, однакожь довѣдавши ся, що Ногай его попередилъ и къ Кракову зближилъ ся, вернулъ ся къ Торжску, а ôттакъ пôдступилъ пôдъ новозбудованый Львôвъ. Татары станули ту таборомъ, позоровали городъ, утрудняли привôзъ живностей и не давали никому вылѣзти зъ города въ зажитье. Кто-же выѣзджалъ, того имали, овыхъ обдирали и нагихъ пускали, иныхъ брали въ полонь, а другихъ убивали. Татары стояли двѣ недѣли коло Львова середъ лютои зимы (р. 1283. або 1285). Они кормили ся мѣсто щобы воевати, и ажь коли награбили ся доволѣ и облупили союзникôвъ не иначе, якбы ворогôвъ своихъ, вернули ся въ степъ за Днѣперъ, зôставляючи по собѣ всю землю пусткою. Ногай не ходилъ съ Телебугою, но устремилъ ся иною дорогою черезъ Перемышль къ Кракову, неуспѣвши однакожь ничого, такъ якъ Телебуга, вернулъ ся домôвъ. По ôтшествію Татаръ насталъ великій помôръ въ лядскôй и рускôй земли. Жерело свѣдчитъ, що умерло по городахъ безчисленое множество, другіи-же померли по селахъ, вышедши зъ городôвъ по ôтшествію беззаконныхъ Татаръ. Зъ того видко, що не лише Львову, но и инымъ городамъ, ба даже селамъ пакостили Татары, и що жителѣ утѣкали передъ Татариномъ съ плоского краю и внутръ городôвъ искали и находили убѣжище. Полки Ногаевіи знать не иначе, якъ и Телебузиніи пакостили жителямъ и опустошили край союзникôвъ. По ôтшествію Телебуги и Ногая велѣлъ Левъ почислити, много людей въ его земли погибло, що пôймано, що забито, и що Божею волею вымерло; показало ся пôлъ тринадцяти тысячей[94]).

Нелюбіе межи Ногаемъ и Телебугою продолжало ся. Въ лѣтахъ 1289 и 1290 взгорѣла вôйна межи Ильханомъ Перскимъ и тетрархами киптшакскими, въ которôй мужествомъ и талантомъ молодшій сынъ Менгу Тимура Токтай ôтзначилъ ся. Загроженый ôтъ завистныхъ братей тетрархôвъ, Токтай удалъ ся до Ногая. Ногай пôшолъ на Волгу, запросилъ тетрархôвъ пôдъ предлогомъ, щобы прійшли посовѣтовати ся съ нимъ, услухали рады

---

[94]) Ипат. лѣт. 211. 212.

его яко найстаршого въ родинѣ и споры свои залагодили. Тетрархи услухали и зойшли ся. Въ томъ Ногай нечаянно выступилъ съ войскомъ, и захватилъ и убилъ ихъ. Токтай наслѣдилъ теперь въ Улуссѣ киптшакскомъ въ року 1291. Отъ року 1285 не посѣщали Татары черезъ долгое время Галицко-Володимирскои Руси.

Отношенье князей Галицко-Володимирскихъ до хановъ киптшакскихъ установило ся въ слѣдуючій способъ. Галицко-Володимирскіи князѣ не входили въ такую зависимость отъ Татаръ, якъ князѣ сѣверорускіи. Володимирско-Галицкіи князѣ розполагали свободно наслѣдіемъ княжествъ своихъ, и не потребовали къ тому соизволеня хановъ киптшакскихъ. Наслѣдники Данила не нуждали-ся ѣздити въ орду, щобы землѣ зъ рукъ хановъ въ наслѣдіе принимати. Не было въ Галицко-Володимирскои земли татарскихъ баскаковъ, тысячниковъ и сотниковъ для выбираня дачокъ и для вмѣшаня ся въ внутреніи державніи дѣла. Князѣ Галицко-Володимирскіи выбирали саміи дачку для Татаръ (татарщину) и отсылали тую въ касу татарскую. Полки татарскіи служили на дворѣ Льва и въ столечномъ городѣ того князя яко прибочная стражь поселили ся около его замку.

Володимиръ, князь мудрый, кроткій и благорозумный, изученый въ священомъ письмѣ, болѣзновалъ тяжко. Чувствуючи близость кончины своей записалъ землю Володимирскую стрыечному брату своему Мстиславу, а щобы тому передъ користолюбіемъ Льва и Юрія наслѣдіе убезпечити, здѣлалъ завѣщанье въ притомности запрошеныхъ къ тому татарскихъ радцѣвъ. Мстиславъ обнялъ области и городы Володимира заразъ по его смерти, котора въ р. 1289 послѣдовала. Надармо посылалъ Левъ до Володимира, лежачого на смертной постели, епископа своего Перемышльского Мемнона съ просьбою, щобы ему Бресть отступилъ. Володимиръ отказалъ той просьбѣ „чи мала ти" (сказалъ Володимиръ послу Льва) „твоя земля, еще Берестя хочешь, а самъ держишь княженія три, Галицкое, Перемышльское и Белзкое" р. 1288. Грамоту, которою онъ Володимирскую область Мстиславу отказалъ, обнародовилъ епископъ Володимирскій Евсегній, призвавши мѣстичей рускихъ и нѣмецкихъ, и благословилъ Мстислава крестомъ воздвизальнымъ на княжество Володимирское. Мимоходомъ примѣтити належитъ, що въ томъ времени обитали въ Володимирѣ обочь мѣстичей рускихъ и нѣмецкихъ также жидове (знать зъ Крыму ту поселивши ся Каранты), Сурожцѣ, т. е. Сарацены и Новгородцѣ, т. е. купцѣ Новогородскіи.

Скоро по смерти Володимира 1289 опановалъ Юрій его городы Бересть, Каменецъ и Бѣльскъ за помочію молодшихъ бояръ и коромолниковъ Берестянъ. Мстиславъ пославъ тогды Юрія, князя Пороського, щобы призвалъ и привелъ Татаръ на Юрія. Той загроженый вступилъ ся зъ вышь-помянутыхъ городовъ, пограбивши всѣ домы стрыя своего. На томъ

дѣло скôнчило ся. Татарская помôчь была по ôтступленю Юрія излишеною, а мы радо сказати можемо, що Галицко-Володимирскіи князѣ зъ роду Романового ôтъ того часу не провадили кровавыхъ борбъ о наслѣдія, и не призывали уже бôльше николи Татаръ противу себе, якъ-то сѣверо-рускіи князѣ чинили, розоряючи власную ôтчину для угодженя своему често- и користолюбію за помочію Татарскою.

Оже по смерти Володимира зъ князей рода Романового зôстали ся Левъ, владѣючій княжествами Галицкимъ и Перемышльскимъ, Юрій, сынъ того владѣючій въ Белзѣ, и Мстиславъ соединившій по смерти Володимира землю Луцкую съ княжею землею Володимирскою. Ôнъ малъ сына Данила. Чи и Данило надѣленъ былъ якою землею, жерела не упоминаютъ. Ôтношеня Мстислава, Юрія и Льва до пограничныхъ лядскихъ именно мазовецкихъ и краковскихъ князей стали быти слѣдуючими. Въ давнѣйшихъ временахъ В. князей и за Ростиславичей и за Романа и Данила жили Пястовичѣ съ рускими князями въ тѣсной дружбѣ, вязали ся взаимно малженьствами и вспирали ся въ вôйнахъ съ сосѣдними князями и въ межиусобицяхъ. Также спорили межи собою и воевали противъ себе взаимно ради родовыхъ ôтношеній. Рускій князь сродникъ вспиралъ сродника Ляха, а сродникъ Ляхъ Русина противу соплеменнику. По удосточиненю интересамъ родовымъ борбы кôнчились примиреньемъ. Рускіи князѣ не искали пріобрѣтеня городôвъ и земель у побратимого лядского племени. Ажь ôтколи рускіи князѣ тѣсно съ Татарами связали ся, ôттогды искаютъ они городôвъ и земель у Пястовичей и употребляютъ усобицѣ Пястовичей, въ которыхъ участвуютъ, для розширеня предѣлôвъ своихъ на счотъ Польщи. Такъ было еще въ времена Лешка Чорного. Интересъ територіяльный превозмôгъ надъ родовымъ и семейственнымъ. Въ року 1287 умеръ Лешокъ Чорный. Князь Мазовецкій Кондратъ вôйшолъ въ тое самое ôтношенье до Мстислава, въ якôмъ передже до Володимира находилъ ся. Кондратъ покушалъ ся еще р. 1288 за помочію Володимира на престолѣ краковскôмъ вокняжити ся. Ôнъ приспѣлъ пôдъ Люблинъ, но Люблинцѣ объявили, що имъ голова Краковъ, и що того пріймутъ собѣ за князя, кто въ Краковѣ княжити стане. Но и Юрій сынъ Льва, князь Белзкій загадалъ користати зъ неспокойствій возникшихъ по смерти Лешка Чорного. Загадавши завладѣти Люблиномъ, приспѣлъ съ ратію пôдъ Люблинъ власнѣ тогды, коли пôдъ тымъ городомъ стоялъ ополчившій ся князь Мазовецкій Кондратъ. Той напудивши ся гадалъ, що то яка вражебная рать и бѣжалъ въ построену передъ городомъ башню монастырскую, якая звычайно при входѣ тогдашнихъ укрѣпленій для сторожи ворôтъ и входôвъ до крѣпости находила ся. Ажь зъ близи узналъ Кондратъ, що то рать пріязного ему князя. Такъ походъ Юрія якъ и Кондрата кôнчилъ ся

на ничемъ, понеже Люблинцѣ крѣпко боронили ся. Князѣ Юрій и Кондратъ ôтступили ôтъ города довольно окрестности опустошивши[95]).

Тымъ часомъ выбрали польскіи бояре за князя Малопольского або кракôвского Болеслава Мазовецкого. Року 1289 посылае Мстиславъ князь Володимирскій Кондрату Семовитовичу помôчь на Болеслава Кракôвского и становитъ на челѣ помôчныхъ полкôвъ Чудина, своего воеводу. Кондратъ за помочію Мстислава здобувае землю Судомирскую и присоединяе ю къ своимъ прочимъ владѣнямъ. Осадившого ся на тронѣ княжества Кракôвского Болеслава оспоривае Генрикъ, князь Воротиславскій, и выганяе его зъ Кракова. Болеславъ соединилъ свои силы съ силами Кондрата Мазовецкого и Владислава Локетка, князя Куявско-Сѣрадского и выступилъ противъ Генрику. Левъ въ тôй вôйнѣ межи Генрикомъ, княземъ Воротиславскимъ и Мазовецкими князями о тронъ великого княжества Кракôвского помагалъ Болеславу противу князю Воротиславскому. Поприщемъ подвигôвъ нашого князя Льва были окрестности Кракова, а зрѣтелями и свѣдками славы его самая величавая столиця Малопольщи Кракôвъ и пригородокъ Кракôвскій Тинецъ. Соединени силы рускіи и Мазовецкіи осадили Кракôвъ. Однакожь мужество горожанъ Кракôвскихъ стоявшихъ за Генрикомъ и зависть польскихъ воеводъ недôзволили Льву заняти Кракôвъ приступомъ. Усмотрѣвши нещирôсть у воеводъ польскихъ выслалъ Левъ одну часть войска въ землю Воротиславскую, а коли тое вшедши глубоко въ Шлезію съ многимъ полономъ щастливо повернуло ся, ѣздилъ Левъ до Чехъ, до короля Вацлава „зане любовь держаше съ нимъ велику, и докончалъ съ нимъ миръ до своего живота"[96]).

Левъ жилъ ôтъ тогды въ тѣснôй и дѣйствительнôй дружбѣ съ Вацлавомъ, королемъ ческимъ ажь до кôнця житя своего. Не взираючи на то, що Литва о спокровненую собѣ Жмудь, которую Нѣмцѣ насильно покорили, кровавую вôйну съ ординомъ провадила, Левъ слѣдуючи примѣру своего ôтця Данила заключалъ съ ординомъ трактаты (заговоры) торговельніи[97]).

Левъ княжилъ въ трехъ княжествахъ, Белзкôмъ, Перемышльскôмъ и Галицкôмъ. Юрій сынъ его держалъ еще за житя ôтця своего Белзъ и Холмъ и городы смежни Берестю Мѣльникъ и Дрогичинъ. Мстиславъ княжилъ по смерти Володимира, князя Волыньского, Берестейскою, Володимирскою и Луцкою землею. Ему послушали князѣ Пинскіи, Юрій сынъ якого-то Володимира и Давидъ братъ его[98]). Юрій умеръ р. 1292. Осталъ ся по

---

[95]) Ипат. лѣт. 217. 218.

[96]) Ипат. лѣт. стр. 226.

[97]) Диплома Юрія II. „pacem et omnimodam caritatem, sicuti tenuerunt Danilo, Leo et Georgius." Narbutta dzieje narodu litewskiego T. IV. Dodatek II. st. 132.

[98]) Ипат. лѣт. стор. 226.

немъ сынъ, которого имени не знаемъ. Послушалъ такожь Мстиславу князь Стефаня надъ Горынею, Иванъ, сынъ Глѣбôвъ, помершій такожь р. 1292, зôставивши княженье сынови своему Володимиру.

Мстиславъ ôтъ початку своего правленя 1289 жилъ въ мирѣ съ околичными народами, съ Нѣмцями, т. е. нѣмецкимъ ординомъ, съ Ляхами и Литвою. Мстиславъ, князь правдолюбивый, дбалъ о умноженье богомолія, а будучи нѣжнымъ чувствомъ къ помершимъ предкамъ своимъ привязанымъ, выбудовалъ камѣнну гробницю т. е. грôбъ бабѣ своей Романовôй, въ якôмъ-то монастырѣ похороненой. Трудячи ся бôльше искуствами, процвитаючими во времена народного супокою, воздвигъ камѣнну вежу въ городѣ пôдвластнôмъ собѣ Чорторыйску. Поблизкіи народы, Татары, Литва и Ляхи чтили сего князя и бояли-сь величества его. Литовскіи княжата Будикидъ и Бидивидъ, незнати чи пôдрядніи князѣ Литовскіи якіи въ тыхъ временахъ часто въ Литвѣ встрѣчаютъ ся, чи може сами великіи князѣ Литвы Лютоверъ и Витенесъ, отецъ и сынъ, прозвани якъ то на Литвѣ бывало, другими именами Будикидъ и Будивидъ, ôтступили Мстиславу городъ свôй Воловискъ щобы его пріязнь и миръ собѣ убезпечити[99]).

Литовцѣ еще въ первôй половинѣ XIII столѣтія завоевали много рускихъ областей давнѣйшихъ словяньскихъ племенъ Кривичей и Дроговичей. Владѣня Литвы стыкались съ владѣнями Галицко-Володимирскихъ князей, надъ Бугомъ, Ясіолдою и надъ берегами горного Нѣмна. Литва находилась тогды въ цвѣтучôмъ состоянію. Вѣра, народный языкъ и обычай рускій поважани были въ Литвѣ. Русины утиснени пôдъ ярмомъ Татарскимъ въ областяхъ заднѣпровскихъ, покидали свои ôтцѣвства, переселялись до Литвы и тамъ умножали заступы военни великихъ князей Литовскихъ[100]).

Въ Польщи р. 1291 по смерти Генрика Воротиславского обнялъ тронъ Малопольскій Вацлавъ II., ческій король, званый ôтъ горожанъ и благороднѣйшой части вельможь польскихъ и вспоможеный вплывомъ Грифинѣ вдовы Лешка чорного; заразомъ знайшолъ однакожь въ братѣ Лешка Чорного, Владиславѣ Локетку, князю Куявскôмъ и Сѣрадскôмъ, претендента трона Малопольского и суперника. Литва будучи въ дружбѣ съ Болеславомъ, княземъ Мазовецкимъ нападае и опустошае по кôлька разъ ôтцѣвство Локетка. Такъ опустошила року 1291 землю Куявскую, р. 1294 землю Ланчицку, а р. 1300 землю Добриньскую и Хелминьскую, где приверженьцѣ Локетка шукали прибѣжища[1]).

---

99) Ипат. лѣт. стор. 125.

100) Na podstawie Stryjkowskiego kroniki, Narbutta Dzieje narodu litewskiego T. IV. str. 381. 382.

1) Naruszewicza historya narodu polskiego. Lipsk. T. VIII.

Року 1293[2]) коли еще Владиславъ Локетокъ самъ зъ города Вислицѣ 9 миль ôтъ Кракова ôтдаленого за помочію приданой ему партіи польского народа права свои на тронъ Малопольскій боронилъ и на военніи движеня ческихъ войскъ около Кракова смотрѣлъ, многіи заступы Татарскіи, подѣливши-сь на кôлька загонôвъ вдерли ся по всей вѣроятности за понукою князя Льва до Люблиньскои области, и соединивши ся съ военными его силами здобили Люблинъ, вторгнули въ землю Судомирскую, оперли ся о Судомирь и набравши полону и бранцей много повернули до своихъ кочевищь за Днѣпромъ. Локетокъ принуженъ былъ лишити Чехôвъ, а на то мѣстъ глядѣти Татаръ и соединеныхъ съ ними Русинôвъ. Тое затрудненье пошкодило значительно справѣ Владислава, хотяй въ земли Судомирской много имѣлъ приверженцей. Року 1300 Локетокъ еще боролъ ся, бы по крайной мѣрѣ при частцѣ ôтцѣвского достояня остояти ся. Вацлавъ Ческій на тронѣ Малопольщи еще не утвердилъ ся, коли рускіи полки съ вожемъ Петромъ Галкою вступивши съ Татарами и съ Литвою въ землю Судомирскую, туюже вширъ и вздолжъ огнемъ и мечемъ поплѣнили, замокъ въ Корчинѣ, еще тогды зъ дерева збудованый, зажегли и съ великою добичею до земель своихъ еще скорше ôтступили, нижели Вацлавъ о ихъ нападѣ вѣсть отрималъ[3]). Якъ рѣка быстра при повони забирае все, що ей навине ся, такъ рускіи полки вторгнувши съ силою войскъ своихъ въ землю Судомирскую забрали людей и товару до волѣ, и повернули съ багатымъ полономъ до дому[4]).

Майже цѣлая часть восточна царства великого Романа и Данила т. е. стороны наддньпровскіи и цѣлое майже Подôлье ажь по Дунай и Чорное море послушало Татарамъ. О Кіевѣ въ тыхъ временахъ ôтъ року 1250, ажь до року 1299 въ жерелахъ не находитъ ся ни слова. Кіевъ былъ еще всегда сѣдалищимъ удѣльныхъ князей зъ роду Рурикового и столицею верховнои головы всей руской церкви митрополита Кіевского. Въ предѣлахъ Кіевского княжества лежали еще на початку XIV. столѣтія городы: Бѣлогородъ, Овручь и Житомиръ и пригородки: Каневъ, Слѣповротъ и Черкасы[5]). Волости надъ рѣкою Росею, вливаючою ся низше

---

[2]) Joannis Długosz seu Longini historiae Poloniae Frankfurti MDCC.XI. L. VIII. pag. 869.

[3]) Martini Cromeri de origine et rebus gestis Polonorum Basileae per Joannem Oporinum L. XI; 275, 274. „Russi tempus advenisse rati quo tamquam in vacuam finitimae sibi Poloniae possesionem impune possent invadere, dum Wladislaus desertus fere a suis de retinendo sive de recuperando regno laboraret." Długosz L. IX. 896, 897. Густиньская лѣтопись въ полномъ собраніи рускихъ лѣтописей. Т. I. Санктпетерсбургъ 1843.

[4]) Kronika Macieja Stryjkowskiego w zbiorze dziejopisów T. II. w Warszawie 1766. Księga X. strona 329.

[5]) Pomniki do dziejów Litewskich zebrane przez Narbutta. Wilno. str. 16.

Кіева въ Днѣпръ звались Поросьемъ. Поросье становило бôльшую часть княжества Кіевского, а Юрій, князь Поросьскій, т. е. князь на Поросю служилъ впередже Володимиру а по смерти Володимира Мстиславу. Чи Юрій былъ вразъ и княземъ Кіевскимъ, чи може обôчь него сидѣлъ князь въ Кіевѣ, сказати не знаемъ. Въ року 1250 княжилъ въ Кіевѣ князь Ярославъ Ингваревичь, пôдручникъ князя Галицко-Володимирского Данила; Ярославъ оставилъ въ мѣстце себе боярина своего Демитрія Ейковича въ Кіевѣ. Въ генеологичныхъ таблицяхъ ничь въ правдѣ о потомствѣ Ярослава Ингваревича не читаемъ, однакожь встрѣчаемъ пôзнѣйше въ Кіевѣ князя Станислава зъ роду Руриковатого, а въ грамотахъ Леоновыхъ читаемъ о князѣ якôмъ то Андреи Ярославичи, который межи боярами первое мѣстце занималъ[6]).

Области надъ Днѣстромъ, Днѣпромъ и Богомъ были при кôнци XIII. столѣтія поприщемъ кровавой борбы, которая межи Татарами, именно межи ханомъ Ногаемъ и верховнымъ ханомъ Кипчшака Токтаемъ возгорѣла. Ногай хотя Токтая надъ берегами Дону звитяжилъ, не мôгъ однакожь передъ переважными силами его остояти-сь, про то уступилъ за Днѣперъ, опустошилъ якій то великій городъ Кумъ (Кіевъ?)[7]) и построилъ юрту надъ Подôльскимъ Богомъ. Токтай слѣдовалъ Ногаеви, сразилъ ся и побѣдилъ его. Ногай зôсталъ збитый, а по его смерти орда его бôльшою частію розôйшла ся.

Жерела рускіи повѣдаютъ, що во время тыхъ кровавыхъ событій, недолго передъ побѣдою Токтая надъ Ногаемъ, творили Татары великое насиліе въ Кіевѣ. Митрополитъ Максимъ не мôгъ того стерпѣти, оставилъ Кіевъ и съ крилосомъ своимъ и съ всею службою своею ôтôйшолъ чечезъ Бранскъ и Суздаль въ Володимирь Клязьменскій. Жерело прибавляе, и „весь Кіевъ" т. е. всѣ жителѣ Кіевскіи розôйшли ся по немъ[8]). Князѣ Галицко-Володимирскіи не станули за обиду Кіева, они не мѣшали-сь въ домовіи межиусобицѣ Татаръ.

Въ теченю тыхъ событій житье князя Льва клонило-сь къ глубокôй старости.

Левъ воспитаный ôтъ нѣжныхъ молодецкихъ лѣтъ въ военныхъ подвигахъ, неутомимо предпріемчивый, умный и осторожный водж, питалъ

---

[6]) Рускій исторический сборникъ изданый Галицко-Рускою Матицею В II. грамота Льва князя Галицкого стор. 172 нр. 77.

[7]) Hammer-Purgstall Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak. Pesth 1840, на пôдставѣ монгольскихъ жерелъ стор. 772.

[8]) Исторія Россійска собраная и описаная Татищевымъ, книга IV. напечатана при императорскôмъ московскôмъ Университетѣ 1774. стор. 79. „тогоже лѣта (1299) Максимъ Митрополитъ не терпя насилія ôтъ Татаръ въ Кіевѣ, пойде зъ Кіева и весь Кіевъ розъидеся."

въ собѣ героичного духа предковъ своихъ Романа и Данила. Узнавши бѣдствія, якіи двозначное поступованье Данила насупротивъ Татаръ на подвластніи краи стягнуло было, зоставалъ Левъ ради политическихъ взглядовъ вѣрный дружбѣ и союзови съ Татарами. Онъ товаришилъ и вспомагалъ ихъ въ походахъ на Польщу и на Угры, и на отворотъ Татарская гвардія окружала Льва и помочніи Татарскіи полки служили ему на кождое призванье въ многихъ его военныхъ подвигахъ. Убезпечивши ся союзомъ и дружбою съ Татарами провадилъ Левъ частіи зачепніи войны съ Литвою и лядскими князями по найбольшой части въ цѣли розширеня своей державы и приобрѣтеня новыхъ земель отъ запада. При конци житя своего держалъ Левъ миръ съ околичными народами съ изъятіемъ двохъ помянутыхъ нападовъ на землю Люблиньскую и Судомирскую, въ которыхъ по всей вѣроятности не участвовалъ самъ, но заступилъ ся черезъ своего воеводу. Престрастный въ молодшомъ вѣцѣ своемъ, скорый до гнѣву и склонный насильно отмстити кривду або обиду свою, сталъ ся Левъ при конци житя своего лагоднѣйшій отъ ягняти. Любленый отъ своего народа въ временахъ мирныхъ печалилъ ся Левъ о благоустроенье землѣ своей, отбудовалъ на ново городъ Львовъ, розметаный за временъ Данила на желанье Татарского воджа Бурундая, взмоцнилъ го укрѣпленями и населилъ купцями зъ востока Сараценами, и зъ ганзеатскихъ городовъ прибывшими Нѣмцями. Посвятивши остатні дни житя богомолію, проживалъ передъ смертію въ горской околици вышь Старогомѣста надъ Днѣстромъ въ Спаскомъ монастырѣ. По примѣру многихъ рускихъ князей принялъ наконецъ тутъ, по всей вѣроятности не скорше, якъ на смертной постели, монашій чинъ и приказавши тѣло свое безъ всей внѣшной пышности отдати земли, въ р. 1301 скончилъ ся. Тѣло его перенесено зостало въ Лавровскій монастырь и ту въ церкви похоронено. По пожарѣ случившомъ ся ту въ року 1767 открыто въ каменной стѣнѣ двѣ домовины, обитіи многоцѣнными серебряными бляхами и украшени искусною рѣзьбою, на одной зъ нихъ вырѣзано было имя Льва[9]). Серебро перетоплено и употреблено на обновленье монастыря и церкви.

По смерти Льва наслѣдилъ сынъ того Юрій I. Львовичь, уже мужь въ доспѣлыхъ лѣтахъ. Онъ родилъ ся Льву зъ жены Кон- Юрій I.

---

[9]) Историческій сборникъ В. II. стор. 145. 163, 164. и пр. 74 в 67.

Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ червеной Руси. Сочиненіе Зубрицкого. Москва 1845. стор. 63.

Примѣчаніе. Грамота, находячая ся въ монастырѣ Лавровскомъ зъ р. 1292, свѣдчитъ, що сей монастырь еще передъ симъ годомъ построенъ и надѣленъ имѣнями великимъ княземъ Литовскимъ Лавріемъ Тройдановичемъ. Стрыйковскій пише, що онъ (Лаврукъ-Римондъ) укрывалъ ся въ Лаврищевскомъ монастырѣ надъ Нѣманомъ отъ него построеномъ, на иномъ мѣстци пише, що сей монастырь построеный Войшелкомъ Миндоговичемъ. Пчела зъ року 1849, стор. 259.

станціи, доньки короля Угорского Беллѣ, и окрещенъ былъ при кумѣ литовскôмъ князѣ Войшелку 1262[10]). Мы видѣли, що Юрій, коли пôдрôсъ, надѣленъ былъ осôбнымъ княженьемъ въ Холмѣ и Белзѣ. Року 1280 оженилъ ся Юрій съ дочерію князя Суздальского[11]). Зъ тои жены уродилъ ся ему сынъ, именемъ Михайло и еще дитятемъ року 1284 померъ. Тлѣнное тѣло того дитяти погребено въ церкви св. Богородицѣ въ Холмѣ городѣ[12]). Ту пребувалъ Юрій съ своимъ дворомъ за временъ Льва Даниловича. Если зауважемо, що Левъ женилъ ся съ Констанціею р. 1250, то Юрій, окрещеный року 1262 яко найстаршій сынъ Льва мôгъ числити при своемъ весѣлю 20, а при вступленю на тронъ княжескій по смерти ôтця своего 40 лѣтъ. Юрій уже за житя ôтця своего, будучи удѣльнымъ княземъ, управлялъ державными справами, предводилъ полками, и теперь яко дозрѣлый мужь, вступивши на Галицкій тронъ по ôтци своемъ, не уносилъ ся жаждою военнои славы, но миромъ и супокоемъ пользовалъ ся стараючи ся лишь удержати, сохранити и убезпечити тое достоянье, которое ему отець передалъ.

Въ сосѣднôй Польщи прогналъ король Вацлавъ II. Локетка зъ краю, здобулъ приклонніи ему городы и опановалъ не лише Кракôвскую и Судомирскую область, но и ôтцѣвство Локетка, княжества Сѣрадское и Куявское, приобрѣлъ такожь Великопольщу и присоединилъ Малопольщу до Великопольщи. Укоронованый въ Гнезнѣ примасомъ Архіепископомъ Гнезненьскимъ на короля польского оставилъ правленье въ Польщи намѣстникамъ чужоземскимъ, а самъ ôтъѣхалъ до Чехъ и бôльше до Польщи не подивилъ ся. По выѣздѣ Вацлава II. коли уже въ Польщи внутренній порядокъ утвердилъ ся, лицарство Судомирское и Любельское предприняло военный походъ, щобы передъ кôлькома лѣтами Русинами ôтъ Польщи насильно ôтôрваный городъ Люблинъ съ прилежачою землею ôтзыскати. Русины старались съ великимъ напруженьемъ силъ отримати-сь при посѣданю Люблина и довѣдавши-сь о предпріятію Ляхôвъ призвали Татаръ и Литовцѣвъ на помôчь. Где то недалеко ôтъ города Люблина соткнули ся противніи силы. Войска лядскіи сбили-сь въ клинъ, а рускіи съ татарскими и литовскими уставили ся въ видѣ полумѣсяця, но продолживши военную линію за много, ослабили осередокъ (центрумъ). Лядскіи полки вдаривши цѣлою силою боевою клина на центрумъ, проломали линію противникôвъ и совершенно ихъ побѣдили. Останки побѣдженыхъ бѣжали до Люблина и затворили-сь въ тôмъ городѣ. Люблинъ былъ добре Русинами убезпеченый; мѣсто и замокъ были валами обведени, а въ серединѣ укрѣпленя взносила-сь вежа, вы-

---

10) Ипат. лѣт. стор. 201.
11) Ипат. лѣт. стор. 209.
12) Ипат. лѣт. стор. 213.

ставлена зъ тесаного камѣня и оточена муромъ. Бѣглецами зъ поля битвы побôльшила ся засада Любельская значительно. Лядскіи войска обступили городъ и стерегли дуже старанно входы и выходы. Не было привозу живностей а нагромадженіи въ Люблинѣ харчевіи засобы не выстарчили для такъ надзвычайного числа осадженыхъ. Ляхове продолжали такъ долго осаду, поки голодомъ притисненіи Русины, условивши собѣ вôльный выѣздъ, мѣсто и городъ Ляхамъ побѣдителямъ не здали р. 1302[13]).

Въ четвертôмъ року по ôтзысканю Люблина Чехи ôтступили зъ Польщи. Вацлавъ II. умеръ 1205. Вацлавъ III. зôсталъ пôдчасъ военныхъ приготовленій на Польщу, якимъ то до сихъ поръ не извѣстнымъ человѣкомъ въ Олумуцу забитый, а Локетокъ вспоможеный вплывомъ папы Бонифація и собравши въ Installed Уграхъ людей не много, вернулъ до Польщи, где нарôдъ тисненый Чехами, томилъ ся въ слезахъ и въ воздыханю. Угры служившіи Локетку заняли Бьечь, замокъ съ прилежачою областію Бьецкою, где по всей вѣроятности властитель того Муската Силезанецъ возворотови Локетка опиралъ ся. Владиславъ Локетокъ здобилъ Вислицу; такожь волости польскіи, именно Судомирская, Сѣрадская и Куявска ôтгорнули-сь ôтъ Чехъ и повернули до Локетка, яко до свого природного пана. По смерти Вацлава III. опустили Чехи Краковъ передъ переважною силою Локетка, зôставивши по собѣ слѣды; именно запровадили монету Ческую, такъ звани пражски грошѣ и збудовали мѣсто Новый Сандецъ межи двома рѣчками на мѣстци села Каменца, власности епископа Краковского[14]). Епископу Краковскому вынадгороджено потому ôтступленьемъ замку и землѣ Бьецкой. Юрій I. не бралъ здае ся въ тыхъ внутреннихъ движеняхъ Польщи ніякого участія. По смерти Мстислава, князя Володимирского соединилъ ôнъ Володимирское княжество съ Галицкимъ, а сыну того Данилу ôтдалъ[15]) вѣроятно землю Холмскую. Соединеньемъ Галицкого княжества съ Володимирскимъ и всѣми къ тому принадлежачими землями, сталъ ся Юрій I. могучимъ владѣтелемъ, принялъ подôбно дѣду своему Данилу титулъ короля руского и князя Володимирского и съ короною на головѣ и съ скиптромъ въ руцѣ засѣдалъ на тронѣ[16]).До славы и величества рускои державы недоставало еще присутствія руского митрополита, который бы, обитаючи въ предѣлахъ руской державы въ Кіевѣ або въ ко-

---

13) Kojałowicz historiae Litvaniae pars prior. Wilnae 1650 p. 224. Długosz ut supra L. IX. p. 900, 901.

14) Miechowita L. IV. et Długosz.

15) Написъ на Евангеліи. Описанье рускихъ и словеньскихъ рукописей Румянцовского музеа. Евангеліе пôдъ Ч. CVI. зветь Іоана сына Данила князем Холмскимъ.

16) Такъ по крайной мѣрѣ изображенъ Юрій I. на печати, находячой ся при однôмъ зи дипломатôвъ рускихъ въ Кенигсбергскôмъ архивѣ; Карамзинъ IV. стор. 87. прим. 204.

торомъ зъ столечныхъ рускихъ городовъ, надавалъ тронови блеску, вспиралъ бы светскую власть князя своимъ вліяньемъ, стерегъ и надзиралъ бы устройство церковное, и щобы клиръ и прочіи подданы рускои державы не принужени были относити-сь въ справахъ найсвятѣйшихъ, бо въ справахъ сумлѣня до митрополита обитаючого далеко за предѣлами державы, и спріяючого часто интересамъ чужого владѣтеля.

Князѣ Галицко-Володимирскіи розпросторонивши владѣнье свое по Днѣперъ и подчинивши Кіевъ своей верховной власти, мали вліянье на выборъ руского митрополита. Такъ посылалъ Данило Кирила р. 1250 на поставленье въ Кіевского митрополита до Царгорода[17]). Кирилъ вернувши зъ Царгорода видѣлъ столицю свою Кіевъ розрушену Татарами; прото не хотѣлъ пребывати въ Кіевѣ, но отправилъ ся на сѣверную Русь, пребывалъ часто въ Володимирѣ на Клязмѣ, и инiи стороны рускiи отвиджовалъ, по своему званію учащи и наказуючи. Онъ умеръ въ Переяславѣ залѣскомъ, а тѣло его было отвезено въ Кіевъ, где въ Кіево-софійскомъ соборѣ спочивае. По смерти Кирила 1281, освяченъ былъ въ Царгородѣ на митрополита Кіевского якій-то Максимъ въ р. 1283. Максимъ вернувши зъ Царгорода пребывалъ до року 1299 въ Кіевѣ, зъ оттамъ отойшолъ зъ причины второго опустошеня Кіева Татарами, до Володимира Клязменьского, где умеръ 1305, и не въ Кіевѣ, но въ Володимирѣ Клязменьскомъ въ соборной церкви Андрея Боголюбского былъ похороненый. По смерти Максима игуменъ Володимирскій Геронтій принялъ былъ титулъ митрополита, но еще посвященя отъ Царгородского Патріарха не отрималъ былъ. Князѣ Галицко-Володимрскіи оскорблени тымъ, що митрополиты Кіевскіи удалили-сь въ сѣверную Русь, не хотѣли лишити-сь церковного преимущества, которое отъ запроваджения вѣры Великимъ князямъ въ Кіевѣ принадлежало. Про то стали Галицко-Володимирскіи князѣ думати, якбы у себе новую рускую митрополію учредити и у Царгородского Патріархи о возвышенье епископовъ Галицкихъ на митрополитовъ усильно домагали-сь. Въ одной поважной грамотѣ вспоминае ся Нифонъ яко первый Галицкій митрополитъ[18]). По Нифонтѣ вторымъ митрополитомъ Галицкимъ поставленъ былъ за стараньемъ князя Юрія I. Львовича св. Петръ. Петръ, сынъ Теодоровъ, родилъ ся на Волыню и принялъ монашій чинъ въ тринадцятомъ роцѣ житя своего. Онъ выучилъ ся мальованя образовъ, обходилъ окружніи пустинніи обители, и знайшолъ безмолвное мѣсто на рѣцѣ Ратѣ[19]), которое собѣ сподобалъ

СВ. ПЕТРЪ.

---

[17]) Ипат. лѣт. стор. 185.

[18]) Листъ Казимира короля Ляхiи до Царгородского Патріархи. Acta patriarchatus Constantinopolitani T. I. edidit Miklosich et Müller.

[19]) Древній монастырь на рѣцѣ Ратѣ стоялъ на горѣ въ селѣ, назвавомъ Спаське, иначе Дворце Жолковского округа, где еще до днесь полянка на правомъ березѣ

и ту обитель собѣ построилъ. Слухъ о его цнотахъ рознѣсъ ся по всей сторонѣ и дойшолъ до самого князя. Случило-сь, що митрополитъ Максимъ переходилъ черезъ оную землю. Св. Петръ явилъ ся передъ митрополитою, щобы благословленье ôтъ него приняти и принѣсъ ему въ дарѣ образъ св. Богородицѣ, который самъ намальовалъ.

По смерти митрополита Максима князь Юрій I. усильно намовлялъ многими добродѣтелями по всей сторонѣ прославившого ся Петра, щобы пôйшолъ до Царгорода и у Патріархи осôбного митрополита для южной Руси упросилъ. Петръ приклонилъ ся до мольбы князя и поѣхалъ до Царгороду. Князь безъ вѣдомости Петра просилъ Патріарха, въ письмѣ врученôмъ Петру, щобы его самого на митрополиту поставилъ[20]). Петръ былъ Патріярхомъ Атаназіемъ на митрополиту посвяченый, приѣхалъ до Кіева, но увидѣвши тую первѣстную столицю митрополичу Татарами опустошеную, оставилъ ю року 1309[21]), и переселилъ ся по примѣру своего попередника до Володимира Клязменьского. Ту уступилъ Петру суперникъ его Геронтій, игуменъ Володимирскій, который якъ мы сказали, титулъ митрополита былъ собѣ присвоилъ. Великій князь Московскій Іоанъ Калита понималъ всю важнôсть духовной власти митрополита и вымôгъ ласками и мольбою у Петра, що той переселилъ ся въ столицю великого князя въ Москву, которая ôтъ того времени сдѣлала-сь митрополичею столицею. По желаню Петра положилъ Іоанъ Калита въ Москвѣ камѣнное основанье церкви пресв. Богородицѣ. Вѣрный своему званію не переставалъ Петръ ходити по всей руской земли, щобы устрояти дѣла церковніи, ставити епископôвъ и митрополитôвъ и спорячихъ князей лагодити. Ôнъ умеръ 21. Декемврія 1326 р. а церковь святая причислила го къ лику святыхъ. Тѣло его нетлѣнное спочивае въ Москвѣ въ храмѣ Успеня а память его обходитъ ся 5. Октоврія и 21. Декемврія[22]).

Съ изъятіемъ вôйны съ Поляками о Люблинѣ въ року 1302, которая якъ мы видѣли, утратою Люблина скôнчила ся, непровадилъ Юрій по всей вѣроятности ніякой вôйны до року 1311, но жилъ въ згодѣ и мирѣ съ посторонными народами; по крайной мѣрѣ при недостатку источникôвъ рускихъ, жерела польскіи и литовскіи о якôй вôйнѣ посторонныхъ державъ съ княземъ Галицко-Володимирскимъ ничого не вспоминаютъ. Земля Волыньская, т. е. княжество Галицко-Володимирское, была тогды въ своей

рѣчки Рати, принадлежачая до тамошной приходской церкви, Петровою долиною называе ся. Зри историческій Сборникъ; Выпускъ III. прим. 7.

[20]) Житіе св. Петра Метрополита сочинене Митрополитою Кипріаномъ напечатано въ Степенной книзѣ. Зри ист. Сборникъ В. III.

[21]) Татищевъ Т. IV. стор. 88.

[22]) Татищевъ Т. IV. стор. 117.

чести „всякимъ обильствомъ и славою преимуща"[23]). Такъ было въ временахъ побыту Петра св. на Ратѣ передъ поставленьемъ его на митрополита Кіевского, такъ и по возвышеню его на митрополита и ôтъѣздѣ зъ Кіева. Нема жадного обстоятельства, зъ которого бы о заколоченю мира и глубокой тишины заключити можна. Въ тіи мирніи времена выдалъ князь Юрій доньку або внучку свою Марію замужь за Тройдена, молодшого сына Болеслава, князя Мазовецкого, умершого р. 1313. Сынъ зъ того малженьства Болеславъ Тройденовичь оженилъ ся р. 1331[24]) съ дочкою тогдашного великого князя Литовского Гедымина, а если передположимъ, що въ тôмъ роцѣ Болеславъ по крайной мѣрѣ 20 лѣтъ числилъ, то уже року 1311 повиненъ былъ уродити ся.

Ôтъ року 1311 приближала ся грозная туча на историчнôмъ небосклонѣ чимъ разъ бôльше къ предѣламъ Галицко-Володимирской Руси. Рицарѣ нѣмецкого ордина загадали здобити Жмудь, выломившую ся зъ пôдъ власти ихъ еще року 1299. Жмудь вспомагана соплеменниками Литовцями въ борбѣ съ нѣмецкимъ ординомъ, пôддала-сь наконецъ Литовскимъ князямъ. Долготрвалая борба вела ся межи В. литовскимъ княземъ Витенесомъ и рицарями нѣмецкого ордина. Литовцѣ находили краи нѣмецкого ордина, рицарѣ пустошили Литву. Еще до року 1311 провадила-сь вôйна въ ôтдаленю ôтъ предѣлôвъ Галицко-Володимирской Руси, поки не переселила-сь въ землю рускую, пôдвластную Литвѣ и рицарѣ Нѣмна не перекрочили. Въ роцѣ 1312 по первый разъ рицарѣ переступили Нѣменъ и спалили Городно. Въ роцѣ 1314 встремили-сь черезъ пущѣ Наднарваньскіи по при Городно ажь въ землю древнихъ словяньскихъ племенъ Кривичей и посунули ся пôдъ Новгородокъ[25]). Той разъ кôнчило ся дѣло на неудачи. Каштелянъ Гартеньскій т. е, Городна уборонялъ край; такожь засада Новгородка боронила-сь мужественно. Нѣмцѣ не могли здобити замку въ Новгородку, опустошили окрестности и съ великою утратою ôтступили назадъ. Юрій І. вѣрный политицѣ своего дѣда Данила и ôтця Льва жилъ съ рицарями въ тѣсныхъ дружелюбныхъ ôтношеняхъ. Споводованый незнати якими близшими причинами, вспиралъ ôнъ рицарій ôтъ того времени, ôтколи стали-сь Литва и ей рускіи области поприщемъ военныхъ дѣяній. Юрій І. дѣлалъ напады на землю Новгородка по всей вѣроятности въ порозумлѣню и современно съ нѣмецкими рицарями[26]).

---

[23]) Житіе св. Петра якъ высше.

[24]) Długosz L. IX.

[25]) Dusburg Chronica pag. 181. Jenae M. D. C. XXIX. „hoc anno mense Septembri idem frater Henricus Marschalcus cum omni virtute exercitus sui venit ad terram Crivitiae et civitatem illam, quae parva Nogardia dicitur, coepit et funditus destruxit."

[26] Stryjkowskiego kronika. Księga XI. str. 247. Wołyńscy książęta „do litewskich powilejskich dzierzaw i Nowogrodzkich najazdy miasto pomocy czynili." —

Теперь кôнчило-сь блаженьство, въ которымъ Галицко Володимирская Русь за часôвъ Юрія I. проживала. Року 1315 насталъ голодъ въ Польщи и на Руси[27]), пануючій пôдля Новгородскихъ жерелъ[28]) уже року 1314. Лютая зима протягнула ся глубоко въ весну, сбôже зôпрѣло „избы мразъ всяко жито и бысть дорогость люта"[29]). Литовское жерело[30]) оповѣдае, що черезъ два лѣта, рôкъ по року тое бѣдство потворило-сь, по чемъ настала страшная зараза. Тая трвала цѣлый рôкъ и не шановала ни вѣку ни полу. Люде живили-сь найогиднѣйшими рѣчами. Самая внѣшная природа якъ бы сприсягнула-сь. Велика комета появила ся на небѣ, хвостомъ къ Италіи обернена; а оселедцѣ зъ надбережа бальтицкого моря ôтдалили ся. Наконецъ усталъ гнѣвъ божій, нивы выдали зновъ плоды, но рукъ людскихъ для ихъ оброблення нестало[31]).

Напады нѣмецкихъ рицарей и князя Володимирского Юрія I. на землѣ Новгородка навлекли вôйну Литвы на князя Юрія. Року 1315 В. князь литовскій Витенесъ выступилъ збройно противъ рицарей нѣмецкого ордина, обѣжалъ нѣмецкій замокъ Рагниту, а въ Вересню облягъ Христомемель. Однакожь нездобивши замку, пополонилъ окрестности и передмѣстя и умеръ на дорозѣ до дому, ударенный перуномъ. Три мѣсяцѣ перейшло, нижели явилъ ся самъ Гедыминъ въ Керновѣ, и засѣлъ на стôльци Великого княжества литовского. Гедыминъ былъ въ тôмъ времени затрудненый въ рускихъ областяхъ вôйною. Коли Витенесъ облягалъ Рагниту и Христомемель, вырушилъ былъ Гедымимъ противъ князя Галицко-Володимирского и здобилъ городы его Дрогичинъ и Бресть. Юрій I. уступалъ, а Гедыминъ гналъ за немъ, явилъ ся передъ городомъ Володимиромъ и осадилъ тойже. Юрій I. вспоможеный Татарами, поспѣшилъ Володимирцямъ на помôчь. Передъ лицемъ города наступила запальчивая битва. Руская кôнниця уступила въ задъ стревожена ударомъ пѣшихъ. Надармо намагалъ ся Юрій I. съ малымъ почтомъ своего лицарства, убѣгаючихъ вспинити и розрушени шики востановити. Выполняючи обовязки хороброго воина и доброго воеводы, ставлялъ Литовцямъ такъ долго грудь свою, поки самъ забитый на поли битвы не лишилъ ся. Володимирцѣ возопили голоснымъ стономъ. Битва кôнчила-сь розбитьемъ славы и силы Галицко-Володимирского княжества! Ажь теперъ Гедыминъ поспѣшилъ до Кернова, бы приняти тронъ ôтця своего, однакожь явилъ ся тутъ ажь въ Януари р. 1316, т. е. въ третôмъ мѣсяци по смерти ôтця[32]). Не можемо допустити, що уже ôтъ теперь князѣ и бояре

---

[27]) Anonymus Gnesnensis a. 1315. Długosz ad a. 1315.
[28]) Новгородска лѣтопись въ полнôмъ собранію руск. лѣт. Т. III. ст. 48. и Псковская Т. IV. подъ р. 1314.
[29]) Новгородская кроника стор. 48. Т. III.
[30]) Stryjkowskiego kronika litewska, Księga X. st. 328.
[31]) Stryjkowskiego kronika ut supra. Anonymus Gnesnensis et Długosz.
[32]) Narbutt na podstawie Radwańskiego rękopisu T. IV. st. 466.

Волыньскіи великому князю Гедымину чоломъ били, абы въ нихъ пановалъ и господарилъ[33]).

Тое предположенье ôтносили Литовцѣ до описаной побѣды Литвы надъ Русію въ времена спора съ Польщею о посѣданье Волыня, который, якъ пôзнѣйше узримо по прикороченю династіи Романовичей Польща насупротивъ Литвы собѣ присвояла, — щобы таки доказати, що Литва давнѣйшое мае право до Волыня, и що Гедыминъ завоевалъ той край, нижели еще Поляки о такôмъ предпріятію гадали. Однакожь если мы на пôдставѣ важныхъ дипломатôвъ[34]) оспориваемъ вышь наведенное поданье литовскихъ жерелъ, якобы уже Литва въ оніи времена Волынь завоевала, то однакожь перечити нехочемъ, що Гедыминъ въ слѣдство побѣды пôдъ Володимиремъ здобилъ и ôторвалъ ôтъ Галицко-Володимирскои Руси важніи краи, именно землю Берестейскую и княжество Туровско-Пинское на Припети ажь такъ далеко, где она въ Днѣперъ вливае ся[35]). Ту увагу читателя звертаю на обстоятельство, що литовскіи жерела князя погибшого пôдъ Володимиремъ городомъ называютъ Володимиромъ. Однакожъ Юрій І. Львовичь носилъ по обычаю тогдашного времени еще имя другое славяньское Володимира Львовича[36]).

---

33) Kronika Bychowca str. 15 w pomnikach do dziejów Litewskich Narbutta.

Стрыйковскій розказуе, що тое дѣяло ся 2 разы. И такъ по битвѣ пôдъ Володимиремъ: „Wołyńcy przysięgę posłuszeństwa czynią," другій разъ, по прогнаню Льва, „bojarowie i czerń księciu litewskiemu z wszystkim księstwem łuckim i przygrodzkami poddają się."

34) Слѣдуючія дипломата доказуютъ, що еще по Юрію І. княжили Левъ II., Андрей и Юрій II. Narbutta IV. dodatki. Карамзинъ Т. IV. Исторія государства россійского, nota 276. Voigt codex diplomaticus Prussicus. T. II.

Diploma. 1) Andreae et Leonis II. 1316 in Lodomeria, 2) Georgii II. 1325. 3) Andreae 1320. 4) Грамота Юрія II, 1327 выдана въ Володимирѣ Магистру Вернеру есть повтореньемъ грамоты зъ р. 1316. 5) Грамота Юрія II. зъ р. 1334 выдана зъ Львова. 6) Грамота Юрія II. зъ року 1335 выдана въ Володимирѣ.

35) Въ однôмъ жерелѣ литовскôмъ выразно читае ся. (Stryjkowskiego kronika st. 364. ks. XI.) „Pinsko ze wszystkiemi okolicznemi przyległościami nad Przypęcią rzeką aż dosięgającemi, dostał był Gedymin wojną pod Włodzimirzem, ruskiem kniaziem."

36) 1) Историческій Сборникъ Галицко-руской Матицѣ, где слѣдуючое важное приводитъ ся извѣстіе. См. Карамзина Исторію Т. IV. Описаніе Кіевософ. Собора. „Митрополитъ Евгеній называетъ современого Петру св. Волыньского князя Володимиромъ Львовичомъ."

2) Многіи писателѣ приняли, що Володимиромъ зове ся Андрей и що Андрей убитъ пôдъ Володимиромъ а Левъ пôдъ Кіевомъ; тогды-бы война Гедемина съ Володимиромъ собыла ся въ р. 1324 бо ажь до сего року Андрей жіе. Lege relat. Wladislai Loket. ad papam ex. a. 1324. Зъ документу: Theineri monumenta Poloniae et Lithvaniae T. I pag: 162. явно, що въ Януаріи 1320 Кіевъ былъ пôдъ литовскимъ владѣніемъ. Левъ уже въ документѣ зъ року 1320 (diploma Andreae) не упоминае ся.

По смерти Юрія I. наслѣдили два сынове его Андрей и Левъ II. Оба прозываютъ ся: Андрей и Левъ Божію милостію, князь всеи землѣ Рускои, Галиціи и Володимиріи. Тое означае, що землѣ обохъ князей совокупно всю южную Русь представляли. Столечнымъ городомъ ихъ былъ еще всегда Володимирь. Андрей употреблялъ печати ôтця своего Юрія I., о которôй мы передже вспоминали. Ôнъ былъ старшимъ сыномъ и наслѣдилъ въ Галицкôмъ и Володимирскôмъ княжествахъ, а Левъ держалъ Луцкъ яко удѣльное княжество, которое може быти тогды ажь по окрестности завоеваніи Гедыминомъ т. е. ажь по землю Берестейскую и Пиньщину розтягало ся. Коли ино Гедыминъ вернулъ ся до Литвы, князь Андрей и Левъ загадали знова ôтзыскати землю Берестейскую и княжества Пинскіи, которіи былъ здобилъ Гедыминъ на князѣ Юріи I. Андрей и Левъ заключили дня 10 Серпня 1316 за посредничествомъ ихъ сродника Сигегарда[37]) Шварцбургского, Коммандора зъ Берглау союзъ съ Пруссами, обовязали-сь владѣнія Прускіи предъохороняти ôтъ Татаръ и ôтъ всякого иного напастника боронити. Пôдъ симъ напастникомъ розумѣе ся по всей вѣроятности Литва. Уговоръ рускихъ князей съ нѣмецкимъ ординомъ противъ Татаръ былъ отвертый, насупротивъ Литвы тайный, условія были просторонно означени въ подлиникахъ и преданыхъ Сигегарду[38]) грамотахъ, которіи до сего времени не суть обнародвленіи. Належитъ примѣтити, що Татаре вспомагали еще пôдъ Володимиромъ князя Юрія I.; однакожь они первіи опустили поле битвы. По всей вѣроятности уже ôтъ тогды Гедыминъ ôтчужилъ Татаръ Рускимъ князямъ и старалъ ся о пріязнь Татарскихъ ханôвъ[39]). Ôтъ тогды множатъ Татарскіи помочніи полки военну силу Гедымина и ôтзначаютъ ся своею вѣрностію и хоробростію.

АНДРЕЙ И ЛЕВЪ II.

Въ року 1316 нагромадили-сь великіи бѣдства на Литву. Рицарѣ нѣмецкого ордина соединили-сь съ рицарями инфлятскими. Первіи здобыли городы Жмудскіи, Юрбургъ и Кунасôвъ, т. е. пôзнѣйшое Ковно, збурили

---

[37]) Того Сигегарда прозываютъ князѣ Андрей и Левъ своимъ сродникомъ „religiosus vir frater Sigehardus consaguineus noster.“ L. diploma Andrae et Leonis d. a. 1316.ut supra. Яко доводъ тѣсныхъ сношеній межи Русинами и рицарями прускими най служить слѣдуючее извѣстіе у Мѣховиты д. р. 1335., що межи командорами пруского ордина былъ такожь одинъ Русинъ. „Henricus Ruthenus Provincialis Culmensis.“

[38]) Diploma Andreae et Leonis d. a. 1316. ut supra: „prout in instrumentis et pactionibus super hoc confectis plenius est expressum.“

[39]) Пôсля Нарбутта служили Татаре еще князямъ Галицко-Володимирскимъ Юрію и Льву року 1316. Въ року 1317 служатъ они по словамъ того самого историка Гедымину противу рицарямъ нѣмецкого ордина въ битвѣ пôдъ Берсулою, которая дуже нещастно для рицарей кôнчила ся.

Мѣдницу, а вторіи опановали Курляндію. Другимъ наворотомъ вторгну.. рицарѣ еще того самого року въ осени такъ глубоко въ Литву, якъ еще передъ тымъ николи не бывало.

Жерело Литовское росказуе тое самое событіе два разы, разъ на пôдставѣ рускихъ[40]), другій разъ на пôдставѣ литовскихъ источникôвъ[41]). Съ ôттамъ довѣдуемъ ся, що рицарѣ подѣливши ся на загоны, попустошили многіи, до сихъ поръ ненарушени повѣты Литвы и наконецъ замокъ Гедымина Кернôвъ здобути покушали ся. Засада Кернôвска передъ остережена, запалила великіи купы соломы, щобы о подаль дѣйствуючіи полки литовскіи о пришествію непріятеля узнали, и борола-сь такъ мужественно, що рицарѣ не осягнувши цѣли своей ôттягнули. Дѣяло ся тое на свято св. Матеуша або 21. Септемврія (Вересня) року 1316. Для чогоже Гедыминъ по словамъ жерела Литовского[42]) не мôгъ зôбрати достаточныхъ силъ и сточити битвы противу насильной навальницѣ Прусскихъ рицарей? Для чого не мôгъ оборонити Жмуди и заслонити передъ Нѣмцями сердця своей державы?

Нападъ на Жмудь собылъ ся по смерти Витенеса, нижели еще Гедыминъ повернулъ до дому, а по крайной мѣрѣ нижели еще на тронѣ дома былъ усталилъ ся. Вторый нападъ на Кернôвъ и стороны Надвилейскіи собылъ ся очевидно въ порозумлѣню съ рускими князями. Въ слѣдство заключеного договора съ нѣмецкимъ ординомъ вторгнулъ современно князь Левъ зъ другой стороны глубоко въ окрестности Надвилейскій, для того Гедыминъ, принужденый обернути свое оружіе на Льва, князя Луцкого, не мôгъ съ добрымъ успѣхомъ противу рицарямъ дѣйствовати и землѣ свои передъ опустошеньемъ скуточно защищати. Левъ выпертый былъ зъ сторонъ Надвилейскихъ[43]), а городы Дрогичинъ и Бресть, которыми былъ завладѣлъ[44]), здобыли Литовцѣ по вторый разъ. Гедыминъ двигнулъ войска свои на Льва, князя Луцкого, побѣдилъ его легкіи, на борзѣ зôбраніи полки и занялъ Луцкъ; Левъ покинувши свою ôтчину побѣгъ за Днѣперъ въ Сѣверщину до якого-то князя Бряньского[45]).

---

[40]) Stryjkowskiego kronika księga XI. str. 343.

[41]) Ibidem 266, 267.

[42]) Stryjkowskiego kronika str. 266, 267-

[43]) Narbutta dzieje narodu litewskiego. T. IV. str: 471. „Lew Jurjewicz ze stron Nadwilejskich wyparty 1316. Пôдля того историка боронилъ Пинщину передъ рускими князями литовскій князь Давидъ, знаный въ хроникахъ прускихъ пôдъ именемъ Каштеляна Гартейского т. е. Городеньского.

[44]) Stryjkowskiego kronika ks. XI. str. 348. Gedymin ciągnął przeciw Lwowi łuckiemu „dlatego iż Drohiczyn i Brzescie litewskie był odjął w czas wojny krzyżackiej.“ —

[45]) Kronika Stryjkowskiego i Bychowca str. 15. Пôдля Стрыйковско и Быховця хроники побѣдилъ Гедыминъ князя Володимира и Льва одымъ заходомъ въ р. 1316.

Въ лѣтѣ 1317 Гедыминъ затрудненый былъ ôтпорною вôйною съ рицарями прускими. Року 1318 былъ супокôй межи Литвою и Пруссами; року 1319 побѣдилъ Гедыминъ рицарей совершенно пôдъ Берсулою[46]) и заразъ потôмъ заключилъ съ ними дволѣтный миръ. Рицарѣ зрекли-сь своихъ притязаній до Жмуди. Тогды ажь Гедыминъ мôгъ снова обернути свое оружіе на южную Русь, и розпочати наступчивую вôйну, которую жерело руско-литовское просторонно оповѣдае[47]).

Въ тôмъ времени преобладнули чужіи народы надъ рускимъ племенемъ. Многи рускіи области по за предѣлами Галицко-Володимирскои Руси узнавали верховную власть Литвы. Литовскіи князѣ правили майже всею землею давныхъ словяньскихъ Кривичей и Дреговичей, а навѣть городы, славившіи ся за давныхъ временъ самостоятельностію, н. пр. Полоцкъ, пôддавали ся Литвѣ, або призывали до себе князей Литовскихъ, якъ н. пр. Псковъ, щобы ôтъ притисняючихъ ихъ инфлантскихъ рицарей оборонити ся. Новгородъ тисненый ôтъ Шведôвъ здалъ ся покровительству великихъ князей Московскихъ. Прочіи городы и землѣ за Днѣпромъ и на Днѣпрѣ пôдвластни были Татарамъ. Татаре близшіи себе городы н. пр. Бряньскъ, Стародубъ утискали срôзше, дальшіи же, н. пр. Витебскъ, Смоленскъ меньше угнетали. Князѣ Володимиря клязменьского, Тверскіи и Московскіи спорили межи собою о достоинство велико-княжеское, ажь наконець р. 1319 Георгій Даниловичь Московскій за вліяньемъ Татаръ сталъ ся великимъ княземъ и верховалъ р. 1319 надъ всѣми сѣверорускими княжествами. Князѣ сѣверной Руси спорили межи собою и мирили-сь на съѣздахъ княжескихъ, якіи въ южной Руси за временъ Мономаха ôтбывали-сь. Были еще городы, которіи ни до Литвы не належали, ниже въ системѣ сѣверорускихъ князей участвовали; такъ безъ сомнѣнія цѣлая Сѣверщина, т. е. княжества: Черниговское, Брянское, Стародубское и пр.

Гедымина военніи успѣхи затревожили южную Русь и справедливо! Гедыминъ умножилъ былъ пріобрѣтеня своихъ предкôвъ; ôнъ здобылъ на Юрію I. якъ мы видѣли землю Берестейскую и Пинскую и ослабилъ значительно Галицко-Володимирскую державу. Прогнавши Льва зъ удѣльного княжества его Луцка, приѣхалъ до новопріобрѣтеного руского города

Если устоить ся, що Юрій I. а никто иный, лягъ на поли битвы пôдъ Володимиремъ, тогды никто не заперечитъ, що похôдъ на Володимира собылъ ся скорше, а похôдъ на Льва принайменѣй о 7 мѣсяцей пôзнѣйше, т. е. въ Серпню року 1316, бо еще 10. Серпня перебывае Левъ разомъ съ Андреемъ въ Володимирѣ, обозявуючи-сь защищати краи нѣмецкого ордина передъ Татарами и передъ всякимъ непріятелемъ.

[46]) Пôдля Dusburg. 32. Juli r. 1320, пôдля Narbutta r. 1319.

[47]) Pomniki do dziejów litewskich Narbutta (kronika Bychowca). str. 15. 16.

Брестя и ту приготовлялъ въ всей скрытости военную выправу на осередокъ древной южной Руси Кіевъ. На Кіевскôмъ княжествѣ сидѣлъ тогды осôбный князь зъ роду Руриковичей, якій-то Станиславъ, ôтъ которого литовскіи жерела пôзнѣйшихъ Рязанскихъ князей произвести намагаютъ ся. Пôдля тыхъ жерелъ былъ Левъ Луцкій тестемъ тогдашного князя Бряньского[48]), до которого зъ Луцка передъ Гедыминомъ былъ убѣгъ. И отъ являютъ ся яко помôчники Станислава князя Кіевского, князѣ Заднѣпровскіи, князь Переяславскій и прогнаный зъ Луцка князь Левъ и князь Бряньскій. Гедыминъ призвалъ зъ Брестя всѣ свои силы, Литовскіи, Жмудскіи и рускіи[49]), и рушилъ въ другую недѣлю по великодни року 1319 на княжество Кіевское. Насамперѣдъ здобылъ крѣпкій, на горѣ положеный замокъ города Овруча, и натеръ на Житомирь, где много бояръ княжества Кіевского было заперло ся. Гедыминъ осадилъ и здобылъ насильно Житомирь, а потôмъ встремилъ ся къ Кіеву. На рѣцѣ Ирпенѣ на рôвнôмъ поли пôдъ Бѣлогородомъ, шѣсть миль ôтъ Кіева зôткнулъ ся съ войсками Станислава князя Кіевского и помôчными силами князей сѣверскихъ, именно князя Бряньского, Олега Переяславского и прогнаного зъ Луцка князя Льва Луцкого. Сѣча была велика, наконецъ преодолѣлъ Гедыминъ. Побѣжени утекли; Станиславъ Кіевскій съ малою дружиною разомъ съ княземъ Бряньскимъ, а Левъ Луцкій ôтзначивши ся въ тôй битвѣ достойнымъ мужествомъ, разомъ съ Олегомъ Переяславскимъ полягли на поли битвы. Лише надходячая нôчь и прилежачіи лѣсы сокрыли останки побѣдженыхъ войскъ передъ совершеною погибелію. Гедыминъ поступалъ дуже скоро къ Кіеву и оступилъ городъ Бѣлгородъ. Горожане видячи, що господарь (князь

---

[48]) 1) Въ именахъ и подробностяхъ литовскіи жерела ошибаютъ ся. Въ Бряньску не княжилъ тогды Романъ. Василій княжилъ р. 1310, выгнавши своего дядю а внука Романа, Святослава за помочію Татаръ. Святославъ легъ на мѣстци битвы. Василій, князь на Бряньску умеръ р. 1314 (Татищевъ). Року 1334 княжилъ въ Брянску якій-то Димитрій, которого происхоженя Карамзинъ не знае. Насупротивъ тому говоритъ Татищевъ, що князю Святославу Бряньскому наслѣдилъ Глѣбъ, убитый въ Бряньску 1340. Може быти, що были двѣ линіи Брянскихъ князей.

2) Въ Рязани княжилъ не Олегъ, якъ кроника Стрыйковского и Быховца сказуе, но Іоанъ Ярославичь, на которого мѣстце посадили Татаре 1328 сына его Іоана Коротопола + 1343. Современно княжилъ обокъ князей Рязаньскихъ якій-то Александеръ Проньскій. Отъ него начинае ся другая линія князей Рязаньскихъ. Его происхоженія не знаемъ. Въ Черниговскôмъ княжествѣ, до которого вѣроятно и Переяславль причислялъ ся, княжатъ три линіи. Межи князями другои линіи читаемъ въ тôмъ времени также имя Олега. Быховца кроника зве современного князя Рязаньского Ивана. Той будучи въ великой старости призвалъ Станислава Кіевского къ собѣ и далъ ему дочку свою Ольгу, и Станиславъ по смерти его былъ великимъ княземъ Рязаньскимъ.

[49]) Bychowca chronika. Stryjkowski: додае еще и Новгородскіи силы, но несправедливо. Новгородъ узнавалъ тогды верховную власть князей Московскихъ.

ихъ) побѣгъ, и войско все на голову поражено, передали ся побѣдителю вразъ съ городомъ. Принявши ôтъ горожанъ Бѣлгородскихъ присягу вѣрности, двигнулъ ся Гедыминъ съ всѣми силами къ Кіеву. Кіевъ нехотѣлъ пôддати ся, про то Гедыминъ обсадилъ тойже черезъ мѣсяць. Кіевъ, переполненый жителями, а при тôмъ умноженый воинами, которіи по битвѣ надъ Ирпенею шукали внутръ укрѣпленій Кіева своего прибѣжища, постановилъ опирати ся. Горожане Кіевскіи зразу боронили ся, но наконецъ одномышленно здумали пôддати ся, поеже не было надѣи на помôчь ôтъ князя Станислава, который убѣгши, ажь въ Бряньску опинилъ ся, и о власныхъ силахъ великому князеви Гедымину устояти-сь было не возможно. Отворено ворота городскіи. Высшіи духовніи бояре и горожане Кіевскіи выйшли противъ Гедымину, вдарили передъ нимъ чоломъ, учинили присягу и зъобовязали ся ему служити[50]). Тое собыло-сь еще въ лѣто передъ рокомъ 1320. Скоро ино Кіевъ Гедымину пôддалъ ся, покорили-сь и пригородки Кіевскіи Вышгородокъ, Слѣповрôтъ, Каневъ и Черкассы. Наконецъ городъ Переяславъ утративши князя въ сраженію надъ Ирпенею по примѣру Кіева и Кіевскихъ пригородкôвъ пôддалъ ся великому литовскому князю. Пôдля гдекоторыхъ жерелъ Гедыминъ поступилъ далеко за Днѣперъ, прогналъ князя Кіевского Станислава зъ Бряньска до Рязаня и завоевалъ тымъ чиномъ Сѣверщину ажь по за Брянскъ и Путивль[51]). Такъ Литовцѣ, давнѣйшіи служебніи словеньскимъ племенамъ, платившіи великимъ князямъ дань, стали-сь побѣдителями и владѣтелями державы, которôй давнѣйше послушали[52]). Иное жерело[53]) ограничае заборы Гедымина лише на Кіевъ, на Кіевскіи пригородки и на Переяславль, но въ тôмъ согласно съ прочими жерелами наводитъ, що Гедыминъ посадилъ въ завоеваныхъ краяхъ своего намѣстника Миндове, князя Гольшаньского и що по тôмъ съ великою славою до дому повернулъ.

---

[50]) Въ битвѣ пôдъ Володимиремъ ôтгрываютъ Татаре найважнѣйшую ролю. О дѣйствахъ Татаръ въ время битвы надъ Ирпинею въ хроницѣ Быховца нема ни слова. Стрыйковскій лишь загально вспоминае: ks. XI. str. 349. „Stanisław Kijowski z tatarską pomocą“ a Kojałowicz T. I p. 255. „duces e Severia sciticis auxiliis instructi. Въ битвѣ пôдъ Кіевомъ може гдекоторіи Татаре зъ доброй охоты служили рускимъ князямъ, но ханы князей рускихъ въ борбѣ съ Литвою безъ сомнѣнія не вспомагали.

[51]) Stryjkowski. ks XI. tsr. 350. 351.

Въ Брянску княжитъ до р. 1341 Димитрій Брянскій, яко самостоятельный, а не Литвѣ пôдвластный князь. Р. 1334 вспомагае его Москва противу Смоленску зъ чого бы слѣдовало, що поданье Стрыйковского на историчной правдѣ не основуе ся.

[52]) Kojałowicz: „Russi cum ea gente, quam olim vectigalem habuissent de imperio decernere cogebantur.“

[53]) Bychowca chronika str. 16.

Литовскіи жерела представляютъ настоячую войну Гедымина яко борбу о преобладанье Литвы надъ южнорускими княжествами. Они уважаютъ еще всегда Кіевъ за осередокъ южной Руси, и именуютъ Станислава великимъ княземъ. Гедыминъ самъ представляе заботы князя Кіевского, Луцкого и иныхъ противу Литвѣ соединеныхъ князей яко безсильніи и остатни усилія упадаючои державы, т. е. древной рускои державы Володимира Великого, которая въ прочемъ преобразивши ся, и роздѣлена на кôлька частей, лишь по имени еще существовала. Ôтъ преобладѣня Кіевомъ и заднѣпрôвскими сторонами осягнула Литва рѣшительный перевѣсъ въ южнôй Руси, и ôттогды Гедыминъ обôчь имени Литовского князя, прозывае ся также великимъ княземъ рускимъ[54]). Вѣрный политицѣ древныхъ литовскихъ князей не оскорблялъ Гедыминъ ни земскихъ имѣній, ни вѣры, ни обычая рускихъ племенъ, которыми преовладѣлъ. Самъ Миндове, намѣстникъ Гедымина покинулъ идолослуженье и въ угоднôсть Кіевлянамъ принялъ крестъ по греческому обряду[55]).

Перебываючи въ Кіевѣ, середоточію просвѣченя и горожаньскихъ искуствъ, Гедыминъ много научилъ ся. Повернувши до дому закладалъ городы, наcелялъ тіи жителями, обводилъ мурами и дарилъ свободами. Многіи рускіи духовніи, учителѣ, художники переселали-сь до Литвы и ширили греч. вѣру, языкъ рускій, просвѣченье и искуства[56]). Въ слѣдство того соткнули ся въ Литвѣ культура руска съ художествами вникаючими въ Литву зъ пріязныхъ Гедымину надбальтицкихъ нѣмецкихъ городôвъ, а латиньскіи миссіонары посыланіи зъ запада ôтъ папъ Римскихъ здыбали ся тутъ съ рускими духовниками, розширяючими греческое христіяньство.

Отношенье Литвы въ тыхъ временахъ до Галицко-Володимирскихъ князей про недостатокъ жерелъ означити не можна. Въ року 1320, отже въ время примѣрія межи Литвою и ординомъ ôтновляе и заключае Андрей торговельный трактатъ съ ординомъ нѣмецкимъ и городомъ Торунемъ въ Володимирѣ. Замѣчательно есть, що сей трактатъ былъ чисто торговельный, чимъ ôтъ попереднѣйшого, ôтпôрно-военного трактату, заключеного обома князями Андреемъ и Львомъ, очевидно розличае ся, а по друге, що сей договоръ заключенъ лишь княземъ Андреемъ; о князю Львѣ въ договорѣ ничого не упоминае ся, вѣроятно зъ причины, що уже не жилъ. Сей договоръ заключеный по словамъ документа за радою доспѣлою

---

54) Ласть папы Іоана XXIV. къ французкому королю 1323. „Gedemin, qui se regem Lethoniae et Ruthenorum intitulat.“ Карамзинъ Т. IV. пр. 277, стр. 110.

55) Kojałowicz historiae Lithvaniae T. I. pag, 261. „Mindove nuper Russorum sacra Russorum ritu suscepit, metuebat, ne in novis magistratibus ab hoste victore satis odiosum imperium odiosius redderetur religionum diversitate.“ —

56) Narbutta dzieje narodu litewskiego. T. IV,

бояръ и вельможь рускихъ, (о чемъ выразно по первый разъ въ документѣ сказано,) не былъ бы оминулъ вспомнути и о князѣ Львѣ, если бы былъ Левъ еще перебывалъ въ Луцку, и если бы въ обще состоянье княжества Галицко-Володимирского отъ року 1316, коли былъ заключеный первый трактатъ обома князями, въ ничемъ не змѣнило ся. Дороги торговельнии зъ нѣмецкихъ городовъ до Володимирскои Руси провадили черезъ землю Берестейскую и области Мазовецкихъ князей, которіи въ тое время были союзниками Литвы. Настоячій договоръ отновляе давніи торговельніи отношеня, якіи еще за князя Юрія I. съ Торуньомъ существовали, („omnia jura, quae tempore patris nostri felicis memoriae in terra Russiae omnes negotiatores habuerunt,") и не откликуе ся на заключеный въ року 1316 трактакъ военно отпорный, но на торговельніи преимущества, якими купцѣ нѣмецкихъ городовъ еще за временъ отця Андреевого, Юрія I. пользовали ся.

Подъ часъ войны нѣмецкого ордина съ Литвою, въ которой участвовали князѣ Галицко-Володимирскіи Андрей и Левъ II., терпѣли безъ сомнѣнія торговля и торговельніи отношенія областей Галицко-Володимирскихъ съ надбалтицкими городами, и ажь по заключеню примирія межи Литвою иординомъ, а по всей вѣроятности по поворотѣ давнѣйшихъ пріязнѣйшихъ отношеній межи Литвою и Галицко-Володимирскимъ княжествомъ зостали отновлені. Якъ по битвѣ подъ Володимиромъ, такъ по занятію Луцка должнѣ были сдѣлати ся якіи обовязанности зъ стороны Володимирского князя що до Литвы, которыхъ справедливого содержанія до сихъ поръ история намъ не открыла. Трактатъ съ Торунемъ заключенъ на Святого мученика Руфа, т. е. дня св. Руфа 1320[57]). Въ року 1320 въ Януаріи Кіевъ былъ уже подъ панованьемъ великого князя Гедымина, а договору торговельному съ Торунемъ, должно было передити примиріе межи Литвою а княземъ Галицко-Володимирскимъ[58]). Галицко Володимирскіи князѣ пострадавши уже по первой войнѣ съ княземъ Гедыминомъ гдекоторіи области, якъ мы уже высше о томъ говорили и бояре рускіи боячи ся бы Гедыминъ землѣ ихъ не казилъ, были довольніи, що Литва затруднена отъ

---

[57]) Karamzin in supl. ad historica Russiae monumenta.

[58]) Того мѣсяця и року Епископъ именованъ для Кіева Іоаномъ XXII. Theiner imonumenta ut supra. „cum autem civitas et diöcesis Kijoviensis novissimis temporibus, redire coeperit ad cultum fidei orthodoxae" — прошу порôвнати съ словами папы въ писмѣ до Гедымина зъ року 1324 „subnectens, quod praedicatorum et minorum ordinum fratres tecum habes, quibus commisisti et licentiam dedisti liberam ut baptisent, praedicent et informent Christianum populum et etiam infideles, ut ad omnipotentem Deum et Dominum convertantur." Зри: Naruszewicz str. 33. T. X. Lipsko 1837. „Tenże Gedymin przez powolność ku papieżowi Janowi XXII, z którym korespondował, i dla względów jego katolikom sprzyjał, dopuścił w Kijowie erekcię albo raczej przywrócenia biskupstwa Kijowsko-łacińskiego."

р. 1322 снова борбою съ нѣмецкимъ ординомъ, лишила ихъ въ супокою. Въ прочемъ политичніи ôтношенія Галицко-Вилодимирскихъ князей до Литвы стали-сь пріязнѣйшими. По всей вѣроятности условлено тогды сватôвства межи обома княжескими дворами. Любартъ (уроженый року 1291) сынъ Гедымина женилъ ся съ дочерію Андрея, або Льва[59]). Року 1331 выдалъ Гедыминъ третую дочку Марію за князя Мазовецкого, Болеслава Тройдановича. Той князь Мазовецкій може быти за посредствомъ Литвы одержалъ якій-то удѣлъ въ Волыни, въ сторонахъ надбужаньскихъ, которіи до Галицко-Володимирского княжества принадлежали и о Мазовію опирали ся[60]). Ôтъ того удѣла прозваный былъ княземъ Руси[61]). Болеславъ воспитанъ былъ по матери въ греч. православію.

Семая донька Гедымина пôшла за наслѣдника трона Галицко-Володимирского княжества и сына Андреевого Юрія II.

Великое царство Татарское розпало ся тогды на бôльше частій, Тшагатай, Хину, Персію, синюю Орду и Киптшакъ. Въ каждôй зъ тыхъ частій вокняжила-сь сталая династія и бôльше меньше мала свою стосовную политику. Споры въ джингисханатѣ о престолъ возъобновили-сь еще, когда пановалъ въ Киптшаку Токтай. Токтай принимае звытяженого воеводу, едного зъ претендентôвъ джингисханату и навлекае на себе вôйну съ Татарами Тшагатая, которая спустошеньемъ земель Киптшакскихъ кôнчила-сь. Однакожь Токтай былъ еще завсѣгды грознымъ. Еще вôйска его вспомагаютъ Галицкого князя пôдъ Люблиномъ, полки его служатъ за волею хана царю Греческому Андроникови, а военніи силы его вспираютъ сѣверорускихъ князей въ вôйнахъ межиусобныхъ. Токтаю, исповѣдавшому давную вѣру Татарскую, слѣдуе року 1313 вѣрный исповѣдникъ Исляму Усбекъ. Для убезпеченя своего панованя убивае Усбекъ правного послѣдника Киптшаку Туглу-Бега, и 120 членôвъ родины приверженцей

---

59) Казимиръ Гр. Стадницкій есть того мнѣнія, що Любартъ за женою отрималъ Луцкъ съ прилежачими областями, который-то городъ и области Гедыминъ пôдчасъ похода на Льва занялъ былъ.

60) Мазовія стыкала-сь надъ Нарвою съ Литвою, а надъ Богомъ съ Володимирскою Русію. Бôльшая часть землѣ Ятвяжской была покорена Мазовецкимъ князямъ, друга Литвѣ, третая належала Галицко-Володимирскимъ князямъ. Межѣ тыхъ трехъ княжевстъ были ту такъ близко, що Визна до Мазовша, Райгородъ до Литвы, а Дрогичинъ до Волыня належали. Черезъ Мазовію и именно черезъ часть Ятвяжской землѣ ходило ся до середнихъ Прусъ и до Польщи; для того Литовцѣ сохраняли пріязнь съ Мазовецкими князями, для того то и дружества и сватôвства собывали-сь межи обома дворами, такъ за временъ Тройдена, Витенеса, якъ наконецъ и за Гедымина.

61) Theineri monumenta Poloniae et Lithvaniae T. I. ad. a. 1327. Вмѣсто Roleslaus должно ту стояти Boleslaus. Зри тую грамоту въ дѣлѣ Гр. Стадницкого: Synowie Gedymina T, II.

легитимистичныхъ. Сынъ Туглу-Бега, будучи воеводою хана Перского, понуджае Персію вступити за родинну обиду, зъ чого кровавая вôйна межи Усбекомъ и ханомъ Перскимъ вывязуе ся. Въ тôмъ времени здобыла Литва Кіевъ. Татары занятіи сами собою не противили ся. Незаписано нигде, чи по занятію Кіева Литовцями Татары на нихъ негодовали. За панованя Усбека зауважаемъ великое огорченье народа и городôвъ рускихъ пôдвластныхъ Татарамъ противу своевольному панованю Татарскому, въ слѣдъ чого рускіи городы противу Татарамъ бунтовали ся, и по примѣру иныхъ свобôдныхъ городôвъ о помôчь и опѣку до Литвы удавали ся. Зъ тыхъ причинъ розôрвали ся мирніи ôтношеня Татаръ съ Литвою, и уже року 1324 опустошаютъ войска Усбека землю литовскую.

О прочихъ ôтношеняхъ Андрея до посторонныхъ державъ лише тôлько извѣстно, шо ôнъ жилъ въ мирѣ съ королемъ польскимъ Владиславомъ[62]); Андрей и Левъ насупротивъ стояли Татарамъ, ôтколи Литва до Татаръ сближила ся, а Владиславъ въ листѣ до папы писанымъ называе обохъ князей непреодолимымъ щитомъ противу Татарамъ[63]).

Въ тыхъ временахъ р. 1317 намагали-сь папы навернути якихъ-то князей рускихъ на лоно католицкой церкви[64]). Кто были тіи князѣ и якіи послѣдства осягнули папы, не знаемъ. Однакожь оба князѣ Андрей и Левъ пребыли въ православію ажь до смерти. Левъ и Андрей перестали жити; Левъ р. 1319 на поли битвы, а Андрей р. 1324, оставивши, по всей вѣроятности малолѣтного, а може еще и тѣлесно недугуючого сына Юрія II. Король Локетокъ писалъ навѣтъ папѣ о пересѣченю династіи Галицко-Володимирскихъ князей.

Не смотрячи на уронъ, якій княжеству Галицко-Володимирскому нещастная борба съ Литовцями нанесла, былъ Юрій II. всегда еще независимымъ княземъ и володѣлъ просторонными землями. Проводячи право свое до наслѣдія ôтъ природного происходженя, именовалъ ся „Божіею милостію природнымъ княземъ Руси" або также въ противоположеню великой Руси, которая пôдъ великимъ княземъ Іоаномъ Калитою (1328) чимъ разъ крѣпше въ едную цѣлôсть соединяла ся, княземъ всей малой Руси; давнѣйшого имени князя Галиціи и Володимеріи въ грамотахъ зъ р. 1325, 1334 и 1335 не уживае[65]). Воеводы и вельможи рускіи доспѣли въ времена того князя до великого вліяня, именно княжіи уряды: тивунъ, т. е. найвыс- Юрій II.

---

[62]) Суть слѣды, що въ прилежачихъ до Польщи и Литвы земляхъ рускихъ церковь латиньская приобрѣла была вѣрныхъ (Theineri monumenta Poloniae et Lithvaniae T. I, ad. a. 1325: fideles aliarum partium regno Poloniae adjacentium etc.) и що папы римскіи зъ областей рускихъ якую щорочную дань звычайно выбирали.

[63]) Raynaldi annales ecclesiastici ad a. 1324.

[64]) Raynaldi an. p. 164 ad a. 1317. „duces ruthenorum, eos pontifex ad fidem pollicere et ad christianam mansuetudinem studuit."

[65]) Вышъ наведени грамоты у Нарбутта Т. IV. и Карамзина Т. IV.

шій судія, дятко або сановникъ которому вручало-сь воспитанье княжескихъ дѣтей, епископъ и воеводы головнѣйшихъ городôвъ: Львова, Луцка, Белза и Перемышля. Городы Володимирь и Львôвъ были столицями, въ нихъ пребывалъ князь и являли-сь посланики чужихъ державъ, въ нихъ заключали-сь договоры съ чужими народами. Ту съѣзджались найвысшіи державніи достойники и княжіи бояре и совѣтовали надъ всеобщими дѣлами не лишь внутренними, но и надъ договорами, съ чужими державами заключеными, якъ то видно зъ документôвъ зъ року 1334 и 1335[66]). Литва заключила была еще 28. Червня[67]) року 1325 союзъ съ польскимъ королемъ Владиславомъ Локеткомъ и ôтъ тогды вспомагала вѣрно польского короля въ борбѣ съ нѣмецкимъ ординомъ. Жителѣ польскихъ областей а именно Люблиньскои и Судомирскои, выставленыхъ въ попереднѣйшихъ лѣтахъ зъ стороны Литвы на великіи напады и спустошеня, ужитковали ôтъ тогды глубокимъ супокоемъ[68]). Выкореняючи лѣсы, поселяли-сь тутъ, трудили ся земледѣліемъ и привели тіи околицѣ въ цвѣтучое состоянье. Такъ Поляки обôчь Русинôвъ вникали чимъ разъ глубше въ стороны Надбужаньскіи и вкорѣняли ся тамъ, где давнѣйше обитали Ятвяги.

Папа Іоанъ XXII. року 1319 а еще сильнѣйше въ письмѣ своемъ до короля Владислава зъ 1. Августа 1325[69]) всказуе на великіи горя, мученя и опустошеня, которіи вѣрніи сыны католицкой церкви въ Польщи и въ смежныхъ Польщи краяхъ ôтъ шизматикôвъ (Русинôвъ), Татаръ и поганцѣвъ дôзнавали.

Понеже тымъ бѣдствіямъ ани сами о власныхъ силахъ остояти ся могли, ани польскіи католики тіиже перекоротити были въ состоянью, надѣлилъ папа ласки божіи и ôтпущенье грѣхôвъ всѣмъ тымъ, которіи бы въ настоячихъ вôйнахъ съ шизматиками (Русинами), Татарами и поганами зъ отриманыхъ ранъ умерли. Щобы до жертвъ въ справѣ католицизма тымъ бôльше заохотити, ссылалъ ся папа на давнѣйшіи церковніи облегшеня. Наданіи ласки продолжилъ по уплывѣ трохъ лѣтъ еще на два лѣта. Понеже

---

66) Грамота зъ року 1334 и 1335 „quam unionem cum nostris baronibus (1334) nec non comilitatoribus duximus inovandam.“ (1335.) „una cum praefatis baronibus, militibus, terris nostrisque et hominibus eandem favorabilem unionem etc.“ у Нарбутта Т. IV. Voigt. Т. II. и Карамзина Т. IV.

67) Гедыминъ заключилъ союзъ съ Польскимъ королемъ дня 28. Червня 1325 а незадолго по тôмъ и съ Мазовецкими князями. Одную доньку выдалъ замужь за сына короля Польского Владислава Локетка Казиміра, по имени Алдону. Она крестила-сь по лат. обряду и назвала-сь Анна.

68) Anonymus Gneznensis. Scriptores rerum Silesicarum edidit Sommersberg. Lipsiae CIƆIƆCCXXX. pag. 96. „quo facto ejusdem terrae gentes nemoribus destirpatis dulcedine pacis fruentes peroptime locatae fuerunt.“ Тое произшествіе понимають историки (Naruszewicz) яко колонизацію Руси надбужаньской.

69) Theineri vetera monumenta Poloniae et Lithvaniae T. I. Romae 1860. p. 216.

грозячое зъ тои стороны небезпеченьство не уставало, просилъ Владиславъ Локетокъ вторично о якое взпоможенье въ грошахъ и о оголошенье круціяты, т. е. крестового похода противу непріятелей Литовцей, Татаръ и поганцѣвъ. Папа будучи тогды въ спорѣ съ Людвикомъ, цѣсаремъ нѣмецкимъ, и потребуючи самъ грошій много, не мôгъ достоучинити прозьбѣ короля польского. Щобы однакожь послы королевскіи пришедши до Авигніона дармо не трудили-сь, соизволилъ на ôтпустъ, т. е. ювилей, который два разы слѣдуючого року 1330 въ княжествѣ краковскôмъ ôтправляти ся малъ съ тымъ обовязаньемъ, абы кождый хотячій щедротъ доступити, явилъ ся, и два червонѝ до скарбоны зложилъ. Грошѣ такъ зложеніи опредѣлилъ для наверненя Литвы, Татаръ и погановъ. Вѣрный народъ божій сходилъ ся зъ всѣхъ посторонныхъ краѣвъ зъ Шлезіи и Угоръ численно до Кракова и умножалъ добровольными датками сокровища королевскіи, которіи вѣрно на предсказаное дѣло были обернени[70]). Кто были тіи напастники, противу которыхъ была оголошена круціята? Литовцѣ, т. е. по всей вѣроятности шайки зъ якого-то кута, которіи не взираючи на то, що великій князь Гедыминъ былъ въ тѣснôмъ союзѣ съ Польщею, и самъ въ особѣ своей короля Польского р. 1325 — 1330 вспомагалъ, соединяли-сь съ Татарами и нападали на смежни области польски. Съ ними находили вразъ и Русины зъ земель пôдвластныхъ Гедымину и Юрію II. князю Галицко-Володимирскому, такожь Волохи и Татары (поганцѣ). Волоскіи, рускіи и литовскіи полки товаришили року 1326 Владиславови въ походѣ на мархію Бранденбургскую. Тіи Русины суть по моему мнѣнію Русины пôдвластныхъ Гедымину рускихъ областей, иніи розумѣютъ пôдъ ними помôчь, несеную королю ôтъ Болеслава Тройдановича[71]), именуючого ся княземъ Руси. Волохи были то помôчніи войска ôтъ стороны Кароля, короля Угорского, которому по свидѣтельству жерелъ, волоскіи племена ôтъ давна послушали[72]). Коли королъ Угорскій Кароль, намовленый ôтъ Семигородского воеводы Томы и якого-то вельможи Діониза, заратилъ ся съ воеводою волоскимъ зъ династіи Басарадовъ, воевода волоскій побилъ короля въ лѣсахъ неприступныхъ, куда неосторожно король за-

---

[70]) Dlugosz et Miechowitae chronicon Polonorum L. IV. ad. a. 1331. „Anno praedicto postulante rege Wladislao Loketek, a summo pontifice pessagium crucesignatorum et aliquot milia florenorum contra barbaros, Tataros ac Lithvanos, accepit rationes et excusationes summi pontificis et non ea, quae postulavit, tamen ne nuncii regii vani redirent, gratiam anni Jubilei concessit, ea conditione, ut quilibet illam meriturus duos aureos in capsam imponeret.“ Naruszewicz ks. 20.

[71]) Казимиръ и Болеславъ подруживши-сь съ доньками Гедымина стали ся шваграми.

[72]) Spondani annales ecclesiastici continuatio p. 479. Basaradus, Wojewoda cliens Hungariae semper fidem servaret.

гналъ ся. Мстячи-сь на Уграхъ за нашествіе на ихъ землѣ, вязали-сь Волохи съ Русинами Галицкими и Татарами и въ порозумлѣню съ Татарами, котори еще ôтъ временъ Телебуги въ Уграхъ были поселили-сь, напали на Угры ôтъ сторонъ, где выплывае Тысса, а тамъ набравши полона много скрывали ся съ добычею въ неприступнiи горы, нижели еще войска Угорскiи на помôчь приспѣшити змогли. Жерела Угорскiи выразно сказуютъ[73]), що Татары и Волохи съ Русинами провадили тую напастную вôйну, що съ ними дѣлили здобычь, и що за ихъ помочiю въ ущеліяхъ гôръ цѣлiи и не побѣдженiи передъ наступаючими войсками уходили. Щобы предхоронити край передъ вредливыми нападами, готовилъ ся король Кароль до вôйны съ Русинами, и собравши войско вырушилъ двома наворотами р. 1332 и 1334 въ поле. На просьбу короля Угорского дозволилъ папа войску, вырушившому противу шизматикамъ Русинамъ и ихъ союзникамъ и въ дни пôстнiи живити ся мясомъ, а то зъ причины, що вôйна въ гôрскiй и неурожайнôй околици предстояла. О скутку тыхъ предпріятiй короля Угорского жерела Угорскiи не замѣчаютъ, а пôзнѣйшiи историки ползовавшiи ся древними жерелами о добрôмъеи успѣсѣ зъ стороны Угорской лише догадуютъ ся[74]).

Татары еще всегда занимали подôльскую Русь ôтъ Днѣпра надъ чорнымъ моремъ до Дуная. Пановалъ тогды въ киптшакскôй ордѣ по смерти киптшакского хана Токтая ханъ Усбекъ, приверженецъ закону Магомеда ôтъ р. 1313. Затрудненый справами восточными лишилъ ôнъ владѣнье надъ Кримомъ съ прилежачими надморскими областями якому-то Котлубегу[75]).

На Подôлю пановали братя Котлубега Хочубей и Дмитро, которыхъ однакожь панованье гдекоторiи историки относятъ до пôзнѣйшихъ временъ[76]) (до временъ В. К. Витольда). Суть извѣстія, що за временъ Гедымина, великого князя Литовского пановалъ на Подôлю якiй то ханъ зъ поколѣня Менгутимура Беркдишь, основатель города Бердичева. Ôнъ жилъ съ Гедымином въ великôй дружбѣ, посылалъ ему помочнiи полки, и отримовалъ ôтъ него краснiи литовскiи дѣвчата до Серайла своего[77]). Котлубегъ пановалъ въ Кримѣ р. 1333 и отъ являе ся письмо папы Іоана XXII, въ которôмъ

---

[73]) Pray annales regum Hungariae. Vindobona 1764 ad. a. 1332.

[74]) Pray. T. II. p. 32. ad a. 1334 et 1338.

[75]) Hammer-Purgstall: Geschichte der goldenen Horde in Kiptschak. Зъ исторіи видко, що Татары черезъ цѣлую вторую половину XIII. и черезъ бôльшую часть XIV столѣтія мали отвертую дорогу до Константинополя и Болгаріи; помочнiи войска татарскiи служатъ Болгарамъ и царю въ Константинополи и оттягаютъ ся зъ ôттамъ на кождое мгновенье хана.

[76]) Stadnicki synowie Gedymina T. I.

[77]) Narbutta dzieje narodu Litewskiego T. IV. na podstawie jakiegoś słowiańskiego rękopismu.

той верховного хана киптшакского Усбека проситъ, бы принялъ снова въ Кримъ Христіянъ, которыхъ невѣрніи зъ Судака (въ Кримѣ) были прогнали[78]). Становище Татаръ до Литовцей означати трудно. Лѣтописи упоминаютъ, що два разы дѣлали Татары за повелѣньемъ хана Усбека строгіи напады на Литву; разъ року 1325[79]) „и много зла сотвориша Литвѣ и съ многою полоною прійдоша въ Орду;" другій разъ возобновилъ Усбекъ нападъ на Литву, р. 1336[80]). Съ всею вѣроятностію приняти можна, що Литовцѣ по первôмъ завоеваню Кіева р 1319, выпертіи были Татарами зъ тыхъ сторонъ наднѣпровскихъ[81]). Однôе жерело розказуе, що по Гедыминѣ Іоанъ Даниловичь Калита, внукъ Ярослава, княжилъ въ Кіевѣ[82]). Іоанъ Калита былъ великимъ князем Московскимъ ôтъ року 1328 — 1340.

Однакожь владѣнье Іоана Калиты, хотя нимъ самымъ далеко розширеное, еще не сягало сторонъ Кіевскихъ. Въ вôйнѣ съ Смоленьскомъ вспоминаютъ ся пôдъ знаменами Московскими князѣ Юріевскіи, Друцкіи, Витебскіи, князь Смоленьского удѣла, — отже князѣ областей надъ высшимъ Днѣпромъ, но не вспоминае ся князь Черниговскій, Переяславскій и пр. Князь Бряньскій есть еще всегда княземъ самостоятельнымъ и независимымъ, хотя въ борбѣ съ Смоленьскомъ уже до великого князя Московского о помôчь удае ся[83]). Будь що будь Татары розбойничили, и еще въ первой половинѣ XIV. столѣтія розоряли городы и укрѣпленя подôльскіи. Народъ бѣднѣлъ, рѣдѣлъ, а Татары богатѣли. Постановленіи Татарами отаманы выбирали дань и ôтсылали ю до головной касы баскакской до Кіева. Всегда готовіи до розбоѣвъ, пожичали свои военніи полки то Литовцямъ, то съ Русинами и Волохами соединяли ся, и нападали разомъ съ ними на державы католицкіи: то Польщу, то Угорщину.

При всемъ тôмъ военнôмъ розположеню Татары въ религійнôмъ ôтношеню были дуже толерантными. Тое самое жерело, которое намъ о ханѣ Беркдичу розповѣло, розказуе, що на дворѣ его являли ся яко миссіонары обôчь дервишôвъ Магомеданцѣвъ и шамановъ Монгольскихъ, такожь монахи католицкіи посыланіи ôтъ папы, и кождый по своему пересвѣдченю и званію проповѣдалъ и розширялъ вѣру свою.

Заботы папъ римскихъ о роспростороненье католицизма въ сторонахъ рускихъ въ тіи времена неуставали. Въ р. 1329 навернулъ ся князь Руси

---

78) Hammer-Purgstall. Geschichte der goldenen Horde. S. 292.

79) Татищевъ. Т. IV. стор. 115.

80) Никоновска кроника у Карамзина Т. IV.

81) Р. 1330 княжилъ въ Кіевѣ якій то князь Теодоръ разомъ съ баскакомъ т. е. чиновникомъ Татарскимъ. У Карамзина, извлеченіе зъ новгородской лѣтописи Т. IV. пр. 290

82) Густиньска лѣтопись въ собра. II. ст. 348

83) Карамзинъ Т. IV. стор. 146. 147.

Болеславъ, сынъ зъ матери рускои на лоно католицкои церкви. Въ то̂мъ дѣлѣ миссіонарско̂мъ король Владиславъ Локетокъ яко правый католикъ вѣрно вспомагалъ стараня папъ Римскихъ. Замѣтити належитъ, що князь Болеславъ, сынъ молодшого сына князя Болеслава, Тройдана, держачого еще цѣлую Мазовію и умершого р. 1313, надѣленый былъ може еще о̂тъ князя Андрея Юріевича якимъ то удѣломъ на Волыни (вѣроятно рускими областями, лежачими межи Бугомъ и Вислою).

И о̂тъ стороны Криму розпостороняли миссіонары католицизмъ межи словяньскими племемами. Въ р. 1333 въ Юліи учредилъ папа епископію въ Херсонесѣ подъ титломъ св. Климента ро̂вноапостольного и присоединилъ новоучреждену епископію до ряду церквей епископскихъ въ Трапезунтѣ, Себастополи, Кафи, Петри, которіи митрополіи Веспримскои по̂дчинилъ. Папа розличае выразно многочисленный народъ (рускій) мешкаючій въ сторонахъ (Крима и въ степахъ посторонныхъ Подоля) названыхъ давнѣйше Готіею. Ведля помянутого документу папского творили Татары и Греки тому народови пребываючому по бо̂льшо̂й части въ шизмѣ, великіи кривды и зневажаня (contumelias), однакожь родъ тыхъ зневажаній папа близше неозначае[84]).

Руская церковь въ Галицко-Володимирскихъ княжествахъ о̂тъ временъ выѣзда митрополита Петра зъ Кіева до Володимира Клязменьского а по то̂мъ до Москвы, зависѣла о̂тъ митрополита обитаючого о̂тъ тогды постоянно въ Москвѣ. Галицко-Володимирскіи князѣ еще всегда старали ся вывязати рускую церковь въ областяхъ имъ подвластныхъ о̂тъ тои зависимости. За ихъ стараньемъ пріобрѣлъ (незнати чи по выѣздѣ Петра зъ Кіева, чи по смерти его) якій-то Гавріилъ а по немъ епископъ Галицкій Теодоръ, знаный намъ зъ грамоты зъ р. 1334, достоиньство митрополита. Теодоръ принялъ тое достоиньство знать не на долго[85]), бо уже р. 1334. по̂дписуе ся на вышь помянуто̂й грамотѣ не яко митрополитъ но якъ епископъ. И не могло быти иначе; — новый бо всерускій митрополитъ Теогностъ, посвяченый бо̂льше якъ за ро̂къ, по смерти Петра, о̂тъ Патріарха Царгородского, обиталъ въ правдѣ въ Москвѣ, но не залишалъ также и вѣрного стада въ прочо̂й Московскимъ владѣтелямъ непринадлежачой Руси. Въ лѣтахъ 1329 и 1330 посѣтилъ о̂нъ Волынь, Галичь и Кіевъ[86]). Въ р. 1330 прибылъ до Волыньского города Володимира; и ту явили ся съ нимъ епископы Атанасій Володимирскій, Григорій Полоцкій, Теодоръ Галицкій и Іоанъ Холмскій. Въ притомности тыхъ епископо̂въ поставляе Теогностъ Новгородчанами избраного Василія на

---

[84]) Theineri monumenta Poloniae et Lithvaniae T. I. p. 347. 348.

[85]) Листъ Короля Ляхіи Казимира. Зри: Acta Patriarchatus Constantinopolitani T. I. Vindobone 1860. Грамота зъ (1334). Codex. diplom. Prussicus Voigti, и Карамзина.

[86]) Татищевъ. Т. IV. стор. 126.

архіепископа противу воли и просьбъ Гедымина и всѣхъ князей Литовскихъ. Гедыминъ съ княземъ Тверскимъ Александромъ Михайловичемъ и Псковитянами вставляли ся за Арсеніемъ, которого собѣ Псковитяне на епископа были выбрали. Псковъ былъ тогды ôтъ Новгорода ôтлучилъ ся и желалъ мати осôбного епископа. Теогностъ не достоучинилъ тому желанію, — бо держалъ ся древного учрежденя, пôдля которого церковь Псковская епархіи Новгородской была пôдчинена. Не былъ бымъ привелъ того произшествія, не тыкаючого ся нашой Галицко-Володимирской Руси, еслибы не тое замѣчательное обстоятельство, що послы Новгородскіи, знаменитіи бояре, явившіи ся въ Волыньскôмъ Володимирѣ, а съ ними и самъ посадникъ Новгородскій съ новопостановленымъ владыкою не вертали назадъ черезъ Литву домôвъ, но уходили межи Литвою а Кіевомъ, понеже бояли ся Литвы, которая въ прочемъ несмѣла прикоснути ся послôвъ домôвъ повертаючихъ, внутръ предѣлôвъ Галицко-Володимирской Руси. Такожь доводъ, що Кіевъ непослушалъ тогды Литвѣ, но Татарамъ. Предостережени вѣстію, шо князь Гедыминъ ôтослалъ на нихъ 500 человѣкъ, щобы ихъ пôймати, выжречени мужѣ начали бѣжати борзо, избѣгли пôдъ Черниговъ, но ту перехваченіи были ôтъ князя кіевского Теодора, который разомъ съ татарскимъ баскакомъ вѣроятно въ порозумлѣню съ Гедыминомъ на нихъ засѣлъ. Ледва митрополитъ и бояре золотомъ ôтъ полона выкупили ся[87]).

Жительство въ предѣлахь Галицко-Володимирского княжества дѣлило ся на сословія; именно розличало ся 1) сословіе церковное т. е. епископы, игумены, попове, діяконы; черногоризцѣ и всѣ пріемники и церковная цѣла служба, 2) сословіе боярское, 3) горожаньское, 4) простыхъ людей або такъ званая чернь по городахъ, пригородкахъ и селахъ. —

Руская церковь въ предѣлахъ Галицко-Володимирской Руси состояла зъ епископіи Галицкои, Перемышльскои, Володимирскои, Холмскои и Луцкои а въ давнѣйшихъ временахъ еще и Туровскои и митрополіи Кіевскои. Горожане и бояры выбирали съ княземъ епископа по бôльшихъ городахъ якъ н. пр. въ Новгородѣ, а не иначе и въ епархіахъ Галицко-Володимирскои Руси. Всенародно избраному владыцѣ ôтдавали сгромадженіи вѣрніи чолобытіе и сопроводжали его съ великою честію до владычого двора. Избраного владыку потверджалъ и поставлялъ митрополитъ. Церковь за временъ князей рускихъ еще въ силѣ учрежденіи Володимира великого мала великіи преимущества. До церкви престольной т. е. до епископа принадлежали всѣ духовніи суды, надъ свѣтскими и мирскими, въ справахъ чистодуховныхъ, касаючихъ ся всенародной норовственности. Грамота[88]), хотя пôдложена, но основана на давныхъ церковныхъ

---

[87]) Татищевъ и Карамзинъ Т. IV.

[88]) Леоновія Грамоты, въ сборнику историческомъ Т. II. ст. 148. и пр. примѣч. 70—78.

учрежденяхъ сказуе: „суды церковныя судити церквѣ столечной, отъ мірскихъ у законы отлученыхъ, распусты свадебщинъ, отъ беззаконія поятія."

Всѣ игумены, попове, діяконы и вся причта церковная вôльна была въ справахъ обще судебныхъ ôтъ суда княжого и боярского и подчинена судови престольнои церкви т. е. владыцѣ. Князѣ рускіи упосажаючи щодро епископіи и монастыры, надаютъ имъ десятину зъ мытъ и провозôвъ, дани медовіи, и данины зъ лѣсôвъ и зъ ловищь рыбныхъ такъ княжескихъ селъ якъ и боярскихъ. Зверхъ того призначаютъ епископіямъ доходы зъ монастырей, церквей, дворищь и селъ, съ обовязаньемъ, щобы они якую малую дань въ княжую касу платили, придаютъ до тыхъ земскихъ имѣній людей и освобожаютъ ихъ ôтъ всѣхъ даній и посеребщинъ, якіи князямъ и ихъ дѣтемъ або боярамъ и боярскимъ дѣтемъ села звычайно ôтдавали. Приписаніи монястырямъ или епископіямъ люди обовязани были роботу чинити и посеребщину платити богомолцямъ т. е. служителямъ, которіи въ якой-то церквѣ або монастырѣ хвалу божу голосили и за князей и бояръ и ихъ дѣтей молили ся[89]).

Высшое сословіе занимало въ собѣ опрôчь стану священического, також бояръ, дружину, князя и слугъ княжихъ (ministeriales). Бояры были то воеводы по головныхъ городахъ, полководцѣ, высокіи державніи достойники и воины. Ôни окружали князя, становили державную его раду и совѣтъ его. Въ вôйнѣ служили по всей вѣроятности кôнно, и стояли пôдъ безпосереднимъ проводомъ или начальствомъ самого князя. Въ битвѣ пôдъ Володимиромъ сражалъ ся избраный хотя невеликій почетъ руского лицарства наручь съ ворогомъ[90]).

Бояры володѣли землями т. е. селами и областями. Села обовязаніи были роботами и данію, такъ званою посеребщиною боярамъ и ихъ дѣтемъ. Князѣ надаютъ боярамъ имѣнія и села съ всѣми поборами и винами, съ половництвомъ и серпомъ и косою и съ всѣми ужитками, такъ якъ ихъ князѣ передъ наданьемъ сами держали[91]).

Сословіе горожаньское обитае по бôльшихъ городахъ. Горожане въ Кіевѣ, Володимирѣ, Луцку и Львовѣ посѣдаютъ свои отчины т. е. недвижиміи имѣня, которіи ôтъ ôтцѣвъ одѣдичили.

---

89) Леоновіи грамоты якъ высше.

90) Stryjkowskiego kroniki, księga XI. str. 348. Замѣчательно, що въ битвѣ подъ Володимиромъ князь не мае достаточнои пѣхоты и що въ слѣдуючихъ борбахъ Днѣпровскіи князѣ ставляютъ противъ Литовцямъ войско собраное зъ черни, на которое Литовцѣ съ презрѣньемъ поглядаютъ.

91) Князь Левъ надае Дубановичѣ двомъ братанцямъ зъ Литовскои землѣ призваньмъ. Acta Leopoliensia castrensia L. I. p. 230. Грамоти сія безъ даты. — Надапіє имѣній въ Самборской земли Семку Татариновичу и пр.

Не всѣ городы стояли въ одинаковôмъ отношеню до князей. Гдекоторіи платили князю дань на утриманье княжихъ ловчихъ и должніи были держати княжю осаду, инніи же были свобôдніи ôтъ тыхъ обовязаностей. За коромолу постановилъ Мстиславъ грамотою побôръ на вѣки на жителей Берестейскихъ. Одніи прозваніи въ лѣтописи Берестянами, ôтдавали плоды земніи, мѣдъ, ленъ, овесъ, жито, хлѣбъ, куры, другіи — горожане, платили по четыры гривни кунъ. Такъ розличали ся Берестяне, трудившіи ся земледѣліемъ, ôтъ горожанъ трудившихъ ся торговлею и ремесломъ[92]). Опрôчь городôвъ и селъ управляемыхъ боярами яко пôдручниками князя, вспоминаютъ ся городы и села, яко бояръ дѣдицтво и ихъ неôтзовная власнôсть; такою было н. пр. село Березовичѣ, которое купилъ Володимиръ у Юріевича и Теодорка Давидовича. Въ такое то неôтзовное посѣданье записуе князь Володимиръ княгини своей городъ Кобрынъ и село свое Городѣль съ мытомъ[93]). Городы и села платили своимъ властителямъ дань; села по словамъ грамотнымъ: „страдали (т. е. робили) своимъ властителямъ, села пôдданіи князю рубили (ставили), князю городы. Опрôчь обовязаностей должныхъ (дѣдичнымъ) властителямъ платили городы и села поборъ (загальный) въ княжую касу и Татарщину або дачку для Татаръ[94]).

Внутрь рускихъ городôвъ трудили ся торговлею не саміи тôлько Русины, но и Нѣмцѣ, Ôрмены, Сарацены и Жиды. Сарацены т. е. Арабы купцѣ, прибывшіи зъ востока; Ôрмены зъ розбитого монголами Арменьского царства, утримуючіи связь съ восточными стрефами; Жиды по всей вѣроятности еще кримскіи зъ древного Херсонесу поселившіи ся, а не теперѣшніи; Нѣмцѣ были жителѣ зъ нѣмецкихъ надбалтицкихъ городôвъ. Князѣ рускіи начавши ôтъ Романа, основателя династіи Романовичей заховали тѣсную дружбу съ нѣмецкими надбалтицкими городами, именно съ Торунемъ. Суть слѣды, що народы обитаючіи обôчь себе въ Львовѣ[95]) и Луцку[96]) замешковали осôбніи дѣльницѣ и проживали пôдъ власными правами.

Князѣ старали ся купцей гостей привилеями до своихъ краѣвъ звабити, и освободжали ихъ ôтъ мытъ, якіи княжіи слуги и мытарѣ (ministeriales, teleneatores) ôтъ проѣзджаючихъ съ товарами купцѣвъ звы-

---

[92]) Ипат. лѣт. стор. 224, 224. Куснікъ скôры зъ куны представлялъ монету. Гривна означала фунтъ. Четыры гривны кунъ т. е. четыры фунты певной монеты.

[93]) Ипат. лѣт. стор. 215. Завѣщанье (тестаментъ) Володимирского князя Володимира року 1287.

[94]) Ипат. лѣт. стор. 215 „аже будетъ князю городъ рубити и ни къ городу а по боронъ и Татарщиною къ князю.“

[95]) Zimorowicz triplex Leopolis.

[96]) Длугошь описуючи съѣздъ въ Луцку.

чайно выбирали. Князѣ рускіи убезпечали купцей-гостей зъ надбалтицкихъ городôвъ ôтъ всякои напасти и всякую доведену кривду, нанесеную имъ кимъ ни-будь, въ двое вынавгородити обовязовали ся[97]). Такими преимуществами привлеченіи нѣмецкіи купцѣ поселили ся въ рускихъ городахъ, набывали недвижиміи имѣня, села, млыны и проч; закладали торжища, и тымъ до процвѣту рукодѣлъ, ремесла и торговлѣ причиняли ся. Купцѣ нѣмецкіи утримовали связь съ надчорноморскими городами и Татаріею. Дорога припадала имъ або вздолжь Днѣпра, черезъ такъ званую Украину або черезъ просторони нашого отечества, которіи о Карпаты опираютъ ся. Не достаточно было торгъ нѣмецкихъ купцей черезъ области Галицко-Володимирскихъ княжествъ справити, но было еще треба, щобы зъ той пасажи т. е. торговельного переходу и саміи рускіи городы корыстали. Для того удѣляли князѣ рускіи головнымъ городамъ исключное право на склады товарôвъ н. пр. въ Львовѣ, Луцку и Володимирѣ, такъ, що проѣзджаючіи купцѣ не могли оминати тыхъ городôвъ, но должни были съ товарами до нихъ звертати ся и въ нихъ товары спродавати передже нижели еще въ дальшую дорогу на востокъ вôльно имъ было пускати ся.

Торговельніи сношеня зближаютъ народы съ собою, стаютъ ся пользою для вспôльнои культуры, и дѣютъ ся звычайно безъ гуку и стуку. Успѣхи мирныхъ сношеній народôвъ приготовляютъ ся въ тишинѣ и ажь бôльшіи розмѣры набравши, объявляютъ ся великому свѣту и въ исторіи. Такъ и ту исторія заховала намъ гдекоторіи свѣдѣтельства о результатахъ, а замолкла о постепеннôмъ внутренôмъ розвитію торговельныхъ отношеній и ледво кôлькома словами о событіяхъ того краю напôмкнула. Зъ тыхъ скупыхъ намекôвъ тôлько довѣдуемъ ся, що дружба съ нѣмецкими городами Пруского ордина встрѣчала внутрѣ рускои державы на суперникôвъ, що произходили якіи то несогласія и роздоры, що были такіи, которіи союзы съ нѣмецкими городами несправидливо оскорбляли, на тіиже клеветали, брехали (obhulantium); словомъ связи рускихъ князей съ нѣмецкими городами противили ся. Князь Юрій II. выходячи зъ становища, що провѣдѣнье Божое поставило князей не тôлько для панованя надъ людьми, но такожь на сторожей мира и правды, старалъ ся за помочію правды выкорѣнити полову зла, ôтвернути несогласія, утвердити тишину мира и дружество съ городами нѣмецкими, — и для того разомъ съ боярами новыми грамотами утвердилъ, скрѣпилъ и ôтновилъ р. 1334 и 1335 всѣ ненарушиміи договоры предкôвъ своихъ съ нѣмецкими городами[98]).

Потверженье и обновленье тыхъ уговорôвъ было остатнимъ всенароднымъ дѣйствомъ князя Юрія II. Ôнъ умеръ р. 1336[99]), пôдля иныхъ

---

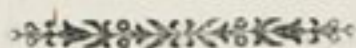
[97]) Грамота Андрея зъ р. 1320.
[98]) Vide: Карамзинъ, Т. IV. nota 276 et Voigt codex diplomaticus ut supra.
[99]) Карамзинъ Т. IV.

1337. Юрій II. звалъ ся другимъ именемъ словяньскимъ Казимиръ[100]), по примѣру иныхъ многихъ рускихъ князей, которіи окрôмъ именъ словяньскихъ носили также имена греческо-христіяньскіи. Съ нимъ скôнчилъ ся рôдъ старшои линіи Романовичей.

Князѣ рускіи такъ добре якъ и бояре уживали уже въ тіи времена певныхъ ознакъ або такъ званыхъ гербôвъ.

Ознака Володимирскихъ князей былъ ѣздець узброеный, тримаючій въ руцѣ щитъ и хоругвь; такожь лицарь держачій въ руцѣ копіе, на около него звѣзды, мѣсяць и крестъ. Такое изображенье представлено на однôй сторонѣ печати Льва, князя Луцкого, на другôй сторонѣ изображенъ левъ.

И бояры мали свои гербы. На грамотѣ данôй нѣмецкому ордину, привѣшеніи 8, на другôй 6 печатей боярскихъ. Печать епископа представляла образъ Божои матере, печать воеводы Борыса Кракулы представляе птицю; — всѣ прочіи печати затерли ся.



ПЕРІОДЪ ВТОРЫЙ.

Борбы межи Литвою и Польщею о землѣ Галицко-Володимирскои Руси — ôтъ времене пересѣченя династіи Романовечей до р. 1453.

I. ôтдѣлъ второго періода исторіи Галицко-Володимирскои Руси содержитъ событія ôтъ пересѣченя династіи Романовичей смертію Юрія II., и время панованя Болеслава Тройдановича ôтъ року 1337 — 1340 до забору Галицкой Руси черезъ Казимира В. и ôтъ того времени продолжаючіи ся борбы Польщи и Литвы о землѣ Галицко-Володомирской Руси до трансакціи въ р. 1366 и смерти Казимира В. въ р. 1370. — II. ôтдѣлъ мѣститъ въ собѣ времена панованя въ Галицкôй Руси Владислава Опольского до р. 1379, Людвика В. короля польско-угорского до р. 1382, и его доньки Маріи до вторичного забора земель Галицкой Руси черезъ королеву польску Ядвигу въ р. 1387. Также розказани суть современніи событія въ земляхъ Володимирскои Руси за панованя Любарта Гедыминовича ажь до женитьбы Ягайлы, Великого князя литовского съ Ядвигою и возвысшеня

100) Anonymus Gneznensis apud Sommersberg T. I. p. 97.

династіи Ягелонôвъ на тронъ польскій въ р. 1386, чему покоренье князе удѣльныхъ и бояръ Володимирскои Руси польскои коронѣ послѣдовало. — III. ôтдѣлъ содержитъ время вторичного соединеня Галицкои и Володимирскои Руси — теперь пôдъ верховною властію короны польскои въ слѣдство персональнои уніи Польщи съ Литвою. Борба межи Польщею и Литвою о землѣ Галицко-Володимирскои Руси переноситъ ся на дипломатичное поле переговорôвъ. Володимирская и Галицкая Русь участвуютъ въ борбѣ князей литовскихъ молодшои линіи съ польскою короною. Галиція тратитъ свою автономію и стае ся провинціею Польщи въ р. 1432; Володимирія тратитъ также остатокъ своей полусамостоятельности и пôдчиняе ся безпосередному владѣню Ливты по смерти Литовско-Луцкого князя Свидригайлы р. 1453.

I. Ôтдѣлъ.

По смерти Юрія II. важилъ ся вопросъ, кто въ княжествѣ Галицко-Володимирскôмъ наслѣдити мае. Позôсталъ еще сынъ Данила Мстиславича Юрій. Мстиславъ, отецъ Данила былъ сыномъ короля Данила. Суть историки, которіи того князя уважаютъ за сына одного зъ сынôвъ Гедымина, Наримунта[1]).

Окрôмъ князей зъ Рурикового поколѣня, володѣючихъ въ сѣвернôй Руси въ Москвѣ, Твери и Володимирѣ клязменьскôмъ, жили еще князѣ рускіи по городахъ и волостяхъ именно на Волыни, которіи свое происходженье ôтъ Романового поколѣня выводили[2]). Исторія не передала намъ всѣхъ именъ тыхъ родôвъ. Ôтъ нихъ то выводили гдекоторіи пôзнѣйшіи вельможніи домы въ южнôй Руси свое произходженье; такъ н. пр. дôмъ князей Острогскихъ, которыхъ предокъ, Даніилъ Острога, въ современныхъ дѣйствахъ одну зъ головнѣйшихъ роль ôтгрывалъ[3]). Всѣ жерела соглаша-

---

[1]) Stadnicki: Synowie Gedymina T. I. на пôдставѣ Длугоша. Анонимъ, старшій ôтъ Длугоша и современный, зве Юрія filiaster. Длугошъ толковалъ чрезъ братанецъ. Написъ на Евангелію Румянцовского музеа зве Юрія сыномъ Данила (Мстиславича), который вѣроятно женатый съ сестрою Любарта, сплодилъ Юрія и длятого Юрія Анонимъ сестрѣнцемъ (filiaster) Любарта прозвалъ.

[2]) Енгель, родославная картина объясняюча произходженье князей Заславскихъ, Острогскихъ и прочь, цитована въ повѣсти о Черв. Руси Зубрицкого.

[3]) Гвагнинъ въ польскомъ переводѣ Пашковского стор. 316, Т. II. Пов. о червонôй Руси Зубрицкого стор. 96.

Зубрицкій на стор. 152 наводитъ еще князей Збаражскихъ (?) и кладе ихъ на рôвнѣ съ князями Острогскими и Белзкими. Въ битвѣ пôдъ Ворсклою 1399 участвуютъ, ведля кроники Быховца, на сторонѣ Литовскôй пятьдесять князей рускихъ. Карамзинъ наводитъ Т. V. стор. 17, межи побитыми въ сраженю пôдъ Ворсклою князей Волыньскихъ Михаила и Димитрія Даниловича. Зубрицкій мнитъ, що они были потомками Даніила Романовича.

ютъ ся, що тыхъ князей было много, не иначе, якъ для того, що они розродили ся. Они жили межи собою въ распряхъ и може быти, що по смерти остатного князя Галицко-Володимирского княжества о наслѣдіе Романовичей спорили. Завидовали они одинъ другому и волѣли призывати чужихъ панôвъ и чужому владѣлцю повиновати ся, нижели позволити кому зъ своихъ на осироченый Галицкій тронъ вступити. Розродившіи ся князѣ дѣлили ôтцѣвства т. е. принадлежачіи ôтцямъ ихъ волости межи собою. И стало ся що силы ихъ, якъ сказуе жерело въ слѣдство ихъ множества и межиусобныхъ роздорôвъ ослабѣли[4]). Межи тымъ выступили чужіи притязателѣ до Галицко-Володимирского трона; именно выводилъ Любартъ право на той престолъ ôтъ жены своей, сестры остатного князя руского Юрія II.; а Болеславъ Тройдановичь ôтъ матери своей Маріи, старшои сестры Юрія II., або що правдоподобнѣйше, дочки Юрія I. а сестры ôтця Юрія II[5]), жившои до року 1341[6]).

Въ Европѣ было розширеное мнѣніе, що наслѣдіе въ княжествѣ Галицко-Володимирскôмъ принадлежитъ дѣтямъ Гедымина. Право наслѣдія Любарта выводятъ историки ôтъ жены его[7]); право Болеслава ôтъ сродства его съ Любартомъ[8]). Право Казимира, короля польского, который съ притязанями своими не скорше ажь по смерти Болеслава выступилъ, выводятъ ôтъ сродства его съ Болеславомъ Тройдановичемъ, або и отъ жены Казимира, а рôдной доньки Гедымина[9]), самъ же Казимиръ выводитъ свое право ôтъ сродства съ Галицко-Володимирскими князями[10]).

---

[4]) Krommer: „eorum (ducum Russiae) propter invidias et multitudinem extenuatae erant vires."

Dlugosz: rex Casimirus, nonnullorum ducum Russiae (plures enim ea tempestate exstabant) praecibus placatus.

Въ Памятнику Уневскôмъ на третôмъ листѣ наведени суть имена потомкôвъ роду князя руского Льва. Окрôмъ именъ красными буквами писаныхъ, Данила короля, Льва и князей Георгія и Димитрія (?), еще находимъ имена 36 лицъ: 5 женьского а 31 мужеского пола; межи тыми двохъ епископôвъ Антонія и Алексія. Историческій Галицкій сборникъ Т. II. стр. 152—153. прим. 69.

[5]) Anonymus Gneznensis. p. 97.

[6]) Въ тôмъ року умерла Марія Тройдановичова ведля Длугоша.

[7]) Pistorius in corpore historiae Poloniae III. p. 106. Зубр. II. о Ч. Р. стор. 130. Lubartus a patre nil acceperat, sed ex uxore dux erat Leopoliensis et Vladimiriensis. Такъ само и жерела Литовскіи: Stryjkowski i kronika Bychowca.

[8]) Такъ навручае Длугошь ad a. 1340: mortuo enim duce Russiae videlicet Leopoliensi et Vladimiriensi filio ducis Gedemini avunculo suo germano (Boleslao) etc.

[9]) Joannes Victorianus: hoc anno rex Ruthenorum (Boleslaus) moritur et rex Cracoviae (Casimirus) ratione consortis, quae filia regis Lithvaniae fuerat, terram apprehendere festinavit. У Стадницкого Т. II. nota 68. Böhmer fontes rerum germanicarum.

[10]) Листъ короля Ляхіи до патріарха царгородского. Зри Acta Patiiarchatus Constantinopolitani ed. Miklosich et Müller. Vindobonae 1860. T. I.

Королѣ угорскіи носили еще ôтъ временъ Коломана (въ XIII столѣтію) имя королей Галиціи и Володимиріи. Гдекотріи князѣ и бояры Галицкіи пригадавши собѣ по всей вѣроятности давнѣйшое посѣданье Галиціи черезъ королей угорскихъ, рѣшили-сь пôддати ся угорскому королю Каролю Роберту зъ дому Анжу. Угорскіи жерела сказують, що якій то князь Лохта (Влодко) ѣздилъ около праздника св. апостола Петра и Павла т. е. въ остатнихъ дняхъ мѣсяця Червня р. 1338 до Вишеграду въ Угры, и ту принятый съ великою честію слюбовалъ угорскому королю пріязнь и вѣрность вѣчную[11]). Тое извѣстіе стоитъ само безъ всякои связи съ послѣдствами и може быти, що король угорскій принялъ покоряючихъ ся ему бояръ рускихъ, но затрудненый справами роду своего и державы угорскои, не мôгъ теперь противу притязателямъ галицкого престола оружія звернути и оставилъ приверженцей своихъ безъ всякои помочи ихъ власнôй судьбѣ. Рôкъ пôзнѣйше 1339 забезпечивши сыну своему Людвику право наслѣдія въ Польщи съ всѣми ей принадлежачими землями, вспиралъ ôнъ якъ пôзнѣйше увидимъ притязаня короля польского а по крайнôй мѣрѣ не ставилъ Казимиру жадныхъ перепонъ въ ихъ осуществленю.

Еще ôтъ временъ Данила узнавали князѣ Галицко-Володимирскіи верховную власть Татарскихъ ханôвъ въ Киптшаку. Князѣ рускіи Левъ II. Андрей и Юрій II. вывязали ся ôтъ тои зависимости, хотя она для Галицко-Володимирскихъ князей не были никогда такъ тягостная, якъ въ княжествахъ сѣверо-рускихъ, и заключали ôтпорніи заговоры съ нѣмецкимъ ординомъ противу Татарамъ. По смерти Юрія II. пригадалъ собѣ ханъ Киптшакскій Усбекъ, що его предкамъ яко верховнымъ панамъ такожь князѣ Галицко-Володимирскіи послушали, и по всей вѣроятности побуженый самыми рускими боярами и князями, пôслалъ двохъ татарскихъ царикôвъ, спосôбныхъ управителей, бы въ имени его приняли узды правленя, однакожь тіи не долго тутъ проживали. Князѣ и бояры рускіи, непостоянніи, вѣтреніи въ своихъ постановленяхъ, властелюбивіи и несворніи, отроили ядомъ на самъ передъ одного а потôмъ дру-

---

[11]) Pray annales Hungariae. Turocz давнѣйшій писатель сказує, що Лохта обѣцялъ угорскому королю: amicitiae incrementum, а Прай пôзнѣйшій и ползовашій ся Турочомъ сказує: „що Лохта слюбовалъ:“ „in Hungarorum se amicitia et fide perpetuo mansurum“ т. е. королю угорскому пріязнь и вѣрность на вѣки. Праеви особистость Лохты въ всемъ незнаема, ôнъ догадує ся, що Лохта былъ тымъ княземъ рускимъ, съ которымъ угорскій король провадилъ вôйну въ р, 1330 и 1332. Нарушевичь безосновно мнигъ, що сей Влодко былъ якій то ôтъ Татаръ угнѣтаный князь подôльскій. На Подôлю володѣли князѣ татарскіи отчичѣ, т. е. по ôтцяхъ своихъ. Прай зве его: „dux Ruthenorum“ и не можь сомнѣвати ся, що то былъ одинъ зъ князей воеводъ рускихъ, стоячій на челѣ Галицкихъ приверженцей короля угорского.

гого[12]). Ханъ татарскій увидѣлъ, що не возможно есть черезъ намѣстниковъ такъ отдалеными сторонами управляти, про то не противилъ ся, коли рускіи бояры князя Мазовецкого Болеслава Тройдановича на княжескій тронъ призвали.

Ôтъ коли Владиславъ Локетокъ, вытиснувши Чеховъ съ Польщи завладѣлъ Малопольщею, соединилъ въ теченю времене Мало-Польщу съ Велико-Польщею и за повелѣньемъ папы Іоана XXII. принялъ былъ вѣнецъ королевскій: ôтъ тогды водворилась зависть въ сродныхъ Владиславу Локетку князяхъ Мазовецкихъ, которая не тôлько князей Мазовецкихъ характеризуе, но и князей Шлезіи происходячихъ зъ рôзныхъ отраслей того самого рода Пястôвъ. Князѣ Мазовецкіи вязали ся ôтъ тогды еще тѣснѣйше, не лише съ Литôвцями но и съ рицарями нѣмецкого ордина. Ôтъ коли зачалъ ся споръ о землю поморскую и куявскую межи Польщею и нѣмецкимъординомъ, ôтъ коли Владиславъ заключилъ былъ союзъ съ Гедыминомъ и оба князѣ часто соединяли силы свои до бою противу ордину, ôтъ тогды залежало Гедымину дуже на тôмъ, Мазовецкихъ князей ôтъ союза съординомъ ôторвати. Зъ ôтси походятъ малженьства и союзы, якіи межи мазовецкими и литовскими дворами завязывали ся. Зъ другои стороны принуджаютъ король ческій, союзникъ ордина и рицарѣ нѣмецкіи мазовецкихъ князей служити имъ при новыхъ военныхъ предпріятіяхъ на Литву и длятого въ лѣтахъ 1336 и 1337 литовскіи князѣ, сынове Гедымина и якій-то боярскій сынъ Русинъ Давидъ, скоро ино минуло небезпечевьство ôтъ стороны Прусъ и войско нѣмецкого ордина до дому ôттягнуло, напали на Мазовію и грозно волости и городы (Пултускъ, Цьехановъ) опустошили.

БОЛЕСЛАВЪ ТРОЙДАНОВИЧЬ

Року 1313 умеръ князь Болеславъ Мазовецкій и зôставилъ трехъ сынôвъ: Семовита (Ziemowita), Тройдана а зъ другои жены Вацлава, которого жерела прозвали Ванькомъ.

Старшій Семовитъ уступилъ скоро зъ поприща дѣяній, а зôставшіи ся Тройданъ и Вацлавъ подѣлили ся ôтцѣвствомъ. Тройданъ княжилъ въ Черску а Вацлавъ въ Плоцку. Тройданъ былъ женатый съ княгинею рускою Маріею. Его жена умерла р. 1341, а ôнъ самъ проживалъ до року 1347. Сынъ Тройдана и Маріи былъ Болеславъ (Тройдановичь), надѣленый, якъ мы уже высше сказали, ôтъ Галицко-Володимирскихъ князей якимъ то удѣломъ и прозваный княземъ Руси уже р. 1327. Сего князя, потомка питомого рода князей Галицко-Володимирскихъ, призвали собѣ князѣ и бояры рускіи одноголосно (unanimiter[13]) за наслѣдника трону княжества Галицко-

---

[12]) Eccardus corpus historiarum medii aevi. Chronica Joannis Vitodurani. Stadnicki synowie Gedymina T. II. p. 7.

[13]) Anonymus Gnesnensis apud. Sommersberg T. I. p. 98.

Володимирского. Новый князь може быти уже въ давнѣйшихъ временахъ приготованый на наслѣдника княжества Галицко-Володимирского, и для того въ вѣрѣ по греческому обряду воспитаный, перейшолъ въ теченю времене за побудженьемъ Владислава Локетка, своего дѣдного вуя (proneрos Vladislai) на лоно католическои церкви[14]). Призваный рушилъ ся вѣроятно не самъ, но съ своею дружиною и съ ȏтповѣднимъ войскомъ до Львова. Горожане Львȏвскіи замкнули передъ нимъ брамы и не ȏтворили ихъ скорше, поки Болеславъ не съобовязалъ ся, зложеныхъ въ замкахъ княжескихъ сокровищь не рушати и горожанами пȏдля стародавныхъ правъ и звычаѣвъ правити[15]).

Новый князь княжилъ строго. Ȏнъ выбиралъ великіи може до сихъ поръ незвычайніи дани, по всей вѣроятности не лишь ȏтъ простыхъ людей, но и ȏтъ бояръ и вельможь. Ȏнъ обсаджалъ высокіи уряды самыми чужосторонными, вводилъ вѣру латиньскую и окружилъ ся Нѣмцями, Поляками, Чехами и Силезанцями, которіи до молодого, недосвѣдченого и новшою культурою переймившого ся князя може и надчисленно горнули ся. Чужеземцямъ тымъ роздавалъ высокіи уряды, пренебрегалъ народніи звычаи и переданіи законы — а що найгȏрше, нарушалъ также фамилійную жизнь, зводилъ и обезчещалъ своимъ невоздержаньемъ молодицѣ и дѣвицѣ вельможь рускихъ такъ, що наконець закипѣла пȏмста. Бояры рускіи задумали князя Мазовецкого спрятати зъ свѣта, но не смѣючи пȏднести отвертого бунту на князя, окруженого чужосторонными и може еще и численною стражію, загадали пȏдступнымъ способомъ его отроити. Надȏйшло свято Благовѣщеня, день 25. Марта 1340. року. Бояре рускіи забыли Бога въ сердци и влеченіи престрастіемъ вѣроятно при якȏмъ то бенкетѣ, пȏдставили юному князю напȏй съ ядомъ и отроили его. Страшное событіе! Отрова были такъ сильная, що на кусники тѣло нещастного князя розсадила[16]). — Гдежь то ся стало? запытае любопитный читатель; которого города люде ужаснули-сь, дивлячи ся на такъ наснодѣваное и страшное убійство добровȏльно призваного правителя и потомка роду Даниловего?

Отвѣтъ на той вопросъ залежитъ по бȏльшȏй части ȏтъ отвѣта на вопросъ: „где княжилъ Болеславъ, чи въ обохъ княжествахъ Галицкȏмъ и Володимирскȏмъ, чи лишь въ Галицкȏмъ, по княжескȏй столици названȏмъ Львȏвскою землею? Если Болеславъ владѣлъ лишь Львȏвскою землею, то резидовалъ нигде инде, якъ въ Львовѣ. Львȏвъ былъ тогды осередкомъ

---

[14]) Theineri monumenta Lithv. et Poloniae T, I. Romae 1860. p. 299. вмѣсто Boleslaus стоить ту Roleslaus dux Russiae.

[15] Zimorowicz triplex Leopolis. Смѣшивае туть Льва съ Юріемъ II. незналъ бо, що по Львѣ княжили въ Галицко-Володимирскȏмъ княжествѣ его потомки до р. 1337.

[16]) Chronica Vitodurana w Stadnickiego synowie Gedymina T. II. strona 11. 13. nota 26. 27.

всѣхъ политичныхъ движеній, — оже нигде инде по всей вѣроятности, но въ Львовѣ отроили князѣ наслѣднака Галицкого трона, юного мазовецкого князя. Но жерела отвѣтъ на той вопросъ замолчали и лишь передали тое короткое извѣстіе, що Болеславъ во смерти Юрія II, князя цѣлого княжества Галицко (Львôвско)-Володимирского, наслѣдилъ ему яко дядѣ т. е. вуеви своему[17]). Также не знати, якъ долго княжилъ Болеславъ въ Галицкой Руси по смерти Юрія II; по всей вѣроятности и якъ въ обще принято, ôтъ р. 1337 або 1338 до 25. Марта р. 1340.

По смерти Болеслава Тройдановича выступилъ яко местникъ обиды своего сродника и на основѣ сродства, яко иный правовитый наслѣдникъ его, король польскій Казимиръ Владиславичь.

Другимъ притязателемъ Галицко-Володимирскои области былъ Любартъ Гедыминовичь.

ЛЮБАРТЪ ГЕДЫМИНОВИЧЬ

Мы уже высше сказали, що Любартъ былъ женатый съ сестрою остатного князя Галицко-Володимирского. Основуючи свои права наслѣдственіи до трону Галицко-Володимирского на правѣ жены своей, а може еще и на якôмъ уговорѣ, которымъ по всей вѣроятности заключила сь вôйна межи Гедыминомъ и князями Галицко-Володимирскими, осадилъ ся Любартъ Гедыминовичь въ Володимирскôй и Луцкôй земли, однакожь не безъ супротивленя тамошнихъ вельможь и князей. Любартъ одныхъ побѣдилъ и зъ посѣдлостей прогналъ[18]), такъ въ Луцкой земли и прилежачихъ до ней областяхъ[19]), другихъ оставивши въ занятыхъ ними земляхъ принудилъ покорити ся ему. Незнати, чи Любартъ и Галицію завоевалъ былъ, чи его заборы лишь на едную часть нѣслѣдія Даниловичей, на землю Володимирскую и Луцкую ограничали-сь. Жерело польское[20]) уважае Любарта яко наслѣдника Галицко (Львôвско) — Володимирского княжества. Литовское жерело сказуе,

---

[17]) Anonymus Gnesnensis (apud Sommersberg II. p. 97) „mortuo magnifico principe Casimiro dicto Georgio totius regni Russiae duce, Troyden dux Mazoviae, qui Casimiro avunculo suo in ducatu Russiae successerat" etc.

[18]) Krommer. L. XII. p. 308. Lubartus Gedimini Lithvanorum ducis filius cum Vladimiriensium ducis filiam uxorem duxisset omni eo tractu Russiae, qui Lithvanis finitimus est, Russiae ducibus — vel ejectis vel in ditionem acceptis, potitus est.

[19]) Długosz L. IX. p. 1087. относить то событіе до пôзнѣйшого времене, пôдъ р. **1349.** „Casimirus, rex Poloniae, primum ad terram. Lutsko, quam tunc Lubartus Lithvanus filius Gedemini, ejectis antiquis Russiae principibus cum nonnullis aliis pertinenciis occupabat."

[20]) Długosz: Lubartus ultimus sortem inter fratres non accepit, matrimonium ducis Vlodimiriensis sortitus, cum quo illi ducatus Leopoliensis et Vlodimiriensis obveniebat. Długosz ad. a. 1352. L. IX. p. 1096. „grandi enim praefatus dux Olgerdus cruciabatur spiritu, quod Casimirus Poloniae rex plenam Leopoliensis terrae possesionem, mortuo filio Trojdeni ducis nactus fuisset."

що Любартъ по смерти тестя своего одѣдичилъ былъ княжество Володимирско-Волыньское, которое въ войнахъ съ Казимиромъ Локетковичемъ, выступившимъ съ притязанями по смерти Болеслава Тройдановича, по за Львôвъ и горы Карпатскіи былъ розширилъ[21]). Не есмо въ состояню рѣшити вопросъ, чи Любартъ былъ еще передъ Болеславомъ Тройдановичемъ завладѣлъ цѣлымъ наслѣдіемъ Даниловичей и ôтъ того князя выпертый зôсталъ по крайной мѣрѣ зъ Галиціи въ время, коли всѣ Литовскіи князѣ занятіи строгою войною съ ординомъ, не могли Любарта вспирати, чи може владѣлъ Любартъ ôтъ самого початку Володимирско-Волыньскимъ княжествомъ, и не тыкалъ ся Галицко-Львôвскои землѣ где, якъ мы видѣли, Болеславъ Тройдановичь былъ вокняжилъ ся, чи може наступилъ якій дѣлежь межи обома князями Болеславомъ Тройдановичомъ, сыномъ однои доньки, и Любартомъ, мужомъ другои доньки которого зъ остатнихъ Галицко-Володимирскихъ князей[22]). На всякій случай Любартъ еще передъ смертію ôтця своего Гедымина, (послѣдовавшей въ р. 1339, а пôдля иныхъ въ р. 1340) завладѣлъ Володимирскою Русію, бо иначе не былобы причины, для которои Гедыминъ, надѣливши всѣхъ своихъ прочихъ шѣсть сынôвъ осôбными удѣлами, одного зъ старшихъ сынôвъ Любарта жадною областію внутрѣ Литовскои державы не былъ надѣлилъ. Любартъ родившій ся р. 1299, милый былъ ôтцю якъ и прочіи сынове, и воевалъ разомъ съ своими братьми въ справѣ старого ôтця своего; такъ н. пр. р. 1336 межи прочими сынами Гедыминовыми опустошаючими Мазовію, читаемъ также имя Любарта[23]).

Гедыминъ, надѣляючи сынôвъ своихъ удѣлами, розпоряджае пôдля жерелъ Литовскихъ[24]) Володимирско-Волыньскою землею, якъ бы частцою самои Литовскои державы. Одныхъ сынôвъ надѣляе княжествами приналежачими уже ôтъ давнѣйшихъ временъ до Литвы, такъ н. пр. надае Коріатови Новгородокъ малый, Кейстутови Троки и всю землю Жмудскую; Наримунта прозваного на крещеню Глѣбомъ надѣляе Полѣскими волостями надъ Припетію ôторваными уже давнѣйшихъ лѣтъ ôтъ княжества Галицко-Володимирского, Любартови же надае Володимирь и Луцкъ, до которыхъ земель Любартъ право черезъ свою жену былъ пріобрѣлъ.

КАЗИМИРЪ ВЕЛИКІЙ

Казимиръ наслѣдилъ ôтцю своему Владиславу Локетку на тронѣ королевства польского року 1333. Женатый еще р. 1325 съ донькою Гедымина, великого князя Литовского

---

[21]) Stryjkowskiego kronika litewska. Стрыйковскій доносить, що жена Любарта (Буча) была донькою а не сестрою (Юрія II.) остатного Галицко-Володимирского князя.

[22]) Krommer L. XII. p. 309.

[23]) Długosz L. IX. p. 1037: содѣйстуе въ тôмъ походѣ такожъ „patricius filius David Ruthenus:“ —

[24]) Kronika Bychowca (Pomniki do dziejów litewskich Narbutta) str. 17

Анною, одѣдичилъ ôтъ ôтця своего союзъ съ Литвою и вôйну съ ординомъ нѣмецкимъ, провадженую о Куявію и Поморіе. Казимиръ не мôгъ самъ жестокому ворогу нѣмецкому рады дати. До того малъ еще другого ворога при боку, Іоана, короля Ческого, который давніи права ческихъ королей до короны Польскои припоминалъ и области, приналежачіи ôтъ давна до составу польского народа и владѣня, притязивалъ. Зъ тои причины пригорталъ Іоанъ пôдъ свою верховную власть князей Мазовецкихъ и Силезкихъ, правыхъ потомкôвъ княжеского роду Пястôвъ. Казимиръ обзиралъ ся за союзникомъ и знайшолъ такого въ особѣ Короля Роберта, короля угорского. Король Робертъ посредничилъ миръ межи королемъ ческимъ и Казимиромъ, королемъ польскимъ. Король ческій зрѣкъ ся былъ своихъ притязаній до короны польскои, за то Казимиръ ôтступилъ ему свои права до древного дѣдицтва Пястôвъ т. е. до княжествъ Силезкихъ. Король Робертъ намѣрялъ также погодити короля польского съ рицарями нѣмецкого ордина; — но примиріе про упорство обохъ сторонъ, обстаючихъ при здобитыхъ земляхъ и мнимыхъ правахъ, не прійшло въ дѣйство.

Король Угорскій зъобовязалъ ся трактатомъ зъ 7. Липня въ Вышегородѣ 1339[25]) вспирати Казимира въ борбѣ съ прочими ворогами и помагати до ôтзысканя всѣхъ ôтъ Польщи ôторваныхъ земель и краѣвъ, а особенно до ôтзысканя Помераніи зъ рукъ рицарей нѣмецкого ордина[26]). Тіи всѣ приреченя и зъобовязаня ся недѣяли ся безъ користи зъ стороны короля угорского. Казимиръ, король польскій, не маючи ôтъ своей жены Анны[27]), съ которою жилъ уже 14 лѣтъ, жадного мужеского потомка, призначае за содѣйствомъ коронной рады Людвика, сына угорского короля, Короля Люберта и рôдной сестры своеи королевои Елизабеты, за наслѣдника въ Польщи, въ случаю, если-бы и въ будучнôсть непощастило-сь Казимиру зôставити державѣ сына за наслѣдника. Тое признанье наслѣдства въ Польщи чужому родови съ покривдженьемъ природного права жіючихъ еще Пястôвъ, не было также безъ користей для боярства и вообще для высшого сословія въ Польщи, которое соотвѣтно духови того времене представляло народъ. Обезпечени въ своихъ правахъ и привилеяхъ ôтъ стороны новоизбраного наслѣдника короля якоже и ôтъ станôвъ угорскихъ, радніи паны и дворяне польскіи дбали лишь о розширенье славы на внѣ и ôтзысканье древнихъ границь королевства польского, и для того съ пренебреженьемъ природныхъ правъ Пястôвъ, политики рады признали наслѣдникомъ сына дочки Владислава Локетка и короля угорского, пред-

---

[25]) Miechowita chronica Polonorum L. IV. p. 225.

[26]) Тая трансакція еще до сихъ поръ не открыта въ своей цѣлости и знаема есть лишь зъ Анонима Гиезненьского (in collect. Sommersbergi) и зъ извлеченя въ угорскихъ жерелахъ.

[27]) Анна умерла 28. Червня 1339.

уготовляючи тымъ дѣломъ соединенье двохъ державъ въ одную цѣлость. Тое все дѣяло ся въ время, коли папа римскій, обитаючій въ Авиніонѣ, съ цѣсаремъ Людвикомъ баварскимъ въ распрѣ жилъ и короля угорского и ческого противу Людвику побуджалъ. Щобы сусѣдніи владѣлцѣ неприятеля головы католической церкви лучше оспоривати могли, спріялъ папа примирію ческого короля съ Казимиромъ и союзу Казимира съ королемъ угорскимъ; впрочемъ годилъ такожъ короля польского съ ординомъ нѣмецкимъ, хотя на дармо.

Борбы Литвы и Польщи съ нѣмецкимъ ординомъ мало коли пригасали, а пригасши возпламеняли сильнѣйше и грознѣйше, однакожь уже ôтъ р. 1337 нѣтъ солидарности межи Гедыминомъ и Польщею, которую впрочемъ и папы римскіи яко вѣруючу дочку ôтъ дружбы съ поганьцями и невѣрными ôтвести намагали ся. Въ мѣсто Литвы видимъ при боцѣ Польщи нового ей союзника, короля угорского, ôтъ не сполна року (бо ôтъ Юлія р. 1339). Коли галицкіи бояры Болеслава Тройдановича отроили и тымъ королю польскому надали причину и случайность до завладѣня Галиціею, наступило тоеже, може быти за помочію а по крайной мѣрѣ за согласіемъ угорского короля и его сына наслѣдника, которіи ôтъ временъ трансакціи въ Вышегородѣ питали-сь надѣею для своего роду, цѣлую Польщу съ новопридбаными краями колись загорнути.

Дня 8. Априля р. 1340. въ Томину недѣлю, разъ абы смерть сродника своего Болеслава Тройдановича помстити, а потому абы выпередити Литовцей, чекаючихъ на пріобрѣтенье цѣлого наслѣдія Романовичей и Татаръ, уважаючихъ себе всегда за верховныхъ панôвъ княжества Галицкого, двигнулъ ся Казимиръ несподѣвано съ самою кôнницею, т. е. своими придворными боярами, лицарями и слугами зъ Кракова въ Галицкую землю. Но щобы усплеціи силы Галицко-руского народа не взбудити и уваги рускихъ воеводъ владѣючихъ поединчими волостями и городами, на себе не стягнути, и ихъ соединеня силъ въ цѣлы сопротивленя не побудити, ступалъ Казимиръ съ своими на борзѣ собраными войсками не простою дорогою, ведучею черезъ бôльшіи городы, но лѣсами и мановцями — и явилъ ся несподѣвано передъ Львовомъ на великій страхъ и переполохъ всѣхъ жителей окрестныхъ и самого города Львова. Прійшовши ôтъ запада, здобылъ насильно на самъ передъ укрѣпленье св. Юрія и ту высѣкъ всѣхъ людей ôтъ малого до великого, которіи въ переполоху зъ окрестностей по за городомъ сюды поутѣкали и въ укрѣпленяхъ монастыря, церкви и кладбища монастырского убѣжища шукали[28]). Казимиръ здѣлалъ тое може для того, що засѣкшіи ся въ монастырѣ и на его кладбищи люди не хотячи пôддати-сь обороняли ся, а може и для того, щобы такимъ жестокимъ

---

[28]) Левъ Шептицкій, митрополитъ Кіевскій въ своемъ описѣ епархіи Львôвской 1761.

поступованьемъ и самому городу страха нагнати и затворившимъ ся въ немъ боярамъ дати до пôзнаня, чого при бôльшôмъ супротивленю ôтъ короля очѣковати маютъ. Городъ Лѣвôвъ не былъ на такъ ôтважный нападъ короля польского приготованый, не малъ ни потребныхъ запасôвъ, щобы долгую осаду выдержати, ни достаточныхъ военныхъ силъ, щобы скутечный ôтпоръ ставити. Казимиръ приступилъ до осады города, которого судьба при такихъ обстоятельствахъ не могла быти сомнѣтельною. По не долгôй осадѣ, горожане переполошеніи, тиснени неудачію въ гденикотрыхъ схваткахъ, здаютъ ся Казимиру, убезпечивши собѣ условіями житье, имѣнье и вѣру. Отворено ворота городскіи, черезъ которіи вôйшолъ польскій витязь, бывшій тогды въ самôмъ цвѣтѣ мужеского вѣку, на челѣ избраного лицарства своего. Въ городѣ ôтобралъ обѣтницю вѣрности и послушеньства, а оставивши правленье города дотеперѣшному управителю намѣстнику, вернулъ ся домôвъ. При тôй способности забралъ сокровища сложени въ обохъ замкахъ городскихъ высшôмъ и низшôмъ, именнно много золота и сребра, перлы, два золотіи кресты съ часткою св. креста, двѣ золотіи короны, украшеніи многими биссерами, княжіи одежи и проч.

Казимиръ не мôгъ еще теперь войскъ своихъ яко залогу въ городѣ оставити, щобы бояръ и горожанъ рускихъ въ новообѣцянôмъ послушаню удержати, бо былъ бы тымъ способомъ дуже ослабилъ свои и такъ не великіи, бо на борзѣ собраніи военніи силы[29]). Два обширніи деревяніи замчиска въ Львовѣ могли лишь значительною засадою обороняти-сь и защищати-сь въ случаю якого народного возмущеня. Казимиръ не хотѣлъ тыхъ варовень рускимъ боярамъ на произволъ лишити, которіи бы по его ôтходѣ легко збунтовати ся, и укрѣпивши-сь въ давныхъ варовняхъ, прежному завоевателю сильный ôтпоръ ставити могли. Казимиръ загадалъ протое передати деревяніи обѣ варовнѣ огню. Тое здѣлавши зôставилъ бояръ рускихъ середъ попелища, и скоро, нижели еще народъ опамяталъ ся, съ забраными богатствами и княжескими маетками пустилъ ся домôвъ тыми самыми манôвцями, которыми прійшолъ былъ.

Такая щастливая удача, преобрѣтенье тôлько сокровищъ, сдѣлало доброе впечатлѣнье въ Краковѣ, и розбудило охоту до военныхъ подвигôвъ для пріобрѣтеня прочихъ земель и городôвъ послушаючихъ не давно Болеславу Тройдановичу. При такôмъ народнôмъ розположеню горнули-сь численіи войска зъ польскихъ земель и областей на вôзванье короля польского пôдъ знамена его, щобы другій похôдъ на Галицкую Русь предприняти. Стало-сь, що въ самое лѣто року 1340 по святѣ св. Іоана Хрестителя, вырушилъ Казимиръ съ умножеными военными силами простою дорогою,

---

[29]) Krommer L. XII p. 309. „cum ipse distrahere in praesidia earum copias suas exiguas, non satis tutum sibi ipse existimaret."

сопроводжаючою серединою краю черезъ бôльшіи городы и крѣпости, ь. Галицкую землю. На дарозѣ задержалъ ся при поединчихъ крѣпостяхъ; однiи добровôльно здавали-сь королю польскому, ступаючому съ переважными силами, иніи же не могучи освоити-сь съ мыслею пôданя ся, не слѣдовали прежному примѣру головного города и зъ самого отчаяня супротивляли-сь и бороли-сь. Однакожь даремніи были ихъ усилія! Городы силою оружія принуженіи были здати ся[30]) Многіи зъ бояръ рускихъ, которіи уповали на помôчь Татарску, о которôй теперь стали промышляти, стояли всегда еще съ оружіемъ въ руцѣ противъ Казимиру и не хотѣли покорити ся; не смѣючи однакожь соединеными силами на отвертôмъ поли бою розпочати, бороли-сь въ меншихъ схваткахъ ôтдѣлами, поки король цѣлкомъ ихъ не побѣдилъ и не розточилъ. Казимиръ завоевалъ городы Перемышль, Любачôвъ, Тустань, Галичь, Теребовлю и совершилъ покоренье землей ажь по самъ укрѣпленый городъ Кремянецъ. Въ завоеваныхъ городахъ а по крайнôй мѣрѣ въ Львовѣ оставилъ Казимиръ для убезпеченя нового порядку нѣмецку засаду, но сановникôвъ древного княжества руского задержалъ еще при ихъ достоинствахъ и урядахъ; наконецъ влекомый иными справами державы повернулъ до Кракова.

Поданье гденикоторыхъ польксихъ жерелъ, що Казимиръ уже того року завоевалъ Володимирь Волыньскій и Луцкъ съ прилежачими землями, оспоривае историческая критика[31]). Холило польскимъ историкамъ, щобы доказати насупротивъ Литвы давное право Польщи до Волыня; такъ якъ литовскіи историки давнôсть права Литвы до Подоля доказати силовали-сь. Польскіи писателѣ подôбно и литовскіи стараючи-сь заборы свои посунути до найдавнѣйшихъ временъ, вязали пôзнѣйшіи событія съ попереднѣйшими и тымъ хронологію Галицко-Володимирской Руси много замотали. Однакожь одное обстоятельство, маловажное на око: що на челѣ збунтовавшихъ ся противу Казимиру въ якôмъ то времени по другôмъ походѣ на Галицію станулъ предокъ князей Острогскихъ, Данило зъ Острога[32]), а Острогъ, отцѣвство Данила, лежитъ глубоко въ Волыни, — побуджае мя не ôткидати базъусловно поданя жерелъ польскихъ, бо для якои причины

---

30) Długosz L. IX. 1059. Casimirus „castra et civitates, ceterasque Russiae munitiones et fortalitia expugnat, nonnulis ultra se dedentibus in suam redigit potestatem.“ —

31) Зри Зубрицкого: Anonymus Gneznensis et Ioannes Długosz.

32) Anonymus apud Sommersberg T. I. p. 97. „quidam pessimus baro Detko nomine castrum Przemysl habens cum quodam Daniele de Ostrowdam (вмѣсто: Ostroh) etiam aliis nobilibus id ignorantibus imperatori Tatarorum intimarunt etc.“ Długosz L. IX. p. 1072. „Daskonis et Danielis de Ostrow.“ Krommer L. XII. pag. 311. „Tatarorum copiae in Russiam et Poloniam inundavere a Dascone qui rex Premislae prefecerat et Daniele Ostrogio et nonnulis aiiis Russis, res novas molientibus revocatae.“

малъ бы Данило зъ Острога вязати-сь съ Татарами противу Казимиру якъ для тои однои, щобы вывязати-сь зъ пôдчинености, которая для него была незносительна и въ котору такъ наступчиво былъ попалъ ся.

Другое лице, участвуючое въ современныхъ событiяхъ и стоячое на челѣ движенiй, которiи по заборѣ рускихъ земель черезъ Казимира послѣдовали, былъ Деметрiй Детко, княжескiй сановникъ, которому припоручало-сь воспитанье княжескихъ дѣтей, и который въ знаныхъ намъ грамотахъ въ року 1334 и 1335 межи прочими найвысшими достойниками княжества Галицко-Володимирского два разы вспоминае ся[33]). По первôмъ заборѣ рускихъ земель и по обезоруженю Львова володѣлъ ôнъ въ Перемышли. Жерело (Anonymus) зве го Деткомъ зъ Перемышля, подобно якъ Данила, друга его, Даниломъ зъ Острога (Krommer). Деметрiй Детко принялъ по смерти Юрiя II. правленье рускихъ земель въ имени древныхъ выгасшихъ князей. Ôнъ прозвалъ ся намѣстникомъ (старостою, capitaneus) Руси, а умершихъ князей называе своими попередниками.

Данило зъ Острога и Деметрiй Детко зъ Перемышля загадали зъ пôдъ власти Польщи за помочiю Татаръ выломати ся.

Татары гнѣвно позирали уже ôтъ самого початку на Казимира заборы въ земли рускôй, и суть слѣды, що уже въ роцѣ 1340, коли Казимиръ по первый разъ Русь забиралъ, воюючихъ съ королемъ польскимъ бояръ и вельможь рускихъ своими хотя може лишь малыми ôтдѣлами вспомагали[34]). Казимиръ обавлялъ ся, щобы самъ ханъ татарскiй Усбекъ въ тую справу Русинôвъ съ Польщею не хотѣлъ вмѣшати-сь. Про тое писалъ листъ до папы Бенедикта XII[35]), который съ ханомъ Татарскимъ въ прiязни жилъ и съ нимъ дарами обсылалъ ся, выкладаючи ему всю грозу бѣдствiй, якiи для Польщи возникнути могли бы, еслибы ханъ самъ хотѣлъ вмѣшати-сь въ распрю, которая не тыкала-сь безпосредно самого хана киптшакского, но татарскихъ ôтчичôвъ. Тiи, будучи зъ поколѣня Менутимура, володѣли Подôльемъ, о которое земля Казимиромъ забраная опирала ся.

Папа Бенедиктъ XII. писалъ листъ до хана Усбека 1340[36]), въ которôмъ его проситъ, щобы ôнъ если бы якои кривды або образы ôтъ короля угорского або польского досвѣдчилъ, не находилъ на краи тыхъ королей,

---

33) Voigt codex diplomaticus Prussiae T. III. p. 190. Quam unionem et concordiam — cum nostris baronibus vovimus conservare Demitrio Detkone etc."

34) Długosz ad 1340 L. IX. p. 1050. „quamvis autem nonnulli ex Russiae nobilibus principatum Casimiri, regis Poloniae aspernantibus, Tatarorum suffragiis freti resistentiam Casimiro regi facere crebris excursionibus tentassent, tamen etc."

35) Reynaldi annales ecclesiastici p. 134. apud Naruszewicz ks. XXI. st. 71. n.

36) Naruszewicza historia narodu polskiego w ks. XXI. str. 70. nota 4 умѣщае той листъ подъ днемъ 16. kal. Septembr.

но щобы сообщивши свою жалобу папѣ, позволилъ за его посредствомъ исправити нанесеніи тымиже королями кривды. Папа говоритъ о якихъ то можливыхъ распряхъ и сраженяхъ (guerras) межи слугами (officiales), пôдъ которыми розумѣти ся могутъ пôдвластніи князѣ короля польского и угорского зъ однои, а татарского хана зъ другои стороны.

Межи тымъ, чувствуючи всю важнôсть заборôвъ Казимира, не лишь ходатайствомъ старае ся папа ôтвернути ôтъ него и его союзника, короля угорского, высячое ôтъ стороны Татаръ небезпеченьство, но еще пôднесши справу Казимира до достоинства справы церковнои, заохочуе его листомъ (зъ дня 1. Августа 1340) въ его предпріятію, ôтпирати поганамъ, и наказуе архіепископу Гнезненьскому и епископу Кракôвскому и Вроцлавскому, щобы хрестовый походъ въ пользу борбы Казимира съ поганцями оголосили[37]). Грозячое небезпеченьство проволѣкло-сь по всей вѣроятности зъ причины смерти Усбека а по смерти его въ року 1342, зъ причины возникшихъ въ ордѣ непокоѣвъ. Но коли Джанибегъ, убивши брата Исанбега, вступилъ на обагреный кровію брата киптшакскій престолъ, постановилъ тойже удосточинити представленямъ рускихъ бояръ Данила и Демитрія, которіи писали хану, що Казимиръ беззаконно забралъ краи пôдвластніи Татарамъ и перекоротилъ дани, которіи Татары що року въ тыхъ краяхъ выбирали[38]).

Татары двигнули ся въ великôй силѣ на Русь, подбитую Казимиромъ, соединили-сь съ силами рускихъ князей бояръ, выгнали Казимирову засаду зъ Галицкихъ городôвъ, встремили-сь къ Вислѣ, и загадали туды вторгнути въ землю Судомирскую, а ôттакъ затревожити Кракôвъ, самую столицю польского короля. Другіи ôтдѣлы встремили-сь въ предѣлы союзника Казимировового, короля угорского. На дармо умоляли оба королѣ цѣсаря нѣмецкого о помôчь[39]). Они неполучили ей для особистыхъ роздорôвъ, якіи межи папою и цѣсаремъ Людвикомъ существовали.

Казимиръ до року 1343 былъ еще всегда въ распрѣ съ ординомъ[40]) и вспопагалъ Литовцей противу ордину, на що рицарѣ у папы римского жалили ся. Ажь року 1343 станулъ миръ за посредствомъ архіепископа Гнезненьского, — и Казимиръ въ день св. Киліана пріобѣцялъ и зъобовязалъ ся уговоромъ миръ держати съ ординомъ, и поганамъ (Литовцямъ) противу ордину бôльше не помагати[41]). Ôттакъ Казимиръ зôставленый

---

37) List Benedykta XII. z roku 1340 1. Augusta. Reynaldi annales ecclesiastici p. 134. ut supra,

38) Krommer L. XII. p. 311. „ne tributariam sibi Russiam (princeps Tatarorum) a Polonis occupari pateretur."

39) Naruszewicz st. 72. Chronicon Leobense. Scriptores rerum Austriae apud Hyronymum Petz, Зри: Stadnickiego synowie Gedymina.

40) Theineri monumenta Poloniae et Lithvaniae T. I. p. 459.

41) Voigt III. codex diplomaticus Prussicus. Königsberg. 1848. p. 51.

былъ самъ собѣ, бо король угорскій загроженый ôтъ Татаръ не môгъ его вспомагати, но долженъ былъ собственну державу передъ Татарами защищати. Казимиръ, собравши на борзѣ военніи силы зъ всѣхъ своихъ краѣвъ и областей, станулъ таборомъ на лѣвôмъ березѣ Вислы, и заступилъ Татарамъ и соединенымъ съ ними Русинамъ дальшую дорогу къ сердцю Польщи. Татары покушали-сь зразу вплавъ перейти рѣку, но увидѣвши, що противный берегъ добре обсадженый польскими войсками, дальшій переходъ залишили. Черезъ кôлька дней стояли по обохъ сторонахъ Вислы на супротивъ себе войска руско-татарскіи и польскіи, стрѣляли зъ луковъ стрѣлами, метали зъ военныхъ машинъ камѣнями взаимно на себе, и тымъ одни другихъ зъ занятого становища выперти намагали ся; при чемъ застрѣленъ былъ стрѣлою Татарскою воевода Судомирскій Альбертъ Челей, зъ дому Габданкъ, который то дôмъ пôзнѣйше важную ролю въ дѣяняхъ Галицкои Руси ôтгрывае. Татары ôтступили назадъ и вертаючи домôвъ може для пôзной поры року, напали на деревяну еще тогды крѣпость Люблиньскую, которои засада якъ могла такъ боронила-сь. Татары обсаджали Люблинъ черезъ кôлька день, но не учинивши ничого, ôтдалили-сь въ свои кочевища. Казимиръ поступалъ за удаляючими ся, причемъ настигъ на гденекоторіи заступы Татарскіи, наперъ на нихъ и ôтнѣсъ якую-то побѣду, которую гденекоторіи польскіи жерела до великихъ розмѣрôвъ увеличили[42]).

Нижели еще приступимъ до розказаня послѣдствій того руского движеня, которое дало поводъ Татарамъ загрозити переважными силами двѣ соединени державы, польскую и угорскую, налижитъ намъ еще высказати причины, для которыхъ рускіи бояре и вельможи такъ противными были панованю короля польского и для чого ненависть къ польскому правительству взросла до того степени, що бояре рускіи раднѣйше хотѣли послушати Татарамъ, якъ королю словяньского племени, сродного имъ произшествіями минувшихъ лѣтъ и сближеного сосѣдствомъ. Они лучше желали зависѣти ôтъ Татаръ, понеже Татары въ времена рускихъ князей въ дѣла внутреніи Галицко-Володимирскои Руси не мѣшали ся, вѣроисповѣданя не тыкали-сь, но самымъ лишь поборомъ, т. е. Татарщиною задовольненіи были. Иначе дѣлалъ король польскій, желаючій пованье свое въ новозавоеваныхъ краяхъ утвердити. Жерела розказуютъ, що Русины въ обще не радо послушали чужестороннымъ, за якихъ тогды Полякôвъ уважали, и що о свое вѣроисповѣданье убояли ся, коли увидѣли, якъ день въ день многіи ôтъ вельможъ, привлеченіи свѣтлостію трона короля польского

---

42) Порôвнай Длугоша L. IX. p. 1072. съ скромнѣйшимъ Кромеромъ L. XII. p. 311. и совѣстнымъ Анонимомъ Гнезеньскимъ. apud Sommersberg T. I. p. 79.

и заохочени достоинствами, урядами и прочими користями, покидали п... томый свой обрядъ и латиньскую вѣру принимали[43]).

Бояры рускіи по всей вѣроятности уважали тіи произшествія якъ бы недотриманье условій, до которыхъ Казимиръ при первомъ наѣздѣ на Львовъ былъ съобовязалъ ся. По отшествію Татаръ и изгнаню Казимира, увидѣли мирніи жителѣ слѣдства непевныхъ отношеній, при которыхъ не угасалъ еще и роздоръ, пануючій въ рускои земли отъ времени, якъ князѣ Галицко-Володимирскіи вымерли, про то затужили за супокоемъ. При такихъ обстоятельствахъ Демитрій Детко, намѣстникъ рускихъ краѣвъ, заключилъ примирье съ Казимиромъ, которого содержанье исторія не перековала, которое однакожь въ иной важной грамотѣ[44]) самъ Демитрій Детко соединеньемъ въ згодѣ (concordiae unionem) называе. Про загальность и двозначность того выразу и про недостатокъ прочихъ жерелъ незнаемъ, чи Демитрій и рускіи бояре пoддали-сь Казимиру, чи може рoдъ якои самостоятельности заховали. Погодивши-сь съ Казимиромъ и успокоивши землю, дае о томъ Демитрій знати раднымъ панамъ и купцямъ города Туруня, що земля успокоена, и щобы якъ давнѣйше за рускихъ князей, такъ и теперъ приходили до рускихъ краѣвъ и уже ничого не опасали ся. Ссылаючи-сь на давни права надани нѣмецкимъ купцямъ еще попередниками его, рускими князями, забезпечае Демитрій тымъ Туруньскимъ жителямъ, которіи бы въ Львовѣ поселити-сь хотѣли, за звычайною рочною оплатою дѣдицтва (hereditatem liberam) давныхъ за рускихъ князей приобрѣтеныхъ и приобрѣтаемыхъ имуществъ съ изъятіемъ однакожь тыхъ шкодъ, которіи купцѣ нѣмецкихъ городовъ по смерти остатного Галицкого князя отъ Львовянъ въ время внутреннихъ непокоѣвъ были утерпѣли. Тіи слова открываютъ, що движеня продолжаючіи ся отъ смерти Юрія II., поколибали добру вѣру въ безпеченьство особы и имѣня купцей нѣмецкихъ, приѣждаючихъ на Русь. О дальшихъ событіяхъ въ Галицкой Руси до року 1349 ничого впрочемъ исторія намъ не передала.

Король Казимиръ загроженый снова войною зъ стороны короля ческого, заключилъ съ Литвою 1345 дружбу и союзъ (amicitias, treugas, confoederationes) противу королю ческому, подерживаючому неустанную войну межи Литвою и ординомъ. Папа уже зъ своего становища дол-

---

[43]) Krommer Basileae L. XII. pag. 311. „Habebant autem ii (Rutheni) invisum Polonorum imperium, cum quod non libenter fere externis parent hominibus, tum, quod sectae ritibusque suis, ne calide sensim abolerentur metuebant. Videbant enim multos de suis ad nostros ritus, et ad Romanam, sive ad catholicam ecclesiam transire, pluresque in dies honoribus et aliis praemiis a rege ostentatis invitari."

[44]) Voigt codex diplom. Prussicus T. III. pag. 83. Datum in Lemburga. „Demetrius Detko provisor seu capitaneus terrae Russiae".

женъ былъ ôтводити Польщу ôтъ близшого союза съ Литовцями (поганцями) и Рисинами (шизматиками). Въ листѣ зъ Октобрія 1345. упоминае папа короля польского, щобы ôтступилъ ôтъ союза съ Литвою и дбалъ о тое, бы ôнъ, и его пôдвладніи, шизматикôвъ (князей литовскихъ греческого исповѣданя), противъ Христіянамъ католикамъ (рицарямъ и королю ческому), ни отверто, ни скрыто не вспомагали[45]). Що тое сближенье ся Казимира до Литвы было поводомъ до якихъ уговорôвъ взглядомъ земель Галицко-Володимирского княжества, або що таковый уговоръ уже товаришилъ наступившому сближеню ся Литвы до Польщи, догадуемъ ся. Жерело польское[46]) говоритъ о якôмъ то подѣлѣ Галицко-Володимирского княжества межи Литву и Польщу и ôтсылаесь до якой то грамоты, котора звѣстна намъ лишь зъ извлеченя[47]) и що до содержаня схôдна есть съ пôзнѣйшою грамотою, помѣщеною нами пôдъ р. 1354. Будь що будь, то передъ рокомъ 1349 Казимиръ не владѣлъ ни Брестьемъ, ни Белзомъ, ни Луцкомъ, ниже Володимирскою землею, но тыми землями владѣли Литовцѣ.

Если припустимъ, що Казимиръ вырушивши при кôнци Чирвня року 1340 переважными силами въ Русь, завоевалъ Волынь, тогды Любартъ приобрѣлъ тую землю для себе на ново; може въ тôмъ самôмъ року (1343), въ которôмъ звани ôтъ рускихъ бояръ Татары вытиснули Поляковъ зъ Руси, а може въ которôмъ инôмъ роцѣ передъ 1347[48]), на кождый способъ тогды, коли еще жребій вôйны межи Пруссами и Литвою важилъ ся, и еще ни на одну ни на другую сторону рѣшительно не былъ склонилъ ся. Вопросъ, чи Казимиръ уже въ р. 1340 вытиснулъ

---

[45]) Theineri monumenta Poloniae et Lithvaniae. T. I. p. 484.

[46]) Krommer. L. XII. pag. 309. „Quam (arcem Krzemieniec) tamen ex pacto cum Javnuto, Kejstuto et Lubarto, Lithvanis ducibus, Gedemini filiis, ejusdemque nepotibus duobus Georgiis, Narimundi et Coriathi filiis inito, penes Narimundi filium ad tempus in sequestro esse passus est, Vladimiriensem vero, Lucensem, Belzensem, Chelmensem, Brestensem dominatus ad bienium intactos eos reliquit (Casimirus). Cavebat enim, ne sibi ad cetera stabilienda impedimento essent. Hoc autem pactum paulo post, Javnuto summo principe et nato maximo inter filios Gedemini, ab Olgerdo et Kejstuto fratribus capto (1345) et de principatu dejecto, Olgerdus idem, cum ipsi successisset, renovavit." Тое жерело польское (Krommer) въ прочемъ совѣстную подавши намъ вѣсть о тôй грамотѣ утверджае, що Любартъ по смерти Тройдановича приобрѣлъ посѣданье его дѣдицтва, т. е. Руси. „illo (Boleslao) interempto, Lubartus eum ducatum possidebat." Едную часть еи, (Галицко-Львôвску) завоевалъ Казимиръ, то по крайной мѣрѣ приобрѣлъ Любартъ по смерти Болеслава Володимирское княжество, если оно уже по смерти Юрія II. не прійшло въ его посѣданье.

[47]) Inventarium in archivo regni in arce Cracoviensi, Lutatiae-Parisiorum MDCCCLXII. pag. 371.

[48]) Въ листѣ зъ Септембра р. 1347 зве бизантійскій царь Іоанъ Кантакузенъ Любарта княземъ Володимирскимъ. Acta Patriarchatus T. I.

Любарта зъ Володимира и иныхъ Волыньскихъ городôвъ, и чи Любартъ еще передъ р. 1349 по другій разъ завоевалъ тіи области, зôставляемъ отворомъ.

Противо Литвѣ вспираютъ ординъ, король ческій и угорскій, а король Казимиръ придивляе ся неутрально тымъ борбамъ. Не взираючи на тіи борбы, Литва была всегда еще могучею державою, и розпространяла вліянье свое на сѣверозападніи городы. Витебскъ, Смоленьскъ, и Полоцкъ суть въ тѣснôмъ союзѣ съ Литвою, а Псковъ и Новгородъ разъ въ ссорахъ, другій разъ въ приязныхъ ôтношеняхъ. На внутрь собылъ ся въ Литвѣ не малый переворотъ. Явнута, наймолодшій сынъ Гедымина, призначеный ôтцемъ за наслѣдника велико-княжеского достоинства, низверженъ зъ литовского престола и прогнанъ былъ братьми Ольгердомъ и Кейстутомъ зъ Вильна. Явнута и братъ того Наримундъ утѣкаютъ зъ Литвы; Наримундъ до Татаръ, зъ ôтки передъ р. 1348 повернулъ; Явнута шукалъ убѣжища у своего щурина великого князя Московского. На велико-княжескôмъ престолѣ засѣлъ Ольгердъ. Ôнъ премирилъ ся съ Явнутою и надалъ ему Заславіе въ замѣну за утраченый великокняжескій престолъ. Братя Ольгерда жіютъ ôтъ тогды въ згодѣ, заступаютъ ся одни другими вразъ съ своими союзниками, свобôдными рускими городами, ôтпираютъ напады ордина нѣмецкого, однакожь наконецъ нещастно! Дня 2. Лютого 1349 на самое свято Срѣтенія пресв. Дѣвы соткнули ся соединени войска литовскіи и рускіи, именно Новгородцѣ, Витебщаны, Полочане и Смоленьщане пôдъ проводомъ верховнымъ самого великого князя Ольгерда надъ рѣкою Стравою съ силами нѣмецкого ордина, которіи пôдъ проводомъ самого великого майстра Литву напали. Надъ Стравою являютъ ся также полки забраныхъ черезъ Литву частей Галицко-Володимирского княжества а именно: Полѣся, Пиньщины и Волыня[49]). Литва, хотя съ числеными союзными и пôдвластными рускими силами соединена, не могла стерпѣти удару желѣзно-панцерныхъ рицарей, которіи также къ тому рѣшительному бою найлучши силы свои были совокупили. Великій майстеръ ôтнѣсъ блестячую побѣду, горестную не лишь для Литвы, но и для городôвъ и земель, которыхъ жителѣ пôдъ знаменами Ольгерда бороли-сь. Догадивати-сь можна, що стануло якое то примиріе або договоръ межи Литвою и ординомъ, которого однакъ жерела не передали. Мы спостерѣгаемъ, що ôтъ року 1349 межи Литвою и ординомъ былъ супокôй, по крайнôй мѣрѣ жерела черезъ кôлька лѣтъ о взаимныхъ нападахъ ничого не вспоминаютъ[50]). Битва пôдъ Стравою мала и для Володимирскои Руси важни послѣдства.

Распра Казимира съ Чехами, котора р. 1345 споводовала короля ческого Іоана ажь къ Кракову хотя безъуспѣшно зближити ся, зôстала

---

[49]) Narbutta T. V. str. 41.

[50]) Dusburg chronicon.

за посредствомъ папы римского закôнчена примиріемъ. Папѣ залежало на тôмъ, щобы короля угорского и польского ôтъ союза съ нѣмецкимъ цѣсаремъ Людвикомъ ôторвати, который съ папою былъ въ спорѣ. За помочію короля ческого оспоривалъ папа Людвика, цѣсаря нѣмецкого. Про то залежало ему прекоротити споры короля польского съ королемъ ческимъ, и обернути взôръ и оружіе польского короля на Галицко-Володимирскую Русь, где дѣйства короля польского не лишь въ ничемъ не мѣшали прочихъ стосункôвъ политичныхъ папы римского, но еще для римскои церкви богатіи овочи пріобѣцьовали. Однакожь Казимиръ требовалъ много издержокъ, щобы предпріятія свои въ тôмъ направленю желательнымъ успѣхомъ увѣнчати, а сокровище королевское къ тому невыстарчало.

Казимиръ, непріятель преимуществъ (ексемцій) церковныхъ, принужалъ духовныхъ, всѣ тягары публичніи носити. Загадавши прекоротити своеволіе вельможь, каралъ всѣ переступленя безъ розличія стану строго и безощадно. Казимиръ, названый королемъ хлопôвъ, защищалъ права людскости нетôлько передъ необузданымъ своеволіемъ поединчихъ, но еще зверхъ того позносилъ заведеня, которіи переживши ся стали-сь тягаремъ для простого люда и духови времени не ôтповѣдали. Съѣздъ въ Вислици вымѣреный противу высшимъ сословіямъ, о кôлько тіиже свои ужитки на застарѣлыхъ преимуществахъ опирали (р. 1347), присобилъ для Польщи трвалый внутреній спокôй; однакожь, якъ кождое благонамѣреное дѣло, которое требуе жертвъ общого добра ради, встрѣчае на трудности ôтъ сторонъ тыхъ, ôтъ которыхъ особистыхъ жертвъ вымагае, такъ кажутъ, що и постановленя въ Вислици, якъ и прочій способъ правленя Казимирового ôтчужилъ ему духовеньство и многихъ вельможь, що такожь на будучіи предпріятія и пôдвиги на Русь значительно дѣйствовало. Высокіи духовніи и вельможи польскіи ôтхолонувши ôтъ первого запалу, якій мы пôдъ часъ пôдвига Казимира на Руси р. 1340 замѣчали, начали уважати подвиги Казимира яко родовую справу его, которая бы могла причинити ся до увеличеня славы и до умноженя могучества короля польского, чего однакожь польскіи панове для выжь наведеныхъ причинъ нежелали. Тымъ то дѣяло-сь, що духовніи и вельможи польски Казимира не вспирали, но коли ино могли ôтъ соучастія ôттягали ся, а были наветъ, якъ то пôзнѣйше увидимъ, межи ними такіи, которіи ни лишь, що его не вспомагали, но еще съ его ворогами Литовцями и Русинами на вредъ собственого отечества входили въ тайніи уговоры. При такôмъ розположеню въ Польщи шукалъ Казимиръ внѣ помочи, часто у короля угорского, а еще частше грошевои помочи у головы католическои церкви папы римского. Такъ уже року 1346 папа римскій даровуе десяту часть десятинъ

церковныхъ королеви Казимиру для розумно предложеныхъ причинъ, которыхъ однакожь подробно не наводитъ[51]).

Забезпечивши ся покровительствомъ престола римского и союзомъ съ Уграми еще року 1339, примиривши ся съ рицарями нѣмецкого ордина р. 1343 и съ королемъ ческимъ р. 1345, загадалъ Казимиръ пользовати ся изтонченьемъ силъ, якое на Литвѣ въ слѣдство програнои битвы надъ Стравою безсомнѣнно послѣдовало.

Року 1349 въ лѣтѣ двигнулъ ся Казимиръ на челѣ дуже великого войска зъ Кракова, щобы землю Володимирскую завоевати, а въ случаю, если Львôвская земля вывязавшая ся въ року 1343 зъ пôдданьства польского, ему непослушала, то и землю Галицко-Львôвскую. Однакожь о походѣ Казимира на землю Галицко-Львôвскую жерела ничого не вспоминаютъ. Если Галиція р. 1343 ôтъ Казимира ôторвала ся и до послушаня не повернула, тогды долженъ былъ Казимиръ убезпечити собѣ насамперед посѣданье землѣ близшои Кракова и Польщи Галицко-Львôвской, нижели бы мôгъ былъ погадати о завоеваню землѣ, притыкаючои до предѣлôвъ Литвы.

Польскіи жерела предполагаютъ, шо Галиція уже ôтъ року 1340 постоянно послушала Казимиру. Може быти, що второе завоеванье Галиціи черезъ Польщу року 1349 не на руцѣ было польскимъ писателямъ, хотѣвшимъ показати, що Польща ôтъ первого вступленя въ Галицко-Львôвскую Русь не вступила ся ôтси жадному суперникови. Южно-рускіи жерела загибли, а литовскіи и сѣверо-рускіи ôтъ поприща событій въ Галицко-Львôвской Руси больше ôтдаленіи, содержатъ въ собѣ лишь неясный ôтгомонъ тамошнихъ событій.

Такъ читаемъ въ жерелахъ сѣверо-рускихъ[52]) и литовскихъ[53]), що Казимиръ лестію завоевалъ землю Волыньскую. Пôдъ именемъ Волынь розумѣе ся ту древное Галицко-Володимирское княжество, прозваное ôтъ бôльшои его части, Волыня, до которого еще тогды много областей зъ нынѣшной Галичины причисляло ся. Якаяжь то была лесть, о которôй ту жерела вспоминаютъ? Одного разу позвали паны ляцкіи рускихъ панôвъ Перемышльскихъ до рады т. е. на пораду; а коли тіи уповаючи на слово на запрошенье панôвъ ляцкихъ прибыли, паны ляцкіи ихъ порѣзали и сами въ Перемышли засѣли[54]). Вѣсть о тôмъ событію долго жила въ устахъ ли-

---

[51]) Theineri monumenta Poloniae et Lithvaniae T. I.

[52]) Троицкая рукопись у Каразина.

[53]) Kronika ruska Daniłowicza. Wilno 1827. str. 170. въ лѣто 6857 (1349) „прійде король Краковскій съ многою силою и взя лестію землю Волыньскую и много зла Христіаномъ сотвори и церкви святія претвори на латиньскія, богомерзкое служеніе."

[54]) Kronika Bychowca (Pomniki do dziejów litewskich Narbutta. Wilno 1846.) st. 57.

товскои шляхты и тая еще въ познѣйшихъ временахъ пригадовала собѣ тое произшествіе и тымъ свою недовѣрчивость къ Польщи извиняла. Незнати однакожь, коли тая лесть собыла ся, на которую панове литовскіи ссылали ся, чи при походѣ Казимира на Русь р. 1340, чи въ року 1349[55]).

Зоставляючи докладное выясненье розказаного событія, поданого Литовцями, познѣйшимъ изслѣдователямъ и любителямъ исторіи рускои, приступаемъ до розказу самого похода Казимира на Володимирскую Русь р. 1349.

Въ лѣто того р. (1349) Казимиръ двигнувши ся съ великимъ войскомъ на Русь, здобылъ городы Луцкъ, Володимирь и Бресть. Найупорнѣйше стоялъ городъ Холмъ, тое давное сѣдалище руского короля Данила и любимое мѣстце его. Холмъ лежалъ въ прекрасной околици на горбѣ; за временъ рускихъ князей былъ онъ сильнѣйше отъ иныхъ городовъ укрѣпленый такъ, що уповаючи на свою твердость могъ Татарамъ опирати-сь. Коли укрѣпленя иныхъ городовъ за повелѣньемъ хановъ татарскихъ розрушени были, сохранили ся укрѣпленя Холма своею твердостію до познѣйшихъ временъ. Тѣло князя Данила спочивало въ церквѣ пресвятои Богородицѣ, которую онъ самъ былъ создалъ. Данило дбалый о умноженье хвалы Божой выбудовалъ былъ ту еще больше церквей, которіи частію передъ разореньемъ Татаръ были заховали ся. Церкви, которіи Данило въ Холмѣ побудовалъ, были: церковь Богородична, церковь св. Іоана Златоустого, церковь св. безмездниковъ Космы и Даміана и церковь св. Тройцы. Внутрѣ были церкви украшени прехорошими иконами, привезеными зъ далекихъ мѣстъ. Середъ города была вежа деревяна, убѣлена и свѣтяща ся на всѣ стороны. Тая вежа погорѣла и еще зверхъ того многіи иніи будовлѣ Данила року 1259[56]). Впрочемъ городъ отновленый затрималъ свою давную лѣпоту; по всей вѣроятности ажь до времемъ Казимира. Холмъ былъ еще всегда головнымъ городомъ тыхъ (Холмско-Белзкихъ) областей, которіи Юрію сыну Данила Мстиславича принадлежали, коли Казимиръ съ численымъ войскомъ приступилъ къ городу. Городъ мужественно опиралъ ся, но наконець взятый былъ насильнымъ приступомъ. Казимиръ здобывши Холмъ забралъ съ собою находячіи ся тутъ богацтва и дорогіи сокровища[57]). Такъ завоевалъ Казимиръ землю Володимирскую.

---

55) Stadnickiego synowie Gedymina T. II. str. 127. nota 184. Казимиръ Гр. Стадницкій относитъ тое событіе до временъ, коли королева польска Ядвига рушила зъ Кракова, бы отбити краи Галицко-рускіи отъ Угоръ, которіи по доброво льномъ отступленю того руского княжества Людвику, королю угорско-польскому черезъ Владислава Опольского нашую отчину были опановали.

56) Ипат. лѣт. стор. 195. 196. 197.

57) Długosz ad a. 1349. L. IX. p. 1087. 1088. „ad Chelmensem posthoc terram descendit, et castro principali Chelm crebris projectionibus bombardarum expugnato, multis fortunis et clenodiis potitus est."

Области древного княжества Галицко-Володомирского не тѣшили ся тогды гараздомъ. Страшная зараза, звана чорною смертію, пановавшая въ тіи времена въ Европѣ, посѣтила безъ сомнѣнія и стороны Галицко-Володомирскои Руси. Порывала она въ Польщи жертвы такъ насильно и безощадно, що мѣста и села опустѣли (въ лѣтахъ 1349 и 1350[58]). Въ роцѣ 1352 появила ся въ городахъ наддпѣпровскихъ въ Кіевѣ, Черниговѣ и Смоленску.[59]).

Коли тая зараза въ областяхъ древного княжества Галицко-Володимирского пановала, при недостатку жерелъ сказати немогу; но по всему правдоподобію межи лѣтами 1349 -- 1352. Хороба начинала ся болячкою въ мягкихъ впадинахъ тѣла; скоро по тôмъ наступало стисненье ôтдыху; человѣкъ блювалъ кровію а на третій або на четвертый день умиралъ. Свѣдки того несчастя не маютъ слôвъ розказати общую нужду; молодіи и старіи, сопруги и дѣти лежали въ гробахъ одно коло другого и въ одинъ день изчезали многочисленіи семейства[60]).

Въ ново завоеваныхъ земляхъ придыбалъ Казимиръ древныхъ князей посѣдаючихъ земскіи имѣня. Тыхъ непрогонялъ Казимиръ, якъ то давнѣйшими лѣтами Любартъ дѣлалъ, но оставлялъ ихъ при своихъ ôтцѣвствахъ. За то съобовязали ся они послушати и служити Казимиру[61]). Наветъ Любарта, который выпертый зъ городôвъ покорилъ ся королю польскому, оставилъ Казимира при посѣданю Луцка[62]) яко частки спадщины по его женѣ а сестрѣ або доньцѣ одного зъ послѣднихъ князей Галицко-Володимирскихъ. Якіи съобовязаня къ Казимирови Любартъ на себе принялъ былъ, жерела не повѣдаютъ.

Казимиръ завоевавши такъ просторонніи области, дбалъ яко король прозорный, щобы ихъ на будучнôсть для короны убезпечити. Передъ всемъ же будовалъ и ôтновлялъ крѣпости. Городъ Бересть лежалъ на рѣцѣ Бузѣ, который вытѣкае зъ Золочѣского округа нынѣшнои Галичины. Бугъ умноживши свои воды числеными волыньскими рѣками стае ся около Берестя значительною сплавною рѣкою. Туды провадила дорога зъ Польщи (именно Мазовша) до Руси и до Литвы. Уже за рускихъ князей былъ Бересть однымъ зъ бôльшихъ городôвъ, и лежалъ середъ болотъ и мочарей на мѣстци, до обороны дуже придатнôмъ. Казимиръ воздвигъ укрѣпленя того города зъ самыхъ на твердо паленыхъ цеголъ. Мѣстоположенье, природная твердôсть и праця рукъ людскихъ утворили тутъ крѣпость, которую жерела ключемъ або воротами зъ Польщи до Руси и до

---

58) Krommer L. XII. et Kojałowicz L. I.

59) Карамзинъ Т. IV. стор. 168.

60) Карамзинъ Т. IV. стор. 167.

61) Długosz L. IX. p. 1088.

62) Anonymus apud Sommersberg T. I. p, 98

Литвы называютъ. Якъ Казимиръ Берестъ на дольнôмъ Бузѣ былъ укрѣпилъ, бы входъ до новозавоеваныхъ краѣвъ собѣ забезпечити, такъ и въ горныхъ сторонахъ Буга нехотѣлъ ся лишити твердынѣ, бо зналъ, якъ непостоянное есть щастье людское, вѣдалъ о успособленю новопріобрѣтеныхъ краѣвъ и о силѣ князей литовскихъ, которіи если уступили на время насилію, то еще долго нехотѣли лишити ся земель, которіи за свое дѣдицтво уважали. Предувидѣвши будучіи борбы съ Литовцями, взмôцнилъ Казимиръ одинъ зъ столечныхъ городôвъ древной Галицко-Володимирскои Руси, лежачій на однôмъ зъ доплывôвъ Буга (на Полтвѣ) Львôвъ. Розрушивши давніи деревяніи замки, воздвигъ ту два новіи зъ самыхъ на твердо паленыхъ цеголъ; одинъ въ котлинѣ самого Львова внутръ городскихъ укрѣпленій, а другій на горѣ, где еще днесь розвалины видѣти можна. Новозбудованіи замки обвелъ Казимиръ высокими мурами и глубокими фосами, и укрѣпилъ такъ сильно, що Львôвъ окруженый еще на той часъ ôтъ пôлночи мочарами и болотами, а ôтъ всѣхъ иныхъ сторонъ лѣсами, славилъ ся быти въ областяхъ горного Буга незвитяжимою твердынею. Но не лишь мурами глядѣлъ Казимиръ на будучнôсть убезпечити новозавоеваніи землѣ передъ лютостію непріятеля; ôнъ предпринималъ еще глубшіи мѣры, загадавши роздвоити родинную связь князей литовскихъ, выступаючихъ вôйною одинъ за другого, и тымъ зменшити силу, которая его новымъ заборамъ противу стояла. Казимиръ звернулъ увагу на князя Кейстута, который може для того, що его землѣ были найблизшіи областямъ волыньскимъ (Кейстутъ володѣлъ впередъ Берестьемъ) межи всѣми притязаня своего брата Любарта найкрѣпше вспиралъ и въ войнахъ съ Казимиромъ найбôльшое бралъ участіе. Кейстутъ, притисненый обстоятельствами, объявилъ королю Казимиру желанье, що вразъ съ своими еще некрещеными рôдными братьми хоче вѣру католическую приняти. Съ радостію донесъ Казимиръ о тôмъ желаню князей литовскихъ папѣ римскому. Въ короткôмъ часѣ, бо еще въ Септембрѣ р. 1349 писалъ папа до князя Кейстута, изъявляючи свою радôсть зъ того постановленя, укрѣплялъ его въ тôмъ намѣреню и заохочалъ, щобы разомъ съ народомъ, которымъ владѣе, принялъ вѣру спасеня; обѣцялъ ему такожь достоинство королевское съ всѣми внѣшними ознаками[63]) того достоинства. Никто незаперечитъ, що папа дѣйствовалъ для умноженя хвалы Божой, однакожь и политичніи взгляды ôтгрывали тутъ непослѣдюю ролю. Крещеньемъ Кейстута и его братій на вѣру латиньскую, былъ бы безсомнѣнно водворилъ ся роздѣлъ межи братіею римско-католического исповѣданя, и тою, которая уже давнѣйше исповѣдала вѣру христіянску пôдля греческого обряда. Принятіемъ королевского достоинства былъ бы Кейстутъ ôт-

---

[63]) Theineri monumenta Poloniae et Lithvaniae T. I p. 526.

чужилъ ся брату своему великому князю Ольгерду, который не былъ бы смотрѣлъ рôвнодушно, еслыбы Кейстутъ, который яко удѣлный князь ему былъ пôдчиненый, приобрѣлъ достоинство короля. Такъ были бы братя князѣ римского исповѣданя принужденіи держати ся поборника католическои церкви Казимира. Въ Литвѣ была бы розпростосторонила ся уже тогды вѣра католическа межи многимъ еще некрещенымъ народомъ, а Казимиръ былъ бы свободный былъ въ своихъ новопридбаныхъ краяхъ ôтъ нападу Литовцей. Но судьбэ иначе хотѣла.

Недолго тревало панованье Казимира въ новопріобрѣтеныхъ краяхъ; бо уже 15[64]) а пôдля иныхъ жирелъ 14[65]) а еще пôдля иныхъ 14 або 13[66]) лѣтъ передъ рокомъ 1356, т. е. межи лѣтами 1351 и 1353 утратила Польща новопріобрѣтеніи краи знова и розпочала войну, которая ажь до року 1356 продолжала ся[67]).

Скоро зараза зъ р. 1349—1352 утихомирила ся, князѣ Кейстутъ, Любартъ а наветъ самъ верховный князь Ольгердъ вторгнули въ землю Володимирскую. Многіи рускіи городы измѣнили королю Казимиру и здали ся; тымъ принуждена была польская засада зъ городôвъ Волыня уступити[68]). Области Буга были теперь поприщемъ военныхъ дѣйствій князей литовскихъ. Литовцѣ не впускали ся въ отвертый бой, но часто шайками нападали войска польскіи, непокоили тіиже и въ несподѣваныхъ схваткахъ не одну ôтнесли побѣду. Но поки еще Бресть былъ въ рукахъ польскихъ, то принаймѣй не смѣли нападôвъ на землю польскую и Мазовецкую предпринимати. Литовцѣ здобули вскорѣ Бресть, Володимиръ, Холмъ и Белзъ[69]) а прочіи городы перейшли въ руки князей литовскихъ здрадою зъ стороны Русинôвъ, и то такъ нечаянно, що Казимиръ не мôгъ наветъ достаточныхъ силъ собрати, щобы розложенымъ по городахъ польскимъ засадамъ въ помôчь поспѣшити. Не задовольняючи ся отзысканьемъ вышь помянутыхъ городôвъ, вторгнули князѣ литовскіи въ землю Галицко-Львôвскую, но укрѣпленый Львôвъ ставилъ имъ смѣло чоло. Литовцѣ не могли завладѣти замками, про то поплѣнили лишь окрестности и мѣстности вширъ и вздолжь, и набравши добычи доволѣ, знова въ глубь ôтзысканого Волыня ôтступили.

---

64) Dlugosz.

65) Stryjkowski.

66) Krommer.

67) Въ Януару року 1357 былъ уже Казимиръ примирилъ ся съ Литовцями якъ видко зъ: „Theineri monumenta Lithvaniae et Poloniae T. I. p. 581. ad a. 1357."

68) Krommer L. XII. p. 315. „Russis fidem mutantibus et praesidia ejicientibus."

69) Dlugosz L. IX p. 1092. Lithvani „castro Belzensi conquisito castrum Vladimiriense et Bresczie applicato exercitu diuturno tempore illa expugnantes." Krommer L. XII. p, 315, „Vladimiria, Chelma, Belzo et Breste, quam arcem Casimirus cocto latere munierat, per ditionem potiti."

Въ обще въ долготревалiи осады Литовцѣ рѣдко впускали ся. Они полагали на симпатiи руского народоселеня, которое раднѣйше съ Литовцями лучило ся, нижели Казимиру послушало. Обгнавши городы и опустошивши области и окрестности, уносили Литовцѣ добычь съ непостижимою скоростiю, ховали ю въ такъ званыхъ храминахъ або будахъ литовскихъ и скрывали ся передъ наступаючимъ войскомъ польскимъ въ лѣсы и по за мочары. Обладѣвши бôльшими замками лежачими обополъ Буга, нападали зъ ôттамъ краи польскiи, забирали все, що достигли, и обертали цвѣтучiи городы и села въ пепелъ и пожарище.

Литовцѣ незадовольняли ся землею Володимирскою. Ольгердъ съ жалемъ сердця споглядалъ, що Казимиръ землю Галицко-Львôвску запосѣлъ. Еще въ року 1349 пôслалъ былъ Ольгердъ брата своего Корiата и Симеона, сына Явнуты, до хана татарского и просилъ его умильно, щобы помôгъ ему противу Ляхôвъ, котрiи забрали Волынь. Однакожь помôчь въ тôмъ роцѣ непослѣдовала; противно же зайшли инiи обстоятельства.

Князь московскiй Симеонъ боялъ ся, бы невзросло влiянье Ольгерда на дворѣ хана киптшакского. Довѣдавши ся о посольствѣ Ольгерда, жаловалъ ся передъ ханомъ, що Ольгердъ опустошалъ его ôтчину, пôдлежачую верховнôй власти ханôвъ киптшакскихъ [70]).

Симеонъ умѣлъ пôдôйти хана такъ прелестно, що тойже не лишь, що недалъ помочи, о которую Ольгердъ просилъ, но еще зверхъ того въ руки князя Симеона выдалъ послôвъ, князей Литовскихъ. Ольгердъ не гадалъ псовати отношенiй съ великимъ княземъ Московскимъ. Знаючи добре якъ велика задача предстоитъ ему въ южной Руси и якая борба съ королемъ польскимъ, подчиняючи особисту и даже фамилiйною уразу политицѣ, пôслалъ князю Симеону дары, и положилъ за брата и за его дружину много серебра яко окупъ. Симеонъ ôтобравши окупъ, ôтпустилъ послôвъ домôвъ и заключилъ съ Ольгердомъ миръ на многiи лѣта [71]). Щобы отъ сѣвера забезпечити-ся и щобы ему князѣ московскiи непсовали отношеня до Татаръ, задумалъ Ольгердъ подвôйнымъ сопружествомъ скрѣпити связь прiязну дома литовского съ родиною великихъ князей московскихъ. Ольгердъ женилъ ся съ кревною Симеона Юлiяною, княгинею Тверскою и наслѣдницею удѣла Витебского, а братъ его Любартъ по смерти первои жены своей, дочки одного зъ князей Галицко-Володимир-

---

[70]) Карамзинъ IV. ст. 164. Ханъ розумѣлъ по всей вѣроятности споры о Можайскъ еще зъ року 1341, который то городъ отъ княжества Рязаньского Ольгердъ хотѣлъ оторвати, бы его своему союзникови князю Смоленьскому ôддати. За князя Рязаньского противу Ольгерду выступилъ былъ Симеонъ зъ Москвы, но запôздно. Литва опустошивши околицѣ повернула уже была домôвъ.

[71]) Тройцкая рукопись у Карамзина Т. IV.

скихъ, съ Анною, кревною Симеона, княгинею Ростовскою. Ôтъ коли князь Московскій у хана татарского престалъ вредити, ôтъ тогды и ôтношеня Татаръ и Ольгерда ставали ся пріязнѣйшими и тѣснѣйшими. Въ року 1352 являютъ ся полки татарскіи посланіи ôтъ самого киптшакского хана Тшанибега, которого, наконецъ Ольгердъ дарами и пріобѣцянками противу Казимиру и союзникови его королю угорскому зворохобилъ. Татары нападали области [72]) на правôмъ березѣ Днѣстра, пôдвластніи Казимиру, которіи где куда еще видъ Подôля представляютъ. Перейшовши и поплѣнивши Покутье, вторгнули въ предѣлы угорскои державы, пустошили край, грабили имѣнье и забирали жителей въ полонъ.

Якіижь мѣры предпринималъ Казимиръ и король угорскій, щобы землѣ передъ цѣлковитымъ розореньемъ охоронити? — Оба королѣ удавали ся о пораду и помôчь до папы римского, который великое бралъ въ тыхъ дѣлахъ соучастіе. Пôднесши, якъ мы уже передно сказали, справу рускую до значеня справы церковнои, побуджае папа короля угорского до войны противу Татарамъ и иновѣрцямъ (т. е. Русинамъ) и даровуе ему р. 1352 всѣ землѣ, которіи на нихъ здобуде [73]), если бы тіи уже Казимиру або которому иному сынови римскои церкви правно не принадлежали. Уже тогды Русины и Литовцѣ съ Татарами опустошали землѣ галицко-рускіи и угрожали такожь самôй державѣ польскôй. Для того папа римскій даровуе [74]) Казимирови десятую часть зъ всѣхъ доходôвъ церковныхъ съ тымъ ôпредѣленьемъ, щобы Казимиръ ужитковалъ той грôшь на будованье и взмôцненье крѣпостей, — и на утриманье жолдакôвъ, бо иначе, если бы король не держалъ и неутримовалъ жолдакôвъ, и не обновлялъ и небудовалъ крѣпостей, тогды бы Татары, Литовцѣ и Русины не лишь рускую землю, но еще и цѣлу Польщу могли розорити. Тое писалъ папа, коли еще была якаято надѣя, що литовскій князь Кейстутъ на лоно католическои церкви наверне-ся. Но коли всѣ литовскіи князѣ совокупно выступили и соединившися съ Татарами, Казимира зъ Волыня выперли и пограничніи даже области польскіи загрозили, тогды папа написалъ (въ Маю 1352) до архіепископа Гнезненьского и епископôвъ Краковского и Воротиславского, бы оголосили круціату т. е. крестовый походъ въ Саграхъ и Чехахъ противу Татарамъ и всякимъ иновѣрцямъ (Русинамъ и Литовцямъ), которіи на области державы польскои нападали и тіиже розоряли. Зверхъ того надалъ былъ папа ôтпусты для всѣхъ тыхъ, которіи бы лично королеви черезъ рôкъ въ настоячôй борбѣ служили

---

[72]) Dlugosz L. IX. p. 1096.

[73]) Raynaldi annales continuatio. Stadnickiego S. G. T. II. st. 53. 54.

[74]) Листъ зъ 14 Марта. р. 1352. Theineri monumenta Poloniae et Lithv. T. I. p. 531. 533.

або его грошми вспомогли, якоже и всѣмъ тымъ, которіи бы на боевищу згинули або ранени зъ отриманыхъ язвъ поумирали[75]).

Недосыть было на тыхъ пособіяхъ, которыми папа короля польского и угорского дарилъ. Казимиръ заключилъ былъ особный уговоръ р. 1352. съ королемъ угорскимъ Людвикомъ и братомъ того Стефаномъ. Людвикъ и Стефанъ отступаютъ Казимиру права свои до царства руского (regnum Russiae) за певную суму, которую Казимиръ имъ сплатити зъобовязалъ ся[76]).

Людвикъ и Стефанъ уважаютъ царство руское яко принадлежность (адпертиненцію) трона угорского, которую ихъ попередники держали и которая теперь по правѣ наслѣдія на нихъ перейшла. Зъ становища, що королѣ угорскіи могутъ по своей воли розпоряджати адпертиненціями т. е. принадлежностями короны, уступаютъ Людвикъ и Стефанъ права свои собствени (jus nostrum proprietarium) королю Казимиру, або лучше сказати спродаютъ ему тіиже за певну квоту, съ тымъ остереженьемъ, що если Казимиръ мужеского потомка не оставитъ, тогды по его смерти царство руское разомъ съ королевствомъ польскимъ перейдутъ въ руки короля угорского и его мужескихъ наслѣдниковъ, если бы же Казимиру законный сынъ народилъ ся, тогды вольно буде Людвику або брату того же Стефану выкупити руское царство за 100000 золотыхъ реньскихъ зъ рукъ короля польского. Ссылаючися на давнѣйшую трансакцію зъ 1339, въ которой король угорскій обовязалъ ся вспомагати короля польского противу рицарямъ нѣмецкого ордина, отновляютъ Людвикъ и Стефанъ тіи приреченя, и еще разъ выразьно пріобѣцюютъ въ угодное и способное время пособити войскомъ (subsidium compraestabimus) короля польского противу непріятелей въ реченомъ царствѣ рускомъ [77]). Укрѣпивши ся договорами началъ Казимиръ военніи дѣйствія отъ року 1352, которіи по всей вѣроятности до року 1354 съ безскутечною помочію зъ стороны короля угорского продолжалъ. Людвикъ затрудненый справами волоскими отправилъ былъ противу Татаръ воеводу Седмогородского Андрея. Андрей провадилъ кровавую борбу съ Татарами, вторгнулъ глубоко на Подолье, побѣдилъ, зломалъ зъ тои стороны навалу тыхъ иноплеменниковъ, набралъ полона много, но для заразы, которая тогды межи Татарами панована и по всей вѣроятности для недостатку живностей повернулъ домовъ [78]). Однакожь спустошеня зъ стороны Литовцей еще и тогды не-

---

[75]) Theineri monumenta T. I. p. 539. листъ папы Климента VI. зъ дня 15. Мая.

[76]) Transactio ex. a. 1352 Stadnickiego synowie Gedymina T. II str. 41. 231. 232. dodatek 79.

[77]) ibidem.

[78]) Thwrocz pag. 86.

переставали. Король Казимиръ завôзвалъ помôчь ôтъ союзника своего короля угорского, который тымчасомъ прибылъ до Угоръ и событіямъ на Руси приближилъ ся. Войска польскіи соединили ся съ войсками угорскими, облягли городъ Володимирь и осадили ту Любарта, Кейстута же, который на челѣ одного военного полка на таборъ польскій напалъ былъ, побѣдили и плѣнили живого. Може-быти, що тымъ нападеньемъ хотѣлъ Кейстутъ вспомочи и освободити Любарта, который въ Володимирѣ былъ затворилъ ся, и которого якъ мы сказали Поляки и Угры осадили. Круто было коло обохъ князей, Казимиру подарило-сь подустити рицарей нѣмецкого ордина противу Литвѣ и тымъ способомъ затрудити великого князя Ольгерда[79]), который принуженъ былъ зôстати въ дома и наблюдати движеня, якими рицарѣ Литву въ пользу соединеныхъ королей непокоили. Обомъ братямъ пощастило ся передъ настоячою гибелію избѣгнути. Кейстутъ ôтновилъ свои давнѝ приобѣтницѣ, що прійме крещенье по ученю римской вѣры. Король польскій и угорскій, пересвѣдчени о щирôмъ намѣреню Кейстута звôльняютъ стражь, съ чего Кейстутъ корыстаючи середъ темнои ночи зъ табору умыкае. Тымъ часомъ и Любартъ убѣгъ былъ зъ Володимира, осадженого полками, а то за помочію якого то боярина Богдана зъ Ивановецъ, который вôйшовши середъ ночи покрыіомо въ непріятельскій таборъ, сномъ войнôвъ польско-угорскихъ ползовалъ ся, при свѣтлѣ мѣсяця о всѣхъ входахъ и выходахъ звѣдалъ ся, и своему князю спосôбъ и дорогу до утечки показалъ. Зъ вдячности умножилъ Любартъ имѣнье того боярина наданьемъ новымъ селъ. Богданъ сталъ ся тымъ наданьемъ можнымъ паномъ и ôтъ него произôйшла родина Иванецкихъ[80]). Ляхи завладѣли были по утечцѣ Любарта на короткій часъ Володимиромъ. Освободившіи ся князѣ соединились и ôтобрали, нижели еще Ляхи обозрѣли-сь, городъ Володимирь на ново. Такъ представляютъ намъ тіи события историки литовскіи, однакожь съ извѣствіями находячими ся по иныхъ жерелахъ не съ всѣмъ соглашаютъ ся. Иностороннѝ[81]) жерела розказуютъ, що король Людвикъ предиринималъ походъ вь глубину Литвы зимовою порою, коли рѣки и мочары позамерзали. Также[82]) розказуютъ, що король угорскій на челѣ 100.000 ѣзды ишолъ черезъ 15. дней скрôзь великіи пустынѣ, нижели по многихъ трудахъ въ глубину края непріятельскою вторгнулъ. Тутъ явилъ ся добровôльно якій-то князь съ своею численою свитою, говорилъ Людвику о своей силѣ и могучествѣ, и освѣдчилъ охоту приняти римскую вѣру. Людвикъ обходилъ ся съ тымъ княземъ съ

---

79) Narbutta dzieje T. IV. str. 57.
80) Kojałowicz historia Lithvaniae p. I. p. 316. 317.
81) Bonifinius apud Krommer. L. XII. p. 316.
82) Villani.

великою честію, но бояре угорскіи бояли-сь, щобы король, принявши такого могучого князя въ леництво не взрôсъ до великого могучества, и нисталъ ся небезпечнымъ для преимуществъ магнатôвъ, прото необходили ся съ нимъ съ честію, якая такому значительному князю принадлежала. То было причиною, що помянутый князь опустилъ короля угорского и пр. Пôдля жерелъ угорскихъ выпущеный былъ Кейстутъ на свободу, скоро тôлько королю обѣтницю послушеньства зложилъ[83]) Жерела польскіи сказуютъ, що Любартъ захваченый былъ ôтъ Полякôвъ, и що по заключенôмъ уговорѣ за порукою своихъ братей литовскихъ князей на волю былъ пущеный[84]).

Одно зъ найважнѣйшихъ жерелъ польскихъ розказуе[85]), що Кейстутъ плѣненый былъ по якôмъ то нещастнôмъ для него сраженю, що прельстилъ былъ короля угорского и польского обѣнцянкою пріяти крещенье, и користаючи съ довѣрія короля, зломавши дану обѣтницю, въ ночи зъ табора убѣгъ былъ. Другое жерело твердитъ[86]), що не Кейстутъ, но братъ его Любартъ былъ захваченый, однакожь само съ положительностію сказати не знае, чи по здѣланôмъ договорѣ добровôльно ôтъ королей былъ выпущеный, чи звôльнену стражь прельстилъ и самовôльно зъ плѣни убѣгъ. Будь що будь, мы зъ достовѣрного документу[87]) увѣряемъ ся, що Любартъ ятый былъ польскимъ королемъ и що правнôсть того ятія оспоривано зъ стороны князей литовскихъ. По условіямъ примирія, которое еще въ тôмъ роцѣ предначертано и о которыхъ пôзнѣйше говорити будемо, бояре угорскіи имѣли розсужати спôръ, чи Любартъ, чи король польскій правъ; если Любартъ правъ, тогды и Кейстутъ буде правъ передъ королемъ угорскимъ, а если король правъ, тогды зъобовязались князѣ литовскіи выдати Любарта въ полонь королю угорскому. Зъ того видко, що утечка Любарта зъ табору угорско-польского имѣла якую то связь съ отношенями Кейстута до короля угорского и кидала якое то злое свѣтло на добрый и въ прочемъ лицарскій характеръ того литовского князя.

Въ р. 1355 приобѣцюе король угорскій вспомагати Казимира бôльшими силами, якъ попередже тое чинилъ[88]). Зъ того видко, що помôчь, котору Людвикъ Казимиру давалъ, не была значительна, и не дивъ що тое предпріятіе не мало того успѣха, якъ бы можно было по немъ ожидати.

Мы розказали доселѣ лишь о нападахъ и опустошеняхъ Литовцей въ областяхъ Галицко-Володимирскои Руси, но еще о современныхъ на-

---

83) Thwrocz annales Hungariae.

84) Długosz L. IX. p. 1150. ad. a. 1366 „Lubartus superioribus bellis captus et ad cautionem fratrum suorum verbo et literis praestitam dimissus."

85) Długosz L. IX. p. 1093.

86) Krommer L. XII. p. 315. 316.

87) Уговорная грамота. Акты западнои Россія Т. I.

88) Dogeli codex diplomaticus. Stryjkowski et Kojałowicz.

падахъ на Польщу мы ничого не говорили. При тыхъ нападахъ наибôльше терпѣли землѣ Луковская, Радомская и Судомирская [89]). Нижели еще Поляки опамятали ся, щобы для защищеня краю войска собрати, Литовцѣ заграбивши полону доволѣ, уступили въ глубину краю съ своею добычею. Если соединили-сь коли и сразили ся войска польскіи, конніи и пѣшіи, тогды Литовцѣ звычайно ôтносили блестательни побѣды. Литовскіи жерела розказуютъ, що еще передъ заключеньемъ примирія межи королемъ польскимъ и литовскими князями, князѣ литовскіи Кейстутъ и Любартъ вторгнули въ землю Судомирскую, и ажь пôдъ Завихвостъ пôдступили. Ту порозумѣваютъ ся два бояре польскіи съ Литовцями. Они вказуютъ имъ броды черезъ Вислу, здраджаютъ всякіи совѣты и намѣреня войскъ польскихъ, предостерѣгаютъ ихъ передъ засадками, и управляютъ набѣгами Литовцей на землю польскую. Были то Петро Пшонка гербу Янина, панъ Крисонова, и Отонъ Заклика Тарло, панъ Щекаревичь [90]) т. е. нынѣшного Красностава. Здраду Петра Пшонки ôткрыли рыбаки, котріи спостерегли, якъ Пшонка одного разу застромилъ былъ вѣхи по Вислѣ, указуючи ними мѣлизны Литовцямъ. Рыбаки взявши вѣхи застремили ихъ на глубинахъ и вирахъ. Тымъ прельщеній Литовцѣ пустили-сь въ мнимый брôдъ, уповаючи на добрый совѣтъ спріяючихъ имъ вельможь польскихъ; въ глубокой ночи не могли обману розпôзнати и многіи съ кôньми потопили ся. Литовцѣ устрашени уступили, понеже еще гôршихъ прельщеній бояли ся. Пшонка зôсталъ смертію караный и долго еще памятано реченымъ вельможамъ ихъ здраду. Еще Ягелло ôтнялъ былъ за кару недвижиміи имѣнія наслѣдникамъ Отона и Петра Пшонки, и ажь при кôньци житя своего ôдалъ на усильную просьбу вельможь польскихъ Щекаревицѣ братанцеви (nepoti) Отона; Крисонôвъ, дѣдицтво Петра Пшонки присоединилъ до доходôвъ староства Любельского [91]). Не уважаючи па такій уронъ Литовцѣ еще неразъ набѣгали польскіи области. По такихъ страшныхъ розореняхъ забажалъ Казимиръ за примиріемъ съ Литвою (р. 1354), щобы по крайнôй мѣрѣ и тои части Галицко-Володимирскои Руси не утратити, которую такъ великими жертвами и тôлькимъ пролитьемъ крови людскои приобрѣлъ. Ведля условіи примирія межи Казимиромъ и князями литовскими признана была Казимиру земля Львôвская, а земля Володимирская, Луцкая, Белзская, Холмская и Берестейская съ полна признани Литвѣ. Сказуютъ, що Ольгердъ и Кейстутъ затруднени были вôйною противу ордину и що они сохранили условія

---

[89]) Anonymus Gneznensis apud Sommersberg (T. II. p. 98.) et Dlugosz.

[90]) Kojałowicz historia Lithvaniae T. I. p. 318.

[91]) Krommer L. XII. p. 316.

примирія, но не сохранилъ ихъ былъ Любартъ. Подля иныхъ жерелъ князѣ литовскіи Ольгердъ, Кейстутъ и Скиргайло всегда еще негодовали, що Казимиръ вразъ съ Людвикомъ угорскимъ завоевалъ былъ Володимирь и опустошалъ области рускіи, которіи Литва за свои уважала. Литовскіи князѣ мстили Казимиру нападами и опустошенями [92]). Однакожь лишь Любартови жерела закидаютъ [93]), що зломилъ примирніи уговоры, которіи присягою литовскіи князѣ съ Казимиромъ затвердили. Зôбравши шайки зъ Литовцей и Волынянъ напалъ былъ Любартъ нечаянно на Галичь власнѣ тогды, коли въ Галичи ôтбувалъ ся великій торгъ (ярмарокъ), и многи купцѣ заграничніи для дѣлъ торговельныхъ были съѣхали-сь. Дѣяло ся то мѣсяця Юнія 1354 (пôдля Длугоша 1353). Любартъ пôдступивши нечаянно пôдъ Галичь, запалилъ городъ, избилъ много купцей и жителей, захватилъ великую здобычь, плѣнилъ всѣ окрестніи стороны и повернулъ съ непостижимою скоростію до своихъ областей съ полономъ. Въ мѣсяци Септемврѣ дня 9. т. р. вторгнулъ въ землю Судомирскую около Завихвоста, плѣнилъ окрестности въ ширъ и вздолжь и нижели еще могли собрати ся польскіи войска, щобы строгому непріятелю противу станути, Любартъ былъ уже за Вислу ôттягнулъ.

Позираючи на тіи опустошеня заключилъ Казимиръ новіи уговоры съ королемъ угорскимъ р. 1355. Людвикъ прообѣцюе и зъобовязуе ся, що небуде домагати ся долга, который Казимиръ виненъ былъ сплатити королю угорскому за то, що той ôтступилъ ему царство руское (regnum Russiae), поки Казимиръ непрійде въ такъ супокôйное посѣданье того паньства, якъ попередники его посѣдали [94]). Зверхъ того приобѣцюе король угорскій листомъ зъ Сѣчня р. 1355, зъ Буды писанымъ и освѣдчае королю польскому Казимиру на его усильную просьбу, що самъ лично на помôчь противъ Литовцей прибуде, въ случаю же, если бы самъ былъ перешкоженый явити ся, изъявляе готовôсть свою прислати ему бôльше войска, якъ до сихъ временъ посылалъ, щобы непріятеля поза границѣ выгнати и побити [95]). Такожь папа римскій Инокентій VI. листомъ зъ Лютого р. 1355[96]) до прелатôвъ польскихъ писанымъ призначилъ снова десятую часть всѣхъ десятинъ зъ доходôвъ церковныхъ на утри-

---

[92]) Długosz L. IX. p. 1096 „duces Olgerd, Kejstut et Skyrgello satagebant continuo de ea invasione (Casimiri) se ultum iri."

[93]) Długosz L. IX. p. 1097. ad a. 1353. „Lubartus, treugis inter Casimirum regem et Lithvanis, quae jurejurando firmatae erant, fraudulenter violatis." —

[94]) Tranzakcya z roku 1355, 24. Stycznia; Stadnickiego synowie Gedymina T. II str. 42 nota 67 wyjęta z Naruszewicza historyi narodu polskiego.

[95]) Naruszewicza historya narodu polskiego ks. 23. T. IX. str. 191.

[96]) Theineri monumenta T. I. p. 558.

манье жолдаковъ, которыми бы король обезпечилъ землю и отпиралъ напады поганцей. Въ роцѣ 1355 въ Октобрѣ возникла въ Римѣ снова надѣя [97]), що князѣ Литовскіи вразъ съ народомъ пріймутъ вѣру католическу; но чи тая надѣя была слѣдствомъ якого нового щастливого похода або якихъ новыхъ переговоровъ съ Литвою, чи може слѣдствомъ приреченя, которое еще р. 1354 учинилъ былъ Кейстутъ королю угорскому, того незнаемъ.

Казимиръ забезпечилъ ся былъ такожь отъ стороны князя Мазовецкого Семовита. Князѣ мазовецкіи именно зъ линіи на Черску притязивали еще всегда право до наслѣдія въ Галицкой Руси отъ смерти Болеслава Тройдановича и для того панами и дѣдичами Руси прозывали-сь [98]). Нерадй своимъ соплеменникамъ королямъ зъ дому Пястовъ поддавали-сь давнѣйшими лѣтами королямъ ческимъ, а теперъ, коли устало вліянье короля ческого на тіи стороны по смерти короля Іоана, а новый король ческій и цѣсарь нѣмецкій сынъ Іоановъ Кароль съ королемъ польскимъ въ тѣсной дружбѣ жилъ, Мазовецкіи князѣ а по крайной мѣрѣ ихъ поддани спріяли Литовцямъ и соединенымъ съ тымиже Русинамъ, и еще р. 1353 вспирали радою и дѣйствіемъ напады Литовцей на землѣ нѣмецкого ордина [99]). Дружба князей а по крайной мѣрѣ подданыхъ князей Мазовецкихъ съ Литовцями непокоила короля польского ровно якъ и рицарей нѣмецкихъ. Зъ тои причины старалъ ся папа уже давнѣйше Мазовшанъ отъ союза съ Литовцями отвести, въ которой то справѣ вліяньемъ королевой угорской Елисаветы пользовалъ ся [100]). Въ року 1355 змѣнило ся отношенье Мазовіи до Польщи на корысть короля польского. Зъ князей мазовецкихъ жіютъ еще Семовитъ и Казимиръ. Казимиръ умирае 1354, або на початку р. 1355, а Семовитъ одержуе позосталіи землѣ по Казимирѣ Черскомъ и соединяе тіи же къ своимъ удѣламъ, княжеству Плоцкому, складае такожь голдъ королю польскому и узнае его за своего верховного пана въ Калишу 1355. Такъ обезпеченый зъ стороны князей Мазовецкихъ и уговоривши-ся съ королемъ угорскимъ, старалъ ся Казимиръ и Татаръ на свою сторону притягнути и противу Литвѣ побудити [1]). Въ надѣи що 7 цариковъ татарскихъ пріобѣцяли ему двигнути-сь въ помочь противу Литвѣ, писалъ Казимиръ р. 1356. самъ до майстра нѣмецкого ордина, изъявлялъ, що остатную выправу загадалъ пред-

---

[97]) Raynaldi annales ecclesiastici Stadn. syn. Gedym. T. II. str. 57–59 nota 229.
[98]) Зубрицкого Повѣсть о червоной Руси ст. 116.
[99]) Theineri monumenta T. I. p. 551.
[100]) Theineri ibidem. 552.
[1]) Може быти, що уже теперъ Казимиръ принялъ на себе певніи обовязаности въ отношеню къ Татарамъ.

приняти противу Литвѣ и просилъ, щобы майстеръ нѣмецкого ордина або самъ притягнулъ съ своимъ войскомъ, або по крайной мѣрѣ, если самъ явити ся не зможе, свое войско ему (Казимиру) въ помôчь прислалъ [2]). За Казимиромъ вставлялъ ся такожь зять его Курфирстъ Брандебургскій Людвикъ. Ôнъ писалъ листъ до майстра ордина нѣмецкого 1356 [3]), въ котрôмъ доноситъ, що Литовцѣ съ Сараценами (Татарами) и Русинами землѣ короля польского нападали и дуже жестоко опустошали и що Казимиръ самъ и всѣ его союзники и сосѣды намѣряютъ въ будущое лѣто р. 1356 вôйною противу Литвѣ выступити съ всѣми своими силами и съ могучимъ войскомъ. Въ имени польского короля просилъ Людвикъ усильно, щобы рицарѣ Казимира противу ворогôвъ христіяньского имени вспомагали.

Чи прійшло въ лѣтахъ 1355 и 1356 до предпріятій, на якіи заносило ся, положительно сказати не можемъ. Въ роцѣ 1355, або найдальше въ роцѣ 1356 предпринималъ король Людвикъ запевно разомъ съ Казимиромъ, походъ на Литву и ôтнѣсъ якую то блестательну побѣду надъ Литовцями и Русинами, защо его папа въ були р. 1356 [4]) похваляе и величае. По всей вѣроятности вспомагалъ Казимира зять его, вставляючій ся за нимъ у рицарей нѣмецкого ордина, Людвикъ маркграфъ Брандебургскій. Однакожь не знаемъ съ певностію, чи походъ на Литву Людвика короля угорского, за который его папа въ вспôмненôй були зъ року 1356 величае, мѣшати маемъ съ походомъ, до которого Казимиръ готовилъ ся былъ. Если походъ угорского короля Людвика собылъ ся скорше, тогды не знаемъ, чи Казимиръ дѣйствительно осуществилъ свое намѣренье и вырушилъ въ лѣтѣ р. 1356 въ поле, чи може въ предприняттю цохода на Литву обстоятельствами былъ перешкодженый.

Великій князь Ольгердъ такожь обзиралъ ся за союзниками. Ôнъ державъ дружбу съ княземъ Московскимъ и выступалъ въ р. 1352 яко миротворецъ межи союзникомъ своимъ, княземъ Смоленьскимъ и великимъ княземъ Московскимъ. Ольгердъ не спускалъ при всей жестокôй вôйнѣ съ ординомъ, сторонъ рускихъ за Днѣпромъ зъ своего ока. Ôнъ увязнилъ былъ князя Браньского Василія, а по смерти того принудилъ городъ Бряньскъ пôддати ся Литвѣ [5]). Неутральнôсть его въ вôйнѣ брата Любарта съ королемъ польскимъ тревала лишь такъ долго, поки Ольгерду не подарило ся съ ординомъ нѣмецкимъ примирити-сь и побудити майстра

---

[2]) Voigt codex dipplomaticus prussicus T. III. p. 107.

[3]) Voigt codex diplimaticus prussicus T. III. p. 108.

[4]) Reynaldi annales ecclesiastici ad a. 1356. Stadnickiego Synowie Gedymina T. I. nota 85.

[5]) Карамзинъ T. IV. ст. 174.

нѣмецкого ордина, Генрика Книпроде, мужа розумного и досвѣдченого, щобы съ Литвою въ приязнiи сношеня вступилъ. О тыхъ переговорахъ король Казимиръ вѣдалъ и долженъ былъ вѣдати, бо рицарѣ нѣмецкого ордина, вмѣсто щобы мали его вспирати, вспирали оружiемъ и войскомъ напады Литовцей на землю польскую, отвирали Литвѣ черезъ свою землю свободну дорогу до Польщи, ба навѣть будовали незвычайнiи мосты на рѣкахъ и такъ можливыми чинили подвиги войскъ Литовскихъ не лишь въ зимѣ, но и въ лѣтѣ, коли розтаявшiи рѣки и мочары звычайно въ тыхъ сторонахъ утрудняли пасажу, такъ що безъ помочи рицарей, яко пановъ тыхъ сторонъ не можна былобы пробрати-сь зъ Литвы до Польщи. Надармо упрекалъ папа въ письмѣ зъ Септемвра р. 1356 за такое поступованье рицарей ордина нѣмецкого, надармо вымавлялъ рицарямъ, що они въ время борбъ короля польского съ Литвою найшли безъ всякои причины Мазовiю, подлежачу верховной власти Казимира и засѣли гдекотрiи замки тамже [6]. Ординъ нѣмецкiй дбалъ больше о свою корысть, якъ о общу справу католицизма. Онъ продолжалъ войну а принаймѣй давалъ причину до подозрѣня и боязни, которiи побудили Казимира до становчого кроку, згубную войну съ Литовцями уже разъ укончити. Папа старалъ ся еще разъ вступною войною за помочiю крестового похода Литвѣ загрозити и дойстно явили ся крестоносцѣ зъ всѣхъ сторонъ и розложили-сь надъ Нѣмномъ, но побѣда, якую Ольгердъ надъ ними отнѣсъ, пересвѣдчила наконецъ Европу, що въ тое время не можна было давнымъ способомъ за помочiю круцiяты щось важного въ Литвѣ розпочинати. Отъ того времени залишили рицарѣ нѣмецкого ордина Литву непокоити. Казимиръ розпочалъ по всей вѣроятности еще року 1356 дипломатичнiи уговоры съ Литовцями и Татарами. Уже въ Януарiи р. 1357 упрекалъ папа римскiй зъ поводу жалобы ордина нѣмецкого, короля польского за то, що въ новѣйшомъ времени сдѣлалъ примирiе и союзъ заключилъ съ Литовцями, головными непрiятелями нѣмецкого ордина, и Татарами, непрiятелями христiяньского имени (cum Lithvanis pacem et confoederationem inivisti, cum Tataris foedus et ligam inis), и що обовязалъ ся былъ ханамъ немалую дань зъ тыхъ краѣвъ платити, которыхъ прiобрѣтенье толико христiяньской крови стояло [7]. Въ р. 1358 13. Серпня послѣдовало примирiе межи Литвою и Семовитомъ, княземъ Мазовецкимъ. Означенй зостали предѣлы межи Литвою и Мазовшомъ въ

---

[6]) Theineri T. I. p. 577.

[7]) Theineri monumenta T. I. p. 581. „Pro certa parte Ruthenorum scismaticorum quam tibi cum multa Christianorum effusione sanguinis vindicasti, eorumdem Tatarorum regi in non modici annui census tributarium te fecisti.“

давныхъ областяхъ Литовскихъ [8]). Вѣроятно еще передъ тымъ примиріемъ Ольгердъ и Казимиръ улагодили споръ о землю Галицко-Володимирского княжества. Уговорная грамота межи Литвою и Польщею не заховала-сь, но якіи она содержала условія, легко догадати ся можна зъ уговорной грамоты, предначертанои еще року 1354, котора хотя тогды еще не войшла въ житье, однакожь по всей вѣроятности теперѣшному уговору за основанье служила.

Уговорна грамота межи Литвою и Польщею была начертана р. 1354 [9]). Два роды, Гедыминовъ и Пястовъ, ручаютъ собѣ обопольно свои посѣдлости, а присутствуючіи кназѣ литовскіи ручаютъ ся за непритомныхъ. Наведени суть имена 5 сыновъ Гедымина: Явнутый, Кейстутъ, Любартъ, яко притомніи, великіи князь Ольгердъ и Корятъ яко непритомніи. Монвидъ старшій сынъ Гедымина, умеръ былъ еще передъ отцемъ, а Наримунтъ полягъ на поли битвы при рѣцѣ Стравѣ р. 1348. Въ мѣсто него вспоминае ся сынъ его Патрикій, яко наслѣдникъ отця. Зъ сыновъ отъ сыновъ Гедыминовыхъ вспоминаютъ ся Юрій Наримунтовичь и Юрій Коріятовичь яко присутствуючіи; о прочихъ сынахъ отъ сыновъ Гедыминовыхъ сказано загально „и за ихъ сыны мы слюбуемъ.“ Ольгердъ сталъ ся великимъ княземъ ажь р. 1345. Всѣ братя Гедыминовичѣ воевали одинъ за другого, що есть доводомъ, що Литовскіи князѣ удѣльни составляли совокупно родовую связь, а справу руску уважали за солидарный родовый интересъ. Зъ стороны польской выступаютъ князѣ зъ роду Пястовъ, именно Казимиръ съ князями Мазовецкими Семовитомъ и съ братомъ его Казимиромъ Мазовскимъ. Не можно безусловно твердити, що князѣ Мазовецкіи разомъ съ королемъ польскимъ творили такожь родовую связь такъ якъ князѣ Литовскіи. Окромъ именъ князей зъ роду Пястовъ, наводятъ ся всѣ области належачіи до короны польскои. Тіи области уважаютъ ся яко землѣ подвластни королю Казимиру „и съ его землями,“ хотя еще княжествомъ Черскимъ и Плоцкимъ владѣютъ особніи князѣ Мазовецкіи, Казимиръ и Семовитъ. Казимиръ Мазовецкій володѣлъ тогды на Плоцку. Онъ былъ сыномъ Тройдана († 1341) а молодшимъ братомъ Болеслава Тройдановича. По смерти Болеслава, сына Ванька, молодшого брата Б. Тройдановича, отрималъ Казимиръ Плоцкъ отъ короля польского, однакожь не яко самостоятельный князь но яко лено короны польской. Болеславъ, сынъ Ванька умеръ, р. 1351. Казимиръ умирае року 1354. Отже

---

[8]) Transakcya u Naruszewicza ks. 23 str. 203 яко посолъ дѣйствуючій при тôмъ уговорѣ наведенъ межи боярами Васько Кердеевичь.

[9]) По моему мнѣнію по войнѣ королей угорского и польского р. 1354. Сей документъ въ прочемъ безъ даты и безъ печатей. Акты западнои Россіи Т. I. ст. 12.

еслибы той договоръ начертанъ былъ передъ рокомъ 1351 тогды былабы въ немъ безъ сомнѣня змѣнка и о Болеславѣ, князѣ Плоцкомъ, коли уже упоминае ся принадлежавшая ему земля Плоцкая; еслиже сей уговоръ начертанъ былъ по року 1354, тогдыбы не было змѣнки о Казимирѣ яко лици живущôмъ и въ настоячой справѣ участвуючôмъ. Семовитъ былъ внукомъ Болеслава († 1313) ôтця Тройдана, ôтъ старшого сына Болеславого Семовита, князя Черского [10]). Ôнъ обладалъ прочею землею Мазовско-черскою. Бôльше князей Мазовецкихъ тогды уже не жили [11]). По смерти Казимира († 1354) забирае король всѣ его краи и надае ихъ одному позôставшому князю Мазовецкому Семовиту, который зъ своей стороны складае голдъ и обѣтницю вѣрности королю польскому за всѣ свои землѣ року 1355. Такъ змѣняла ся въ Польщи родовая связь межи князями зъ роду Пястôвъ помалу въ личное, зависимое ôтношенье князѣвъ Мазовецкихъ до короля польского. Якъ зъ одной стороны наведени всѣ князѣ литовскіи, такъ зъ другой стороны всѣ князѣ зъ роду Пястôвъ, которіи были еще до сихъ поръ Польщи не ôтчужили ся (якъ то о князяхъ Силезскихъ сказати можемъ), именно король Казимиръ В. и оба князѣ Мазовецкіи Семовитъ и Казимиръ по части яко рôдніи, по части яко князѣ Казимиру пôдвластніи.

Оба роды Пястôвъ и Гедыминôвъ ручаютъ собѣ свои землѣ и посѣдлости, именно Казимиру В. ручае ся посѣданье землѣ Львôвскои, а литовскимъ князямъ посѣданье прочихъ земль древного княжества Володимирского, т. е. земль Володимирскои, Луцкои, Белзкои, Холмскои и Берестейскои. Дальше обѣусловленъ интересъ короля угорского, короля польского Казимира разомъ съ князями (князѣ мніи т. е. меншіи) Мазовецкими, интересъ Руси такъ польскои якъ и литовскои, а наконецъ и интересъ хана татарского (ханъ зове ся въ дотычащôмъ документѣ царемъ). Предполагае ся союзъ короля угорского съ королемъ польскимъ, якъ видко зъ условія пятого „аще пойдетъ угорскій король на Литву польскому королеви помагати" и хана татарского съ Литвою, и узнае ся верховная власть хана надъ Русію пôдвластною Литвѣ, тое видко зъ условія 9., въ которôмъ обовязуе ся Русь Литовская вспомагати Татаръ, если тіи не ходятъ на Львôвскую Русь но на короля польского. Львôвская земля изъята зъ пôдъ власти хана татарского, и пôдчиняе ся исключно королю польскому. Тое видко зъ условія 9., где предполагае ся, що

---

[10]) Казимиръ и Семовитъ не были родни братя, хотя настоячая трансакція безъ даты Казимира братомъ Семовита называе, они были братьми стрыечными.

[11]) Krommeri L. XII. p. 318. Кромеръ ту рѣшительно ôтвергае поданье Длугоша о гденикоторыхъ именно наведеныхъ лицахъ князей Мазовецкихъ, яко неправдоподобне.

Татарове могли бы прійти въ положенье, воевати землю Львôвскую. При всемъ тôмъ застережено, щобы Русь Литовская не прійшла въ конечнôсть воевати братью свою Русь Львôвскую. Прото не обовязана она вспомагати Татаръ, если бы тіи Русь Львовскую воевали. Угорскому королю вôльно воевати Литву и Русь Литовскую, но королеви польскому не вôльно короля угорского вспомагати, если той не воюе Литву, но Русь Литовскую. Тое условіе (5) вымѣрено противу союзу короля польского съ королемъ угорскимъ, который выжь нами наведенымъ уговоромъ зъ р. 1355 съобовязалъ са былъ такъ долго помагати королю польскому противу князямъ Литовскимъ, поки тойже не прійде до супокôйного посѣданя земель рускихъ. Яко со всемъ ôтъ себе независиміи державы, выступаютъ ту Польща, Угры и Татарія. Королю угорскому вôльно воевати Литву, цареви т. е. хану татарскому вôльно воевати Польщу и князей Мазовецкихъ (князѣ мніи), Литвѣ вôльно вспомагати хана татарского, если той воюе Ляхи, або князей меньшихъ пôдвластныхъ королеви т. е. князей мазовецкихъ. Королю польскому вôльно вспомагати короля угорского, если той воюе Литву, а не Русь литовскую. Князѣ литовскіи не могли съ королемъ польскимъ согласити ся що до границь ôтъ востока межи Русію Львôвскою и Литовскою, про то ôтдано Кремянецъ Юрію, сынови Наримунта и пôдчинено его пôдъ верховную власть Литвы и короля польского. Юрій долженъ былъ лишити ся Кремянца по пересѣченю мира. Застережено миръ на два лѣта, ôтъ Ивана Крестителя, т. е. 24. Червця. Може быти, литовскіи князѣ Ольгердъ и Кейстутъ въ самôй рѣчи додержали условія до двохъ лѣтъ, и ажь по двохъ лѣтахъ снова вôйною противу Польщи выступили, року 1356. Любартъ недодержалъ тыхъ условій, про то неуставала часточная борба и по заключенôмъ мирѣ. Застережено было, щобы черезъ тіи два лѣта ни городôвъ новыхъ не закладати ни сожженыхъ не ôтбудовувати въ обще, а Кремянца въ особенности, щобы тымъ обезоружити землю рускую. Въ прочемъ установлено всѣ ôтношеня межинародовіи межи Литвою и Польщею, а распру о Любартовое ятіе припоручено судови панôвъ угорскихъ. Въ прочемъ той договоръ съ всемъ схôдный естъ съ договоромъ, который иное жерело [12]) пôдъ рокомъ наступившôмъ по изгнаню Явнуты въ извлеченю умѣстило. Тіи саміи майже условія розличаютъ ся лишь въ однôмъ пунктѣ именно, що князѣ литовскіи условили ся тогды съ королемъ польскимъ одни противу другимъ не помагати, и всѣ споры межи Литовскими князями и королемъ польскимъ оставити розсуженю (полюбовному суду, arbitrio) короля угорского. Вторый уговоръ межи Казимиромъ зъ однои, а Литвою и ханомъ татарскимъ зъ другои стороны, заключенъ еще передъ 24-тымъ

[12]) Krommeri inventarium. u. 8

Януаремъ р. 1357, розличае ся ôтъ уговору зъ р. 1354 тымъ, що былъ менше корыстнымъ для Польщи. Польща остала-сь въ правдѣ въ посѣданю землѣ Львовской, а Литва въ посѣданю прочихъ земелъ древного княжества Володимирского. Казимиръ обовязалъ ся платити щорочно не малую дань за удержанье землѣ Львôвскои ханамъ татарскимъ, слѣдовательно узналъ былъ тымъ верховную власть Татаръ надъ землею Львôвскою. Ôтъ р. 1359 тревалъ миръ съ Литвою до року 1363, въ которôмъ роцѣ папа римскій снова побуджалъ короля польского на Литовцей, удѣляючи ôтпустъ всѣмъ, которіибы въ протяженіи 12 лѣтъ вспомагали короля польского въ борбѣ съ Литовцями и иными поганами [13]).

Землѣ, которіи въ первôй половинѣ XIII. столѣтія належали до составу княжества галицкого, ростягали са надъ Серетомъ и Прутомъ до устя Дуная и прытикали ажь о пôдножіе Карпатъ и о чорное море. Въ V. столѣтію передъ Христомъ кочуютъ въ тыхъ обширныхъ степахъ Скиты. По нихъ розтягала ся туда древная Дація ажь по Днѣстеръ, пôзнѣйше въ III. и IV. столѣтію по Христѣ основали Готы тутъ свою державу. Въ IX. столѣтію за панованя великихъ князей, попередникôвъ Володимира В. вь Кіевѣ, обитали на нижшôмъ Днѣстрѣ до самого моря и Дуная словяньско-рускіи племена Уличѣ и Тиверцѣ. Князѣ рускіи въ XII. столѣтію владѣли частію тыми сторонами и поселили городы, которыхъ имена словяньскіи еще до нынѣ свѣдчатъ о ихъ происхоженю; н. пр. Бѣлогородъ на устю Днѣстра, Чернявскій торгъ на Прутѣ (Чернôвцѣ), Романôвъ торгъ на Молдавѣ, Хотѣнь на Днѣстрѣ, Сочава, Серетъ, Баня и проч. По при Русинахъ обитали въ тыхъ сторонахъ остатки давныхъ римскихъ поселенцѣвъ (колонистôвъ), которй по розореню Дакійскои державы для сохраненя границь Римлянами были ту приведени. Окрôмъ тыхъ прибывали ту еще и останки Печенѣгôвъ и Половцей. Печенѣги розпросторонили ся были туды еще тогды, нижели еще Галицкіи князѣ опановали тіи обшары; Половцѣ наступили по Печенѣгахъ. Они кочевали ту въ время панованя галицко-рускихъ князей, которымъ ôтъ часу до часу послушали. Татары завоевавши Подôлье, пôдчинили такожь землѣ надъ

---

[13]) Еще вь року 1358. коли тревало примиріе межи Литвою а ординомъ рицарѣ може побуджени Литовцями напали на области Казимира и забрали гдекоторіи замки безъ всякоя справедливои причины. Литовцѣ такожь строили непріятельскіи полки противу христіанамъ. Тое споводовало Казимира жалити ся у папы римского который листомъ зъ Януарія р. 1359. Theineri m. T. I. p. 588. припоручае Ярхіепископови Прагскому, щобы примирилъ Казимира съ ординомъ. Ôтъ того времени ажь до року 1363 о жадныхъ непріятельскихъ подвигахъ Литвы, або ордина нѣмецкого, дѣлавшого часто въ порозумлѣню съ Литвою противу Казимиру и краямъ польскимъ, ничь нечитаемъ.

чорнымъ моремъ, владѣню хановъ киптшакскихъ. Они удерживали тогды связь съ Византіею, съ которою часто въ пріязныхъ стояли отношенияхъ. Положенье географическое тыхъ земель не позволяло, щобы ту единолитный народъ былъ выобразовалъ ся. Стороны надъ чорнымъ моремъ и на дольномъ Днѣстрѣ и Дунаи были отъ давна всемирною дорогою всѣхъ народовъ полудикихъ, которіи тиснени зъ Азіи и привлечени добычею, туда свое шествіе направляли, маючи на оку богатую, но уже упадаючую Бизантію. По нашествію Татаръ послушали тіи области такъ долго киптшакскимъ ханамъ, поки Татары не збитіи были Седмигородскимъ воеводою Андреемъ 1352. На мѣстци Татаръ прибыли зъ пограничныхъ горъ Карпатскихъ Волохи (Румуны); именно въ стороны надъ Прутомъ и Серетомъ, прибыли Румуны зъ Мармарошскихъ областей, и въ стороны нынѣшной Волощины спустили-сь зъ горъ Седмигорода (Трансильваніи); по всей вѣроятности скорше, нижели Волохи Мармарошскіи прибыли тамъ Волохи Трансильваньскіи. Луги наддунайскіи и надпрутскіи обфитуючіи пышными пасовисками (скотницами) были дуже пожадани для народу румуньского, который отъ непамятныхъ часовъ трудилъ ся скотоводствомъ. Поселивши ся въ порѣчіяхъ и въ побережіяхъ, Волохи мало що трудили-сь рольництвомъ, но занимали ся еще всегда скотоводствомъ и пleканьемъ чередъ. Розпростореньe Волоховъ въ тыхъ сторонахъ собыло ся въ теченю многихъ лѣтъ, Зразу обитали Волохи межи Русинами яко гостѣ, принимали для своей безпечности рускую вѣру и сообразовали ся рускимъ обычаямъ, поки ажь умноживши ся черезмѣрно давныхъ газдовъ насиліемъ не вытиснули и особну державу „Молдавію" не основали. На челѣ Молдавской державы стоялъ воевода, обочь воеводы вплывали на дѣла державніи волоскіи бояре. Такъ тіи стороны надъ Дунаемъ, принадлежачіи коли то до составу Галицкой Руси, отъ ней оторвали ся и приобразили-сь въ XIV. столѣтію, коли Казимиръ власть свою надъ Галицкою Русію утвердивши воевалъ съ Литвою.

Въ р. 1360—1362 посѣтили Польщу и Литву голодъ и моровая зараза. Сильни полуночни вѣтры и дощѣ, наставшіи при конци весны, звѣяли и збили цвѣтъ зъ збожа и оставили бѣдному рольникови порожну солому. Зараза морова наступила 12 лѣтъ по той, которую мы подъ р. 1350 описали. Она розличала ся отъ попереднѣйшой тымъ, що была больше заразливая, и що ей не только бѣдни, но большою частію богати и вельможи улягали [14]). Тая хороба звана чорною смертію або джумою, не всюда появляла ся въ одномъ времени. Часто истребивши большую половину жителей, отновляла ся по якомъ то часѣ снова въ тыхъ

[14]) Dlugosz L. IX. p. 1131. 1132.

самыхъ областяхъ. Насампередъ пановала она въ Польщи и Литвѣ[15]), и ôттакъ переходила до сосѣднихъ областей. Въ лѣтахъ 1364, 1365 и 1367, забрала въ сѣвернôй России свои жертвы, где купцями зъ Бездежа привезена была[16]). Сѣверорускіи лѣтописи росказуютъ о ней съ ужасомъ: „хороба начинала ся колькою въ сердци, въ лопатци, або плечахъ, огонь палае въ внутри, кровь лье ся устами, на тѣлѣ выступае сильный пôтъ и начинае са дрожь. У иныхъ показуютъ ся плямы (желѣзы) на шіи, въ бедрѣ або въ пахвинахъ, часомъ пôдъ колѣнами. Слѣдство однаковое, смерть неизбѣжна, скора, но мучительна. Не встигли хоронити тѣлъ, ледва десять здоровыхъ изцѣлѣло зъ сто хорыхъ, нещастни умирали безъ всякои помочи, въ одну могилу ховало ся 7, 8 або бôльше трупôвъ." Въ Смоленьску грасовала зараза три разы, наконецъ р. 1387 остало-сь въ тôмъ городѣ лишь пять людей, котори выйшли и заперли городъ, наполненый трупами. Такъ страшною была тая хороба въ земляхъ сѣверной Руси. Много утерпѣли также области древного княжества Галицко-Володимирского и въ которыхъ лѣтахъ тіи посѣщени были голодомъ и заразою, жерела не сказали.

Въ тіи времена перекоротилось примиріе Литвы съ пограничными народами, а коли по смерти миролюбного маршалка нѣмецкого ордина Сигфрида Даренфельдъ насталъ новый, Генингъ Шинденкопфъ, начали-сь папады на ново. Лишь въ року 1363 былъ заключеный якій то примирный уговоръ, который ани року не тревалъ[17]). Не взираючи на тіи борбы, Литва пôдъ панованьемъ великого князя Ольгерда взростала до великого могучества и славы. Въ тіи времена зайшли были споры съ князями Москôвскими. Тіи пригнѣтали иныхъ удѣльнѣхъ князей, которіи оскорблени до Литвы о помôчь прибѣгали. Ольгердъ предпринималъ кôлька разъ похôдъ на самую Москву (р. 1365, 1370, 1371[18]). Таку смѣлость спостерѣгаемъ у Ольгерда ажь по завоеваню Подôля и сторонъ наддніпровкихъ, що въ року 1359 — 1363 наступило. По насильнôй смерти киптшакского хана Джанибега, убитого власнымъ сыномъ року 1357, возникли въ Татаріи борбы о тронъ межи членами родины ханôвъ Татарскихъ; — сынъ убивалъ отца, а братъ убивалъ брата, бы кровію обагреный престолъ наслѣдити. Роздоромъ ханскои родины осмѣлени беги або воеводы Татарскіи, выбирали и ставляли ханôвъ киптшакскихъ въ Сераи, которымъ

---

[15]) Narbutta dzieje ludu litewskiego T. IV. str. 91, 92. Kojałowicz: кладе голодъ въ Литвѣ въ рôкъ 1362.

[16]) Карамзинъ T. V. ст. 5.

[17]) Narbutta dzieje narodu litewskiego T. IV. str. 134 na podstawie: Cromeri index Archivi Cracoviensis.

[18]) Великій князь Московскій ôтнималъ ôтъ Ольгерда городы, осаджалъ Бряньскъ, и тревожилъ владѣнія союзника Литвы, князя Смоленьского. Карамзинъ T. V. ст. 11

въ прочемъ лишь тіи беги послушали, що ихъ выбрали, другіи же або сами притязивали достоинство хана або имъ иныхъ претендентôвъ ханьского престола противставляли. Межиусобіе тревало 25. лѣтъ, черезъ которое время воеводы и владѣльцѣ поединчихъ областей, принадлежачіи бôльшою частію до родины ханôвъ киптшакскихъ, которіи были должни послушати верховному хану, стали-сь назависими, и не печалили-сь бôльше о тое, кто на престолѣ ханскôмъ засѣдалъ и безсильный скиптръ верховного правленя держалъ. Въ началѣ того роздору въ Ордѣ выступилъ Ольгердъ, незнати зъ якои близшои причины, войною противу Татарамъ. Надъ просторонями Подôля и Чорноморского надбережія владѣли три царики Татарскіи, султанъ Котлубегъ, Гаджибегъ (Кочубей Гирей, по того имени Чорноморская пристань названа[19]), и Демитрей султанъ. Имя Котлубега вспоминае ся въ уговорѣ заключенôмъ съ Венеціанами р. 1333. Ôнъ володѣлъ въ Кримѣ. Въ ôтновленôмъ уговорѣ въ року 1358 съ тымиже Венеціанами выступае Токлубегъ (Котлубегъ?) яко бегъ города Азова (Тани[20]). Передъ р. 1359 сходитъ ôнъ зъ того свѣта, убитый разомъ съ ханомъ киптшакскимъ Бердибегомъ. Султанъ Демитрій былъ по всей вѣроятности христіаниномъ, и не дивъ, бо майже въ тыхъ временахъ находимъ христіянами самыхъ сынôвъ х. киптшакскихъ[21]). Всѣ три прозвани отчичами зъ причины, що тіи землѣ по ôтцяхъ своихъ яко спадщину одержали. Противу тыхъ трехъ царикôвъ выступае Ольгердъ дорогою черезъ Канѣвъ и Черкасы надъ Синіи воды, где соединени войска непріятельскіи встрѣтилъ[22]). Ольгердъ подѣлилъ войска на 5 частей, установилъ тіи въ видѣ лука (arcus), Татары же уложили ся по ихъ обычаи въ видѣ полумѣсяця. При первôмъ ударѣ стрѣлы Татарски злетѣли на порожни мѣстця, котори Ольгердъ благоразумно помежи поединчими ôтдѣлами зôставилъ. Супротивніи полки сразили-сь мечами и копіями. Потекло много крови, наконецъ Литовцѣ и Рускіи полки побѣдили Татаръ[23]). Ольгердъ гналъ за розбитками до самого Криму, опустошилъ Херсонъ, умертвилъ бôльшу часть жителей и побралъ съ собою церковніи сокровища[24]). Зломивши силу Татаръ на Подôлю завоевалъ городы надъднѣпровскіи, занялъ Кіевъ, выгналъ ôттамъ князя Теодора, который княжилъ разомъ съ татарскимъ баскакомъ и посадилъ на княженю Кіевскôмъ яко

---

[19]) Sarnicki annales, „a quo portus ille Kaczubejus vocatus."

[20]) Hammer Purgstal Geschichte der goldenen Horde p. 298, 314.

[21]) Hammer Purgstal. Въ Року 1359: den Kulpa erschlug mit seinen beiden von der Mutter Johann und Michael getauften Söhnen Newrubeg.

[22]) Bychowca chronika str. 19.

[23]) Kojałowicz T. I. p. 288: кладе тое событіе пôдъ р. 1331.

[24]) Карамзинъ T. V.

намѣстника, сына своего Володимира[25]). Ольгердъ уступилъ скоро съ войскомъ зъ завоеваныхъ краѣвъ, бо дѣла военніи призывали его къ иной сторонѣ, на Подôлье же выслалъ трехъ сынôвъ рôдного брата Коріата, удѣльного князя зъ Новгородка. Тіи за изволеньемъ Ольгерда, и за помочію Литовцей удаютъ ся на Подôлье. На цѣлой краинѣ Подôльской не было ни крѣпости, ни одного города, ни деревомъ рубленого, ни зъ каменя збудованого. Такъ обезоружили были землю Подôльскую Татары. Подôлье пробудило ся ôтъ долгого сна, въ который пôдъ игомъ Татарскимъ погрузило-сь. Коріатовичѣ вôйшли въ порозумлѣнье съ отаманами, постановлеными для выбираня дачки Татарской. Наступило волненье народа, заперечено Татарамъ дань, баскаки до краю невпущени, остатки Татаръ выгнани, а Подôлье ôтъ всякихъ дальшихъ нападôвъ татарскихъ зôстало освобождене. Новіи князѣ высѣкали лѣсы, побудовали городы: Смотричь, Бакоту, Каменецъ, и заселяли опустѣліи обшары новыми пришелцями. Наконецъ подѣлили межи себе городы Подôльскіи и засѣли землю Подôльскую[26]).

Трехъ лише братей Коріатовичей содѣйствовало при завоеваню Подôля[27]). Четвертый и молодшій братъ ихъ Теодоръ, приобрѣлъ ласку у короля угорского Людвика и одержалъ ôтъ того долго еще передъ р. 1360 городы и обширніи землѣ въ областяхъ Пôдкарпатскихъ, котри ôтъ непамятныхъ временъ Русины заселяютъ. Ту на горѣ Чернекъ воздвигъ крѣпость Мункачь, основалъ и построилъ обитель Василіанôвъ 8. Марта р. 1360, а жена его, незнаемого происхоженя, основала обитель Василіанокъ[28]). Настоятель Василіаньского монастыря носилъ всегда титулъ епископа епархіи Мункачевской, и еще днесь зветъ ся такъ одная зъ епархій рускихъ въ Украхъ, хотя еи епископъ не въ Мункачи, но въ Унгварѣ резидуе.

Современно тымъ событіямъ на Подôлю содѣйствовала Львôвско-Галицкая Русь при выправахъ Казимира. Въ року 1362 або 1363 возникъ

---

25) Густиньская лѣтопись.

26) Narbuta dzieje narodu litewskiego. T. IV. str. 58. 63. кладе движенье народное противу Татаръ на Подôлю, которое мы ту подрôбно описали, пôдъ р. 1351 1352, а битву пôдъ синими Водами въ рôкъ 1363. Зъ Подôля находятъ Татары еще року 1352 за пôдъущеньемъ Ольгерда, польску часть Подôля и предѣлы королевства Угорского. Въ р, 1357 заключилъ еще Казимиръ союзъ съ ними, но если народное движенье попередило вôйну Ольгерда р. 1363, то она событа-сь межи лѣтами 1357 — 1363, по чемъ бы сокрушенье власти Татарском черезъ битву надъ Синими Водами слѣдовало.

27) Bychowca ch. „ино тіи княжата Коріатовичѣ три братя пôшли въ Подôльскую землю."

28) Brevis notitia fundationis Koriatovics, olim ducis de Munkacs pro religiosis Ruthenis, ordinis S. Basilii Magni in monte Czernek, a. 1360 factae. Authore Joanicio Basilovits ord. S. Basilii magni protohegymeni. Stadnickiegos. Gedy. T. I.

якій-то роздоръ межи королемъ ческимъ Каролемъ, который былъ заразомъ и цѣсаремъ нѣмецкимъ, и королемъ угорскимъ Людвикомъ. Коли Кароль стягалъ силы зъ Чехіи, Моравіи и Германіи, Людвикъ призвалъ на помôчь Казимира, который готовлячи ся до вôйны съ королемъ ческимъ громадилъ Русинôвъ зъ областей ему пôдвластныхъ и Татаръ (Długosz). Въ тое самое время грозило землямъ, Казимиру пôдвластнымъ небезпеченьство ôтъ Литовцей, котори якъ выражае ся Казимиръ, день и нôчь промышляли якбы напасти землѣ и народы, котори ему послушали. Може быти, що Литовцѣ ободрені спором сосѣдних католицкихъ королей якую выправу на Польщу и области Польщи пôдвластни предприняти загадали. Однакожь заходячіи ту противурѣчія жерелъ погодити годѣ. Литовцѣ року 1363 находили-сь въ борбѣ съ Татарами, которыхъ вскорѣ зъ Подôля прогнали. Однакожь Татары и Литовцѣ передъ Липцемъ р. 1363 напали або грозили напасти области Казимиру пôдвластни и для того то призволилъ папа на умильную просьбу Казимира ôтпустъ для всѣхъ тыхъ вѣрныхъ, котори бы короля польского въ продолженю 12. лѣтъ противу Литовцей и иныхъ поганъ и шизматикôвъ вспомагали (Theiner). И такъ видимъ Татаръ въ союзѣ съ Казимиромъ, въ союзѣ съ Литвою, и въ борбѣ съ Казимиромъ и Литвою въ тое майже время, развѣ що папа незнаючи добре обстоятельствъ навелъ Татаръ, маючи на оку небезпеченьства, якими попереднѣйшими лѣтами Татары Польщи угрожали. Татары гоненіи черезъ Литву могли стояти въ пріязныхъ ôтношеняхъ съ Казимиромъ, тымъ скорше, що Литовцѣ о нападеню на Польщу промышляли, а може быти, що политическій роздоръ въ Татаріи малъ такожь и на ôтношеня къ пограничнымъ державамъ таки послѣдства, що одни держали ся Литвы, а другіи вспомагали короля польского. Папа римскій носилъ ся тогды съ гадкою крестового похода на Туркôвъ, котори рôкъ въ рôкъ ширили свое могучество и христіянъ зъ ихъ владѣній въ оріентѣ вытискали. Въ слѣдство того за умильнымъ представленьемъ папы и его посланикôвъ, погодили-сь король угорскій и польскій съ цѣсаремъ нѣмецкимъ и заключили зверхъ того на княжескôмъ съѣздѣ въ Краковѣ примиріе взаимного вспомаганя. Окремѣшно ôтъ тыхъ съобовязаній, уговорилъ ся король Казимиръ съ Людвикомъ взлядомъ наслѣдія въ Польщи, однакожь застерѣгъ собѣ, що, якбы королю пощастило ся, оставити сына зъ нового малженьства, о которôмъ Казимиръ промышлялъ, тогды той мае наслѣдити на тронѣ королевства польского не смотрячи на всякіи ини уговоры, которыми Польща що до наслѣдія угорскому королеви обовязала-сь[29]). Такъ обезпечивши-сь ôтъ посторонныхъ державъ предпринялъ Казимиръ р. 1366 по св. Іоанѣ Крестителю съ всѣми ему прислужаючими силами

[29]) Transakcya u Naruszewicza do roku 1364 ks. 24. str. 235. nota. 4.

походъ на князя Волыньского Любарта и князя Юрія Даниловича Белзкого, которіи може быти уже въ роцѣ 1363 краи и области смежніи и Казимиру пôдвластніи находили. Жерело вспоминае о бôльшеньствѣ князей литовскихъ на Волыни[30]). Любартъ посѣдалъ землѣ Холмскую, Луцкую и Володимирскую[31]). Явнута посѣдалъ землю Заславскую, або якую ину область на Волыни, котора о Червеную Русь, пôдвластную Казимиру опирала ся[32]). Кейстутъ посѣдалъ землю Берестейскую съ ей городами а городъ Кобринъ, принадлежачій коли-то такожь до составу древного княжества Галицко-Володимирского былъ въ посѣданю великого князя Ольгерда. Казимиръ вырушилъ въ поле противу Юрію Белзкому и Любарту. Ольгердъ не вспирае Любарта и жаденъ зъ прочихъ Литовскихъ князей, владѣючихъ въ самôй Литвѣ, не являе ся Любартови на помôчь. Насупротивъ тому ôтступаютъ ôтъ него Коріятовичѣ, князѣ Александеръ и Юрій, обладѣвшіи Подôльемъ, яко пріятелѣ и союзники Казимира[33]).

Явленье незвычайное! доси стояли князѣ Литовскіи зъ роду Гедымина, одинъ за другого, уважали справу руску за справу родинную, а теперь не лишь Любарта въ небезпеченьствѣ не вспомагаютъ, но еще на сторонѣ короля польского выступаютъ. Литовскій историкъ толкуе тое

---

30) Długosz L. IX. p. 1149. ad a. 1366 „duces quidem Lithvaniae impares se viribus" etc. ту розумѣютъ ся князѣ Литовскіи, маючіи на Волыни и въ областяхъ древного княжества Володимирского свои владѣня.

31) Narbutta dzieje narodu litewskiego. T. IV. str. 86. Нарбутъ твердить, що Любартъ около того времени основалъ городъ Любартъ Волыньскій въ замѣну за Любартôвъ, который еще давнѣйшими лѣтами заложилъ былъ и Польщи р. 1357 ôтступилъ.

32) Казимиръ графъ Стадницкій, опираючи ся на Стрыйковскôмъ, есть того мнѣнія, що Заславщина, которою былъ надѣленъ Явнута (1345) лежала въ воеводствѣ Миньскôмъ въ Литвѣ. Synowie Gedymina T. I. str. 30, nota 38. Зъ слôвъ трансакціи зъ р. 1366 умѣщенôй въ Нарушевичи книга 34. стр. 13. „vicissimi regis subditi per terras magni ducis, neque in Kejstuti et Javnuti et Lubarti arces" слѣдуе, що области Казимира о области тыхъ трехъ князей припирали. Заславщина въ Минской губерніи еще тогды не припирала до Польщи, но до Прусъ и Мазовша. Отцѣвство Коріята (Новгородокъ) володѣючого въ Новгородку близше лежало Мазовіи и областямъ, ôтступленымъ Казимиру въ той трансакціи, а прецѣнь реченый уговоръ ничого о Коріята земляхъ не вспоминае, про то мнѣнье Казимира Гр. Стадницкого, якобы той уступъ трансакціи сягалъ ся до Заславщины на Литвѣ, оспориваю.

33) Transakcya z roku 1366 u Naruszewicza historyi narodu polskiego ks. 24 strona 244 — 248. Тую трансъакцію заключаютъ зъ одной стороны Ольгердъ, Кейстутъ Явнута, Любартъ, зъ другой стороны Казимиръ, Юрій (Белзкій), другій Юрій и Александеръ (Коріятовичи). Юрій Белзкій станулъ уже въ самôмъ початку вôйны, Юрій Коріятовичь и Александеръ станули вѣроятно еще скорше на сторонѣ Казимира.

такъ[34]), що Любартъ не хотѣлъ передже повиновати ся брату своему Ольгерду, прото Литва въ борбѣ съ Казимиромъ оставила его безъ помочи. Въ прочемъ В. князь Литовскій въ року 1366 затрудненый былъ вôйною съ рицарями нѣмецкого ордина. Рицарѣ и гдекотори князѣ нѣмецкіи, вспомагавшіи ихъ, вторгнули въ стороны Литовскіи надъ Нѣмномъ и опустошили ихъ. Войско литовское выперло рицарей силою зъ земель Наднѣменьскихъ. Кейстутъ плѣненъ былъ (?) въ земли нѣмецкого ордина, по чемъ, якъ догадуютъ ся, якое-то примиріе на короткій часъ межи Литвою и рицарями наступило[35]).

Коли Казимиръ В. съ войсками польскими выступилъ въ область Белзкую, Юрій князь Белзкій выйшовши зъ замку своего противу королеви, увѣрялъ его приманчивыми словами о своихъ пріязныхъ чувствахъ и узналъ его за верховного пана своего. Обѣтницями Юрія удовольненый Казимиръ, не тыкалъ ся Белза, не пустошилъ областей, но оставивши ихъ при давнôмъ владѣтелю двигнулъ ся въ дальшій путь къ Холмови и инымъ городамъ Любарта. Засада Казимира, которая удержовала городъ Холмъ, зôстала силомôць выперта, по чемъ область Холмска пôддала ся[36]).

Значнѣйшіи и крѣпшіи городы землѣ Волыньскои, Володимиръ, Луцкъ и Олеско здобылъ Казимиръ насильно, почемъ покоренье прочихъ городôвъ и пригородкôвъ безъ труда наступило. Любартъ увидѣвши, що толикимъ силамъ противустанути не успѣе, старалъ ся зразу, подôбно якъ Юрій Белзкій, приобѣцянками короля польского приманити, но Казимиръ, памятаючи, що Любартъ давнѣйшими лѣтами его обманулъ былъ, неставляючи ся на реченецъ, якъ то братя его съ Казимиромъ и королемъ угорскимъ условили[37]), ôтвернулъ Любартовое предложенье. Любартъ не боронилъ своихъ городôвъ, и не защищалъ землѣ передъ опустоше-

---

34) Narbutta dzieje narodu litewskiego. T. V. „Lubart żadnej pomocy z Litwy w ostatku nicotrzymawszy gdyż wielkiemu xięciu, bratu swojemu, nie chciał pierwiej uległyw."

35) Dusburg стор. 425. наводитъ извѣстіе: „що Казимиръ р. 1365 ѣздилъ до Маріенбурга, и тамъ съ великимъ майстромъ нѣмецкого ордина дѣлалъ якіи то уговоры. Casimirus „venit in Marienburg et habuit consilia cum magistro generali Winrico, quem magister honorifice pertractavit," были отже якая пріязнь и сношенье межи Казимиромъ и ординомъ въ р. 1365. однакожь чи вôйна Казимира съ Любартомъ, стоятъ въ якôй связи съ вôйною Литвы съ ординомъ, того теперь еще сказати не знаемъ.

36) Długosz ad. a. 1366. „postremo ad terram Chelmensem descendens, quae etiam per Lubartum et gentes ejus tenebatur, castro principali conquisito, caetera omnia in ditionem venere."

37) Długosz ad a. p. 1366. Lubartus „Casimiro regi invisus, exosusque quippe qui superioribus bellis captus et ad cautionem fratrum suorum verbo et literis praestitam dimissus" etc.

ньемъ, якое войска польскіи по его областяхъ ширили[38]). При палающихъ селахъ и городахъ уступалъ съ своими неустроеными толпами въ лѣсы и неприступни мѣстця, незапускаючи ся въ бôй, и не обороняючи жителей. Цѣлый Волынь покорилъ ся Казимиру, по чемъ предстояло ему вторгнути въ землѣ пôдвластніи прочимъ князямъ литовскимъ, Ольгерда, Кейстута и Явнуты. Но Ольгердъ, хотя може быти, що на Любарта про его непослушеньство негодовалъ, однакожь не мôгъ хотѣти его цѣлковитои погибели и такого увеличеня могучества короля польского. При такôмъ розположеню обстоятельствъ шукаютъ князѣ Литовскіи згоды и примирія, а Казимиръ не намѣряючи впускати ся въ долготревалый и непевный бôй съ цѣлою Литвою, принимае охотно сдѣланое предложенье. Князю Любартови оставлена была земля Луцкая съ всѣми еи исперва принадлежачими землями и селами, такъ якъ было зъ самого начала.

Великій князь Ольгердъ ôтступае королеви польскому права свои яко верховного князя до землѣ Володимирскои. Король ôтказуе ся всѣхъ притязаній до землѣ Берестейской и еи городôвъ Бреатя, Каменца, Дрогичина и Мѣльника, яко властностей литовского князя Кейстута Гедыминовича. Такожь ôтказуе ся король всѣхъ правъ до города Кобриня, принадлежачого великому князю Ольгерду. Земля Луцкая остае ся въ посѣданю ей давного властителя Любарта[39]), съ всѣми еи городами именно: Стожкомъ, Даниловомъ, Закаменемъ, Шумскомъ, Острогомъ, Полоною и Межибожіемъ, такъ якъ сперва тіи городы належали до Луцка и якъ ôтъ

---

[38]) Długosz ad. a. 1366. „rex in agros ignem, populationemque late jussit extendi." Długosz говоритъ пôдъ р. 1366, що Казимиръ здобывши по первый разъ Волынь, зôставалъ былъ Луцкъ и Володимиръ Любартови: „Lubartus cum castro Lucko et terra Vladimiriensi sibi post primam expugnationem per Casimirum regem factam, concesso rebellionem ostentaverat."

[39]) Въ трансъакціи не написано выразно, що король зрѣкае ся притязаній до землѣ Луцкои, якъ тое сдѣлалъ що до землѣ Берестейской и Кобриня. Може быти що Луцкъ осталъ ся пôдъ верховною властію Литвы. Трансакція говоритъ: Lubarto Luckoviensis terra cum omnibus territorriis primaevis, quemadmodum fuit a principio," тіи остатни слова выражаютъ якій то давный стосунокъ землѣ Луцкôй до Литвы, иначе бо по словѣ „primaevis" были бы излишни слова „quemadmodum fuit a principio," если бы лишь давни границѣ землѣ Луцкой выражали. Трансакція говоритъ: „Vladimiria cessit in partes regis." Ту розумѣе Нарушевичь и иніи историки замокъ и городъ Володимирскій, однакожь що не лишь Володимирскій замокъ но и вся земля Володимирская королю была ôтступленою ôтъ великого князя Ольгерда, слѣдуе зъ словъ трансакціи: „insuper ad Luceoriensem terram renuntiavit (Casimirus) Vladimiriense territorium Weltly etc." т. е. що до земли Луцкой, пôдвластной Любартови додае король Казимиръ часть Володимирской землѣ, которую ту по городамъ вычисляе. Тымъ по моему мнѣнію король зрѣкъ ся посѣданя тыхъ городôвъ, ôдаючи ихъ Любартови, однакожь не зрѣкъ ся права верховного до нихъ.

давна Любартови послушали. Земля Володимирская признана верховной власти Казимира, подѣлена была на двѣ части: одную часть отказуе Любартъ за изволеньемъ великого князя Ольгерда королю Казимиру, именно городы: Кременецъ, Перемышль, Олеско, Белзъ, Грабовецъ, Холмъ, Щебречинъ и Лопатинъ, словомъ крѣпости на высшомъ Стырѣ и по обохъ сторонахъ Буга съ всѣми принадлежачими до тыхъ городовъ землями. Насупротивъ тому король отдае другую часть княжества Володимирского, именно городы: Велтлы, Льбяжъ, Чорный городокъ, Закамень и Мельницу князю Любартови. Князь Любартъ принимаючи отъ короля речени области, узнае тымъ самымъ верховную власть короля польского. Любартъ обовязанъ былъ Литву и Польщу въ случаи войны ихъ съ якими нибудь непріятелями войскомъ вспомагати, но за тое приобрѣлъ навзаимъ право, отъ обохъ державъ жадати помочи, если-бы еи противу якому будь непріятелю потребовалъ. Також уставлени зостали пограничніи судіи для розсуджаня справъ жителей, которіи недвижими имѣня на граници, або за пограничіемъ посѣдали, якоже и въ иныхъ спорахъ, котори бы межи поддаными обохъ границь заходили. Тіи были зъ стороны короля польского Кротъ, Любельскій подкоморникъ, и Рафалъ коморникъ королевскій, зъ стороны Ольгерда Олизаръ, а зъ стороны Любарта Іванъ Моштыньскій. Тіи судіи съѣхавшися въ Городлѣ должни были розсуджати кождого ведля права народу, которому принадлежитъ, Русиновъ ведля руского, Поляковъ ведля польского. Ловля звѣрины и рыбъ, також сбиранье иныхъ земныхъ и водныхъ пожитковъ заборонено такъ подданымъ польскихъ якъ и литовскихъ областей, а то зъ тои причины, щобы подъ позоромъ ловлѣ не дѣлали жителѣ громадныхъ набѣговъ до краѣвъ заграничныхъ.

Король оставилъ былъ Белзкую землю Юріеви и сверхъ того придалъ ему городъ Холмъ съ областію въ ленное владѣнье[40]). Часть областей и городовъ Володимирскихъ, котори не отдани были Любартови но при Казимирѣ зостали, отдалъ тойже въ владѣнье Александру Коріатовичу, одному зъ братей князей Литовскихъ, которі, якъ мы высше сказали, завоевали были Подолье. Яко знамя своей верховной власти оставилъ Казимиръ засаду польскую въ Володимирѣ, а подля гдекоторыхъ жерелъ и въ Луцку[41]). На челѣ засады Володимирской поставилъ Казимиръ старосту якого-то Петраша Турского, обивателя землѣ Ланчицкой.

Казимиръ убезпечивши-сь въ посѣданю Волыня уговоромъ, вернулъ ся съ великимъ полономъ и съ славою [42]) до Кракова. Отъ трансакціи, сдѣланой въ р. 1366, тѣшила-сь Червоная Русь до р. 1370 тишиною,

---

[40]) Długosz L. IX p. 1150. ad. a. 1366.

[41]) Długosz. Krommer.

[42]) Długosz ad a. 1366. „praeda onustus."

а князѣ Литовскіи провадили борбу съ Ординомъ. Много Володимирска Русь въ той борбѣ участничила, сказати не знаемъ. Литовцѣ не нападали на землю польскую ажь до смерти Казимира и ненарушали уговореныхъ условій реченой трансакціи. Лишь въ р. 1368 напалъ Кейстутъ, князь Литовскій собравши войска зъ землѣ Берестейской, на землю Семовита Мазовецкого, опустошилъ окрестности, пôдступилъ пôдъ Плоцкъ, здобылъ мѣсто, пôдпалилъ замокъ, и нижели еще прибыло на ôтсѣчь городу войско Мазовецкое, повернулъ съ великимъ полономъ до дому [43]).

Кейстутъ вымѣрилъ былъ сей нападъ противу епископу Плоцкому, щобы ему ôтмстити за то, що въ предъидучихъ лѣтахъ допомагалъ рицарямъ нѣмецкого ордина пустошити землю Литовскую. Папа Урбанъ [44]) довѣдавши ся о наступившôмъ зруйнованю областей Мазовецкихъ, приказалъ на просьбу королей польского и угорского въ р. 1369 цѣлому духовеньству польскому сдѣлати складку на исправленье опустошеного Мазовецкого города.

По уговорѣ сдѣланôмъ въ року 1366 розпростороняли ся землѣ, ôтступлени Казимиру Литовскими князями, на востокъ по рѣку Серетъ [45]), на западъ по рѣку Вислоку, на полудне по Карпаты, на сѣверъ ажь до тыхъ сторонъ, где Володимирское княжество и такъ званое Полѣсье притыкало. Въ грамотахъ именуе ся Казимиръ господаремъ рускои землѣ въ иныхъ паномъ и дѣдичемъ Руси. Казимиръ завоевавши край не засталъ лишь пусти обшары, якъ то гдекотри тенденційнiи писателѣ розсказуютъ. Земля руская мѣстила въ собѣ многіи городы, которыхъ множество вышь наведена трансакція зъ року 1366 вычисляе. Окрôмъ тыхъ выжше наведеныхъ городôвъ существовали въ особенности въ Галицкой, уже передже Казимиромъ завоеваной (Червоной) Руси, еще много иныхъ городôвъ н. пр. окрôмъ Львова древная столиця Галицкихъ князей Галичь, Перемышль, Санокъ, Решôвъ, Теребовля, Любачôвъ, Тустань, Коломыя, Ярославъ, Городокъ, Щирецъ, Рогатынъ, Жидачевъ, старый Самборъ и прочіи иніи, которіи польскіи королѣ въ руской землѣ застали, и для того незаховали ся ніякіи письменніи слѣды о ерекціи тыхъже, якіи о иныхъ городахъ и мѣсточкахъ существуючихъ на Руси обрѣтаютъ ся [46]). Хотя на Руси много было городôвъ, однакожь не можна ихъ собѣ пред-

---

[43]) Długosz w Naruszewiczu ks. 24.

[44]) Raynaldi annales u Naruszewicza ks. XXIV. str. 250 nota 2. Папа вмѣшалъ ту не знаючи добре стосункôвъ тутейшихъ, также Татаръ. Въ прочемъ може быти, що еще и теперъ якіито помôчніи або служебніи Литовцямъ войска Татарскіи сдѣлали нападъ на Мазовецкіи области.

[45]) Stadnicki Synowie Gedymina T. I. str. 50. 51.

[46]) Vide Lipinski i Baliński. Starożytna Polska.

ставляти такъ, якъ они выглядали въ Польщи або въ иныхъ краяхъ, близшихъ западови Европы, где народы уже ôтъ давна построили городы, обвели ихъ мурами, убезпечили твердыми камѣнными зданіями и проч. Городы Галицко-Володимирскіи были по бôльшôй части обведени земляными окопами и утверджени деревяными укрѣпленями. Замки або городы въ тѣснѣйшôмъ значеню, дворища, обиталища князей и бояръ были зъ дерева построени. Храмы Божіи, церкви въ столечныхъ городахъ, монастырѣ, въ которыхъ князѣ при кôнци житя постригали ся въ черцѣ, где тѣла ихъ спочивали, будовали ся звычайно въ великихъ розмѣрахъ зъ дерева а рѣдко зъ твердого камѣня и украшали ся всею лѣпостію, на яку тогдашное искуство могло здобыти ся. Однакожь надармо буде глядѣти читатель за тыми памятниками богопридяного духа предкôвъ нашихъ. Окрôмъ церкви св. Богоматери въ Галичи, не могу вказати на жаденъ иный зъ ôтдаленыхъ временъ до нашихъ часôвъ захова вшій ся чисто-рускіи памятникъ. Вежа древного руского монастыря въ Спасѣ (округа Самбôрского), которая по розôбраню тогоже своею твердостію частію уцѣлѣла, памятка о мурованôй каплици въ Лавровѣ, въ которôй тѣла рускихъ князей хоронили, суть може быти слабыми доказами о давнôмъ величію домôвъ божихъ, которіи ревная побожнôсть рускихъ князей построила.

Казимиръ завоевавши Русь промышлялъ, якбы на будущіи часы панованье свое тутъ забезпечити. Для того то уже завчасу на мѣстце старыхъ деревяныхъ замчищь ставилъ новіи замки, будовалъ домы, закладалъ костелы, — а все то зъ камѣня и паленыхъ цеголъ, — обводилъ мѣста и новопоставленіи замки мурами, и убезпечалъ ихъ баштами, валами и глубокими фосами. Уже р. 1351 стояли въ Львовѣ два варовніи замки, которіи якъ мы видѣли, ударъ Литовцей скутечно ôтпирали. Казимиръ построилъ такожь замки въ Перемышли, Саноку, Любачовѣ, Теребовли, Галичу и Тустани; окрôмъ того обвелъ мурами або по крайнôй мѣрѣ началъ обводити городы: Львôвъ и Санокъ [47]), а на конець два лѣта передъ своею смертію 1368 началъ будôвлю замку Володимирского [48]). Оставляючи въ Володимирѣ вопреки своему звычаеви старосвѣтскіи деревяный замокъ въ цѣлости, не щадилъ грошей, щобы на прилежачôмъ горбѣ воздвигнути новый зъ каменя, паленыхъ цеголъ и твердого дерева. Проваджeньемъ будовлѣ трудилъ ся римскій священикъ Ва-

---

47) Anonymus Gneznensis apud Sommersberg T. II. pag. 98. in terra Russiae Lemburgam civitatem et duo castra, Przemyśl castrum, Sanok civitatem, Lubaczow, Trebowla, Halicz, Custaa (Tustań?) castra etc.

48) Anonymus apud Sommersberg II. p. 103. Długosz L. X. p. 2. 3.

цлавъ зъ Тенчина. Триста робôтниковъ працювало коло будовлѣ, а множество тяголъ воловыхъ и кôнныхъ звозило матеріялъ. 3000 гривенъ серебра выдалъ былъ Казимиръ на фабричніи издержки, а коли тыхъ грошей не стало, призначилъ еще 300 гривенъ на тую цѣль. За два лѣта будовля такъ значительно поступила, що уже могла опирати-сь непріятелю, и станулъ бы былъ великолѣпный замокъ подôбный тому, якимъ замковая гора въ Львовѣ до попереднѣйшого столѣтія красовала ся, еслибы не смерть Казимира, и не Литовцѣ, которіи, якъ низше розкажемъ, тое творенье Казимира скоро по его смерти зъ основаня розрушили.

Казимиръ не лишь що убезпечалъ землю новыми на твердо збудоваными замками и укрѣпленями, ôнъ намѣрилъ также тѣснѣйшимъ узломъ соединити новозавоевану Русь съ Польщею, а именно на самперёдъ пôднести сословіе мѣщаньское въ головнѣйшихъ городахъ и связати тоеже съ Польщою довременными, особливоже торговельными корыстями. Ôтъ коли Казимиръ ôтдалялъ ся ôтъ Литвы, ôтъ тогды сближалъ ся до рицарей нѣмецкого ордина и ихъ городôвъ, узнавши о довременныхъ корыстяхъ, якіи зъ отношеній торговельныхъ значнѣйшихъ городôвъ въ Польщи и новозавоеваной Руси съ городами нѣмецкими на край сплывали. Головнѣйшими городами въ Польщи были городы: Воротиславъ, Краковъ, Сандецъ, Судомиръ, и окрôмъ тыхъ: Бохня, Вислиця, Казимирь, и проч. Тіи городы стояли въ торговельныхъ сношеняхъ съ городами нѣмецкого ордина, именно съ Торунемъ, въ якихъ городы Галицко-Володимирскои Руси Львôвъ, Бресть, Володимиръ и Луцкъ уже ôтъ часôвъ рускихъ князей находили ся. Городамъ такъ рускимъ якъ и польскимъ много залежяло на тôмъ, щобы примиріе межи Казимиромъ иординомъ удержало ся, а то зъ причины, що лишь въ временахъ мира процвитала торговля, и купцѣ гостѣ, безпечніи о свои особы и имѣня, зъ ôтдаленыхъ сторонъ товары до польскихъ и рускихъ городôвъ спроваджали и тутъ ихъ спродавали. Казимиръ уже року 1345 заключивши примиріе съординомъ, надалъ всяку торговельну свободу всѣмъ жителямъ и купцямъ города Торуня, которіибы съ суквами и прочими товарами краи ему пôдвластніи посѣщали [49]). Въ року 1349 завоевавши Володимирскую Русь загадалъ Казимиръ торговлю городôвъ рускихъ связати съ торговлею польскихъ городôвъ. Торговля городôвъ нѣмецкого ордина ходила через Русь двома шляхами; разъ вздолжь Буга через Червоную Русь, другій разъ вздолжь Днѣпра, куда купцѣ надбалтицкихъ городôвъ въ головніи городы Галицко-Володимирскои Руси товары посылали; а ôттакъ съ тымъ, що неспродали до Татаріи и до городôвъ Чорноморскихъ на куплю подвигали ся. Ка-

---

[49]) Voigt codex diplimaticus prussicus T. III. p. 75.

зимиръ опредѣлилъ шляхи, которыми бы купцѣ зъ нѣмецкихъ городôвъ до Руси и Польщи ходити могли безъ всякои перепоны будь то ôтъ урядникôвъ княжескихъ, будь то ôтъ властителей и вельможей сельскихъ, на якую встрѣчали бы тіи, которіи бы свои товары иными дорогами сопроваджали. И такъ свобôдно было купцямъ нѣмецкимъ подвигати ся черезъ Калишь къ Воротиславлю, черезъ Казимирь и Люблинъ до Володимира, черезъ Бресть (куда ишолъ шляхъ торговельный ôтъ временъ рускихъ князей) до Судомира [50]). Казимиръ убезпечилъ дорогу торговельну зъ Торуня до Угоръ, а зъ Угорщины до Торуня. Въ року 1365 [51]) установилъ привилеемъ, щобы купцѣ проѣзджаючіи зъ Руси до Угорщины и зъ Угорщины назадъ до Руси пôдъ карою неоминали Кросна, лежачого на Подгôрю Галицкôмъ. И на городъ Львôвъ не забылъ Казимиръ. Привилеемъ наданымъ въ самôмъ городѣ Львовѣ въ день св. Бартоломея 1350 приобѣцялъ Казимиръ мѣстичамъ Торуня, що мстити ся не буде за якое то оскорбленье сдѣланое въ городѣ Торунѣ рускимъ купцямъ [52]). Зверхъ того наступило еще наданье або по крайнôй мѣрѣ потверджение якое то привилеѣвъ городу Львову, о которыхъ пôзнѣйшіи памятники вспоминаютъ [53]). Казимиръ намѣрялъ пôднести такъ на Руси якъ и въ Пôльщи сословіе мѣщаньское до такого степени, на якôмъ оно въ западнôй Европѣ находило ся. Понеже двигнею процвѣту городôвъ суть привилеи и свободы городскіи, надалъ Казимиръ городамъ и жителямъ гдекоторыхъ городôвъ на Руси именно Львову р. 1356, Саноку 1366, Решову 1362 и Коломыи право магдебургское[54]). Право магдебургское розтягало ся на всѣхъ жителей обитаючихъ внутръ укрѣпленій городскихъ, и состояло въ тôмъ, що жителѣ внутръ укрѣпленій городскихъ были изъятіи зъ пôдъ власти и юрисдикціи королевскихъ урядникôвъ и судій. Городами управляла выбрана на загальнôмъ засѣданю жителей городскихъ рада городска, а избраніи судіи, такъ звана лава, засуджала кары, которіи рада городска вводила въ дѣйство. Въ апеляціяхъ ôтъ засудженя черезъ лаву городскую ôтносили-сь жителѣ до верховного суду въ Краковѣ. Ту обиталъ адвокатъ або предсѣдатель суда вразъ съ прокураторомъ. Той за помочію 7 судій розсуджалъ справу; ôтъ такого засудженя свобôдно

---

[50]) Voigt codex diplomaticus prussicus T. III. p. 82. 83.

[51]) Baliński i Lipiński, starożytna Polska T. III. str. 683.

[52]) Voigt codex diplomaticus prussicus T. III. p. 88. 1350 „propter ditentionem pannorum in Thorun factam cives Thorunenses et alios quoscunque praefato ordini subjectos nullatenus jure vel acto in rebus vel personis infestare volumus."

[53]) Людвикъ король потверджаючи привелеи торговельніи Львова въ р. **1379** откликуе ся на привилеи давніи Львову черезъ Казимира и матерь свою **Елизавету**.

[54]) Lipiński i Baliński starożytna Polska.

было ôтнести ся до короля, который для представленой справы именовалъ 6 судій, избраныхъ зъ 6 значнѣйшихъ городôвъ польскихъ, однакожь такихъ, которыхъ немала жадна сторона въ подôзрѣню, якобы на одну або другу сторону для якихъ собственыхъ взглядôвъ склоняли ся. Тіи розсуджали справу въ остатнои инстанціи и ôтъ ихъ суда не было уже можна дальше тягати ся. Зверхъ тыхъ преимуществъ упосажае Казимиръ свободніи городы доходами зъ ваги, надѣленьемъ ланôвъ и лѣсôвъ, и опредѣляе дачку або десятину, которіи за ужитокъ зъ наданыхъ ланôвъ въ королевскую касу ôтдавати городы были обовязаній. Городы надѣлени лѣсами и зарослыми обшарами часто освободжалъ король на время ôтъ всякои дани, припоручаючи истребити корчѣ и ужити ихъ на пасовиско або скотницу. Такими преимуществами привлекалъ Казимиръ зъ ôтдаленыхъ краѣвъ трудолюбивыхъ мужей на поселенье до города, и заохочалъ до культуры землѣ. Король Казимиръ надаючи Львову право магдебургское знѣсъ установы рускіи, о скôлько тіи до сихъ поръ становили загальное правило, однакожь по своему благорозумію ненакидалъ никому новыхъ уставъ зôставляючи кождому народови свои права и установы; такъ лишилъ именно въ Львовѣ кождому горожанинови волю ôтносити ся до права магдебургского або до права своеи народности, такъ Русинамъ Орменамъ, Сараценамъ, якъ и Жидамъ и Татарамъ [55]).

Чотыре послѣдніи народы мали въ Львовѣ свои судовіи трибуналы и передани ôтцями або и принесени зъ своеи попереднѣйшои отчины права, пôдля которыхъ судили-сь, однакожь въ притомности королевского урядника. Ормены, Сарацены, Татары и Жиды поселили ся тутъ еще ôтъ временъ рускихъ князей. Ормены поселили ся не лишь въ Львовѣ но и по иныхъ городахъ Червоной Руси, такъ находимъ ихъ уже тогды обитаючихъ въ Галичи, Язлôвци и въ Снятинѣ. За Казимира утворили они были може за помочію новыхъ пришелцѣвъ призваныхъ зъ отечества и привлеченыхъ въ Галицкую Русь торговельными корыстями кôлька громадъ, которіи въ осередку новои отчины своего епископа мати желали. Где потреба епископа и катедральнои церкви являе ся, тамъ и громадъ приходскихъ бôльшое число предполагати нужно. Казимиръ приклонилъ ся до просьбы Орменъ и грамотою изданою въ Свято св. Агнишки 1367 дозволилъ епископови ихъ Григорію поселити-сь въ Львовѣ [56]), слѣдственно построити храмъ и епископское обиталище. Изчисляючи свободы наданіи епископови, убезпечае Казимиръ Орменамъ свободу исповѣданя ихъ вѣры и сохраненье правъ и обычаѣвъ орменьскихъ. —

---

[55]) Dokument A. w Zubrzyckiego kronice miasta Lwowa str. 488. 489. 490.

[56]) Naruszewicza historya narodu polskiego ks. XXIV. str. 247. nota 3.

Такъ въ головнôмъ городѣ Червонои Руси, Львовѣ, мешкало кôлька народностей обокъ себе въ згодѣ и працювали надъ добромъ краю. Нѣмецкіи родины множили-сь въ теченю времене и надавали житю горожанъ Львôвскихъ черезъ многіи лѣта характеръ нѣмецкои стихіи. На пусто сказуютъ пôзнѣйшіи жерела польскіи, що Нѣмцѣ въ Львовѣ суть потомками королевскихъ жолдакôвъ, которымъ будь то бы король по первôмъ уже завоеваню Львова повѣрилъ стражь городскую. Имена гденекотрыхъ нѣмецкихъ родинъ поселеныхъ въ Львовѣ были: Вернекъ, Бонеръ, Фирлеевъ, Шамбекъ, Ворцель, Стехеръ и пр.

Были то можніи люди посѣдаючіи не лишь домы внутръ города, но и внѣ города имѣня недвижиміи т. е. села, поля, млыны и проч. Они поселили ся тутъ частію за Казимира, частію еще за рускихъ князей и пріобрѣли недвижиміи имѣня. По краю и обшарахъ земскихъ притыкаючихъ о горы Карпатскіи, прозваныхъ Пôдгôріемъ, такъ въ Польщи якъ и на Руси поселили-сь нѣмецкіи колонисты зъ Силезіи и земель нѣмецкого ордина. Они воздвигали села або на свѣжôмъ корени або востановляли опустошеніи. Понеже черезъ попереднѣйшіи вôйны и напады непріятельскіи, яко и черезъ страшную заразу рѣдше стало людей и мѣсточка и села опустѣли, то Казимиръ позираючи на такій убытокъ народа, призывалъ нѣмецкихъ колонистôвъ умышленно, а тыхъ которіи зъ доброи охоты приходили, принималъ благосклонно, надавалъ ланы и обшары и заохочалъ рôзными пособіями до корчованя лѣсôвъ, сушеня мочаръ и закладаня новыхъ селъ або ôтбудованя запустѣлыхъ [57]). Такъ н. пр. надалъ Казимиръ привилеемъ зъ р. 1366 нѣмцеви Берхтольдови Шенвальдъ право локаціи села Радимна на 40 ланахъ, на поли „Радимье" званôмъ [58]). Новіи селеня ôтличали-сь вкусными будôвлями, добрымъ и соотвѣтнымъ розположеньемъ, чистотою и порядкомъ, и свѣдчили о трудолюбію новыхъ пришелцей. Зверхъ тыхъ льокацій надае Казимиръ гдекоторымъ панамъ своимъ за заслуги военніи городы, а ветъ и цѣліи повѣты. Такъ н. пр. надалъ Казимиръ р. 1354. якому то Пакославу и его потомкамъ такъ мужескои якъ и женьскои линіи городъ Решôвъ съ цѣлымъ его повѣтомъ (обводомъ) въ земли руской положенôмъ, такъ якъ еще ôтъ давныхъ временъ за рускихъ князей было ôтграничено съ всѣми селами, свободами, ужитками и проч [59]). Подôбное упосаженье дôстало-сь въ восточнôй части Червонои Казимиру пôдвластнои Руси фамиліи Бучацкихъ гербу Габданкъ, надъ рѣкою Стрыпою, которая Подôлье и степы подôльскіи

---

57) Krommer L. XII. p. 319.

58) Baliński i Lipiński u. s T. III. str. 649.

59) Codex dyplomatyczny wydany w Warszawie 1847 cytowany u Stadnickiego Synowie Gedym. T. I. nota 97. Также наданье села Дмитровичи на дѣдицтво Вацлавови синови Жиготы зъ Голухова. Dodatek do Gazety Lwowskiej r. 1852 str. 120.

ôтъ гористыхъ сторонъ на лѣвôмъ березѣ Днѣстра ôтграничае. Габданкы въ времена Литовского князя Ольгерда, современника Казимирового, но може быти, що и пôзнѣйше за Ягайлы поселили-сь въ Бучачу. Они розмноживши-сь на кôлька линій, держали землѣ и городы. Члены тои родины были королевскими старостами и каштелянами, и яко такіи посѣдали зъ надання королей польскихъ многіи волости, села, городы, именно: Каменецъ, Коломыю, Снятынъ и Теребовлю (1435 1456) [60]. Въ тыхъ сторонахъ находимъ пôдля найдавнѣйшихъ писаныхъ урядовыхъ актôвъ городы Язловецъ, Монастыриска, Коропецъ, Михальче, которіи може быти сягаютъ еще временъ Казимира великого. Королѣ польскіи мудро припоручали наблюданье интересôвъ польскихъ на Подôлю насупротивъ литовскихъ князей и молдавскихъ воеводъ можнôй родинѣ Габданкôвъ, которая побудовала замки и крѣпости и не лишь границѣ Червонои Руси пôдвластнои Казимиру стерегла, но тіи такожь дипломаціею и оружіемъ далѣ въ глубъ Подôля къ чорному морю розширяла.

Въ прочемъ Червоная Русь не считала ся еще провинціею королевства польского. На челѣ правленя стоялъ староста рускои землѣ а не воевода, якъ по иныхъ областяхъ Польщи было звычаемъ. Такъ званіи адвокаціи по селахъ упоминаютъ ся уже въ найдавнѣйшихъ писаныхъ памятникахъ зъ временъ правленя польского на Руси [61]. Въ прочемъ задержали ся еще ôтъ временъ рускихъ князей рускіи уряды по большихъ мѣстцевостяхъ; такъ н. пр. въ Львовѣ, Щирци, Городку [62] дѣйствуютъ урядники судовіи бôльшихъ повѣтôвъ такъ звани воеводы, и суть подчиненіи старостѣ яко краевому начальнику. Бôльшіи земскіи имѣня звутъ ся дворищами и занимаютъ звычайно бôльшіи просторони. Къ дворищу принадлежали розличніи ужитки, которіи родинѣ вôльно было побôльшати и умножати.

Земскіи имѣня были властностію цѣлыхъ семействъ, отже если родина н. пр. состояла зъ бôльше братей, то ей земское имѣнье всѣмъ братямъ а даже и братанцямъ (сыновцямъ) пренадлежало. — Спродажь земского имѣня собывала ся за согласіемъ всѣхъ мужескихъ членôвъ родины, которôй дворище принадлежало. Купля дѣяла-сь за вѣдомостію начальника краевого, старосты, еи присутствовалъ судовый урядникъ, воевода, посланый къ сему дѣлу ôтъ старосты. Въ року 1352 звалъ ся во-

---

[60]) Balińskiego i Lipińskiego starożytna Polska T. III. str. 712 et acta terrestria Haliciensia T. I. II. III.

[61]) Dokument z roku 1348 Petro advocato in Kolaczyce. Stadnickiego Synowie Gedym. T. I. str. 97. et acta castrensia et terrestria Leopoliensia et Haliciensia T. I. II. III.

[62]) Zubrzycki kronika miasta Lwowa.

евода Львôвскій, якій-то панъ Блотишевскій. Зверхъ того староста посылалъ якого пôдчиненого урядника. Той осмотрѣлъ (объѣздилъ) спродаваное имѣнье и по всей вѣроятности ôтновилъ граничніи знаки. При спродажи должни были быти притомными заступники всѣхъ сословіи, якіи тогды на Руси существовали. Сословія изчисляютъ ся три, именно боары т. е. посѣдателѣ земскіи, отличеніи тымъ достоинствомъ, которіи исперва княжескими або лучше сказати державными земскими имѣнями ужитковали, далѣй слѣдовали посѣдателѣ бôльшихъ имѣній, неотличеніи достоинствомъ и именемъ боара, по тôмъ попове т. е. священики, по всей вѣроятности тіи, которіи ужиткотали приходскими земными имѣнями и яко посѣдателѣ довременніи тыхъже до бôльшихъ посѣдателей причисляли ся. Особеннымъ уважаньемъ отличеніи были мѣстичѣ и вôйты городскіи, якъ видно зъ обстоятельства, що вôйтъ и мѣстичь Ярославскіи Кнефль въ грамотѣ, зъ котороi мы настоячіи извѣстія черпали [63]), навѣть боярамъ и попамъ предпочитуе ся. До высшихъ або лучше сказати свобôдныхъ сословій причисляютъ ся дяки т. е. люди письменни, которіи грамоты списовали, и бортники т. е. вôльніи люди, которіи пчеловодствомъ занимали ся.

До продажи купна употребляли ся грошѣ прагскіи, численіи по гривнамъ н. пр. казало ся 80 гривенъ грошей прагскихъ, и такъ званое вятское серебро, численое на куны н. пр. 20 кунъ вятского серебра [64]).

Державніи учрежденя польского короля Казимира были способніи, пôднести бытъ матеріяльный краю руского, которымъ такъ насильво заволодѣлъ. Особенно тягнуло сословіе мѣщаньское по городахъ великіи довременніи корысти зъ розширеня ôтношеній торговельныхъ. Нѣмцѣ зъ надбалтицкихъ городôвъ поселившіи ся по бôльшихъ рускихъ городахъ якъ и тіи, которіи на свѣжомъ корени села або основали або опустѣліи возстановляли, были католиками, якъ бы островы помежи народомъ, который еще крѣпко православія придерживалъ ся; они говорили своимъ языкомъ помежи туземцями иноязычными, и завдячовали Казимиру свои новіи отцѣвства, про то не дивъ, що прилягли всею душею до землѣ, которую перетворяли, що правительство польское въ тыхъ сторонахъ вспирали и при всякихъ возмученяхъ народныхъ, стороны Казимира и его наслѣдниковъ придерживали ся. Мы видѣли, якъ папы римскіи Климентій VI. Инокентій VI, и Урбанъ V. обитаючіи тогды въ Авигніонѣ, предпріятія Казимира противу Татаръ и Литвы вспирали, якъ много до всякихъ жертвъ, ба даже до крестовыхъ походôвъ заохочовали, и къ завоеваню земель рускихъ и укрѣпленю власти Казимира въ новозавоеваныхъ краяхъ при-

---

63) Грамота старосты Оты зъ р. 1352. Акта западнои Руси Т. I. ст. 20.
64) Въ выжь наведеной грамотѣ Казимира даной Львову упоминаютъ ся: grossi Ruthenicales.

чинили ся. Казимиръ съ благодарностію узнавалъ сдѣлани собѣ услугъ папъ римскихъ, и досвѣдчивши, якъ много они ему полезни и корыстни, вспирилъ староня ихъ, вѣру латиньскую на Руси розширити и укрѣпити, угоджаючи тымъ самымъ также своему католицкому пересвѣдченю. Мы сказали, що Казимиръ вспираючи папу въ роспростороненю вѣры католицкои укрѣплялъ и убезпечалъ свое панованье на Руси. Для чого, запытае читатель? — Русины прiймаючи римскую вѣру прiймали способъ зрѣня запада, отчужали-сь востокови и его принципiамъ, прибирали обычаи поборника запада Польщи, и наконецъ отрѣкали ся всѣхъ сношенiй съ прочею ихъ православною братiею по за предѣлами державы Казимировои въ Литвѣ и въ сѣверной Руси.

Такое отчуженье Галицкихъ Русиновъ, попавшихъ ся подъ польску державу, отъ Русиновъ Литовскихъ и Московскихъ благо спрiяло Казимирови, понеже тымъ самымъ перерывала ся такожь политическая связь межи братiею, соединеною коли-то и произходженьемъ и исторiею. Многiи рускiи вельможѣ привлечени были свѣтлостiю трона польского и видѣли и досвѣдчали, якъ Казимиръ особенно тымъ спрiялъ, которiи принимали католицизмъ. Примѣры привлекаютъ; найтяжше было колькомъ отступити отъ православнои вѣры и приняти римское вѣроисповѣданье. Зверхъ того дарилъ Казимиръ тыхъ, которiи католицизмъ приняли, великими почестями и высокими урядами, прото не дивъ, що отъ дня до дня больше на лоно католицкои церкви переходило и православiю отчужало ся.

Якiижь мѣры предпринимали папы римскiи, щобы вѣру римскую на Руси роспросторонити и вкорѣнити? Уже отъ давныхъ временъ, коли еще Кiевъ своимъ величiемъ красовалъ ся и коли по постепенномъ паденю Кiева возносило ся княжество Галицко-Володимирское, звернули были папы римскiи увагу свою на южную Русь. Оминаемъ ту поединоки забѣги князѣвъ польскихъ, Болеслава Хороброго, Болеслава Смѣлого, Казимира справедливого, Лешка Бѣлого и мужей духовныхъ, прославившихъ ся ревностiю религiйною въ прочой Европѣ, именно Брунона, Рейнберга, епископа Колгбергского, Маурицого епископа Краковского, Яна Одровонжа и проч. Подвиги тыхъ мужей вспомагани отъ папъ римскихъ, именно Iоана XIII. Григорiя VII. Гонорiя II. Александра и Iоана XXII. перекороченiи довременно непрiятными для розширеня вѣры римскои обстоятельствами, продолжали ся отъ XI, до XIV. столѣтiя [65]). И Угры коли лишь имъ завладѣти Галичомъ подарило-сь, не были въ религiйномъ отношеню нечиннiи. Королѣ угорскiи и ихъ сынове, преовладѣвшiи колькократно тро-

---

[65]) Naruszewicza historya narodu polskiego ks. 25. str. 29—34. nota 4.

номъ княжества Галицкого въ XII. и XIII. столѣтію, ширили вѣру като лицкую и по крайной мѣрѣ старали-сь завести унію т. е. соединенье съ римскою церквою въ предѣлахъ Галицкого княжества. Князѣ Галицко-Рускіи зъ роду Романового, входили въ сношеня съ папами римскими, именно Данило Романовичь узналъ былъ вразъ съ своими епископами папу за голову церкви и принялъ ôтъ него достоинство королевское. Хотя соединенье съ римскимъ престоломъ не было долго тревалымъ, однакожь частіи ôтношеня Данила и его наслѣдникôвъ съ западомъ, а именно сватôвство ихъ съ доньками королей сусѣднихъ исповѣдуючихъ католицизмъ, отвирали по всей вѣроятности для миссіонарôвъ католицкихъ новозаведеного доминиканьского ордина двери до дѣйствъ религійныхъ на Руси, которыхъ слѣдства были еще часто въ теченю времени перекорочени. Зъ другой стороны Литовскіи князѣ почасти еще идолослужителѣ, часто для взглядôвъ политическихъ позволяли римскимъ миссіонарамъ посѣщати ихъ край и католицизмъ проповѣдати. Для подкрѣпленія тыхъ загальныхъ увагъ наведемъ гденекоторіи подробніи событія именно, що жена наслѣдника Данила князя Льва Констанція была донькою короля угорского Беллѣ и ревною католичкою. Сказуютъ, що Констанція спровадила Доминиканôвъ до Львова, а донька еи и князя Льва, Святослава, вразъ съ вдовою по Болеславѣ Встыдливôмъ приняла чинъ монахинь св. Кляры и пôдчасъ похода Татаръ нашедшихъ пôдъ Телебугою на Польщу пребывала въ замку Пьенѣни коло Кростьенка и въ року 1304 житье скôнчила [66]). Суть слѣды що еще за панованя Гедымина, великого князя Литвы и передъ пересѣченьемъ династіи Даниловичей вводила-сь пôдъ покровительствомъ Литвы вѣра католицкая на Руси, понеже еще року 1320, мѣсяця Януарія, въ время, коли завованъ былъ Кіевъ Гедыминомъ, великимъ княземъ Литовскимъ, именуе папа Іоанъ XXII. для вѣрныхъ въ Кіевѣ, которіи въ новѣйшихъ, якъ виражае ся временахъ, повернули до соединеня съ римскою церквою епископа Генрика, монаха закона предикаторôвъ [67]). Еще Генрикъ Бородатый, князь Силезскій, коли справовалъ опѣкуньство надъ Болеславомъ Встыдливымъ, именовалъ опата монастыра Опатовского епископомъ католицкимъ на Руси. Пôзнѣйше перенесено достоинство и доходы того епископства до Любуского епископства въ Шлезію. Якъ князѣ Силезскіи ôторвали-сь ôтъ Польщи, такъ и епископы ихъ, именно Любускіи не повиновали ся польскимъ королямъ. Казимиръ въ заботахъ о розширенье вѣры католицкой на Руси раднѣйше ôтносилъ ся до папы римского ни-

---

[66]) Историческій сборникъ Т. II. ст. 132. пр. 53.

[67]) Theineri monumenta Poloniae et Lithvaniae T. I. p. 162.

жели до епископôвъ Любускихъ, не смотрячи на то, що епископы Любускіи уважали ся за справедливыхъ епископôвъ рускихъ и на учрежденье новыхъ епископôвъ въ сторонахъ Руси не милымъ окомъ споглядали. Скоро Казимиръ утвердилъ свое панованье въ земли рускôй въ р. 1349, промышляли папы о тôмъ, щобы на мѣстце 7 епископôвъ и митрополіи до селѣ принадлежачихъ православію (именно вь Кіевѣ, Туровѣ, Луцку, Володимирѣ, Холмѣ, въ Перемышли и въ Галичи) основати 7 латиньскихъ епископствъ а зъ помежи нихъ одну митрополію, якъ видно зъ посланя папы римского до прелатôвъ Польщи писаного въ Марти р. 1351 [68]).

Законъ Миноритôвъ въ Судомирѣ и въ прочихъ городахъ Польщи и въ сосѣднôй Венгріи достарчалъ много мужей, которіи радо принимали ся за трудъ для розширеня вѣры римской на Руси. Николай Русинъ (Nicolaus Ruthenus), монахъ закона Миноритôвъ былъ именованъ церковнымъ викаріемъ Руси (vicarius Russiae) и управлялъ миссіями. Папа довѣдавши ся, що многіи монахи трудившіи ся миссіами на Руси поумирали, а многіи ôтъ своего званя ôтступили, позволилъ письмомъ зъ Ноембрія 1353 писанымъ до выжь помянутого Николая (зъ Кросна), щобы избралъ монахôвъ якихъ нибудь монастырей и областей и щобы ихъ на дѣло миссіи до Руси пôслалъ, а то безъ попередного произволеня настоятилей тыхъ монастырей, которымъ новоизбраніи миссіонары принадлежали [69]). Якіи-жь были слѣдства тыхъ заботъ папъ римскихъ и трудôвъ миссіонарôвъ католицкихъ, работаючихъ при скутечнôй помочи короля польского Казимира? Самъ папа римскій, Григорій XI. въ булѣ зъ року 1375 утвержае, що за временъ Казимира многіи особы мужеского и женьского пола, многіи пралаты, свѣтскіи ереи и монахи, оставили шизму и многіи ерези и до правдивои вѣры, до соединêня съ римско-апостольскою церковію вернули ся [70]). Таковый успѣхъ далъ папамъ римскимъ въ руки способнôсть не взираючи на притенсіи епископôвъ Любускихъ посредѣ тыхъ самыхъ миссіонарôвъ, монахôвъ закона Миноритôвъ и Предикаторôвъ именовати епископами.

Еще за житя папы Климента VI. управляючого церковію ôтъ року 1342—1352 перебывалъ въ Перемышли якіи-то епископъ римскіи, Иванъ. Той самъ папа застерѣгъ собѣ выбôръ епископа Перемышльского на случай смерти Ивана, уневажнилъ на передъ всякій иный выбôръ, которыйбы якая нибудь власть сдѣлала, и именовалъ яко наслѣдника епископства въ Перемышли якого-то Николая Русина, пріора закона предикаторôвъ въ Судомирѣ [71]). Иванъ умеръ а Инокентій VI. новый папа потвердилъ пись-

---

[68]) Theineri monumenta T. I. p. 531
[69]) Theineri. T. I. p. 551.
[70]) Theineri. T. I. p. 713.
[71]) Theineri. T. I. p. 543.

момъ зъ Януарія року 1353, сдѣланый попередникомъ своимъ выбôръ Николая Русина, который однакожь не знаю для якихъ причинъ не скорше якъ за рôкъ, бо въ Януаріи 1354 на тронъ епископства Перемышльского вступилъ [72]). Не взираючи на то, що Володимиръ, столиця Волыня въ р. 1358 неналежалъ до Польщи но до Любарта, князя Литовского, именуе папа якого-то Петра епископомъ Володимирскимъ [73]) въ время, коли борба межи Литвою и Польщею на короткій часъ притихла была и мирніи ôтношеня межи обома державами возстановили-сь. Суть такожь слѣды, що р. 1361 призволилъ папа посвятити на епископа (въ Львовѣ чи въ Галичи (?)), якогото священика монаха Христина [74]). Нови епископы обитали въ монастыряхъ, которымъ принадлежали. Въ прочемъ Казимиръ ôтбиралъ церкви православнымъ и перетворялъ ихъ на латиньскіи костелы [75]). Такъ п. пр. призначилъ Богородичну церковь въ Львовѣ на справованье службъ божихъ по римскому вѣроисповѣданю [76]). На тôмъ самôмъ мѣстци положилъ основанье до теперѣшного катедрального храма божого, которого строенье бôльше якъ сто лѣтъ ажь до временъ Казимира Ягелоньчика продолжало ся и не скорше якъ р. 1481 окôнчене зôстало.

Читаючи о тыхъ событіяхъ запытае читатель, для чого на тое ôтчуженье сынôвъ своихъ церковь руская молчала, для чого занѣмѣли предстоятелѣ епископы, а бояре придерживаючи ся своей вѣры съ такимъ пристрастіемъ за Болеслава Тройдановича, обоятно на подвиги Римлянъ позирали?

Церковь руская находила ся въ тіи времена въ тяжкихъ бѣдствахъ и въ великôмъ розстроеню. Ôтъ временъ крещеня узнавала Русь вразъ съ православнымъ востокомъ при иныхъ вселеньскихъ патріархахъ, Константинопольского за церковную голову. Той поставлялъ митрополитôвъ избираемыхъ княземъ, духовеньствомъ и народомъ, опредѣлялъ ихъ власть (юрисдикцію), пôдчинялъ имъ епархіи, наблюдалъ, щобы они точно выполняли свои обовязаности, не повинуючихъ ся канонамъ, напоминалъ, низлагалъ, рѣшалъ споры межи митрополитами и князями и. пр., а тое все не самъ, но вразъ съ синодомъ, въ которôмъ такожь и царь имперіи бизантійскои засѣдалъ. Въ времена, о которыхъ говоримо, много областей ôтдѣлило ся было ôтъ имперіи бизантійской. Князѣ давнѣйше пôдвластніи приняли были титло царей и щобы не зависѣти ніякимъ образомъ ôтъ Константинополя, и щобы въ церковныхъ дѣлахъ, на которіи и царь малъ

---

[72]) Theineri T. I. p 555.
[73]) Theineri T. I. 586
[74]) Stadnicki Synowie Gedymina T. II.
[75]) Daniłowicza kronika ruska. str. 170.
[76]) Chodyniecki historia Lwowa.

вліянье, до царства бизантійского не ôтносити ся, избрали собѣ осôбных. патріархôвъ; такъ Сербы и Болгары (1204), первіи за помочію иныхъ патріархôвъ, другіи за соизволеньемъ римского престола[77]).

Тое роздѣленье въ восточнôй церкви и утворенье новыхъ патріархатôвъ не было и на рускую церковь безъ послѣдствій. Еще за житя митрополита Кіевского Теогноста добивалъ ся якій-то монахъ Теодоритъ р. 1352 о достоинство митрополичое на Руси и не отримавши того, поѣхалъ до Терновы и ôтъ Болгарского патріарха поставленый на митрополита руского, поспѣшилъ до Кіева бы митрополичій тронъ приняти. Малоруское духовеньство нехотѣло мати съ незаконно постановленымъ ніякого сношеня и ôтвернуло Теодорита [78]). Хотя отже той разъ духовеньство руское стануло сильно при сторонѣ патріарха Царогородского, то однакожь легко могло поколибати-сь, послѣдовати примѣру Сербіи и Болгаріи, и ôтъ Царогородского патріарха ôтôрвати ся, а по крайнôй мѣрѣ о поставленье митрополита окремѣшного черезъ которого зъ сосѣднихъ патріархôвъ постарати ся. Тая опасность заходила по всей вѣроятности уже ôтъ тыхъ временъ, ôтъ коли Кіевскіи митрополиты оставили Кіевъ и пересесили-сь до Володимира надъ Клязмою (р. 1299) а потôмъ до Москвы (1308) и ôтколи потреба окремѣшнихъ митрополитôвъ для земель Галицко-Володимирского княжества появила ся. Патріархъ не мôгъ противити ся тому требованю и именовалъ Теодора Галицкимъ митропотитою, но въ которôмъ року не знати. Въ року 1330 являе ся Теодоръ на соборѣ малорускихъ епископôвъ уже не яко митрополитъ но яко епископъ Галицкій, а въ роцѣ 1338 умирае [79]). Не долго передъ рокомъ 1347 по смерти епископа Теодора удало-сь якому-сь епископу Галицко-Володимирской Руси, которого имени намъ исторія незаховала, способомъ незаконнымъ, бо здае ся за грошѣ приобрѣсти въ Константинополи достоинство митрополита Галицкого, а то пôдчасъ якого то замѣшаня въ Константинополи, коли на патріаршôмъ престолѣ сѣдѣлъ человѣкъ злой волѣ и нечистого характеру [80]). По низверженю того титулярного патріарха уничтожена зôстала митрополія Галицкая, а епархіи тои митрополіи, Володимирска, Холмска, Перемышльска, Луцка и Туровска новымъ патріархомъ Изидоромъ и синодомъ снова пôдчинени зôстали митрополиту Кіевскому, обитаючому въ Москвѣ. Замѣчательное есть обстоятельство, що царь бизантійскои имперіи Іоанъ Кантакузенъ въ Септ.

---

77) Истор. сборникъ Галицко-рускои матицѣ. Т. III.

78) Карамзинъ Т. IV.

79) Галицко-руское духовеньство въ своей челобитной грамотѣ зъ 13. Дек. 1539 къ Кіевск. митр. Макарію. Акты западной Росіи Т. II.

80) Acta Patriarchatus T. I. p. 261. et seq.

1347 писалъ до Любарта [81]), которого именуе княземъ Володимирскимъ, заведомляе его о низверженю Галицкого митрополита и взывае его, щобы ôтдалилъ того митрополита, и митрополита Кіевского принялъ за справедливого митрополита, которому пристоитъ установляти епископôвъ такъ якъ передже и т. д. и щобы митрополитъ низверженъ явилъ ся въ Царогородѣ и оправдалъ ся. Митрополиты Кіевскіи обитаючи въ Москвѣ всѣми имъ предстоячими силами перешкаджали утвореню новой митрополій въ Малôй Руси. Они уважали такое дѣло яко оскорбленье канонôвъ и духовной власти, которая надъ всею Русію ôтъ много вѣкôвъ никому иному но митрополитамъ Кіевскимъ принадлежала. Въ тôмъ стремленю т. е. въ уничтоженю южно-руской митрополіи въ самôмъ еи зародѣ вспомагали ихъ Велики князѣ Литовскіи, которіи на патріарха въ Константинополи вліяли и съ царемъ бизантійскимъ въ тѣсныхъ дружелюбныхъ стояли сношеняхъ. Поки еще ôтношеня великого князя Литовского Ольгерда до великого князя Московского были приязніи, поки еще Ольгердъ выступалъ въ сѣверныхъ сторонахъ яко миротворецъ, поки еще жилъ наслѣдникъ Петра, митрополитъ Кіевскій Теогностъ, доти Литва и соединена съ Литвою Русь еще такъ сильно не чувствовала потребы ôтдѣльного митрополита, бо князѣ Московскіи не вредили еще князямъ литовскимъ, а митрополитъ обитаючій въ Москвѣ не былъ принуженый дѣйствовати въ интересѣ великого князя Московского противу великому князю литовскому и тымъ самымъ такъ литовскимъ вельможамъ якъ и духовнымъ узнаючимъ его за справедливого митрополита, ôтчужати ся. Митрополитъ Теогностъ, вѣрный своему званю, уважалъ ся не лишь исключно митрополитомъ Московской Руси, но обнималъ рôвною троскливостію епархіи цѣлой Руси якъ далеко и широко она розтягала ся. Зôставляючи правленье справами епископства Володимира Клязьменьского (бо митрополитъ рускій былъ ôтъ времена оставленя Кіева епископомъ Володимира Клязьменьского), мужу доброи славы у Римлянъ и у Русôвъ [82]), объѣжджалъ самъ ôтдалени епархіи южной Руси, созывалъ синоды, поставлялъ епископôвъ и архіепископôвъ, судилъ, мирилъ и пр. Такъ посѣщалъ Теогностъ якъ мы уже высше говорили, въ рокахъ 1329, 1330 и въ времена, коли уже князѣ Галицко-Володимирскіи вымерли, именно въ лѣтахъ 1338 и 1349, епархіи Волыньскіи [83]). Однакожь и тая его объѣздка по Волыни и прочôй литовской

---

81) Acta Patriarchatus T. I. (Нр. 119, ст. 266) Императоръ Кантакузенъ звє въ листѣ до Любарта того неназваного митрополиту протоєреємъ Галицкимъ.

82) Такъ выражалъ ся патріархъ Изидоръ въ листѣ до епископа Новгородского въ р. 1354. Acta Patriarchatus T. I. p. 347.

83) Татищевъ Т. IV. ст. 169. „Того лѣта пріиде митрополитъ Теогностъ изъ Волыня."

Руси споводована може быти стремленьемъ владѣтелей Галицко-Володимирскои Руси утворити особну митрополію, неугодна была высшому рускому духовеньству зъ причины, що приѣжджаючіи митрополиты вымагали щобы оно поносило издержки ѣзды, и собирало дачку для митрополитôвъ, которую уцтивымъ именемъ дарôвъ прозвано. Тое обстоятельство принудило руское духовеньство жаловати-сь у патріарха царгородского на корыстолюбіе митрополитôвъ московскихъ [84]) и може быти, що и тое до требованя, мати осôбную митрополію причинило ся. Самъ великій князь Ольгердъ, хотя въ прочемъ еще жилъ въ пріязни съ великимъ княземъ Московскимъ, всперъ требованя литовско-руского духовеньства и народа объявившихъ волю свою, мати особного митрополита [85]). Патріархъ Филотей посвятилъ по смерти Теогноста, року 1354 двохъ митрополитôвъ одного Алексія, мужа захваленого попередникомъ Теогностомъ а другого Романа. Алексій поставленъ на митрополита Кіевского, Романъ на митрополита литовского, и ему пôдченени зôстали епархіи литовскіи, Плоцкъ, Туровъ и малый Новгородъ, такожь всѣ епископіи малой Руси съ изъятіемъ архіепархіи Кіевскои. И отъ начала ся для православія сгубная сварня межи обома митрополитами. Новый митрополитъ литовскій Романъ не задовольнялъ ся епархіями Литвы и Малой Руси, ôнъ принялъ титулъ митрополита Кіевского и цѣлой Руси. Може быти, що то побудило Алексія оставити Москву и поѣхати до Кіева. Ту проживалъ ôнъ черезъ два лѣта передъ р. 1359, посредѣ розвалинъ и смутныхъ слѣдôвъ долговременного запустѣня и обновлялъ церковное устройство и давную лѣпоту храмôвъ [86]). Но и о Романѣ читаемъ [87]), що приѣхалъ былъ може быти по выѣздѣ Алексія до Кіева и що тамъ священодѣйствовалъ, руковолагалъ епископôвъ и що управлялъ епископіями, которіи по опредѣленю патріарха царогородского не ему, но митрополиту Алексію принадлежали. Такъ приѣхалъ былъ Романъ до города Тверу безъ позволеня митрополита Алексія, вмѣшивалъ ся въ дѣла церковніи, однакожь хотя спріялъ ему князь Тверскій, епископъ Тверскій такôй его не узналъ. Такъ оба митрополиты вытисняли себе взаимно зъ древной столицѣ митрополитôвъ Руси. Митрополитъ Алексій выточилъ Роману справу передъ судъ патріарха царгородского, обвиняючи его по словамъ патріарха, що ôнъ самого великого князя литовского побуджае на Алексія и на христіянъ, чему послѣдовало многое нещастье и великое кровопролитье. Патріархъ призывалъ Романа на судъ, а коли той не съѣхалъ, пôслалъ до Литвы

---

[84]) Карамзинъ Т. IV.

[85]) Acta Patriarchatus T. I. p. 525.

[86]) Карамзинъ Т. IV. ст. 179.

[87]) Карамзинъ якъ выжше.

посло̂въ на Русь, щобы вглянули въ естество спора и обохъ митрополито̂въ погодили (въ Юнію р. 1361) [88]). Въ тако̂мъ замѣшательствѣ и нижели еще спо̂ръ ско̂нчилъ ся, умеръ Романъ, литовскій митрополитъ (р. 1362). Патріархъ за вліяньемъ митрополита Кіевского въ Москвѣ и В. князя Московского рѣшилъ ся былъ уничтожити литовску митрополію и епархіи той митрополіи Кіевскому митрополиту Алексію по̂дчинити. Однакожь потреба особныхъ митрополито̂въ для Литвы и для Руси не долго по смерти Романа еще значительно увеличила ся. Въ року 1363 начала ся распря межи великими князями Литовскимъ и Московскимъ. Великій князь Московскій Деметрій пленилъ былъ Михаила князя Тверского, шурина Ольгерда и другого шурина Ольгерда Борыса и матерь и доньку его. О̂нъ забиралъ городы, которіи верховную власть Литвы узнавали н. пр. Ржевъ, Микулинъ и пр., и давалъ убѣжище многимъ боярамъ, которіи В. князю Литовскому были присягою звязали ся. Алексій вспомагалъ князя Московского своимъ вліяньемъ и своею митрополичею повагою. О̂нъ снималъ присягу зъ тыхъ, которіи о̂тъ В. князя Литовского до Москвы убѣгали. Во̂йнѣ съ Литвою старалъ ся надати характеръ во̂йны религіо̂йной и намѣрилъ приготовити хрестовый похо̂дъ на Литву; а всѣхъ князей рускихъ, которіи съобовязали ся были вспомагати великого князя Московского, а потому не лишь що недотримали обовязаностей, но еще и до Ольгерда присоединили ся, о̂тлучилъ о̂тъ церкви 1370, наконецъ Москвитянъ на во̂йну съ Литвою благословилъ [89]). Для того Ольгердъ не мо̂гъ узнавати такого митрополита и не дивъ, що чимъ разъ сильнѣйше требовалъ о̂тъ патріарха царгородского поставленя осо̂бного митрополита для Литвы. Патріархъ по всей вѣроятности долго опиралъ ся требованю В. князя Литовского, долго вспиралъ митрополита Алексія и установленя, хотя и непріятни Литвѣ потвержалъ. Митрополита Кіевского въ Москвѣ упоминалъ патріархъ, що о̂нъ не поставилъ его для одной области, но для цѣлой Руси, що подобае ему для всѣхъ князей рускихъ за ро̂вно мати о̂тцѣвскую любовь и попеченье. Наконецъ согласилъ ся патріархъ удосточинити требованю Ольгерда и несмотрячи на то, що разъ былъ уже постановилъ уничтожити литовскую митрополію, въ р. 1375 якого-то Кипріяна родомъ Сербина на митрополита литовского посвятилъ [90]). До того дѣйствія побудила патріарха царгородского боязнь, щобы Ольгердъ еще що го̂ршого не сдѣлалъ, т. е. щобы вѣры римско-католицкои не принялъ и вразъ съ своимъ народомъ не приклонилъ ся до папы римского, который не щадилъ

---

88) Acta Patriarchatus T. I. p. 425—434.

89) Acta Patriarchatus T. I. p. 516. 518.

90) Истор. Сборникъ Галицко-руской Матицѣ. Т. III.

трудôвъ, бы князѣ Литовскіи на вѣру латиньску крестили ся. Если взгляды на Римъ и на опасность, якая въ Литвѣ угрожати могла православію, еслибы патріархъ ôтмовилъ былъ требованямъ Ольгерда, побудили патріарха установити особного литовского митрополита, то тіи взляды еще въ большой мѣрѣ дѣйствовали при учрежденю Галицкой митрополіи. При неприязнôмъ розположеню великого князя Ольгерда къ митрополиту Кіевскому Алексію, было томуже трудно а неветъ и невозможно, надзоровати епархіи южной Руси, которая частію Литовцямъ, частію польскому королеви была пôдвластною. Зверхъ того и великое ôтдаленье Москвы такое надзôрованье утрудняло. Чижь можна было сподѣватись, що князѣ Литовскіи изволятъ сносити-сь церквамъ южнорускимъ съ митрополитомъ въ Москвѣ? Чи непріязное розположенье Литовскихъ князей къ Московскому не утрудняло и сообщенье епархіи рускихъ, пôдвластныхъ Казимиру съ митрополитомъ, которому предстояла исключная власть рукополагати епископôвъ, зозывати соборы и проч.? До Москвы не можна было куда инуды зъ Руси пôдвластнôй Польщи дôстати ся, якъ черезъ краи, которіи литовскимъ князямъ принадлежали. Въ Галицко-Володимирскôй Руси не стало епископôвъ, такъ н. пр. въ Володимирѣ уже ôтъ непамятныхъ временъ не было епископа [91]). Где пастырей нѣтъ, тамъ и ôвцѣ розбѣгаютъ ся и похищени бываютъ. И отъ читаемъ, що въ южнорускихъ епархіахъ ширили-сь герезы и водворили-сь соблазни [92]). Розстроенье церкви руской улекшало ширенье вѣры римской и одно и другое непокоемъ наполнило князей рускихъ, посѣдаючихъ на Руси, Польщи пôдвладнôй свои удѣлы. Было небезпеченьство, щобы вѣра римска не преобладѣла до цѣла рускои и исключно вмѣсто руской въ предѣлахъ польской Руси не водворила ся. Узнавши яко головнѣйшую причину розстроеня церковного неприсутствіе митрополита, объявили рускіи князѣ и бояре требованье, щобы для Галицкой Руси былъ осôбный митрополитъ, бы законъ рускіи не погибъ и не былъ въ порузѣ. Казимиръ, мужь благоразумный, узнаючи справедливую потребу руского народа, по звычаю рускому выбирае вразъ съ князями рускими, которіи ôтъ временъ самостоятельности Галиціи и Володимеріи мали тутъ свои удѣлы, съ боярами и съ духовеньствомъ на якôмъ-то соборѣ епископа Антонія на Галицкого митрополиту. Такъ избраного волею народа (видко що князѣ и бояре лишь представляли народъ) Антонія посылае Казимиръ до патріарха царгородского, объявляе патріарху свое челобитіе, доводитъ законность своего панованя на Руси (мовячи, що князѣ рускіи были мои сродники, що они вымерли,

---

[91]) Theineri T. I. p. 586.

[92]) Acta Patriarchatus T. I. 578.

а я по нихъ наслѣдилъ законно рускую землю) и проситъ, щобы избраного Антонія поставилъ патріархъ на митрополиту Галицкого, „ради насъ, ради святыхъ церквей да будетъ благословенье ваше на семъ человѣцѣ (пише Казимиръ до патріарха), да не пустѣе престолъ сеи митрополіи. Рукопоноложѣте его на митрополита, абы законъ Русинôвъ не погибъ и не было ему поруги. А если не буде милости Божей и благословенія вашого на семъ человѣцѣ, не жалуйте-сь на насъ пôсля, если прійде жалостна потреба, крестити Русинôвъ на вѣру латиньску, если не будетъ митрополита на Руси, бо земля не можетъ быти безъ закона[93]).“ Патріархъ съуважавши, що самодержецъ рускихъ краѣвъ не былъ православный, но исповѣдалъ римску вѣру, опасалъ ся, бы не учредилъ латиньскіи епархіи и не велѣлъ крестити Русинôвъ на вѣру латиньскую. Вѣдалъ ôнъ, на якіи трудности встрѣчала церковь руская въ ôтношеняхъ до митрополита въ Москвѣ, и що тойже митрополитъ рускіи епархіи на Малôй Руси безъ надзору оставилъ. Щобы разъ сумному состоянію православія на Руси конецъ положити и опасность, якая православію съ стороны римской церкви угрожала ôтвернути, поставляе патріархъ грамотою зъ Мая 1371 Антонія на митрополита Галицкого, возстановляе тымъ снова Галицкую митрополію и пôдчиняе еи епархіи, Холмску, Туровску, Перемышльскую и Володимирскую. Патріархъ предполагаючи недостатокъ епископôвъ въ епархіахъ рускихъ, припоручае митрополиту Антонію, щобы ôнъ по обычаю руской церкви разомъ съ вѣрными выбиралъ достойныхъ сего чина и рукополагалъ ихъ на епископôвъ, а въ случаи, еслибы не было достаточного числа епископôвъ якое каноны при рукополаганю епископа приписали, щобы ôтнесъ ся до митрополита угроволоского и съ тымъ дѣло рукополаганя совершилъ [94]). Въ листѣ до митрополита Алексія усправедляе патріархъ Филотей востановленье Галицкои митрополіи причинами, котори мы высше выложили. Ôнъ увѣрае его, що Галицкому митрополиту пôдчинилъ лишь тіи епархіи, котори тогды находили-сь въ власти короля польского[95]). Епархія Луцкъ ôтдѣлена ôтъ юрисдикціи митрополита Галицкого, останула-сь при Кіевскôмъ митрополитѣ и тымъ ôтдѣленьемъ Луцка ôт митрополіи Галицкой розличае ся теперѣшное возстановленье митрополіи ôтъ учрежденя передъ р. 1347, коли митрополиту Галицкому пôдчинени зôстали епархіи, Туровская, Перемышльская, Холмска, Володимирска разомъ съ Луцкою. Патріархъ въ настоячôмъ листѣ о пôдчиненю Туровскои епархіи митрополиту Галицкому ничого невспоминае, понеже самъ каже, що митрополиту Га-

93) Acta Patriarchatus T. I. p. 577. 578.
94) Acta Patriarchatus T. I p. 578—580.
95) Acta Patriarchatus T. I. p. 582.

лицкому пôдчинилъ лишь пôдвластни Казимиру рускіи епархіи. Туровъ належалъ еще ôтъ временъ Гедымина Литвѣ, не Польщи. Патріарху може быти не знаемо было положенье Турова. Нижели еще новый митрополитъ повернулъ зъ Царгорода, и нижели еще мôгъ взяти ся до строеня дѣлъ церковныхъ въ пôдчиненыхъ ему епархіахъ, Казимира не было уже межи живущими. Ôнъ умеръ 5. Ноемв. 1370. Наступила страшная реакція, и обновили-сь борбы, грозячіи розорити все тое, що Казимиръ и Римъ защепили.

II. Ô т д ѣ л ъ.

Владиславъ князь Опольскій

По смерти Казимира Великого насталъ въ Польщи въ слѣдство попереднѣйшихъ трансакцій король угорскій Людвикъ. Жили еще князѣ происходячіи зъ Пястôвъ, Казимиръ князь Щетиньскій на Поморю, сынъ ôтъ доньки Казимира, и Владиславъ князь Опольскій. Отецъ того Владислава звалъ ся Владиславъ а мати Елисабета, сестрѣниця Казимира а донька Силезкого князя и пана де Фирштенбродъ Бернарда. Болеславъ и Елисабета были сродниками въ третôмъ або четвертôмъ степени. Малженьствомъ тымъ укôнчила ся многолѣтная распра межи Болеславомъ Опольскимъ (ôтцемъ) и Бернардомъ княземъ Силезкимъ въ р. 1325. До осуществленя вышь реченого малженьства и до укôньченя распры причинилъ ся самъ король польскій, Владиславъ Локетокъ своимъ посредничествомъ, а папа римскій розрѣшилъ письмомъ зъ року 1325 перепоны церковни, которіи зъ близкого сродства обохъ малжонкôвъ походили [96]). Зъ того малженьства родилъ ся памятный въ нашôй исторіи Владиславъ, князь Опольскій, внукъ ôтъ сестры Казимира.

Окрôмъ тыхъ двохъ Пястôвъ, сближеныхъ остатному королеви связею сродства, володѣлъ мазовецкими до составу Польщи принадлежачими землями Семовитъ, потомокъ ôтъ брата рôдного Тройдана, князя мазовецкого. Мазовецкіи князѣ уважали тронъ польскій яко ôтцѣвство роду Пястôвъ. Зверхъ того производили они претенсіи до Галицко-Володимирскои Руси еще ôтъ Болеслава Тройдановича.

Находили-сь въ Польщи люде, которіи хотѣли удержати тронъ при родѣ, съ которымъ нарôдъ черезъ тôлько столѣтій дѣлилъ судьбу, и пôдъ

---

[96]) Theineri monumenta. T. I. pag. 298, 299 et Anonymus Gneznensis.

которого правленьемъ до такого величія воздвигъ ся. Однакожь бôльша часть польского дворяньства мала ôтвращенье ôтъ роду Пястôвъ, щобы тіи опираючи-сь на правѣ наслѣдія не скрѣпили монархію и не обôбрали дворяньство зъ его примуществъ въ пользу сословій горожаньского и сельского, якъ тое Казимиръ чинилъ. Иначе мала ся рѣчь, если не Пястъ, но чужій король не маючій права законного наслѣдія на тронъ польскій за собою, призваный ôтъ польскихъ магнатôвъ и избраный ними добровôльно, засѣлъ на тронѣ королевства польского. Пôдъ такимъ призванымъ королемъ сподѣвали ся польскіи магнаты обернути свои личніи достоинства и уряды въ наслѣдствени и пôдъ именемъ старостъ и правителей обогачати ся. Избираючи собѣ короля велѣли вельможѣ польски потвержати и заприсягати ôтъ новоизбраного ихъ преимущества и привилеи. Передъ всемъ старано ся выключити князей зъ роду Пястôвъ ôтъ справованя всѣхъ урядôвъ и личныхъ обовязаностей въ Польщи нѣбы зъ причины, що князѣ польскіи по стародавному звычаю всѣ собѣ рôвни должни управляти своими ôтцѣвствами и що не належитъ справованьемъ достоинствъ и урядôвъ публичныхъ або держаньемъ земель и городôвъ яко ôтъ имени короля польского, одному князеви въ Польщи до другого князя хотя бы и короля входити въ тѣснѣйшую зависимôсть. Ходило панамъ польскимъ о тое, щобы умалити рôдъ Пястôвъ, зничечити всякое его на справы державни вліянье, и перешкодити, абы тіи умноживши ôтцѣвства свои новыми наданями селъ и городôвъ не взросли до бôльшого могучества, а наконецъ снова съ притязанями своими на польскій тронъ не обзывали ся. Насупротивъ тому Людвикъ якъ и прочіи его наслѣдники на тронѣ королевства польского, чувстовали всю важнôсть, якую сродство и произхоженье князямъ зъ роду Пястôвъ надавало. Хотя въ Польщи простонаслѣдіе не утвердило ся до такои степени, щобы въ недостатку сына найблизшій сродникъ по смерти короля приобрѣталъ право до наслѣдія, однакожь могли всегда князѣ зъ роду Пястôвъ, а еще тымъ бôльше близшіи Казимира сродники домагати ся престола. Право природное, повтараючое ся въ житю приватнôмъ, що сродникъ въ недостатку сына наслѣдитъ имѣнье сродника, могло легко справити мнѣнье о правѣ наслѣдія на тронѣ польскôмъ на корысть Пястôвъ по крайнôй мѣрѣ у простого народа. Нарôдъ простый памяталъ добродѣяня, якими за временъ остатного зъ Пястôвъ Казимира пользовалъ ся и помнилъ глубоко потомкôвъ, которіи ôтъ его сестръ происходили. Слава такъ многихъ королей и витязей надавала родови Пястôвъ блеску, и въ самôй истинѣ Поляки черезъ тôлько вѣкôвъ привыкли были видѣти Пястôвъ своими верховными панами, оже и сила привычки за Пястами была, а если интересъ панôвъ польскихъ ôтсторонилъ рôдъ той ôтъ трона полского, то якъ легко могли

магнаты съ избранымъ собѣ королемъ посварити ся, такъ легко при кождомъ кроку нового короля стремячого къ тому, щобы утвердити власть свою, могли ôтвернути-сь ôтъ него и возползовати-сь при кождôй лучшôй спосôбности притязаньемъ князей зъ роду Пястôвъ, которыхъ по правдѣ сказавши лишь несправедливая политика ôтъ трону ôтдалила. Людвикъ забезпечивши собѣ право наслѣдія черезъ попереднѣйшіи трансакціи, не требовалъ еще бояти ся дальшихъ сродникôвъ, князей Мазовецкихъ. Ôнъ загадалъ заспокоити найперше обохъ князей, найблизшихъ сродникôвъ умершого короля Казимира. Князеви Щетиньскому своему внукови записалъ былъ Казимиръ свое ôтцѣвство, именно землѣ Добриньскую и Сѣрадско-Ланчицкую, т. е. часть его ôтцю и праôтцю принадлежачихъ Куявъ. Людвикъ на пôдставѣ Казимирового тестаменту надалъ князю Щетиньскому землю Добриньску, а вмѣсто земель Ланчицко-Куявскои надалъ ему повѣты Бидгощскій, Велятовскій и Валецкій, на що князь Щетиньскій согласилъ ся. Щобы и справедливіи претенсіи другого близского сродника Владислава князя Опольского заспокоити, надалъ ему землѣ Вѣлюньскую и Острешовскую и многи замки, которіи былъ Казимиръ зъ основаня побудовалъ и котори въ земли Кракôвскôй находили ся. Зверхъ того надалъ Людвикъ Владиславу Опольскому землю Рускую, именно тую часть Руси (Галицко-Львôвску землю), которая передъ рокомъ 1366 до Польщи принадлежала. Земля Холмско-Белзкая и земля Володимирская, которіи въ слѣдствіе военного похода зъ року 1366 признани зôстали верховнôй власти короля польского, уже въ р. 1370 заразъ по смерти Казимира ôторвала-сь ôтъ Польщи, о чôмъ пôзнѣйше говорити будемъ. Львôвъ былъ оже пограничнымъ городомъ землѣ руской, которую нескорше ажь въ р. 1372 ôтдалъ былъ Людвикъ Владиславу Опольскому.

Выжь помянутіи землѣ надани были обомъ князямъ, Опольскому и Щетиньскому частію яко достоянье роду Пястôвъ, частію яко надгорода за ихъ достоянье и за ихъ ôтцѣвства принадлежачіи родинѣ Казимира Великого. Оба князѣ отримали тіи землѣ съ правомъ наслѣдія для мужескихъ потомкôвъ. Королѣ польскіи надавали въ послѣднихъ временахъ князямъ сродникамъ области въ ленно, князѣ надѣлени областями заприсягали вѣрнôсть королю и признавали право короны до отриманыхъ земель съ тымъ съобовязаньемъ, що по вымертю мужескихъ потомкôвъ ихъ рода надани землѣ до короны вернути ся маютъ. Мы не можемъ твердити що тымъ самымъ правомъ была надана Русь Владиславу Опольскому, якъ прочіи землѣ: Вѣлюньская, Добриньская и Острешовская. Жерела що до ôтношеня рускихъ земель до Владислава Опольского не соглашаютъ ся. Король Людвикъ въ листѣ до пôдданыхъ въ Угріи и Польщи зъ р. 1372 сказуе, що свое королевство (regnum Russiae) Руское далъ Владиславу

Опольскому на вѣчни часы въ владѣнье и управленье. Людвикъ наказуе всѣмъ жителямъ Польщи и Угріи неробити пôдданымъ Владислава Опольского жадныхъ запонъ въ ôтношеняхъ торговельныхъ, позволяти имъ за оплаченьемъ звычайныхъ мытъ свобôдную и безпечную переѣздку черезъ польскіи и угорскіи краи, уважати ихъ якбы людей пôдвладныхъ и вѣрныхъ королю [97]) и съ ними обходити ся съ соотвѣтною любовію. Въ були, изданôй зъ причины спора межи епископами титулярными на Руси и епископами Любускими выражае ся папа, що краи рускіи зôстаютъ пôдъ довременнымъ владѣньемъ (sub temporali dominio) Владислава князя Опольского [98]). Однакожь зове ся Владиславъ Опольскій княземъ и дѣдичнымъ паномъ Руси и сознае въ документѣ зъ року 1379, що всѣ сословія и уряды Руси заприсягли были ему и его потомкамъ вѣрнôсть и послушеньство [99]).

Посѣдаемъ также вывôдъ трансакціи взглядомъ Галицкои Руси межи Людвикомъ и Владиславомъ, высказаный наслѣдникомъ Людвика на тронѣ угорскôмъ Зигмунтомъ, того содержаня [100]), що Владиславъ посѣдалъ яко дѣдицтво область Топольчаны въ Украхъ и що тую область замѣнялъ за Русь. Тымъ выводомъ старае ся король угорскій доказати, що не яко лено, зависимое ôтъ короны, но яко неотзовимое дѣдицтво Русь Галицкая Владиславу принадлежала и що про то предстояла Владиславу власть, Галицію передати въ наслѣдіе дѣтемъ своимъ, або спродати, або замѣняти. Суть то права, котори всегда лишь дѣдичному властителю недвижимого имѣнія, николи леннику въ тѣснôмъ значеню того слова, суть свойствеными.

Выяснивши по можности ôтношеня Галицкои Руси до Польщи по смерти Казимира Великого, вернѣмъ ся теперь снова до оповѣданя событій случившихъ ся заразъ по смерти Казимира Великого. Въ земли Володимирскôй княжилъ Любартъ, въ Берестейской Кейстутъ, на Подôлю братя Корятовичѣ. Александеръ Коріятовичь жилъ въ пріязни и тѣснôй дружбѣ съ королемъ польскимъ, который поручилъ былъ ему намѣстничество въ завоеваныхъ року 1366 областяхъ княжества Володимирского. Любартъ Гедимыновичь, стисненый по кôлька разъ переважною силою

---

97) Stadnicki synowie Gedymina T, II. str 62 i 63 nota 93. Dokument odkryty prez Zubrzyckiego.

98) Ustep z bulli papiezkiej. Stadnickiego S. G. T. II. 72. nota 112.

99) Stadnicki Syn. Gedym. T. II str, 79. Dokument z r. 1379 „homagio, obedientia fidelitatis et aliis quibusvis promissionibus, quibus nobis hereditarie fuistis subjecti etc.

100) Codex diplom. Poloniae. Stadnicki Synowie Gedymina. T. II. N. 329. dokument z 18 wrzeṡnia roku 1393.

оружія польского, княжилъ въ Луцку и части Волыня пôдъ условіями, яки ему трансакція року 1366 предписала. Неутомимый ворогъ Польщи, чигалъ ôнъ на способнôсть, щобы потеряни части Волыня ôтзыскати и ôтъ зависимости Польщи вывязати ся. Въ время коли князь Литовскій Александеръ Корятовичь по смерти Казимира ôтдалилъ ся былъ до Кракова, нижели еще Людвикъ съѣхалъ былъ до Польщи, припали Любартъ и Кейстутъ съ военными силами пôдъ замки Володимирскіи, въ которыхъ находила-сь засада польская, пôдъ проводомъ Петраша Турского. Первый ударъ на укрѣпленя Володимирскіи ôтперли Поляки, а такъ Литовцѣ осадили замокъ. Поляки могли еще обороняти-сь и видержати долготрвалую осаду, бо и число ихъ было достаточное и замки, въ которыхъ обороняли-сь, старый деревяный и новый камѣнный, твердостію и положеньемъ были способни до обороны; засобы харчевіи, которіи въ замку находили-сь были также изобильни. Зразу думалъ Петрашь держати-сь противу Литовцей, но вельможѣ польскіи, которіи тогды управляли державою, неучинили ничого для спасеня замку и засады польской въ Володимирѣ. Королева Елисабета сестра небôщика Казимира В., а мати Людвика поспѣшила заразъ по смерти брата своего до Польщи, бы приняти въ имени сына своего правленье. Сказуютъ [1]), що Елисабета выправила посольство до князей литовскихъ, упоминаючи ихъ, щобы ôтступили ôтъ осады. Посольство, якъ можно было предвидѣти, не осягнуло ожиданого скутку. Тогды Петрашь Турскій не маючи достаточной ôтваги долше супротивостояти Литовцямъ, устрашеный ихъ угрозами, лишенъ всякои надѣи на якую скутечную помôчь ôтъ вельможь и правительства польского, вôйшолъ съ Литовцями въ переговоры и выеднавши вôльный выѣздъ для себе и цѣлой засады вразъ съ военнымъ снарядомъ и всякими имѣнями выѣхалъ, ôтдавши оба замки въ руки князямъ Литовскимъ. Новый камѣнный замокъ, которого будованье такъ много труда и жертвъ грошевыхъ стояло, розрушили князѣ литовскіи до основаня, а тое учинили въ тôй цѣли, щобы всякіи признаки панованя польского въ Володимирѣ знивечити. Поляки ôтзыскавши пôзнѣйше снова вліянье на тіи стороны построили на мѣстце розрушеного камѣнного замку костелъ П. Дѣвы Маріи зъ самого каменя еще передъ р. 1390 [2]). Иначе возползовали-сь литовскіи князѣ старымъ деревянымъ замкомъ. Утвердивши его укрѣпленя, оставили въ немъ чиcлену залогу, сложеную зъ руского и литовского лицарства. По всей вѣроятности ôтступилъ теперь и князь Юрій Белзкій ôтъ Польщи, зломалъ даніи съобовязаня, и рѣшительно станулъ на сторонѣ князей Литов-

---

1) Dlugosz L. X. p. 3.

2) Anonymus Gneznensis apud Sommersberg T. II p. 103.

скихъ. Соединивши силы свои встремили-сь князѣ Литовскіи на Польщу, опустошили области Люблиньскую и Судомирскую, ограбили монастырь Бенедиктиновъ и костелъ св. Креста на Лысой горѣ и съ великимъ полономъ швидко утѣкаючи повернули до дому [3]). По отворотномъ пути Литовцей до дому, являе ся въ войску литовскомъ зараза, которая порывала людей и звѣрята. Тое явленье приписалъ священикъ рускій, находячій ся въ войску литовскомъ, а подля иныхъ жрецъ литовскій безбожному увезеню Креста св. зъ Лысой горы, чимъ устрашеніи Литовцѣ, черезъ одного зъ плѣнниковъ увезеный крестъ до костела св. Креста отослали[4]).

Въ томъ роцѣ отъ 1. Септембра (1371) до того самого мѣсяця слѣдуючого року, и рокъ передъ тымъ, заразъ по смерти Казимира, грасовала въ Польщи зараза [5]). Много тысячей народа померло. Чи тая зараза розтягала ся и по областяхъ литовскихъ, жерела не упоминаютъ. По всей вѣроятности Русь смежная Польщи, особливо тіи области, черезъ которіи войска руско-литовскіи переходили, много терпѣли отъ заразы, которая большому стеченю народа и грознѣйшимъ выпадкамъ, опустошеню околиць и проч. товаришити звычайна.

Король Людвикъ вступивши на тронъ польскій, отъѣхалъ до Угоръ, принуженый справами своего королевства, извиняючи ся передъ вельможами, що климату въ Польщи знести не може. Правленье въ Польщи оставилъ радѣ державной, сложеной зъ самыхъ вельможь и пралатовъ польскихъ. На челѣ правительства поставилъ вмѣсто себе матерь свою Елисабету (сестру Казимира Великого), до которои Поляки съ причины ей происхоженя мали особенное привязанье. Вдова королева была уже въ р. 1375 зъ Польщи вступила-сь, но ей понравило-сь больше въ Польщи, якъ въ Дальмаціи, где ей король сынъ вызначилъ былъ богатіи доходы и зъ отки на власное желанье р. 1376 снова повернула черезъ горы, Сончь и Бохню до столицѣ королевства Польщи Кракова. Такъ другимъ наворотомъ обняла Елизабета правленье въ Польщи вмѣсто сына своего. Правительство сей невѣсты не было въ состояню утримати порядку въ краю и перекоротити непокои. Справедливость лежала отлогомъ, лотрики снова умножили-сь и непокоили мирныхъ жителей, а въ Великой Польщи навѣтъ домовая война розгорѣла. На внѣ презирали сосѣды правителествомъ жены слабого характеру. Въ осени р. 1376 предпріяли князѣ Литовскіи,

---

[3]) Stryjkowski ks. XII. str. 413. Dlugosz: росказуе, що въ томъ походѣ участвовалъ самъ В. князь Ольгердъ, о чемъ однакожь зважививши затрудненя Ольгердови противу Москвѣ и ордину въ томъ роцѣ осомнѣваемъ-ся.

[4]) Кроника Быховца относитъ тое поданье до временъ Ягайлы, коли той князь еще передъ тымъ, нижели сталъ ся королемъ польскимъ, нападалъ Польщу.

[5]) Dlugosz T. X. p. 17

Кейстутъ и Любартъ вѣроятно съ сыномъ своимъ Теодоромъ и своимъ сестрѣнцемъ княземъ Юріемъ Белзкимъ, а пôдля гдекоторыхъ жерелъ [6]) Витольдъ сынъ Кейстута и даже В. князь Ольгердъ (о чемъ однакожь сомнѣваю ся) военный походъ на землю Люблиньскую и на ту часть земель Судомирскои и Краковскои, которая межи Вислою и Саномъ простирала ся. Войска литовскіи, жмудскіи и рускіи соединили-сь съ Волыньцями и подѣливши-сь на загоны перейшли Санъ, опустошали въ первôй половинѣ Ноембрія цѣлое Пôдгôрье вздолжь и въ ширъ, и пôдступили ажь по самъ Тарнôвъ. Тарнôвъ будучи тогды уже городомъ крѣпкимъ, остоялъ ся правдоподôбно передъ Литовцями, но поменшіи городы и села, а передъ всемъ костелы были попалени, мирни жителѣ туземни якъ и колонисты[7]), котори въ великôмъ числѣ поселили-ся на Подгôрю, и во обще жителѣ мужеского и женьского пола были полонени и въ ясиръ ôтведени, священники, дѣти и старцѣ и всѣ, котори не могли про тѣлесную немôчь послѣдовати похитителямъ, зôстали поубивани, а все имѣнье рухомое, приобрѣтеное мозольною працею похищено! Съ непостижимою скоростію нападали литовскіи шайки селеня и дворища вельможь польскихъ, котори не надѣючи ся на такое нещастьє, по своихъ волостяхъ пребывали и мирными дѣлами трудили ся. Многи захвачени и полонени зôстали вразъ съ своими женами и дѣтьми, а мало кому удало-сь на скорыхъ коняхъ убѣгнути по середъ шатаючихъ ся шайекъ литовскихъ на противный лѣвый берегъ Вислы, где въ якôмъ то ôтдаленю на горахъ ихъ твердіи замки возносили-сь. Жерела[8]) розказуютъ о якôмъ то дѣдичу села Баранова Петраши, братанци Януша архіепископа гнезненьского, що той довѣдавши ся о близости непріятеля вразъ зъ женою и новонародженымъ и еще неокрещенымъ дитяткомъ допавши-сь коня пустилъ ся всплавъ черезъ Вислу и щастливо не повреженый ôтъ стрѣлъ, которіи Татары за нимъ посылали, на противный берегъ передъ грозячою погибелею спасъ ся. Вдова по каштелянѣ Вислицкôмъ, Михаилѣ зъ Тарнова, на дорозѣ до Кракова, куда на повитанье королевой Елисабеты была выѣхала, достижена ôтъ Литовцей не далеко ôтъ селеня своего Вѣловьесь (Wielowiesz) на перевозѣ черезъ Вислу, ледва до Судомира уѣхала, оставивши бôльщую часть своей дружины и снаряда въ рукахъ Литовцей [9]). Литовцѣ награбивши до волѣ, повернули домôвъ. Якъ долго они области польскіи опустошали, съ точностію означити трудно, бо поданье литовского жерела [10]), що Литовцѣ черезъ 10 мѣсяцей

---

[6]) Długosz L. X. p. 32.

[7]) Kojałowicz T. I. p. 345 346.

[8]) Anonymus Gneznensis u. s. p 117.

[9]) Długosz ut supra.

[10]) Stryjkowski ks. XII. str. 418. 419.

опустошали безъ всякои перешкоды Польщу, не есть вѣроятнымъ. Королева Елисабета увѣдомлена еще въ Сончу на дорозѣ до Кракова, черезъ гдекоторыхъ вельможь Судомирскихъ о намѣреняхъ Литовцей, успокояла обавы Поляковъ, сказуючи имъ, що сусѣдни князѣ не осмѣлятъ ся поднятн оружія на державы ей сына, передъ которого могучествомъ и отдаленія народы трепещутъ. Увѣдомлена о нещастю, которое мимо ей увѣреній доткнуло землѣ королевства польского, удавала веселу, щобы своимъ примѣромъ не побольшити печаль и тревогу Поляковъ, и неприводити тыхже въ отчаянье. Гдекоторіи историки посуджаютъ ю о легкомысленность [11]) сказуючи, що Елисабета около св. Николая (17 Паздерника) подчасъ нещастя народного въ саляхъ замку краковского выправляла гучніи забавы. Елисабета потѣшала опечаленыхъ вельможь польскихъ упевненями, що прибуде незадолго ей сынъ, король Людвикъ, укарае Литовцей и принудитъ ихъ отдати всѣхъ плѣнниковъ, которыхъ тіи такъ немилостиво зъ круга родинного повыдирали. Король Людвикъ довѣдавши ся о событіяхъ въ Польщи, писалъ заразъ до архіепископа Гнезненьского, епископовъ Краковского и Познаньского, Любуского, Владиславского и до капитулъ тыхъ епископіи, изъявилъ имъ свое намѣренье, що противъ Литовцей въ поле рушити хоче, за то, що тіи его землѣ опустошали и просилъ ихъ, щобъ его епископы и капитулы вспомогли, а не маючи узброеныхъ войновъ, по осмь грошовъ (дутковъ) отъ кождого зъ подвластныхъ имъ кметовъ выбрали и зобраный грошь королеви отдали. Архіепископъ даровалъ зъ своей стороны съ капитулою въ замку Судомирскомъ королеви, вступаючому на Русь, двѣста гривенъ грошей зъ власной кишенѣ [12]).

Якій-же хосенъ намѣряли Литовцѣ и Русины придбати собѣ опустошеньемъ земель польскихъ? Чи бажали лише кровопролитія, чи дѣлали тое лишь зъ религійного фанатизма, розоряючи костелы и убиваючи священиковъ, чи окромъ полона на стадахъ, людяхъ и сокровищахъ ничого не осягнули и осягнути не намѣряли? Нѣтъ! причины до нападовъ въ томъ направленю были глубоко обдуманы и на многіи наслѣдства обчислени, именно загадали они, строгими нападами захолибати вѣру въ безпеченьство у колонистовъ, поселившихъ ся численно на Подгорю и по городахъ и затревожити торговлю нѣмецкихъ городовъ зъ надъ Бальтицкого моря съ польскими городами, которая проважена черезъ Люблиньскую, Судомирскую и Краковскую области великіи корысти Польщи приносила.

---

11) Długosz L. X. p. 33. Kojałowicz.
12) Naruszewicza historya narodu polskiego ks. XXIV. str. 84.

Въ року 1377 вырушилъ самъ король Людвикъ на челѣ угорского рицарства через карпатскіи горы и перейшовши ихъ, встремилъ ся через Санокъ къ Судомиру. На самъ передъ пôслалъ до польского рицарства вôзванье, щобы ся для вырушеня въ поле противу Литвѣ въ призначенôмъ часѣ въ Судомирѣ ставило. Не было еще въ тôмъ времени ни въ Польщи ни въ прочôй Европѣ регулярного стоячого войска. Рицарство становило силу узброену въ краю, въ время покоя сидѣло оно въ дома, а если была потреба вырушити въ поле, тогды король приказывалъ кождого по имени взывати, щобы ся зброилъ и въ опредѣленôмъ времени на призначенôмъ мѣстци станулъ. Такъ теперъ возвано было и ставило-сь рицарство въ Судомирѣ.

Зъ ôтси вырушили войска двома ôтдѣлами. Одинъ ôтдѣлъ пôдъ проводомъ самого короля рушилъ пôдъ Белзъ, другіи пôдъ проводомъ воеводы Судивоя зъ Шубина пôдъ Холмъ [13]). Войска польскіи пôдъ проводомъ Судивоя зъ Шубина здобыли за 8 день Холмъ и крѣпкіи городы Городло, Всеволожь и Грабовецъ, почемъ прочіи пригородки пôддали-сь безъ супротивленя. Совершивши покоренье Холмскои области, Судивой зъ Шубина двигнулъ-сь пôдъ Белзъ, где король обсадилъ былъ тую неприодолимую крѣпость, которая была одною зъ найсильнѣйшихъ [14]). Белзкій замокъ стоялъ посередъ мочаръ недалеко ôтъ Буга надъ потокомъ Рѣчицею, где еще до днесь посередъ долины обôчь ставу стоятъ остатки валу и при валѣ деревяный костелокъ, которого преданье еще теперь замочкомъ называе. Цѣлый ударъ короля угорского, мстившого за обиду сдѣлану черезъ Литовцей польскимъ областямъ, вымѣренъ былъ противу Юрію Белзкому, мужескому потомку молодшои линіи княжескои родины Романовичей, который тогды въ Белзѣ и Холмѣ княжилъ и которого одное зъ найважнѣйшихъ жерелъ, бо современное [15]), виновникомъ нападôвъ Литовцей называе. Король отже предпринялъ сей походъ, щобы ôтмстити ôтважному виновникови сихъ бѣдъ Юрію Белзкому. Бôльшая часть его городôвъ здала-сь Полякамъ, лишь Белзъ опиралъ ся войскамъ угорскимъ и польскимъ, съ которыми соединилъ ся теперь и Судивой зъ Шубина. Соединеніи войска розложили ся таборами на рôвнинахъ Белзкихъ и оса-

---

[13]) Подля Стрыйковского и Кояловича рушилъ король на челѣ Угрôвъ и Полякôвъ Судомирскихъ и Краковскихъ, пôдля Длугоша вырушилъ Судивой зъ Шубина съ Краковянами и Судомирянами и король тягнулъ пôдъ Белзъ съ своими Уграми и прочими Поляками.

[14]) Anonymus Gneznensis T. II. p. 119 et Długosz.

[15]) Anonymus Gneznensis: Georgius Belzensis „auctor hujus sceleris."

дили замокъ Белзкій. Долго стояли войска польско-угорскіи нечинно около крѣпости, до которои про ей мѣстоположенье не могли приступити. Засада крѣпости надѣючи ся на помôчь Литовцей упорно боронила-сь. Въ таборахъ роспочали Поляки зъ Уграми сварню. Якій то вельможа Петро Шафранецъ раненъ былъ при сварни ôтъ якого-сь Угрина въ лице, зъ чего до великого розъяреня межи Уграми и Поляками прійшло. Шафраньця заспокоилъ былъ вправдѣ король наданьемъ области (мѣстцевости) Пѣсковои скалы, однакожь вражда уже поступила до того степени, що можно было обавяти ся, бы при запальчивости обохъ народôвъ еще що гôршого не наступило, и войска угорски и польскіи вмѣсто щобы дѣйствовали совукупно противу крѣпости, необернули оружія на себе.

Въ тôмъ явилъ ся Литовскій князь Кейстутъ ôтъ стороны великого князя Ольгерда и прочихъ князей литовскихъ съ предложенями мира. Князь Юрій, сказуютъ польски жерела [16]), пôддалъ Белзъ королю и отрималъ сей городъ яко лено ôтъ короля назадъ. Король придалъ еще Юрію городъ Любачôвъ. Якимъ правомъ надѣляе король Юрія городомъ не своимъ, бо принадлежачимъ по всей вѣроятности Владиславу князю Опольскому, не знати; здае ся, що може за соизволеньемъ самого властителя. Зверхъ того призначае Людвикъ Юрію сто гривенъ рôчного доходу зъ жупъ Бохеньскихъ. За то Юрій узналъ верховную власть короля польско-угорского и приобѣцялъ не лишь не нападати королевскихъ областій, но еще тіи противу прочимъ ворогамъ защищати. Литовскіи жерела также сознаютъ, що король придалъ Юрію Любачôвъ, но що до Белза не соглашаютъ ся съ польскими жерелами, бо твердятъ, що Белзкая и Холмская область зôстали такой пôдъ верховною властію Литвы. Одно зъ жерелъ польскихъ [17]) твердитъ, що Юрій обовязалъ ся былъ платити королю сто гривенъ зъ Белза и Любачова. Сказуютъ, що по ôтходѣ короля ôтъ Белза

---

[16]) Długosz ut supra.

[17]) Bielski.— Князь Юрій Белзкіи пôддавши са Людвику вступилъ съ цѣлою своею областію и городами въ якуюто зависимôсть до Владислава князя Опольского. Той князь Галицкой Руси надае р. 1377 городу Белзу привилей на складъ соли, съ тымъ застереженьемъ, що Литовцѣ до Белза по сôль зъ Галичины ѣздити и тую въ Белзѣ куповати маютъ, и що имъ дальше въ глубъ края руского пôдвластного Владисдаву ѣздити заперечае ся. — Владиславъ князь Опольскіи надалъ городъ Щебречинъ въ холмской области Демитрію зъ Горая съ правомъ дѣдицтва. Дѣдичеви того города принадлежало правленье и верховна власть надъ шляхтою области прилижачой до города Щебречина яко надъ вазалями. Сію даровизну потвердилъ Людвикъ король угорско-польскій Иванови (Iwoniemu) и Демитрія сынови Демитрію зъ Горая. Ягайло р. 1380 придалъ еще городъ Туробинъ Демитрію зъ Горая. Lipiński i Baliński, starożytna Polska T. III.

еще два разы Литовцѣ нападали на Русь и що оба разы приневоленъ былъ король мирити Русь возмущеную нападами Литовцей [18]).

Для чого невспирали князѣ литовскіи Любартъ, Кейстутъ и Ольгердъ оружіемъ Юрія Белзкого? Жестокая вôйна съ ординомъ, который въ року 1377 ажь пôдъ Нѣменъ былъ поступилъ, была причиною, що Ольгердъ будучи затрудненъ въ дома не вcперъ Юрія, и може быти, що Кейстутъ и Любартъ Ольгерду тогды помагали. Въ обще Литва въ тіи времена была затруднена неустанною вôйною съ нѣмецкимъ ординомъ, въ которôй въ прочемъ Кейстутъ, братъ Ольгерда много участничилъ. Рицарѣ нѣмецкого ордина провадили вôйну съ Литвою пôдъ позоромъ ширеня вѣры християньскои межи поганами, пôдъ тымъ позоромъ стягали они зъ цѣлой Европы крестоносцей и вирабляли собѣ у папъ римскихъ, що тіи зъ своей стороны возванье до крестовыхъ походôвъ посылали. Рицарѣ нѣмецкіи въ нападахъ на краи литовски не розрôжняли Русинôвъ ôтъ Литовцей и хотя первіи уже ôтъ многихъ вѣкôвъ были хрістіянами однакожь рицарѣ уважали ихъ за рôвно поганцямъ и предпринимали въ руски краи пôдвластни Литвѣ напастніи находы, до чого причиняло-сь и тое обстоятельство, що въ нападахъ на Прусы, которыми литовскіи князѣ напады рицарей ôтмщали, литовскимъ полкамъ литовско-рускіи и Волынь-ско-рускіи полки товаришили. Такъ н. пр. р. 1371 Командоръ зъ Балги Теодорикъ Елнеръ вторгнулъ на челѣ рицарства глубоко въ Русь литôвскую и опустошалъ околицѣ якого-то города Древника, а въ року 1373 командоръ прускіи зъ Балги Годфридъ Линденъ, сдѣлалъ нападъ на Волынь або лучше сказавши на тую часть Волыня, которая Кейстутови послушала, около Бѣльска и Каменьця [19]). Литовски князѣ Ольгердъ и Кейстутъ навзаимъ ôтдавали злое злымъ и нападаючи на области рицарей нѣмецкого ордина, набѣгали варовніи ихъ замки. Така згубная вôйна служащая лишь корыстолюбію рицарей нѣмецкихъ, продолжала ся черезъ долшій часъ. Благосердечный,высокоумный папа Григоріи XI. загадалъ былъ таму положити тому кровопролитію, которое ôтъ року до року ôтновляло ся. Отримавши якую то надѣю, що литовскіи князѣ пріймутъ вѣру латиньскую, писалъ р. 1373 до князей литовскихъ Ольгерда, Кейстута и Любарта (Волынь-

---

18) Krommer L. XIII. p. 340. „bis postea rursus Russiam a Lithvano duce vexatam esse, bis ejectis barbaris a rege pacatam, Bonfinius memorat.“ Коли попали-сь городы Лопатынъ, Олесько, Городло (?) въ руки Уграмъ и коли тамъ станула угорска залога, може уже ôтъ р. 1377, того опредѣлити не знаемъ. Будь що будь, мы встрѣчаемъ залогу угорску пôзнѣйше въ тыхъ городахъ, котори близько до области Белзкои припирали, а принаймѣй въ давнѣйшихъ временахъ до городôвъ Белзкои землѣ причисляли ся.

19) Narbutt T. V. na podstawie pruskich kronik.

ского) запрашаючи ихъ щобы вразъ зъ подвладными народами приняли вѣру латиньскую[20]) и щобы съ рицарями нѣмецкого ордина помирили ся. Малъ папа по всей вѣроятности и Польщу на оку, которая въ слѣдство нападеня Литовцей (1370—1376) многіи въ р. 1366 приобрѣтени области потеряла. Для того писалъ въ Октобрѣ 1377 не лишь до князей литовскихъ, но и до короля угорско-полького, до князя Мазовецкого и до князя Владислава Опольского [21]), щобы его староня о наверненье князей литовскихъ, Ольгерда, Кейстута и Любарта до латиньскои вѣры вспирали и зъ своей стороны до умноженя хвалы Божои, прекороченя борбъ и до осуществленя мира причинили ся. Папа назначае головнымъ посередникомъ въ той справѣ священика Доброгоста, пробоща церкви краковскои, капеляна и домового повѣрника короля угорско-польского Людвика. Вносятъ, що головною причиною того письма и тыхъ старань папъ римскихъ о наверненье князей литовскихъ былъ Людвикъ, которому найбольше залежало на томъ, щобы Литва по латиньскому обряду окрестила-сь и щобы разъ война польско-литовская конецъ взяла.

Володимирская Русь черезъ Литву, съ которою черезъ своихъ князей въ тѣсныхъ сношеняхъ зоставала, брала зъ однои стороны участіе въ войнахъ Литвы съ нѣмецкимъ ординомъ, но еще и зъ другой стороны участничила безъ сомнѣня въ борбахъ, которіи Литва съ Московскою Русію провадила. Князь Московскій Демитрій скрѣплялъ на сѣверѣ абсолютную монархію. Онъ низлагалъ давни републиканьскіи чины въ Москвѣ, и загадавши удѣльныхъ князей сдѣлати подвладными, не переставалъ стисняти Михаила, князя Тверского и Олега, князя Рязяньского. Отважнѣшій отъ всѣхъ своихъ попередниковъ началъ онъ воевати съ Татарами, которіи внутрении роздорами были ослабѣли, и такъ освобожене сѣверныхъ областей зъ подъ ига Татарского приготовляти. Стало ся, що Михаилъ Тверскій и Олегъ Рязаньскій возбужали противу Демитрію Татаръ и Литву. Владѣнье Литвы розширяло ся до 1373 всегда еще досыть просторонно. Князѣ литовскіи засѣли въ отдаленыхъ сторонахъ на престолѣ рускихъ княжествъ. Князь Андрей княжилъ въ Плоцку, князь Демитръ (Корибутъ) Ольгердовичъ въ Друцку, князь Смоленьскій былъ вѣрнымъ союзникомъ Литвы, а князь Тверскій и Бряньскій держали ся крѣпко Ольгерда, великого князя Литовского. Розгорѣла борба межи Литвою и Москвою. Ольгердъ предпринималъ выправы на Москву а если коли затрудненъ въ дома немогъ станути за своимъ шваграмъ Михаиломъ княземъ Тверскимъ, тогды позвалялъ прочимъ князямъ Литовскимъ, Кейстутови,

---

20) Dokument przedrukowany w Stadnickiego Synowie Gedymina T. II. str. 157 158. nota 229.

21) Narbutta T, V. str. 206.

Деметрію и Андрею опустошати землѣ князей Московскихъ. Перевага клонила-сь на сторону князей Московскихъ; въ р. 1375 князь Смоленьскіи стануль уже на сторонѣ Москвы, Деметрій покорилъ Михаила Тверского и Олега Рязаньского, а въ року 1378 отнесъ надъ Татарами блестательну побѣду [22]). Мы не можемъ точно опредѣлити участія, якое Володимирска Русь въ тыхъ борбахъ Литвы съ Москвою брала. Волыньскіи полки именно земли Берестейскои служили князеви Кейстуту противу князю Московскому, рôвно якъ противъ ордину. Насупротивъ тому находимъ въ службѣ князя Московского, якого то князя Волыньского, Деметрія Михайловича, который былъ потомкомъ по всей вѣроятности еще Романа, Галицко-Володимирского князя. Вышедши зъ Волыня, вступилъ ônъ въ службу князя Московского Деметрія, оженилъ ся съ его сестрою Анною, предводилъ полками того противу бѣлыхъ Болгаръ, Татаръ и проч. и прославилъ ся великимъ мужествомъ.

Приступимъ теперь до розказаня судебъ Галицкой Руси, въ которôй по смерти Казимира (ôтъ року 1372) володѣлъ Владиславъ князь Опольскій. Въ Галицко-Володимирскôй Руси послѣдовали по смерти князя Казимира великіи движеня, которіи противу новому порядку вымѣренй были. О движеняхъ иного рода замолчила исторія, вспоминаючи о нихъ загальными словами, а лишь подрôбнѣйше розказала намъ о движеняхъ, которіи собыли-сь по смерти Казимира въ взлядѣ религійнôмъ. Исповѣдники православія подôбно возбранôй рѣцѣ преисполнили краи. Многіи епископы лат. обр. ôтступили ôтъ римскои церкви и повернули до православія. Не стало прото ни епископôвъ ни душпастырей, ни церквей пароxіальныхъ ни катедральныхъ лат. обр., ни доходôвъ, которыми Казимиръ ихъ вѣновалъ былъ, и лишь малое число жителей вѣрныхъ католицизму позôстало на Руси[23]). Сіе движенье собыло-сь пôдъ натискомъ Литовцей и стоитъ по всей вѣроятности въ звязи съ событіями, которіи по смерти Казимира на Волыню послѣдовали. Мы видѣли, що Литва вытиснула Полякôвъ зъ Володимира, що Юрій Белзкій, которого предѣлы до Галицкои, Польщи пôдвладной Руси притыкали, стануль рѣшительно на сторонѣ Литовцей. Литовскіи князѣ выступили въ тôмъ времени сильнѣйше и грознѣйше на Руси, а если они не намѣрили, або не могли для сильности городôвъ, численности залогъ, и проч. завладѣти Галицкою Русію, то ободряли ихъ щастливіи подвиги жителей супротивныхъ тутъ теперѣшному владѣтелю. Вспôльность языка и вѣры притягала Галицку Русь до прочой Руси, которая Литвѣ послушала. Съ прескорбнымъ сердцемъ глядѣли на такіи перевороты угорскіи

---

[22]) Карамзинъ Т. V. ст. 28.

[23]) Skrobiszewski vitae praesulum Haliciensium: Rescriptum Gregorii XI.

король Людвикъ и князь Владиславъ Опольскій. Оба наполнени тымъ самымъ духомъ побожности и приданности къ престолу апостольскому, уважали за должность пануючихъ, ширити католицизмъ. Ихъ огрѣвалъ религійный духъ пропаганды, для того оба князѣ зъ самого пересвѣдченя предпринимали мѣры, щобы возстановити и утвердити то, що непріязни движеня по смерти Казимира были розрушили. — Владиславъ Опольскій обсадилъ городы рускіи залогами своими, которіи привелъ былъ съ собою зъ Силезіи. Пребываючи на дворѣ Людвика, короля угорского, товаришилъ ему въ приѣздахъ до Польщи и не скорше ажь въ року 1372 повернулъ на Русь, въѣхалъ съ торжествомъ до Львова [24]), обралъ собѣ Львôвъ за столечное мѣсто и пребывалъ ту ажь до року 1379. Владиславъ вступаючи на княжій столець въ Галицкôй Руси числилъ бôльше сорока лѣтъ [25]). Справовавши въ Уграхъ урядъ палатина прибылъ ôнъ уже съ досвѣдченьемъ на Русь, и слынулъ яко справедливый человѣкъ, и яко князь управляючій въ дусѣ Казимира Великого. Ôнъ вспиралъ низшое сословіе и бралъ тое въ опѣку противу своеволію бояръ, которыхъ до повинованя ся правиламъ и законамъ принужалъ. Для того якъ въ Польщи такъ вѣроятно и ту снискалъ собѣ любовь у бѣдныхъ, а ненависть у вельможь [26]). Предовсемъ старалъ ся Владиславъ вспоможеный вплывомъ Людвика, возстановити католицизмъ на Руси, который черезъ движенье народное такъ много былъ утерпѣлъ. Въ р. 1372 представилъ ôнъ папѣ смутное состоянье католицизма на Руси, просилъ о учрежденье постоянныхъ катедръ и о наказанье ôтступившихъ ôтъ вѣры епископôвъ и проч.[27]). На просьбу мѣщанъ Львôвскихъ, бôльшою частію Нѣмцей, исповѣдаючихъ вѣру латиньскую, выпросилъ у папы въ р. 1373 для Францишканôвъ привилей, щобы имъ позволено было для вѣрныхъ и на ново на латиньскую вѣру крещенныхъ Русинôвъ справовати всѣ тайны, съ преимуществами, удѣляемыми звычайно миссіонарамъ. [28]). Папа приклонилъ ся до исполненя просьбы Владислава, припоручилъ архіепископови гнезненьскому и епископамъ плоцкому и кракôвскому вглянути въ справу межи Францишканами и епископами Любускими, которіи еще ôтъ XIII. столѣтя уважали себе за справедливыхъ епископôвъ рускихъ и учрежденю постоянныхъ епископій, яко и наданю Францишканамъ преимуществъ и приви-

---

[24]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa. Lwów 1844. str. 42.

[25]) Его родичѣ пôбрали ся р. 1325.

[26]) Anonymus Gneznensis T II. p. 120.

[27]) Epistola Gregorii papae „intelleximus per relationem quorundam etc. Stadnickiego Synowie Gedym. T. II. str, 71.

[8]) Skrobiszewski u. s. privilegium de a. 1373

леевъ надзвычайныхъ противили ся [29]). На пôдставѣ представленій, сдѣланыхъ епископами гнезненьскимъ, краковскимъ и плоцкимъ, рѣшилъ папа спôръ межи Францишканами и епископомъ Любускимъ. Въ були зъ року 1375 мѣсяця Февруаря высказуе папа Григорій, що церкви въ Галичи, Перемышли, Володимирѣ и Холмѣ суть катедральными и епископство Галицкое есть митрополичимъ, освободжае тіи-же ôтъ юрисдикціи епископôвъ Любускихъ и взывае архіепископôвъ гнезненьского и епископôвъ плоцкого и краковского, щобы ся обозрѣли за мужами честными, такими когоріибы знали языкъ тыхъ сторонъ або которіибы принаймѣй способни были того научити ся. Такихъ мужей приобѣцюе поставити на епископôвъ при новопотверженыхъ катедрахъ [30]). До такого рѣшеня спору въ пользу Францишканôвъ причинили ся представленя и просьбы Людвика и Владислава Опольского. Францишканы старали ся о затверженье катедръ въ головныхъ городахъ на Руси такъ въ интересѣ церковнôмъ, якъ и въ интересѣ своего ордина. Папы вибирали еще за Казимира епископôвъ зъ посередъ членôвъ францишканьского ордина. Владиславъ князь Опольскій дѣлалъ представленье до папы, щобы новопотвержена митрополія лат. обр. до Львова перенисеною была, зъ причины, що ей дотеперѣшна столиця Галичь за далеко ôтстоитъ ôтъ прочихъ епископій, не есть муромъ обведена и про то выставлена нападамъ и грабительству Литовцей соединенныхъ съ шизматиками т. е. исповѣдниками православія зъ однои, а Татаръ зъ другои стороны [31]). Были то по всей вѣроятности Татары Кримскіи або Перекопскіи, которіи упокорени были Ольгердомъ 1363, а теперъ снова пôднесши-сь [32]) зъ упадку и скрѣпивши-сь, въ порозумѣню зъ Галицкими малконтентами Галицку Русь напастовали. Владиславъ Опольскій повѣдае въ своемъ представленю, що Львôвъ есть головнымъ и значительнымъ городомъ землѣ рускои, що (противно якъ Галичь) есть мурами обведеный и иными укрѣпленями мôцно обвarowаный и що народомъ есть преисполненый. Папа припоручае архіепископу гнезненьскому и епископамъ краковскому и плоцкому, щобы переконали ся, чи въ самôй рѣчи городъ Львôвъ посѣдае всѣ свойства потребни, щобы перенесеною могла быти до него зъ Галича арцибискупска катедра. Здае ся, що на теперъ Владислава представленя не осягнули пожаданого скутку. Онъ вѣновалъ Га-

---

[29]) Theineri monum. T. I. p. 712—713.

[30]) Theineri T. I. p. 713 „de personis idoneis scientibus idioma partium praedictarum nos informare curetis etc.

[31]) Theineri monum. ibidem.

[32]) Hammer Purgstal S. 382. Grosse Pest in der mongolischen Horde im J. 1374. S. 383

лицкое архіепископство лат. обряда десятиною, доходомъ сольныхъ жупъ въ Дрогобичи и Жидачевѣ и десятиною зъ цолъ мѣскихъ въ Львовѣ. Зверхъ того даровалъ митрополіи лат. обр. домъ свой въ Львовѣ въ вышшой части самого города положеный и городы Рогатынъ, Олеско и Тустань, которіи, то недвижими имѣня въ тую пору были еще власностію князей Галицкихъ. Францишканы въ Львовѣ приобрѣли были костелъ св. Креста, при которомъ по перенесеню митрополіи лат. обр. зъ Галича до Львова архіепископы долшій часъ обитали, нижели еще станула катедра, котору Казимиръ основалъ былъ и которои строенье за Владислава Опольского было уже значительно поступило. Забѣги папъ римскихъ о ширенье вѣры католицкои розширяли ся зъ тыхъ сторонъ далеко по за предѣлы Галицкои Руси. Въ Володимирѣ утверджена была катедра разомъ якъ и катедра Холмска, Перемыская и Галицкая, хотя Володимирь лежалъ внѣ Галицкои Руси и принадлежалъ владѣню Любарта Гедыминовича. Въ року 1375 припоручилъ папа Григорій архіепископови гнезненьскому и епископамъ краковскому и плоцкому, щобы переконали ся, чи церкви въ Луцку, въ Туровѣ и Кіевѣ суть парохіальными чи катедральными и щобы переконавши-сь о томъ папѣ донесли [33]), понеже папа и въ тыхъ городахъ намѣрялъ учредити епископства латиньского обряду. Чи малъ папа якую надѣю, що Литовскіи князѣ, которіи были р. 1373 объявили готовость, приймити вѣру латиньскую, введеню новыхъ епископовъ противити-сь не будутъ, чи може уповалъ на дѣятельность миссіонаровъ францишканьского и доминиканьского ордина, которіи скорше або познѣйше но звычайно съ добрымъ успѣхомъ на Руси впередъ обдуманы дѣла церковни до скутку приводили, того не скажемъ. Замѣтити належитъ, що Доминиканы въ тое время великую дѣятельность на Руси розвинули. Въ року 1378 существовали уже кляшторы Францишкановъ въ Львовѣ, Каменцу, Смотричу, Ланцутѣ (была то колонія нѣмецка за Казимира) Перемышли и Серетѣ [34]).

На Подолю княжили Коріятовичѣ Юрій, Александеръ и Константинъ еще отъ р. 1363. Четвертый Теодоръ княжилъ 1360 на угорской Руси въ Мункачи. По смерти отця своего Коріята вернулъ до Литвы и обнялъ княженье въ отцѣвскомъ Новгородку. Константинъ придерживалъ ся крѣпко православія. Сказуютъ [35]), що Казимиръ, по моему мнѣню вѣроятнѣйше Людвикъ, бо Казимира доньки были уже давно отданы за мужь, призвалъ былъ Константина до Кракова и намѣрялъ за него дочку отдати и по

[33]) Theineri T. I. p. 718.
[34]) Supplementa ad historica Russiae monumenta XXXIV
[35]) Bychowca chronica str. 19.

своемъ животѣ королемъ осадити пôдъ условіемъ, щобы покинулъ православіе и до вѣры католицкои привернулъ ся. Константинъ ѣздилъ до Кракова за глейтовнымъ листомъ, но не хотѣлъ ôтъ православнои вѣры ôтступити, ôтъѣхалъ опять до своего господарства и тамъ на Подôлю умеръ. Другій Коріятовичь Юрій такожь держалъ ся крѣпко вѣры православнои. Его призвали Волохи до себе на господаря.

За вліяньемъ Людвика короля угорско-польского, основалъ папа епископство въ Серетѣ (въ Молдавіи) и именовалъ сповѣдника королевои польскои Елисабеты первымъ Серетскимъ епископомъ. Сей епископъ названый Андрей зъ Кракова, гербу Ястрембецъ, притомный былъ на зъѣздѣ епископôвъ въ Унѣевѣ въ р. 1376. Епископство въ Серетѣ пôдчинено было архіепископови гнезненьскому. Въ Мултанахъ пановалъ Лацко, сынъ Саса, потôмъ Богданъ, наконецъ Петръ сынъ Мускаты, а на Волощинѣ Влодко и Данъ. Молдавскій воевода Лацко принялъ вѣру латиньску. Догадываютъ ся, що сторонництво бояръ, которое вѣрно стояло при православію, неудовольненое призвало Юрія за господаря молдавского. Пôзнѣйше тая обава бояръ молдавскихъ оказала-сь безосновною. Церковь латиньская не могла пустити на Волощинѣ корѣня, тогды бояре не лишь оставили Юрія, но пôдля жерела литовского [36]) отроили его.

Незнаю, чи прочіи Коріятовичѣ были лат., чи восточного обряду, но положительно утвержати можемъ, що Теодоръ лат. обряду спріялъ. Той князь коли еще княжилъ на угорскôй Руси, окрôмъ кляштору Василіянôвъ на горѣ Мункачѣ, учредилъ костелъ и шпиталъ для католикôвъ въ Берегсажу, близъ Мункача. Юрій вспоминае ся еще р. 1366 въ трансакціи выжь наведенôй. Александеръ Коріятовичь учредилъ кляшторъ Доминиканôвъ въ Смотричу и упосажилъ тойже наданьемъ ланôвъ и млынôвъ (1375) [37]). Александеръ княжилъ въ Каменцу. Папа Григорій въ листѣ зъ Января 1378. зове Александра княземъ зъ Каменца на Руси, похваляе Александра, що ôнъ папу и латиньскую вѣру почитае, ю исповѣдуе и що тую же противу вѣроломнымъ Татарамъ ведля силъ своихъ защищае и проч.[38]). Ту розумѣе папа Татаръ перекопскихъ, котори Подôлье пустошили и навѣтъ якъ въ були зъ р. 1375 вспоминае ся, Галичу угрожали. Александеръ уже ôтъ многихъ лѣтъ боролъ ся съ невѣрными. Наконецъ былъ ôтъ нихъ убитый, по всей вѣроятности въ ôтвертôмъ сраженю и лягъ на поли битвы яко вѣрный другъ Полякôвъ и лат. вѣры. Константинъ Коріятовичь жилъ еще р. 1388.

---

[36]) Bychowca chronica ibidem
[37]) Stadnicki S. G. T. II. str. 69.
[38]) Theineri monumenta T. I. p. 748.

Земль, на которіи Галицко-Володимирска Русь роспала-сь, стояли еще въ тѣсныхъ торговельныхъ ôтношеняхъ. Черезъ Володимирскую и Галицкую Русь ходили купцѣ зъ Польщи и нѣмецкихъ городôвъ до Татаріи. Въ року 1379 выставляютъ собѣ взаимно Демитрій, зъ Божой ласки великій князь на Луцку т. е. Любартъ зъ однои стороны, а Львôвскіи горожане зъ другои стороны письменное заручение, що складъ товарôвъ зôстане въ Львовѣ, Володимирѣ и Луцку, и що отвѣтно до давнѣйшихъ привилеевъ, купцѣ на дорозѣ до Татаріи обовязуютъ ся не омиати тыхъ городôвъ. Если король польскій купцей зъ Польщи и нѣмецкихъ мѣстъ буде пускати черезъ которую будь зъ своихъ областей до Татаріи, говоритъ Демитрій, тогды и я пущу ихъ черезъ которую нибудь зъ моихъ областей, и тогды Львôвяне Демитрію, а Демитрій Львôвянамъ звернутъ свои письменни грамоты, которыми до взаимного наблюданя своихъ торговельныхъ интересôвъ зъобовязали ся [39]).

Заховали-сь привилеи, одинъ зъ р. 1372 Владиславомъ Опольскимъ изданый въ Саноку[40]), другій зъ року 1373 изданый Людвикомъ въ Прешбургу [41]). Первымъ привилеемъ призволено свободы торговельни для купцей торуньскихъ въ цѣлôмъ простороньствѣ Галицкои Руси, которая Владиславу Опольскому пôдвладна была. Вторымъ привилеемъ признаніи свободы торговельніи для львôвскихъ купцей, которіи зъ Галицкои Руси до Польщи и Угоръ проѣжджаючи платили ôтъ непамятныхъ часôвъ лишь звычайное цло, а ôтъ всякихъ иныхъ дачокъ были вôльными. Зъ привилея изданого р. 1372 въ Саноку довѣдуемъ ся, що купцѣ торуньскіи на торговицяхъ городôвъ рускихъ переводчикôвъ (interpraetes) уживали и або самй або за посредствомъ тыхже свои товары спродавали.

Въ прочемъ зъ документôвъ позôсталыхъ зъ временъ Владислава Опольского ещеглещо и о дѣлахъ иного рода Владислава на Руси и о внутренôмъ устройствѣ Галицко-руского княжества довѣдуемъ ся. Въ р. 1372 даровалъ Владиславъ Львову пустіи обшары, лежачіи по обохъ сторонахъ Полтвы. Въ грамотѣ [42]) розличаютъ ся выразно мѣстичѣ свободни ôтъ Русинôвъ, которіи юрисдикціи княжеского чиновника пôдлежали. Отже тогды обитали Русины въ Львовѣ еще безъ всякои змѣсы съ иными народами по за мѣстомъ. Владиславъ Опольскіи упосажае Ярославъ 1373 наданьемъ сто ланôвъ франконьскихъ. Ôнъ перенѣсъ городъ Яро-

---

[39]) Zubrzycki, kronika miasta Lwowa. Lwów 1844. str. 50. nota 50. dyplom po niemiecku pisany na pergaminie.

[40]) Voigt. codex dipl. Prus. T. III. p. 143.

[41]) Zubrzyckiego kronika str. 43.

[42]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 491 dokument B.

славъ на иное мѣстце, и надалъ ему право магдебургское[43]). За Владислава Опольского прибыли Караимы и Жиды численно до Галицкои Руси. Караимы были то жиды зъ Криму, которіи за временъ великого князя Ольгерда 1363 въ слѣдство похода того великого князя Литовского въ Кримъ, въ бо̂льшо̂мъ числѣ выйшли зъ Криму и принятіи литовскими князями гостепріемно, поселили ся на самперёдъ въ городахъ Волыньскихъ именно въ Луцку [44]). Русины посѣдали грунта ведля звычаю руского, Нѣмцѣ и городы были надѣлени ланами по̂для права нѣмецкого. Поля надѣленіи по̂для права нѣмецкого розтягали ся погонами безъ перервы и дѣлили ся на ланы, по̂для того мѣрила, якъ много плугомъ на день съорати было можна. Поля и луги посѣдани по̂для звычаю руского, роздѣлени были на погоны, а погоны на пайки и посѣдани были пайками. Еще до днесь бо̂льшая часть рускихъ селъ такимъ образомъ свои грунта посѣдае. Земля кождого села розличае ся соотвѣтно своему положеню, свойствѣ почвы, вліяня сонця, вѣтру, воды, на близшую и дальшую, худу, середну и лучшую. Священикъ и кождый иный господаръ мае сво̂й пай въ близшо̂й и дальшо̂й, худо̂й, середно̂й и лучшо̂й части. Нѣмецкое право посѣданьемъ лано̂въ непреривными погонами улучшае газдо̂вство. Посѣданье по̂для звычаю руского по пайкамъ роздробленымъ и порозкиданымъ утрудняе газдо̂вство, однакожь естъ и доказомъ, що привлащенье и засѣдженье земель рускими селянами сягае въ глубокую старину, коли еще кождый человѣкъ былъ собѣ ро̂вный въ громадѣ, и не было строгого роздѣлу меже сословіями. Той спосо̂бъ посѣданя доказуе великую справедливо̂сть въ роздѣленю недвижимыхъ имѣній и докладное на досвѣдченю опертое знанье свойствъ землѣ.

Въ року 1378 надалъ (Владиславъ) во̂йто̂вство (солтиство) въ Радимнѣ якому-то Яськови зъ Мазовша [45]). Солтисы поставленіи были въ селахъ, которымъ надано зо̂стало право магдебургское. Солтисы звычайно надѣлени были ланами и иными ужитками (н. пр. чиншомъ, правомъ ставленя млыно̂въ и пр.) за справованье уряду. Они судили справы, ставили на во̂йну о̂тповѣдное число копейнико̂въ, чували надъ правами кмета, ро̂вно якъ и надъ тымъ, щобы кметь исполнялъ всѣ обовязки, посередничили межи дѣдичомъ и громадою и пр. Солтиство переходило зъ о̂тця на дѣти и могло зъ во̂льнои руки спроданымъ и купленымъ быти. Владиславъ роздавалъ цѣліи области и села вѣрнымъ слугамъ своимъ. Въ лѣтахъ 1373 и 1374 даровуе о̂нъ такъ волости и села надъ Прутомъ

---

43) Balińskiego i Lipińskiego starożytna Polska T. III. st. 652.
44) Зри ист. Сборникъ Галицко-руской Матицѣ Т. II.
45) Lipińskiego i Balińskiego starożytna Polska. T. III.

въ обводѣ Коломыйскôмъ [46]). Въ лѣтахъ 1375 и 1378 надѣляе ôнъ области и селеня около Самбора, Львова и Ярославя лежачіи. Надѣленый селомъ (Бужковичи) обовязалъ ся былъ платити ôтъ кождого дому по два бôльшихъ грошей на кождый рôкъ и по обычаю прочихъ бояръ рускихъ ити за княземъ на вôйну съ однымъ копіемъ [47]).

Зъ грамотъ Владислава Опольского, которыми купно и спродажь селъ потвержае ся, довѣдуемъ ся, що Русины, Ормены и Нѣмцѣ посѣдали села, которіи по изволію своему спродавали. Купно и спродажь тыхъ селъ дѣяли ся за княжескимъ потверженьемъ.

За Владислава Опольского розличаютъ ся въ краю уряды, именно вспоминае ся въ року 1376 Андрей староста рускій (capitaneus) [48]), Петръ Гумпрехтъ (palatinus) староста Перемышльскій [49]), Петръ Арменкнехтъ поборця цла Львôвского (theloneator Lemburgensis), Іоанъ Шофъ, княжій маршалокъ и пр.

Окрôмъ того вообще вспоминаютъ ся слѣдуючіи уряды: barones (бояры), terrigeni (обивателѣ), nobiles (жляхтичѣ), milites (воины), clientes (приданй), woiewodae (судови урядники), tribuni (заступники), advocati (якіи-то мѣстцевіи урядники), consules (совѣтники), cives (мѣщане), sculteti (солтисы) [50]). Знаменемъ князя Володимирско-Луцкого былъ левъ, идучій ôтъ лѣвои къ правôй сторонѣ [51]). Знаменемъ княжества Галицко-Львôвского былъ левъ (на щитѣ) вспинаючій ся и на заднихъ лапахъ идучій. Окрôмъ того гербу краевого уживалъ Владиславъ Опольскій гербъ свôй родовый, именно: на печати изображени щиты, на однôмъ представленъ орелъ одноголовый, на другôмъ колесо, переломане о четырехъ шпицяхъ, на третôмъ щитѣ изображенъ левъ рускій. Самъ князь представленый на ней яко человѣкъ постарѣлый, сухôрлявый. Голову его покрывае капелюхъ съ заложеною крысою. Князь сидитъ на креслѣ, а въ правôй руцѣ держитъ мечь. — Осмого дня по святѣ Іорданьскôмъ року 1379. прибывалъ Владиславъ уже не въ Львовѣ но въ Вѣлуни.

---

46) Codex diplomaticus Poloniae wydany w Warszawie.

47) Повѣсть Зубрицкого о Червоной Руси ст. 177. 176.

48) Naruszewicz z r. 1378 dokument ks. XVI. str. 90. Другій документъ 1376 зъ архива города Львова, наданье ланôвъ Нѣмцеви Стехеръ. Зубр. повѣсть о Ч. Р. с. 178. 179.

49) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa dokument p. 13.

50) Dokument rezignacyjny z r. 1379. w Zubrzyckiego kronice Lwowa s. 47. 48.

51) Выжъ вспомненый документъ Деметрія Луцкого изданъ былъ въ время Людвика не долго по резигнаціи Владислава: gegeben ist der Brief an dem achten Tage heiligen herrn Sente Mertins des werden bischofs nach unsers Herren geburt 1379 zu Luczk.

Въ р. 1377 умеръ сестрѣнецъ небôщика Казимира В., Казимиръ, князь Щетиньскій. Ôнъ владѣлъ землями Добриньскою, Бидгощскою и Плоцкою. Казимиръ былъ женатый съ донькою князя литовского Кейстута а по еи смерти оженилъ ся съ донькою Семовита князя Мазовецкого. Казимиръ не зôставилъ жадныхъ дѣтей, прото землѣ Добриньская и Бидгощская повернули до короны [52]). До тыхъ краѣвъ, припавшихъ до короны, прилучае Людвикъ землю Гнѣвковскую, которую Казимиръ купилъ былъ ôтъ Владислава Мазовецкого монаха, Бѣлымъ званого. Земля Добриньская и Бидгощская становила головную часть Куявъ. Бидговщская земля звала-сь давнѣйше Вышгородскою. До Гнѣвковскои належали такожь Иновладиславская и замки Сарлей и Злоторія. Тіи всѣ землѣ, которіи мы ту вычислили, съ изъятьемъ городôвъ Валчь и Слоховіи, отже землѣ Добриньскую, Бидгощскую и Гнѣвковскую съ ихъ апертіненціями и замками дае Людвикъ Владиславу Опольскому въ замѣну за Галицко-Львôвску Русь. Владиславъ отрималъ выжь речени землѣ правомъ наслѣдія съ тымъ условьемъ, щобы приръкъ послушеньство королю и щобы тіи землѣ въ недостатку мужеского потомка снова до короны повернули.

Якже вытолковати собѣ тое явленье, що князь добровôльно зрѣкае ся простороннго княжества и самостоятельности въ замѣну за землѣ, которіи королю польскому яко верховному пану пôдлежали? Галицко-Львôвская Русь плодородная, въ торговольнôмъ ôтношеню надзвычайно важна, забезпечаючи своему князеви блестательное становище межи сусѣдними князями суверенами, не привлекала Владислава Опольского; запытае читатель для чого?

Галицко-Львôвская Русь была паньствомъ дуже рухавымъ, т. е. его жителѣ а особливо бояре были до движеня склонни и не любили Владислава Опольского, понеже былъ чужесторонныиъ и латиньскои вѣры. Бояре рускіи придерживали-сь православія, пропаганда религійная вспирана Владиславомъ, наполняла умыслы бояръ рускихъ обавою, они видѣли, що православіе римскôй вѣрѣ уступае. Чужіи елементы вкорѣняли-сь чимъ разъ глубше на Руси и люде не рускіи, но иностороннія посѣдали недвижиміи имѣня и занимали высокіи уряды. Залога зложена съ Силезанôвъ всажена была по головныхъ городахъ рускихъ. Владиславъ розширялъ привилеи городскіи, вспиралъ торговлю, защищалъ простого хлопа передъ грабительствомъ бояръ и вельможь и роздавалъ селеня, области, ланы и обшары, которіи становили часть княжеского имѣня. Такая дѣлательность не могла понравити ся боярамъ рускимъ. Они входили въ заговоры съ

---

[52]) Anonymus T. II. p. 119. додае „etiam Belz" якобы Белзъ такожь попереднѣйшими лѣтами былъ наданымъ Казимиру Щетиньскому.

..итовцями и Татарами и вспирали нapады тыхъ народôвъ на край, именно на Галичь тогды не укрѣпленый. Одное зъ найважнѣйшихъ жерелъ розказуе [53]), що Владиславъ прійшолъ до того пересвѣдченя, що рухавое паньство руское въ слѣдство неустанныхъ нападôвъ Литовцей въ супокою удержати не можно. Ôнъ любитель мира, тужилъ за миромъ, про то зрѣкъ ся княжества руского письмомъ въ Вѣлюни выданымъ въ октаву св. Богоявленя 1379 увôльнилъ жителей того княжества ôтъ присяги вѣрности, котору были ему сложили и ôтдалъ тыхже въ послушеньство Людвику, королю угорско-польскому. Замѣнивши княжество руское за приятнѣйшіи собѣ области, не ôтрѣкъ ся еще Владиславъ гдекоторыхъ городôвъ и областей на Руси, которіи куплею або якимъ инымъ способомъ яко собствену и неôтзовну власнôсть былъ собѣ приобрѣлъ. Зъ городôвъ уступила залога Владислава Опольского, на еи мѣстце обняли стражу по замкахъ и городахъ войска угорскіи, именно въ Кремянци, Олеську, Лопатинѣ [54]), Снятинѣ, Рогатынѣ [55]), въ Перемышли, Ярославлю, Городку, Теребовли, Галичи и въ обохъ замкахъ города Львова [56]).

ЛЮДВИКЪ ВЕЛИКІЙ

Людвикъ обнявши по Владиславѣ Опольскôмъ кормило правленя Галицкои Руси, передъ всемъ старалъ ся Львôвянъ для себе приклонными сдѣлати. Привилеемъ въ Діогсварѣ данымъ р. 1379 потвердилъ Людвикъ давніи права и привилеи торговельніи Львова, которіи Казимиръ Великій и Елисабета тому городу были надали [57]). Вѣроятно надала Елисабета привилеи Львову еще тогды, коли по смерти Казимира В. пріяла правленье и нижели еще Людвикъ княжество руское надалъ былъ Владиславу князю Опольскому. Черезъ Львôвъ ишла торговельная дорога зъ Угоръ до пôлночныхъ краѣвъ и зъ Польщи до Татаріи. Кождый купецъ змѣряючій до пôлночныхъ надбалтицкихъ

---

53) Anonymus T. II p. 119. „Wladislaus filius Boleslai de Opoll totius Russiae dux et dominus, pacis sectator, ejusdem indefessus prosecutor cernens, quod mobile dominium Russiae propter insultus Lithvanor. pacifice teneri non possit etc.

54) Krommer.

55) Стрыйковскій наводитъ Каменецъ ошибкою вѣроятно въ мѣсто Кремянца а Городло ошибкою може въ мѣсто Грабовца.

56) Що замки и городы Перемышль, Ярославъ, Городокъ, Галичь, Тербоовля и Львôвъ были засажени залогами угорскими, вношу съ слѣдуючихъ словъ Длугоша ad a. 1390 Hedvigis „sub brevi tempore castrum Przemyśl, Jarosław, Grodek, Halicz, Terebowla civitatem Leopolim et castrum in monte ac omnia castra Russiae aut militum expugnatione aut spontanea deditione sub milite Hungariae Babek, cujus fidei et regimeni a parente suo Ludovico Poloniae et Hungariae rege commendata extiterant, conquirit.“

57) Сей документъ ôтпечатаный въ дѣлѣ „Stadnickiego Synowie Gedymina T. II. str. 80.

городôвъ або до Татаріи обовязаный былъ черезъ Львôвъ ѣхати и ту черезъ 14 день свои товары жителямъ для спродажи або для замѣны выставляти и лишь тое, що черезъ той означеный часъ не спродалъ, вôльно му было за оплаченьемъ звычайного цла до Татаріи сопроваджати. Львôвяне одержали право, щобы въ ихъ мѣстѣ вôльно было купцямъ заграничнымъ мати склады для товарôвъ и поселяти ся.

Заразъ по зреченю Галицкого трона черезъ Владислава князя Опольского позасаджалъ Людвикъ военніи полки по городахъ Галицкихъ. Залоги Людвика складали ся зъ Угрôвъ и Силезанцей [58]). Може быти, що Силезанцѣ, которыхъ Владиславъ Опольскій по городахъ засадилъ, вступили были по ôтъѣздѣ Владислава Опольского въ службу короля угорского. Може и такъ быти, що выжь вспомненіи Силезанцѣ, которіи часть угорскои залоги творили, пôзнѣйше прибыли зъ Силезіи и по звычаю тогдашного времене у Людвика за жолдаковъ наймили-сь и вразъ съ Украми Галицко-рускіи городы стерегли. Пôдчасъ панованя короля угорско-польского Людвика переселила ся въ року 1382 [59]) славная родина Гербуртôвъ зъ Силезіи на Галицкую Русь. Прибывшіи ту Гербурты построили осаду и назвали ю на памятку своего ôтцѣвства въ Силезіи Фельштейнъ. Еще днесь Фельштинъ мѣсточко въ Самборскôмъ округѣ пereховало свое имя нѣмецкое а руины пышного замку на высокôй горѣ около Добромиля еще днесь припоминаютъ намъ родину Гербуртôвъ, вславившую ся въ исторіи великими дѣлами не меньше якъ и высокими науками и просвѣщеньемъ. Людвикъ повѣрилъ былъ городы Галицкои Руси воеводамъ и старостамъ угорскимъ. Тіи правили краемъ въ имени Людвика и короны угорскои [60]). Одно зъ польскихъ жерелъ сказуе, що король много городôвъ (замкôвъ) и областей, ба навѣтъ мѣсточокъ и селъ на Руси роздалъ угорскимъ панамъ и що тому польскіи вельможѣ не супротивляли ся [61]). Ту розумѣютъ ся тіи саміи угорскіи старосты и воеводы, которымъ ввѣрылъ былъ Людвикъ городы для обороны передъ непріятелемъ. Они звали ся Юрга Задерскій и братъ его Емерикъ Бебекъ, (той самъ низше въ р. 1387 названъ есть Бенедиктомъ), Емерикъ Егерскій епископъ, Іоаннъ Запольскіи [62]). Здае ся, що одинъ зъ угорскихъ воеводъ поставленый былъ надъ всѣми яко намѣстникъ короля.

---

58) Krommer L. XV. p. 372. розказуючи о занятію Галицкои Руси черезъ Ядвигу говоритъ, що Ядвига завоевала Галицкіи замки „ejectis Silesis et Ungaris, quorum fidei arces illi a rege olim comendatae erant.“

59) Lipińskiego i Balińskiego starożytna polska T. III. str. 642.

60) Turocz „qui regnum praedictum bene et laudabiliter defendentes sub titulo sanctae coronae et regimine ejusdem regis conservarunt.“

61) Długosz L. X. p 37.

62) Stryjkowski ks. XII. str. 421. Прай оспоривае, щобы Іоанъ Запольскій былъ такожь надѣленый якимъ-то городомъ на Руси.

Пôдля угорских историкôв представил король Галицкôй Руси на сампередъ Петра Бана и Емерика Егерского, Григорія Задерского и братей его, а по тыхъ Емерика Бебека, а на конецъ якого то Іоана Копаля. Заходитъ ту якая то рôжницня межи вѣстями угорскихъ жерелъ и межи поданьемъ польскихъ и литовскихъ историкôвъ, именно тая, що польско-литовскіи не вспоминаютъ ничого ни о Петрѣ Банѣ ни о Іоанѣ Копалю.

Верховный воевода обиталъ въ Галичи. Той городъ сталъ ся середоточіемъ краю, хотя на короткій часъ, бо лишь ôтъ року 1379 до року 1387, коли Угры въ Галицкôй Руси пановали. Угры избрали собѣ Галичь за середоточіе правительства и мѣръ оборонныхъ противъ Литовцей зъ причины, що Галичь близшіи былъ Уграмъ якъ Львôвъ и що связь съ угорскимъ краемъ зъ Галича была способнѣйша. Замѣтити належитъ, що Угры особенно дбали приобрѣсти сильное становище на Пôдгôрю уже для того самого, щобы просмыки проводячіи зъ Галиціи до Угоръ черезъ Карпаты, мати въ своемъ посѣданіи. Замки и городы Галицкіи зôставали въ рукахъ угорскихъ залогъ ажь до смерти короля угорско-польского Людвика.

Еще за житя короля Казимира старалъ ся Людвикъ забезпечити въ Польщи наслѣдіе для мужескихъ потомкôвъ дому своего. Давнѣйшіи трансакціи взглядомъ наслѣдія въ Польщи затвержени въ Будинѣ 1355 и заприсяжени зъ стороны магнатôвъ угорскихъ въ Зантоку. Въ недостатку мужескихъ потомкôвъ Людвиковыхъ признано наслѣдіе сынови брата его Іоану [63]). Умовлено также, що если Людвикъ або братанецъ его Іоанъ зôйдутъ безъ мужеского потомка зъ того свѣта, тогды всѣ уговоры дотычачіи ся короны польскои, устаютъ и уничтожаютъ ся [64]). Людвикъ, который якъ мы видѣли, наслѣдилъ по смерти Казимира въ королевствѣ польскôмъ, стратилъ надѣю по безпотомнôй смерти синовця своего Іоана зôставити ôтъ себе або ôтъ рода своего якого потомка мужеского, бо кромѣ самого короля ани одного мужа его рода не было межи живущими. Людвикъ старалъ ся всѣми силами уничтожити всѣ давнѣйшіи уговоры, которіи забезпечали наслѣдіе мужескимъ потомкамъ королевского угорского дому — а женьскихъ выразно ôтъ наслѣдія выключали.

Еще давнымъ приреченьемъ (1355) Людвикъ съобовязалъ ся былъ знести всѣ податки надзвычайніи въ Польщи, которіи король Казимиръ и отецъ его Владиславъ Локетокъ зверхъ правъ и свобôдъ сословіи упривилееваныхъ на свѣтскіи и духовніи имѣня наложили.

---

[63]) Naruszewicz ks. 26. str. 192 193.

[64]) Długosz ad a. 1355.

По смерти Казимира наступило роспряженье въ Польщи, и неплачен. дачокъ. Король приказалъ для заспокоеня потребъ цѣлого паньства платити дачку, названую королевщиною. Вельможѣ польскіи недовольніи тымъ приказомъ, приводили Людвику давнѣйшое приреченье въ память. Наступили переговоры межи королемъ и вельможами польскими; король приобѣцялъ знести дачку, если уневажнена буде трансакція зъ р. 1355, которою выключеніи зостали женьскіи потомки Людвика отъ наслѣдія въ Польщи. Вельможѣ польскіи свѣтского и духовного сословія т. е. рада коронная складаючая ся зъ вельможей и старостовъ польскихъ городовъ и областей согласили-сь на то условіе. Трансакціею въ Кошицахъ зъ р. 1374 приобѣцяли тамъ призваніи польскіи паны признати тую зъ доніокъ за королеву, которую король або жена его къ тому призначатъ. Вельможѣ польскіи сложили голдъ найстаршой доньцѣ Казимира, Катеринѣ, а по еи смерти насамперед другой доньцѣ Маріи, а по тому мужеви ей Сигисмунту зъ рода Люксенбургского. Тое учинили на просьбу короля Людвика, скликани двома наворотами разъ до Кошицъ, другій разъ до Зволина, вельможѣ и старостове такъ малопольскіи якъ и великопольскіи. Майже ровночасно сложили станы угорскіи голдъ Маріи яко наслѣдници на тронѣ королевства польского. Такъ забезпечивши уговорами и передидучимъ сложеньемъ голду въ обохъ королевствахъ наслѣдіе Маріи, — умеръ Людвикъ дня 13 Вересня 1382 въ томъ пересвѣдченю, що соединилъ и на будучность оба сусѣдніи королевства. Вельможѣ польскіи на съѣздѣ въ Радомску 1382 не долго по смерти Людвика вѣрніи трансакціи Кошицкой приобѣцяли вѣрность и послушеньство одной зъ доніокъ умершого короля, которую король и королева, а по смерти короля сама королева мала избрати и призначити на королеву польску[65]). Памятаючи що Людвикъ не сѣдѣлъ въ Польщи черезъ цѣлый часъ панованя своего, що зоставлялъ правленье въ рукахъ своей матери Елисабеты и колькохъ корыстолюбивыхъ вельможь, що справедливость подъ часъ небытности короля въ Польщи лежала облогомъ, бояли-сь Поляки, щобы такъ небыло и на будучность, если старшая донька Марія вразъ съ мужемъ своимъ, съ короною угорскою, которая ей правомъ природнымъ принадлежала, соединитъ Польщу. Для того въ обавѣ, бы Польща не зостала провинціею угорскою, до съобовязаній въ Радомску придали еще одно условіе, що тую зъ обохъ доніокъ (волею Елисабеты на королеву Польщи призначену) за королеву Польщи узнавати будутъ, которая вразъ съ своимъ мужемъ буде намащеною на королеву и особисто въ Краковѣ обитати и зъ того столечного города королевствомъ управляти съобовяже ся.

---

[65]) Naruszewicz ks. 27. str. 155.

Елисабета бояла-сь, щобы Марія съобовязаньемъ ся, що постоянно въ Польщи обитати буде, не отчужила собѣ симпатіи Угоръ и неутратила угорского престола, бо якъ Польща не хотѣла быти провинціею угорскою, такъ и Угры не хотѣли быти провинціею Польщи. Прото освѣдчила Елисабета сгромаженымъ панамъ въ Сѣрадзу въ Марти, що увольняе ихъ отъ обовязаностей сдѣланыхъ Маріи, и неважными чинитъ всѣ уговоры забезпечаючіи право наслѣдія въ Польщи старшой доньцѣ Маріи и призначае на королеву Польщи молодшую доньку Ядвигу. Однакожь еще великіи были трудности, нижели Ядвига до трону польского доступила Семовитъ князь Мазовецкій, потомокъ тои отрасли Пястовъ, которая еще помежи всѣми народови и державѣ польской не отчужила ся, старалъ ся о корону польскую. На помянутомъ съѣздѣ въ Сѣрадзу важилъ ся жребій то на сторону Семовита, то на сторону Ядвиги, наконецъ переважила сторона Ядвиги. Семовитъ возвалъ помочи Пястовъ Силезкихъ и наконецъ за помочію тыхъ и своей партіи розпочалъ отвертую войну съ стороною, которая въ Сѣрадзу 1383 въ интересѣ Ядвиги переважила. Сигисмунтъ мужь Маріи еще за житя Людвика вступилъ уже въ отвертый бой съ тыми вельможами, которіи права жены его до короны узнати нехотѣли. Архіепископъ гнезненьскій и Демаратъ, воевода Познаньскій, дѣйствовали въ интересѣ Маріи и Сигисмунта. Про тое недивъ, що Елисабета, которая для особистыхъ причинъ своему зятеви Сигисмунтови неспріяла и его нелюбила, щобы молодшую свою любимую доньку Ядвигу на тронѣ польскомъ убезпечити, подписала въ еи имени всѣ условія, которіи польскіи вельможѣ предложили.

Поляки на выжь вспомненомъ съѣздѣ Сѣрадскомъ ухвалили, що если Елисабета видѣти хоче доньку свою Ядвигу на тронѣ польскомъ, должна такожь съобовязати ся, звернути коронѣ Русь, [66]) якоже и землѣ Добриньскую, Куявскую и Вѣлюньскую и многіи городы, которіи то землѣ и городы надалъ былъ Людвикъ частію уже при вступленю на польскій тронъ Владиславу, князю Опольскому за то, щобы той не взновлялъ права до короны польской, частію яко замѣну за землю Галицкую въ р. 1379.

Допоки Угры и Польща мали вспольного владѣтеля, доти не могли Поляки ставити жадныхъ предложеній що до Руси, которую тримали поставленіи отъ вспольного владѣтеля угорскіи воеводы; — отъ коли же Поляки рѣшительно установили отлучити Польщу отъ Угоръ и мати особ-

---

[66]) Anonymus Gneznensis apud Sommersberg T. II. p. 144. „quod eadem (regina) terram Russiae regno Poloniae reuniat ac ducatum Dobrinensem, Cujaviensem, Vilunensem et castra, quae vir ejus Dominus Ludovicus et Poloniae rex Vladislao duci Opoliensi alienaverat.“

ного ôтъ Угоръ владѣтеля, тогды залежало имъ на тôмъ, щобы Рус. не зôстала при Уграхъ и зажадали присоединеня Руси до польскои короны т. е. щобы королева мати въ имени доньки своей съобовязала-сь дѣиствовати къ тому, бы залоги угорскіи зъ городôвъ Галицко-рускихъ уступили и тіи городы польскими залогами обсаженіи были и правленье землею поручено было вмѣсто угорскихъ, польскимъ старостамъ и воеводамъ. Другое условіе, щобы Елисабета и еи донька Ядвига звернули коронѣ землѣ наданіи еще небôщикомъ королемъ Владиславу Опольскому Вѣлюньскую, Добриньскую и Куявскую, основало-сь на давнѣйшôй трансакціи (въ Кошицахъ), которая князей зъ поколѣня королевского ôтъ держаня городôвъ и земель выключила. Владиславъ Опольскій загроженый тыми ухвалами съѣзду Сѣрадского, обавлялъ ся, щобы выжь помянутыхъ земель непострадалъ и не былъ ограниченый на малое свое дѣдицтво княжество Опольское. Семовитъ скликалъ былъ иный съѣздъ въ Сѣрадзу на которôмъ приверженцѣ его сôйшли-сь численно и его королемъ польскимъ оголосили. Сигисмунтъ, мужь Маріи, вкрочилъ былъ на челѣ 12000 Угоръ до Польщи, щобы нѣбы правъ Ядвиги боронити, — но вправдѣ, щобы своихъ и своеи жены правъ до короны домагати ся. И такъ неуставала вôйна домовая въ Польщи черезъ рôкъ 1384, ажь поки Семовитъ притязаній до польскои короны не зрѣкъ ся. Однакожь еще и тогды не уставала распра межи Уграми и Поляками и не укôньчила ся скорше ажь поки въ Уграхъ не образовало-сь сторонництво неспріяючое Маріи, которое принудило Сигисмунта, звернути неподѣлену увагу на самі Угры и поки королева Ядвига не съѣхала до Кракова и яко королева Польщи намащена была, що однакожь не скорше якъ въ року 1385 наступило. Мысль соединеня обохъ державъ Угоръ и Польщи, еще сильно ôтзывала-сь въ умыслахъ панôвъ польскихъ. При иныхъ ухвалахъ рѣшили они были еще року 1383 на съѣздѣ угорско-польскôмъ въ Кошицахъ не долго по знаемôмъ намъ первôмъ съѣздѣ въ Сѣрадзу, щобы въ случаю бездѣтнои смерти Ядвиги, наслѣдовала Марія въ Польщи, а въ случаю бездѣтнои смерти Маріи Ядвига послѣдовала въ Уграхъ, и щобы тіи королевства такъ долго были слученіи пôдъ одною владѣтельницею, поки которая зъ позôсталыхъ доніокъ Людвика не уродитъ двохъ сынôвъ, зъ которыхъ бы одинъ засѣлъ на тронѣ польскôмъ а другій на тронѣ угорскôмъ.—Розказаніи событія не тыкаютъ ся безпосередно исторіи Галицко-Володимирскои Руси и лишь о тôлько маютъ связи съ нею, що якъ долго домовая вôйна въ Польщи и внутренніи сварнѣ и неспокои обезсиляли тую державу, Польща не могла осуществити ухвалы съѣзду Сѣрадского, и ани ôтобрати Галицкои Руси Уграмъ, ани Владиславу Опольскому земель Вѣлюньскои, Куявскои и Добриньскои. Такожь и то зауважити належитъ,

що поки въ польскôмъ народѣ жила гадка соединеня Угоръ съ Польщею пôдъ однымъ владѣтелемъ а по крайнôй мѣрѣ пôдъ королями произходячими зъ однои династіи, ба зъ однои матери, такъ долго не могла Польща рѣшительно выступити вôйною противъ Уграмъ и оружьемъ въ руцѣ ôтзыскивати ôтъ Угоръ землѣ Рускои, бо бы въ тôмъ случаю Поляки должни были зôрвати съ всемъ съ Уграми, що дотеперѣшнôй ихъ политицѣ противилобы ся. Если отже Поляки желали ôтъ Елисабеты и Ядвиги съобовязаня ся, щобы они Галицку Русь вернули коронѣ, то тое желанье не вмѣшало въ собѣ гадки зôрваня пріязныхъ стосункôвъ межи обома запріязнеными народами, бо еще не можна было знати, чи Угры за якіи иніи корысти не уступятъ Галицкую Русь Польщи и можна было надѣяти ся, що вплывъ королевои матере и дипломація межинародная подолѣе трудности, на якіи бы въ Сѣрадзу ухваленіи условія тыкали.

Звернѣмъ теперь увагу нашу на Литву, розберѣмъ ôтношенье Литвы до прочихъ народôвъ и державъ, а именно до тыхъ областей, которіи давнѣйше бôльшу часть княжества Галицко-Володимирского творили а теперь съ Литвою въ тѣсное ôтношенье вступили, а наветъ ей пôдчинили ся.

Мы зôставили Литву пôдъ панованьемъ великого князя, военного героя Ольгерда. По смерти Ольгерда 1377 наступилъ найстаршій сынъ зъ другого малженьства, Ягайло. Стрый его Кейстутъ держалъ Троки и землю Берестейскую. Земля Берестейская притыкала до прочихъ рускихъ областей, которіи уже ôтъ давна до Литвы принадлежали и до краѣвъ пôдвластныхъ нѣмецкому ордину. Лишь пущѣ, заросліи лѣсомъ и наполненіи мочарами, роздѣляли оба краи т. е. Русь и землѣ нѣмецкого ордина. Въ вôйнѣ межи ординомъ и Литвою найбôльше рускіи области выставлени были на удары и опустошеня зъ стороны рицарей нѣмецкого ордина. Читаемъ о уговорѣ, заключенôмъ въ року 1379, которымъ съобовязали-сь рицарѣ въ вôйнахъ съ Литвою не нарушати области около Городна, Волковиска, Суража, Дрогичина, Мельника, Бѣльска, Брестя и Каменца, за то признали литовскіи князѣ также зъ своеи стороны неутральнôсть гдекоторыхъ смежныхъ областей нѣмецкихъ въ якôй нибудь вôйнѣ межи Литвою и рицарями [67]). Важнôсть тыхъ околиць для рыболовства, скотоводства и полёваня побудила рицарей якъ и Литовцей забезпечити тымъ землямъ неутральнôсть для жителей, щобы тіи непокоени частыми нападами не вынесли-сь и землѣ въ пустынѣ не обернули ся.

Не долго тревало согласіе межи литовскими князями. Ягайло связалъ ся съ рицарями нѣмецкого ордина противу Кейстуту. Розпочала-сь

---

[67]) Narbutt T. V. sir. 258.

борба, зразу победилъ Кейстутъ, потомъ Ягайло прельстилъ Кейстута, пленилъ его и посадилъ въ Креѣ въ темницу. Ту удусили слуги великого князя Ягайла старця Кейстута [68]).

Сынъ Кейстута Витольдъ посаженый въ темници въ Вильнѣ, избѣгъ за помочію вѣрнои жены своеи зъ вязницѣ и утѣкъ до князя Мазовецкого, своего шурина и оттакъ до рицарей нѣмецкого ордина, съ которыми противу великому князю Ягайлу связалъ ся. Еще пôдчасъ вôйны Ягайла съ Кейстутомъ, коли Кейстутъ ôтдалилъ ся былъ до вѣрнои собѣ Жмуди, щобы ôттамъ военніи силы противу своему сыновцю извлечи, князь Мазовецкій Янушь, не помный на тое, що первая жена его была рôдною донькою князя Кейстута прибѣгъ съ военными силами въ землю Берестейскую и вмѣсто, щобы помагати Кейстутови, взялъ Дрогичинъ, завоевалъ Мельникъ и Суражь и былъ бы також завоевалъ Бресть, но до Брестя скрыла ся была жена Кейстутова. Янушь про честь для тещѣ не смѣлъ воевати Берестя, осадилъ свои залоги въ завоеваныхъ городахъ, ôтступилъ ôтъ Берестя и повернулъ домôвъ.

Ôтъ сѣвера и востока потеряла Литва въ слѣдство домовои вôйны просторонніи области. Князѣ зъ Ольгердового поколѣня засѣли были на княжествахъ и въ ôтдаленыхъ сторонахъ Руси заднѣпровскои, именно сынове Ольгерда Андрей и Демитрій; Андрей Ольгердовичь въ Плоцку Демитріи Корибутъ въ Новгородѣ сѣверскôмъ, въ Стародобѣ и Трубчевску. Пôдъ часъ борбы Ягайла съ Кейстутомъ придерживалъ ся Андрей Ольгердовичь стороны Кейстута. По паденю Кейстута, загроженый ôтъ Ягайла, ушелъ въ Псковъ, ôттакъ въ Москву и заприсягъ вѣрнôсть Демитрію князю Московскому. Братъ Андреевъ Демитрій князь на Стародубѣ ненавидѣлъ також Ягайлу, ôтклонилъ ся ôтъ Литвы и съобовязалъ ся вразъ съ своею родиною служити великому князю Московскому.

Романъ Михайловичь князь Бряньскій [69]) служилъ съ своими полками рôвно якъ Демитрій и Андрей Ольгердовичь князю Московскому. Такъ корыстала Москва зъ межиусобиць въ Литвѣ и проготовляло ся время, коли скорше або пôзнѣйше князѣ Литовскіи осаженіи на рускихъ княжествахъ и посѣдаючи области рускіи принадлежачіи до составу державы Литовскои, при розстроеню внутреннôмъ въ Литвѣ, которое при домовыхъ спорахъ межи князями наступити мусѣло, ôтъ Литвы ôтстанутъ и влеченіи сильнѣйшою атракціею присоединятъ ся до сѣвернои Руси, которая пôдъ начальствомъ великихъ князей Московскихъ не давно выобразовала-сь. Пріобрѣтеніи силы ужилъ Демитрій Московскій до борбы

---

[68]) Bychowca chronica str. 26.

[69]) Карамзинъ Т. V. ст. 37—39.

съ Татарами. Ôнъ загадалъ былъ звергнути ярмо татарское, которое еще ôтъ половины XIII. столѣтія на рускôмъ народѣ тяжило. Ôтъ коли гдене-которіи князѣ литовскіи на сторонѣ Демитрія станули, ôтъ тогды Ягайло стае на сторонѣ ворогôвъ Демитрія, Татаръ. Въ битвѣ Куликôвской побѣдилъ былъ князь Московскій Демитрій татарского хана Мамая. Ôтъ коли однакожь Мамая вытиснулъ былъ ханъ Тохтамышъ, вспертый новымъ джингисханомъ глубокои Азіи Тамерляномъ, ôтъ тогды орда татарская взросла на ново въ силу, а Демитрій загроженый ôтъ Татаръ въ самôмъ головнôмъ городѣ своемъ Москвѣ, шукалъ пріязни съ сусѣдами т. е. княземъ Тверскимъ, Рязаньскимъ и великимъ княземъ Литовскимъ (1385). — Якъ ино Ягайло увѣрилъ ся, що Москва затруднена и стиснена Татарами противу Литвѣ ничь непріязного предприняти не може, такъ обернулъ свое оружіе въ стороны Буга. Напавши ненадѣйно на землю Берестейскую, осадилъ городъ Дрогичинъ въ небытности мазовецкого старосты Сашина, которому стражь города была вручена и осадилъ тойже р. 1383. Сашинъ скоро о осадѣ города черезъ Литовцей довѣдалъ ся, поспѣшилъ съ триста мужа кôнницѣ а 60 стрѣлцей и продеръ ся черезъ таборъ непріятельскій до крѣпости. Однакожь мужество Сашина на ничь ему непридало ся. Русины, которіи по свѣдоцтву жерелъ майже исключно область тую замешковали[70]), порозумѣли-сь съ Литовцями, осажаючими городъ, пôдпалили середъ темнои ночи городъ, спустили ся сами за помочію посторонкôвъ зъ стѣнъ городскихъ, и утекли до Литовцей. Мазовецкая залога здала ся, многіи погибли въ поломѣни, або погребли-сь пôдъ руинами замку. Ôтъ того часу стало-сь тое людное и варовное мѣсто просторонною могилою, которая стосы людскихъ костей покрывала. По взятію Дрогичина пôддали-сь и прочіи полѣскіи городы именно: Суражь, Мельникъ и Каменецъ. Лишь Бресть, яко мѣстце обитаня вдовы по Кейстутѣ, якъ впередъ такъ и теперь зôсталъ неткненый [71]).

Литвѣ грозило небезпеченьство ôтъ стороны нѣмецкого ордина. Той пôддерживалъ внутрь В. княжества литовского поломѣнь розрухôвъ и непокоѣвъ и готовъ былъ всегда помагати которому зъ неудовольныхъ князей литовскихъ противу другому. Такъ впомагали они, якъ мы видѣли Ягайла противу Кейстута а теперь приняли и вспирали сына Кейстутового Витольда противъ Ягайлу.

Рицарѣ нѣмецкого ордина покорили были уже значную часть летоньскихъ племенъ, до которыхъ и Литва принадлежала. Литовцѣ помимо му-

---

70) Kromner L. XIV. p. 358. „Russi quidem a quibus ora illa fere habitatur" etc.

71) Stryjkowski str. 233. 234. — Anonymus Gneznensis. Sommersbergi T. II. p. 137.

жества своихъ князей и военныхъ полковъ принужені были где которіи области рицарямъ уступити. Литва оставлена была сама собѣ, роздерта затятою борбою литовскихъ князей межи собою, — на супротивъ того ординъ нѣмецкій вспомаганый былъ через вплывъ папъ римскихъ, которіи розписовали и голосити казали крестовіи походы противу огнепоклонниковъ Литовцей, и вооружали бôльшую часть западнои Европы въ пользу закона и въ погибель Литвы. Можна было опасати-сь, що Литва упаде коли-сь въ неровнôмъ бою съ рицарями нѣмецкого ордина и що ю борше або пôзнѣйше чекае тая самая судьба, якая встрѣтила уже братію еи обитаючу надъ балтицкимъ моремъ. Витольдъ тѣсно связалъ ся былъ съ рицарями и за помочію своихъ приверженцей, вспираный полками нѣмецкого ордина, ôтъ часу до часу вникалъ глубоко въ литовскіи краѣ, нападалъ, пустошилъ, здобывалъ або самъ, або за помочію рицарей городы (Троки 1383), загражалъ Ягайлу въ самôмъ сердци литовскои державы и згубную вôйну до неопредѣленого часу продолжати готовъ былъ.

Литвѣ непозôстало ничь иного, якъ перекоротити внутренню распру. Также Ягайлу ничь иного не предстояло, якъ ино въ настоячôмъ времени погодити-сь съ Витольдомъ. И Витольдъ може быти для того, що рицарямъ не вѣрилъ, а може быти и для того, щобы разъ конецъ положити пустошеню, которому власніи его ôтцѣвскіи околицѣ н. пр. Троки въ згубнôй братнôй борбѣ пôдвергали-сь, приклонилъ ся до предложеній, которіи сдѣлалъ ему Ягайло и принялъ условія мира р. 1384. Ягайло ôтступилъ Витольду Полѣсье именно городы Бресть, Дрогичинъ, Бѣльскъ, Суражь, Каменецъ и Волковискъ съ всею прилежачою областію [72]).

Пôдля литовского жерела [73]) „великій князь Ягайло призвалъ его (Витольда) зъ Нѣмецъ и далъ ему Луцкъ и всю землю Волыньскую." Однакожь въ тôмъ самôмъ времени княжатъ въ Володимирско-луцкôй земли старый Любартъ-Деметрій Гедыминовичь и сынъ того Теодоръ, и употребляе титулъ князя Волыньского и Луцкого. Якъ же тіи подания съ собою погодити? Здае ся, що лѣтописецъ ошибъ ся, записуючи вмѣсто Берестейскои земли, которая въ прочемъ становила часть древного княжества Володимирского,— вообще землю Володимирскую, додаючи зверхъ того произвольно землю Луцкую, и може Ягайло надалъ Витольду якую то верховную власть надъ Волынемъ, слѣдовательно и надъ князями Луцко-Володимирскими.

Коли споръ о корону польску, въ которôмъ головнѣйшую ролю ôтгривалъ Семовитъ, князь Мазовецкій, затрудняль Польщу, предпринялъ

---

[72]) Cromeri index archivi Cracov. sub. a. 1384.

[73]) Bychowca chr. str. 27.

Ягайло походъ на Польщу и вздолжь правого берега Вислы подступилъ до мѣстця, где Санъ вливае-сь до Вислы; ту перебралъ ся через рѣку съ войскомъ своимъ вспливъ, здобылъ Завихвостъ, спалилъ Опатовъ и подступилъ подъ Вислицю 9 миль отъ Кракова отдалену. Такъ затревоживши жителей самого головного города Кракова, поплѣнилъ окрестности и якъ колисьто Литовцѣ, еще за временъ Ольгерда при нападѣ на тіи саміи стороны 1370, виникнулъ на лысую гору [74]), и съ добычію великою на людяхъ и добытку вернулъ ся домовъ. Тое собыло-сь року 1384. Ягайло тымъ нападомъ мстилъ Польщи за то, що подъ часъ внутреннихъ непокоѣвъ помагала князю Мазовецкому завоевати многоважными полѣскими городами, въ которіи засадивши ся можна было подъ ихъ защитою вредити Литвѣ, но зъ которыхъ Литовцѣ отзыскавши ихъ на ново пановали надъ цѣлыми просторонями вздолжь Буга, и стороны польскіи надъ Вислою нападали. Тымъ нападомъ пригадалъ Ягайло Польщи, чого отъ Литвы опасати ся мае, если по непріятельски противъ Литвѣ дѣйствовати буде. Може быти, що также Ягайло желалъ показати свое могучество и незломану силу обочь небезпеченьства, якое все зъ стороны рицарей нѣмецкого ордина Литвѣ угрожало.

Чи Любартъ и сынъ его Теодоръ зъ Володимира и Луцка брали участіе въ войнахъ Литвы съ рицарями нѣмецкого ордина и въ распрахъ съ московскою Русію, того не знаемъ. Такожь не умѣемъ сказати, чи Любартъ участничилъ при отзысканю землѣ Берестейской и чи вспомагалъ Ягайлу и чи товаришилъ ему въ походѣ его на Польщу и проч. Распры межи литовскими князями не тыкали-сь еще безпосередно Волыня, по крайной мѣрѣ лѣтописцѣ розказуючи о той распрѣ дуже подробно, о Володимирѣ и князю Володимирскомъ Любартѣ ничого намъ не вспоминаютъ. Любарта увага звернена была на смежную Галицкую Русь, до которои еще своихъ давныхъ притязаній не отказалъ ся и въ которой заразъ по смерти Людвика, короля угорско-польского, за его вліяньемъ великіи движеня отновили-сь.

Въ шестомъ мѣсяци по смерти Людвика, короля угорского 1382, зрекла ся Марія, старшая донька короля угорского, своего права до короны польской и надослала тое зреченье до Польщи въ Мартѣ р. 1383 еще передъ съѣздомъ Сѣрадскимъ, на которомъ Елисабета Ядвигу за королеву Польщи обвѣстила [75]). Зрекши ся трону польского, Марія ніякъ недумала отказати ся отъ правъ своихъ на Галицкую Русь, но въ противность польскихъ притенсій до тои землѣ при- МАРІЯ

[74]) Bychowca chronika str. 28.

[75]) Stadnickiego Synowie Gedymina T. II. str. 102.

няла она титулъ короля Галиціи и Володимиріи и предпринимала ту личіи дѣйства, которіи въ кождôй державѣ лишь суверенови яко найвысшому судію принадлежатъ. Уже въ первôмъ роцѣ по смерти короля Людвика, именно же пôдъ часъ замѣшательствъ и споровъ о наслѣдіе въ Польщи а на кождôй способъ уже тогды, коли Поляки объявили отверто, що не хотятъ быти провинціею Угоръ, угорскіи воеводы узнавши о ухвалахъ сеймовыхъ и о намѣреняхъ вельможъ польскихъ що до Руси, бояли ся щобы съ отособненьемъ Польщи ôтъ Угоръ Русь Галицка не зôстала при Польщи и не пропала для Угоръ. Угорскіи воеводы поставленіи ôтъ Людвика надъ поединчими областями Галицкои Руси и по городахъ для обереженя тыхъже, неради были вступити-сь зъ тыхъ городôвъ и областей Польщи, которая такъ рѣшительно на тіи запосѣла-сь. Любартъ Демитрій пôдкупилъ воеводъ угорскихъ многимъ золотомъ и сребромъ и побудилъ ихъ що они ему городы на Волыню и Покутю именно: Кременецъ, Олесько, Лопатынъ, Рогатынъ и Снятынъ на Покутю [76]) передали. Угорскіи воеводы предвидѣли, що предстояла трудная борба съ Поляками и що въ тôй борбѣ своими силами и передъ Поляками не остоятъ ся [77]). Тая продайнôсть угорскихъ воеводъ выкликала великое негодованье въ Униграхъ. Королева Елисабета поспѣшила съ достоучиненьемъ общему народному негодованю и може быти зъ обавы, щобы ю непосужено о скрытое согласіе въ тôмъ дѣлѣ съ воеводами, або по крайнôй мѣрѣ не обжаловано, що не хоронитъ належито права и посѣданя угорскои короны. Щобы измѣнившихъ воеводъ угорскихъ укарати, приказала королева старосту угорского и многихъ иныхъ воеводъ угорскихъ на Руси связати и въ темницю заключити. Современный свѣдѣтель розказавши наведеное извѣстіе, замѣчае [78]), що будучнôсть покаже, що Елисабета съ заключеными воеводами дѣлати загадала. Иніи жерела [79]) розказуютъ, що выжь вспôмненіи воеводы попали-сь въ вѣчную нечесть, що гденекоторіи зъ нихъ караниі конфискатою маетку, другіи смертію, третіи доживотнымъ вязненьемъ. Про тую спродайнôсть воеводъ угорскихъ негодовали и Поляки. Они могли еще на дорозѣ дипломаціи надѣяти-сь ôтзысканя городôвъ посѣданыхъ Униграми, но городы спроданиі воеводами угорскими литовскому

---

76) Городло, о корорôмъ вспоминае Anonymus, за далеко ôтстояло ôтъ Львовскои Руси, бы еще тамъ могла залога угорска находити ся. Перемышль очевидно еще и пôзнѣйше находилъ ся въ рукахъ угорскихъ. Стрыйковскій и иніи лѣтописцѣ наводятъ Каменецъ вмѣсто Кременецъ. Каменецъ належалъ до тои части Подôля, которая послушала Корятовичамъ а не Униграмъ або Полякамъ.

77) Kojałowicz T. II. p. 381. „non levem cum Polonis concertationem metuerunt."

78) Anonymus Gneznensis apud Sommersberg T. II. p. 138.

79) Krommer i Długosz.

князю Любарту, безъ кровавои войны отзыскати не надѣяли ся. Измѣна воеводъ угорскихъ стала ся тогды, коли Елисабета еще не передала была кормило правленя старшой доньцѣ своей Маріи, коли Марія еще не была убезпечила-сь на тронѣ угорскомъ и коли еще сама Елисабета въ имени тои державными дѣлами королевства угорского и польского рѣшала. Любартъ засадилъ въ литовскіи городы свои залоги, а въ прочихъ городахъ рускихъ именно: Галичи, Львовѣ, Перемышли, Ярославѣ и Теребовли позостали еще угорскіи залоги. Поляки жалѣли еще про тое попаденье Галицко-рускихъ городовъ въ руки Литовцямъ тымъ больше, чимъ больше трудовъ, выдатковъ и людскои крови приобрѣтенье ихъ черезъ Казимира стояло [80]).

Около того времене пановала зараза въ цѣлой Европѣ, а отъ якого то часу появила ся въ Польщи и пожерла множество людей. Чи такожь и области Галицко-Володимирскіи ткненй были заразливою хоробою, жерела не вспоминаютъ [81]).

Заразъ по смерти Людвика послѣдовали подъ вплывомъ Литовцей великіи волненя въ Галицкой Руси. Жаркіи приверженцѣ православія выступили смѣлѣйше, якъ коли иногда, а епископы латиньского обряда принадлежачіи до архіепископства Галицкого, оставили свои законніи сѣдалища и епископскіи катедры, принуженіи до того частію Литвою въ городахъ Литвѣ подвладныхъ, частію Галицкими православными, которіи поглядаючи на ширенье ся Литвы, больше смѣлости набирали. Понеже отправа хвалы Божои въ самой Галицкой латиньской катедрѣ залишена зостала, такъ перестало такожь низше духовеньство отправляти службы Божіи по латиньскому обряду въ латиньскихъ парафіяльныхъ костелахъ [82]). Православній забрали имѣнія, которыми Владиславъ Опольскій вѣновалъ былъ латиньскую митрополію въ Галичи и заборонили латиньскимъ архіепископамъ побирати призначеніи зъ земскихъ имѣній и жупъ сольныхъ доходы. Не скорше якъ року 1390 предпріялъ папа потребніи мѣры, щобы латиньскимъ катедрамъ оторваное имъ имѣнье привернути, бы епископы до своихъ катедръ повернули и былъ порядокъ церквей востановленъ.

---

[80]) Anonymus u. s. „castra fortissima in Russia per Casimirum non sine magnis laboribus ac effusione sanguinis acquisita.“

[81]) Narbutt T. V. str. 340. „rok 1383 pamiętny jest w dziejach powszechną prawie w krajach naszych zarazą na ludzi.“ Długosz ad a. 1383: Annus hic epidemiae peste fere per universum orbem seviente insignis, Poloniae quoque singulas regiones pervadens mortales plures numero extinxerat. Krommer L. XIII. pag. 340 „ad haec pestis popularis eo ipso anno Poloniam sicut multas alias regiones infestavit.

[82]) Bulla Bonifacego IX. 1390 Stadnickiego Syn. Ged.

Зауважати належитъ, що кромѣ архіепископства Галицкого еще жадное иное епископство лат. обряда на Руси не мало отповѣдного вѣнованя. Про тое не дивъ, що епископы такъ скоро уступали натиску православныхъ, немаючи достаточныхъ средствъ матеріяльныхъ къ своему розпоряженю. Королева Марія въ року 1384 вѣновала епископство Перемышльское волостями, которіи частію до замку Саноцкого, частію до замку Перемышльского, яко власность князей Галицкихъ принадлежали. Именно даровала она на просьбу епископа Перемышльского Ерика села Брозовъ и Домаразъ положеніи надъ рѣкою Стобницею, – также Ровне, Церговъ и Радымно, съ всѣми тыми правами, преимуществами и корыстями, якіи еи попередникамъ на тронѣ княжества Галицкого принадлежали [83]).

О состояню Галицкихъ епархіи гр. обр. въ томъ времени майже ничого незнаемъ. По всей вѣроятности Галицкій митрополитъ Антоній проживалъ до року 1391 въ сторонахъ Галицкои Руси, бо не скорше якъ мѣсяця Августа р. 1391 вспоминае патріархъ Антоній въ листѣ до намѣстника на епископствѣ Галицкомъ Іеромонаха Симеона о смерти Галицкого митрополита, и дѣлае до будущого обсаженя порожного столця митрополичого соотвѣтніи представленя [84]). Мы видѣли передже, що Литва одержала 1375 особного митрополита въ особѣ Кипріяна. По смерти кіевско-московского митрополита Алексія переселилъ ся Кипріянъ въ Москву, завозваный великимъ княземъ Московскимъ Демитріемъ. Кипріянъ не былъ ослужный Московскому царю якъ попередникъ его Алексій. Онъ жилъ въ дружбѣ съ Михаиломъ княземъ Тверскимъ, который скрытую вражду съ княземъ Московскимъ еще продолжалъ. Кипріянъ принуженъ былъ царемъ Московскимъ оставити Москву. На его мѣстце возведенъ давный кандидатъ митрополичого престола въ Москвѣ, Іеремонахъ Пименъ. Кипріянъ оставивши Москву приѣхалъ до Кіева 1382 и ту жилъ подъ покровительствомъ князя Володимира Ольгердовича намѣстника Литвы въ Кіевѣ до р. 1389, и водилъ ся съ своимъ суперникомъ Московскимъ Пименемъ передъ судъ патріаршій. По смерти своего суперника патріархъ отличилъ Кипріяна титуломъ митрополита всей Руси и тогды ажь Кипріянъ по смерти князя Демитрія на призванье наслѣдника его Василія переселилъ ся снова до Москвы, где ажь до своей смерти 1406 проживалъ [85]).

Власне въ той часъ Кипріянъ повернувши зъ Москвы жилъ въ Кіевѣ, коли собывало-сь такъ сильное движенье противу латиньской ерархіи

---

83) Stadnicki dodatki do tomu II.

84) Acta Patriarchatus Constantinopolitani T. II. p. 157. Nr. 427.

85) Галицкій историческіи сборникъ Т. III. стр 31.

въ городахъ галицко-волыньско-рускихъ. Въ той самъ рôкъ движеня (1383) угрожалъ новый суперникъ митрополиту Кіевско-литовскому, архіепископъ Суздальскій Дионизій. Прибывши до Царгорода домагалъ ся у патріарха достоинства митрополита руского. Поставленый на митрополита Дионизій приѣхалъ до Кіева, но непринятый въ тôмъ городѣ, уже забиралъ ся до ôтъѣзду до Москвы, однакожь Володимиръ Ольгердовичь оставилъ его и заключилъ въ темници за то, що еще при житю Кипріяна ôтважилъ ся пôйти до Царгорода и поставити ся на митрополита. Не знаемъ сказати, якое участіе въ современныхъ движеняхъ религійно-соціяльныхъ въ Галичинѣ брали оба митрополиты, обитаючіи пôдъ той часъ на южнôй Руси.

Галицкая Русь, которая послушала королевôй Маріи, складала-сь зъ земель: Саноцкои, Львôвскои, Перемышльскои, Галицкои и Теребовельскои Землями управляли старосты (capitani) и каштеляны (castelani); справы розсужали судіи и пôдсудіи; кромѣ того вспоминаютъ ся въ обще княжіи урядники (officiales) [86]. Села надани перемышльскому епископству лат. обр. изъятіи были зъ пôдъ власти судовыхъ и политическихъ королевскихъ урядôвъ т. е. пôддани областей принадлежачихъ епископамъ ôтносили-сь въ справахъ до епископского суду и черезъ судію того розсужали-сь. Политична власть т. е. старосты, каштеляне и проч. тыкали ся пôдданыхъ селъ и имѣній епископскихъ лишь за посредствомъ епископа або его пôдданыхъ урядникôвъ. Епископія заступала пôдданого передъ судомъ и урядомъ, поносила по всей вѣроятности за него краевіи тягары, а за то такъ якъ всюды въ такихъ стосункахъ бывало, ôтбирала ôтъ пôдданыхъ селъ якіи-то службы. Села были власностію цѣлыхъ родинъ и то всѣхъ членôвъ родины такъ мужеского якъ и женьского пола. Если вымеръ рôдъ, которому село принадлежало и то по мужескому и женьскому поколѣню, тогды недвижимое имѣнье вразъ съ ужитками переходило въ руки князя або короля (ratione praevia ad manus nostras reges devolutas) Королю прислужало право имѣня тіи надати инымъ особамъ (prout de jure nostrae regiae pertinere discernuntur collationi).

Королева надае селеня вѣрнымъ слугамъ, но не однôй особѣ, но цѣлымъ родинамъ т. е. братямъ рôднымъ и стрыечнымъ и потомкамъ ихъ такъ мужеского якъ и женьского пола съ однымъ тымъ обовязкомъ, щобы пôсля звычаю и употребленя царства руского выжь помянутіи особы (secundum morem et consuetudinem praedicti regni Russiae) одного ѣздця належито вооруженого на службу военную королевôй якъ

---

[86]) Dokument z 19. Lutego z roku 1384, akt dotacyi biskupstwa Przemyskiego u Stad. Syn. Ged. T. II. str. 250.

и еи наслѣдникамъ высылали [87]). Тіи устройства, якъ ся видитъ, были уже давні, и якъ грамоты намекаютъ, собствени древному княжеству рускому.

На Подолю княжилъ въ тôмъ времени Константинъ Коріятовичъ. Рôкъ смерти того князя означити не знаемъ. Теодоръ, четвертый Коріятовичъ, панъ и основатель Мункача на угорской Руси, княжилъ по смерти ôтця своего въ Новгородку. Учувши о тôмъ, що братя его на Подôльской земли поумирали и що жадного зъ нихъ при животѣ не стало, оставилъ ôтцѣвство свое Новгородокъ, пôйшолъ на Подôлье и засѣлъ землю Подôльскую. Окрôмъ тыхъ князей володѣючихъ на Подôлю вспоминае ся еще въ діеписи Литвы Иванъ Жедевидъ, другій по вѣку сынъ великого князя Ольгерда, яко князь Подôльскій [88]).

На доказъ, що верховная власть надъ Подôльемъ прислужае Литвѣ, поставилъ великій князь Ольгердъ въ Каменци Подôльскôмъ каштеляна своего по имени Гаштольда. Одно зъ литовскихъ жерелъ [89]) повѣдае, що Гаштольдъ держалъ Каменецъ Подôльскій и ѣздилъ до пана Бучацкого у которого была донька прекраснои уроды. Староста каменецкій Гаштольдъ просилъ пана Бучацкого, бы тую дочку свою за него ôтдалъ. Бучацкій сказалъ: я бымъ тобѣ радъ далъ дочку свою, но мнѣ не годитъ ся дочки моей христіянки за тебе поганина давати, хотя есь панъ великій, а коли ся окрестишь на нашу вѣру, тогды дамъ ю за тебе. Гаштольдъ окрестилъ ся на ляцку вѣру и на крестѣ дали ему имя Петръ. Гаштольдъ покликаный былъ потôмъ еще ôтъ великого князя Ольгерда справовати урядъ старосты въ головнôмъ городѣ В. княжества литовского, въ Вильнѣ. Ôтъ тогды Гаштольдъ оставивши Подôлье, жилъ въ Вильнѣ и вславилъ ся ревностію доброго католика, а Подôлье оставало ôтъ того времене пôдъ володѣньемъ Коріятовича безъ присутствія литовского старосты.

На Волыни въ тіи времена напотыкаемъ много князей, именно князя Володимирского и Луцкого Любарта Демитрія, который не долго передъ рокомъ 1387 умеръ, зôставивши дорослого, бо уже въ походѣ на Польщу 1376 ôтцю товаришившого сына Теодора. Теодоръ Любартовичъ прозывае ся въ грамотахъ зъ р. 1386 разъ княземъ Володимирскимъ, другій разъ

---

[87]) Dokumenta A. C. u Stadnickiego S. G. T. II. str. 248. 253. 254.

[88]) Bychowca chronica str. 22. „а другій князь Иванъ Жедевидъ, который малъ подôльскую землю.“ Той самъ Иванъ Жедевидъ наведенъ ту стр. 40. яко одинъ зъ гетманôвъ войскъ литовскихъ въ битвѣ пôдъ Дубровнымъ. „а въ Витольдовôмъ войску старшій гетманъ былъ князь Иванъ Жедевидъ, братъ Ягайлôвъ и Витольдôвъ.“

[89]) Bychowca chronica str. 26.

княземъ Луцкимъ [90]), не иначе якъ для того, що княжилъ по отцю своемъ въ Володимирѣ и Луцку.

Въ Белзѣ княжилъ князь Юрій Белзкій. Его княжество складало-сь зъ землѣ Белзкои и Холмскои, розпростирало ся по обохъ сторонахъ Буга и сягало на востокъ где то до жерелъ Буга, а на западъ до устя Сана. Оно граничило на сѣверъ съ Володимирскимъ княжествомъ и притыкало на полудне где-то не далеко отъ Львова о Галицкую Русь.

Юрій малъ дорослого сына Іоана, старшій Симеонъ умеръ р. 1376. Іоанъ до року 1386 доспѣлъ уже мужескихъ лѣтъ и заступалъ отця въ дѣлахъ державныхъ. Въ Кіевѣ и надъ прилежачими до Кіева областями надъ Днѣпромъ княжилъ Володимиръ Ольгердовичь, яко намѣстникъ Литвы. Володимиръ малъ сына Александра, которого по руски Олелькомъ прозывано [91]). Въ Берестейской земли надъ низшимъ Бугомъ княжилъ Витольдъ отъ недавна, яко князь Берестейскій. Въ Пиньской области княжилъ сынъ Наримунта Ольгердовича Александеръ. Отъ него походятъ князѣ Рожиньскіи, названіи отъ мѣсточка Рожина, положеного близъ устя Припети и Тетерева. Не знаемъ, чи въ якомъ сродствѣ стояли упомянутіи въ р. 1386 князѣ въ предѣлахъ давного Пиньского Полѣся, именно: Василій Пиньскій, Юрій Слуцкій, Симеонъ Степаньскій и Теодоръ Ратненьскій (такъ належитъ по всей вѣроятности читати мѣсто Рогатыньскій)[92]) т. е. князѣ осаженіи въ городахъ: Пиньску, Слуцку, Степаню и Ратнѣ съ прилежачими областями на Припети и по обохъ сторонахъ той рѣки. Окромъ тыхъ вспоминае ся подъ р. 1399 еще одинъ потомокъ Наримунта надѣленый областями на Волыню и про то прозваный Волыньскимъ. Былъ нимъ князь Теодоръ Патрикіевичь Волыньскій, предокъ можного дому Хованьскихъ [93]).

Окромъ Юрія Белзкого названіи князѣ были, если не всѣ внуками Наримунта сына Ольгердового, то по крайной мѣрѣ происходили всѣ отъ крове Ольгердовои. Чи потомки Явнуты, старшого сына великого князя Ольгерда надѣленого якъ мы видѣли такожь областями на Волыню, наданіи въ той земли дѣдови волости затримали, того не знаемъ. Было двохъ сыновъ Михаила а внуковъ Явнуты, одинъ Андрей а другій Юрій. Княжили такожь въ Острогу на Волыню потомки зъ крове давныхъ

---

[90]) Inventarium in archivo regni in arce Cracoviensi p. 374. 377.

[91]) Stryjkowski.

[92]) Inventarium archivi in arce Cracoviensi T. I. p. 250

[93]) Ruska kronika Daniłowicza str. 219 i Stadnickiego Synowie Gedymina T. I. str. 25.

князей Галицко-Володимирскихъ а сынове знаного намъ зъ давного движеня противъ Казимиру Данила Теодоръ и Михаилъ Даниловичи [94]). Еще обôчь Теодора Даниловича и брата его стоятъ иніи князѣ. Гдекоторіи рôдъ свôй може быти частію ôтъ давныхъ Галицко-Володимирскихъ князей, частію ôтъ князей литовскихъ выводили и рускими князями называли ся. Жерела наводятъ намъ имена тыхъ вельможъ, однакожь безъ названя города и области, которыми володѣли. Были ними въ р. 1386 послѣдовавшіи ôтцямъ своимъ въ своихъ дѣдицтвахъ Романъ Федоровичь, Симеонъ Ивановичь, Александеръ Четвертыньскій, Иванъ Нѣсвицкій, Ясько Романовичь, Васько Кердеевичь, Андрейко Романовичь, Олехно Демитровичь. Выжь помянутіи князѣ: Пиньскій, Белзкій и Берестейскій узнавали по всей вѣроятности безпосередно верховную власть великого князя Литовского. Прочіи князѣ наведеніи жереломъ [95]) безъ опредѣленя городôвъ и волостей имъ прислужаючихъ, узнавали давнѣйше верховную власть князя Любарта. Може быти, що для того Любартъ яко верховный панъ многихъ рускихъ князей въ однôмъ давнôмъ дипломатѣ [96]) зъ божои ласки великимъ княземъ Луцка и Володимира прозывае-сь. Чи тое достоинство перейшло зъ ôтця на сына его Теодора? Чи не отрималъ Витольдъ, премиривши ся зъ Ягайломъ, якого рода верховнои власти надъ областями давного княжества Володимирского? То суть вопросы, на которіи при недостатку питомыхъ жерелъ днесь ôтвѣтити годѣ.

ЯГАЙЛО И ВИТОЛЬДЪ

Литва складала-сь тогды зъ областей чисто литовскихъ и тыхъ рускихъ земель, которіи еще за великого князя Ольгерда и его попередникôвъ частію силомôчь частію за договорами соединени были съ Литвою. Витебскъ былъ ôтчиною и дѣдицтвомъ Ягайла по матери. Новгородъ В. принялъ былъ за князя до себе сына Ольгердового Лугвенія-Симеона. Въ прочемъ Новгородцѣ важили-сь межи Москвою и Литвою, узнаючи разъ верховную власть Литвы, другій разъ верховную власть великихъ князей Московскихъ. Плоцкомъ овладѣлъ былъ непріязній Ягайлу братъ его Андрей.

Пôдчасъ роздорôвъ межи Ягайломъ зъ однои, а Кейстутомъ и Витольдомъ зъ другои стороны ôтложили ся были ôтъ Литвы, князь Смоленьскій и иный братъ Ягайла, Демитрій Корыбутъ, князь Сѣверскій. Ôнъ и братъ его Андрей Полоцкій служили щитомъ для московскихъ границь на западѣ [97]). Мы высказали о небезпеченьствахъ, якіи Литвѣ зъ однои

---

[94]) Gołębiowskiego historya Władysława Jagiełły, na podstawie oryginału w bibliotece Puław. T. I. str. 4.

[95]) Inventarium archivi regni pag. 271. Gołębiowski u. s. T. I. str. 77.

[96]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 50.

[97]) Карамзинъ Т. V. ст. 57.

стороны ôтъ нѣмецкого и литовского ордина, зъ другои стороны ôтъ Москвы, при внутренихъ роздорахъ и межиусобицяхъ литовскихъ князей угрожали. При непрiязнôмъ становищу Литвы до двохъ посторонныхъ державъ великого княжества Московского и ордина являе ся мысль соединеня Литвы съ Польщею, — мысль, которая въ удобное время и зъ высшихъ взглядôвъ политическихъ выдумана въ Литвѣ въ р. 1385 предложена была осôбнымъ посольствомъ, складаючимъ ся зъ братей Ягайловыхъ: Борыса, Скиргайла и Виленьского старосты Ганулѧ, вельможамъ польскимъ, управляючимъ Польщею въ имени молодои королевои Ядвиги. Предложено было зъ стороны того посольства раднымъ панамъ польскимъ и королевôй Елисабетѣ, матери Ядвиги, щобы Ядвига малженьствомъ связала ся съ великимъ княземъ Ягайломъ, и посредствомъ того малженьства соединила Польщу съ Литвою пôдъ одно берло. Не взираючи на то, що тая панѣ, полна природнои красоты и нѣжныхъ благородныхъ чувствъ въ цвѣтучôмъ вѣцѣ своемъ, обручена а пôдля гденекоторыхъ жерелъ [98]) заслюблена была молодому, образованому и любленому ôтъ ней князю австрiйскому Вильгельмови, прирекли вельможѣ польскiи руку своей панѣ великому князю Литовскому Ягайлу, пôдля оповѣданiй, которiй ôтбивали ся и о уха Ядвиги, чоловѣкови съ всемъ чужому обычаемъ и выхованьемъ, ей нерôвному вѣкомъ, осквернившому руки свои смертiю своего стрыя и добродѣтеля, старого друга ôтця своего Кейстута. Ядвига должна была выречи ся чувствъ своихъ до Вильгельма, утлумити упередженье о Ягайлѣ и сдѣлати то, що ей вельможѣ польскiи и очевистый интересъ королевства польского повелѣвали. Чувство должно было уступити высшимъ взглядамъ и требованямъ. И Ядвига, долго опираючи-сь, наконецъ согласила-сь. Наступилъ съѣздъ Ягайла и его братей до Кракова.

Якажь была причина, що раднiи паны Польши тавъ скваплило приняли предложенье Литвы и съ такимъ усердiемъ молоду королеву до малженьства съ великимъ княземъ литовскимъ пôдмавляли? Мы незнаемъ точно условiй, которiи обовязалъ ся былъ Ягайло выполнити въ надгороду за блестаючiй тронъ однои зъ могучественѣйшихъ тогды державъ Европы. Жерела польскiи и духомъ польскои политики перенявшiи ся жерела литовскiи передали намъ подробно условiя, именно, що Ягайло обовязалъ ся: 1) самъ съ своею братiю и съ всѣми ему пôдвластными народами, отже такъ поганьскими, якъ и православными приняти вѣру римско-католическу; 2) Литву съ всѣми ей принадлежачими краями (отже всею южною Русiею) присоединити до королевства польского; 3) сокровища великого княжества литовского употребити въ пользу державы

---

[98]) Dlugosz L. X. p. 105.

польскои; 4) ôтобрати за помочію Литвы землѣ, которіи въ теченю столѣтіи, або самоохотно ôтъ Польщи ôтпали и до постороннихъ державъ прилучили ся, або которіи силомôчь ôтъ Польщи ôторваными были. Тое тычило-сь Силезіи, просоединившои ся до Чехъ и земель прускихъ и поморскихъ, ôторваныхъординомъ нѣмецкимъ; 5) ôтдати Польщи всѣ тіи краи рускіи, которіи довременно приобрѣтени были Польщію силою оружія, — но по тому въ теченю временъ хоробростію князей рускихъ пользовавшихъ ся внутренними роздорами або хвилевымъ обезсиленьемъ Польщи, ôтзыскани съ прочею Володимирскою Русію прійшли въ посѣданье князей литовскихъ. Тіи краи, до которыхъ Поляки хотѣли мати якіи то права, были: земля Холмско-Белзкая, Полѣская, а наконецъ самъ Волынь и Подôлье [99]); 6) вернути всѣхъ плѣнникôвъ, которыхъ Литва въ передидучихъ вôйнахъ была захватила. Одно зъ найважнѣйшихъ, бо современное жерело [100]) молчитъ о всѣхъ тыхъ пôзнѣйшими писателями переданыхъ условіяхъ и лишь тое подае, що Ягайло обовявалъ ся вразъ съ пôддаными своими приняти вѣру католицкую, еще передъ тымъ, нижели сбуде ся торжественое вѣнчанье его съ королевою Ядвигою. Не могу сказати, чи Поляки уже тогды подрôбно могли сами собѣ справу дати, якіи корысти на Польщу въ слѣдство еи соединеня ся съ Литвою сплынути могли, но на всякій случай чувствовали они сильно всю вагу и значенье наступити маючого соединеня для Польщи, и для того такъ сильно вспирали тую гадку вержену провидѣньемъ въ тую часть словяньско-литовского мира.

Що Ягайло обовязалъ ся такожь соединити Литву съ Польщею, выплывае уже зъ естества того политического малженьства владѣтелей двохъ державъ. Однакожь тое соединенье, до которого обовязалъ ся былъ Ягайло, еще далеко ôтстояло ôтъ сліяня ся Литвы съ Польщею. На сліянье двохъ осôбныхъ державъ въ одно тѣло не были бы пристали князѣ литовскіи, самі братя и близкіи креввіи Ягайла, и не былабы пристала рада фамилійна [1]), за котороп согласіемъ Ягайло принялъ тронъ польскій вразъ съ рукою прехорошои Ядвиги. Но легко могли они согласити-сь на условія, которіи не оскробляли ни ихъ удѣльнои власти, ни самостоятельнôсти Литвы. Ягайло принявши польску корону, дѣлилъ тронъ польскій разомъ съ Ядвигою, но ôнъ былъ такожь вразъ и великимъ княземъ

---

99) Stryjkowski. Kojałowicz. Dlugosz. Krommer.

100) Anonymus Gneznensis u. s p. 154.

1) Latopisiec Litwy przez Daniłowicza w Wilnie 1827, str. 40. „Оже князь великій Ягайло смовилъ ся съ своею матерію и съ великою княгинею Юліанною и съ братіею своею и съ всѣми князы и бояры литовскія земли и поѣхавъ Кракову въ лядскую землю и проч.

литовскимъ. Яко великому князю послушали ему отъ давна литовскіи удѣльніи князѣ, а теперь обовязали-сь въ имени своихъ земель за согласіемъ бояръ и цѣлого народа, сложити Ягайлу голдъ и присягнути послушеньство, яко королю польскому, — тожь само сопрузѣ и совладѣтельници Ядвизѣ. Такое пôдчиненье ся не мало ніякого иного значеня якъ лишь тое, що Литва черезъ своихъ князей съобовязала-сь въ особѣ короля польского послушати своему природному и верховному владѣтелю, противъ ворогôвъ вспôльныхъ стояти и бороти-сь вспôльно съ Польщію и ничого не предпринимати, щô бы добру державы польскои супротивляло ся. По всей вѣроятности прирекла королева вразъ съ радными панами подôбніи або тіи саміи условія Литвѣ т. е. противу ворогôвъ вспôльно стояти, и ничого противного пользѣ литовскои державы не предпринимати. Що до второго головного условія, до которого обовязалъ ся былъ Ягайло прирѣкаючи вразъ съ своими пôддаными приняти вѣру католицкую, ограничаемъ тое приреченье на самого Ягайла и на тыхъ Литовцей, которіи еще огнепоклоньству были приданіи. И дôйстно! до цѣлковитого и безъусловного принятія вѣры католицкои не мôгъ Ягайло за весь народъ, котрымъ управлялъ, ниже за своихъ братей сообовязати ся. Литва связала ся уже отъ кôлька вѣкôвъ съ Русію и Русины становили бôльшую часть народоселеня литовскои державы. Въ литовскихъ городахъ жили Литовцѣ мѣшано съ Русинами, а въ краяхъ рускихъ соединеныхъ съ Литвою обитали исключно Русины. Литовцѣ переймили устройства горожаньскіи и социяльніи отъ образованыхъ Русинôвъ, за вліяньемъ Руси вдворила ся на Литвѣ уже дуже рано вѣра христіяньская по головныхъ городахъ, а именно въ самôмъ головнѣйшôмъ городѣ Вильнѣ и на дворѣ княжескôмъ. Въ правдѣ вкорѣнялъ ся и католицизмъ мало по малу въ Литвѣ за вліяньемъ запада посредствомъ монахôвъ Францишканôвъ, которіи въ Лидѣ и Вильнѣ еще за великого князя Ольгерда построили были монастырѣ, но обôчь монастырей латиньскихъ взносили-сь рускіи церкви въ Вильнѣ, обôчь богослуженя и науки католицкои, гремѣла хвала Божа и наука въ языцѣ рускôмъ и ведля правилъ восточнои церкви. Литовскіи князѣ были въ религійнôмъ отношеню дуже толерантными. Они давали свободу рускому вѣроисповѣданю розпростороняти ся, хотя еще балвохвальство въ цѣлôй своей силѣ въ чисто литовскихъ городахъ пановало. Великая княгиня Юліянна, княжна Тверская, жена небôщика Ольгерда была ревною христіянкою. За еи намовою окрестилъ ся былъ Ольгердъ на смертнôй постели, будучи черезъ цѣлое свое житье катехуменомъ. Она выховала сынôвъ своихъ въ вѣрѣ рускôй и вліяла въ ихъ сердця горячое привязанье до руского обряда, которымъ бôльшая ихъ часть дôйстно въ теченю жизни отличала ся. Майже всѣ сыны Ольгердові, такъ тіи, которіи поро-

дили-сь зъ первои жены его княгинѣ Витебскои, якъ и тіи, которіи родили ся ôтъ второи жены его Юліанны, княгинѣ Тверскои еще долго передъ крещеньемъ Литвы на латиньскую вѣру прозывали ся кромѣ литовскихъ также и христіяньско-рускими именами. Сыны Ольгердовіи зъ первого малженьства называли ся: Иванъ Жедевидъ, Семенъ Лугвеній, Константинъ Коригело (предокъ дому Чарторыскихъ), Теодоръ Сангушко (пôдля иныхъ жерелъ былъ Теодоръ Сангушко сыномъ Любарта Ольгердовича), зъ другого малженьства: Ягайло, звалъ ся Якубомъ, Свидригайло Львомъ, Корибутъ Демитріемъ, которого розличити треба ôтъ иного сына Ольгердового Демитрія князя Корецкого, Вигантъ Василіемъ. Зъ братей Ольгердовыхъ былъ Любартъ, князь Волыньскій, давно христіяниномъ ведля руского обряда, и прозывалъ ся Демитріемъ, якъ и не могло быти иначе, ôтъ коли князь сей сталъ ся владѣтелемъ бôльшои части Галицко-Володимирскои Руси, которая еще ôтъ временъ Володимира В. греческую вѣру исповѣдала. Иный братъ Кейстутъ, о которого трагичнôмъ кôнци мы уже въ попреднѣйшихъ листахъ узнали, державъ ся еще поганизму и былъ ревнымъ огнепоклонникомъ. Чи сынове его Витольдъ и Товтивиль исповѣдали также по матери (бо матерь ихъ была рускою княгинею) уже ôтъ дѣтиньства вѣру рускую, чи еще держали-сь подôбно ôтцю зразу огнепоклоненя, поки на вѣру латиньскую не окрестили-сь, тое съ опредѣленьемъ высказати не знаемъ.

Отже не было нужды, щобы Ягайло обовязовалъ ся съ всею братіею оставити православье, ôнъ самъ былъ принуженый сдѣлати-сь католикомъ, бо на малженьство католицкои королевои съ православнымъ княземъ не былъбы папа соизволилъ, а народъ польскій придержпваючи ся католицизму не былъ бы хотѣлъ узнати за своего короля того князя, который правиламъ инои вѣры повиновалъ ся и папу за голову церкви не узнавалъ. Ягайло мôгъ ручати-сь за себе и за своихъ пôдданыхъ, которіи еще были огнепоклонниками, и въ такôмъ смыслѣ до принятія вѣры католицкои съобовязати-сь, но тое условіе не могло розтягати-сь ниже на прочихъ князей братей, ниже на численый нарôдъ рускій, приданый всею душею майже 400 лѣтъ своему питомому обряду. На такое условіе не были-бы пристали ни князѣ, ни бояры, ни простіи люде рускіи, и такому приреченю не были бы жаднымъ способомъ повиновали-сь. Отже не было и въ тôмъ ôтношеню такъ широкихъ обовязаній, якъ о нихъ говорятъ жерела польскіи и литовскіи, а если якъ пôзнѣйше увидимъ, гденекотріи поединчіи лица, братя Ягайла на вѣру латиньскую крестили ся, то сдѣлали тое зъ политическихъ взглядôвъ, слѣдуючи примѣрови короля Ягайла безъ всякого попереджаючого морального принуженя. Що до прочихъ условій, которіи мы высше зъ жерелъ польскихъ и литовскихъ

навели, то може бытп, що Ягайло переселяючи-сь до Кракова принѣсъ съ собою часть своихъ скарбôвъ до своего нового сѣдалища. Впрочемъ Литва соединена съ Польщею узнаючая короля польского за верховного пана, еще пôзнѣйше мала своихъ великихъ князей, которіи обитали въ Вильнѣ и приоздоблени были всѣми внѣшними ознаками велико-княжеского достоинства. Великое княжество литовское мало свои скарбы и свою касу, въ которую сплывали численіи податки н. пр. дякло, серебщина зъ земель литовскихъ, пôдвластныхъ безпосередно великому князю и зъ земель рускихъ, которіи удѣльнымъ князямъ зъ роду княжеского литôвского послушали. Если полки литовскіи служили въ пользу державы польской, то очевидно были они отримовани не грôшми польскими но литовскими, слѣдовательно поносила Литва часть издержокъ въ вспôльно проваженыхъ борбахъ зъ власной касы. Наконецъ нѣтъ правдоподобія, щобы литовскіи князѣ, братя Ольгердовѣ, были уже теперь безъ всякой конечной нужды обовязивали-ся до ôтступленя цѣлыхъ областей Польщи и въ обще до принятія условій, которіи бы цѣлôсть литовской державы были нарушили. Выжь сказаніи условія не суть отже ничь инымъ якъ требованями и притязанями, якіи вельможѣ польскіи пôзнѣйше на пôдставѣ общихъ условій первого соединеня дѣлали. Высказавши нашое мнѣніе о естествѣ первого соединеня Литвы съ Польщею, приступаемъ до подрôбного розказу фактôвъ, на которыхъ оперли-смо ся.

Сдѣлавши и утвердивши письменный уговоръ съ Польщею съѣхалъ Ягайло черезъ Судомирь 14. Лютого 1386 до Кракова вразъ съ своими братями и боярами. Ту принятый панами польскими, обученый былъ основно [2]) въ догматахъ и правилахъ латиньской вѣры. То доказуе, що Ягайлови были знаеми догматы христіяньскіи, вспôльніи обомъ церквамъ римскôй и греческôй и що тіи обученя ограничали-сь лишь ка толкованье розличій, бо иначе Ягайло если бы былъ поганиномъ въ двохъ дняхъ въ всѣхъ точкахъ католицкого вѣроисповѣдня не былъ бы основательно обучилъ ся. Дня 16. Лютого наступилъ крестъ Ягайла а 17. слюбъ съ Ядвигою[3]) которуму вскорѣ потôмъ и сама коронація Ягайла на короля польского послѣдовала. Вразъ съ Ягайломъ крестилъ ся въ Краковѣ наймолодшій братъ его Вигантъ, который преже всѣхъ прочихъ братей перенялъ ся културою запада, которая тогды въ Польщи пановала, для того передъ всемъ любленый ôтъ Ягайла и ôтличеный достоинствами, надѣленый былъ землями въ самôй Польщи и проч. Ягайло при крещеню принялъ христіяньское имя Владислава а Вигантъ Александра. Пôдла иныхъ жерелъ [4]) крестили-сь

---

[2]) Długosz.

[3]) Пôдля Длугоша 17. — пôдля Анонима 18. Лютого т. р.

[4]) Długosz i Stryjkowski.

въ Краковѣ еще и Свидригайло, Скиргайло, Коригайло и Витольдъ. Свидригайло отрималъ былъ имя Болеслава, Скиргайло и Коригайло вспôльное имя Казимира, а Витольдъ Александра. Но Свидригайло слынулъ еще долго пôзнѣйше яко пристрастный приверженець и покровитель церкве греческой противу взмагаючому ся католицизму, и тымъ съеднаяъ собѣ, якъ пôзнѣйше увидимъ, сердця рускихъ бояръ, которіи его про тое свойство обожали. Скиргайло при своей смерти былъ въ ускôмъ вѣроисповѣданю, для того любленый былъ рускимъ народомъ и якъ пôзнѣйше роскажемъ, похороненый зôсталъ въ святôй печерѣ въ Кіевѣ съ всею лѣпотою, которая руско-греческому обряду прислужае. Скиргайло и Свидригайло могли въ правдѣ окрестити-сь въ Краковѣ на латинникôвъ, а потому до давного вѣроисповѣданя повернути. Мы склоняемъ ся ограничити число осôбъ княжескихъ, крестившихъ ся въ Краковѣ на вѣру латиньскую, на Ягайлу прозваного Владиславомъ, Коригайлу прозваного Казимиромъ, Витольда и Виганта нареченыхъ именемъ Александра. Съ тыми князями крестили-сь бояре литовскіи, идолопоклонники, прочіиже князѣ и бояре не хотѣли склонити ся по словамъ лѣтописца [5]) до повторного кресту. Отже не хотѣли приняти римскои вѣры зъ причины, що принявши уже въ попереднѣйшихъ лѣтахъ, може еще въ дѣтиньствѣ хрестъ ведля греческого обряду, были членами греческои церкви, исповѣдали догматы тоиже церкви и повиновали ся еи правиламъ.

За дотриманье сдѣланыхъ условій ручаютъ сѣ ôтъ стороны Ягайловои: Витольдъ, Скиргайло, Михаилъ сынъ Явнуты, князь Заславскіи, Теодоръ Любартовичь, предокъ славнои фамиліи Сангушкôвъ и Іоанъ сынъ Юрія Белзкого [6]). Тіи князѣ съобовязали ся на самъ передъ самій съ всѣми принадлежачими имъ областями, людьми, сокровищами и всякимъ инымъ имѣньемъ [7]) служити и помôчь нести Ягайлу, впрочемъ ставили-сь въ Краковѣ вручаючи свои особы въ закладъ, що всѣ даніи условія будутъ выполненіи. Зъ стороны польскои заручили уговореніи условія Іоанъ и Семовитъ, князѣ Мазовецкіи [8]). Литовскіи князѣ поручники обитавшіи

---

5) Długosz L. X. p. 105. „reliqui Lithvaniae. fratres ducis Jagellonis, cum dudum ante Graecorum ritu baptisma sortiti fuerint, ad iterandum, vel ut significatiori verbo utar ad supplendum baptisma non poterant induci.“

6) Inventarium in arce archivi Cracoviensi p. 264.

7) Oświadczenie Teodora Lubarta ks. Łuckiego, dane w Sandomirzu, „cum omnibus thesauris, hominibus, terris et qiubus vis nostris bonis.“ Gołębiowski u. s. T. I. str. 6. — О закладнику Скиргайлѣ сказуе документъ вынятый зъ метрикъ коруныыхъ Gołębiowski u. s. T. I. str. 483. Запевненье Михаила въ арх. кор. въ Краковѣ Gołębiowski u. s.T. I. str. 5. Запевненье Теодора Любарта въ библіотецѣ Пулавской. О закладѣ Іоана Index arch. Cracov. p. 6.

8) Тое видко зъ оригиналу находячого ся въ библіотецѣ Пулавской цитованого: Gołębiowski u. s. str. 483.

въ Краковѣ должни были утримовати ся коштомъ власнымъ. Скоро по коронаціи, бо еще р. 1386 отримали они свободу и соизволенье ôтдалити-сь зъ Кракова до Литвы и своихъ земель, разъ щобы тамъ могли власніи справы уряджовати, другій разъ щобы сдѣланіи и уговореніи условія въ дѣло вводити [9]). Однакожь они должни были приобѣцяти, на кождое завôзванье въ Краковѣ явити-сь. И прочіи князѣ литовскіи, которіи согласили-сь на уговорніи условія, явили-сь въ Краковѣ и ту торжественно, ставувши передъ трономъ Ягайла, ему и его женѣ присягу вѣрности и и послушеньства сложили. Жерело сказуе, що тое самое сдѣлали притомніи въ Краковѣ литовскіи и рускіи вельможѣ и бояре вразъ съ своими князями [10]). Зверхъ того обовязали-сь до послушеньства князѣ рускіи и литовскіи осôбными грамотами, которіи старанно Поляки въ коронномъ архивѣ кракôвского замку перехововали. Виготовленье грамотъ ôтъ князей литовскихъ и рускихъ, такожь и гденекоторыхъ вельможь рускихъ ôтличеныхъ титуломъ князей, наступило въ лѣтахъ 1386—1388. Документа князей южно-рускихъ пôдписани были бôльшою частію въ Луцку, тогдашнôй столици Волыня [11]). Такъ пôдписалъ грамоту въ Луцку Демитръ Корибутъ 1386 въ власности князя литовского, Василь князь Пиньскій 1386, Володимиръ Кіевскій р. 1386. Окрôмъ тыхъ изготовлени и сложени грамоты ôтъ Витольда (князя Гродненьского и Берестейского) року 1386[12]), Теодора Любартовича князя Луцкого[13]), Скиргайла князя Троцкого, Виганта - Александра Керновского, Юрія и Андрея сынôвъ Михаила Заславского, и вобще ôтъ всѣхъ тыхъ князей, которіи еще попереднѣйшими лѣтами землями надѣлени были, або тіи еще ôтъ ôтцѣвъ своихъ одѣдичили. Окрôмъ тыхъ сложили Ягайлу грамоты приобѣцуючи вѣрнôсть и послушеньство Теодоръ Даниловичь, князь Острогскій съ Михаиломъ братомъ своимъ [14]). Такожь и прочіи поменьшіи князѣ рускіи на Волыни сложили въ Луцку 1387 голдъ и одолжили-сь до вѣрности Ягайлу королю поль-

---

[9]) Index arch. cytow. w Gołębiowskim T. I. str. 6.

[10]) Krommer L. XV. p. 365. „Lithvani quoque et Russi duces et proceres, qui tunc aderant in verba regis et reginae juraverunt.“

[11]) Що Витольдъ обиталъ тогды въ Луцку, свѣдчитъ слѣдуюче мѣстце (Bychowca chronica str. 29.) „а князь великій Витолдь будучи на Луцку, зновилъ дочку свою, княгиню Софію, за великого князя Василія Демитровича Московского.“

[12]) Gołębiowski u. s. T. I. str. 5.

[13]) Oryg. w bibliotece Puławskiej. Gołęb. T. I. str. 6.

[14]) Oryg. w bibl. Puławskiej cytowany przez Gołębiowskiego T. I. str. 4.—Документъ Витольда и князей Островскихъ, такожь и Теодора Любартовича; жаль, що не суть дословно наведени лишь извлечени. Они бы свѣтло кинули на исторію Володимирской Руси.

скому [5]). Они ручають ся также за Олехну Дмитровича, которыи не лишь не хотѣлъ повиновати ся королю но еще и обезчещалъ его злобными говорами. Бояре-князѣ (duces Ruthenorum) волыньскіи которыхъ имена мы попереднѣйше навели, увѣряють, що Лехно Дмитровичь буде служити королю безъ хитрости и зле о немъ говорити не буде. Если бы ôнъ змѣнилъ королю польскому, обовязали-сь речени бояре-князѣ особу его ставити передъ королемъ, а еслибы того не учинили, одолжили ся до платы 1000 гривенъ [16]). Тôлько одинъ рускій вельможа Крупа, великій богачь, нехотѣлъ пôддати ся Ягайлу и узнати его за своего верховного пана. Ôнъ вооруживши-сь обороняль ся въ селѣ своемъ Крупа коло Красноставу противъ Ягайлу, но наконецъ улягъ насилію. Можна родина Крупскихъ гербу Корчакъ походить ôтъ того ôтважного руского вельможи [17]). Демитръ Корибутъ ôтступилъ ôтъ князя Московского и грамотою р. 1389 изготовленою обовязалъ ся до послушеньства Ягайлу въ свойствѣ князя Новгородско-Сѣверского, не смотрячи на то, якъ выражае ся въ грамотѣ, що давнѣше съобовязалъ ся былъ служити князю Московскому, ôтъ которого службы обѣцялъ освободити ся. За Демитрія князя сѣверской землѣ ручалъ ся року 1388 королю Ягайлу Давидъ Руссанъ, Василій Хведоръ (Торощай у Кояловича), Григорій Нѣсвецкій и проч. и упевнили его, що если князь Сѣверскій не додержить приобѣцяной королю и королевôй вѣры, они ôтъ него ôтлучать ся. До такого пуслушеньства условилъ ся былъ также и князь Новгородскій Симеонъ Лугвеній, не смотрячи на то, що Новгородъ послѣдними часами призналъ былъ верховную власть не Литвы но князя Московского, и що власть княжеска надана была ему тутъ не великимъ княземъ литовскимъ, но вѣчемъ народнымъ. Такимъ образомъ Польща, Литва и западно-южная Русь соединени зôстали пôдъ однымъ владѣтелемъ, и осуществлено первое зъ головнѣйшихъ условій даныхъ Польщи, а король Ягайло вступивши на тронъ польскій и принявши ôтъ княжествъ рускихъ и литовскихъ обѣтницю вѣрности и послушеньства, называлъ ся королемъ польскимъ, верховнымъ княземъ литовскимъ и дѣдичемъ Руси [18]).

Якъ зъ одной стороны по соединеню Литвы съ Польщею гденекоторіи князѣ, такъ Сѣверскій и Новгородскій, вступили въ тѣсный союзъ

---

15) Index archivi Cracov. p. 271.

16) Gołębiowski T. I. str. 77. nota 131.

17) Balińskiego i Lipińskiego starożytna Polska T. III. Польскій поетъ Іоанъ Кохановскій составилъ слѣдуючій епиграматъ жартуючи собѣ зъ смѣлости пана Крупы: „Król Jagiełło bił Krzyżaki, A pan Krupa chciał być taki, Na coś porwał się nieboże, Krupa jagłą być nie może.

18) Vladislaus rex Poloniae, Lithvaniae princeps supremus et haeres Russiae.

съ новосоединеными державами и ôтъ великого княжества Московского ôтлучили ся, такъ зъ другои стороны ôтступили ôтъ Литвы, въ слѣдство нового союза Польщи съ Литвою иніи подчинени владѣльцѣ, именно князь Смоленьскій Святославъ, Полоцкій Андрей, и заховали за помочію великихъ князей Московскихъ черезъ якійсь часъ свою самостоятельнôсть. Пользуючи-сь ôтсутствіемъ князей литовскихъ, поѣхавшихъ на слюбъ и коронацію до Кракова, начали рицарѣ нѣмецкого ордина и въ порозумлѣню съ ними Святославъ, князь Смоленьскій и Андрей Полоцкій, рôдный братъ Ягайла ôтъ одного ôтця а не ôтъ однои матери, губительну вôйну. Андрей ширилъ по областяхъ западнои, на сѣверъ ôтъ Литвы лежачои Руси мятежь и неудовольство противу Ягайлови, утвержаючи, що Ягайло ôтступаючи ôтъ восточнои вѣры, потерялъ право до владѣня надъ Русію, которое ему яко старшому сыну Ольгерда и доброму православному приналежало. Наступило великое кровопролитье и просторонна часть западнои Руси забирала-сь ôтъ Литвы ôтклонити ся. Король ôтправилъ противу соединившимъ ся ворогамъ князей Скиргайла, Корибута и Витольда пребываючихъ разомъ съ нимъ въ Краковѣ. Скиргайло вѣпростъ направилъ ся до Литвы, оба послѣдніи спѣшили черезъ Волынь и надднѣпровскую Русь, соединили-сь съ Деметріемъ княземъ Сѣверскимъ и Симеономъ Лугвеніемъ княземъ Новгородскимъ, вдарили на непріятелей опустошаючихъ вѣрніи королю городы, Андрея и Святослава, плѣнили первого и ôтослали до Польщи, а вторый погибъ въ сраженю. Полоцкъ и Смоленьскъ покорили-сь. Полоцкъ присоединенъ до Литвы, а Смоленьскъ врученъ былъ сынови Святослава Юріому, который ôтрѣкъ ся всякихъ связкôвъ съординомъ и съ прочими ворогами Литвы и заприсягнулъ подôбно прочимъ литовскимъ князямъ, королю Ягайлови повинованье ся и послушеньство[19]) и утвердилъ даніи съобовязаня письменною грамотою [20]).

Приступаемъ до розказу о событіяхъ, якіи по соединеню ЯДВИГА Польщи съ Литвою, въ полудневôй Руси слѣдовали. Якъ долго Польща по смерти короля Людвика сама въ собѣ ôтъособнена стояла, такъ долго Ядвига не могла осуществити условія, до которыхъ обовязала ся, вступаючи на тронъ польскій. Но якъ ино Польща соединила-сь съ Литвою, ôтжили скоро притязаня Поляковъ и пôднесеный былъ плянъ, щобы приобрѣсти Галицкую Русь, находячую ся въ рукахъ королевои угорскои, и прочіи землѣ, которіи щедрость умершого короля Людвика были коронѣ Польщи ôтчужила. Въ той самъ часъ, коли Ягайло съ епископами и придворными панами ôтъѣхалъ до Литвы, щобы тамъ навертати

---

19) Narbutta dzieje u. s. T. V. str. 393. 394. Bychowca chronica str. 30.
20) Index archivi Cracov. u. s. p. 373.

народы, крестити огнепоклонниковъ, выкорѣняти балвохвальство, устрояти порядокъ церковный и проч., двигнула ся Ядвига вразъ съ избранымъ рицарствомъ и гденекоторыми придворными панами и высокими коронными достойниками на Галицкую Русь съ предпринятіемъ присоединити тую область до короны. Ядвига корыстала зъ неустройствъ въ Уграхъ и прикрого положеня, въ якомъ еи сестра Марія, угорская королева тогды находила ся.

Марія была заслюблена Сигисмунтови Луксенбургскому. Еще за житя отця еи Людвика станы угорскіи признали были Маріи наслѣдіе и сложили были обыкновенный голдъ. Мужа Маріи Сигисмунта неузнали были еще станы угорскіи яко совладѣлця Маріи, и коронація тогоже наступила не скорше ажь 30 Марта 1387. Межи тымъ выобразовала-сь въ Уграхъ партія противна Маріи и Сигисмунту, плѣнила Елисабету, королевои матерь и саму молоду королеву Марію въ Загребю. Елисабету удусили мятежники въ Зарѣ а Марію тримали въ тѣснои вязници ажь до 4. Юнія 1387 въ Дальмаціи. Былабы Марія еще долше зносити мусѣла всѣ тяжести увязненя, еслибы не было подарило-сь Сигисмунту утвердити-сь межи тымъ въ Уграхъ и за помочію своихъ приверженцей мятежниковъ до освобоженя жены своей принудити. Но еще долго передъ освобоженьемъ сестры своеи, бо уже въ Мартѣ р. 1387, станула Ядвига вразъ съ своимъ рицарствомъ въ Городку солономъ, не сполна чотыры миль отъ столечного города Галицкои Руси Львова. Жителѣ Галицко-Львовскои области а именно Львовяне были уже приготованіи на той крокъ королевои Ядвиги. Уже р. 1386 не долго по коронаціи переспрaвляли жителѣ Львова съ панами придворными Польщи въ Краковѣ. Въ слѣдство того изготовлена была въ Краковѣ еще 21 Марта або найдальше 22. Цвѣтня 1386 отозва потвержаюча горожанамъ Львовскимъ всѣ наданіи попереднѣйшими королями свободы городскіи. Однакожь выжь речена грамота не скорше, якъ тогды, коли явила-сь Ядвига въ Городку дня 9. Марта року 1387 была на ново потвержена и обнародовлена. Впрочемъ не долго передъ явленьемъ ся Ядвиги въ Городку, бо еще 6. Лютого 1387 отримали жителѣ городовъ Галицкихъ письмо изданое въ Ченстоховѣ отъ Владислава князя Опольского, въ которомъ перестерѣгалъ ихъ той князь, що Ядвига намѣрила съ войскомъ вступити на Русь, ободрялъ ихъ ставити опоръ и за шкоду, которую бы понесли въ той войнѣ, зъ позоставшихъ ему еще власныхъ имѣній на Руси вынадгородити обѣцялъ. Здае ся, що Галичанамъ наскучили-сь были чужіи (угорскіи) воеводы. Щобы ихъ уласкати, приобѣцялъ князь въ имени угорскои королевои не ставити имъ безъ ихъ соизволеня Угра намѣстникомъ-воеводою. Впрочемъ обовязуе ся Владиславъ Опольскій стояти за городами рускими и съ ними вразъ судьбу

подѣляти. Въ случаю, если бы ихъ королева Ядвига до послушеньства намовляла, припоручилъ Владиславъ Опольскій горожанамъ Галицкимъ, щобы до которого зъ князей посторонныхъ именно до короля ческого, маркграфа Мышиньского, князя Гайдельбергского и до князей Людвика и Конрада удали ся, щобы тіи князѣ розсмотрили притязаня королевои Ядвиги до Галицкихъ областей, щобы Галичане сдали ся на ихъ судъ и ведля ихъ порады дѣлали [21]). Мы сказали, що Владиславу Опольскому залежало на томъ, бы Галиція остояла-сь при угорской королевои Маріи, зналъ бо онъ добре, що отзысканье Галиціи черезъ Польщу потягне за собою страту всѣхъ тыхъ земель, которіи надані были Владиславу Опольскому въ замѣну за отступленье Галицкои области а которіи отзыскати, якъ мы видѣли, королева Ядвига, вступаючи на тронъ польскій была обовязала ся. Длятого желалъ Владиславъ, щобы не такъ легко поддали-сь Галичане королевои Ядвизѣ, но щобы съ оружіемъ въ руцѣ супротивляли-сь Полякамъ, щобы при будучихъ переспpавахъ съ Ядвигою были розсмотрени права притязателей, и вообще, щобы розважно безъ оскорбленя правъ короны угорскои и его яко тыхъ областей давнѣйшого дѣдича и владѣтеля, собѣ поступовано.

Чижь городы Галицкіи достоучинили радѣ и возваню Владислава князя Опольского?

Очевидно найважнѣйшимъ городомъ въ Галицкой Руси былъ тогды Львовъ, но Львовъ хотя передъ вступившою на Русь королевою заперъ ворота городскіи, однакожь не думалъ долго опирати-сь, бо горожане Львова узнали добре, якіи корысти для Львова приносило подчиненье Галицкои Руси тому самому скептрови, которому соединени Литва и Польща послушали. Львовъ лежалъ на шляцѣ торговельномъ, который провадилъ зъ подбалтицкихъ городовъ черезъ Литву до Татаріи т. е. на востокъ и оттамъ на отворотъ до надбалтицкихъ городовъ. Львовъ въ тіи времена былъ заселеный чужесторонными, которіи передъ всемъ интересовъ торговельныхъ наблюдали. Торговля Львова должна была процвисти, если торговельный гостинець, на которомъ Львовяне свои товары сопроважали, находилъ ся цѣлый, якъ долго черезъ Литву и Русь провадилъ, въ рукахъ одного владѣтеля. Тогды одинъ владѣтель отвиралъ и замыкалъ его коли хотѣлъ, одинъ накладалъ и побиралъ краевое цло, одинъ дарилъ привелеями и проч. Впрочемъ торговля всюды процвила, где посчастило ся за помочію оружія завоевателямъ, або диплiоматамъ за посредствомъ

---

[21]) Stadnickiego Synowie Gedymina T.II. str. 124 nota 180. Оригиналъ отозвы находитъ ся въ Вѣдни, содержанье его извѣстно намъ лишь зъ лихого польского переводу.

межинародныхъ уговорôвъ, утворити обширніи паньства и бôльше н. пр. двѣ, три державѣ замешканіи рôжными народами, и управляеміи розличными правами и уставами, соединити въ одну политическую цѣлôсть н. пр. въ такую, въ якôй теперъ Литва съ Польщею соединени зôставали.

Торговельніи сношеня передъ всемъ приближаютъ народы, которіи часто черезъ долгіи времена стояли противъ себе съ оружіемъ въ руцѣ и бороли-сь съ собою. Часто тіи народы и паньства принужени чи оружіемъ, чи взглядами политическими, покораютъ ся одинъ другому и теряютъ народную самостоятелность, тымъ часомъ взмагае ся и процвитае торговля, обуджае ся матеріяльный интересъ и бере гору надъ всѣми иными, городы богатѣютъ, а народъ подчиненый другому забывае по малу на свою прежную самостоятельность.

Львôвяне дали послухъ Ядвизѣ, которая взываючи городъ до пôдданя ся, панôвъ радцѣвъ города Львова для укôнченя переговорôвъ до Городка запросила. За листомъ глейтовнымъ изготовленымъ въ Городку дня 2. Марта убезпечаючимъ горожанамъ Львôвскимъ, которіи для переговорôвъ явити-сь мали въ таборѣ польскôмъ, свобôдніи входы и выходы, явили-сь делегаты города Львова передъ королевою и сенаторами. Замѣчательно есть, що горожанамъ Львôвскимъ выставлени были два листы безпеченьства, одинъ утверженъ пôдписію королевои Ядвиги и еи печатію, другій подôбный утверженъ пôдписами и печатями 8 вельможъ польскихъ, которіи Ядвизѣ въ семъ походѣ товаришили [22]).

Переговоры межы Львôвскими горожанами и сенаторами польскими скоро укôньчили ся. Грамотою, о которôй мы высше вспоминали (зъ дня 9. Марта) утвержени зôстали всѣ торговельніи свободы и привилеи, которіи Львôвяне давнѣйшими временами ôтъ королей Казимира и Людвика получили, именно застережено, щобы складъ соли и прочихъ товарôвъ, якъ ôтъ найдавнѣйшихъ часôвъ бывало, и въ будучôмъ времени въ Львовѣ позôсталъ. Всѣ цла и дачки, которіи ôтъ смерти короля Казимира на городъ наложенй были, зôстали знесенй, области и обшары наданіи мѣсту привилеями и грамотами попереднѣйшихъ владѣтелей зôстали въ первѣстныхъ границяхъ затверженй, а жителѣ Львова въ мѣстѣ и за мѣстомъ были що до осôбъ и маетку передъ кождымъ насиліемъ убезпеченй. Зверхъ того Ядвига вразъ съ сенаторами съобовязала-сь повернути го-

---

22) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 56 i 57 nota 19. Паны, которіи товаришили Ядвизѣ въ тôмъ походѣ, были: Доброславъ, каштелянъ краковскій, Іоанъ Судомирскій, Судивой Калишскій, Спитко Краковскій, воеводы: Дрогошъ судія краковскій, Креславъ каштелянъ Судомирскій, Кристинъ зъ Острова придворный маршалокъ и Гнѣвошъ зъ Даленицъ.

роду и поединчимъ горожанамъ все имѣнье, которое въ теченю временъ имъ черезъ насиліе было отнятое. Тое съобовязанье ся доказуе, що время владѣтелей Галицкои Руси по смерти Казимира не было для горожанъ Львôвскихъ сь всемъ спôкойнымъ, и що тіи утерпѣли якое-то насильное унятіе своихъ недвижимыхъ маеткôвъ, може быти за временъ угорскихъ воеводъ. Наконецъ позôставила Ядвига народы поселеніи въ Львовѣ а то: Русинôвъ, Орменôвъ, Сараценôвъ и Жидôвъ при ихъ давныхъ собственныхъ правахъ[23]). По такôмъ убезпеченю городскихъ свободъ, недвижимого и движимого имѣня и правъ народныхъ, отворили горожане львôвскіи Ядвизѣ городскіи ворота и весь городъ пôддалъ ся вразъ съ замками. Прочіи городы Галицкои Руси обороняли-сь передъ наступаючими военными силами Ядвиги, но были побѣжені и военнымъ насиліемъ здобиті, иніи же узнавши перевагу военну польскои королевои добровôльно пôддали-ся. Городы, въ которыхъ еще ôтъ временъ Любарта мѣстили въ собѣ засаду литовскую, не мали причины обороняти ся передъ королевою, котрои цѣла Литва сложила была голдъ и заприсягнула послушеньсво, и которая королевою Польщи и дѣдичкою Руси, такъ якъ еи мужь Ягайло, называла ся. Не маемъ извѣстій, чи литовская залога зôстала и въ будучое время въ занятыхъ собою городахъ, чи по вступленю Ядвиги въ рускіи краи и по занятію прочихъ рускихъ городôвъ уступила ся. Ярославъ, Перемышль и Городокъ пôддали ся по всей вѣроятности еще тогды, коли Ядвига тою дорогою зъ Кракова пôдъ Львôвъ вступала. Не долго по тôмъ пôддались городы: Жидачевъ [24]), Теребовля, Санокъ и прочіи замки и пригородки, которыхъ земля галицкая въ тіи времена въ бôльшôмъ числѣ мѣстила.

Залоги сложені зъ Угрôвъ и Силезанцѣвъ, уступаючи за Днѣстеръ стремили-сь къ Галичу, где обиталъ угорскій воевода Бенедиктъ и до сильного опору приготовлялъ ся. Войска польскіи приступивши пôдъ Галичь не могли приодолѣти Бенедикта, который зъ Галицкого замку съ всемъ мужествомъ, которымъ Угры въ всѣхъ временахъ ôтличали ся, защищалъ ся. Завôзвано помочи князей Волыньскихъ, которіи якъ мы высше сказали, заприсягнули были вѣрнôсть Ядвизѣ и Ягайлови и польскую корону въ еи предпринятіяхъ всѣми имъ предстоячими средствами вспирати обовязали ся. На завôзванье явилъ ся Александеръ Витольдъ, князь Берестейскій, Юрій князь Белзкій, Теодоръ Ратненьскій, Василь Пиньскій, Теодоръ Володимирскій, Симеонъ Степаньскій и Юрій Слуцкій съ военными полками передъ Галичемъ, щобы польскіи силы въ борбѣ съ угорскимъ

---

[23]) Supplementa ad historica Russiae monumenta ad a. 1387.

[24]) Stryjkowski ks. XIII. str. 454.

воеводою всперти. Бенедиктъ при сумнôмъ тогдашнôмъ розстроеню угорского королевства, не мôгъ мати надѣи отриманя якои-то помочи ôтъ королевои угорскои. Видячи неможливôсть остояня ся переважнымъ силамъ польско-волыньскимъ, пôддае ся пôдъ условьемъ, що король Владиславъ Ягайло буде его защищати якъ своего вѣрного слугу противу всѣмъ враждамъ, якіи пôдчасъ своего намѣстничества въ Галичи съ жителями туземными, горожанами, обивателями сельскими и купцями былъ розпочалъ. Також обовязуе ся король Ягайло Бенедикта при всѣхъ его дѣдичныхъ имѣняхъ утримати, за обиды сдѣланіи жителямъ его извинити и охоронити и проч. Що Ягайло сдѣланія приреченя дополнитъ, ручали-сь всѣ тіи Волыньскіи князѣ, которіи вѣрніи своимъ съобовязанямъ передъ Галицкимъ замкомъ явили-сь и дѣйствительну помôчь унываючимъ военнымъ силамъ короны польскои принесли [25]). Покореньемъ Галича усовершилъ ся повторный заборъ Галицкои Руси, и такъ не скорше ажь за помочію литовскои Руси осуществлено условіе, до которого Ядвига вступаючи на тронъ польскій, съобовязала ся. Ядвига надарила не лишь Львôвъ но и прочіи области Галицкои Руси привилейными грамотами. Слѣдъ тыхъ грамотъ заховалъ ся, но самі грамоты затратили ся [26]).

Еще того самого року Ягайло усовершивши мисію свою въ Литвѣ т. е. навернувши народъ литовскій до вѣры католицкои и устроивши церковніи и горожаньскіи дѣла, поверталъ черезъ Волынь, вступилъ по первый разъ въ Галицкую Русь, до которои въ протяженю лѣтъ своего правленя такъ великое объявлялъ привязанье, до которыхъ земель прилягъ всею душею, въ которои замкахъ и городахъ найраднѣйше прибывалъ. Приѣхавши на Русь Галицкую, грамотою изданою въ Жидачевѣ дня 14. Паздерника р. 1387 [27]) вернулъ и затвердилъ воеводѣ замку галицкого посѣданье многихъ селъ. Въ тôмъ самôмъ мѣсяци приѣхалъ Владиславъ Ягайло по первый разъ до Львова и потвердилъ ту дня 18. Паздерника грамоту привилеѣвъ, надану мѣсту своею женою Ядвигою и грамоту Владислава Опольского, которою князь той городу 100 франконьскихъ ланôвъ былъ надалъ. Такъ Львôвяне въ своихъ свободахъ и правахъ зъ стороны Ягайла и Ядвиги были убезпеченіи. За два лѣтъ (1389) надалъ Ягайло Городку, Перемышлю и Теребовли право магдебургское а городы Городокъ и Перемышль дарилъ обшарами (ланами). Теребовлѣ приказалъ

---

[25]) Index archivi p. 250 orygìnał z biblioteki Puławskiej. Gołębiowski T. I. str. 501—502. (выготованый 11. Серпня або 6. Вересня).

[26]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa.

[27] Gołębiowski T. I. str 501. „ante diem St. Galli 1387." Orygìnał z biblioteki Puławskiej.

въ важнѣйшихъ справахъ ôтносити ся съ апеляціями до магистрату львôвского[28]).— Утвердивши привилеи городу Львову, вручилъ Ягайло правленье Галицко-рускихъ областей Іоанови зъ Тарнова, воеводѣ Судомирскому. Поставленый намѣстникъ носилъ титулъ не воеводы, но руского старосты. Въ року 1392 былъ якій-то Михаилъ Ламбецкій рускимъ старостою, а въ року 1393 Гнѣвошь зъ Даленицъ, который якъ мы видѣли, товаришилъ Ядвизѣ въ время теперѣшной выправы[29]).—Львôвяне старанно печалили-сь, щобы на будуще зôставати въ соединеню съ Польщію, про то року 1388, коли рознесла ся вѣсть, що Галицкая Русь на ново мае быти ôтлучена ôтъ Польщи, и надѣлена якому князю удѣльному, рада мѣська города Львова предложила королеви, пребываючому тогды въ Люблини, прошенье, щобы Галицкую Русь не надавалъ якому удѣльному князю зъ причины шкодъ и недостаткôвъ, якіи звычайно на державы въ слѣдство дѣлежи спливаютъ. Король узнавши справедливôсть такого предложеня, грамотою на дни св. Михаила т. р. изданою, упевняе горожанъ Львôвскихъ, що города Львова (вразъ съ Львôвско-Галицкою землею) жадному удѣльному князю не надасть, но сей городъ собѣ, своей супрузѣ Ядвизѣ и дѣтемъ ôтъ неи роженымъ позоставитъ [30]).

Предстояло еще ôтобрати ôтъ Владислава Опольского и присоединити до короны тіи землѣ, которіи той князь частію въ замѣну за землю Галицко-рускую, частію за зреченье ся своихъ притязаній до трону польского ôтъ Людвика, короля угорско-польского, отрималъ былъ.

Якъ долго Польща стояла уединена, такъ долго Владиславъ Опольскій ôтпиралъ скутечно всѣ мѣры, которіи Поляки до ôтзысканя тыхъ земель предпринимали. Но не долго по тôмъ, якъ Ягайло звѣнчалъ ся съ Ядвигою и обѣ тіи державы съ собою соединили-сь, промышлялъ Ягайло о тôмъ, щобы удосточинити общему желаню польского народа и тіи землѣ коронѣ забезпечити. Зразу загадалъ былъ Ягайло ужити мирного способу за посредствомъ уговорôвъ и диплѣомаціи. Ôнъ оженилъ наймолодшого брата своего Александра-Виганта съ донькою Владислава Опольского, Ядвигою. Владиславъ Опольскій ôтступилъ своей доньцѣ и ей мужеви землю Бидгощкую, Иновладиславскую (Куявы) и Добриньскую, яко упосаженье [31]). Владиславъ-Ягайло посвѣдчилъ тую даровизну и зъ своей стороны яко король польскій надалъ, тіи землѣ именно: землю Бидгощкую и Иновладиславскую брату своему Александру, мужеви выжь рече-

---

28) Balińskiego i Lipińskiego starożytna Polska T. III.
29) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa.
30) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 58.
31) Dogieli codex dyplomaticus Poloniae.

нои Ядвиги [32]). Такимъ способомъ достоучинилъ Ягайло притязанямъ до реченыхъ земель короны и заспокоилъ Владислава Опольского. Не долго по слюбѣ съ Ядвигою умеръ насильною смертію Александеръ-Вигантъ безъ потомства, а Владиславъ Опольскій ôтобралъ ôтступлени землѣ назадъ, и щобы не былъ принуженъ ôтступити ихъ польской коронѣ, заставилъ землю Добриньскую, часть землѣ Куявскои и замокъ Злоторію съ прилежачою землею за певни сумы рицарямъ нѣмецкого ордина [33]). На прошенье Владислава Опольского выставляютъ Сигисмунтъ и Марія, королева угорская, ему грамоту, въ которôй посвѣдчаютъ, що тіи землѣ замѣнялъ Владиславъ за Галицкую Русь, що есть ихъ справедливымъ дѣдичемъ и свобôднымъ посѣдателемъ и що ему принадлежитъ совершенное право, тіи кому будь даровати, за иніи замѣняти або заставити [34]). Скоро Владиславъ Опольскій завôзваню Ягайла, щобы реченіи землѣ коронѣ звернулъ, або принаймѣй за нихъ сложилъ голдъ и послушеньство, рѣшительно ôтказалъ ся, тогды Ягайло роспочалъ вôйну съ Владиславомъ Опольскимъ р. 1395. Побѣженый Опольчикъ figured стратилъ бôльшую ôтъ Людвика набытую область Куявскую, и остоялъ ся лишь въ посѣданю тыхъ земель, которыи въ рукахъ ордина были заставлени. Сыновцѣ Владислава Опольчика такожь пôддали-сь королю и слюбовали послушеньство.

Грамотою зъ дня 25. Сѣчня року 1396 даровуе Владиславъ-Ягайло Русь и Куявы до времени жизни пôдъ титуломъ вѣна своей женѣ совладѣтельци Ядвизѣ [35]). Владиславъ Опольскій, памятный въ исторіи Галицкои Руси, умирае року 1402. По смерти его выкупуе Ягайло землю Добриньскую. Такимъ способомъ потеряни прежними лѣтами землѣ вернули за помочію литовского владѣтеля до короны.

Соединенье Литвы съ Польщею надало Польщи перевѣсъ и на краи, которй ôтъ восточного юга до Галицкои Руси притыкали, и которіи еще за временъ Ростиславичей и Романовичей Галицкимъ и Галицко-Володимирскимъ князямъ послушали. Были то краи, замешкани теперъ румуньскимъ народомъ, именно Молдавія и Бессарабія. Тіи мали своихъ осôбныхъ воеводъ, которіи до теперъ верховную власть короля угорского узнавали. За временъ Ягайла якъ видно зъ грамотъ былъ воеводою Петро р. 1387, Романъ 1392, Стефанъ 1395. Жерела польскіи сказуютъ, що Стефанъ былъ братомъ Петра, и що оба братя за временъ Казимира 1358 о престолъ воеводства молдавского межи собою повадили-сь. Петро изгналъ

---

[32]) Krommer.

[33]) Dogieli codex diplomaticus Poloniae T. II. N. 329. ad a. 1393.

[34]) Грамоты зъ року 1391 и 1392 напечатани: Voigt codex diplomaticus prussicus.

[35]) Dogieli codex diplomaticus Poloniae T. II.

Стефана зъ краю, въ чемъ вспомагалъ его король угорскій. Стефанъ просилъ о помôчь Казимира, слюбовалъ ему вѣрность, сложилъ голдъ и отрималъ помôчь противу брату своему. Казимиръ пôслалъ войско, которое однакожь Молдавянами было звитяжено и проч. [36]). Тіи вѣсти, повторени черезъ тôлько столѣтій безъ всякого розсмотру польскими писателями, суть выдумкою Длугоша, который старалъ ся права до приобрѣтеня Молдавіи черезъ Польщу ôтнести до ôтдаленыхъ временъ и черезъ то надати имъ бôльшои ваги и поваги. Передъ р. 1387 жерела волоскіи о Петрѣ и Стефанѣ воеводахъ волоско-молдавскихъ ничого не вспоминаютъ. Року 1358 не было найменьшои несгоды межи королемъ польскимъ Казимиромъ и королемъ угорскимъ Людвикомъ. Тогды оба королѣ были утвердили ôтъ давныхъ лѣтъ миръ и союзъ межи обома державами. Еще тогды (т. е. 1358 р.) на внѣ слѣдовали два народы, польскій и угорскій, однôй политицѣ и небыло межи ними найменьшого несогласія або неприязни, якую бы несогласна политика що до Молдавіи конечно была споводовала тымъ скôрше, понеже Молдавія уже тогды никого иного, якъ короля угорского за верховного пана уважала. Уже зъ того одного становища мѣститъ вѣсть, умѣщена Длугошомъ пôдъ р. 1358 и повторена польскими историками, противорѣчіе, которое ніякъ не можно погодити. Инакшіи стосунки заходили межи Уграми и Польщею ôтъ 1387. Сигисмунтъ негодовалъ еще ôтъ тогды на Поляковъ, коли тіи не его жену Марію но молодшую сестру еи Ядвигу вынесли на тронъ польскій. Малженьство Ягайла съ Ядвигою и наступившое соединенье Литвы съ Польщею наполнило Сигесмунта тревогою. Мати Маріи и Ядвиги Елисабета спорила съ своимъ зятемъ Сигисмунтомъ, радовала-сь, що Ядвига съвѣнчала-сь съ Ягайломъ и грамотою изданою 9. Липня (Юлія) 1386 обовязала-сь вспирати молодшую доньку Ядвигу, еслибы Марія, старша донька съ мужемъ Сигисмунтомъ якого нибудь ворога короля Владислава-Ягайла и его сопруги Ядвиги вспомагали [37]). Отже тогды уже предвидѣла Елисабета можливôсть якого роздору межи Поляками и угорскою короною. Коли польска королева непôмна родинныхъ ôтношеній и кровнои связи, пользуючи ся нещастьемъ Маріи, Галицку Русь завоевала, умножило-сь негодованье Сигисмунта, а обавы, котори чувствовалъ въ сердци при наступившôмъ соединеню Литвы съ Польщею, частію исполнили ся. Но Сигисмунтъ не мôгъ розпочати военныхъ дѣйствій, щобы передъ наступившими стратами охоронити ся, ôнъ затрудненый былъ тогды иными справами, именно усмиреньемъ внутреннихъ непокоѣвъ въ Уграхъ, и увагою на возмученье за дер-

---

36) Długosz L. IX. p. 1122. 1123.

37) Dokument cytowany w Stadnickiego Synowie Gedymina T. II.

жавы его брата Вацлава въ Чехахъ, а коли тіи перекоротили-сь, настали новій заботы ôтъ стороны Туркôвъ, которіи вступивши на землю Европейску чимъ разъ дальше свои завоеваня внутръ предѣлôвъ бизантійскои имперіи ровщиряли а наконецъ предѣламъ угорского королевства до самого Дуная приближили-ся.

Владиславъ-Ягайло загадалъ употребити прикрій обстоятельства угорскои короны, бы весь перевѣсъ, который прежними лѣтами имѣли Угры на обитаючіи надъ Дунаемъ народы, на польску корону перенести. Воеводы молдавскіи, бессарабскіи и трансильваньскіи, которіи утяжливую зависимôсть ôтъ Угоръ не радо сносили, вспользовали ся также тыми обстоятельствами.

Петръ воевода молдавскій являе ся съ своими боярами р. 1387 въ Львовѣ [38]). Грамотою изготовленою 26. Септембрія 1387 (зъ чего бы слѣдовало, що Ягайло въ тôмъ времени былъ уже въ Львовѣ и що поданье ся Галицкого замку черезъ угорского воеводу Бенедикта въ его присутствію на Руси собыло ся) Петро обовязалъ ся съ всемъ ему пôдвладнымъ народомъ до пôдданьства, вѣрности и послушеньства коронѣ польскôй, королеви Владиславу, его женѣ Ядвизѣ и ихъ потомкамъ. Присягу, которою обовязалъ ся до послушеньства, сложилъ воевода Петро яко православный ведля приписôвъ греч. восточного обряда цѣлованьемъ креста въ руки Кіевского митрополита Кипріяна [39]). Ягайло жичитъ у него р. 1388, 3000 рублей фряжского серебра, и заставляе уже тогды Снятынъ и Коломыю съ Покутьемъ [40]). Сигисмунтъ рушилъ съ войскомъ противъ Мултанôвъ въ поле, звитяжилъ Петра и понудилъ повернути до прежного послушеньства. Въ року 1392 [41]) воевода молдавскій Романъ вразъ съ своими радными панами обовязуе-сь и прирѣкае служити Ягайлови, Ядвизѣ и его потомкамъ противу всякому ворогу короны съ изъятьемъ

---

38) Кроника Зубрицкого о тôмъ ничого не вспоминае. Мы черпали ту зъ Голенбіовского Т. I. стр. 74.

39) Ex org. arch. regni in Lemburga Gołębiow. u. s. T. I. p. 500. N. 151.

40) Gołębiowski u. s. T. I. p. 74. Акта западнои Россіи Т. I. ст. 22. 23. За три лѣта малъ вернути король долгъ Петру. Если бы не вернулъ на призначеный день, тогды обѣтуе воеводѣ Петру, его брату Роману и ихъ дѣтемъ ôтдати Галичь въ заставъ, поки долгъ не ôтдасть ся. Они должни сей городъ боронити, еслибы его непріятель облягъ и въ сей часъ вѣсть дати, щобы король также пособлялъ, а еслибы непріятель сей городъ взялъ силою, всегда мае король долгъ ему ôтдати. Въ мѣсто 3000 рублей вручилъ воевода Ягайлу лишь 1000 рублей.

41) Roman przyrzeka służyć przeciw wszelkim nieprzyjaciołom (króla i królowej) wyjąwszy Prusy, Litwę i dalsze strony po za Krakowem z powodu odległości. Gołęb. 74.

Литвы и пр. [42]). Чимъ бôлше грозилъ Сигисмунтъ Волохамъ, тымъ сильнѣйше горнули-сь они до Владислава Ягайла. Року 1395 заручилъ молдавскій воевода Стефанъ по всей вѣроятности наслѣдникъ Романа польскôй коронѣ помôчь противу угорскому королеви, воеводѣ бессарабскому, Туркамъ, Татарамъ, Прусамъ и во обще противу всѣмъ ворогамъ безъ изъятія. Бояры его грамотою изданою въ Сучавѣ 6. Сѣчня 1395 слюбовали Ягайлу, що если бы ихъ воевода не былъ послушный королви и его потомкамъ, они ôтступятъ ôтъ власного воеводы. Тіи молдавскіи бояре слюбовали грамотою въ рускôмъ языцѣ написаною, отже доказательство, що и въ Молдавіи за Ягайла былъ рускій языкъ языкомъ двора, высшихъ сословій и дипліомаціи. Въ тôй грамотѣ объявили бояре, що Стефанъ воевода ихъ въ власнôй особѣ съ боярами и панами сложилъ голдъ передъ Владиславомъ або передъ послами его. Дальше высказуютъ молдавскіи бояре, що ихъ господарь не мае ни одного слова противу тому речи, що король запосѣлъ Коломыю, Снятынъ и Покутье, въ прочемъ що до областей спорныхъ о Цецинѣ и Хмелево реченый молдавскій господарь обовязалъ ся при будущемъ съѣздѣ съ своимъ господаремъ и королемъ Ягайломъ уговорити ся и пôдля королевои волѣ обрôвняти ся [43]).

По смерти королевои Маріи (наступившôй дня 17. Мая 1395) выступили Ягайло и Ядвига на пôдставѣ давныхъ уговорôвъ съ притязанями до угорскои короны. Ягайло притягнулъ еще въ р. 1396 на свою сторону Влада, воеводу волоско-бессарабского и Мирзу, который въ дотычныхъ грамотахъ воеводою трансильваньскимъ незывае ся [44]). Реченый воевода бессарабскій сознае, що его воеводство многіи ласки ôтъ Владислава и его жены Ядвиги досвѣдчило. На пôдставѣ, що ведля сдѣланыхъ попереднѣйшими временами уговорôвъ, по смерти королевои Маріи корона угорская еи рôднôй сестрѣ Ядвизѣ принадлежитъ, реченый воевода сознае ся данникомъ Ядвиги и еи мужа, слѣдственно пôдвладнымъ Польщи и угорскои короны.

Король Сигисмунтъ затрудненый иными еще близшими собѣ справами, не мôгъ промышляти о скутечныхъ средствахъ для наказаня мятежныхъ воеводъ и зверхъ того загроженый въ посѣданю угорскои короны по смерти Маріи притязанями Владислава-Ягайла, предложилъ ему премирительніи условія. На съѣздѣ обохъ монархôвъ Сигисмунда и Ягайла въ Сончи [45]) заклю-

---

[42]) Dokument u Gołębiowskiego not. 123. изготовленъ въ Сучавѣ 5 Сѣчня 1393 стр. 74.

[43]) Акты западной Россіи Т. I. стр. 26. 27.

[44]) Stadnicki cyt. dokument T. II. str. 133. 134. nota 195.

[45]) Krommer. Stadnickiego S. G. T. II. str. 136—138. nota 199. 200. 201.

чено р. 1396 уговоръ, которого содержанье исторія незаховала. По всей вѣроятности зрекли ся были Ядвига и Ягайло своихъ притязаній до Угоръ, но Галиція, Молдавія и Бессарабія фактично позôстали пôдъ верховною властію Польщи. Однакожь Сигисмунтъ не зрѣкъ ся былъ притязаній угорскои короны до тыхъ земель, именно до Галиціи. Въ року 1399 именовалъ Сигисмунтъ воеводу для Галича, хотя тая область находила ся въ рукахъ Польщи [46]). Впрочемъ Сигисмунтъ и его наслѣдники и въ будущемъ времени королями Галиціи и Володимиря призывати-сь не переставали.

III. Ôтдѣлъ.

Ягайло совершилъ въ лѣтахъ 1387 и 1388 за помочію архіепископа гнезненьского и иныхъ епископôвъ польскихъ, королевои Ядвиги и папôвъ польскихъ дѣло миссіи католицизму въ Литвѣ. Литовцѣ придерживаючіи ся до сихъ часъ огнепоклоненя, крестили ся и приняли вѣру католицкую. Русины обитаючіи численно въ Вильнѣ и прочихъ чистолитовскихъ городахъ не хотѣли такъ якъ когда-то многи литовско-рускіи князѣ въ Краковѣ крестити ся, но остали-сь вѣрніи своему исповѣданю. Одинъ зъ лучшихъ историкôвъ Литвы есть того мнѣнія [47]), що Литовцѣ строгостію дочесныхъ каръ принуженй были на вѣру латиньскую крестити ся, но що окрещенымъ уже Русинамъ проживаючимъ уже ôтъ давныхъ лѣтъ въ православію, не дѣлано жадного физичного насилія [48]). Родовитіи Литовцѣ должни были крестити-сь на латиньскую вѣру безъ розличія, хотя гдекотори зъ нихъ преже крещенй въ христіяньскую вѣру, исповѣдали православіе [49]). Однакожь по всей вѣроятности гдекотори Русины, подôбно якъ когда Ягайло и братя Скиргайло и Вигантъ въ Краковѣ, будучи уже преже крещеніи на рускую вѣру, слѣдовали примѣру прочихъ Литовцей огнепоклонникôвъ и зъ рукъ римскихъ священикôвъ приняли по вторый разъ крещенье и приступили до общества римскои церкви. Ягайло за согласіемъ князей своихъ братей и ли-

---

[46]) Dogieli codex diplomaticus T IV. ad a. 1399.

[47]) Narbutta dzieje narodu litewskiego T. V. 407. 408.

[48]) Kronika ruska Daniłowicza str. 204. Wilno 1827. *„Ягайло пришедъ въ свою отчину въ литовскую землю крести Литву въ нѣмецкую же вѣру и половину (sic) своего народа въ Вильнѣ.“*

[49]) Kronika ruska Daniłowicza str. 205.

товского народа, утвердилъ и велѣлъ обнародовити грамоту слѣдуючого содержаня: Литовцѣ правовѣрнй (т. е. католики) должни ôтклонити ся ôтъ малженьствъ съ тыми Русинами, которй ôтъ православнои вѣры не ôтступивши до общества съ римскою церквою не причислили ся, а въ случаи если православный Русинъ съ Литванкою католичкою, або Литвинъ католикъ съ Русинкою православною оженитъ ся, доженъ былъ пôдъ угрозою строгихъ (corporali multa) каръ малжонокъ православный приняти вѣру малжонка католицкого. Такіи мѣры противу православныхъ Русинôвъ, подôбно якъ и строгіи мѣры противу Литовцей придерживаючихъ ся православія, были причиною великихъ смутъ и движеній, которй скоро по наверненю Литвы до вѣры католицкои послѣдовали. Ягайло учредилъ въ Вильнѣ латиньское епископство и надалъ тоеже Полякови Андрееви Василю, гербу Ястрембецъ, епископови Серетскому (in partibus), бывшому сповѣднику королевои Елисабеты. Также учредилъ многи парохіи, а понеже не малъ еще Литовцей на руцѣ, въ правилахъ римскои вѣры обученыхъ, такъ новоучреженй парохіи надалъ Полякамъ [50]. Такъ епископія, якъ и парохіи обогаченй многими землями, доходами и привилеями привлекали Поляковъ о нихъ убѣгати ся.

Постановленя Ягайла на были такожь того рода, щобы на долшій часъ миръ и спокôй въ Литвѣ утвердити. Ягайло надалъ достоинство велико-княжеское въ Литвѣ, побуженый може быти просьбою Литовцей, котори навыкли мати великого князя посередъ себе, мужественому и въ военныхъ дѣлахъ ôтличившому ся Скиргайлу, украсилъ его ознаками велико-княжескими, вручилъ ему скиптръ и надѣлъ на него велико-княжеску шапку. При боцѣ Скиргайла поставилъ Ягайло раду сложену зъ вельможь и достойниковъ велико-княжескихъ, которыхъ ôтъ тогды по примѣру въ Польщи сенаторами прозывано. Скиргайло обовязалъ ся королю служити яко верховному пану, а король пôдчинилъ ему всѣхъ прочихъ князей братей такъ тыхъ, котори володѣли литовскими якъ и тыхъ, котори повелѣвали чисторускими областями. Ягайло може быти надалъ Полякамъ высокіи достоинства и велико-княжескіи уряды, и прибочная рада Скиргайла складала-сь частію зъ Поляковъ, частію зъ высокихъ достойниковъ литовской державы. Тое вносимъ зъ слѣдуючихъ слôвъ литовскои лѣтописи, „и было ему (Витольду) нужно и вельми бѣдно, чего передъ тымъ не было въ литовской земли стороннымъ владѣючимъ великимъ княженьемъ литовскимъ [51].“ По устроеню державныхъ дѣлъ верталъ Владиславъ-Ягайло зъ Литвы черезъ Волынь, вступилъ до Луцка и поставилъ въ Луцку ста-

---

[50]) Długosz T. X. p. 112. „in ecclessis parochialibus praesbiteros Polonos reliquit.“

[51]) Bychowca chronika str. 31.

ростою Креслава зъ Курозвенкъ каштеляна Судомирского [52]). Поставленый староста отрималъ призначенье, въ имени короля держати Луцкъ съ прилежачою землею[53]), що по всей вѣроятности могло быти знакомъ и доводомъ, що и волыньско-рускіи землѣ не лишь Литвѣ, но и Польщи служити одолжили ся. Ягайло уже ôтъ теперь загадалъ стиснути власть удѣльныхъ князей на Волыни.

Ôнъ еще р. 1386 по своей коронаціи въ Краковѣ надалъ Теодору Даниловичу, князю Острогскому, городъ Острогъ съ прилежачою областію съ тыми самыми условіями, пôдъ якими въ переднѣйшихъ лѣтахъ стрый Ягайла, Любартъ, тымъ городомъ его надѣлилъ былъ. Того самого р. 1386 потвердила королева Ядвига наданье своего мужа Теодору Острогскому, якъ выражае ся, щобы вынадгородити тымъ наданьемъ вѣрнй службы предкôвъ князя Острогского, дѣланіи князямъ рускимъ и великимъ князямъ литовскимъ. Пôзнѣйшими лѣтами умножилъ Ягайло области князя Острогского еще многими иными землями. Въ надгороду прислугъ, которй сдѣлалъ былъ Теодоръ Даниловичь Острогскій Владиславу-Ягайлу въ передъидучôй вôйнѣ его съ Витольдомъ, надае Ягайло Теодору Даниловичу городы съ прилежачими областями, именно: Корецъ, Заславъ и Хлопотинъ, и щобы его еще бôльше интересови королевскому одолжити, перемѣнилъ Ягайло характеръ посѣданя, объявляючи, що Теодоръ Острогскій долженъ посѣдати тіи городы и области, не яко лено, но яко неôтнятное дѣдицтво съ тыми самыми правами, съ якими вельможѣ въ Польщи свои дѣдицтва посѣдали [54]).

Такими наданями, правами и свободами возвеличилъ и вельможнымъ сдѣлалъ Ягайло родъ князей Острогскихъ и одолжилъ ихъ самому великому князю и коронѣ, и не дивъ, що власть и значенье Теодора Любартовича о стôлько пострадали, о скôлько могучество и вліянье князей Острогскихъ умножили-сь. Такое дипломатичное обезсиленье князя Теодора Любартовича казало-сь еще дуже лагôднымъ средствомъ въ порôвнаню до строгости, съ якою собѣ поступилъ Ягайло що до Юрія князя Белзкого. Ягайло вступивши на тронъ польскій долженъ былъ промышляти о тôмъ, якъбы заспокоити справедливіи притязаня гдѐкоторыхъ князей зъ роду Пястôвъ до трона польского. Мы видѣли, якъ осмотрительно поступалъ

---

52) Нарбутъ думае, що не Луцкъ, но Холмъ съ областію холмскою ôтданый былъ въ управленье каштеляновн Судомирскому, тое пôдля мнѣнія того историка тôлько бы значити мало, що Ягайло уже теперь область холмску ôтôрвалъ ôтъ Волыня и присоединилъ до Польщи.

53) Narbutta dzieje n. s. T. V. p. 109.

54) Invent. arch. arc. Cracov. Stadnickiego Synowie Gedymina T. II. str. 163.

собѣ Ягайло зъ разу съ Владисливомъ княземъ Опольскимъ. Но еще близшіи права на тронъ польскій притязивалъ Семовитъ, князь Мазовецкій. Сказалисьмо высше, що приверженцѣ Семовита въ Польщи воздвигли были его на ôднôмъ съѣздѣ Сѣрадскôмъ року 1383 на тронъ польскій. Щобы сего князя успокоити, надалъ былъ Ягайло Семовиту землю Радомскую, но понеже бояре и воеводы польскіи (barones et milites) не хотѣли на жаденъ способъ согласити ся на тое, щобы области пôдвладнû безпосередно коронѣ польскôй, надаванû были кому нибудь зъ князей давного роду королевского, такъ ôтнялъ Ягайло ôтъ Семовита землю Радомскую и надѣлилъ его землею Белзкою. По свѣдоцтву польского жерела [55]), которое намъ о выжреченôмъ наданю вѣсть передало, земля Белзкая въ всѣхъ ôтношеняхъ привосходнѣйшая ôтъ землѣ Радомскои славила-сь урожайностію почвы (gleby), изобильемъ пасовищь, орошена и живлена была многими рѣчками, поточками и ставами, и вообще отличала-сь такъ дарами природы якъ и культурою. Въ дотычачôй грамотѣ зъ 7 Сѣчня 1396[56]) вычислилъ Ягайло городы наданû Семовиту въ земли Белзкôй, именно же: Белзъ, Любачевъ, Бужскъ, Грабовецъ, Городло, Севаложь, Лопачôвъ (Лопатынъ?). Надѣленый тыми областьми князь Семовитъ Мазовецкій осталъ ся ленникомъ великого княжества литовского и обовязалъ ся ôтбувати военну службу тымъ способомъ, якимъ полнили и полнити обовязали ся князѣ литовскіи. Зверхъ тыхъ обовязаностій одолжилъ ся Семовитъ доховати вѣрность и послушеньство коронѣ польскôй, королю Владиславу Ягайлу и его женѣ Ядвизѣ, такъ якъ и прочіи князѣ литовско-рускіи въ попереднѣйшихъ лѣтахъ въ слѣдство соединеня Литвы съ Польщею были одолжили ся. Сказують [57]) такожь, що Ягайло надалъ былъ землю Белзкую Семовиту яко посагъ своей сестры Александры ему заслюбленои, и що тымъ наданьемъ загадалъ былъ заспокоити Семовита за притязаня его до землѣ Куявскои, до которои князѣ Мазовецкіи стародавное право мали и которая тогды еще находила-сь частію въ рукахъ Владислава князя Опольского. Ягайло загадалъ былъ тую землю присоединити до короны, що осуществилъ способомъ, якъ мы просторонѣйше высше уже розказали. А князь нашъ Юрій Белзкій обôбраный своихъ ôтцѣвскихъ земель не мôгъ при теперѣшнихъ обстоятельствахъ польскому королеви противити ся. Литва перестала быти ворогомъ Польщи. Въ слѣдство соединеня Литвы съ Польщею стратилъ Юрій, князь Белзкій, своего давного союзника въ борбѣ съ Польщею, Литву, и лишеный всякои помочи, уступилъ

---

55) Długosz.

56) Gołębiowskiego panowanie Władysława Jagiełły T. I. Dokument na str 498 z rękopismów Stanisława Augusta.

57) Długosz. Stadnickiego S. G. T. I. str. 23.

ся зъ Белзкои землѣ вразъ съ своимъ сыномъ Іоаномъ, съ своими дворянами, имѣньемъ и проч.

Приступимъ теперъ до розказу становища, якое занималъ на Руси Витольдъ, князь Берестейскій. Витольдъ ôтъ примиреня съ Ягайломъ обиталъ въ Луцку. Ягайло року 1384 далъ ему былъ Луцкъ съ всею землею Волыньскою. Окрôмъ землѣ Берестейскои и еи городôвъ Берестя, Дрогичина, Мельника, Бѣльска, Суража, Каменца и города Волковиска надѣленъ зôсталъ Витольдъ еще р. 1384 ôтъ Ягайла землею Городненьскою [58]). Земля Троцкая, властивая ôтчина Витольдова дôстала-сь Скиргайлу [59]). Возвысшаючи Скиргайла на великое княжество Литовское грамотою зъ р. 1387 приобѣцялъ Ягайло, що не ôтбере ôтъ него землѣ Троцкои. Зверхъ того потвердилъ Ягайло посѣданье всѣхъ городôвъ, которй еще отецъ Ягайла, Ольгердъ, Скиргайлу надалъ былъ, и придалъ къ тому Городно съ повѣтомъ Городненьскимъ [60]). Тымъ оскорбилъ Витольда, про то жалилъ ся Витольдъ передъ рицарями нѣмецкого ордина, що Ягайло въ замку Любельскôмъ надалъ Скиргайлу всѣ его ôтцѣвскіи волости. Надармо посылалъ Витольдъ бояръ до Ягайла съ представленями и жалобами, упоминаючи ся о землѣ приобѣцянй ему за ôтступленье Скиргайлу княжества Троцкого, надармо домагалъ ся спадщины по Любартѣ т. е. Волыня. Бояръ упоминаючихъ ся може засмѣло за кривду владѣтеля своего, заковано въ ланцухи и всажено до темницѣ. Витольдови здавало ся, що Скиргайло настае на житье его. Скиргайло и Ягайло подозрѣвали, що Витольдъ носитъ ся съ якими плянами, которй настоячому, Ягайломъ утверженому порядкови въ Литвѣ угрожали. Витольдъ обовязалъ ся былъ еще р. 1384, що не буде николи сносити-сь тайно противу королю съ его ворогами и що не буде входити безъ вѣдомости короля польского въ жадніи сношеня съ заграничными владѣтелями [61]). Стало ся, що сынъ князя Демитрія Московского молодый Василій утѣкаючи зъ орды, где его передъ кôлькома лѣтами Татары плѣнили были [62]), убѣгъ до Волощины, а ôттакъ черезъ Волынь и Литву до своей ôтчины Москви верталъ ся. Про-

---

58) Даниловича лѣтописецъ додае: „а въ литовской земли ôтчину его" Cromeri index. Narbutt u. s. T. V. str. 352.

59) Długosz „Skirgajło Trocensis."

60) Cromeri index. Narbutt. T. V. s. 397.

61) То есть ширшій смыслъ объязаній ся. Crom. index. arch. „neque mittet quoque legationem ipso inscio." Narb. V. 352.

62) Карамзинъ Т V. стр. 51. Василій пôсланъ былъ ôтцемъ въ орду, щобы противодѣйствовати Михаилу Тверскому, который о ласку нового хана Токтамиса убѣгалъ ся. Татары не пустили молодого Василія, показавшого ся въ ордѣ, назадъ до дому.

ѣзджаючи черезъ Волынь 1387, вступилъ до Луцка и пôзнавши-сь тамъ съ уродливою донькою Витольда, Софiею, заручилъ ся съ нею [63]. Може быти, що тiи сношеня Витольда съ сыномъ царя Московского непокоили Ягайла.

Ягайло припоручилъ Скиргайлу бачное мати око на дѣйства Витольда. Витольдъ жалилъ ся передъ Крижаками на такiй надзôръ, на такое стисненье его власнои волѣ и пр. [64]. Наступило року 1389 межи Скиргайломъ и Витольдомъ якое то премирiе. Уваги достойно есть обстоятельство, що въ дотычнôй премирительнôй грамотѣ Витольдъ снова княземъ Городненьскимъ именуе ся [65]. Но чи на долго оба князѣ Витолдъ и Скиргайло премирили-сь? Въ р. 1390 находилъ ся Витольдъ въ союзѣ съ рицарями нѣмецкого ордина и въ ôтвертôй вôйнѣ противу Скиргайлу. Жерело литовское [66] сказуе, що Витольдъ тогды сотворилъ совѣтъ съ многими князями и боярами литовскими, т. е. що смовилъ ся съ князями и боярами земель литовскихъ, которй не удоволенй были правленьемъ Скиргайла въ Литвѣ, и по всей вѣроятности съ боярами и князями тыхъ земель, которй Витольду послушали. Смовивши-сь съ своими боярами и князями и утвердивши ихъ собѣ присягою [67], напалъ Витольдъ на Вильно пôдчасъ ôтсуствiя великого кназя Скиргайла, который тогды ôтъѣхалъ до Полоцка, но ôтпертый Виленцями, утвердилъ свои городы въ земляхъ Гродненьскôй и Берестейскôй, поручилъ стражь ихъ своему приверженцу, Ивану князю Гольшаньскому, а самъ вразъ съ своею родиною именно съ женою, двома доньками, Софiею и Анастазiею, съ двома малолѣтными сынами, своимъ шуриномъ княземъ Смоленьскимъ, съ князями Юрiемъ и Иваномъ Белзкимъ и пр. ôтôйшолъ до Януша князя Мазовецкого, но не найшовши приналежитого принятiя, ôтдалилъ ся до нѣмецкого ордина, съ которымъ еще долго передъ тымъ черезъ тайныхъ послôвъ уговорилъ ся. Рицарѣ приняли благородныхъ гостей радостно, бо они за посредствомъ Витольда надѣяли-сь розрѣшити политичную связь Польщи съ Литвою и обѣцяли про то Витольду всякую помôчь. Витольдъ былъ мужемъ великого сердця и высокихъ мыслей. Ôнъ замыслилъ звергнути Скиргайла и засѣсти самъ на стôльци великого княжества литовского, а тое его предпринятье обовязали ся вспирати рицарѣ нѣмецкого ордина всѣми имъ прислужаючими силами.

---

63) Bychowca rękopism (chronica) str. 56. Narbutta T. V str 417.

64) Arch. królewskie u Narbutta T. V. str. 433.

65) Invent. in arce Cracov. p. 376.

66) Bychowca rękopism (chronica).

67) Stryjkowski, „bojarów swoich przysięgłych niemało zebrawszy."

Ôтъ тогды Витольдъ въ певной надѣи, що намѣренье свое осягне, именовалъ ся дѣдичомъ и ôтчичемъ великого княжества литовского [68]). Начала-сь губительна вôйна. Іоанъ Галошаньскій опустошалъ области Скиргайловіи зъ замкôвъ и городôвъ, которіи засады Витольдовй въ собѣ мѣстили. Витольдъ съ своими козаками и наймлеными за грошѣ шайками нѣмецкихъ охотникôвъ, вступалъ многократно въ глубъ Литвы и пустошилъ мечемъ и огнемъ все, що ему на дорозѣ навинуло-сь. Также майстры обохъ ординôвъ, такъ нѣмецкого, якъ и инфлянтского часто лично на челѣ численыхъ полкôвъ вникали въ край литовскій и розоряли вразъ съ Витольдомъ ôтчину того князя. Къ тому нещастю, якое наносилъ на край внѣшній непріятель, сотоваришила ся еще губительна домова вôйна. Ôтъ коли Витольдъ опустилъ Литву, удалъ ся до рицарей и началъ ôтвертый бôй съ Скиргайломъ и Ягайломъ, ôттогды жителѣ Литвы т. е. Русины и Литовцѣ подѣлили-сь на сторонництва. Однй тримали съ Витольдомъ, другіи съ Скиргайломъ. Обѣ стороны ненавидѣли себе до крайности и переслѣдовали себе взаимно. Слабшіи и колибаючіи ся умыслы незнали сами, кого держати-сь и часто зъ однои стороны до другои и на ôтворôтъ переходили [69]). Роздоръ, который жителей плоского краю безпокоилъ, водворилъ ся наконецъ и въ горожаньскихъ залогахъ. Явили-сь измѣны, именно зъ стороны Русинôвъ и Литовцей, которіи засаду военну по городахъ и земляхъ составляли, такъ н. пр. року 1390[70]) передаютъ огню Русины и Литовцѣ пôдчасъ осады Вильна черезъ Витольда, кривый т. е. низшій замокъ въ Вильнѣ, принужаютъ часть польскои залоги здати-сь Витольду а наконецъ соединяютъ ся сами съ Витольдомъ. Примѣры привлекаютъ! Литовцѣ слѣдовали часто примѣру Русинôвъ и измѣняли вразъ съ ними Скиргайлу. Наконецъ поколибали-сь умыслы въ цѣлôй Литвѣ и довѣреность загаломъ уступила недовѣрчивости. Самъ Ягайло подозрѣвалъ Литовцей и Русинôвъ о здраду, прото явилъ ся въ Литвѣ, щобы привлечи къ собѣ и утвердити колибаючіи ся умыслы. Ôнъ посылалъ войска, грошѣ, збôже и харчевй запасы до Литвы, щобы опустошеный край передъ голодомъ и непріятелемъ охоронити. Въ тôй борбѣ шляхта польская и князѣ Мазовецкіи, также князѣ братя Володимиръ Кіевскій и Деметръ Корибутъ Сѣверскій вспомагали короля польского

---

68) Stryjkowski ks. XIII. str. 504. „mianował się oyczyczem i dziedzicem własnym w. księstwa."

69) Długosz L. X. p. 124. ad a. 1390. „Lith. terrae quae domestico bello afflictae mutuis odiis Lithvanorum et Ruthenorum inter se vehementer aemulantium et nunc illas nunc alteras partes sequentium."

70) Długosz L. XIII. p. 455. Stryjkowski L. X. p. 128.

Ягайла противу Витольду. Коли отже майже цѣлая западная Русь въ тыхъ событіяхъ участвовала, чижь есть правдоподобно, щобы Русины на Волыни, межи которыми мешкалъ Витольдъ, нижели былъ ôтшелъ до Прусъ, нечинно тымъ сôбытіямъ въ литовской земли придивляли са? Въ битвѣ на Виліи побѣдилъ Витольдъ Скиргайлу и плѣнилъ многихъ князей зъ его войска. Межи плѣнниками окрôмъ князей Смоленьскихъ, князя Семена Заславского, князя Глеба Константиновича, предка Чарторыскихъ, брата або братанця короля Ягайла, наводитъ лѣтопись [71]) якихъ то князей Ивана Львовича Тета, и Льва Плаксича. Такъ стояли Русины южнои Руси съ Литовцями и Поляками на сторонѣ Ягайла и его союзникôвъ братей противу Русинôвъ и Литовцей, которй придерживали-сь Витольда и которымъ рицарѣ нѣмецкиго ордина помагали. Щобы охоронити-сь передъ здрадою Русинôвъ и Литовцей, которй часто измѣняли, король Владиславъ Ягайло вручалъ стражь головнѣйшихъ городôвъ Полякамъ и надавалъ имъ въ городахъ всѣ важнѣйшіи справованя и уряды[72]). Ягайло соединивши силы, здобылъ Витольдовй городы, Городно, Бресть, Каменецъ полѣскій и проч., и здобыти городы вручилъ въ управленье польскимъ шляхтичамъ. Такъ н. пр. ввѣрилъ Бресть Гінцѣ Роговскому, Каменецъ пôдлѣскій Зиндратови Москоржовскому. Иванъ Гольшаньскій, который въ имени Витольда городы землѣ Городненьской и Берестейской боронилъ, выпертый зъ тыхъ же, уступилъ вразъ съ приверженцями Витольдовыми, боярами и вельможами до Прусъ, где число прибывшихъ пріятелей Витольдовыхъ до 2000 головъ умножило ся. Наконецъ оба воюючіи князѣ Ягайло и Витольдъ приближили ся. Обомъ наскучила ся губительная вôйна, которая ихъ вспôльную ôтчину до крайности розоряла. Ягайло нехотѣлъ управляти страхомъ и строгостію надъ милыми ему ôтъ дѣтинныхъ лѣтъ родинными землями, ему наскучило-сь пребывати въ неустаннôй обавѣ, щобы еще и прочіи Русины и Литовцѣ не зворохобили-сь и не пристали къ Витольду, который съ ними тайнй сношеня утримовалъ. Старшому брату Скиргайлу ôтобралъ Ягайло достоинство велико-княжеское въ Литвѣ и пôслалъ его въ южную Русь до Кіева. Тое сдѣлалъ Ягайло, щобы удосточинити такъ Полякамъ якъ и Литовцямъ, которй Скиргайла для упорности его характера не хотѣли.

Молодшій братъ Вигантъ, которому Ягайло по Скиргайлѣ вручилъ былъ княженье въ Литвѣ, умеръ насильною смертію. Того енергичного князя умертвили сами Литовцѣ отруею. Прочіи братя Ягайла надъ мѣру

---

[71]) Bychowca rękopism (chronika) str. 31.

[72]) Długosz L. X. p. 128. „Poloni omnia obsessorum munera inter se partiti“ — Lithvanos et Ruthenos propter vehementem suspicionem ea obire vetuissent.“

любовали ся въ піяньствѣ и забавахъ. Трудности правленя Литвы черезъ польскихъ намѣстниковъ, свойства прочихъ братей Ягайла, до правленя надъ Литвою не успособленыхъ, уронъ на людяхъ, ущербокъ на грошехъ и проч. словомъ цѣлое положенье Польщи въ Литвѣ склонило Ягайла приближити-сь до Витольда и тому достоинство В. княжеское въ Литвѣ поручити. Но и Витольду стануло скучно въ земляхъ нѣмецкого ордина. Пропитанье такъ численыхъ гостей, которіи съ Витольдомъ до Прусъ были ôтдалили ся, стояло пôдля спостереженя выслѣдователей (Voigt) до сихъ поръ около 100.000 гривенъ серебра выдатковъ. Оже недивъ, що орденъ самъ радъ былъ позбути-сь тыхъ гостей. Витольдъ зауважалъ, що рицарѣ родину его старанно стерегли и членôвъ Витольдового дому розделивши пôдъ рôжными предлогами по городахъ, якбы поручниковъ и закладниковъ уважали. Жена Витольдова пребывала въ Бертенстейнъ, Юрій и Іоанъ князѣ Белзкіи въ Морунгенъ, два малолѣтніи сыны Витольда въ Кролевцу, братъ молодшій Витольда Сигисмунтъ Кейстутовичь въ Мальбургу и проч. Пересвѣдчивши ся о корыстолюбію и интересовности рицарей нѣмецкихъ, оскорбленый ихъ недовѣрчивостію, загадалъ Витольдъ змѣнити имъ и приняти предложеня Ягайла. Насамперѣдъ выслалъ Витольдъ свою жену вразъ съ сокровищами до Юрбургу якбы на объѣздку тыхъ фôльварковъ, которіи Витольду на пропитанье служили. Ту призвалъ черезъ тайныхъ послôвъ и прочихъ князей своихъ пріятелей и спровадилъ ихъ такожь пôдъ позôрными предлогами до себе, именно Юрій и Іоанъ князь Белзкіи прибыли щастливо зъ Морунгенъ до Юрбургу. Всѣ члены родины находили ся уже при Витольдѣ, кромѣ двохъ сынôвъ и молодшого брата Сигисмунта. Пôдъ позоромъ приготовленя военного напада на Литву, стягнулъ Витольдъ коло Юрбурга военніи силы и тогды ажь съ женою, членами родины, князями приверженцями, боярами и войнами, съ цѣлымъ своимъ снарядьемъ и имѣньемъ обвладѣлъ пограничными замками нѣмецкого ордина, плѣнилъ жителей тыхъже, прельстилъ и побилъ наступаючихъ за нимъ рицарей нѣмецкихъ, вступилъ въ родинну Литву и сближилъ ся къ Вильну. Виленцѣ отворили за повелѣньемъ Ягайла ворота городскіи а Витольдъ засѣлъ тутъ вразъ съ своимъ дворомъ, князями и боярами. Ту собылъ ся съѣздъ родины литовскихъ князей братей, а Ягайло и Витольдъ утвердили тутъ условія умирительни. Ягайло ôтдалъ Витольду ôтцѣвство и дѣдицтво его (Троки) и землю Берестейскую, або такъ званое Пôдляшіе. Зверхъ того надѣлилъ Ягайло Витольда достоинствомъ великокняжескимъ т. е. ôнъ пôдчинилъ его верховнôй власти всѣ княжества, городы и области литовскіи и рускіи, которіи до составу литовскои державы принадлежали. Витольдъ обовязалъ ся вразъ съ своею женою Анною до послушеньства и вѣрности королю Ягайлу и его женѣ

Ядвизѣ. Ягайло приобѣцялъ Витольду безъ его призволеня до городôвъ: Вильна, Витебска, Мереча, Гродна не посылати нiякихъ намѣстникôвъ [73]) и съобовязалъ до послушеньства Витольду всѣхъ князей рускихъ и литовскихъ. Скиргайлу надалъ король за изволеньемъ Витольда Кремянецъ и Стожокъ на Волыни, въ надгороду за тое, що ôнъ зъ своего дѣдицтва въ Литвѣ Витольду уступилъ ся. Витольдъ заключилъ осôбный союзъ[74]) съ Скиргайломъ и оба князѣ обѣцяли противу кому нибудь за изволеньемъ короны польской взаимно себе вспирати. Зверхъ того Витольдъ обовязалъ ся здобыти зôстаючое пôдъ Володимиромъ Кiевскимъ княжество Кiевское, которое еще передъ усмиреньемъ вôйны Ягайло Скиргайлѣ надалъ былъ и вручити тое Скиргайлу. Литовскiи лѣтописи розличаютъ еще великое княжество литовское и руское. Такъ Витольдъ сталъ быти великимъ княземъ литовскимъ, а Скиргайло отримавши княжество Кiевское, ôтличалъ ся старымъ титуломъ великого князя руского. По сдѣланю взаимныхъ съобовязанiй Витольдъ украшеный зôсталъ всѣми ознаками велико-княжеского достоинства литовского и пôднесеный торжественно на столецъ великого княжества королемъ, королевою и епископомъ Виленьскимъ. Тое событiе описуе лѣтописецъ литовскiй слѣдуючими короткими словами [75]): „а князь великiй Витольдъ вже осѣлъ Вильну и князьство литовское и при немъ былъ князь Юрiй Белзкiй, а князь Иванъ Олигмунтовичь, а коли сѣлъ на стôлци дѣда своего Ольгерда и ôтця своего Кейстута и рада ему была вся земля литовска и р у с к а я.“

Не долго по возвысшеню Витольда на великое княжество литовское возникъ роздоръ межи Витольдомъ и князями руско-литовскими именно тыми, которiи на Руси мали свои удѣлы. Тiи князѣ не хотѣли Витольду повиновати ся, они объявили, що Ягайло есть ихъ верховнымъ паномъ, Витольда уважали за рôвного собѣ, не давали данинъ повинныхъ, не посылали военныхъ силъ Витольду на помôчь, коли той завзывалъ ихъ до борбы зъ рицарями нѣмецкого ордина и. пр. Ольгердовичѣ не могли знести того, що Кейстутовичь на престолѣ великого княжества литовского засѣлъ. Они рôднiи сыны Ольгерда мнили ся быти до престола великого княжества литовского бôльше управнеными якъ Витольдъ а коли той зажадалъ ôтъ нихъ доводôвъ покорности, они ему яко рôвни рôвному союзъ предкладали.—Были еще инiи причины, которiи роздоръ межи членами княжеского роду литовского споводовали и братню вôйну приско-

---

73) Kojałowicz T. II. p. 33. „neminem Vilnensi, Vitebscensi, Merecensi ac Grodnensi arcibus praefectum invito aut inscio Vitoldo imponeret.“

74) Krommeri index, documenta sub anno 1392. Narbutt u. s. T. V. str. 492. 493

75) Bychowca rękopism chronika) str. 31.

рили. Витольдъ еще при вступленю на тронъ литовскій обовязалъ ся помочи Скиргайлу до осягненя В. княжества Кіевского противу дотеперѣшному посѣдателю Кіева Володимиру Ольгердовичу, который однакожь, хотяй про свою свирѣпôсть и невоздержанôсть не любленый былъ пôддаными, добровôльно зъ Кіева уступити ся не мыслилъ. Витольдъ и Скиргайло загадали выступити на весну (1395) вôйною противу Володимиру Ольгердовичу [76]). Войска Витольдовй заняли городы Володимировй Овручь и Житомирь, а Скиргайло взялъ за повелѣньемъ великого князя Витольда городы Черкасы и Звенигородъ пôдъ Володимиромъ [77]). Предстояла кровопролитая битва. Межи тымъ являютъ ся послы ôтъ короля Ягайла, которй спорячихъ князей съ собою помирили. Володимиръ уступилъ зъ Кіева. Кіевъ надалъ Витольдъ Скиргайлу, а Володимиру Ольгердовичу и его потомкамъ за ôтступлевье ôтдалъ въ вѣчный ужитокъ замокъ Копель съ прилежачими просторонными волостями, пущами, дворищами, фольварками и озерами, ôтъ жерелъ Нѣмна ажь до устя Случи и Припети, а ôтъ Припети до Днѣпра [78]).

Потомки Володимира Ольгердовича воздвигли, або лучше сказати обновили городъ Случь на рѣцѣ Случѣ и ôтличали-сь въ литовскôй исторіи пôдъ именемъ князей Слуцкихъ.

Скиргайло осѣвши въ Кіевѣ собралъ великіи сокровища зъ тыхъ земель, жизненыхъ хлѣбомъ и преисполненыхъ ботатствами, при тôмъ приобрѣлъ приклоннôсть Русинôвъ великою щедротою и любовію руского обряди. Такъ укрѣпивши-сь Скиргайло воевалъ на великого князя Витольда. Сказуютъ, що Скиргайло нападалъ дѣдичнй области Витольда, опустошалъ Гродно, Суражь и городы Пôдляшія, наконецъ премирилъ ся съ Витоль-

---

[76]) Нарбутъ Т. V. сказуе, що Скиргайло уже тогды былъ въ Кіевѣ, а Володимиръ ограниченъ былъ на гдекотори области, именно Овручь и Житомирь и ôтси роспочалъ распрю съ Скиргайломъ. Нарбутъ предполагае, що Володимиръ зъ Кіева добровôльно уступилъ ся.

[77]) Тая вôйна подôбна въ датахъ до войны зъ р. 1319. Тогды Гедыминъ вступилъ на весну на княжество Кіевское и занялъ насамперѣдъ городы Житомирь и Овручь.— Rękopism Bychowca. Stryjkowski ks. XIV. str. 465. Послѣднiй говоритъ о завоеваню Овруча и Житомира черезъ Витольда, первый о завоеваню Черкасъ и Звенигороду черезъ Скиргайлу. Рукопись Биховца сказуе, що то занятье Черкасъ собыло ся по взятю Кіева Витольдомъ и посаженю въ Кіевѣ Скиргайла. Стрыйковскій также здобытье тыхъ городôвъ мѣститъ въ тôй часъ, що и рукопись Биховца и додае еще, що окрôмъ Звенигорода и Черкасъ здобылъ Скиргайло городъ Каніовъ. Въ тôй оповѣди тенденція, бы доказати, що цѣлое княжество Кіевское здобытое черезъ Литовцей Скиргайломъ або самымъ Витолдомъ, або єа повелѣньемъ Витольдовымъ.

[78] Stryjkowski ks. XIV. str. 467.

домъ за посредничествомъ Ягайла и отрималъ Троки, Стародубъ Сѣверскій и Кремянецъ на Волыни [79]), который однакожь ему еще въ слѣдство премирительного уговора зъ р. 1392 належалъ ся. Скиргайло добиваючи ся снова о велико-княжескій тронъ въ Литвѣ, бралъ въ оборону тыхъ бояръ и князей, которі съ Витольдомъ спорили. Въ тое время также выпущеный зôсталъ зъ вязницѣ знаный намъ зъ мятежи пôдчасъ крещеня Ягайла въ Краковѣ Андрей. Ôнъ отрималъ на пропитанье якую то область въ литовскôй Руси и былъ предкомъ князей Трубецкихъ и Полубиньскихъ [80]).

Въ р. 1393—1395 Витольдъ затрудненый былъ вôйною съ рицарями нѣмецкого ордина, которі не переставали ссорити князей литовскихъ межи собою. Они передъ недолгôмъ времени вспирали Витольда противу Скиргайлу и Ягайлу, а теперь побужали Ольгердовичей противу Витольду Кейстутовичу. Якъ тогды Витольдъ, такъ теперь рôдный братъ Ягайла Свидригайло, розпочалъ мятежь въ области Витебскôй и Полоцкôй, но побитый войсками Витольдовыми, позбавленый былъ Полоцка и осаженый въ Кревѣ, на мѣстци Александра-Виганта. Ту найшовши много приверженцѣвъ Русинôвъ и Литовцей убѣгъ до Прусъ и принявши титулъ великого князя пустошилъ и розорялъ Литву вразъ съ рицарями, которіи вспомаганьемъ Свидригайла Литву ôтъ Витольда и Ягайла снова ôтклонити замыслили. Они вникали глубоко въ край и даже до землѣ Дрогицкои т. е. на Пôдляше, зъ ôтки много полону забравши, тойже до Прусъ 1394 вывозили. Свидригайло утримовалъ сношенье съ своими приверженцями въ Литвѣ. Именно калауры, т. е. монахи рускіи съ Свидригайломъ заприсягнули ся. Приклонность до князя, который черезвычайно спріялъ рускому исповѣданю, побудили калаурôвъ до предательства. Тіи обовязали-сь въ время, коли явитъ ся Свидригайло съ рицарями въ Литвѣ, наложити по городахъ и замкахъ огонь и улегшити непріятелямъ преобладѣнье городами, якъ то колись Русины и Литовцѣ въ низшôмъ замку Виленьскôмъ за временъ мятежи Витольда были учинили. Однакожь заприсяженье ôткрыто однымъ зъ заприсяженыхъ чернцѣвъ, а калауры зôстали строгими муками казнени [81]). Ôттакъ Витольдъ предпринималъ напады на Прусы и щастье клонило-сь на его сторону, а наконецъ премирилъ ся съ ординомъ р. 1395.

Еще въ р. 1293 коли то не долго по возвышеню Витольда на престолъ велико-княжества литовского, загадалъ Демитръ Корыбутъ вывязати ся зъ пôдъ власти Витольда, подôбно якъ тое пôзнѣйше або скôрше

---

[79]) Kojałowicz T. II. p. 37.
[80]) Kojałowicz T. II. p. 37.
[81] Długosz L. X. p. 140

всѣ прочіи князѣ бôльшихъ удѣлôвъ на Руси были учинили. Тое споводовало Витольда, що противу Корыбута съ литовскимъ войскомъ вырушилъ. Противу нему станулъ Корыбутъ съ полками рускими и съ помочію князя Тверского. Пораженый у Никодова заперъ ся былъ Корыбутъ вразъ съ женою и дѣтьми въ Новгородку Сѣверскôмъ, почемъ Витольдъ до осады того города приступилъ. Новгородокъ не остоялъ ся. Корыбутъ плѣненый вразъ съ женою и дѣтьми, ôтосланый былъ до Польщи. Ôтобравши Демитрію землю Сѣверскую вразъ съ Бряньскомъ. — Князь подôльскій Теодоръ Коріятовичь не хотѣлъ Витольду чоломъ вдарити и ему покорити ся. „И подôльска земля не хотѣла была послушна быти князю великому Витольду и литовской земли, якоже передтымъ послушна была“[82]). Витольдъ рушилъ съ всѣми ему предстоячими силами на Подôлье р. 1393., а Теодоръ шукалъ помочи такожъ у короны угорскои и отрималъ тую[83]). Коріятъ пораженъ былъ коло Брацлава. Оборону своихъ городôвъ оставилъ Русинамъ и Волохамъ. Ôнъ жилъ въ пріязныхъ сношеняхъ съ румуньскими т. е. бессарабскими и молдавскими господарами и тіи удѣлили ему помôчь, а може быти, що Волохи наймивши-сь за грошъ подôльскому князю служили. Витольдъ приступилъ до подôльскихъ городôвъ, которіи мужественно передъ нимъ обороняли ся. Витольдъ по битвѣ пôдъ Брацлавомъ ступаючи за непріятельемъ, здобылъ гдекоторіи городы приступомъ по жестокôмъ супротивленю, именно: Брацлавъ, Соколецъ, Смотричь, Скалу и Червено-городокъ. Еще въ XVI. столѣтію показовано при подôльскихъ городахъ шанцы, Витольдовыми названй. Оружіе Витольдово оперло ся ажь по Каменецъ. Сей городъ сильный природнымъ положеньемъ и дѣломъ рукъ людскихъ пôддалъ ся по долгôй осадѣ ажь тогды, коли по середъ засады межи Волохами и Русинамы роздоръ возникъ и тіи въ жестокôмъ пристрастію потребнии для обороны мѣры предпріяти залишили. Витольдъ преовладѣлъ городомъ, плѣнилъ подôльского князя Теодора Коріятовича и ôтдалъ власть на Подôлю дворянинови своему Грановскому. Такъ и Подôлье стратило свою полусамостоятельнôсть и ôттакъ яко провинція до Литвы причисляло ся.

Городы западнои Руси, оже Смоленьскъ и сосѣдній области Витебскъ и пр. всегда были склоннй до мятежи противу Литвѣ. Князѣ Смоленьскіи Юрій и Глебъ Святославичѣ нехотѣли быти Витольду послушными [84]).

---

[82]) Daniłowicza latopisiec str. 51. Bychowca rękopism (chronika) str. 34.

[83]) Казимиръ Гр. Стадницкій (Synowie Gedymina T. I.) заперечае, що Венгры помагали Теодору Коріятовиту.

[84]) Bychowca rękopism (chronika) str. 34.

щобы не розливати безъ потребы крови людской, загадалъ Витольдъ Смоленьскомъ лестію овладѣти. Розсѣявши вѣсть, що иде войною на Татаръ, явилъ ся несподѣвано передъ Смоленьскомъ а убезпечивши князя Глеба прелестными словами, занялъ его городъ, а на Юрія брата Глебового, который за помочію своего тестя Олега Рязаньского, войну розпочалъ былъ, пôслалъ князя Симеона-Лангвенія. Симеонъ-Лангвенъ взявши полки Смоленьски побѣдилъ Юрія и поплѣнилъ области Рязаньского Олега. Наконецъ Святославичѣ съ Витольдомъ погодили-сь и были одѣлени иными волостями; Глебъ Полоной городомъ въ Володимирской Руси, Юрій Роставлемъ. Оба князѣ служатъ ôттогды великому князю литовскому. Смоленьску представилъ Витольдъ литовскихъ намѣстникôвъ „великій князь вда градъ Смоленьскъ князю Ямонту, и Василію Борейковичу" 1395.

Въ рôкъ по тôмъ смертію князя литовского Скиргайла укôнчило ся дѣло безпосередного пôдчиненя княжествъ рускихъ пôдъ великого князя литовского. Скиргайло князь Кіевскій умеръ напрасною смертію. Носили-сь слухи, що Скиргайло отравленъ былъ намѣстникомъ митрополичимъ, черницемъ Томою Іосуфовымъ. Кназь ѣдучи за Днѣперъ на ловы, запрошеный былъ на пиръ Томою до митрополичого двора. Гдекоторіи мовятъ, що той Тома далъ князю Скиргайлу отравное зѣлье пити. Зъ пиру поѣхалъ князь Скиргайло за Днѣперъ къ Милославичамъ, розболѣлъ ся тамъ и приѣхавши до Кіева семого дня умеръ. „И понесли его на головахъ священици, поющи пѣсни угодныя съ свѣщами зъ города зъ Кіева къ св. Богородици Печерской и положенъ бысть, добрый а чудный князь Скиргайло подля гробу св. Теодосія печерского [85])." Ôтъ времени смерти Скиргайла потералъ и Кіевъ свою полу-самостоятельнôсть и сталъ ся провинціею Литвы. „Князь великій Витольдъ услышалъ, що князь Скиргайло преставилъ ся, послалъ князя Ивана Олигмунтовича къ Кіеву и далъ ему держати Кіевъ." р. 1396.

Съ тымъ извѣстіемъ, черпанымъ съ достовѣрнѣйшого жерела литовского, трудно погодити извѣстіе о Скиргайлѣ находячое ся у Длугоша (1394). Пôдля того жерела Скиргайло свирѣпостію навлѣкъ ненависть у Кіевлянъ. Намовленый Ягайломъ носилъ ся мыслію, ôтступити ôтъ православія и предприняти путешестіе до Риму, бы тамъ свое намѣренье выполнити. Що до причины смерти жерело польское сказуе намъ, що месть за свирѣпость Скиргайла, реченого черница намѣстника до такого безбожного дѣла побудила.

Свидригайло бавилъ у рицарей нѣмецкого ордина. Зъ ôттамъ вôйшолъ въ порузумѣнье зъ неудовольными боярами Витебскими, побудилъ

---

[85]) Bychowca rękopism (chronika) str. 34.

рицарей снова на противъ Литвы и роздулъ мятежь въ Витебску. Однакожь Витольдъ явилъ ся вскорѣ съ войскомъ, обсадилъ Витебскъ, здобылъ тойже и упокорилъ прочіи городы Витебскои области, Свидригайла плѣнилъ а связавши его отослалъ до короля польского р. 1396 [86]).

При возвысшеню на велико-княжескій престолъ въ Литвѣ р. 1392 одержалъ Витольдъ межи иными городы рускіи, Бресть, Каменецъ подлѣскій, Луцкъ и Володимирь [87]). Въ Володимирѣ княжилъ Теодоръ Любартовичь. Онъ звалъ ся якъ мы уже высше сказали, княземъ Луцкимъ и Володимирскимъ. Теодоръ задержалъ титулъ князя Володимирского, но мусѣлъ зъ Волыня уступити ся. Король Ягайло надѣлилъ Теодора княжествомъ Сѣверскимъ, котороe въ р. 1393 отнятое было Демитрію Корыбутови. Ягайло надалъ Сѣверщину Теодору зъ ласки королевской, за що той обовязалъ ся документомъ зъ дня 23. Мая 1393 въ Вислици изготовленымъ [88]) до вѣрности службы и послушеньства королю польскому Ягайлу, великому княжеству литовскому и рускому. Княжество Сѣверское мѣстило въ собѣ землѣ на лѣвомъ березѣ Днѣпра, урожайнѣ почвою, наполненѣ сплавными рѣками, городами и замками, а для своихъ привлекательныхъ свойствъ казало-сь оно быти доброю надгородою за отступленье отцѣвского Волыня.

Отколи Витольдъ другій разъ премирилъ ся съ братомъ р. 1392 и засѣвши на столци велико-княжества литовского княжества западно-рускіи подъ свою имперію присовокупилъ, оттогды Луцкъ для югозападнои Руси сталъ ся головнымъ мѣстомъ и другою резиденціею Витольда. Витольдъ веденый тою самою политикою, що Ягайло, двигалъ родъ князей Острогскихъ. Въ Луцку потвердилъ Витольдъ, яко великій князь литовскій вразъ съ Ягайломъ, королемъ польскимъ Теодору Даниловичу Острогскому наданье городовъ и областей: Корца, Заславля, Хлапотина, съ правами, якіи звычайно дѣдичамъ въ Польщи прислужали. Тая грамота [89]), которую лишь зъ извлеченя знаемъ, сходная есть со всемъ съ грамотами издаными Ядвигою и Ягайломъ Тоедору Любартовичу, якоже и съ грамотою, которую Ягайло въ Козмѣнцахъ тому князю надалъ утверджаючи посѣданье Острога и Заславля, съ тымъ розличіемъ, що тое все сдѣлалъ былъ тогды королъ, вынадгорожаючи заслуги Теодора при защитѣ Вильна въ тогдашной войнѣ противъ Витольда. Такъ и зъ тыхъ неоспо-

---

86) Stryjkowski ks. XIV. str. 474.

87) Stryjkowski „Wilno, Grodno, Suraż, Kamieniec Podlaski, Brześć, Łucko, Włodzimierz ze wszystkiem Wolyniem.“

88) Suplementa ad historica Russiae monumenta. Petropoli 1848. „Regno Poloniae principatui Lithvaniae et dominio Russiae.“

89) Stadnickiego S. G. T. II. str. 163.

римыхъ жерелъ явно, що Волынь о тôлько въ текучихъ событіяхъ участвовалъ, о кôлько Ягайло выступивши противу Витольду въ року 1390 передъ всемъ занялъ Луцкъ съ прочими Витольдовыми городами[90]) и о много князь Теодоръ Острогскій ставувши тогды на сторонѣ короля и его намѣстника Скиргайла, Вильно обороня̀лъ и въ дальшôмъ теченю вôйны межи Витольдомъ и Ягайломъ, Ягайла противу Витольда вспиралъ, а теперь по наступившôмъ премиреню обохъ князей ними употребленый былъ на униженье Теодора Любартовича и его потомкôвъ.

Польща еще ôтъ временъ Казимира дѣлала якіи то притязаня до Подôля. Днесь, коли въ слѣдство спору межи Литвою и Польщею о Подôлье, писателѣ польскіи и литовскіи событія сюды ôтносячіи ся тенденційно представили, а намъ лишь свѣдоцтва исторични. передани литовскими и польскими писателями позôстали, въ подробности истину изслѣдити трудно. Литовское жерело сказуе, що еще ôтъ князя Юрія Коріятовича якіи-то записы позôстали, которіи доводятъ, що Поляки завоевали были Подôлье до Кременца [91]). По здобытю Подôля черезъ Витольда на князю Теодору Коріятовичу ôтдалъ былъ Витольдъ по всей вѣроятности за посредничествомъ короля Ягайла одну часть здобытого Подôля князю Демитрію Корыбуту, тому самому князю, который потерялъ княжество Сѣверское. Городы, наданй Демитрію Корыбуту были: Брацлавъ, Виница, Соколецъ и Кремянецъ. Иный братъ Ягайла Константинъ одержалъ, незнати въ который часъ, Черниговъ и Чарторыскъ, оже часть земель, которй до Кіевского княжества належали. Ôтцю слѣдовалъ князь Глебъ. Ôтъ посѣдлостей потомки сихъ князей Олгердовичей прибрали имя Чарторыскихъ [92]). Часть Подôля, до которой Польща якіи то права притязивала, надалъ Ягайло р. 1394 може быти въ той часъ, коли Витольдъ укôнчилъ выправу противу непослушному князю Подôльскому Теодору Коріятовичу, Витольдови съ правомъ дѣдицтва яко лено польское голдовничимъ обычаемъ. Городы, которй тая часть Подôля въ собѣ мѣстила были: Каменецъ, Смотричь, Червоногородокъ, Бакота и Скала Премиренье Витольда съ Теодоромъ Коріятовичемъ наступило за посре-

---

90) W archivum koronnem zapis Witolda, w którem tytułuje się książe łucki i grodzieński (Voigt Geschichte Preussens). Król zabiera Witoldowi, gdy ten przyszedł na stronę Krzyżaków Brześć, Luck, Suraż (Lindenblatt preussische Chronik). Narbutta dzieje narodu litewskiego. T. V

91) Stryjkowski L. XIV. Казимиръ В. надалъ уже р. 1363 село Пилавцѣ въ Каменецкоѧъ округѣ Прандотѣ Щуковскому. Lipińskiego i Balińskiego starożytna Polska T. I str. 1010. 1011. Тая грамота если не есть пôдроблена доводитъ пановање Казимира В. въ той части Подоля р. 1363.

92) Stryjkowski. „Hleb Konstantynowicz Czartoryjski.“

дничествомъ Ягайла. Теодоръ находилъ ся въ плѣни у короля польского ажь до р. 1403, но выпущеный на вôльность, не удержалъ уже литовского Новгородка. Половина сего дѣдицтва князя Теодора т. е. половина Новгородского княжества въ Литвѣ надана была брату Витольда Сигисмунту р. 1401. Сказують, що и Теодоръ Коріятовичь зоставленый былъ при якôй-то части Подôля. Такожь и о якôмъ-то Василію Коріятовичу жерела вспоминають[93]). Мы спостерѣгаемъ якихъ-то Коріятовичей Глеба и Симеона въ службѣ Витольда въ битвѣ на Ворсклѣ въ року 1393. Може быти, що то были сынове Теодора, которымъ якая часть Подôля зъ ласки Витольда и Ягайла яко дѣдичное ôтцѣвство позôстала.

Жерело литовское сказуе, що на просьбу короля Ягайла ôтступилъ былъ Витольдъ подôльскую землю, именно тую часть, которая до Каменца принадлежала и до котороп корона польска верховное право притязивала, королю Ягайлу за 20.000 (гривенъ) „пакъ король почалъ просити великого князь Витольда, рекучи: милый брате, далъ тобѣ Богъ, добылъ есь подольскои земли, учини мнѣ тую честь, дай ми подôльскую землю. Князь великій Витольдъ далъ подôльской земли половину королю у двацяти тысячь гривенъ, далъ Каменецъ, Смотричь, Скалу, Червоный Городокъ и Бакоту.“[94]). Якъже погодити тое извѣстіе зъ выжь помянутою грамотою, которою Ягайло Витольду тую самую часть Подôля въ дѣдичное лено надалъ былъ? Може быти, що Поляки изготовили выжь помянуту грамоту наданя лишь для того, щобы принаймѣй тымъ мнимін права Польщи до Подôля сохранити. Витольдъ уже и безъ того зъ всѣхъ своихъ краѣвъ, отже зъ Литвы и принадлежачихъ до Литвы княжествъ, сложилъ голдъ и обовязалъ ся до послушеньства Ягайлу, Ядвизѣ, и коронѣ польскôй.

„А король городы (Подôля) въ дватцяти тысячехъ, пану Спиткови заставилъ.“ Ôтъ тогды переселилъ ся Спитко воевода краковскій, одинъ зъ першихъ достойникôвъ короны польскои, на Подôлье. Ôнъ найбôльше изъ всѣхъ вспиралъ соединенье Литвы со Польщею и возвышенье Ягайла на тронъ, для того одарилъ его Ягайло коштовными дарами и областями въ Ополю. Однакожь Поляки не хотѣли терпѣти у себе надання способомъ леннымъ и противили-сь наданю здѣланому Спитку кракôвскому. Теперь подарила ся добра способнôсть за здѣланіи заслуги Спитка Подôльемъ вынадгородити. Ягайло ôтдалъ тую землю Спиткови въ ужитокъ, щобы тую въ имени короны держалъ.

---

93) Index arch. p. 378.

94) Daniłowicza latopisiec str. 52. Kromer de origine et rebus gestis Polonorum L. XV. p. 376. „Vitoldum Vladislao regi petenti partem Podoliae cum supra memoratis arcibus concessisse quadraginta millibus florenorum (?) ab eo acceptis.“

Не можна было кому иному лучше отдати наблюданя польского интересу на Подолю, якъ одному зъ первыхъ достойниковъ короны. Спитко, панъ можный и славный богатствами, которіи по всей вѣроятности на урожайныхъ почвахъ Подоля умножилъ, оженилъ ся съ якою-то молодою прекрасною женщиною и провадилъ на Подолю великолѣпный дворъ. При его боку вспоминае ся маршалокъ Бернардъ, Прокопъ писарь (notarius), Преславъ скарбникъ (thesaurarius), Николай столникъ (pincerna). Съ тыми то своими дворянами и многими иными панами польскими, которіи на дворѣ его пребывали, товаришилъ на челѣ многихъ подольскихъ полковъ Витольду въ время его выправы на татарского хана Тимуркутлука р. 1399.

Чотырнацятое столѣтіе клонилось до конця. Литвою и Русію володѣлъ можный Витольдъ. Соединенье Литвы съ Польщею здавало ся служити лишь къ тому, щобы повагу соединеныхъ народовъ передъ лицемъ постороннихъ державъ утвердити. Щастьемъ своимъ упоеный Витольдъ учинилъ колька разы щастливіи походы противу Татаръ, которыхъ могучество въ тіи времена черезъ внутренній роздоръ много потеряло. Онъ загадалъ покорити собѣ и сдѣлати зависимымъ отъ Литвы паньство Татарское и посадити въ золотой ордѣ хана своего приверженца. Витольдъ натераючи строго и безощадно въ самое сердце Татарского царства, розбудилъ всю строгость еще не оскудѣвшихъ силъ того народа, и навлѣкъ месть, которои тяжесть Володимирская Русь испитала.

На престолѣ золотои орды засѣлъ былъ Токтамышъ за помочію Тамерляна, возобновителя престола великого Тшагатая въ глубокой Татаріи, побѣдителя и завоевателя Персіи, Индіи, Сиріи, Турціи и Египту. Неблагодарный Токшамытъ розпочалъ войну съ своимъ добродѣтелемъ, но двокротно побѣженъ, скиталъ ся по степахъ наддоньслихъ и Азовскихъ и боролъ ся съ новымъ ханомъ, который по изгнаню Токтамыша приобрѣлъ былъ киптшакскій престолъ. По многихъ пригодахъ пораженъ и побѣженъ оставилъ вразъ съ своими мурзами степъ и встремилъ ся черезъ Кіевъ до Литвы, бы умолити помочи у великого князя Витольда, который въ той часъ власть свою въ Литвѣ и на Руси утвердилъ и зъ всѣхъ современныхъ постороннихъ князей найбольшимъ славилъ ся могучествомъ. Новый ханъ на мѣстци Токтамыса, Тимуркутлукъ володѣлъ не только ордою, но и Перекопомъ и Кримомъ. Въ Кримѣ поставленъ былъ стрый его, предпріемчивый Едига яко ханъ. Онъ непокоилъ Подолье, а може и мыслію завоеваня того краю носилъ-ся.

Приобѣцянками Токтамыса побуженый Витольдъ посылалъ своихъ воеводъ воевати Татаръ Кримскихъ, Задоньскихъ и Завольскихъ. Тіи плѣнили многіи юрты Татарскіи и привели мможество родинъ Татарскихъ

съ собою, котори частію въ Литвѣ и именно въ Лидѣ и землѣ Берестейской, частію въ Польщи были поселени. Токтамышъ загрѣвалъ Витольда надѣею, що если возстановленъ буде на престолѣ кипткакскомъ, ôтступитъ ему свою верховную власть надъ Сѣверною Русію. Витольдъ рекъ такъ: „пойдемъ плѣнѣмъ землю Татарскую, побѣемъ царя Тимукутлуя посадимъ цара Тохтамиша а ôнъ насъ посадитъ на всей рускôй земли“[95]).

На Сѣверѣ володѣлъ молодый Василій, наступившій по ôтцю своемъ р. 1389. Ôнъ имѣлъ всегда на оку ôтновленое могучество Татарское, для того шукалъ приязни съ Витольдомъ обручивши ся а наконецъ оженивши-сь съ его донькою Софіею. Коли въ року 1395 настали роздоры въ ордѣ, ôнъ неперестававалъ Витольда противу Татарамъ побужати и помôчь приобѣцювати. Тымъ замышлялъ ôнъ прискорити борбу межи двова мирами татарскимъ и литовскимъ, знаючи добре, що въ борбѣ тыхъ двохъ могучихъ державъ изтончатъ ся силы обохъ. Въ прочемъ вѣдалъ ôнъ, якими высокопарными мыслями носилъ ся тесть его Витольдъ, про то не спѣшилъ нести приобѣцяну помôчь Витольду въ борбѣ съ Татарами и лишь зъ далека произшествіямъ придивлялъ ся.

Папа Бонифацій IX. булею зъ дня 4. Мая 1399[96]) изготовленою въ Авиніонѣ, вручилъ епископу краковскому обовязокъ, щобы проповѣдалъ круціяту, и черезъ католицкихъ епископôвъ проповѣдати приказывалъ, а то пôдчасъ торжественного богослуженя въ городахъ, пригородкахъ, мѣстахъ, мѣсточкахъ и приселкахъ цѣлого паньства польского, въ Литвѣ на Руси, Подôлю и Волыню. Папа говоритъ въ выжь реченôмъ письмѣ якобы Польща а именно присоединени до Польщи краи, Русь, Подôлье, Волощина, на неустанніи напады зъ стороны Татаръ и Туркôвъ выставлени были и многіи мученя и кривды ôтъ тыхъ варваръ утерпѣли. Папа говоритъ ту съ высшого становища своего, яко защитникъ христіяньства противу Татарамъ и Туркамъ, исповѣдавшимъ тогды могамеданизмъ, и обѣцяе въ дусѣ временъ, въ которыхъ собывали-сь крестовіи походы, ôтпущенье грѣхôвъ всѣмъ тымъ, котори щиро сокрушивши-сь и исповѣдавши ся съ оружіемъ въ руцѣ участвовалибы въ предуготовляемôмъ походѣ на Татаръ и черезъ весь часъ того похода про защиту реченыхъ паньствъ и земель воевали. Мы немаемъ извѣстія, чи въ самôмъ дѣлѣ епископъ краковскій проѣзджалъ Польщу, Литву и Русь и чи вѣрный припорученю папскому проповѣдалъ ôнъ самъ и епископы въ епархіяхъ, въ которыхъ являлъ ся, круціяту. Мы знаемо лишь зъ опису битвы, що многіи силы собрали-сь были на Татаръ и що зъ Польщи многіи вель-

---

[95]) Bychowca rękopism (chronika) str. 35.

[96]) Theineri T. I. p. 769.

можѣ и воеводы слѣдовали добровôльно на выправу, хотя якое-то предчувство у современныхъ ворожило сему пôдвигу нещастье, и хотя двôръ самъ и правительство польское видитъ ся впростъ не участничило въ тôмъ пôдвизѣ, ба навѣтъ королева Ядвига передъ пилкостію остерѣгала.

Не смотрячи на то готовилъ ся Витольдъ вырушити въ поле съ всѣми ему предстоячими силами Литвы и западнои Руси. На его повелѣнье явило-сь около пятдесять пôдвладныхъ ему рускихъ князей около Кіева. Ту прибылъ Спитко съ многими подôльскими полками, ту претягнули полки литовски, жмудскіи, ба даже рицарѣ нѣмецкого ордина примиривши-сь на короткій часъ съ Витольдомъ, пôслали ему кôлька сотъ ѣздцѣвъ на помôчь. И польскій вельможѣ и воеводы именно: Мазовецкій (Варшавскій), Плоцкій, Краковскій, ставили-сь передъ Кіевомъ, щобы вспертн испитаного воджа и побѣдоносца въ тôлько сраженяхъ въ вôйнѣ, которая казала-сь быти пôднята не лишь въ интересѣ двохъ соединеныхъ державъ, но и цѣлого христіяньства. Самое провѣдѣнье казало-сь спріяти предпріятію. Токтамышъ вспомагалъ также Витольда съ оставившими ся ему вѣрными Татарами противу своихъ соплеменниковъ. Свои и чужи военніи силы соединивши-сь переступили Днѣперъ, пустили-сь степомъ и безъ всякого супротивленя зъ стороны Татаръ перейшли рѣки Сулу, Хороль, Псоль и сближили ся до береговъ Ворсклы. Ту встрѣтили ся съ бôльшими еще силами хана Тимуркутлука и его стрыя хана перекопского Едиги. Надармо Спитко зъ Мельштына отраджалъ впускати-сь въ бой съ переважными силами Татарскими, надармо старалъ ся розсудными увагами склонити воеводъ до принятія условій мира, который самі Татары Витольду предкладали. Жажда славы и военный молодецкій духъ бôльшои части шляхетныхъ пановъ польскихъ перемôгъ въ радѣ военнôй надъ розвагою и досвѣдченьемъ.

Лінія боевая Христіянъ тиснена ôтъ двохъ сторонъ т. е. ôтъ заду и переду, по долгôй кровавôй борбѣ улягла множеству полковъ Татарскихъ. Спитко съ цѣлымъ дворомъ своимъ и девять князей рускихъ и литовскихъ, полягли на поли битвы ôтъ стрѣлъ и оружія татарского, тысячи тѣлъ мужественныхъ рускихъ и литовскихъ войновъ покрывали землю, волны степовои Ворсклы смѣшали-сь съ струями христіяньскои крови а широкіи пустковія зачервонѣли кровію р. 1399.

Межи поляглыми князями на поли битвы именуе жерело брата Ягайлового Демитрія Корыбута и его двохъ сыновъ, двохъ князей Коріятовичей, князя Ивана правдоподôбно самого намѣстника Кіевского, князя Ивана сына знаного намъ зъ попереднѣйшихъ временъ Юрія князя Белзкого и иныхъ князей и пановъ рускихъ, литовскихъ и польскихъ. Витольдъ съ Свидригайломъ, который также въ тôмъ походѣ при боку его являе ся, встигнули до Литвы повернути. Татары поступали за Витольдомъ,

и обсадили Кіевъ [97]). Кіевъ затворилъ ворота городскіи и готовилъ ся выдержати долготревалую осаду. Татары стояли 7 день передъ городомъ опустошаючи окрестности, однакожь они не радо предпринимали осады городо̂въ якъ звычайно степовіи народы. Татары взяли о̂тъ Кіевлянъ окупу 3000 рублей литовскихъ, самъ монастырь печерскій выплатилъ 300 рублей, оже 10тую часть окупу.

О̂тступивши о̂тъ Кіева розпростороняли Татары опустошеня, роспустили загоны по Сѣверско̂й и Володимирско̂й Руси, а наконецъ явили ся передъ самою южною столицею великого литовско-руского князя у Луцка.

Ту пріяли Татары вѣсть, що еще численое войско, якобы резерва литовская, стоитъ на погото̂влю. Не желаючи съ тымъже мѣрити ся, уступили зъ поплѣненыхъ и опустошеныхъ земель съ великимъ полономъ, за Днѣперъ и Донъ въ свои кочевища надволжаньскіи. Токтамышъ, который якъ мы видѣли побудилъ великого князя противу своимъ соплеменникамъ, скиталъ ся по битвѣ надъ Ворсклою по степахъ, и покушалъ ся засѣсти на киптшакско̂мъ престолѣ по смерти своего суперника Тимуръкутлука. Однакожь щастье уже на всегда его опустило. Побитый о̂тъ сына и наслѣдника Тимуркутлука въ Азіи недалеко Тюменя, погибъ на поли битвы въ глубоко̂й старости въ року 1408.

Въ слѣдство похода Витольда на Татаръ испитала южная Русь великую горесть. Разъ для того, що князѣ и воджѣ и полки подо̂льскіи, волыньскіи и може быти и галицкіи товаришившіи Витольдови надъ Ворсклою частію на поли битвы погибли, другій разъ, що вся тяжесть татарского нападу по битвѣ надъ Ворсклою встремила ся на Володимирскую Русь. Тревога, которая наполняла Русь, не уставала еще и по о̂тшествіи Татаръ зъ Волыня. Король Владиславъ-Ягайло о̂тнѣсъ ся съ просьбою о помо̂чь противу Татаръ до папы римского, переселившого ся въ тое время зъ Авигніону до Риму. Папа Бонифацій IX. письмомъ изданымъ въ Римѣ дня 19. Януарія 1400 призволилъ десятую часть доходо̂въ церковныхъ въ цѣло̂й Польщи королю Владиславу-Ягайлу и призначилъ епископа Воротиславского на собирателя тыхъже, а все то, якъ выражае ся, въ то̂й цѣли, щобы реченый король тымъ скутечнѣйше защищати мо̂гъ предѣлы своего паньства передъ Татарами, которіи въ немало̂й силѣ на его краи нападали (папа мнитъ ту нападъ на южную Русь въ р. 1399) и многій ущербокъ на людяхъ и маеткахъ дѣлали [98]).

Наибо̂льшому небезпеченьству зъ стороны Татаръ виставлено было по близости своей Подо̂лье. Ту проживала еще вдова по богатырю Спитку

97) Dlugosz. Stryjkowski. Bychowca rękopism (chronica).
98) Theineri T. I. p. 771. 773.

зъ Мельштына, съ двома малолѣтными сынами. Гдекоторіи дворяне Спитка полягли на поли битвы при боку своего богатыря воджа, иніи спасли-сь бѣгствомъ, и опустили оставшую ся вдову. Жерело (Długosz) сказуе, що одинъ зъ дворянъ Спитка и вторый скарбникъ его, Павло Косченъ зъ Сандишева зъ дому Ястрембецъ, спасши ся бѣгствомъ, вернулъ до Польщи, накупилъ многіи дѣдичніи области за грошъ, якъ подозрѣвали, Спитковіи, которіи собѣ по смерти пана своего неправымъ способомъ присвоилъ былъ. Король Владиславъ Ягайло зауважилъ тое нужное положенье Подôля и оставшои ся вдовы Спитка съ сиротами и сдѣлалъ Витольду слѣдуючое предложенье: „Панѣ Спиткова стала вдовою и дѣти малій, а ôтъ Татаръ землѣ тои никому боронити, отдай 20.000 пѣнязей а городы́ опять побери на себе [99]).“ Витольдъ согласилъ ся на предлогъ Владислава Ягайла „и князь великій пôслалъ королю сорокъ тысячей [100]) на имя паномъ *Немѣромъ* и *Демитромъ Василевичемъ Луцкимъ* бояриномъ, а городы свои опять поймалъ на себе.“ Ôткупивши Подôлье надалъ былъ Витольдъ тіи землѣ брату своему Свидригайлу. По всей вѣростности загадалъ былъ тымъ заспокоити того славолюбивого королевского брата. Король Ягайло зъ своей стороны даровалъ Свидригайлу землю Жидачевскую и область Стрыйскую въ Галицкôй Руси, и городы и области: Шидлôвъ, Стобницю, Другню и Исцье въ Польщи; – зверхъ того призначилъ ему 4000 гривенъ рôчного доходу зъ королевскихъ жупъ сольныхъ. Сей даръ княжескій способный былъ заспокоити кождого иного меньше предпріємчивого и властилюбивого якъ былъ Свидригайто. Свидригайло отримавши Подôлье вôйшолъ по всей вѣроятности въ ôтношенье ленное до короны польскои и Литвы.

Свидригайло князь подôльскій розвинулъ въ тыхъ сторонахъ южнои Руси велику дѣятельность. Воевода молдавскій Петро умеръ и зôстали-сь по немъ сынове Ивашко и Романъ Петриловичѣ. Ивашко и Романъ спорили о престолъ молдавскій. Ивашко приобѣцялъ р. 1400 если зôстане воеводою въ Молдавіи, що королю послушати буде и що ôтступитъ землю Щепеницкую вразъ съ ей городами, которая ôтграничае Буковину ôтъ Галичины, даруе долгъ, который былъ затягнулъ Ягайло ôтъ ôтця своего Петрила и выдасть записную грамоту [1]). Не долго по тôмъ другій сынъ Петрила Романъ опановилъ престолъ молдавскій и нападами началъ непокоити Подôлье. Свидригайло побилъ войска волоскіи и плѣнилъ самого Романа. Романъ посаженый былъ въ темници, а зôставши пôзнѣйше

---

[99]) Daniłowicza latopisiec str. 52.

[100]) Пôдля Длугоша заставлено Подôлье за 5000 гривенъ грошій ческихъ, у Даниловича лѣтописци стоитъ разъ сорокъ тысячей, другій разъ двацять тысячей.

[1]) Gołębiowskiego Panowanie Władysława Jagiełły T. I. str. 86.

за посредничествомъ Ягайла освобоженый, обѣтовалъ королеви послушеньство [2]). Тое самое сдѣлалъ былъ Александеръ, сынъ Романа, воевода молдавскій, грамотою изданою въ Сучавѣ въ Мартѣ року 1402. Братя Бучацкіи, Мушило и Бартошь, которіи интересъ Польщи зъ Бучача надъ Стрыпою стерегли, уступаютъ молдавскому господарю якіи-то ужитки въ Снятынѣ, а воевода молдавскій грамотою изданою въ Каменци р. 1407 и бессарабскій грамотою р. 1405, а потôмъ еще р. 1410 скрѣпляютъ и ôтновляютъ давнѣйшіи ôтношеня Молдавіи до короля польского Владислава-Ягайла [3]).

Чимъ тѣснѣйше панове польскіи корыстаючи зъ невѣжества [4]) панôвъ литовскихъ, уговорами и грамотами союзъ Литвы съ Польщею скрѣпляли, тымъ сильнѣйше ôтдѣливали противу такому скрѣпленю тіи стороны Руси, которіи давнѣйше до цѣлости Галицко-Володимирского княжества принадлежали.

Коли по наступившôй въ р. 1399 смерти Ядвиги Ягайло за просьбою польскихъ панôвъ на тронѣ королевства польского осталъ ся и нижели еще съ Анною, внукою Казимира Великого и дочкою грабяти Цилійского оженилъ ся, поновили панове польскіи и литовскіи на съѣздахъ въ Вильнѣ р. 1401 (Kojałowicz) и король Ягайло вразъ съ Витольдомъ въ Перемышли (Stryjkowski) унію Литвы съ Польщею на пôдставѣ попореднѣйшихъ условій, до которыхъ Литва при вступленю Ягайла на тронъ королевства польского была съобовязала ся. Мы высше сказали, що первѣстна унія межи Литвою и Полщею была персональною и противу вспôльнымъ непріятелямъ вымѣрена. Щобы при недостатку потомкôвъ Ягайла зъ Ядвиги выжь помянутое соединенье не ослабѣло но укрѣпило ся, ôтновлено на выжь помянутыхъ съѣздахъ уговоръ слѣдуючого содерженя. Панове литовскіи и польскіи съобовязали-сь мати вспôльного пана, а въ разѣ его смерти за вспôльнымъ порозумѣньемъ выбрати собѣ пана зъ поколѣня Ягайлового або Витольдового, съ исключеньемъ всякихъ иныхъ родинъ, которіи бы могли мати до реченыхъ земель якіи то притязаня. Въ случаю смерти Витольда долженъ слѣдовати ему Ягайло въ великôмъ княжествѣ литовскôмъ, а по смерти бездѣтного Ягайла долженъ слѣдовати Витольдъ на тронѣ польскôмъ. Литва и Польща обовязали-сь мати на внѣ тыхъ самыхъ

---

[2]) Kojałowicz: „Romanus vero in obsequio regis, utraque conditio sponsione ac jurejurando firmata a Romano.“ Документъ зъ Октобра 1400 не вспоминае ничого еще о послушеньствѣ.

[3]) Gołębiowski u. s. T. I. p. 86. 87. Inventarium in arce Cracoviensi p. 134.

[4]) Stryjkowski ks. XIV. str. 482. „Biedna Litwa nie mając potężnych a mądrych senatorów, w niewolę prawie uwikłaną była.“

пріятелей и ворогôвъ и обопôльно себе вспомагати. Витольдови признано великое княжество въ Литвѣ съ неограниченою властію. Витольдъ объявилъ, що великое княжество литовское отрималъ дожизненно ôтъ короля Владислава-Ягайла и що еще давнѣйше слюбовалъ ему за Литву, (оже и за пôдвладную Литвѣ Русь) послушеньство [5]). Грамоту въ которôй высказанй были выжь реченіи условія обновленои уніи, скрѣпили многіи князѣ литовскіи своими печатьми и обовязали-сь осôбными грамотами, що въ случаю смерти никому иному, якъ королеви польскому, яко верховному пану непôддадутъ ся. Выжь реченому союзу Литвы съ Польщею не спріяли въ высокôмъ степени рицарѣ нѣмецкого ордина. Они всѣми силами, якъ въ передъ, такъ и теперь старали-сь ôторвати Литву ôтъ Польщи и усунути небеспеченьство, якимъ выжь реченая унія ордину угрожала. Теперь коли союзъ межи Литвою и Польщею ставалъ ся тѣснѣйшій, ужили они противу реченому соединеню властилюбивого претендента литовского трона Свидригайла и намавляли его приняти достоинство короля литовского и руского [6]). Рицарѣ возбужали и пôддержовали у панôвъ литовскихъ якое то ôтверненье противу уніи и Витольда. Свидригайло зôставши владѣтелемъ Подôля уже 1. Марта 1400 заключилъ якійто уговоръ съ рицарями нѣмецкого ордина. Въ р. 1401 присутствовалъ ôнъ выжь реченому собраню князей и бояръ литовскихъ въ Вильнѣ и пôдписалъ грамоту, которою союзъ межи Литвою а Польщею былъ утверженый. Но скоро приѣхалъ на Подôлье, освѣдчилъ всенародно, що тое сдѣлалъ не зъ доброи волѣ, но зъ принуженя и що печать его привѣшена до онои грамоты была фалшива. Въ р. 1402 намѣрялъ король обходити весѣлье свое въ Краковѣ съ Анною, внукою Казимира а донькою грабяти Цилійского, по чемъ слѣдовати мала торжественна коронація новои королевои въ присутствію пôдвладныхъ князей рускихъ и литовскихъ. Свидригайло пôдъ предлогомъ присутствованя тому торжественному дѣлу, выправилъ ся зъ Подôля до Кракова, ôттакъ перебравши ся за купця, съ двома лишь слугами, оставилъ свôй дворъ и перейшовши черезъ Польщу покрадомо явилъ ся въ Мальборгу (пôдля Нарбутта въ Торуню), головнôмъ мѣстѣ рицарей нѣмецкого ордина. Поуфніи слуги его убѣгли рôжными дорогами по передидучôй умовѣ поединчо до Прусъ и явили ся скоро при боку своего пана. Сталулъ новый уговоръ межи рицарями нѣмецкого ордина и Свидригайломъ. Рицарѣ признали Свидригайла дѣдичемъ Литвы и Руси, ôнъ зновъ приобѣтовалъ держати вѣчный миръ съ рицарями нѣмецкого ордина. Уговоривши межинародніи ôтношеня съ

---

5) Inventarium in archivo in arce Cracoviensi p. 377.

6) Narbutta dzieje narodu litewskiego T. V. str. 603

Свидригайломъ такъ, якобы сей князь дôйстно былъ великимъ княземъ литовскимъ, начали нѣмецкіи рицарѣ въ порозумлѣню и при содѣйствію рицарей инфлантскихъ опустошительну вôйну съ дотеперѣшнимъ великимъ княземъ литовскимъ Витольдомъ. Войска непріятельскіи дѣйствовали въ союзѣ съ Свидригайломъ. Той доводилъ придаными ему Русинами и Литовцями, которіи тогды, якъ Свидригайло вразъ съ рицарями въ Литвѣ явилъ ся, къ нему стѣкали-сь. Непріятель поступилъ за Нѣменъ, маневровалъ, пустошилъ, угрожалъ будь тому, будь иному зъ важнѣйшихъ литовскихъ городôвъ и проч.

Сказуютъ, що Витольдъ не малъ рôвной силы, щобы рицарямъ въ отвертôмъ бою скутечно противу станути и що въ прочемъ невѣрилъ своимъ Литовцямъ и Русинамъ про ихъ тайніи связки съ Свидригайломъ [7]. Прото Витольдъ не уважалъ на вызываня до бою, не впускалъ ся съ непріятелемъ въ отвертый бôй, но заключивши-сь въ Вильнѣ уважалъ на движеня войскъ непріятельскихъ, которіи упостошивши краи до волѣ, до Прусъ ôтступили. Витольдъ мстилъ рицарямъ по ихъ ôтшествію опустошаючи смежніи области прускіи. Вôйна продолжала-сь до року 1403. Мятежь въ пôдвластнôй ордину Жмуди принудила рицарей до премиря съ Витольдомъ, которое въ Раціонжу 1403 наступило. Рицарѣ обѣцяли выдати польскому королеви землю Добриньскую, которои часть заставлена рицарямъ еще Владиславомъ Опольскимъ и до сихъ поръ невыкуплена въ ихъ рукахъ находила ся. Витольдъ призналъ рицарямъ мятежную Жмудь, по чемъ обѣ стороны собѣ взаимный миръ обѣтовали. Не скорше ажь р. 1405 выдали рицарѣ Ягайлу землю Добриньскую за 2.400 кôпъ грôшей ческихъ. Есть извѣстье, що мѣстичѣ Львова до выкупна реченои землѣ контрибовали осôбнымъ податкомъ, розложенымъ на доходъ зъ движимого и недвижимого маетку и всякого заробку [8].

Свидригайло въ время своего побыту у рицарей и вôйны съ Витольдомъ утримовалъ связь съ своими приверженцями не лишь въ Литвѣ но и на Волыни за посредствомъ шпіонôвъ такъ званыхъ, „Zeitungsbothen,“ которіи покрадомо перебрани по краю на всѣ стороны сновали ся и наветь пôдъ самй головнй городы Вильно, Гродно въ Литвѣ, Кракôвъ въ Польщи и Луцкъ на Волыни пôдходили, а ôттакъ о успособленю жителей и о движеняхъ Витольда и его военныхъ силъ Свидригайлу доносили. Не возможно былобы тымъ шпіонамъ при всей осторожности

---

[7]) Въ самôмъ Вильнѣ открыто заприсяженье и 6 виновникôвъ карано смертію. Narbutt T. V. p. 50. Długosz L. X. p. 171 „qui (Witoldus) se viribus inferiorem et sobditorum suorum fluxos animus et fidei nosceret ambiguae etc.“

[8]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 68. Narbutta u. s. T. VI. str. 94.

звычайной у Витольда вникати такъ глубоко въ Литву и подвладни Литвѣ рускіи области, еслибы сильна партія, спріяючая Свидригайлу, входы и выходы тыхъ плаченыхъ орудій князя мальконтента не успѣшала. Найсильнѣйше объявило-сь за Свидригайломъ рицарство на Подолю. Тое обсадило уже при выѣздѣ Свидригайла головніи подольскіи замки, и коли Владиславъ-Ягайло завозвалъ ихъ, щобы покорили-сь и его за безпосередного пана своего узнали, поднесли отвертую мятежь и готовили-сь до опора. Король по укônченю вôйны съ ординомъ, въ которôй въ прочемъ не военными силами, но лишь диплѣомаціею вспомагалъ Витольда, собралъ войско зъ цѣлои Польщи и вырушилъ на Подôлье р. 1404. Ту на сампередъ пôдступилъ пôдъ головный городъ Каменецъ. Горожане ôтворили ему добровôльно ворота городскіи и витали его яко правовитого своего господина. Рицарство стояло при Свидригайлѣ и обороняло ся въ замку Каменецкôмъ. Наконецъ и предводитель засады въ самôмъ замку Каменецкôмъ притисненый осажаючимъ войскомъ польскимъ, боялъ ся здрады ôтъ стороны самого своего рицарства и тая обава была такожь побудкою, що дальшое супротивленье оставилъ и заручивши собѣ свобôдный выхôдъ, замокъ [9]) вразъ съ засобами и всѣми сокровищами королю польскому Владиславу Ягайлѣ пôддалъ. Рускіи рицарѣ и польскіи вельможѣ товаришившіи королю въ тôй справѣ одинодушно условили ся, щобы ôтъ сего часу король недавалъ (подôбно, якъ то было въ Польщи узаконено), городôвъ никому зъ князей, которіи ôтъ крове королевскои произходили, но щобы повѣрялъ тіи лишь пôдданымъ короны польскои, бы Подôлье не яко удѣльную, но яко ôтзовную власнôсть короны держали и лишь яко намѣстники въ имени короны Подôльемъ управляли. Иніи жерела (н. пр. Длугошь) сказуютъ, що самъ предводитель каменецкого замку условилъ, щобы ôтъ тогды власть надъ городами не была вручена ніякому князю но польскому воеводѣ. Може быти, що тое преимущество, по которому городы и шляхта не были ôтдаваниі удѣльнымъ князямъ, но пôдчиняли-сь самому королеви безпосередно, привлекло рицарство подôльское на сторону короля польского, и утворило въ самôй залозѣ приверженцей королевскихъ и пôдданье ся замку каменецкого королю польскому прискорило. Владиславъ въ слѣдство того рѣшеня вручилъ намѣстничу власть надъ Подôльемъ Петру Шафранцу.

Есть мнѣнье [10]), якобы Владиславъ-Ягайло не пôдчинилъ былъ Подôля уже теперь безпосередно коронѣ, и якобы Свидригайло еще всегда

---

[9]) Długosz L. X. p. 182. ad a. 1404 „scelus perfidei et captivitatis periculum evasurus."

[10]) Stadnickiego Synowie Gedymina T. I.

уважаный былъ за правовитого пана Подôля и власть намѣстника воеводы польского была поминальною, а притомнôсть польского воеводы на Подôлю лишь верховную власть польскои короны надъ тыми рускими областями представляла. — Ягайло сплатилъ за Свидригайла всѣ долги, которіи той князь у рицарей нѣмецкого ордина затягнулъ былъ, разъ на утриманье двора и войска своего, другій разъ для угоженя щедрости, которою у своихъ приверженцей былъ прославилъ ся. Владиславъ-Ягайло погодилъ Свидригайла съ Витольдомъ и надалъ ему, може быти, що ôтъ своего и Витольда имене, Сѣверщину т. е. городы сѣверскіи, которыми Ягайло и Витольдъ Теодора Любартовича за ôтступленье Волыня были вынадгородили. Теодоръ Любартовичь надѣленый былъ за то областями въ Червоной Русы, которіи Свидригайлови належали, именно землею Жидачевскою и городомъ съ областію Стрыйскою. Ту владѣе Теодоръ еще р. 1421 и рѣшае всенародно въ своемъ имени споры своихъ пôдданыхъ о имѣня земніи судовою грамотою [11]).

Чи Свидригайло отрималъ ся еще при посѣданю наданыхъ ему городôвъ въ Польщи и знаменитыхъ доходôвъ зъ жупъ сольныхъ, съ опредѣленьемъ сказати не знаемъ.

Въ р. 1406 приѣхалъ Свидригайло до Львова, былъ принятый Львовянами гостепріемно и дареный 40 копами грошѣвъ широкихъ, чего слѣдъ въ актахъ города Львова до нашихъ временъ заховалъ ся [12]). Свидригайло явилъ ся тогды въ Лвовѣ не характеромъ публичного правителя або королевского намѣстника, но приѣхалъ ту вѣроятно въ справѣ доходôвъ, которіи ему може быти еще до теперь зъ гденекоторыхъ областей Червонои Руси и Польщи принадлежали. Будь що будь, Свидригайло опущеный ôтъ рицарей р. 1403, на якій то часъ оставилъ свои честилюбивіи намѣреня, узналъ Витольда великимъ княземъ литовскимъ, а тымъ самымъ приступилъ до выжь реченои въ Вильнѣ условленои, а по тôмъ нимъ самымъ оспоренои уніи. — Однакожь не за долго давное ревнованье межи Литвою и Москвою возобновило ся. Литва розширяла свои предѣлы все глубше и глубше на сѣверъ и не переставала загортати тамошніи словяньско-рускіи городы. Минули тіи часы, коли городы рускіи, щобы избѣгнути монгольского ига, добровôльно Литвѣ пôддавали ся, призывали литовскихъ князей на свои престолы, або заключали съ Литвою зачепно-ôтпорніи союзы. Литва розширяла теперь свою державу за посредствомъ оружія насиліемъ. Такое поступованье возбужало супротивленье. Въ сторонахъ западнои, Литвѣ пôдвластнои Руси являютъ ся ôтъ часу до часу неудовольства, ба навѣтъ

---

[11]) Акты западнои Россіи. Т. I. стр. 42—45.

[12]) Kronika miasta Lwowa Zubrzyckiego str. 71.

ıятежи противу Литвѣ, которая въ тіи времена устройства рускихъ городôвъ нарушала и иными литовскими законами и учрежденями заступала. Зъ такото розположеня корыстаъ сусѣднiй великій князь Московскій Василій Великій. Ôнъ наслѣдилъ былъ по ôтцю своемъ Демитрію Доньскôмъ еще р. 1389.

Великій князь Московскій Василій жилъ зъ разу въ дружбѣ съ великимъ княземъ литовскимъ. Ôнъ, якъ мы видѣли, оженилъ ся былъ съ его рôдною донькою. Оба князѣ на вспôльныхъ съѣздахъ, такъ н. пр. р. 1396 на съѣздѣ въ Смоленьску [13]) улагожали межи народовіи справы Руси Московскои и литовскои за посредствомъ уговорôвъ. — Коли Витольдъ здобылъ повторно Смоленьскъ за помочію Поляковъ и Свидригайла року 1404, и уничтоживши автономію тыхъ областей представилъ имъ литовскихъ чиновникôвъ коли въ сѣверо-рускіи городы Серпейскъ, Козельскъ и Вязму пôслалъ своихъ намѣстникôвъ, коли зажадалъ ôтъ республиканьскихъ городôвъ Пскова и Новгорода дани и покорности и загрозилъ оружіемъ тіи городы, которіи великого князя Московского за своего верховного пана уважали: тогды и великій князь Московскій Василій началъ вспирати въ Литвѣ Витольдомъ неудоволени елемента и завязалъ сношеня съ претендентомъ областей Смоленьскихъ, княземъ Юріемъ и литовско-рускимъ княземъ Сѣверщины Свидригайломъ. Покровительство Юрія не мало жадныхъ послѣдствій, сношеня же съ Свидригайломъ дали поводъ до вôйны великого князя Московского съ великимъ княземъ литовскимъ. Еще року 1407 емигровалъ сынъ князя Ивана Ольгимонтовича Александеръ Нелюбъ зъ Литвы до Москвы и вступилъ въ службу великого князя Московского. Року 1408 емигровалъ туда Свидригайло съ епископомъ Черниговскимъ и многими боярами княжества сѣверского, попаливши въ передъ городы сѣверскіи: Стародубъ и Бряньскъ, которыми въ имени короля Владислава Ягайла и Витольда былъ надѣленый [14]). Емиграція собыла-сь за попереднѣйшимъ порозумѣньемъ ся съ В. княземъ Московскимъ, при чемъ такожь рицарѣ нѣмецкого ордина несприявшіи николи щиро Литвѣ, содѣйствовали [15]). Великій князь Московскій надѣлилъ емигрантôвъ областями, такъ Нелюба Переяславомъ Залѣскимъ, а Свидригайла Володимиромъ Клязменьскимъ. Свидригайло представлялъ великому князю Московскому, що западная Русь жде лишь хвилѣ,

---

[13]) Bychowca rękopism (chronika) str. 35.

[14]) Długosz L. X. p. 189. „castris Brańsko et Starodub, quae ex Vladislai Poloniae regis et Alexandri magni ducis Lithvaniae donatione in Lithvania obtinebat.“

[15]) Narbutt T. VI. 136—137.

щобы могла ôтъ Литвы ôторвати ся. Москва перебрала грозный видъ противу Литвѣ. Витольдъ упередилъ великого князя Московского, и вырушилъ въ поле особисто съ великими силами цѣлои Литвы и соединенои съ нею Руси. Войсками литовскими доводилъ маршалокъ Ромбовдъ, а Смольняне и Сѣверяне пôдъ предводительствомъ Іоана Борейковича Кієвляне же и Волыняне пôдъ предводительствомъ Олелка (Александра) князя Слуцкого, поступали въ самое сердце Московскои Руси. Явивши-сь въ предѣлахъ самои Московскои Руси ставили рускіи полки въ службѣ литовскôй вѣрно чоло Русинамъ Московскимъ, и измѣна Русинôвъ литовскихъ о которôй увѣрялъ Свидригайло великого князя литовского, не наступила. Тогды великій князь Московскій считавши свои силы и узнавши що бôльша перевага на сторонѣ Литвы, просилъ Витольда, щобы не воевалъ бôльше его земель и предложилъ условія мира. Витольдъ согласилъ ся. Рѣка Угра (тече черезъ середину нынѣшнои Калужскои губерніи) признachена границею обохъ державъ Московскои и литовскои. Витольда войска уступили зъ предѣлôвъ Московскихъ, потерявши много ôтъ непогоды, недостатку жизненыхъ запасôвъ и ôтъ охотникôвъ наступаючого за ними Свидригайла.

Належитъ зауважати, що Татары пôдбужали великого князя Московского на Литву. Они бажали спровадити кровавый бôй межи обома народами и негодовали дуже, що Василій и Витольдъ съ собою помирили-сь. Въ ордѣ киптшакскôй малъ велику повагу и вліянье ханъ кримскіи Едига. На самôмъ же престолѣ сѣдѣлъ по смерти Тимуръ-Кутлука въ зависимости ôтъ Едиги сынъ его Шадибекъ. Того изгналъ Булатъ Султанъ за вліяньемъ старого Едиги. Булатъ Султанъ выступилъ вôйною на великого князя Московского, пригадуючи ему, що его ôтцѣ были пôдданій ханамъ киптшакскимъ и требовалъ покорности. Коли полки татарскіи на Москву встремили-сь, Свидригайло, хотя малъ на поготовлю численій военніи силы, ôтступилъ великого князя Московского, опустилъ Володимирь Клязменьскій и намѣрилъ соединити-сь съ Татарами, но недовѣряючи имъ, пустилъ ся на югъ и на дорозѣ попалилъ и поплѣнилъ московскіи городы. Свидригайло скиталъ ся по степамъ, поки вѣроятно за посредствомъ Ягайла снова съ Витольдомъ не премирилъ ся.

Татары розорили Москву. Витольдъ же корыстаючи зъ того притисненя, якое великій князь Московскій ôтъ хана татарского дôзнавалъ, принудилъ републиканьскіи рускіи городы Новгородъ и Псковъ узнати верховную власть Литвы и приняти литовскихъ намѣстникôвъ р. 1409 [16]). Тымъ укôнчилъ ся въ тыхъ сторонахъ забôръ рускихъ земель черезъ

---

[16]) Narbutt T. VI. str. 180.

Литву. Держава Витольда простирала ся ôтъ фиьского заливу до чорного моря. – Ôтновлена и стиснена унія Польщи съ Литвою и такое розширенье державы литовскои, наконецъ сосередоточенье власти въ Литвѣ и на Руси въ рукахъ одного самодержця, который рускіи удѣльніи княжества перемѣнилъ въ провинціи, наполняли непокоемъ и тревогою законъ нѣмецкій. Рицарѣ завязали снова стосунки съ Свидригайломъ, который въ року 1409 жилъ въ Вильнѣ безъ всякого удѣла и достоинства. Свидригайло, которому теперѣшное положенье стало-сь незносимымъ, радо вхопилъ ся сдѣланыхъ ему зъ стороны закона тайныхъ предложеній. Законъ убезпечалъ Свидригайлу, що допоможе ему до цѣлои спадщины по Ольгердѣ, ôтци его, и запевнялъ ему вôльный входъ и выходъ зъ земель нѣмецкого ордина и соотвѣтное утриманье. Свидригайло готовилъ ся уже до выходу зъ Литвы, щобы за предѣлами своей ôтчины розпочати агитацію. Но змовы его зôстали ôткрытй, ôнъ самъ былъ въ Листопадѣ р. 1409 притриманый, увязненый и до замку Кременця ôтосланый, где пôдъ стражію предводителя залоги черезъ пôлдевяти лѣтъ яко политичный плѣнникъ пребывалъ. По увязненю Свидригайла володѣлъ Витольдъ обшарами Литвы и Руси безъ найменьшои перешкоды зъ стороны князей и народа. Обава нѣмецкого ордина исполнила ся. Мятежь въ Жмуди, которая лишь зъ нужды пôдъ державою рицарей зôставала, далъ повôдъ, що рицарѣ Витольда и Ягайлу подозрѣвали, якобы они мятежникôвъ вспирали. Рицарѣ плѣнили кораблѣ, которіи везли пшеницю зъ Польщи въ Литву и грабили польскихъ купцей пребываючихъ въ прускôмъ торговельнôмъ городѣ Рагнетѣ. Витольдъ пригорнулъ мятежную Жмудь и прогналъ зъ замкôвъ тамошнихъ чиновникôвъ и залоги ордина. Рицарѣ здобыли замокъ Злоторію и опановали землю Добриньскую. Зъ того прійшло до жестокои вôйны въ лѣтахъ 1409—1410 межиординомъ, Польщею и Литвою, въ которôй и Галицкая и вся Литвѣ пôдвладная Русь участвовала.

Вп р. 1409 вырушилъ самъ Ягайло съ войсками польскими, рускими, (т. е. галицкими и подôльскими) въ поле противу ордину [17]). Витолдъ не участвовалъ въ тôмъ походѣ. Войска польскіи и рускіи здобыли замокъ Бидгощь. Подвигъ тогорочный кôнчилъ ся довременнымъ премиріемъ. Не взираючи на то Витольдъ посылалъ молодшого брата своего Сигисмунта, щобы землю ордина пустошилъ. Рицарѣ вступили за ответъ въ Литву пôдъ Волковѣскъ и плѣнили неостереженыхъ на якое то набоженьство собравшихъ ся жителей. Великій князь Витольдъ вразъ съ женою своею вступилъ въ Марти 1410 пôдъ Здѣтôвъ въ лѣсы и за мочары а

---

[17]) Dlugosz L. X. p. 199. „de omnibus terris regni Poloniae, videlicet Cracoviensi, Sandomiriensi, Lublinensi, Russiae atque Podoliae.“

рицарѣ опустошали весь край. По ôтшествію нѣмецкихъ рицарей Витольдъ и Ягайло нараджали-сь въ Берестю и Каменци рускôмъ, якъбы рицарямъ нанесени обиды ôтмстити. Рѣшили-сь всѣми имъ предстоячими силами совокупно вдарити на ординъ и разъ на всегда перевагу его въ тыхъ сторонахъ зломати. Въ Червню 1410 соединили-сь войска польскіи съ литовскими пôдъ Червеньскомъ надъ Вислою. Ту явилъ ся король Ягайло съ пôдвладными князями Мазовецкими и Витольдъ съ царевичемъ Татарскимъ, которій приспѣлъ ему въ помôчь и съ пôдвладными собѣ князями литовскими и рускими. Соединивши силы встремили-сь владѣльцѣ польскій и литовскій въ землю ордина нѣмецкого. 15 Липця 1410 недалеко ôтъ озера Дубровеньского въ направленю мѣстцевостей Грунвальда и Танеберга наступило кровопроливное сраженье. Войско рицарей разомъ съ чужесторонными на помôчь нѣмецкому ордину прибывшими войсками, складаючое ся зъ 52 полкôвъ (хоругвъ, бо каждый полкъ ôтзначалъ ся хоругвою) выносило 83 тысячей мужа, а именно 57 тысячей пѣхоты, а 26 тысячей кôнницѣ [18]). Войско польское складало ся зъ 50 полкôвъ (хоругвъ) и выносило 60.000; войско литовско-руское сложеное зъ 40 хоругвъ, выносило 42.000, а Татары кипчакскіи, которіи прибыли на помôчь Витольду и Татары уже передже поселени въ Литвѣ, выносили 30 тысячей. Возьмѣмъ до того еще жолдакôвъ чужесторонныхъ 21.000, — всего войска было 163.000, зъ того пѣшихъ 97.000 а кôнницѣ 76.000. Обѣ стороны: пруска и польско-литовско-руская употребляли въ реченôй битвѣ также и артилеріи. Число мужа въ поединчихъ полкахъ выносило пôдля наведеныхъ даныхъ у рицарей около 1.600, у Поляковъ 1.200, у Литовцей 1.050, у прочихъ народôвъ 1.630 мужа. Русины участвовали въ литовскôмъ войску зъ земель и областей пôдъ ôтповѣдными хоругвами именно: Кіевскою, Пинскою, Берестейскою, Дрогицкою, Мельницкою, Кременецкою и проч., окрôмъ тыхъ вспоминаютъ ся: хоруговъ Смоленьская, Полоцкая, Витебская, Стародубская (т. е. зъ Сѣверщины) и проч. Польскому войску причислені были 7 хоругвъ тыхъ рускихъ областей, которіи пôдъ безпосереднимъ панованьемъ Польщи стояли, якъ н. пр. земля Галицкая, Перемышльская, Львôвская, кожда пôдъ осôбною хоругвою и земля подôльская пôдъ трема хоругвами, також и земля холмская, которая тогда была пôдъ володѣньемъ князей Мазовецкихъ, мала осôбную хоруговъ. Пôдля наведеныхъ даныхъ число жителей Галицкихъ, Львôвскихъ, Перемышльскихъ, Холмскихъ и Подôльскихъ присоединеныхъ къ польскому войску было около 8.400. Поединокіи хоругвы ôтзначали ся особенными знаменами (символями). Литовцѣ и Русины пôд-

---

[18]) Voigt cytowany u Narbutta T. VI. str. 223.

властнй Литвѣ, именно Волынцѣ бороли-сь пôдъ знаменемъ св. Юрія [19]). Знамя Львôвскои хоругвы былъ левъ, Перемышльскои двоголовный орелъ, Холмскои медвѣдь, Галицкои кавка а Подôльскои солнце. Литовцѣ и литовскіи Русины пôдъ проводомъ великого князя Витольда заняли лѣвое, Поляки и польскіи Русины пôдъ проводомъ короля правое крыло боевои линіи. Киптшакскіи Татары вспирали на правôмъ крылѣ войско польское. На литовскôмъ крылѣ бороли-сь Татары поселившіи ся въ Литвѣ. Поединчими ôтдѣлами литовско-рускими доводили князѣ литовскіи, именно: Симеонъ Лангвеновичь, якій-то Юрій, и Сигисмунтъ сынъ Демитрія Корыбута и проч. и высокіи достойники литовскіи Радивилъ, Ромболдъ и Гаштольдъ. Подôльскими хоругвами доводилъ Петро Влодковичь зъ Храбиновицъ, тогдашній намѣстникъ подôльскій, а Галицко-рускими хоругвами доводилъ именованый еще р. 1407 староста земель рускихъ, Флоріанъ зъ Коритницѣ, каштелянъ Вислицкій [20]). На челѣ рады военнои стоялъ великій князь Витольдъ, въ прочемъ складала ся она зъ 7 вельможь и высокихъ достойникôвъ польскихъ [21]). Стражь королевскои особы поручена была Семовиту, князю Мазовецкому, Менжику зъ Дубровы, пôзнѣйшому старостѣ рускому, Сигисмунту Корыбутови, якому-то князю Федушку чи Коріятовичу чи Любартовичу, чи може князю Теодору Острогскому? незнаемъ.

Битву розпочалъ Витольдъ и полки литовскіи и рускіи. Легка кôнниця литовско-руская не могла стерпѣти удару желѣзопанцерныхъ рицарей нѣмецкого ордина. Волыньцѣ, Виленьцѣ и Новгородцѣ пôдъ знаменемъ св. Юрія поколибали-сь и ступали назадъ, за ними гонили полки рицарскіи. Самй Смоленяне встримовали тымъ часомъ прудъ нѣмецкого рицарства, поки лѣвое крыло польское не побѣдило противостоячихъ рицарей, а тогды соединивши-сь съ Смолнянами ударило на тыхъ рицарей, которіи за убѣгаючими Литовцями и Волыньцями гонили и теперъ съ полономъ на поле битвы безпорядку повертали. Битва была рѣшена на сторону Полякôвъ и Литовцей, войско пруское майже до цѣла истреблено. Сказують, що Русины и Литовцѣ бôльшимъ числомъ погибли на боевищи. Будучи на первый найтугшій ударъ выставленй сдержали они прудъ нѣмецкого оружія проломившого цѣлое крыло. Полки галицко-рускіи при боку полкôвъ польскихъ довершили побѣду.

Ягайло не ужитковалъ достаточно зъ побѣды надъ рицарями, бо не скорше, якъ за 7 день вникнулъ въ сердце нѣмецкого краю и присту-

---

19) Kojałowicz T. I. p. 87. „Vilnenses, Trocenses, Samogitae, Novogrodenses ac Volynii amisso D. Gregorii praetorio signo extreme periclitabantur."

20) Zubrzyckiego Kronika miasta Lwowa. str. 75.

21) Dlugosz L. XI. p. 228.

пилъ до осады головного ординьского города Маріенбурга (Мальборга). При тôй осадѣ содѣйствовали такожь Русины, именно станули польскіи полки ôтъ рѣки Ногатъ, Литва ôтъ Вислы а ôтъ полудня Русины Волыняне и Подôляне [22]). Въ правдѣ осажаючіи не здобыли Мальборга, зато пôддали-сь гдеякіи городы н. пр. Гдавьскъ, Торунь и Королевець. Витольдъ и князѣ Мазовецкіи вернули-сь домôвъ, первый для слабостей, которіи въ его войску водворили-сь, по чемъ наступило премиріе. Литовцѣ и Поляки вступили-сь зъ здобытыхъ городôвъ, а рицарѣ ôтступили Витольдови Жмудь доживотно.

Коли польскіи, рускіи и литовскіи полки стояли въ поли противу ордину нѣмецкому, жителѣ карпатского Пôдгôря боронили державу польску передъ нашествіемъ Угрôвъ. ВъУграхъ пановалъ Сигисмунтъ самъ по смерти жены своеи Маріи. Ôнъ малъ зъ разу трудное становище въ Уграхъ въ ôтношеню до сторонництвъ, которіи противу нему выступали. Року 1401 притязивали тронъ угорскіи австрійскій князь Альбертъ, Владиславъ Неаполитаньскій, зъ дому Анжу, и самъ король Владиславъ Ягайло, съ которымъ Сигисмунтъ 16 лѣтное премирье заключилъ[23]). Убезпечивши ся на тронѣ угорскôмъ стоялъ Сигисмунтъ въ тяжебнôй справѣ межи Польщею, Литвою и нѣмецкимъординомъ на сторонѣ ордина, бо Сигисмунтъ уже ôтъ давна неспріялъ Польщи. Ôнъ не желалъ ей того могучества, якое унія укрѣплена съ Литвою ей приносила. Длятого то на съѣздѣ въ Кезмарку намавлялъ Витольда умильно, щобы ôсталъ ôтъ Польщи и принялъ достоинство королевское. Ягайло зналъ добре успособленье Сигисмунта, прото приспособляючи ся до вôйны съ ординомъ убезпечилъ границѣ ôтъ стороны Угоръ, посадивши въ Сончу Іоана зъ Щекоцина, каштеляна Любельского, зъ дому Одровонжь на стражи, именовалъ его старостою и пôдчинилъ ему воинôвъ всеи землѣ Бьецкои и повѣтôвъ Сандецкого и Щирецкого[24]). Однакожь тіи мѣры осторожности не помогли. Стиборъ, воевода Трансильваньскій, вторгнулъ въ время похода Ягайла и Витольда въ Прусы на Пôдгôрье Карпатское черезъ Шрамовицѣ, спалилъ и поплѣнилъ старый Сончь и передмѣстье нового Сонча, — и ôттакъ на гористôй и прикрôй дорозѣ повернулъ вздолжь рѣки Попрада черезъ

---

[22]) Stryjkowski ks. XV. str. 501. „nasi od Nogatu Polacy, a od Wisły Litwa a z południa Rusacy, Wołyńcy i Podolanie.“

[23]) Dogieli codex Poloniae (1403) „regnum utrumque, circa jura dominiorum et possesionum quarumlibet, quae tunc tenet possidetque pacificum perpetue conservetur.“

[24]) Długosz: „milites de districtu Sandecensi et Sczirzicensi singulos ejus (Joannis de domo Odrowasz) imperio parere jubet, item milites de terra Biecens adjunxit.“

Мушину до Угоръ. Щобы тую обиду ôтмстити, вникнули панъ Спитко зъ Ярославя и старосты Любельскій и Хольминьскій черезъ Карпаты въ угорское Пôдгôрье, достигли угорске войско пôдъ Бардѣевомъ и ôтнесли ту блестательну побѣду. Сигисмунтъ избранъ р. 1411 на достоинство цѣсаря нѣмецкого, затрудненый былъ справами всемирными, которіи неподѣленои его уваги и свобôдныхъ рукъ вымагали. Длятого спѣшилъ ôнъ заключити премиріе съ Польщею, которое однакожь не скорше ажь по скôнченю вôйны Польщи съ ординомъ (1411) 15. Марта 1412 въ Любомлѣ року наступило. Монархове обѣтуютъ собѣ пріязнь и взаимну помôчь въ потребѣ. Щобы причину до будущихъ спорôвъ и непорозумѣній усунити, условлено, щобы Молдавія пôдъ верховною властію короля Ягайла зôставала и лишь обовязана была вспирати Сигисмунта въ случаю вôйны съ Турками. А понеже споръ заходилъ такожь о землю рускую и Подôлье, монархове уговорили-сь, що тіи землѣ до кôнця житя Ягайла або Сигисмунта и 5 лѣтъ по смерти которого нибудь зъ нихъ въ рукахъ Ягайла позôстати маютъ. По уплывѣ жизни которого зъ обохъ монархôвъ въ продолженю условленыхъ 5 лѣтъ маютъ епископы и баронове обохъ державъ предметъ спора розпôзнати и оспорені землѣ однôй або другôй сторонѣ присудити. Сигисмунтъ обѣтовалъ, що не буде перепонѣ ставляти, еслибы въ продолженю настоячого премирія корона правъ своихъ до Подôля противу Литвѣ доходила [25]). При всей той уступчивости негадалъ Сигисмунтъ зречи ся правъ своихъ до Галиціи и Володиміріи, чего доводомъ есть той фактъ, що Сигисмунтъ въ самôй грамотѣ уговорнôй титула: короля Галиціи и Волоомиріи, уживае. Премиріе, которого головнѣйшіи условій мы тутъ начеркнули, заключено было въ Любовлѣ и на желанье короля Владислава-Ягайла затвержено на соборѣ констанційскôмъ 1415 року, потôмъ ôтновлено на съѣздѣ королей въ Кезмарку 1423 съ тымъ застереженьемъ, щобы цѣлая его основа и первѣстное содержанье, такъ якъ оно въ Любомлѣ опредѣлено было, зôставало ненарушено [26]).

Нижели еще приступимъ до розказу дальшихъ событій, належитъ звернути увагу читателя на внутренную исторію областей, принадлежачихъ давнѣйше до составу Галицко-Володимирской Руси.

Она розпадала-сь на часть литовску и польску. Часть польская обнимала Галицку и Холмско-Белзку Русь. Белзкая была тогды пôдвладна князямъ Мазовецкимъ, причисляючимъ ся до Польщи. До р. 1411 владѣла Польща безпосередно еще и Подôльемъ. Галицка Русь розпадала ся на землѣ: Львôвскую, Галицкую и Перемышльскую. Подôльска розкладала-сь

---

[25]) Dogieli codex diplomaticus Poloniae

[26]) Dogieli codex diplomatiaus Poloniae.

також на три части, тое вносимъ зъ того обстоятельства, що въ битвѣ пôдъ Дубровнôмъ военніи силы зъ Галицкои Руси въ трехъ хоругвахъ а подôльскіи також въ трехъ хоругвахъ на поли битвы станули, соотвѣтно звычаеви, що хоругвы по землямъ и поединчимъ повѣтамъ устрояли ся. Володимирская Русь была тогды пôдъ безпосередною властію великого князя литовского, который на Волынь и до Кіева своихъ намѣстниковъ посылалъ. Надъ польскою частію Подôля ôтъ року 1404—1411 мѣняли-сь намѣстники, по Петру Шафранци слѣдовалъ Петро Карнячанъ каштелянъ Добриньскій, потôмъ Андрей зъ Тачина, пôдстольный краковскій а по уступленю тогожь Петро Влодковичь Храбиновскій пôдстольный (subdatifer) Судомирскій. Надъ Галицкою Русію мѣняли ся також въ короткихъ періодахъ старосты рускіи, которіи въ имени короля цѣлою Польщи пôдвладною Русію управляли. Въ р. 1392 былъ старостою Руси Іоанъ зъ Тарнова, воевода Судомирскій. Ему слѣдовалъ 1393 Гнѣвошь по всей вѣроятности той самъ Гнѣвошь зъ Даленецъ, который въ дружинѣ Ядвиги явилъ ся былъ передъ Львовомъ и вразъ съ иными (8) вельможными панами своею печатію горожанамъ Львôвскимъ листъ глейтовный потвердилъ. Въ 1400 старостить на Руси снова Іоанъ воевода Судомирскій а въ 1407 знаный намъ Флоріанъ зъ Коритницѣ; въ 1411 зôсталъ старостою на Руси якій-то Иво, каштелянъ Шримскій. Ôнъ писалъ ся Иво иначе Иванъ, такъ приноровилъ свое имя до звычайного на Руси имени, Иванъ, хотя въ прочемъ латиньское имя Иво не есть то само, що руское Иванъ [27]).

Тую перемѣну лицъ управляючихъ на Руси, а именно на Подôлю изъяснити можна тымъ, що ихъ положенье было дуже трудное. Боярство и въ обще нарôдъ не прихильный былъ Польщи, въ которои имени они краи управляли, и вѣроисповѣданю, которому принадлежали. Може быти, що реченіи намѣстники въ чемъ оскорбляли народніи законы и звычаи, и ширили католицизмъ, що могло споводовати жалобы до короля, въ слѣдство чого Ягайло ôтдалялъ зненавиженыхъ и ôтдавалъ на томѣстъ власть тымъ, которіи ему здôбнѣйшими выдавали ся[28]). Окрôмъ воеводы намѣстника занималъ на Подôлю досыть самостоятельное становище каштелянъ каменецкій. Былъ нимъ въ р. 1407 Альбертъ зъ Вшеродова. Ôнъ осôбнымъ листомъ обовязуе-сь служити вѣрно королеви и увѣдомити его о всѣхъ непріязняхъ, пôдступкахъ и заприсяженяхъ (може быти тамошнихъ жителей), о которыхъ узнасть, що есть доводомъ, що пнованье Польщи на Подôлю было дуже непевное и що панованю польскому тутъ бôльше

---

27) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 63.
28) Długosz L. X. p. 182. употребляе реченій: „quo destituto“ (Petro Szafraniec), „eo vero amoto“ (Petro Carniaczian) etc.

якъ внѣшній непріятель заприсяженя и пôдступий кованя тамошнихъ жителей угрожали [29]).

Неудовольство и заприсяженье бояръ и вельможь подôльскихъ може быти споводовало короля Владислава-Ягайла ôтобрати намѣстничу власть на Подôлю Петру Влодковичу зъ Храбиновичь и ôтдати Подôлье самому великому князю Витольдови [30]). Сдѣлалъ тое Ягайло на съѣздѣ въ Туруню 1411, може и для того, щобы тымъ вынадгородити Витольда за помôчь удѣленую Польщи въ войнѣ съ нѣмецкимъординомъ. — Жителѣ такъ просторонныхъ рускихъ областей пôдвластныхъ Польщи и Литвѣ дѣлили-сь на сословія, именно князей голдовничихъ (ленникôвъ), которіи зъ давного роду князей рускихъ и зрущеныхъ князей литовского племене, ôтъ Гедымина и Любарта, походили. Были ними такожь потомки Льва, которыхъ имена въ помянику Уневскôмъ наведени, зъ иныхъ жерелъ намъ еще до сей хвилѣ не суть всѣ извѣстніи. Теодоръ Лубартовичь, который вступивши-сь зъ Сѣверщины осѣлъ въ Галичи и княжилъ въ Жидачевѣ, посѣдалъ еще передъ тымъ замки и просторонни волости въ Галицьôй Руси якъ свѣдчатъ надання его монастырямъ сдѣланй. Теодоръ Ольгердовичь наведеный въ гдекоторыхъ, може и пôдложеныхъ грамотахъ[31]) и именуючій ся королевскимъ братомъ, есть по моему мнѣнію тою самою особою, що Теодоръ Любартовичь. Однакожь мы тое съ всею положительностію не утвержаемъ. Вспоминае ся такожь въ однôмъ зъ жерелъ литовскихъ [32]) яко шестый сынъ Ольгерда, „Теодоръ Сангушко удѣлъ его Любомль.“ Ôтъ него происходитъ родъ князей Сангушкôвъ, Ковельскихъ и Кошерскихъ [33]).

Теодоръ Любартовичь княжилъ въ Жидачевѣ въ лѣтахъ 1421—1430. Малъ ôнъ брата Демитрія, которого царъ константинопольскій Іоанъ Палеологъ высоко почиталъ. Демитрій ѣздилъ до Царгороду и привѣзъ съ собою уломокъ креста святого. Князь сей погребеный былъ въ Луцку 1449. Теодоръ Любартовичь малъ еще двѣ сестры (доньки?) Агрипину и Анастазію. Зъ тыхъ всѣхъ: Теодора, Демитрія, Агрипины и Анастазіи происходило численное потомство, которое по имени помяникъ уневскій вичисляе [34]).

---

29) Gołębiowski T. I. p. 169. ab omnibus insidiis, hostilitatibus, adversitatibus et conjurationibus — regem praemunire. Грицько Кердей слюбовалъ грамотою еще зъ р. 1404 (?) що Подôлье вразъ зъ замками Подôльскими королевскому поручникови Дерславови видасть. Gołębiowski T. I. str. 89.

30) Długosz L. XI. p. 312.

31) Истор. сборникъ Т. III. нота 46.

32) Bychowca rękopism (chronika) str. 22.

33) Помяникъ Уневской церкви наводитъ много лиць мужеского и женьского пола, которіи ôтъ Ольгерда родъ свôй производили. Но межи ними не находжу наведеного (Пчела зъ р. 1849 стор. 260) Теодора Ольгердовича.

34) Stadnicki. S. G. T. II. not. 247.

Былъ еще родъ Олигмунтовичей въ Кіевѣ, который черезъ матерь четвертои жены Ягайла Сонки (по крещеню на латиньскую вѣру прозванои Софіею) стоялъ съ пануючимъ домомъ въ сватовствѣ, и може быти, що Олигмунтовичѣ были еще перше въ якôмъ сродствѣ съ Любартовичами и Ольгердовичами. Ихъ родъ вычисленый въ помянику уневскôмъ [35]). О еміграціи одного зъ Олигмунтовичей Андрея до Москвы мы передже вспоминали. Были еще Чарторыскіи происходячіи ôтъ Константина Ольгердовича и его сына Глеба, осаженій на Черниговѣ и Чарторыску [36]). На Волыню проживали Корецкіи, которіи производили родъ свôй ôтъ Демитрія (иначе Борыса) [37]) Ольгердовича, надѣленого Корцемъ на Волыню. На Подôлю володѣли князѣ Хованьскіи проводячіи себѣ родъ ôтъ Теодора, сына Патрицого Наримунтовича. Вспоминаютъ ся якіи то князѣ Столпенскіи [38]), ôтъ Столпна, ихъ посѣдлости. Частію литовского Подôля надѣленый былъ Демитрій Корыбутъ, убитый пôдъ Ворсклою. (Въ мѣсто него именуе иное жерело пôдъ Ворсклою „Демитрія Браньского.") Ôнъ выбудовалъ Вишніовецъ и Збаражь, ôтъ которыхъ то мѣстцевостей потомки его, утративши литовскую часть Подôля, звали-сь Збаражскими и Вишніовецкими. Въ прочемъ Збаражь вспоминае ся уже въ рускôй (Ипат.) лѣтописи пôдъ рокомъ 1211 (Збыражъ). Княжилъ такожь на Подôлю въ якôй-то Карпатамъ поблизкôй области Теодоръ Коріятовичь, о которôмъ однакожь положительно незнати, чи еще до сихъ поръ проживалъ. Чи тіи князѣ въ битвѣ пôдъ Добровнôмъ участвовали? Жерсла не вычислили всѣхъ князей участвуючихъ въ тôй вôйнѣ. Они назвали лишь Сигисмунта Корыбутовича, Теодора Любартовича чи Коріятовичя а може Острогского и гдекоторыхъ князей литовскихъ, именно Юрія Мстиславского и Семена Лангвеновича. Той Семенъ такожь при надаваню земскихъ имѣній черезъ Владислава-Ялайлу Перемышльскому епископу гр. обр. року 1407 содѣйствуе вразъ съ Теодоромъ Любартовичемъ [39]).

Князѣ сіи осаженій на Подôлю, Волыни и Галицкôй Руси справовали суды въ своихъ удѣлахъ и по всей вѣроятности доводили такожь при

---

35) Ученый крылошанинъ Петрушевичь удѣлилъ мнѣ зъ своего палеографического списку еще слѣдуючіи имена, принадлежачіи тому роду: князей Михаила, Константина, Сметріяна Острогского (?), Іоана, Андрея, княгинѣ Анастазіи (?) Агрифины (?).

36) Bychowca rękopism (chronika) str. 22. Stryjkowski: „Глебъ Константиновичь Чарторыскій."

37) Stadnicki T. I. str. 26

38) Stryjkowski. Po obleżeniu Marienburga dał Jagiełło książęciu Stołpińskiemu Królewiec, Witoldowi Bytow i t. d.

39) Въ прочемъ достовѣрность сей грамоты положительно оспоривае ученый Петрушевичь. Сборникъ Т. III нота 45.

военныхъ походахъ полками. Окрôмъ тыхъ князей и обôчь нихъ были въ Литвѣ и въ областяхъ Литвѣ пôдвластныхъ Руси, и по всей вѣроятности и въ польскôй части Руси, которая давнѣйше становила съ Володимирскою Русiю одную политическую цѣлôсть и однаковое мала устройство, рицарѣ и бояры, которiи земскiи имѣня меньшого объему, яко февда, посѣдали, а то таковiи або ôтъ предкôвъ своихъ одѣдичили, або самй за заслуги военнiи ôтъ великого князя або короля одержали. За влiяньемъ Польщи были уже и свобôднй посѣдателѣ, на которыхъ земскôмъ маетку февдальнй должности не тяготѣли, такъ н. пр. князѣ Острогскiи и родина Киселѣвъ. Всѣ вôльнiи люде, которiи не были пôдвластнй ни князямъ ни боярамъ, но безпосередно самому великому князю пôдчиняли-сь, были обовязанй до службы военнои а то сами съ своими пôддаными, такъ, що той, кто бôльше областей посѣдалъ, такожь бôльше воинôвъ ставилъ и самъ ними въ военнôмъ подвизѣ доводилъ [40]).

Рускiи области пôдвластнй Литвѣ должнй были платити серебщину т. е. податокъ въ серебрѣ, подôбный татарскому поголовному, и окрôмъ того на потребу военну дякло т. е. дачку помôчную (Hilfssteuer). Може быти, що и ту той бôльше платилъ, кто бôльше посѣдалъ, и що серебщину и податокъ военный безпосередно ôтъ людей вôльныхъ вымагано, которiи тойже такожь ôтъ своихъ пôдданыхъ и пôдвластныхъ выбирали. Ленникъ не мôгъ свою посѣдлôсть (февдумъ) ниже на дѣти записати ни спродати, ни даровати безъ позволеня княжеского, яко верховного всѣхъ земскихъ имѣнiй пана. Ленники не могли своихъ женъ надѣляти такъ званымъ вѣномъ, которое звычайно женѣ по смерти мужа позôставало, ниже доньки свои вѣновати, лишь за изволеньемъ верховного пана, взглядно короля польского въ Руси Польщи пôдвластнôй, а въ литовскôй Руси за передидучемъ изволеньемъ великого князя литовского. Великiй князь литовскiй або взглядно король польскiй мôгъ по смерти своего ленника надѣленое ему февдумъ ôтобрати и иному надати. Ленники обовязанй были замки будовати, дороги направляти, пôдводы давати и выжь помянуту дачку платити до скарбу великого князя на кождое его вôзванье.

Для дополненя образа, якiй мы ту о внутреннôй исторiи Галицко-Володимирскихъ областей заложили, налижитъ еще увагу читателя звернути на дѣла церковнiи.

Мы видѣли, що половина Литвы крестила-сь на латиньску вѣру, а Русь соединена съ Литвою, а съ нею и гденекоторiи братя Ягайла стояли при греческôмъ вѣроисповѣданю. Ягайло сталымъ упоромъ зъ сто-

---

[40]) Dlugosz. „Locupletissimus ut quisque est, ita plures in bellum principi suo armatos praebet.“

роны рускихъ вельможь устрашеный, велѣлъ православныхъ Русинôвъ требовати лишь до унiи т. е. щобы при сохраненю чистоты своего обряда узнали лишь папу головою церкве. Ягайло пôднѣсъ мысль соединеня обохъ церквей латиньскои и греческои и писалъ въ тôй цѣли до Патрiярха. Патрiярхъ Антонiй IV. въ листѣ зъ Януарiя 1397 похвалилъ тое намѣренье, однакожь извинялъ ся тымъ, що черезъ неустаючу борбу съ невѣрными не возможно было выслати зъ Царгорода людей и въ тôй цѣли собрати синодъ. Осуществленье тои гадки ôтложилъ прото патрiархъ [41]) на пôзнѣйшое и щастливѣйшое время. Ягайло былъ зразу гадкою унiи церковнои дуже перенятый и чувствовалъ глубоко потребу тойже, чувствовала такожь и успѣшала еи осуществленье первая жена короля Ягайла, польская королева Ядвига. Щобы православныхъ пересвѣдчити, що возможно есть при всей вѣрности своему обряду греческому въ догматы католицкои церкве вѣрити и папу за голову церкве узнавати и що чистота восточного обряда и употребленье языка словеньского при богослуженю въ ничемъ унiи не противлятъ ся, спровадили Владиславъ-Ягайло и Ядвига Бенедиктинôвъ монахôвъ греческо-словеньского обряда зъ Праги, построили имъ монастырь на Клепарѣ за Краковомъ надъ рѣчкою Рудавою и положили основанье до прекрасного храму Божого, которого хоръ и презбитерiюмъ еще при жизни Ядвиги укончены были. Дальшое будованье того церковного храма по смерти Ядвиги залишено. Еще около половины XV. вѣка ôтправляли тiи монахи Бенедиктины на Клепарѣ утреню и прочiи богослужебнiи дѣйства въ словеньскôмъ языцѣ и удивляли красотою пѣнiя и лѣпотою обряда навѣтъ горячихъ приверженцей католицизму [42]).

Рôвно якъ Ягайло, такъ и Витольдъ былъ перенятый гадкою унiи церковнои. Навѣтъ самъ митрополитъ Кiевско-московскiй Киприянъ вспиралъ тую гадку, писалъ въ цѣли соединеня церквей до царгородского патрiарха и просилъ, щобы въ якôмъ-то городѣ на Руси соборъ созвалъ и къ тому своихъ архiереѣвъ и прочихъ патрiархôвъ ôтрядилъ (Януарiя 1397). Патрiархъ Антонiй IV. ôтписалъ митрополиту Киприяну, що предложеня его исполнити не возможно для настоячои вôйны съ Турками, которая ихъ (т. е. патрiарха и его архiереѣвъ на востоцѣ) окружае (якъ тое былъ уже разъ въ листѣ до короля польского выложилъ), и що Русь не есть со всемъ способнымъ мѣстцемъ для вселеньского собору, якого такъ важная справа церковная вымагае [43]). Очевидно дѣлалъ

---

[41]) Acta Patriarchatus T. II. p. 280

[42]) Dlugosz L. X. p. 127.

[43]) Acta Patriarchatus T. II. p. 280.

Кипріянъ, маючи взглядъ на положенье православнои церкви въ Польщи и Литвѣ, въ порозумлѣню съ обома владѣтелями, съ королемъ польскимъ и великимъ княземъ литовскимъ. - Въ той часъ зоставала церковь Галицкая въ великихъ смутахъ. По смерти остатного митрополита Галицкого Антонія настало ту великое розстроенье церкви. Еще р. 1391. постановилъ былъ патріархъ царгородскій еромонаха якогото молдавского монастыра Симеона, щобы управлялъ Галицкою церквію, поки справа митрополіи Галицкои не предложитъ ся патріарху и новый митрополитъ не избере ся[44]). Замѣтити належитъ, що митрополитъ Галицкій Антоній по всей вѣроятности посвятилъ Молдавянамъ якого-то Іосафата на епископа. Про то не пріяли Молдавяне нового митрополита Іеремію, посвященого имъ ôтъ патріарха, извиняючи ся, що уже своего питомого святителя маютъ. Тое споводовало великій роздоръ межи новымъ митрополитомъ и клиромъ молдавскимъ. Слѣдствомъ того было великое розстроенье въ дѣлахъ церковныхъ Молдавіи. Не можно отже было зъ Молдавіи, съ которою въ дѣлахъ церковныхъ Галицкая церковь мала тѣсную связь, надѣяти-сь для церкви Галицкои спасительного вліяня. Такіи неустройства споводовали патріарха Антонія IV. уже р. 1393 пôслати на Русь Михаила Архіерея Ветлеемского, щобы въ осиротѣлôй рускôй церквѣ дѣлалъ рукоположенье, посвячалъ церкви, священодѣйствовалъ и пр. и пр. [45]), Перва миссія архіерея Ветлеемского не мала, видитъ ся, долготревалыхъ благополучныхъ послѣдствій. „Вспôльный ворогъ христіянства впроваджуе тамъ гдекоторыхъ мовъ волкôвъ проповѣдаючихъ противніи намъ догматы, многіи же не будучи посвящеными литургисуютъ" такъ начерталъ самъ патріархъ внутренное состоянье Галицкои церкви въ уврительнôй грамотѣ изданôй въ Януаріи 1397 пôсланому на Русь повторно архіепископу Ветлеемскому Михаилу [46]). Сей достойный мужъ былъ уже зъ давнѣйшои миссіи своей обзнакомленый съ діалектомъ и языкомъ тамочного народа [47]), теперь долженъ былъ по приказу патріаршему вторый разъ посѣтити Галицію съ тымъ припорученьемъ, щобы порядокъ церковный снова исправити, низлагати безбожныхъ, научати, рукополагати, посвячати церкви и проч.

Тымъ часомъ епископъ луцкій Іоанъ, человѣкъ честолюбывый, воспользовалъ ся осиротѣньемъ галицкого митрополичого трона и старалъ ся за помочію короля Ягайла зôстати митрополитомъ Галицкимъ. Жилъ ôнъ

---

[44]) Acta Patriarchatus T. II. p. 157.

[45]) Acta Patriarchatus T. II. p. 194.

[46]) Acta Patriarchatus T. II. p. 278.

[47]) Ibidem p. 280—282.

передже въ роздорѣ съ сосѣдомъ своимъ епископомъ Володимирскимъ и той запôзвалъ го передъ судъ патріаршій и ôтправилъ ся самъ до Царгорода. Приѣхалъ до Царгорода 1393 и епископъ Іоанъ Луцкій но не щобы оправдати ся, но привѣзъ листъ ôтъ короля польского, желаючого, шобы патріархъ посвятилъ его (Іоана) на митрополита Галицкого. Не получивши благословеня не хотѣлъ ставити-сь на судъ передъ патріархомъ, про то выклятый былъ и ôтъѣхалъ домôвъ. Митрополитъ Кипріянъ стережучи своихъ правъ яко единственно руского митрополита, супротивлялъ ся именованю осôбного митрополита для Галича. Не уважаючи на то, що Галичь уже малъ передже за его попередникôвъ патріархомъ Филоѳеемъ утворену митрополію, поставилъ былъ Кипріянъ еще передъ р. 1393 для Галича епископа и пôслалъ его тамъ зъ своего митрополичого рамене. Король польскій видитъ ся не уставалъ въ заботѣ, щобы для Галича новый митрополитъ былъ поставленый. Патріархъ тому не супротивлялъ ся, но нехотѣлъ оскорбити такожь и Кипріяна, прото взывалъ ôнъ короля [48]), щобы тымчасово ôтдалъ Галицку церковь пôсланику патріаршему вышьреченому Михаилу Ветлеемскому (1397) а епископа луцкого ôтправилъ до Кипріяна, а если той поблагославитъ его, писалъ патріархъ, най прійде епископъ луцкій тутъ, тогды и я поблагословлю его и буде по Вашей воли. Если же митрополитъ не проститъ ему и если найде ся иный человѣкъ достойный и честный, най того архіерей Ветлеемскій возьме съ собою и приведе до мене. Если же не маешь таковоrо мужа, дай мнѣ знати, щобымъ зъ ôтси пôслалъ человѣка достойного на епископію, щобы край не былъ безъ епископа. Митрополиту же Кипріяну припоручилъ, бы не противилъ ся именованю осôбного для Галича митрополита и бы справу луцкого епископа съ епископомъ Володимирскимъ розсудилъ [49]). Намъ незнаемый вторый успѣхъ тои церковнои миссіи архіерея Ветлеемского Михаила. Не знаемъ такожь, якъ выпалъ судъ Кипріяна въ справѣ Луцкого и Володимирского епископôвъ. Будь якъ будь, епископъ Луцкій неуставалъ заботити-сь о митрополію. Грамотою зъ Февруарія 1398 р. изданою въ Опатовѣ, приобѣцюе ôнъ дати въ надгороду „безъ хитрости“ королеви польскому двѣстѣ гривенъ рускихъ и трицятъ коней, если поможе ему на митрополію. Дальшая судьба того епископа намъ не знаема. Въ року 1401 былъ епископомъ въ Луцку якій-то Сава, который на соборѣ Московскôмъ въ тôмъ самôмъ року за якіи-то переступленя низложеный, своей епархіи лишилъ ся [50]).

---

[48]) Acta Patriarchatus T. II. p. 280.

[49]) Acta Patriarchatus T. II. p. 282.

[50]) Карамзинъ Т. V. стр. 134.

Въ р. 1405 съѣхали-сь были нарочно митрополитъ Кипріанъ, Ягайло и Витольдъ, въ городѣ Милолюбѣ на Волыни и о справахъ важныхъ тычачихъ ся православія на Руси въ Литвѣ и Польщи черезъ двѣ недѣли въ купѣ пребываючи нараджали ся [51]). Жалко, що історія намъ ничого о предметѣ сихъ нарадъ непередала. Чи поставленый еще передже Кипріномъ епископъ для Галича по смерти Антонія митрополита, управлялъ тою епархіею, про недостатокъ жерелъ сказати не знаемъ.

Такіи отношеня тревали черезъ певный часъ и по смерти Кипріяна за его наслѣдника Фотія въ р. 1414. Поединчими епархіями южнои Руси управляли законнӣ епископы, которӣ до митрополита въ Москвѣ относили-сь, съ изъятьемъ Галича. Ту уже вѣроятно отъ смерти митрополита Антонія не было жадныхъ епископовъ ни митрополитовъ и больше полтора вѣка вмѣсто тыхъже управляли епархіею лишь митрополичӣ намѣстники.

На престолѣ латиньского Галицкого архіепископства сѣдѣлъ по смерти Бернарда Якобъ Стрыпа. На престолѣ епископства перемышльского слѣдовалъ Матіашь по смерти епископа Ерика. Катедра Галицкого архіепископства лат. обр. была въ Галичи, где по свѣдоцтву жерелъ отнята была якая-то церковь Русинамъ и на катедру латиньского обряда призначена[52]). Перемыскіи епископы лично не обитали въ Перемышли, но по всей вѣроятности въ Кроснѣ [53]), ажь р. 1390 склонила королева Ядвига епископа перемышльского Ерика переселити-сь до Перемышля и возобновити ту катедру, по свѣдоцтву жерелъ лишеную всякого достоинства православными, якбы плачучу вдовицю [54]). Ерикъ переселивши ся до Перемышля утворилъ ту латиньскую капитулу. Въ року 1398 опредѣлилъ епископъ краковскій Петръ съѣхавши до Львова 24. Септемврія т. р. съ припорученя папы границѣ обохъ епархій [55]). Архіепископская катедра лат. обр. именована Галицкою и умѣщена въ Галичи еще отъ временъ ей учре-

---

[51]) Троицкая лѣтопись.

[52]) Długosz L. X. p. 26 „fuit autem ad praefatam Metropolitanam Haliciensem ecclesiam recenter a Gregorio erectam, Jacobus natione Polonus consecratus et sedi suae ecclesia ibidem graeci ritui consignata," относитъ тое до р. 1375 и сказуе, що тое здѣлано при учрежденю архіепископіи галицкои лат. обр. за архіепископа Іакова. Но Яковъ не былъ архіепископомъ первымъ, но по ряду третій. Онъ вступилъ на тронъ архіепископства р. 1392, оже за Ягайла и по всемъ правдоподобію не р. 1375 но познѣйше за панованя Ягайла перемѣнено церковь въ Галичи на латиньску катедру, якъ тожсамо сдѣлано и въ Перемышли.

[53]) Зубрицкаго критическа повѣсть о Червоной Руси стр. 224.

[54]) Зубрицкаго крит. повѣсть о Ч. Р. стр. 224. ex arch. capit. r. l. Praemisliensis.

[55]) Зубрицкаго крит. повѣсть о Ч. Р. стр. 227. 228.

жденя (1375) мала обôчь себе въ тôмъ самôмъ мѣстѣ капитулу [56]). Яковъ Стрыпа не смотрячи на то, що въ Галичи была питомая катедра архієпископства латиньского, пребывалъ въ Львовѣ [57]), причинялъ ся много до укрѣпленя римскои вѣры, старалъ ся о пôднесенье римского обряда тамъже и запровадилъ ту вечерное богослуженье. Богомоліє пôдъ проводомъ архієпископа ôтбывало ся въ костелѣ Францишканôвъ св. Креста. Яковъ умеръ 1411 и погребенъ былъ въ гробѣ умѣщенôмъ въ тôмъ самôмъ костелѣ св. Креста. По смерти Якова Стрыпы именовалъ король Ягайло Николая, зъ дому Труба архієпископомъ Галицкимъ. Не долго потôмъ надалъ папа Николаеви опорожненое архієпископство гнезненьское а на его мѣстце именовалъ Іоана Решôвского архієпископомъ Галицкимъ лат. обряда. Тымъ часомъ будова костела пресв. Маріи въ Львовѣ, до которой основанье положилъ Казимиръ Великій, значительно поступила. На представленье короля Ягайла перенѣсъ папа Іоанъ XXIII. булею 28. Януарія 1412 архієпископскую катедру зъ Галича до Львова возвышаючи костелъ первѣстно парохіальный съ. Маріи напôлъ окôнченый до достоинства костела катедрального, и ôтъ того часу называла ся архієпископія латиньская по приказу папы уже не Галицкою, но Львôвскою. Сдѣлано тое, якъ самъ папа въ дотычной були выражае ся, зъ причины, що Львôвъ въ тое время былъ многолюднѣйшій и всѣми потребами и выгодами житя бôльше осмотреный, нижели стародавна столиця Галицкои Руси Галичь. Однакожь не скорше ажь р. 1414 опустилъ архієпископъ Іоанъ Решôвскій древную столицю Галичь, вѣѣжджалъ при сопровожденю руского старосты Иво(на) и воеводы т. е. судового урядника до Львова [58]) и ôтъ того времени уже сѣдалище львôвского арх. лат. позôстало до нынѣшного дня въ Львовѣ. Той самъ папа потвердилъ лат. архієпископіи всѣ давнѣйшіи права, преимущества и имѣня и пôдчинилъ ей такъ епископіи лат. обр. въ Перемышли, Холмѣ, Каменцу, Володимирѣ, Серетѣ и Кіевѣ и епископôвъ всѣхъ сущихъ и будучихъ, яко и всѣ церкви и епископôвъ греч. обр., которіи въ предѣлахъ выжь наведеныхъ областей существуютъ съ всѣми тыхъже правами и принадлежностями [59]). Въ р. 1539 вызнае шляхта руская и подôльская передъ митрополитою Кіевскимъ, що на стôльци Галицкои митрополіи гр. обр. учинено арцибискупство латиньское, а которіи были мѣста и села къ Галичу т. е. которіи были достояньемъ митрополіи Галицкои греч. обр. тіи зôстали ôторвани ôтъ ней и на тôмъ фундовано латиньское арцибискупство [60]). Тому свѣдѣтельству противстоитъ иное

---

[56]) Theineri T. II. p. 6. „archiepiscopus ecclesia et capitulum Haliciensis."
[57]) Сей архієпископъ обыталъ ôтъ 1403 въ домѣ обôчь Францишканôвъ.
[58]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 81.
[59]) Theineri T. II. p. 56.
[60]) Акты западной Россіи Т. I. стр. 359.

свѣдоцтво у однôмъ зъ жерелъ польскихъ, що именованый архіепископомъ Галицкимъ Николай Труба, а по немъ Іоанъ Решовскій затримали всѣ свои давнѣйшіи приходы (beneficia) въ Польщи, а особливоже въ Краковѣ, а то зъ причины, понеже худіи приходы архіепископства Галицкого лат. обр. на приналежитое утриманье такъ высокого церковного достойника не выстарчали [61]).

Перемышльская епископія гр. обр. была въ тôмъ взглядѣ щастливѣйшая. Ей епископы посѣдали еще ôтъ временъ рускихъ князей Льва и Юрія въ Самбôрскôмъ округѣ земскіи имѣня, которй о грунта Топольничанъ т. е. жителей села Топольнича опирали ся. На земляхъ епископскихъ осѣвшіи люде звали ся владычими, платили чиншь зъ дворищь ними посѣданыхъ и ôтробляли роботы [62]). Окрôмъ тыхъ земскихъ имѣній приписаныхъ св. Спасу посѣдали перемышльскіи епископы ôтъ давныхъ временъ села Валяву и Малковичѣ съ тымъ застереженьемъ, щобы ôтъ кождого кмета, лана и дворища по два грошѣ до скарбу королевского оплачали. Ягайло затвердилъ епископамъ рускимъ тіи имѣня [63]).

Въ прочемъ были латиньскіи епископы въ всякôмъ ôтношеню лучше поставленй ôтъ рускихъ. Они звычайнй были выберати по всей рускôй земли ôтъ жителей городôвъ, мѣсточокъ и ôтъ посѣдателей бôльшихъ земскихъ имѣній певную суму яко пошлину вмѣсто десятои части щорочного жнива. Епископъ Перемышльскій сознае, що снопковая десятина въ рускихъ сторонахъ не была въ уживаню. Ягайло не радитъ снôпковою десятиною оскорбляти Русинôвъ и призначае въ мѣсто неи рôчный гроше-

---

[61]) До Николая Трубы стягае ся слѣдуючое мѣстце: Dlugosz. L. XI. p. 312 „omnibus beneficiis suis videlicet praepositura S. Floriani extra muros Cracovienses, et praebendas in Gneznensi, Cracoviensi, Sandomiriensi st. Viti Kruszvicensi castris et altari in ecclesia Cracoviensi propter tenuitatem ecclesiae Haliciensi reservatis.“ До Іоана Гешôвского стягае ся слѣдуючое мѣстце: Długosz L. XI. p. 315. „Joanni Rzeszowski praeposito st. Michaelis in castro et canonico Cracoviensi de domo Pułkosza utroque beneficio sibi reservato.“ Оже выжь реченое ôчужене земскихъ имѣній руской митрополіи а упосаженье ними лат. архіепископства въ Львовѣ собыло-сь не скорше якъ за временъ Іоана Решовского по всей вѣроятности ажь тогды, коли той архіепископъ перенѣсъ свою столицю до Львова и зрѣкъ ся (коли?) своихъ прочихъ бенефицій въ Краковѣ.

[62]) Акта западнои Россіи Т. І. стр. 45. 46. 41. 42.

[63]) Истор. Сборн. Т. III. нота 45. Грамотою зъ р. 1407 „villas, quas ex antiquo ad laudem Dei collatae sunt superius scriptae cirkwie pertinentes, et quaelibet curiola nomine vocatae hoc est Walawa et Małkowycze, sicut ex antiquo pertinebantur et nos damus et renovamus.“ — Подлинность тои грамоты оспорвае въ сочиненю о соборнôй Богородичнôй церкви и святителяхъ въ Галичи ученый крылошанинъ Петрушевичъ.

вый датокъ. Въ прочемъ зъ споро̂въ шляхты руской и мѣщаньства въ Львовѣ съ лат. архіепископомъ слѣдуе, що давными часами не было общои десятины на Руси и що лат. епископы тую запровадили и не лишь о̂тъ своихъ, но такожь и о̂тъ исповѣдателей греч. вѣры выбирали 64).

Ягайло спроваджалъ колонисто̂въ лат. вѣроисповѣданя въ рускіи краи, и населялъ ними пустіи обшары; а случало-сь такожь, що села принадлежачіи рускимъ панамъ, надавалъ слугамъ своимъ лат. вѣроисповѣданя. Рускій властитель мусѣлъ уступати привилеемъ королевскимъ наснабженому королевскому слузѣ съ февдального имѣня, отримавши за такій убытокъ якое вынадгороженье 65). Король Владиславъ-Ягайло надавалъ кляшторамъ села; такъ н. пр. надалъ былъ Францишканамъ въ Львовѣ села Хоначо̂въ и Козельники. Францишканы и Доминиканы въ Львовѣ и Францишканы въ Галичи розвинули были черезвычайную дѣятельно̂сть. Въ року 1405 посѣдали Доминиканы въ Львовѣ уже костелъ Божого Тѣла, а Францишканы выжь вспо̂мненый костелъ св. Креста. Они загадали еще за временъ Казимира выбудовати для себе костелъ св. Креста въ Галичи Отто, староста рускій, писалъ р. 1367 въ то̂мъ взглядѣ до Генрика, воеводы Галицкого, до адвоката и прочихъ горожанъ Галицкихъ, бы о̂ступили въ Галичи мѣстце, которое собѣ изберутъ Францишканы на построенье выжь реченого костела, а тыхъ которі̂ бы ся тому супротивляли велѣлъ въ имени самого короля пана строго укарати 66). Стало-сь по повелѣню королевского чиновника. Францишканы выбрали собѣ мѣстце въ само̂мъ городѣ и выставили передъ самымъ входомъ до Соборнои церкви пресв. Дѣвы, днесь храма Рождества Господняго, величавый костелъ св. Креста вразъ съ кляшторомъ. Митрополиты рускіи зъ Галича уступили-сь и построили собѣ за Галичемъ въ близко̂мъ селѣ обиталище и катедру. Сдѣлалъ тое по всей вѣроятности еще митрополитъ Антоній. Мы сказали, що по пересѣченю достоинства митрополичого въ Галичи управляли епархіею митрополичіи намѣстники. Въ року 1413 былъ нимъ якій-то Иванъ Креховичь. Они обитали уже не въ Галичи но при ново-

---

64) Zimorowicz triplex Leopolis Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa. str. 71. 72. 64. Зубрицкаго крит. ист. повѣсть о Червонои̂ Руси нота 24. стор. 71. 72. документъ епископа Перемышльского лат. обряда.

65) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 74. О колонизаціи Руси въ цѣли религiйнои̂ вспоминае грамота епископа Перемышльского. (Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 71.) Locorum ordinari pro decimis „certam summam pecuniae et non manipularem decimam recipiunt et recipere consueverunt, ut ad easdem partes Russiae populus catholicus liberius conflueret, Ruthenosque et alios schismaticos easdem partes inhabitantes potentius extirparet.“

66) Листъ старости Оттона зъ р. 1367. Ист. сборн. Т. III. примѣчанье 35.

построеномъ храмѣ за Галичемъ. При тойже церкви мешкало такожь высшое духовеньство (крылосъ), окружаючое звычайно митрополиту або епископа. Про то прозвано епископскую соборную церковь крылоскою а село, въ которомъ церковь находила-сь, Крылосомъ. Такожь и зъ Перемышля уступили рускіи владыки. Ягайло р. 1412 съѣхалъ былъ до Медики. Прибыли ту посланники отъ Сигисмунта короля угорского и цѣсаря нѣмецкого: Іоанъ, архіепископъ Стригомскій и Михаилъ Кохмайстеръ новои Мархіи. Они намѣряли въ имени Сигисмунта затягнути долгъ у Ягайла. Ягайло вычислилъ Сигисмунту желаный грошь (40.000 сексагеновъ, т. е. копъ грошей широкихъ) за що реченй послы шпизкую землю Ягайлу въ заставъ отдали. Приѣхавши въ товаришествѣ тыхъ двохъ гостей до Перемышля, загадалъ Ягайло передъ лицемъ ихъ оправдати ся и дѣломъ доказати, що ложная есть помова, якую розсѣвали рицарѣ нѣмецкого ордина, затятіи вороги Ягайла передъ папою и цѣсаремъ на него, якобы онъ былъ католикомъ на око, а дѣломъ вспиралъ православіе. Отже въ присутствію тыхъ королевскихъ достойниковъ велѣлъ Ягайло Русинамъ оставити великолѣпную, съ квадратового тесаного каменя искусно выставленую церковь, въ которой епископы перемышльскіи еще нижели переселили ся до Самбора, священодѣйствали и въ которой тѣла славныхъ Русиновъ почивали. Тѣла умершихъ выкинено зъ гробовъ, церковь на ново посващено и отдано католикамъ для службъ латиньского вѣроисповѣданя[67]). Перемышльскіи рускіи епископы переселили-сь до Самбора вразъ съ крылосомъ. Въ р. 1422 обитали уже крылошане въ Самборѣ и оттакъ звали-сь крылошанами Самборскими [68]). Слѣдственно была въ Самборѣ епископская катедра гр.обр. При ней обиталъ епископъ, а оттакъ Перемышльскіи владыки прозываютъ ся такожь Самборскими.

Дѣйствованье Ягайла въ духу латиньского вѣроисповѣданя розтягало ся и на Русь, подвластную Литвѣ. Мы читаемъ въ жерелѣ [69]) слѣдуючое извѣстье: *Ягайло фундовалъ (т. е. упосажилъ) бискупство Луцкое и Кіевское и почалъ розмножати вѣру римскую въ литовскомъ паньствѣ.* Онъ перенѣсъ столець епископскій зъ Володимиря до Луцка, учре-

---

[67]) Długosz L. XI. p. 324. „eclesiam cathedralem pulcherrimo opere in petra quadrata fabricatam in Praemisliensi castri medio sitam, ritu graeco hactenus per pontificem Ruthenorum administrari et officiari solitam, ejectis intumulatis primum Ruthenorum cadaveribus et cineribus, consecrari in catholicam et latlni ritus ecclesiam ordinavit. Quod ad singularem sui ritus contumeliam et opprobrium Ruthenorum sacerdotes et populus deputantes factum amaris singultibus vociferatione et fletibus illud prosequebantur."

[68]) Акта западнои Руси Т. I. Н. 31. стр. 45.

[69]) Bychowca rękopism (chronika) str. 29.

дилъ епископство въ Каменци [70]) и будовалъ костелы для католикôвъ, такъ н. пр. проѣжджаючи черезъ Люблинъ, знайшолъ тамъ католикôвъ и велѣлъ збудовати имъ за одинъ день деревяный костелъ[71]). Въ прочемъ самъ великій князь Витольдъ былъ вправдѣ католикомъ римского вѣроисповѣданя, однакожь приклонный былъ всякимъ вѣроисповѣданямъ именно: римско-католикамъ, Татарамъ, жидамъ и православнымъ, а навѣтъ нововозрастаюча въ сусѣдствѣ секта Гуситôвъ посылала до Литвы своихъ проповѣдникôвъ [72]).

Въ прочемъ и руская церковь мала своихъ ревныхъ покровителей. Такъ н. пр. о князѣ Скиргайлѣ читаемъ, що ôнъ спріялъ православнымъ бôльше, якъ католикамъ и що много причинилъ ся до умноженя хвалы божои ведля греч. обряду [73]). Такожь Свидригайло спріялъ черезмѣрно рускому вѣроисповѣданю [74]). Русины любили Свидригайла, вспирали его предпріятія противу узаконеному владѣтелю Литвы, Витольду, а рускіи калауры т. е. монахи стояли съ нимъ въ тайныхъ ôтношеняхъ и направляли умыслы руского народа въ пользу Свидригайла. Свидригайло вѣновалъ и упосажилъ щедро рускіи церкви и монастырѣ [75]). И на Галицкôй Руси зôставилъ Свидригайло памятку по собѣ, упосаживши грамотою, которая до нынѣшного дня заховала ся, церковь въ Городку близь Львова землями, имѣнями и другими угодіями [76]).

Еще бôльше слѣдôвъ зôстало по Теодору Любартовичу. Сей князь основалъ еще р. 1400 первоначально монастырь св. Василія въ Уневѣ и упосажилъ имѣнями, которіи король Ягайло монастырю р. 1401 затвердилъ. Сей монастырь посѣдалъ села Яхторôвъ и Млыновець, по всей вѣроятности уже ôтъ его заложеня, якъ тое свѣдчили записнй грамоты, которіи жалко, що Татары разомъ съ монастыремъ въ XVI. вѣцѣ уничтожили. Теодоръ Ольгердовичь (по всей вѣроятности вмѣсто: Любартовичь) будучи княземъ Жидачевскимъ упосажилъ катедральну церковь въ селѣ Крылосѣ, селомъ Перегиньскомъ [77]), може быти тогды, коли Галицкая церковь по словамъ

---

[70]) Стрыйковскій гос такъ представляе, якобы Ягайло титуларну епископію Львôвскую перенесъ до Каменца а зъ Галича архіепископію до Львова.

[71]) Długosz ad a. 1409.

[72]) Narbutt u. s. T. VI. str. 88. Wilno 1839.

[73]) Stryjkowski. Skirgełło „więcej był przychylny do rozmnożenia módł ruskich zakonu greckiego.“

[74]) Długosz „Boleslao Swidrigelone sectae Rutheniae, quam maxime favente.“

[75]) Długosz: Rutheni a Boleslao largitionibus onerati. Его записи грамоты однакожь зъ пôзнѣйшого часу обрѣтаемъ въ актахъ зап. Россіи Т. І.

[76]) Сборникъ ист. Т. III. стор. 46.

[77]) Сборникъ ист. Т. III. нота 46: „wieś Perhińsko w powiecie żydaczowskim leżąca własna jest majętność dziedziczna cierkiewna do katedry cerkwi halickiej kry-

рускои шляхты въ XVI. столѣтію лишена была въ пользу лат. церкви всѣхъ своихъ имѣній, якъ мы о тôмъ высше сказали. И прочіи князѣ зъ давного роду князей рускихъ, потомки побочнои линіи князя Льва и князѣ зъ роду Ольгердового, Ольшаньскіи и Любартовичѣ, которыхъ по имени помяникѣ Уневскій вычисляе, слынули яко добродѣи рускихъ церквеи и защитники обряда. Многіи зъ тыхъ упосажили церкви и монастырѣ имѣ-ніями, многіи постригали-сь въ монахи и богоговѣйный животъ въ мона-стырѣ кôнчили. При многихъ лицахъ женьского и мужеского пола, наведеныхъ въ помянику Уневскôмъ, находитъ ся приписка: инокъ або инокиня. Самая мати четвертои жены Владислава-Ягайла, Сонки, матери Ягелоновъ т. е. всѣхъ сыновъ и наслѣдниковъ Ягайла, Александра, жена Андрея Ивановича Гольшаньского, князя Кіевского [78]), постригла-сь въ инокинѣ. Ей тѣло спочивае въ монастырѣ уневской церкви[79]). — Повага и вліянье тыхъ князей и родôвъ опирало-сь еще на давнôмъ устройствѣ литовской державы. Польская политика была имъ именно Любартовичамъ противна зъ причины, що они еще всегда права наслѣдственніи до Руси притязивали. Въ прочемъ ленный стосунокъ въ Литвѣ постепенно уничто-жалъ ся. Въ мѣсто удѣлôвъ настали воеводства и староства, въ мѣсто князей удѣльныхъ, королевскіи и велико-княжескіи урядники, которымъ княжескіи роды пôдчиняли-сь. Потомки старыхъ княжихъ родôвъ тратили характеръ удѣльныхъ князей и стали-сь лишь посѣдателями бôльшихъ и просторопнѣйшихъ имѣній. Насталъ иный порядокъ въ Литвѣ, на Руси литовскôй а послѣ и на Руси Польщи пôдвластнôй, порядокъ кажу, опер-тый на пôдставахъ, до которыхъ прочая Европа стремила тогды, коли зъ цѣпъ феодализму постепенно выломляла ся.

Угольный камѣнь до нового державного устройства положила унія въ Литвѣ и Польщи въ Городлѣ 1413. Отже для усовершеня образа вну-треннихъ дѣлъ, который мы ту начертали, передъ всемъ условія горо-дельскои уніи представити належитъ. Ôтъ стороны рицарей нѣмецкого ордина неуставали покушеня, щобы утраты, якіи ординъ въ слѣдство

łosowej, przez książąt ruskich mianowicie Teodora Olgerdowicza fundowana i darowana."

78) Густиньская лѣт. р. 1396. 1399.

79) Пчела зъ р. 1849. 261. 277. Александра Ольшаньска погребена въ Уневѣ р. 1416, оже еще 6 лѣтъ передъ временемъ, нижели оженилъ ся Ягайло съ Сонкою (р. 1422) По всей вѣроятности князѣ Ольшаньскіи земскіи имѣня въ Галичинѣ уже ôтъ непамятныхъ временъ посѣдяли. Въ прочемъ уже въ найдавнѣйшихъ актахъ во-сточной части Галичины въ краевôмъ архивѣ, которіи однакожь лишь р. 1436 сягаютъ, вспоминаютъ ся „principes de Olschanica Olschański." Тисьменица въ XV. столѣтію принадлежала тому роду —

остатнои програнои битвы пôдъ Дубровномъ понѣсъ, будучимъ щастливымъ успѣхомъ военнымъ вынадгородити. Цѣсарь Сигисмунтъ вспиралъ рицарей всѣмъ ему предстоячимъ вліяньемъ. Военный духъ не угасалъ, охота мѣрити-сь еще оружіемъ съ Литовцями и Поляками не остигала, обудили ся сильнѣйше чувства жалю за утраченою славою и жажда мести надъ щастливѣйшими сусѣдами. Одинъ голосъ за вôйною ôтозвалъ ся по цѣлыхъ Прусахъ и по всѣхъ конвентахъ пышного закона, словомъ, еще жестокая борба ордина съ Литвою и Польщею предстояла, коли Витольдъ и Ягайло и паны польскіи перевысшаючи диплiоматичнымъ розумомъ панôвъ литовскихъ загадали передъ лицемъ будучихъ событій и ожаданыхъ борбъ скрѣпити союзъ Литвы съ Польщею такъ, щобы той не завесѣлъ лишь ôтъ произвола обохъ владѣтелей, но вкорѣнивши ся въ устройство внутренное двохъ соединеныхъ державъ, сталъ ся для обохъ неôтзовною потребою. Въ осени 2 Октобра 1413 съѣхали-сь Ягайло и Витольдъ, паны польскіи и литовскіи до Городла надъ Бугомъ [80]). Ту узаконено, щобы Литва и Польща мали своихъ осôбныхъ владѣтелей выбираныхъ зъ роду Ягайла, або Витольда, Поляки при выборѣ польского короля должнѝ порозумѣти-сь съ Витольдомъ, а Литовцѣ маютъ приступати до выбору нового В. князя литовского зъ порозумѣньемъ съ королемъ польскимъ и за его согласіемъ. Витольдъ обовязалъ ся не предпринимати жаднои вôйны безъ вѣдомости и согласія Польщи. Важніи справы тычачіи ся ôтношеня обохъ народôвъ до себе и до внѣшнихъ державъ, должнѝ обрадовати-сь на вспôльныхъ съѣздахъ панôвъ польскихъ и литовскихъ въ Парчовѣ и Люблинѣ за волею и приказомъ королевскимъ. При боцѣ великого князя долженъ стояти совѣтъ державный, такъ якъ при короли въ Польщи стояла рада коронна [81]). Условіями городельскои уніи утворено сословье: свобôдныхъ посѣдателей земскихъ имѣній. Ленный стосунокъ литовскихъ вельможь, бояръ и рицарей бôльшою частію былъ розрушеный, имѣня, которѝ имъ лишь до живота наданѝ были, зôстали срôвнани ôтцѣвствамъ и опредѣлено, щобы ôтцѣ передавали имѣнье на сынôвъ и дальшихъ потомкôвъ, щобы зъ того жены забезпечали, доньки вѣновали, безъ попереднѣйшого соизволеня великого князя. Лишь спродажь и купно недвижимыхъ имѣній должно ôтбывати-сь за вѣдомостію, въ присутствіи и за посредничествомъ великого князя, або его ôтпоручника, старосты и воеводы. Застережено лишь слѣдуючіи должности: звычайнѝ дани, даванье пôдвôдъ, будованье городôвъ и службы военніи. Тое все застережено въ интересѣ самодержавія,

---

[80]) Пôдля Стрыйковского съѣхали-сь тутъ князѣ зъ княжеского рода именно: Кіевскіи, Волыньскіи, Збаражскіи, Вишніовецкіи, Заславскіи и Гедроцкіи.

[81]) Stryjkowski.

щобы власть великого князя литовского жадного ущербку не терпѣла. Установлено по примѣру Польщи княжескіи уряды (воеводъ и каштелянôвъ) и узаконено, щобы по городахъ и областяхъ по передидучемъ определеню короля польского и великого князя литовского тіи уряды постепенно впроваженй были. Важнй справы должнй рѣшати-сь по соймахъ и думахъ народныхъ. Давнѣйше участвовали въ думахъ старіи князѣ зъ пануючого дому и тіи бояре и вельможѣ, которй земскими имѣнями и ленами бôльшого объему ôтъ князей были надѣленй. Въ дусѣ городельской уніи съ временемъ все сословіе свобôдныхъ людей посѣдаючихъ земское имѣнье (бôльшое або меньшое) припущено было до сойму [82]). Однакожь тое розширенье свобôдъ народныхъ ограничено лишь на исповѣдникôвъ римскои вѣры. Вѣроятно, що православнй именноже Русины не удовольніи были тымъ цѣлымъ стремлѣньемъ тѣснѣйшого соединеня Литвы съ Польщею. Православнй и прочіи секты были ôтъ условленыхъ преимуществъ и свободъ выключени. Такъ н. пр. выключени были зъ совѣта державнои думы всѣ православнй и опредѣлено, щобы уряды роздавали-сь исповѣдателямъ римскои вѣры, не православнымъ зъ причины, „бо рôжнôсть вѣры произвести може рôжность чувствъ и мнѣнй и бы тайны державы старанно были сохраненй“ [83]). Мы пригадуемъ давнѣйшій заказъ Ягайла, щобы католики не сочитали-сь браками съ православными [84]). Теперъ литовскимъ панамъ дано свободу выдавати безъ передидучого соизволеня В. князя доньки свои за кого нибудь, если женихъ былъ католикомъ, а не православнымъ. Первыми артикулами городельскои уніи затвержено римскôй церквѣ всѣ имѣня и преимущества, именно: освобоженье ôтъ всѣхъ даней (дяклъ, серебщинъ), службъ военныхъ и прочихъ должностей [85]). Наконецъ допущеніи были роды литовскіи до общества свободъ народа польского (бо всѣми выжь наведеными свободами шляхта польская уже передже ужиткова). Панове литовскіи приняли знамена, гербы и придомки поединчихъ родôвъ шляхты польскои, такъ н. пр. Іоанъ Гаштольдъ принялъ гербъ рода Габданкôвъ, съ которыми уже передже вступилъ въ родственніи ôтношеня, Николай Войнаръ рода Новины, Немира, рода Ястрембца и прочь. Имена Литов-

---

[82]) Narbutt T. VI. str. 300. ссылаючи ся на Бандкого „było bowiem systematem króla w Polsce, jakoteż w Litwie przepuścić do obrad sejmowych ogół stanu szlacheckiego.“

[83]) Długosz L. XI. p. 340. слова самого акту городельскои уніи „quia saepe dispares cultus, diversitatem inducunt animorum et concilia patent talibus divulgata, quae traduntur secreto observanda.“

[84]) Długosz L. X. p. 118.

[85]) Stryjkowski u. s. ks. XIII. str. 446. 447.

цей, принявшихъ условія уніи городельской и возпользовавшихъ ся нею н. заховали ся всѣ [86]), а котори заховали ся, суть частію чисто-литовскіи безъ прôзвищь, якъ н. пр. Монивундъ, Войдило, Войшинь, або христіяньскіи, н. пр. Яковъ, Андрей, Станиславъ и проч. съ зрущеными прôзвисками (patronimicis съ окôнченьемъ на ичь) н. пр. Сесниковичь, Чучуловичь, Кокутовичь, Суковичь, Ремонидовичь, Девокотовичь, Ручовтовичь и пр. а чисто рускіи по имени и прôзвищу лишь два заховали-сь Немира на имя Андрей [87]) и Николай Войнаръ [88]). Были то отже Литовцѣ зъ роду, на вѣру лат. окрещени або и гдекотори Русины и зрущени Литовцѣ въ римску вѣру переступившіи, котори актъ городельской уніи пôдписали. Князѣ зъ пануючого дому по всей вѣроятвости непôдписали актъ городельской уніи, черезъ которую становище свое до остатка былибы потеряли и если поданье одного зъ жерелъ литовскихъ [89]) якобы князѣ Збаражскіи, Вишніовецкіи и Волыньскіи съ своими боярами до Городла прибыли, бы участвовати въ спôльныхъ народныхъ нарадахъ, не есть ошибочною вѣстію, тогдыбы предположити можно, що такъ утяжливымъ для нихъ и для православнои части литовско-руского народа условіямъ опирали ся. Зъ боярства Галицкого не обрѣтаемъ жадного участника городельскихъ условій. Пôдписали-сь на актѣ городельскои уніи лишь архіепископы и епископы лат. обряда областей Галицкои и Володимирскои Руси именно: Іоанъ архіепископъ Львôвскій, Матіашь Перемышльскій, Михаилъ Кіевскій, Григорій Володимирскій, Збѣгнѣвъ Каменецкій. Зъ тыхъ даныхъ видко, що условія городельскои уніи вмѣнили ся передъ всемъ въ пользу латиньскому вѣроисповѣданю, що въ Галицко-Володимирскôй Руси еще не было выжшихъ урядникôвъ исповѣдаючихъ вѣру римскую и що рицарство и боярство тамошное разомъ съ своими князями зôстали и по городельскôй уніи при давныхъ, бôльшою частію февдальныхъ стосункахъ и не взираючи на корысти и свободы горожаньскіи, якіи наданй были католикамъ, довременно православія придерживали ся.

Тои самои осени, котороu собыла-сь унія городельская, водворила-сь въ Польщи морова зараза и черезъ зиму еще увеличила ся и взмôцнила ся. Зима въ року 1312 на 1313 была такъ тепла, що въ Сѣчню и Лютôмъ дерева и былины гдекуда процвитали [90]). Може быти, що такъ

[86]) Narbutt T. VI. str. 302.

[87]) Впрочемъ и прôзвище Немира отрималъ панъ Андрей въ время вôйны Витольда съ Москвою, якъ видко зъ рукописи Быховца стр. 38.

[88]) Stryjkowski ks. XV. str. 510.

[89]) Stryjkowski ks. XV. str. 509.

[90]) Dlugosz L. XI. p. 355.

звычайная невчасная теплота воздуха на умноженье паразливои слабости мала якое влiянье.

Тѣснѣйшое соединенье Литвы съ Польщею мало на внѣ тое ближшое послѣдство, що Литва и Польща станули незвитяжимыми державами. Оружiе ихъ щастливѣйше якъ коли инуда, побѣдило сусѣдны ворогôвъ, по ихъ влiяню рѣшали-сь справы внутренни посторонныхъ народôвъ, а о прiязнь ихъ убѣгали ся могучiи державы.—Турки ставали-сь чимъ разъ грознѣйшими для Европы, они зъ стороны моря покорили часть бизантiйскои имперiи въ Европѣ: Трацiю, а ôттакъ области наддунайскiи, и тревожили самъ головный городъ бизантiйскои державы Царгородъ. Король угорскiй Сигисмунтъ мѣрилъ уже пôдъ Никополисъ р. 1396 оружiе свое съ Турками и испиталъ гôрко все щастье и силу побѣдоносного оружiя турецкого. Зôставши цѣсаремъ нѣмецкимъ, затрудненый былъ справами всемирными европейского христiяньства и созвавши общiй соборъ въ Констанцiи, требовалъ вôльныхъ рукъ ôтъ стороны Туркôвъ, которiи чимъ разъ близше Дуная свои заборы посуваючи, угорское королевство воевати не переставали. Соборъ въ Констанцiи просилъ р. 1415 Владислава-Ягайла и Витольда, щобы оба въ непритомности Сигисмунта занятого справами европейскими, оборону королевства угорского передъ Турками предприняли [91]). Ягайло пôслалъ Скарбка де Гори и Григорiя Ормянина може быти, знаменитого жителя Львôвского або якого иного руского города, до Султана турецкого. Той прiймилъ посольство съ приналежитою честiю и заключилъ въ слѣдство представленiй короля польского съ Сигисмунтомъ, королемъ угорскимъ, кôлькорочное премирiе.

Молдавскiи воеводы, которi якъ мы видѣли въ случаю вôйны съ Турками Сигисмунта войсками вспомагати обовязали-сь, вяжутъ ся съ Польщею чимъ разъ тѣснѣйше и ôтновляютъ давнѣйшiи приреченя послушеньства. Въ р. 1415 [92]) король Ягайло пребывалъ въ Снятынѣ. Ту явилъ ся молдавскiй воевода Александеръ вразъ съ женою и своими боярами, сложилъ королю голдъ яко своему верховному пану, клонилъ передъ нимъ въ довôдъ пôдданьства хоругвы т. е. знамена, пôдъ которыми воевали полки его и заручилъ свое послушеньство такожъ письменно. Въ лѣтахъ 1419 и 1421 ôтновлени были записы послушеньства ôтъ стороны выжьреченого Александра и сына его Илiи. Сестра Витольда Рунгала ôтдана

---

[91]) Codex diplomaticus Dogieli. Documentum de 16 Augusti 1415. Gołębiowski u. s. T. I. p. 242. nota 399.

[92]) Еще р. 1411 обовязалъ ся Ягайло звернути 1000 рублей ôтъ передкôвъ Александра Ягайлу вичисленыхъ, а еслибы тое въ двохъ лѣтахъ неучинилъ, обѣцялъ пустити ему Снятынъ, Коломыю и цѣлое Покутье. Gołębiowski T. I. s. 197.

была замужь за Алаксандра, однакожь нехотѣла съ нимъ проживати. Александеръ записалъ Рунгалѣ (ôтступного) городъ Серетъ и обовязалъ ся суму 600 дукатôвъ ей платити[93]).—Молдавія стояла съ Русію въ тѣсныхъ торговельныхъ ôтношеняхъ. Купцѣ спроважали выробы нѣмецкихъ надбалтицкихъ городôвъ на Русь и черезъ Русь въ Молдавію до Сучавы, а ôттакъ въ землю угорскую и Татарскую и наоборотъ гандель съ Татаріею и съ угорскими краями ишолъ такожь черезъ Молдавію до Львова, а ôттакъ до нѣмецкихъ надбальтицкихъ городôвъ [94]). Такъ и що до ôтношеній внѣшнихъ ишли господарѣ молдавскіи рука въ руку съ Русію Галицкою. Полки молдавскіи бороли-сь съ войсками Галицко-рускими пôдъ верховнымъ проводомъ самого короля въ вôйнахъ съ рицарями нѣмецкого ордина.

Року 1415 явили-сь въ Снятынѣ такожь послы ôтъ императора и патріярха царгородского передъ Ягайломъ, и выложили всю нужду, въ якую реченое царство Турки привели; они розказали, що Турки опустошаютъ волости передъ лицемъ города и стерегучи всѣ его входы и выходы, утрудняютъ рôльництво, торговлю, привôзъ збôжа и харчевыхъ запасôвъ до города, черезъ тое водворилъ ся въ городѣ недостатокъ и голодъ. Услухавши тыхъ жалостныхъ представленій пословъ царгородскихъ, загадалъ Ягайло пôслати въ Царгородъ запасы збôжа на вспоможенье. Порозумѣвши ся съ Витольдомъ ôтославъ Ягайло по всей вѣроятности по Днѣстрѣ статки обремененѝ збôжемъ зъ обильныхъ земель рускихъ до пристани Кочубея, которая тогды Витольду принадлежала. Ôтси бôльшіи кораблѣ приняли сей даръ и на волнахъ чорного моря и боспору представили головѣ православія патріярху царгородскому и его покровителю цареви [95]). Такъ плоды зъ рускои землицѣ усмирили принаймѣй довременно нужду царгородскихъ жителей.

Року 1414 розгорѣла снова вôйна Польщи и Литвы съ ординомъ нѣмецкимъ, въ которôй Ягайло и Витольдъ содѣйствовали. Замѣчательна есть вѣсть, що Галицко-рускій староста Иво участвовалъ на челѣ Галицкихъ полкôвъ въ настоячôй вôйнѣ противу рицарямъ нѣмецкимъ и що Львôвскіи мѣстичѣ 40 гривенъ польскихъ зъ своей стороны на цѣль тои выправы реченому старостѣ заплатили [96]). Войска облягали городы въ глубинѣ пруского краю, именно: Хелмно, Торунь и Бродницу [97]). Вôйна

---

93) Gołębiowski u. s T. I p. 306.

94) Акты западной Россіи Т. I. стр. 30. Грамота молдавского господаря воеводы Александра львôвскимъ и подôльскимъ купцямъ р. 1407.

95) Długosz L. XI. p. 367.

96) Zubrzyckiego Kronika miasta Lwowa str. 80.

97) Narbutt T. VI. str. 324—326.

опустошаюча области до крайности, продолжала-сь до Паздерника, оже въ глухую осень, при тôмъ настал голодъ, тому настоячая вôйна прозвана въ исторіи голодною вôйною „Hungerkrieg.“ Витольдъ привыкшій до шибкихъ военныхъ дѣйствій, скучилъ собѣ такъ долготревалую военну операцію и ôттягнулъ домôвъ. Войска польскій и рускій здобыли Бродницу и набравши полона до волѣ опустили Прусы. За посредствомъ цѣсаря Сигисмунта и отцей собора констанційского прійшло до съѣздôвъ и до премирія. Но снова оскорбленье купцей литовскихъ прибываючихъ до городôвъ нѣмецкихъ и нарушенье реальныхъ торговельныхъ интересôвъ Литвы и Польщи черезъ рицарей нѣмецкого ордина, споводовало новіи распры съ закономъ. По многихъ укладахъ прійшло до вôйны р. 1421 и 1422, въ которôй также Волохи, Галицкая-Русь, Литва и Татары участвовали. Галицкіи городы Львôвъ, Перемышль, Галичь, Дрогобичь, Судовая Вишня, Мостиска, Санокъ, Кросно и Снятынъ ôтповѣдно до маетку своихъ жителей платили дачку на издержки военній [98]). Были то городы свобôдній, которій сами управляли ся и въ маетковôмъ взглядѣ надъ иными городами и мѣсточками въ Галичинѣ первеньствовали. Много Галичанъ Русинôвъ на тую вôйну вырушило, зъ жерелъ намъ знаемыхъ выслѣдити не можно. Волохи вспомогли короля кôнницею выносячою 40 тысячь мужа. Вôйна опустошительна кôнчила-сь р. 1422 премиріемъ заключенымъ надъ озеромъ Мельно. Рицарѣ заручили Литвѣ и Польщи свободы торговельній, зрекли-сь всѣхъ притязаній до Жмуди и землѣ Добриньскои и еще зверхъ того ôтступили Польщи кусникъ власного краю (землю Нѣшавскую). Въ настоячôй вôйнѣ Польщи и Литвы съ Прусами, Сигисмунтъ спріялъ ордину и вспомагалъ его на некорысть Литвы и Польщи своимъ вліяньемъ. Сигисмунтъ притендовалъ давній права короны до Молдавіи, но молдавскіи воеводы избѣгали пôдчинености пôдъ корону угорскую. Они уважали короля польского за природного союзника, ихъ лучило сусѣдство, географичное положенье и направленье торговельное съ тою частію Руси, которая Владиславу-Ягайлу королю польскому и господарю рускихъ земель послушала.

Ôтъ времени заключеня мира съ ординомъ 1422, ôтношеня короля польского до Сигисмунта станули быти пріятнѣйшими, и тогды то Ягайло рѣшилъ ся вразъ съ Витольдомъ вспомочи Сигисмунта въ борбѣ съ Турками. Рускіи полки вразъ съ волоскими и литовскими по приказу короля вооружили ся противу Туркôвъ 1426. Въ тôмъ подвизѣ Поляки не брали участія, саміи жителѣ Галицкои Руси содѣйствовали для близости и сусѣдства земель своихъ. Они собрали-сь на возванье королевское майже всѣ съ изъятіемъ гдекоторыхъ, которіи противлячи ся утвержали, що

[98]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 85.

тая война не тычитъ ся безпосередно интересôвъ Галицкихъ областей и що они безплатно въ неи служити не суть должнй; про то жадали ôтъ короля заплаты по 5 гривенъ ôтъ кождого копейника, который ставитъ ся въ поле. Всѣмъ тымъ, которй до походу собрали-сь, представилъ король Янушу Кобеленьского, старосту саноцкого за начального воеводу. Армія зложена зъ 5000 Русинôвъ прехорошо узброеныхъ и съ приналежитымъ снарядомъ военнымъ, посувала-сь къ *Дунаеви и представляло якъ* увѣряли свидѣтелѣ [99]) прехорошій, величавый видъ. Воины рускіи прибыли на св. Іоана крестителя надъ Дунай пôдъ Брайловъ ôтповѣдно до умовы, якую былъ условилъ Сигисмунтъ съ Ягайломъ. Ту прибыли Литовцѣ и Волохи. Два мѣсяцѣ минуло, войска соединенй стояли безчинно, понеже полки Сигисмунта не прибыли, щобы ся соединити съ Русинами и Волохами для вспôльного дѣйствованя противу Туркôвъ. Были бы еще Русины съ Волохами долше стояли въ побережію наддунайскôмъ пôдъ Брайловомъ, еслибы не вѣсть, що цѣсарь затрудненый вôйною съ Гуситами въ Чехахъ залишилъ дальшое проваженье вôйны противу Туркôвъ, ихъ до обороту до дому не была побудила. Ягайло тыхъ, которй его повелѣню супротивили-сь и въ пôдвизѣ не участвовали, приказалъ увязнити, а ихъ дѣдичніи недвижиміи имѣня поконфисковати. Ягайло казнилъ всѣхъ непослушныхъ безъ изъятія, не увзгляднюючи ихъ станъ и происходженье. Пôзнѣйше на просьбу панôвъ, вельможь и высокихъ достойникôвъ духовныхъ народа польского увôльнилъ былъ король выжь реченыхъ бояръ рускихъ зъ вязницѣ и пôотдавалъ имъ имѣня ихъ съ изъятіемъ адвокаціи (начальства) въ Кроснѣ, которую задержалъ и которая ôттакъ при коронѣ зôстала.

Волынь и Подôлье участвовали въ тыхъ пôдвигахъ о стôлько, о скôлько и Литва содѣйствовала [100]). Бôльшую участь брала Володимирская Русь т. е. Волынь и Подôлье въ слѣдуючихъ событіяхъ, которіи безпосередно тычили ся Литвы и въ которыхъ Витольдъ бралъ удѣлъ самъ исключно, або вспомаганый былъ ôтъ короля Владислава-Ягайла. Одною частію Подôля володѣлъ Сигисмунтъ Демитріевичь Корыбутъ, другая зôставала ôтъ р. 1410 пôдъ властію Витольда. Витольдъ представлялъ тôй части Подôля своихъ намѣстникôвъ. Ôтобравши Подôлье зъ рукъ Ягайла припоручилъ правленье надъ тою землею старостѣ Грановскому, по Грановскôмъ наступилъ Литовецъ Петръ Монтикигрдовичь, а по Петрѣ Монтикигрдовичу панъ Дидикгойлдъ. Наконецъ именовалъ Витольдъ Дидикгойлда намѣстникомъ въ Кіевѣ, а Подôлье ôтдалъ пану Долкгирду.

---

[99]) Długosz L. XI. p. 494.

[100]) Stryjkowski. „Litwa z Rusinami na pomoc cesarzowi Zygmuntowi."

Панъ Долкгирдъ старостилъ по всѣхъ тыхъ городахъ ажь до смерти великого князя Витольда [1]). Кто былъ намѣстникомъ на Волыни, не знаемъ. Крѣпость Кремянецъ ôтобралъ былъ Витольдъ зъ рукъ Русинôвъ и поручилъ стражь той нѣмцеви Конрадови Франкенбергъ. Знать Витольдъ не чувствовалъ ся на Волыни и Подôлю безпечнымъ, для того не поручалъ власти туземцямъ, но чужестороннымъ. Русины привязанѝ до своего обряду и своихъ обычаѣвъ, черезмѣрно спріяли супернику Витольдовому Свидригайлу. Но Свидригайло увязненый въ Вильнѣ передъ колькома лѣтами, пôдъ строгою стражію держаный былъ по розличныхъ городахъ. Наконець пôсланый до Кремянца пребывалъ ту пôдъ стражію кремянецкого старосты Конрада Франкенберга.

Дѣла въ Татаріи дотыкали-сь по близости такожь Подôля и Днѣпрового побережія. Въ Заволжскôй Татаріи зверженъ былъ ханъ Булатъ. Булату слѣдовалъ сынъ Токтамышôвъ султанъ Зелени (Селединъ) [2]). Той татарскій князь пôдъ защитою Литвы, пребывалъ еще долго передъ вступленьемъ на тронъ въ Литвѣ, а возвышеный на престолъ спріялъ Витольду, и вспомагалъ его въ кождôй выправѣ военными силами. Ôнъ принудилъ великого князя Московского явити-сь въ ордѣ въ доводъ покорности и до плаченя дани Монголамъ снова обовязати ся [3]). По смерти султана Зелени остали три его сынове Керемберденъ, Бетзабула (иначе Токтамышь) и Геремберденъ. Керемберденъ наслѣдилъ престолъ, ôнъ былъ пріятелемъ Москвы а непріятелемъ Литвы. Не смѣючи самъ сильно выступати противу Витольду, побужалъ ôнъ Едигу противу Литвѣ. Едига за попереднѣйшимъ порозумѣньемъ съ рицарями (было то р. 1416 еще пôдчасъ распры межи закономъ, Литвою и Польщею, а за побуженьемъ тыхъже рицарей ворогôвъ Литвы) выправилъ ся 1416 съ Татарами на Украину и осадилъ городъ Кіевъ. Засада въ замку сильно обороняла-сь и Едига не мôгъ взяти укрѣпленого замку. Ôнъ зжегъ Кіевскіи церкви, ниже пощадилъ святои лавры Печерскои, попалилъ краснѝ домы, добре загосподарованѝ дворища, полонилъ кôлька тысачей жителей и ôттакъ до дому повернулъ ся. Опустошеный Кіевъ по свѣдоцтву современныхъ утратилъ снова свою красоту и величье, и долго зъ того розореня не пôдносилъ ся [4]).

---

[1]) Daniłowicza latopisiec str, 55.

[2]) Daniłowicza latopisiec str. 64. „бяше ему (Витолду) неколько ôтъ своихъ городôвъ, въ велицѣмъ градѣ, Киевѣ нарицаемѣмъ и прислаше къ нему великіи ординьскіи князѣ и полецая ся ему пôдъ великую службу, и просиша у него царя на царство. Много бяше бо ординьскихъ великихъ царей служаху въ дворѣ его. Онже далъ имъ царя именемъ Солтана."

[3]) Карамзинъ Т. V. стр. 119.

[4]) Długosz L. XI. p. 375.

Еще и слѣдуючихъ лѣтъ Татары перекопскіи (иначе кримскіи) не переставали напастовати Подôлье. В. князь литовскій Витольдъ пôслалъ противу нимъ Татаръ, которіи нôдчасъ межеусобиць въ ордѣ, татарскую землю опустошивши въ Литвѣ были поселили-сь. Тіи Татары полюбили свою другую ôтчину Литву и въ службѣ Литвы станули противу родимцямъ своимъ, сточили кровавый бôй, и побѣдили и прогнали наѣздничіи шайки зъ Подôля [5]).

Въ слѣдство тыхъ произшествій собывали ся движеня войскъ въ полудневыхъ сторонахъ Руси. Тогды предпріяли князѣ рускіи, именно Данило, сынъ Теодора, князя Острогского и Александеръ Носъ князь зъ роду князей Пиньскихъ [6]) освободити Свидригайла, который увязненый сидѣлъ въ Кремянци пôдъ стражію Конрада Франкенберга. Франкенбергъ обходилъ ся съ Свидригайломъ по людски, и призволялъ князямъ и боярамъ знаменитого рода посѣщати его. Въ время военныхъ движеній въ южныхъ сторонахъ Руси прибылъ до Кремянца молодый Данило Острогскій и учинилъ съ Свидригайломъ тайну смову, бы его освободити. Въ слѣдство тои смовы явили ся въ великій четверъ р. 1418 два люде рицарского стану Демитръ и Еліашь въ Кремянци, сказывали що въ остатнôй выправѣ противу Татаръ утратили свое имѣнье, теперъ не маютъ съ чимъ повернути до дому и просили о принятье до службы. Франкенбергъ увѣрилъ и далъ имъ мѣстце въ почетѣ своего замкового рицарства. На самое воскресенье приближили-сь нôчною порою князѣ Данило и Александеръ съ почетомъ, выносячимъ осмеро коней пôдъ кремянецкую крѣпôсть. Выжь реченій рицарѣ спустили за умовленымъ знакомъ зводженый мôстъ и браму отворили. Князѣ Данило и Александеръ съ почетомъ своимъ вдерли-сь до замку где сидѣлъ Свидригайло, преовладѣли стражь и освободили Свидригайла. Великій розрухъ и крикъ въ замку пробудилъ зъ сна Конрада Франкенберга. Вооруживши-сь належито, явилъ ся съ щитомъ и мечемъ въ руцѣ щобы усмирити розрухъ и запобѣчи утечцѣ Свипригайла. Франкенбергъ натеръ на смѣльчикôвъ, однакожь переважною силою ихъ побѣженый, лягъ мертвый съ оружіемъ въ руцѣ. Свидригайло освобоженый не смѣлъ однакожь зôстати въ Кремянци, ôнъ съ своими приверженцями досвѣта опустилъ замокъ, и поспѣшилъ до Луцка, якъ домнѣваютъ ся, въ тôй цѣли щобы захватити Витольда скарбы, которі въ тôй столици находили-сь. Незнаемъ, чи повелъ ся Свидригайлу облôвъ его. Лишь то намъ вѣдомо,

---

5) Narbutt u. s. T. VI. str. 370. List mistrza inflandskiego do w. mistrza de Riga.

6 Що прôзвище Носъ властиве князямъ Пиньскимъ, свѣдчить слѣдуючое мѣстце: (Bychowca rękopism) „и князь великій посадилъ намѣстникомъ въ Псковѣ князя Юрія Пиньского прозвищемъ Носа.“

що Свидригайло не долго по тôмъ черезъ Русь до Мултанъ избѣгъ, и що на дорозѣ плѣнилъ шляхоцкіи дворища, зъ которыхъ пôлтора ста коней забралъ. Зъ Мултанъ удалъ ся Свидригайло до короля угорского Сигисмунта. Пôзнѣйше пребывалъ ôнъ на дворѣ австрійского князя Ернеста, а ôттакъ повернулъ снова на двôръ Сигисмунта. Ôтси дѣлалъ смовы съ рицарями нѣмецкого ордина противу великому князю литовскому, своему стрыечному брату Витольду. Стереженый ôтъ людей Сигисмунта, который тогды случайно былъ въ сгодѣ съ Владиславомъ-Ягайломъ, намѣрилъ погодити ся съ рôдными своими [7]). Сигисмунтъ вставлялъ ся за Свидригайломъ. Владиславъ-Ягайло, который черезвычайно любилъ рôдныхъ своихъ, принялъ его до ласки. Еще ходило о тое, щобы погодити Свидригайла съ Витольдомъ. Король Ягайло пôслалъ въ тôй цѣли до Витольда Мацѣя зъ Шубина, воеводу Брестя Куявского и Петра Шафранця, пôдкоморжого Краковского и Марцѣна зъ Говоржева, прибочного секретаря своего. На представленье тыхъ пановъ и за посредничествомъ ихъ, простилъ Витольдъ Свидригайлу, и вызначилъ ему и его приверженцямъ городы въ Сѣверщинѣ: Брянскъ и Новгородъ Сѣверскій. Свидригайло продолжалъ еще змовы съ закономъ, но увѣдавши, що законъ пострадалъ давнѣйшое могучество и силу, щиро примирилъ ся съ Ягайломъ и Витольдомъ. Отрималъ ôнъ еще зверхъ выжь реченого надания за посредничествомъ короля Ягайла городы: Черниговъ и Трубческъ. Тогды оставилъ Свидригайло двôръ Сигисмунта, перенѣсъ ся до Сѣверщины 1420 и залишилъ всѣ таемнѝ уговоры съ закономъ и ôттакъ съ силами надѣленыхъ краѣвъ служилъ вѣрно Витольду и товаришилъ ему на выправахъ военныхъ.

Тымъ часомъ и стосунки съ Татарами стали быти пріязнѣйшими щобы запобѣчи небезпеченьству, якое угрожало южной Руси ôтъ стороны неприклонного Литвѣ хана Керембердена, пôслалъ Витольдъ Бетзабулу иначе Токтамыша приодѣтого ознаками ханьского величества въ Вильнѣ, съ литовскою помочію противу Керембердену. Керемберденъ побѣдилъ и умертвилъ Токтамыша и прогналъ Герембердена, наймолодшого брата своего. Геремберденъ надѣленъ подôбно брату своему въ Вильнѣ ознаками достоинства ханьского, отрималъ помôчь ôтъ Витольда и всѣхъ Татаръ, поселившихъ ся въ Литвѣ; войско литовское вступало пôдъ проводомъ маршалка литовского Николая Радивила. Передъ такою силою избѣхъ Керемберденъ 1418, но захваченъ былъ вôйнами Герембердена и умертвленъ. Ôттакъ зôсталъ Геремберденъ ханомъ въ Киптшаку и зъ вдячности обовязалъ ся всегда Витольда вспомагати. Великіи сокровища нагромаженѝ Татарами въ степахъ надволжаньскихъ зôстали ôтобранѝ Керембердену и при-

---

[7]) Kotzebue Swidrigail. На пôдставѣ изслѣдованій архівальныхъ.

везеній до Литвы. Однакожь кромѣ того головного хана возстали въ иныхъ улусахъ инии ханы, которіи набѣгали области то Московскіи то рускіи. Про то воевалъ съ ними Витольдъ, созывалъ великихъ князей литовскихъ до участія въ войнѣ и побѣдилъ одного по другôмъ, плѣнилъ родину и имѣнье ихъ и такъ освободилъ Литву и пôдвластную Литвѣ Русь ôтъ набѣгôвъ татарскихъ [8]).

Великои ваги набираютъ въ тыхъ часахъ Татары перекопскіи або кримскіи. Едига узналъ, що Витольдъ черезъ вліянье на справы орды заволжаньскои розполагалъ силами одной части татарского мира въ предѣлахъ Европы. Ôнъ досвѣдчилъ, якъ Татары поселившіи ся въ Литвѣ Витольду вѣрно служили и вправній въ бояхъ скутечно ôтпирали напады перекопскихъ Татаръ. Едига постарѣвшій ся въ бояхъ не чувствовалъ достаточнои силы, щобы продолжати бôй съ щастливымъ володѣтелемъ Литвы и бôльшои части народа руского. Прото забажалъ остатокъ жизни посвятити дѣламъ мира. Послы его предложили Витольду миръ и союзъ съ Литвою и обѣцяли великого литовского князя въ выправахъ военныхъ вспирати 1419. „Въ трудахъ и подвигахъ честолюбія, сказали послы татарскіи Витольду въ имени Едиги, настигла насъ обохъ унылая старость, посвятѣмъ мирови остатокъ нашои жизни. Да буде кровь наша проліяна въ битвахъ взаимной ненависти, поглощена землею, да будутъ слова вражіи, которыми мы другъ друга огорчали, розвѣяни вѣтромъ, да очиститъ жаркій огонь наши сердца отъ гнѣва и злости, а рѣка часу той огень няй загаситъ“ [9]). Ôттакъ пребывали оба князѣ Витольдъ и Едига до остатку жизни въ згодѣ и любви. Подôлье было якій-то часъ безпечне ôтъ стороны перекопскихъ Татаръ.

Современно тымъ событіямъ точила ся въ Чехахъ свирѣпая вôйна такъ звана Гуситская. Чехи уважали Сигисмунта, короля угорского и цѣсаря нѣмецкого яко виновника судьбы Гусса, который якъ вѣдомо спаленъ былъ въ время собора въ Констанціи. По смерти бездѣтного короля Вацлава нехотѣли за тое Чехи Сигисмунта до ческого трону допустити. Сигисмунтъ загадалъ силою сѣсти на тронѣ ческôмъ, но предпріятія Сигисмунта, вспомаганого крестоносцями, Гусситы-Чехи скутечно ôтпирали. Въ продолженю борбы выправили Чехи посольство до Владислава-Ягайла

---

[8]) Latopisiec Daniłowicza str 65· „Царю же Давладбердію немного время побывшю и тому (Витольду) минюшедшю сымъ же старшинамъ ординьскимъ слышавшимъ, яко славный господаръ (Витольдъ) близь есть, въ преждереченôмъ градѣ Кіевѣ и придоша сами, и поклониша ся ему славному господарю великому князю Витольду и дары многи принесоша и просять у него царя; онъ же далъ имъ царя именемъ Магмета.“

[9]) Długosz L. XI p. 409.

и оферовали ему ческу корону. Было то р. 1420. Ягайло и Витольдъ негодовали тогды на Сигисмунта про то, що ôнъ очевидно спріялъ ордину а не Польщи, и въ справѣ межи ординомъ и Польщею прошеный за полюбовного судію, выдалъ на сторону Польщи дуже несправедливый вырокъ. Высшое духовеньство въ Польщи дѣйствовало въ интересѣ католицизма. Ягайло побуженый черезъ вплывъ епископôвъ засѣдаючихъ въ радѣ короннôй, не пріялъ предложенои ческои короны, но иначе поступилъ собѣ Витольдъ. Ôнъ не уважалъ на герезію, ни на интересъ католицизма, но порозумѣвши ся съ Чехами пôслалъ имъ помôчь ôтъ своего рамени, а на челѣ военныхъ полкôвъ князя однои части Подôля, сына королевого брата Демитрія, Сигисмунта Корыбута. Жерело польское [10]) сказуе, що Витольдъ съ Ягайломъ согласили ся, бы Корыбутъ принялъ корону ческую, року 1421. Будь що будь Витольдъ вспиралъ Корыбута, а Ягайло глядѣлъ черезъ пальцѣ. Корыбутъ посередъ радостныхъ кликôвъ народа ческого прибылъ до Праги, принялъ власть надъ Чехами (въ имени Витольда)[11]), вырушилъ въ поле и побѣдилъ войска цѣсарскіи совершенно. Такій успѣхъ Гусситôвъ пôдъ проводомъ Корыбута принудилъ цѣсаря Сигисмунта щиро заняти ся приспѣшеньемъ премирія межи ординомъ, Литвою и Польщею. Тое наступило якъ мы видѣли, надъ озеромъ Мельномъ р. 1422. Витольдъ и Ягайло обовязали ся Сигисмунта Корыбута зъ Чехъ ôткликати и бôльше Гусситôвъ не вспомагати. Они обѣцяли Корыбута надгородити землею Добриньскою. Корыбутъ послушный приказу Ягайла повернулъ домôвъ, но не отримавши приобѣцянои землѣ Добриньскои, собралъ охôтникôвъ и воевалъ на свôй щотъ въ Чехахъ противу цѣсарю. Цѣсарь жаловалъ ся и посуджалъ Ягайлу о таемнй сношеня съ Корыбутомъ и Гусситами. Ягайло хотѣлъ дати довôдъ, яко Корыбутъ предпріялъ свои подвиги въ Чехахъ противу воли его, пôслалъ прото 5000 кôнныхъ противу Корыбута въ поле, а Полякамъ, которй вспирали Корыбута, поконфисковалъ маетки. Наконець Ягайло съ Витольдомъ забрали всѣ добра (недвижиміи посѣдлости) Корыбутови въ Литвѣ и на Руси, т. е. на Подôлю, и осудили его самого на вѣчное изгнанье 1422 [12]). Здае ся, що Ягайло и Витольдъ зôставили были сынови Сигисмунта Теодору, Брацлавъ. Однакожь якимъ способомъ завладѣлъ Теодоръ и Каменцемъ, не знаемъ. Мнѣ ся видитъ, що то иный Каменецъ не подôльскій, который былъ пôдъ властію Теодора.

---

[10]) Długosz L. XI. p. 451

[11]) Moraczewskiego historya rzeczypospolitej polskiej.

[12]) Stryjkowski pod rokiem 1422.

По смерти другои жены своеи Анны подружилъ ся былъ Ягайло въ рускомъ городѣ Саноку съ вдовою по шляхтичу польскомъ Елисабетою Грановскою 1415. Король влюбленый въ той старой бабѣ надалъ еи сынови зъ попереднѣйшого малженьства грабство и загадалъ подчинити ему бояръ и шляхту около Ярославя правомъ феодальнымъ и подля давного звычаю на Руси. Но рада короны тому супротивила-сь рѣшительно, и король радъ не радъ мусѣлъ лишити ся своего намѣреня [13]. Тымъ часомъ умерла третяя жена Ягайла Елисабета.

Андрей Олигмунтовичь Ольшаньскій находилъ ся въ службѣ великого князя Московского Василія. Жена его умерла (1416) въ Галицкой Руси, где родина Ольшаньскихъ недвижимй имѣня посѣдала. Двѣ дочки Андрея, Сонка и старшая сестра еи Юліанна пребывали у брата отця своево князя Семена. Витольдъ по смерти жены своей Анны оженилъ ся былъ съ сестрою отця Сонки Андрея, Юліяною. Онъ намавлялъ Ягайлу до дружбы съ тымъ зрущенымъ домомъ литовскимъ. Князь Семенъ, братъ Андреевъ, розполягалъ рукою однои и другои своихъ братаниць [14]).

Ягайло зажадалъ руки молодшои доньки Андрея Олигмунтовича, Сонки. Князь Семенъ отвѣтилъ: „негодитъ ми ся ганьбы чинити и соромоти старшой сестры еи, ижбы она (молодшая) передъ старшою пойшла за мужь.“ Прото Семенъ помысливши съ Витольдомъ, призвали Ивана Володимировича [15]), князя Бѣльского, и за него отдали старшую сестру Юліянну а молодшую призначили Ягайлѣ. Тогды Сонка въ сопроводѣ вуя своего Витольда переѣжджала черезъ Львовъ, сопровожена черезъ руского старосту Петра зъ Мельштина [16]) до Кракова. Въ Краковѣ окрещена на латиньскую вѣру, приняла имя Софіи, послюбила Ягайла, научила-сь польского языка и привыкла до польскихъ обычаѣвъ. Она стала ся матеріею всѣхъ мужескихъ потомковъ Владислава-Агайла. Въ року 1424 отправила ся коронація королевои Софіи въ Краковѣ, при которой присутствовали князѣ мазовецкіи, литовскіи и рускіи.

Въ р. 1425 панована въ Польщи, а потомъ въ Литвѣ моровая зараза [17]). Незнаемъ, якъ она объявляла ся въ Литвѣ и въ южной Руси;

---

[13]) Długosz L. XI. p. 426.

[14]) Bychowca rękopism (chronika) str. 36. 37.

[15]) Упоминае ся Александеръ Володимировичь, князь Волыньскій, може быти, що онъ былъ братъ шваrра Ягайла Ивана Володимировича. Narbutt T. VI. str. 494. Długosz w roku 1428 nawodzi „Aleksandra brata Włodzimierza pod Nowogrodem.“

[16]) Kronika Zubrzyckiego miasta Lwowa str. 86. Въ Львовѣ намѣстничали по Ивонѣ 1422 Петро зъ Мельштина, по томъ Спитко зъ Тарнова, по немъ 1424 Петро Володковичь зъ Храбиновиць, давный намѣстникъ Подоля.

[17]) Długosz L. XI. p. 488.

въ городахъ сѣверной Руси грасовала она въ рôжни времена до р. 1427 страшенно, и люде ходячи падали по улицяхъ и въ одну минуту спускали духъ; здоровй пшли погребати усопшихъ и наразъ лишали-сь жизни и въ тôй могилѣ были самй погребанй[18]). Король и Витольдъ съ своими женами и дворянами принуженй были оставити столицѣ свои, оминали городы, села и дворища и середъ лютои зимы р. 1425 въ пущахъ и лѣсахъ Литвы шукали хранилища.

Въ тôмъ р. 1425 съѣхали ся панове литовскіи на соймъ въ Брестю рускôмъ и узнали сына Ягайла зъ Софіи, Владислава, наслѣдникомъ на тронахъ польскôмъ и литовскôмъ. Король потвердилъ и розширилъ за тую приклонность свободы шляхотского сословія. Того самого р. 1425 выдало мѣсто Львôвъ листъ гомагіяльный заручаючи, що по смерти короля Владислава узнаютъ сына его новонародженого за правовитого наслѣдника [19]). Того самого року вельможѣ рускихъ земель: Снятыньскои, Галицкои, Коломыйскои, Теребовельскои и Саноцкои вразъ съ жителями всѣхъ повѣтôвъ, обѣтуютъ Владиславу Ягайлѣ и его сынови Владиславу и его потомкамъ вѣрно служити словомъ и дѣломъ, и тое обѣтуютъ за себе и своихъ потомкôвъ и объявлену обѣтницю потвержаютъ грамотою изданою на св. Петра и Павла въ Галичи [20]).

Ягайло чимъ старшимъ ставалъ ся, тымъ бôльше ôтзывала-сь въ серддци его любовь до родимои землѣ. Ôнъ посѣщалъ часто Литву, бы упражняти-сь улюблеными ловами въ пущахъ литовскихъ або посвидати-сь и посовѣтовати-сь съ великимъ княземъ литовскимъ Витольдомъ. Зъ Литвы ѣздилъ въ малую Русь до Кіева на лодяхъ Днѣпромъ а ôттакъ черезъ Подôлье поверталъ до Галицкои Руси. На проѣздкахъ черезъ Галицкую Русь ставалъ Ягайло по важнѣйшихъ Галицкихъ городахъ и мѣстцевостяхъ н. пр. въ Львовѣ, Ярославѣ, Перемышли, Саноку, Городку, Глинянахъ, Буску, Каменци, Соколовѣ, Теребовли, Бучачи, Бôрбцѣ, Галичи, Коломыи, Снятынѣ, Озиминахъ, Самборѣ, Медицѣ и пр. Зъ Галицкои Руси ѣздилъ король черезъ Каменецъ, Смотричь и Волынь на Литву, а зъ Литвы вздолжь Буга черезъ землю холмску, Холмъ, Люблинъ и пр. поверталъ до Польщи.

Ѣзды сухимъ путемъ ôтбывалъ король за помочію пôдводъ, которіи были обовязанй давати пôдъ короля жителѣ городôвъ и плоского краю. Ягайло посѣщалъ майже що року Львôвъ и Галицкую Русь. Ôнъ съѣж-

---

[18]) Карамзинъ Т. V. стр. 124. 125.

[19]) Zubrzyckiego kronika str. 90. Anno 1425 feria tertia proxima post festum sti. Francisci.

[20]) Gołębiowski u. s. str. 332 nota 580.

джалъ ту для справъ краевыхъ, часто пôдъ осѣнь для побираня доходôвъ зъ численыхъ земель своихъ а неразъ зъ доброи охоты и для забавы. Король прибывши на Русь перемешковалъ въ численыхъ замкахъ посередъ просторонныхъ областей принадлежачихъ съ своими доходами королю польскому такъ якъ давнѣйше князямъ рускимъ. Такіи замки находили ся въ Красноставѣ, Медицѣ, Добростанахъ, Глинянахъ, Броздовичахъ, Батятичахъ и проч. Ягайло чуствовалъ ся на Руси свободнѣйшій якъ въ Польщи, где кождый крокъ надзирала рада коронна и управляла всѣми его дѣйствами. Съ временемъ розпросторонилъ ся вплывъ рады коронноі и польскихъ вельможь и на Галицкую Русь.

На Подôлю осѣло много рицарей польского произхоженя, надѣленѝ добрами. Панове польскѝ жаловали ся, що Ягайло надавши Подôлье Витольду, ôтчужилъ тую землю коронѣ. Патріоты польскіи нарѣкали на вплывъ, который малъ Витольдъ на старѣючого ся короля. Они удали ся до папы Мартина V. съ жалобою, що король розточае власнôсть короны польскои. Папа уневажнилъ всѣ даровизны Ягайла, и надалъ архіепископови львôвскому Іоанови Решовскому полную власть, щобы ôтчуженье краѣвъ, не смотрячи на королевскіи грамоты уничтожилъ и тіи до короны снова присоединилъ [21]).

Рицарѣ поселившіи ся на Подôлю ручили своимъ маеткомъ, честію и житьемъ, що въ продолженю 6 недѣль каменецкую крѣпôсть вручатъ коронѣ [22]). Однакожь якъ долго Витольдъ жилъ, Подôлье при немъ зôставало. Король чимъ старшій ставалъ ся, тымъ бôльше полагалъ на судъ и мнѣнье великого князя. Для того ѣздилъ король часто до Галицкои части Руси до которого зъ пограничныхъ рускихъ городôвъ н. пр. Добротвору або Городла надъ Бугомъ. Ту за попереднѣйшою умовою приѣзджалъ и Витольдъ[23]). Цѣлію такихъ съѣздôвъ были нарады въ державныхъ дѣлахъ, щирѝ совѣты и по всей вѣроятности навѣть сообщенье взаимное такихъ намѣреній, которѝ ни Витолдь ни Ягайло не важили-сь ôткрыти впростъ раднымъ польскимъ панамъ.

Звернѣмъ еще разъ увагу нашу на дѣла церковніи. Время, о которôмъ мы ту говоримо, было временемъ реформъ въ церкви. Соборъ Констанційскій и прочіи ему послѣдовавшіи вселеньскіи соборы носили-сь

---

21) Długosz L. XI. p. 489.

22) Ex org. ex archivo regni 1427. „Stephan de Bydłowa, Hinko Cheliński de Czackowice, Petrus Kot de Kotki et Clemens de Moskorzow nobiles Podoliae obligant vitam, famam et bona sua, nisi arcem Kamieniec intra 6 septimanas tradiderint.“

23) Въ грамотахъ названъ Ягайло „terrarum Russiae dominus et haeres,“ а Витольдъ такожь „Russiaeque dominus et haeres.“

гадками ôтсторонити всяку шизму такъ що до головы церкви, якъ що до еи членôвъ и соединити всѣхъ вѣрныхъ въ одную церковь, щобы было одное стадо и одинъ пастырь.

Оба володѣтелѣ литовско-польского мира исповѣдуючи римскую вѣру, мали пôдъ своими берлами много милiонôвъ православныхъ. Они разъ уже зъ религiйныхъ побудокъ, но такожь и зъ интересу державъ должнй были переняти ся гадкою соединеня церквей восточнои съ западною. Мы видѣли, що Ягайло и Витольдъ тую гадку уже давнѣйше пôдносили, хотяй безскутечно. Теперь ôтновила-сь она въ время собора констанцiйского, занимаючого ся справами всеобщими христiяньскои церкви.— По митрополиту Кипрiанѣ, который такожь мыслiю соединеня церквей носилъ ся, слѣдовалъ Фотiй Грекъ на престолѣ митрополiи Кiевскои. Той будучи монахомъ и ôтъ юности напоеный упередженями востока, взрôсъ въ Грецiи въ ненависти къ церкви римскôй и противный былъ идеи соединеня. Въ прочемъ идея унiи и въ Москôвскôмъ духовеньствѣ всегда находила сильныхъ противникôвъ. Належало передъ всемъ розôрвати союзъ Литвы съ Москвою въ религiйнôмъ ôтношеню и внутрь державы польсколитовскои учредити осôбную и ôтдѣльную ôтъ Москвы митрополiю. Витольдъ уже по смерти Кипрiяна просилъ патрiарха, щобы поставилъ на всеобщого митрополиту епископа Полоцкого Дiонизiя, но патрiярхъ не удосточинилъ тому прошеню. Новый митрополитъ Фотiй пребывши короткiй часъ въ Кiевѣ, ôтдалилъ ся до Москвы. Зъ ôттамъ що 7 лѣтъ зъѣжджалъ въ южную Русь (такъ року 1412 былъ въ Галичи)[24]) но не щобы строити церковь, но щобы ôтбирати пошлины ôтъ южно рускихъ епископôвъ и богатiи доходы митрополiи Кiевскои. Митрополиты обитавшiи въ Москвѣ, а именно же Фотiй вступаючи ся за маетокъ митрополита руского, вывозили собранй доходы внѣ Литвы, ôтчужали про то многй богатства литовскôй земли и вывозили тiи або до Москвы, где собраный грôшь пускали въ обѣгъ, або до Грецiи, где патрiярху и царю за поставленье въ митрополитôвъ оплачовали ся. Поставленй въ Царгородѣ митрополиты особливо же Фотiй посѣтивши Кiевъ забирали зъ церквей иконы золотомъ окованй и многiи инй цѣннiи рѣчи и уборы церковнiи, которй старй рускiи князѣ церквамъ въ свою честь и память издавна были даровали, и ôтносили всю церковную честь Кiевскои митрополiи (до Москвы). Про то все вознесли епископы южнорускiи печальный воплъ: „яко имуще пастыря именемъ, дѣломъ же не имуще, ниже бо хотяше сидѣти въ церкви, даной му ôтъ Бога (въ Кiевѣ) и правити люди божiя, яко достоитъ митрополиту, но точiю приходы церковныя сбирая и живяще

---

[25]) Daniłowicza kronika ruska str. 234.

индѣ и старая устроенія и честь Кіевскои церкви на ино мѣсто по лагали" [25]).

Епископы южнорускіи изъявили, що митрополиты поставляють ся звычайно въ Царгородѣ не по воли патріярха и апостольского синода, но кого царь-мирянинъ велѣлъ и оттогды куповалъ и спродавалъ ся даръ духа святого. Передъ всемъ выповѣли южнорускіи епископы послушеньство митрополиту Фотію, вмѣняючи ему якую то тайну провину, которои не хотѣли назвати, бы его не посоромити. Провина тая стягала по собѣ низверженье и проклятіе митрополита. Оже епископы сотворили судъ надъ митрополитомъ Фотіемъ, низвергли его зъ достоинства митрополичого и просили патріярха о поставленье особного митрополита для Литвы [26]). Митрополитъ Фотій вѣдалъ о бури, которая взносила-сь надъ головою его. Еще р. 1414 будучи въ Литвѣ хотѣлъ Фотій великого князя Витолда посѣтити въ Гроднѣ, бы оправдати ся, но великій князь не дозволилъ ему глейтовного листа до выжь реченого города и такъ Фотій удаливши ся зъ Литвы, прибылъ до Кіева, но и ту не принятый отъѣхалъ до Москвы. Зъ оттамъ черезъ своихъ пословъ вліялъ на патріярху и по всей вѣроятности за тымъ вліяньемъ затриманй были послы литовско-рускіи, которй явили-сь въ Царгородѣ просити патріярха, бы имъ поставилъ Григорія Цемивляка на митрополиту. Великій князь Витольдъ посовѣтовавши-сь съ своими епископами созвалъ „вся князя литовскихъ и рускихъ странъ, елико суть ему покорени Богомъ, нашея церкве и бояръ и вельможь, архимандриты же и игумены и благоговѣйныя иноки и попы." Въ Новгородѣ литовскомъ прибыли южнорускіи епископы: Теодосій архіепископъ Полоцкій, Исакій Черниговскій, Діонизій Луцкій, Гарасимъ Володимирскій, Геласій Перемыскій, Себастіанъ Смоленьскій, Харитонъ Холмскій и Артемій Туровскій. Покликуючи ся на давнй правила церкви Христовои, по которымъ два або три епископы поставляютъ митрополита, приводили въ память событіе, яко за временъ В. князя Изъяслава поставили рускіи епископы собѣ митрополиту и яко Болгары и Сербы избираютъ собѣ первосвятителя, имѣючого многихъ епископовъ подъ собою „и не толика есть сербска земля, елика есть руская, яже есть въ области великого князя Александра прежереченого Витольда, но есть весьма мала (т. е. о много меньша) и землею и людьми" [27]). Полагаючи на тыхъ практикахъ рускои и сусѣднихъ, сербскои и болгарскои церквей, при-

---

25) Акты западной Россіи Т. І. Соборная грамота литовскихъ епископовъ зъ 15 Ноембрія р. 1415.

26) Акты западной Россіи Т. І. стр. 33.

27) Акты западной Россіи Т. І. стр. 34.

своевали собѣ выжь реченй епископы власть поставити митрополита своему отечеству. Поставленымъ зостал болгаринъ родомъ, добродушный и ученый Григорій Цемивлакъ р. 1415 [28]). Новый митрополитъ долженъ былъ пребывати при церквѣ Пречестои Дѣвы въ Вильнѣ. Тамъ обиталъ епископъ латиньского обрядя. Вильняне-литовцѣ съ рода исповѣдали римскую вѣру, но сверхъ того половину Вильна замешковали Русины и больше было тамъ церквей рускихъ, нижели костелôвъ римского вѣроисповѣданя [29]). По избраню Цемивляка оголосилъ Фотій его апостатою и такъ въ церкви рускôй настало роздвоенье на двѣ митрополіи. Майже около того времени р. 1418 церковь католицкая за усильнымъ стараньемъ собору констанцiйского зъ поставшои долговременнои шизмы изцѣлѣла ся и по ôтступленю добровôльнôмъ папы Григорія XII. и по низложеню двохъ иныхъ папъ, Іоана XXIII. и Бенедикта XIII. вступилъ новый неоспоримый голосомъ вселеньского собора избраный папа Мартинъ V. зъ роду волоского Колона. Еще року 1415 прирекли Ягайло и Витольдъ соборови констанцiйскому, що будутъ вспирати навернене Русинôвъ до уніи. Ягайло писалъ ôтцямъ реченого собору 1416 [30]), що давно былъбы уже Русинôвъ навернулъ до уніи, еслибы не былъ тôлько занятый вôйною съ нѣмецкимъ ординомъ. Въ р. 1418 посланый ôтъ Витольда и зъ припорученя руского народа, явилъ ся Цемивлякъ вразъ съ своими епископами въ Констанціи, щобы предприняти „прю о догматы съ папою“ [31]). Ту принялъ былъ папа Мартинъ V. Цемивляка, пришедшого съ листомъ ôтъ Витольда, зъ надзвычайною ласкою. Но видитъ ся, що мысль соединеня що до догматôвъ съ Римомъ не была еще дозрѣла. Епископы рускіи, удививши всѣхъ странностію своей одѣжи не хотѣли покорити ся римскôй церкви и ôтъѣхали до дому [32]). Однакожь папа Мартинъ V. не лишилъ ся еще надѣи, що численй православнй въ державахъ польскôй и литовскôй до уніи навернути дадутъ ся. Щобы соединенье православныхъ съ римскою церковію въ дѣйство привести, именовалъ папа Ягайлу и Витольда генеральными викарыми (ôтпоручниками) престола папского надъ Польщею, Литвою, Жмудію, Русію а именно же надъ Псковомъ и великимъ Новгородомъ, и надалъ имъ всю власть дѣйствовати, щобы помянутую цѣль привести до скутку. Однакожь оба владѣтелѣ король и великій князь узнали неможли-

---

[28]) „Ибо апостолы отъ Господа поставлени быша, они же иныхъ поставиша и паки они другихъ, и тако благодать св. духа, даже и до насъ смиреныхъ дойде.“ Слова собора. —

[29]) Historiae Ruthenicae scriptores. Истор. Сборникъ Т. III. прим. 47.

[30]) Зубрицкого крит. повѣсть о Ч. Р. стр. 254.

[31]) Bychowca rękopism (chronika).

[32]) Chronika Lindenblata 1417 и Новгород. лѣт. 1418 Ист. Сбор. Т. III. прим. 49.

вость впроваджения унии въ Володимирской Руси насиліемъ, и король откликалъ всѣ свои постановленя, которй въ дѣлѣ церковнои унии тыкали-сь Волыня и Подоля[33]). Иначе поступилъ собѣ Ягайло що до Галицкои Руси. Въ Львовѣ объявилъ архіепископъ Іоанъ Решовскій въ дѣлахъ церкви великую ревность и дѣятельностъ. Соборъ Констанційскій узналъ заслуги и ревность архіепископа Іоана Решовского и припоручилъ ему дѣло устроеня ерархіи въ новоокрещеной Жмуди. По укончению тои задачи церковнои въ Жмуди, архіепископъ отрималъ р. 1423 особною грамотою отъ короля Ягайла всю власть въ предѣлахъ Руси, подвластной польской коронѣ, наказывати шизматиковъ и еретиковъ обоего пола и всякого сословія именно: предприняти мѣры, бы жаденъ католикъ оттакъ не крестилъ дѣти по обряду православныхъ [34]). Въ Львовѣ взмагала-сь нетолеранція, а Татары выключений зостали зъ внутрь укрѣплений городскихъ. Въ р. 1416 обиталъ въ городѣ внутрь укрѣплений единственый Татаръ (Bythanus Tatarus). Маемъ примѣръ, що Русинъ крестилъ ся на обрядъ латиньскій, почемъ допущеный былъ до права мѣського.

Русины еще тогды свободно обитали въ городѣ Львовѣ, будовали-сь где хотѣли, и трудили-сь торговлею. Еще р. 1418 до рады мѣськои выбирано Русиновъ на мѣськихъ консуловъ; такъ н. пр. былъ р. 1407 Ганушко Черкасъ Русинъ. 1410 Николай Русинъ, 1411 Неко Русинъ, 1418 Іоанъ Черкисъ Русинъ консулемъ въ Львовѣ. Отъ того времени больше Русиновъ консулами не встрѣчаемъ. Року 1426 при катедрѣ окромъ проповѣди въ нѣмецкомъ языцѣ запроважено другого проповѣдника, который былъ способный по польски выкладати науки [35]).

Григорій Цемивлякъ умеръ року 1419. По его смерти митрополитъ Фотій премирилъ ся съ Витольдомъ и обнялъ подъ свою власть митрополичу южнорускіи епархіи. Въ р. 1420 посѣщалъ онъ Галичь, въ р. 1421 приѣхалъ былъ въ Львовъ и въ Володимирь въ вторникъ на канонѣ рождества Христового [36]). Въ року 1428 на рождество Пресв. Богородицѣ приѣхалъ Фотій до Судомира. Ту свидалъ ся съ королемъ польскимъ и укладалъ съ нимъ дѣла церковніи. Отже съ премиреньемъ Ягайла и Витольда съ Фотіемъ всѣ заботы обохъ государей о церковную унію на южной Руси на ничемъ скончили ся.

---

33) Narbutt T. VI. str. 364 na podstawie Bandtkiego dziejów królestwa polskiego T. II. st. 140. 141.

34) Грамота короля Ягайла зъ р. 1423 вписана въ метрицѣ корун. большою частію отпечатана вь Галицк. Сборнику Т. III. нота 43.

35) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa.

36) Danilowicza kronika ruska str. 244. Истор. Сборн. Т. III. прим. 50.

Великій князь Витольдъ успокоивши ся ôтъ стороны Татаръ и ôтъ стороны ордина, жилъ съ великимъ княземъ Московскимъ въ доброй приязни. Связь и дружба съ Татаріею надавали литовской Руси пôдъ проводомъ такъ мудрого и енергичного князя, якъ былъ Витольдъ, перевѣсъ надъ Московскою Русію. Перевагу надъ Татарами задержалъ князь ажь до смерти своеи. Ôнъ посадилъ по смерти Герембердина (1428) якого-то Магмета на Заволжскій престолъ. Великій князь Московскій Василій умираючи р. 1425 припоручилъ жену свою и сына своего молодого Василія а ôтъ доньки внука, опѣцѣ и доброй пріязни дѣда его Витольда. При такôмъ розположеню мôгъ Витольдъ смѣло натерти на гордыхъ Псковитянъ 1426 [37]) и Новгородцей 1428, зъ причины, що Псковитяне и Новгородцѣ уповаючи на свои достатки были передже Витольду ôтчужили ся. Витольдъ вырушилъ противъ Псковитянамъ въ поле. Пôдъ Псковомъ окрôмъ Русинôвъ и Литовцей являютъ ся въ вôйску Чехи, Волохи и Татары. Витольдъ Псковитянъ совершенно покоривши въ року 1428 станулъ пôдъ Новгородомъ В. на челѣ многихъ полкôвъ, окруженый многими рускими и литовскити князями, именно въ сопровоженю Свидригайла, Сигисмунта, Юрія Симоновича Лангвенія, якого-то Волыньского князя Александра Володимировича, Іоана Лопаты Калиновского и проч. [38]). Витольдъ розвалилъ муры Новгородскихъ укрѣпленыхъ пригородкôвъ арматами надзвычайнои великости, которіи му художники зъ краѣвъ нѣмецкого ордина здѣлали. Устрашени Новгородцѣ выслали посольство и поставили на челѣ посольства Новгородского архиепископа Ефремія. Ефремій явилъ ся въ станѣ литовскôмъ и просилъ унижено Витольда о пощаду въ имени паствы своеи. Явленье ся смиренное архіепископа сдѣлало великое впечатлѣнье на окружаючихъ Витольда рускихъ князей. Они вставили-сь у Витольда за народомъ, который съ ними былъ тои самои вѣры и происхоженя, и Витольдъ на просьбы князей рускихъ установилъ грамоту съ корыстными условіями; ôнъ пощадилъ Великій Новгородъ и ôтступилъ ôтъ дальшой осады.

Такіи успѣхи осягнула Литва и Польща въ тыхъ временахъ за помочію Руси. Южная Русь подѣлена на польскую и литовскую Русь, борола-сь пôдъ знаменами Польщи и Литвы. Обѣ державы на внѣ дѣйствовали вкупѣ, оже и полки польскои Руси разомъ съ полками Руси литов-

---

[37]) Narbutt T. VI. str. 460. Посольство Псковянъ явило ся въ Кремянци р. 1424, щобы сложило голдъ Витольду яко великому князю, но знайшло князя дуже гнѣвного. Витольдъ выкидалъ Псковянамъ, що они зломили условія и що обовязаня, котори передже торжественно были априсягли, не виполняли.

[38]) Narbutt u. s. T. VI. str. 494.

ской встрѣчали-сь часто на поляхъ славы исполняючи обовязокъ, которымъ одолжени были своимъ владѣтелямъ. Не долго по покореню Пскова и Новгорода Великого черезъ Витольда на сѣверѣ, и не долго по сложеню голда королю польскому черезъ воеводу молдавского Александра на юзѣ, оже въ продолженю времени, коли унія Литвы съ Польщею умножила силы обохъ державъ и возвысшила влiянье на посторонніи племена и увеличили славу, якую передъ тымъ ни Польща ни Литва не видали, являютъ ся недогôдности заключенои уніи Литвы съ Польщію на внѣ и образуе ся зъ стороны Руси и Литвы якое-то неустаючое стремлѣнье, вымѣреное противу послѣдствамъ уніи Литвы съ Польщею, которая въ Городлѣ близше опредѣлена и теснѣйше скрѣплена, грозила двѣ державы сліяти въ одную, безъ взгляду на давную самостоятельность частію до Литвы а частію до Польщи присоединеного южнорускòго народа. Однакожь опозиція руского народного елимента противу тѣснѣйшôй уніи Литвы съ Польщею не была уединена, еще и ôтъ иной стороны являе ся противное уніи дѣйствительное стремлѣнье. Самû виновники уніи Ягайло и Витольдъ стараютъ ся ю звôльнити а именно намѣрилъ тое учинити Витольдъ о стôлько, о скôлько вôйшолъ въ порозумѣнье съ рицарями нѣмецкого ордина и съ цѣсаремъ Сигисмунтомъ нѣмецкимъ и о скôлько побуженый ôтъ рицарей и цѣсаря старалъ ся о корону и достоинство королевское для себе. Король угорскій а разомъ и цѣсарь нѣмецкій Сигисмунтъ еще передъ 20 лѣтъ т. е. еще передъ битвою пôдъ Дубровномъ, намавлялъ Витольда, коли той явилъ ся въ характерѣ посла короля Ягайла въ Уграхъ, щобы ôтступилъ ôтъ Польщи и принялъ достоинство короля литовского, подôбно гдекоторымъ своимъ попередникамъ на тронѣ литовскôмъ, которû достоинствомъ и именемъ королевскимъ ôтличали ся [39]). Витольдъ тогды взгордилъ предложеньемъ Сигисмунта, бо навѣть сообщилъ тое при первôмъ свиданю стрыечному брату своему, королю Ягайлу. Витольдъ обавлялъ ся тогды еще Ольгердовичій, которû еще не уставали притязивати престолъ литовскій для себе. Ягайло былъ Ольгердовичь и еще было кôлька рôдныхъ братей Ягайла Ольгердовичей; возвысшенье Кейстутовича на тронъ литовскій, казало-сь братямъ Ягайла Ольгердовичамъ а именно Свидригайлу быти узурпаціею. По друге угрожала еще тогды Литвѣ опаснôсть ôтъ рицарей нѣмецкого ордина. Витольдъ стиснувши унію розширилъ за еи помочію предѣлы Литвы, покорилъ на внѣ своихъ ворогôвъ, а внутрь державы литовскои поколибалъ февдализмъ, якій Литва ôтъ Руси переймила была, и положилъ иное основанье паньству литовскому.

---

[38]) Stryjkowski: „Zygmunt namawial Witolda by odstąpil od brata, chcąc go królem litewskim uczynić.“

Великій князь Литвы давнѣйше правилъ землѣ черезъ можныхъ ленныхъ, теперь управлялъ ними безпосередно черезъ намѣстниковъ; давнѣйше становили права и рѣшали найважнѣйши державніи справы князѣ зь пануючого дому и магнаты посѣдаючіи простороннй землѣ, многи города и области: днесь рѣшали всѣ посѣдателѣ свободнй, больших и меньшихъ имѣній земскихъ безъ различія подъ безпосереднимъ проводомъ самого великого литовского князя. Городельская унія ограничила однакожь тіи свободы, на исповѣдаников римскои вѣры. Оже настали супротивляти-сь уніи Городельской и еи слѣдствамъ князѣ зъ роду, пользовавшіи ся давнѣйше преимуществами князей удѣльныхъ, якоже и провинціи, которй имѣли самостоятельность, а получаючіи еще по утратѣ самостоятельности въ мѣсто удѣльныхъ, князей зависимыхъ отъ великого князя литовского, або намѣстниковъ литовскихъ. Супротивлялъ ся такожь народъ рускій, который будучи вѣроисповѣданя православного, теперъ выключеный отъ полности правъ горожаньскихъ, видѣлъ ся упослѣдженымъ на будучность и призначенымъ на рабство и пониженье.

Витольдъ почувствовалъ, якъ много при своей славѣ зависѣлъ отъ Польщи и отъ коронныхъ пановъ. Рада коронная, обладѣвшая королемъ и правительствомъ, стерегла кождое дѣйство великого князя. Витольдъ не могъ сносити ся съ якимъ заграничнымъ дворомъ, щобы не возбудилъ еи подозрѣня, онъ не могъ розпорядити одною областію подля своей волѣ, щобы не роптали и не супротивляли ся тому польскіи паны, которй Литву за власность польскои короны уважали. Ягайло спріялъ въ глубинѣ сердця своего предпріятію князя Витольда разъ уже для того, що отъ времени взмагаючои ся старости своей съ всемъ полагалъ на судъ и мнѣнье великого князя литовского, по друге для того, що любилъ родину и первѣстную отчину свою, которой такожь возвеличеня желалъ; наконецъ може быти, що будучи въ всѣхъ своихъ дѣйствахъ вплывомъ рады коронной связаный, чувствовалъ нестерпимость такои зависимости и радъ былъ, що Литва отъ препондераціи Польщи освобожала ся.

Цѣсарю Сигисмунту и рицарямъ нѣмецкого ордина ходило о тое, щобы возвышеньемъ Витольда до степени королевского, отдѣлити Литву отъ Польщи и уменьшити перевагу, которую Польща надъ Уграми и Прусами осягнула. Въ дальшомъ видѣ намѣрялъ цѣсарь межи Уграми, Литвою и Прусами утворити тѣсный союзъ противу польской державѣ. Въ той цѣли и еще для залагоженя иныхъ справъ тычачихъ ся цѣлои Европы и христіяньства, условленый былъ межи Сигисмунтомъ, Витольдомъ и Ягайломъ общій съѣздъ всѣхъ князей до Луцка т. е. на день св. Богоявленя въ р. 1429. На условленый реченець приѣхалъ Витольдъ съ панами и боярами литовскими и рускими, за нимъ прибылъ король Ягайло

зъ Городна, где черезъ якій-то часъ пребывалъ съ панами польскими свѣтскими и духовными, именно архіепископомъ гнезненьскимъ Альбертомъ Ястрембцемъ и епископомъ краковскимъ Збѣгнѣвомъ Олесницкимъ, который былъ кардиналомъ а разомъ и душею политики правительства польского. За королемъ приѣхали князѣ мазовецкіи и князѣ Берестя куявского, Лигница и Поморя. На запросины Витольда явилъ ся и великій князь Московскій Василій въ сопроводѣ православного руского митрополита Фотія и зависиміи отъ великого княжества московского рускіи князѣ. Такожь прибыли король дуньскій Ерикъ XIV., оба ханы, Заволжскій и Перекопскій и воевода молдавскій съ своими боярами и панами. Приѣхали оба майстры ординовъ нѣмецкого и инфлянтского, такожь посолъ отъ папы римского Андрей Доминиканъ и послы отъ царя греческого Іоана Палеолога. Цѣсарь Сигисмунтъ вразъ съ своею женою Барбарою (онъ по смерти Маріи оженилъ ся съ Барбарою Цилійскою) на дорозѣ зъ Угоръ до Луцка посѣтилъ городъ Львовъ, о чемъ слѣдъ въ актахъ Львовского городского архива заховалъ ся [40]). На встрѣчу цѣсарю выѣхали далеко за Луцкъ Ягайло и Витольдъ съ своими лицарями, такожь и жителѣ города Луцка выйшли напротивъ нему именно: громада руска, латиньска, орменьска съ своими епископами рускимъ, латиньскимъ и орменьскимъ, и жиды съ своимъ рабиномъ. Всѣ поставили-сь надъ берегами рѣки Стыру. Цѣсарь явивши-сь на челѣ вельможъ и бароновъ ческихъ, угорскихъ и нѣмецкихъ поклонилъ ся реликвіямъ святыхъ, которй нѣсъ епископъ латиньскій и отрималъ отъ него благословенье, потомъ подяковавши прочимъ за честь, въѣжджалъ до Луцка. Обочь него ѣхали Витольдъ и Збѣгнѣвъ Олесницкій, за ними Ягайло съ цѣсаревою въ повозѣ. Отголосъ звоновъ всѣхъ церквей и звукъ гучныхъ трубъ и бубновъ знаменовалъ въѣздъ высокихъ гостей до Луцка. Нашй Русины, жителѣ тыхъ областей, поуставляли ся по обохъ сторонахъ дороги такъ густо, що мужь тручалъ о мужа, а человѣкъ о человѣка. Казало-сь якбы одинъ монарха другого претьмити старалъ ся числомъ лицарства, а одинъ лицарь другого перевысшити хотѣлъ свѣтлостію оружія и снаряду. Гостина начала-сь при столахъ, покрытыхъ дорогимъ (серебрянымъ) начиньемъ и преисполненыхъ дорогими напитками и потравами. Многіи князѣ и володѣтелѣ и знаменитіи вельможѣ умѣщенй были въ большихъ будинкахъ городскихъ, принадлежачихъ князю або богатымъ горожанамъ, а прочіи гостѣ заняли пригородки, села и дворища въ отстояною навѣть колькомилевомъ на около Луцка. По догадцѣ прибыло до 15.000 чужихъ людей на той съѣздъ до Луцка. Витольдъ пріймалъ прибывшихъ гойно, гостилъ ихъ медомъ сыче-

---

[40]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 93.

нымъ, мушкателовымъ и малмазейскимъ виномъ, мясомъ зъ вепрôвъ, баранôвъ, овецъ, жубрей и прочихъ дикихъ звѣрятъ, которй лѣсы и пущѣ рускіи и литовскіи въ достатку достарчали [41]).

Не такъ успѣшно якъ гостина ишли справы дипломатичніи, для которыхъ выжь помянутіи суверены были съѣхали ся. Совѣтовано въ трехъ палатахъ, въ однôй цѣсарь съ своими угорско-ческо-нѣмецкими, въ другôй Ягайло съ польскими, въ третѣй Витольдъ съ рускими и литовскими панами. Окрôмъ того переговорували-сь володѣтелѣ межи собою. Цѣсарь дѣлалъ предложенье впростъ Витольду або Ягайлу, Витольдъ и Ягайло удѣляли предложеня своимъ радамъ, по тôмъ слѣдовалъ ôтвѣтъ. Бывало такожь, що цѣсарь часомъ впростъ сообщалъ ся съ радными панами которои палаты. Сигисмунтъ предложилъ Ягайлу, щобы ôтносительно до трактату зъ р. 1412 зъ Молдавіи выгнати воеводъ, и реченый край межи Угры и Польщу подѣлити. Волохи, сказалъ ôнъ, вдерли ся въ край и вытиснувши давныхъ и правовитыхъ жителей (Русинôвъ) поселили-сь въ урожайнôй и плодоноснôй земли. Нарôдъ той, сказывалъ Сигисмунтъ, звычайный жити зъ крадежи и розбою. Такожь ôтносительно до условій премирія зъ року 1412 одолженй были Волохи вспомагати цѣсаря противу Туркамъ. Сигисмунтъ жалилъ ся, що они его въ вôйнѣ съ Турками всперти не хотѣли, твердилъ, що се было причиною побѣды Турковъ надъ христіянами и желалъ, щобы Волохи за свôй непослухъ укарани были дѣлежемъ ихъ краю, якъ то однымъ зъ условій премирія зъ року 1412 на случай ихъ непослушеньства выразно было затвержено. Радніи паны Польщи ôтвѣтили, що Волохи уже ôтъ давна голдуютъ польскôй коронѣ, що они вразъ съ рускими войсками вырушили были кôлька лѣтъ тому вѣрнй умовѣ надъ Дунай и що ту ждали черезъ два мѣсяцѣ на войска цѣсарскіи, съ которыми мали соединити ся. Оже не ихъ вина, но вина незручныхъ цѣсарскихъ воеводъ, що Волохи и Русины къ цѣсарскимъ войскамъ такъ якъ намѣрено было, не прилучили-сь.

Другое предложенье цѣсаря Сигисмунта касало ся справы христіяньства въ цѣлôй Европѣ. Въ тое время вôйна Гусситская еще не уставала. Зъ Чехъ, яко горнила гусситизму, розпростороняла-сь наука Гусса въ Силезіи, Моравіи и Польщи, а приверженцѣ ей ôтъ дня до дня умножали-сь. Сказуютъ, що самъ с т а р о с т а р у с к і й Іоанъ Менжикъ зъ Домбровы спріялъ въ глубинѣ сердця науцѣ Гусса. Многіи Поляки, признавшіи ся ôтверто до науки Гусса, вспомагали Гусситôвъ оружіемъ, межи ними находилъ ся якій-то рускій князь Теодоръ(?), которого жерело

---

[41]) Bychowca rękopism (chronika) str. 42.

польское Фридрикомъ назвало [42]). Зъ другои стороны Турки угрожали Константинополю и чимъ разъ больши стисняли предѣлы римско-бизантійскои имперіи. Цѣсарь римскій Іоанъ Палеологъ завôзвалъ помочи у прочихъ христіянъ. Однакожь не можно было надѣяти-сь скутечного соучастія ôтъ прочихъ христіяньскихъ державъ Европы, поки внутрь лона европейскихъ христіянъ роздвоенье пановало. Вôйна Гуситская затрудняла католикôвъ. Царѣ бизантійскіи вразъ съ народомъ были православными, ôтчужени ôтъ головы католицкои церкви, папы римского, и рôжнили-сь ôтъ церкви католицкои. Колька миліоновъ пôдданыхъ угорскои имперіи, такожь вся Русь пôдвластна Литвѣ и Польщи причисляла ся къ православію. Треба оже было на самый передъ усталити миръ межи христіянами на западѣ, оже усмирити гуситскіи непокои и роздоры, по друге належало зближити ся христіяньскому востокови къ христіяньскому западу и премирити ся католицизму съ православіемъ, бо инакше не можна было сподѣвати-сь въ тôй справѣ согласного содѣйствія ôтъ стороны державъ католицкихъ. Сигисмунтъ надѣялъ ся, що согласно опредѣленямъ констанційского собору папы самѝ созвутъ соборъ вселеньскій для залагоженя тыхъ справъ, тычачихъ ся вообще христіяньства. Но уже 11 лѣтъ по укôнченю Констанційского собора минуло, а папа скликанье собора ôтъ року до року пôдъ рôжными предлогами ôткладалъ. Зъ взгляду на тіи всѣ обстоятельства цѣсарь объявилъ, що побужати буде папу римского, бы созвалъ соборъ для приверненя Гуситôвъ до общества церковного и для нужнои реформаціи въ дѣлахъ церковныхъ, а если папа еще и на будучность не удовлетворитъ его желанямъ, то самъ ôнъ (цѣсарь) своею властію созве соборъ для залагоженя тыхъ справъ. Такожь объявилъ цѣсарь всенародно въ притомности многихъ Русинôвъ участвовавшихъ въ тôмъ съѣздѣ, що и католикамъ ôтъ соединеня съ православными ôтклоняти ся не належитъ, зъ причины, що вѣра православная що до святости догматôвъ въ ничемъ не уступае вѣрѣ католицкôй и що католики ôтъ православныхъ розличаютъ ся лишь бородами и женами [43]). Тіи слова дуже схлѣбляли Русинамъ и они прославляли цѣсаря за то, що ихъ православну вѣру надъ латиньску превознѣсъ [44]). Тое предложенье цѣсаря не мало жадныхъ иныхъ послѣдствъ. Духовеньство латинь-

---

[42]) Dlugosz: „Fridericus Russiae dux." Зубрицкаго крит. ист. повѣсть о Ч. Р. стор. 265.

[43]) Dlugosz: L. XI. p. 155. „nec reductioni Graecorum intendere expedit, unam fidem nobiscum profitentur, barbis et uxoribus a nobis secreti, una uxore Graecorum praesbiteri contenti, latini decem et amplius tenent."

[44]) Dlugosz ibidem: „propter quod (Rutheni) Sigismundum sanctum regem vocabant, deducentem fidem Graecorum esse praestantiorem quam Latinorum."

ское, именно легатъ папскій и епископы польскіи, яко и ревный поборникъ православія митрополитъ Фотій, и князѣ Московскіи не мали знать охоты предпринимати спору въ религійныхъ предметахъ, до чого ни время ни мѣстце казало-сь быти отвѣтными.

Дальше цѣсарь предкладалъ, щобы Польща и Литва яко сосѣдній державы вспирали его (цѣсаря) въ борбѣ съ Турками. На тое король и радніи паны польскіи ôтповѣли, що Польща до сихъ пôръ зôставала въ пріязныхъ ôтношеняхъ съ Турками и що ей тую пріязнь зрывати не належитъ, бо Турки обернули бы цѣлу свою силу и оружіе на области пôдвластній польскôй коронѣ. Однакожь сказали Поляки, если бы далъ утворити-сь союзъ всѣхъ прочихъ христіяньско-европейскихъ державъ противъ Музельманамъ, то и Польща тогды своего участія ни ôтказывала бы. Наконець предложилъ Сигисмунтъ, щобы Витольдъ принялъ достоинство королевское. Тое предложенье нѣмецкого цѣсаря Сигисмунта тронуло Поляковъ. Сигисмунтъ зналъ добре, що у самыхъ радныхъ панôвъ Польщи съ тымъ предложеньемъ ничого не успѣе, прото вразъ съ Витольдомъ намовою старали-сь къ тому склонити Владислава-Ягайлу при тайныхъ свиданяхъ. Но Ягайло хотя радъ былъ своей ôтчинѣ Литвѣ такого умноженя славы и достоинства, отвѣтилъ, що не може сдѣлати ничого рѣшительного безъ соизволеня и безъ согласія зъ стороны панôвъ польскихъ. Тіи реченому съѣзду присутствуючи, изслѣдовали цѣсарскіи предложеня зъ становища интересу Польщи съ надзвычайною точностію. Збигнѣвъ Олесницкій въ огнистôй промовѣ ôтвѣтилъ въ притомности Витольда и его радцѣвъ (явившихъ ся въ палатѣ польскихъ панôвъ, бы ихъ своимъ присутствіемъ скорше наклонити): що король Ягайло, Витольдъ и Литовцѣ связали-сь торжественными присягами и всенародными грамотами до тѣсной уніи Литвы съ Польщею, що Витольдъ за помочію той уніи станулъ на найвысшôмъ степени славы, яко сторожь величественыхъ союзôвъ политичныхъ, що цѣсарь не зъ любви желае короны Литвѣ, но що ôнъ ворогъ Польщи не меньшій якъ и Литвы, старае ся тымъ розôрвати узаконену связь межи народами, посварити ихъ и поколибану слѣдствомъ уніи перевагу нѣмецкого ордина въ европейскôмъ сѣверѣ возстановити. Панове польскіи не чекали дальшихъ розговорôвъ но узнавши, що предложенями цѣсаря зôстала загрожена унія литовско-польская, сдѣлавши королю сильное представленье противу намѣреному цѣсарскому проектови, вынесли ся зъ Луцка, а за ними выѣхалъ заразъ слѣдуючои ночи король Ягайло не попращавши ся съ знаменитыми гостями. Ôнъ приѣхалъ до Люблина черезъ землю Холмскую. Сигисмунтъ и Витольдъ вразъ съ своими радными панами зôстали въ Луцку и охолоднѣвши ôтъ первого переполоху, надѣланого ôтъѣздомъ короля и польскихъ се-

наторôвъ, радили дальше, чи зôрвати унію съ Польщею, якъ совѣтовалъ Сигисмунтъ, чи въ условленôмъ уговорѣ съ Польщею зôставати. Наконець перемогла сторона уніонистôвъ, но Витольдъ не смотрячи на перешкоды рѣшилъ ся приняти корону, до чого побужали его такожь и по всей вѣроятности окружаючіи его вельможи рускіи. Цѣсарь щобы приклонными сдѣлати собѣ Русинôвъ, одарилъ ихъ дорогоцѣнными дарами золотыми, серебряными сосудами, прехорошими кôньми, прекрасными сукманами и проч. и умовивши-сь съ Витольдомъ взглядомъ будучой коронаціи, ôтъѣхалъ[45]), а за нимъ Витольдъ и прочіи гостѣ розъѣхали-сь. Витольдъ пôслалъ двохъ достойникôвъ литовскихъ до Польщи, Ромбольда маршалка и Гаштольда воеводу Виленьского, съ объявленьемъ, що ôнъ яко володѣтель свобôдного народа не уважаючи, чи панове польскіи созволятъ чи нѣтъ, пріиме корону. Не помогли всѣ представленя папы, дѣланы въ интересѣ Польщи противу ослабленю уніи Польщи съ Литвою. Не помогло предложенье зъ стороны устрашеныхъ Полякôвъ, щобы Витольдъ *принялъ корону польску, которую* въ пользу Витольда хотѣлъ *сложити Ягайло въ той цѣли, щобы Витольдъ* предпріятія своего *лишилъ ся. Витольдъ не уважалъ на представленье* папы, освѣдчилъ *посольству польскому, що не есть такъ безбожнымъ*, бы брату ôтбиралъ *еще при жизни корону. День коронаціи* назначеный былъ на 8 Вересня р. 1429 въ Вильнѣ. Запрошеніи гостѣ, оба майстры нѣмецкого и ливоньского ордина, такожь великій князь московскій съ княземъ Тверскимъ, ханы Заволжскій и Перекôпскій и иніи съѣхали-сь до Вильна. Ожидано послôвъ цѣсарскихъ съ короною и диплиомомъ, но надармо; минали тыждиѣ одинъ по другôмъ, минулъ и мѣсяць и другій сходилъ, а послы цѣсарскіи не появляли-сь. Они были перешкожени Поляками, которіи безъ приказу короля вырушили збройно съ своими воджами въ поле, засѣли рѣки и лѣсы, словомъ заступили всѣ входы и выходы. Послы ôтъ цѣсаря съ короною минули Франкфуртъ надъ Одрою, но услышавши о сдѣланыхъ запонахъ зъ стороны народа польского затримали-сь чекаючи черезъ два мѣсяцѣ, въ надѣи, що розôйде ся войско польское затворившое всѣ входы и выходы. Надармо! войско польское стояло самохôтно, хотя заслабъ былъ начальный воджь польского войска Чарнковскій.

Есть поданье, що послôвъ перекрадаючихъ ся черезъ Русь, затримано въ Львовѣ и що ту ôтобрано корону [46]). Прибывшіи до Вильна

---

[45]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa i Długosz. Цѣсарь нѣмецкій ѣхалъ черезъ Белзъ, Львôвъ, Ярославъ, Ланцутъ, Фриштадъ, Бѣчь до Венгеръ.

[46]) Stryjkowski i Bychowca rękopism: „latopiscy litewscy piszą że koronę we Lwowie im odjęto" czemu zaprzecza Stryjkowski.

(послы) гостѣ, щобы притомными были коронаціи, розъѣхали ся. Витольдъ не довольный до крайности, запросилъ короля Ягайла на ловы до Вильна. Стрѣбовавши еще разъ склонити прибывшого съ королемъ Збигнѣва Олесницкого, бы не дѣлалъ опозиціи противу коронаціи, но безуспѣшно, залишилъ наконецъ Витольдъ самъ мысль о коронѣ. Сказуютъ, що Витольдъ былъ-бы не оставилъ стараня ся о корону и по его неуступчивости и предпріемчивости, было можно надѣяти ся, що цѣль свою осягне, еслибы имѣлъ былъ сына. Но князя не имѣвшого наслѣдника глубокая старость и крайное изнеможенье физичныхъ силъ змушала покинути гадки о дочесныхъ вещахъ и ôнъ почалъ думати о вѣчности. Витольдъ умеръ въ Трокахъ 27 Октобря 1430 припоручивши Литву и жену свою Юліянну польскому королю Ягайлу. Витольдъ былъ мужемъ высокихъ намѣреній, предпріемчивый, умный, далековидячій политикъ, опитный полководецъ, упреймый къ рôвнымъ собѣ и услужный къ независимымъ, къ своимъ пôдвладнымъ строгій и справедливый и всегда тверезый. Ôнъ розрушилъ осôбное стоянье Руси при Литвѣ до крайности, сліялъ Русь съ Литвою политично, пôдчинивши области рускіи впростъ своей велико-княжескôй власти, ôтстронивши по бôльшой части удѣльныхъ князей и установивши по городахъ и областехъ княжескихъ намѣстникôвъ. Витольдъ хотя добрый католикъ, не вводилъ католицизму межи православными Русинами. Самостоятельный и неулягаючій ніякому впливови не далъ религійнымъ ревнителямъ увести ся.

Свидригайло

По смерти Витольда наступилъ въ Литвѣ рôдный братъ Ягайла, знаный намъ уже зъ многихъ пригодъ, князь осаженый въ Сѣверщинѣ Свидригайло. Свидригайло узнавши о слабости Витольдовôй съѣхалъ былъ до Вильна, потôмъ до Трокъ и ту еще при жизни Витольда доказывалъ, якбы былъ уже княземъ литовскимъ. Ôнъ займилъ гдекоторій дворища, на що Витольдъ на смертнôй постели ужалялъ ся. При погребѣ Витольда многій Русины смутокъ лишь удавали а въ сердци тѣшили-сь, що наступитъ князь спріяючій имъ черезмѣрно, надѣючи ся, що руская сторона за помочію князя Свидригайла надъ литовскою переможе и стане ся пануючою [47]). Свидригайло малъ сильну сторону рускихъ панôвъ за собою. По смерти Витольда панове литовскіи, жмудскіи и рускіи сотворили совѣтъ, кого бы собѣ выбрати за пана; одни радили, бы выбрати Сигисмунта Кейстутовича молодшого брата Витольдового, другіи были за княземъ Олелькомъ Володимировичемъ, третіи именно Русины были за княземъ Свидригайломъ. Руская сторона перемогла, и Свидригайло зôсталъ великимъ княземъ за бôльшостію голо-

---

[47]) Długosz L. XI. p 559.

сôвъ въ думѣ литовскôй, почемъ всѣ рускіи паны, бывшіи при Ягайлѣ ôтъ того ôтступили и до Свидригайла пригорнули ся. Король Ягайло зъ перва спріялъ Свидригайлу яко рôдному брату своему. Ягайло самъ припоручилъ былъ панамъ литовскимъ, бы выбрали на престолъ литовскій Свидригайлу. Тымъ возвышсеньемъ хотѣлъ рôдного брата своего вынадгородити теперъ трономъ литовскимъ за пониженье, которое ôнъ давнѣйшими лѣтами дôзналъ. Ягайло будучи въ Литвѣ еще передъ смертію Витольда предвидуючи туюже ôтослалъ всѣхъ своихъ радныхъ панôвъ а именно епископа краковского Збигнѣва Олесницкого до Польщи въ тôй цѣли, щобы Свидригайлу въ избраню его на великого князя литовского жадныхъ перепонъ и трудностей не ставлено. Ягайло малъ зречи ся своего права до Литвы [48]), по которôмъ Литва по смерти безпотомного Витольда была должна цѣла вразъ съ рускими краями прійти въ руки Ягайла. По свѣдоцтву польскихъ жерелъ [49]) Ягайло вручилъ Свидригайлу дипліомъ интронизацiйный на великое княжество литовское черезъ Іоана Менжика зъ Дубровы, старосты руско-галицкихъ земель. Свидригайло пôднесеный былъ на велико-княжескій престолъ по стародавному звычаю королемъ и епископомъ Виленьскимъ [50]). Однакожь не взираючи на всѣ тіи собывшіи ся формальности не долго потôмъ утвержали Поляки, що Свидригайло противу трактатôвъ засѣлъ на престолѣ великого литовского княжества и жадали ôтъ него, щобы на певный реченець приѣхалъ до Польщи, сдѣлалъ передъ королемъ присягу послушеньства, и принялъ ôтъ него пôдъ певными условіями [51]) княжество литовское.

Поляки уважали возвышсенье Свидригайла на тронъ литовскій яко неправнôсть, понеже интрозизація Свидригайла собыла ся безъ попереднѣйшого совѣта рады польскои, и иначе, якъ были условили-сь въ однôй зъ попереднѣйшихъ трансакцій Поляки съ Литовцями. Рада польская мала въ тôмъ взглядѣ свôй проектъ. Поприставши на тôмъ, щобы Литва мала особного пана, загадали Поляки при тôй способности Волынь и Подôлье ôтъ Литвы ôтдѣлити и до Польщи присоединити. То были условія, пôдъ которыми ведля ихъ желаня князь Свидригайло малъ приняти на ново Литву ôтъ короля польского. Но уже было запôзно. Свидригайло возвысшеный былъ на великое княжество литовское и ôнъ не гадалъ удовлетворити желаню польскихъ панôвъ, ба въ противнôсть тому объявилъ, що ôнъ свое возвысшенье на завдячуе никому, навѣть королю нѣтъ, но вла-

---

[48]) Bychowca rękopism (chronika).

[49]) Długosz.

[50]) Stryjkowski „podnoszon na księstwo królem, i biskupem wileńskim.

[51]) Długosz i Stryjkówski.

сным силамъ и заслугамъ и що Литву и Русь за свое дѣдицтво уважае. Свидригайло выключилъ польску залогу зъ литовскихъ замкôвъ, которая въ знамя зверхности польского короля надъ Литвою, въ городахъ Литвы стояла. Ôнъ стремилъ очевидно до розбрваня уніи Литвы съ Польщею. Русины перли на тое, В. князь Свидригайло поступалъ собѣ ведля ихъ желаня, ему слѣдовали прочіи Литовцѣ ради не ради, ине можно было иначе, бо они обовязали ся были присягою до послушеньства великому князю Свидригайлу. Великая опасность грозила оже мозольно основанôй уніи двохъ державъ Литвы и Польщи.

Подôлье мѣстило въ собѣ тогды много Поляковъ. Король Ягайло держалъ тую землю долгій часъ на имя короны и посылалъ тамъ намѣстниковъ, поки не ôтдалъ ю въ руки Витольда. За временъ Ягайла осѣло тамъ много Поляковъ. Ягайло одныхъ Поляковъ поосажалъ яко старостôвъ по городахъ, другимъ понадавалъ села въ дѣдицтво пôдъ тымъ однымъ условьемъ, щобы служили ему на вôйнѣ съ условленымъ числомъ лучниковъ, копейниковъ або рицарей кôнныхъ. Въ прочемъ Подôлье выставленое было бôльше якъ кождый иный край на опустошенье ôтъ стороны Татаръ, и не мало такъ численыхъ мѣстцевостей залюдненыхъ, т. е. не было на Подôлю численыхъ городôвъ и селъ. Не было на Подôлю такъ много бояръ и рицарства руского, якъ въ иныхъ областяхъ Руси, число ихъ оскудѣло еще ôтъ временъ татарскихъ нападôвъ, которымъ край той по найбôльшой части былъ выставленый. Въ р. 1427 проживаютъ уже на Подôлю шляхтичѣ польскіи. Церковь римская числила исповѣдателей своихъ, польскои шляхты, на Подôлю до волѣ, для того учреждено было въ Каменци спископство латиньское и повѣреное зôстало около року 1430 якому-то человѣку низкого роду, но предпріемчивому и приданому интересови польскои короны.

На берегахъ Стрыпы поселила ся еще за временъ Ольгерда можна родина Бучацкихъ, и старостила въ Бучачи, Снятынѣ и Коломыи. Проживалъ также на Подôлю еще ôтъ временъ Людвика короля польского и угорского, Грицко Кердеевичь. Ôнъ былъ зъ Поморянъ [52]), Русинъ зъ роду но зъ простого происхоженя. Грицко былъ мужественый и хоробрый, а король Людвикъ надгородилъ его военніи заслуги, надавши ему шляхоцтво и гербъ Кердіева, ôтъ чего Грицко именовалъ ся Кердеевичь. Въ р. 1404 держалъ Грицко замокъ Каменецкій [53]). Ôнъ посѣдалъ здае ся на Подôлю

---

52) Dodatek do Gazety Lwowskiej 1833. „Hrycko z Pomorzan wojewoda Podolski.“ Dokument z r. 1454.

53) Gołębiowski u. s. str, 89. nota 402.

а въ прилежачôй червонôй Руси значніи земскіи имѣня. Ягайло подôбно своему попереднику завѣрялъ Грицку, вручалъ ему важніи посады, а Грицко, которому ся въ службѣ королей польскихъ добре дѣяло и который имъ лишь завдячувалъ свое щастье, питалъ къ нимъ чувство правдивои благодарности и былъ имъ въ всѣхъ случаяхъ жизни съ всемъ приданый [54]).

Не такъ было на Волыни. Въ правдѣ и ту уже обитали также ôтъ временъ Ягайла польскіи панове, дѣдичѣ рускихъ селеній, такъ н. пр. дѣдичемъ села Сіена, лежачого недалеко ôтъ города Володимира, былъ Мщугіусъ де Скржинъ, села Скорче и Бускуповичѣ належали Кристинови зъ Острова, польскому каштелянови [55]). Въ Луцку резидовалъ латиньскій епископъ [56]) обôчь руского и ôрменьского; ту и тамъ находили-сь костелы лат. обр., такъ н. пр. въ Луцку противу замку стоялъ костелъ св. Креста лат. обр., не знаю, чи не катедральный. Въ тôмъ самôмъ городѣ вспоминаютъ ся также Доминиканы [57]). Однакожь села и городы на Волыню были численѣйшіи и бôльше залюдненй якъ на Подôлю. Ту пребывали многіи родины рускіи и зрущенй литовскіи, розполагаючи просторонными областями и числеными городами. Въ прочемъ Волынь не стоялъ до сихъ пôръ еще николи, подôбно Подôлю пôдъ безпосереднимъ правленьемъ Польщи. Поляки хотя ту и тамъ понабывали, вѣроятно купномъ маетности, были вразъ съ католиками поселившими ся по городахъ, всегда еще въ меньшости. Не такъ легко было прото Польщи обладнути Волынемъ, якъ тое имъ на Подôлю было пощастило ся.

Скоро по смерти Витольда, коли еще вѣсть о ней по Подôлю не розôйшла ся, и не зналъ о ней ничого староста литовскій въ Каменци, Довгердъ, прибыли панове зъ Подôля, братя рôдній Теодоръ и Михаило Мушило Бучацкіи, Павелъ епископъ Каменецкій лат. обр., Грицко Кердеевичь и Крушина (Кристинъ) зъ Галова, довѣдавши-сь о кончинѣ Витольда съ почетомъ рицарства пôдъ замокъ Каменецкій. Прибывшіи пôслали до старосты каменецкого Довгерда и просили, щобы выйшолъ участничити въ пріятельскôй нарадѣ надъ якою-то краевою справою. Довгердъ приспѣлъ съ своими въ таборъ, которымъ были пôдъ городомъ розложили-сь реченй паны подôльскіи, не подозрѣваючи ничь злого. Ту освѣдчили они Довгерду, що Витольдъ немеръ и що они приспѣли, бы Каменецъ и Подôлье на щотъ короны ôтобрати, обскочили здумѣвшого Довгерда а коли

---

[54]) Зубрицкого крит. повѣсть ст. 277. 278. нота 163. ôткликуе ся на Бѣльского.

[55]) Długosz.

[56]) Długosz. „villa Tarczin episcopi Luccensis."

[57]) Długosz.

.ой сжималъ ся и сердилъ ся, пôймали его вразъ съ его дружиною переважнымъ числомъ своихъ рицарей. Рускіи и литовскіи лѣтописи сказуютъ, що Довгердъ зôсталъ на мѣстци убитый, но о правдѣ того подання осомнѣваютъ ся историки [58]) зъ тои причины, що пôзнѣйше старостилъ во Вильнѣ якій-то Довгердъ, оже человѣкъ того самого имени, не знаютъ однакожь, чи то былъ той староста Каменецкій, которого прельстили Поляки чи его рôдный сынъ. Спрятавши старосту, завладѣли Поляки Каменцемъ, Смотричемъ, Скалою и Червоногородомъ и такъ запосѣли одную часть Подôля на имя польскои короны. Якъ опановали Ляхи Подôлье, такъ хотѣли опановати пôдступомъ Луцкъ и Володимирь, а съ тыми городами и землю Волыньскую. Но ту скорше розпросторонила ся вѣсть о смерти Витольда. Ляхи застали Русинôвъ приготовленыхъ и мусѣли ôтступити ôтъ предпріятія своего [59]). Еще тогды король Ягайло не былъ выѣхалъ зъ Вильна, где пребывалъ ôтъ смерти Витольда. Скоро Свидригайло о пôдступѣ на Подôлю довѣдалъ ся, пѣнилъ ся ôтъ гнѣву, докучалъ королеви прикрыми словами при куфляхъ наполненыхъ горячими напоями, совѣтовалъ съ своими прибôчными панами, що съ королемъ и его рицарями почати, которй теперь въ его рукахъ находили ся. Поляки же въ Виленьскôмъ замку совѣтовали, бы Свидригайла посѣчаючого замокъ убити и въ замку зотворивши ся давати мужественный ôтпоръ такъ долго, поки скутечная помôчь зъ Польщи не прибуде. Король Ягайло, мужь досвѣдченый старостію, полный любви до Литвы и брата Свидригайла, лагодилъ такъ одныхъ якъ другихъ умильными словами. Ôнъ усмирялъ и загорѣлôсть Поляковъ и ярôсть Свидригайла, которому говорилъ: „брате милый, я подольскои землѣ у тебе не ôтнимаю, але есть братанка наша ôтчичка тои землѣ подôльскои, княгиня Софія Жедивидовна, князя Митка Зубревецкого жена, которая жъ менѣ въ опеку полецила ся, яко стрыеви своему и въ обороны, и пакъ ачкольвекъ я Подôлье держу, то всѣ пожитки она на себе беретъ“ [60]). Такъ извинялъ Ягайло передъ Свидригайломъ забôръ Подôля. Ягайло пригадовалъ брату доньку Жидевида, сына Ольгердового, который якъ мы высше сказали, надѣленый былъ одною частію Подôля. Ôнъ умеръ, донька позôставлена ôтдала-сь за князя руского Митка Зубревецкого и претендовала ужитки зъ Подôля. Но видко, що Свидригайло тыми представленями неудовольнялъ ся. Ягайло приневоленый былъ заключити съ нимъ уговоръ. Свидригайло обовязалъ ся вернути королеви Каменецъ, Смотричь, Скалу и Червоногородъ [61]) (пôдъ

---

[58]) Stryjkowski.
[59]) Stadnickiego S. G. T. II. str. 178. na podstawie Wapowskiego kroniki.
[60]) Bychowca rękopism (chronika) str. 45.
[61]) Crommeri inventarium u Narbutta T. VI.

рокомъ 1430), если Поляки и Литовцѣ що до Подôля съ собою не погодятъ ся, а если тото стане ся, ôнъ права своего особенного до тои землѣ доходити буде [62]). Пôдъ р. 1431 приобѣцялъ Свидригайло, що еслибы Спитко зъ Татаріи вернулъ — было бо розпросторонене мнѣнье, що Спитко пôдъ Ворсклою не погибъ, но жіе попавши ся въ полонъ Татарамъ, — тогды ôтдасть королю Подôлье, розумѣе ся въ тôй цѣли, щобы король ôтдалъ тое Спиткови.

Оже видко, що Спитко не смотрячи на то, же король звернулъ былъ заставъ вдовици по Спитку, малъ якіи то еще права до Подôля. Може быти, що король лишь часть заставныхъ грошей вернулъ Спитковôй.

Ягайло пôслалъ дворянина своего Тарла зъ Щекаревицъ съ устнымъ приказомъ до Михаила Мушилы Бучацкого, бы ôтдалъ замокъ Каменецкій и прочіи городы подôльскіи въ руки Русина Бабы, старосты зъ рамени Свидригайла. Урадованый Свидригайло дарилъ короля 1000 крушками чистого серебра, дорогими футрами и сукманами, а послови Тарлови даровалъ 100 гривенъ (centum sexaginorum) широкихъ грошей. Тарло ôтъѣхалъ на Подôлье а король съ Поляками до Польщи. Въ той самъ часъ коли тое въ Литвѣ дѣяло-сь, Поляки довѣдавши-сь, що король вразъ съ своею дружиною притриманый зôсталъ черезъ Свидригайла, собрали-сь на соймъ въ мѣсточку Вартѣ въ день св. Николы р. 1430 и рѣшили пôслати послôвъ до Свидригайла, а самымъ 8 дней по Іорданѣ собрати ся збройно надъ Вепромъ, бы ôттакъ двигнути-сь на Литву найспособнѣйшою дорогою для освобожения короля. Поляки дали такожь до Риму знати о проишествіяхъ въ Литвѣ. Папа Мартинъ V. розписалъ листы до Свидригайла, до радныхъ панôвъ польскихъ и до цѣсаря Сигисмунта. Первого упоминалъ, щобы не поступалъ собѣ такъ безбожно противу притисненому брату и о добро церкви заслужившому ся королеви, а польскихъ панôвъ взывалъ, щобы дѣлали все, що лишь для освобоженя короля зъ рукъ Свидригайла есть потребно. Уже польское посольство было ôтъѣхало до Варшавы и очѣковало ту листôвъ безпеченьства ôтъ Свидригайла, уже Поляки спѣшили зъ всѣхъ сторонъ збройно надъ Вепръ якъ были условили ся, посередъ погребôвъ, бо въ Польщи пановала тогды морова зараза [63]). Коли король уже повертал, якъ сказуютъ, бѣгучи на розставныхъ коняхъ зъ Вильна. Поляки постарали-сь были вытащити короля съ непостижимою скоростію зъ Литвы, нижели еще Свидригайло мôгъ о новôмъ пôдступѣ довѣдати ся, который они приспособили. Два

---

[62]) Inventarium regni in arce Cracoviensi p. 381.

[63]) Moraczewski, historya rzczypospolitej polskiej.

вельможѣ польскіи и дворяне Ягайла, Андрей зъ Танчина и Николай Држевицкій, кустошь Судомирскій, которому въ ôтсутствію канцлера коронного повѣрена была печать державная, выготовили письмо до Михаила Бучацкого, увѣдомляючи его о произшествіяхъ въ Вильнѣ и припоручаючи, щобы впростъ дѣлалъ въ противность приказу королевскому и Подôля Литвѣ не ôтдавалъ. Тое письмо обвинули воскомъ и вложили межи двѣ надпаленй свѣчки, которіи слузѣ Тарла съ тымъ припорученьемъ вручили, бы ихъ ôтдалъ Бучацкому, старостѣ въ Каменци и сказалъ, най Бучацкій и радніи паны Каменца, если нехотятъ блудити, въ свѣчкахъ свѣтла шукаютъ. Слуга Тарла заохоченый гривною широкихъ грошей, которыми дарили его выжь реченй паны польскіи, исполнилъ приказъ. Михаилъ Бучацкій, якъ то кажутъ, не въ чоло битый, догадалъ ся, розложилъ свѣчѣ, перечиталъ письмо и не лишь, що не вступилъ ся зъ Каменца, но еще Тарлу и старосту Бабу захватилъ и всадилъ до вязницѣ [64]).

Скоро Свидригайло о поступку Поляковъ довѣдалъ ся, оставилъ Вильно и вырушилъ черезъ Волынь на Подôлье. Ту на челѣ своего войска натеръ на замки подôльскіи, здобылъ гдекоторіи [65]) и опинилъ ся ажь о Смотричь. Въ Смотричи засада крѣпко обороняла ся. Свидригайло

---

[64]) Панове польскіи на однôмъ зъ пôзнѣйшихъ соймôвъ литовско-польскихъ въ Парчовѣ ôтповѣли панамъ литовскимъ котори жадали ôтъ Польщи звороту Подôля, що Подôлье (и Волынь ту сказано ошибочно) заставлено было ôтъ стороны короля Витольду за 40.000 червоныхъ и що по смерти Витольдовой разомъ съ пожичеными грошми прійшли въ руки Ягайла. Въ року 1402 Ягайло по смерти Спитка зъ Мельштина былъ ôтдалъ Подôлье Свидригайлу, заплативши сынамъ Спитка Мельштиньского заставъ т. е. 5000 грошей прагскихъ (Długosz) 5 000 гривенъ (Stryjkowski). Пôдля иного извѣстія (Daniłowicza latopisiec str. 55) надалъ былъ король Подôлье за 20.000 Спитку, а коли зажелалъ, щобы Витольдъ обнялъ Подôлье на ново, Витольдъ заплатилъ королю 40.000 (червоныхъ?), почемъ принялъ Подôлье въ свою державу. Такъ тіи свѣдоцтва не согласни. Король бере Подôлье ôтъ Витольда, король въ заставъ далъ былъ Спиткови за 5.000 (гривенъ, Stryjkowski), (грошей, Długosz), 20.000 (Daniłowicz). Ôтъ Витольда вымагае тыхъ 20.000 Ягайло, Витольдъ посылае му 40.000 и на то ôткликовали-сь паны польскіи въ Парчовѣ, мовячи, що Ягайло Витольду за 20.000 червоныхъ далъ Подôлье въ заставъ, и що по смерти Витольда Подôлье прійшло съ заставомъ въ руки Ягайла. Ктожь есть въ состоянію тіи рôжніи подания погодити? Дальше повѣдаютъ, що Витольдъ ôтобравши Подôлье далъ тое литовскимъ старостамъ. Може быти, що Ягайло заставилъ Подôлье разъ Спитку, другій разъ Витольду и що первый заставъ съ другимъ не стоитъ въ жаднôй связи, такъ якъ то литовское жерело представляе.

[65]) Długosz L. XI. p. 573. „denunciatur ex Podolia, qualiter Swigrigailo per suos aliqua castra in Podolia occupasset et circa castrum Smotrycz aliquanto tempore obsidionem continuasset."

осадилъ той городъ. Въ то̂мъ нагромадила-сь шляхта подо̂льская, которая придана была правительству польскому и прибывши несподѣвано Смотрычанамъ на о̂тсѣчь, побила Свидригайла. О̂ттакъ князь той вступилъ ся зъ Подо̂ля и вкрочилъ на Волынь. Ту все припало къ нему, о̂тъ малого до великого. Свидригайло пановалъ ту на Руси якъ король въ полно̂мъ значеню того слова. Собравши охотнико̂въ до волѣ зъ пограничныхъ замко̂въ Олеська, Кремянца и Збаража, впадалъ о̂нъ въ землю Теребовельскую и Льво̂вскую и пустошилъ, забиралъ, тревожилъ землѣ тіи въ ширъ и въ здолжь по самъ Льво̂въ, ба навѣть былъ бы Льво̂въ осадилъ, но же сильніи укрѣпленя того города долготревалои осады требовали[66]), такъ Свидригайло о̂тступилъ о̂тъ Львова и снова въ предѣлы Волыня о̂тдалилъ ся. Замѣчаемъ якое то порозумлѣнье межи Свидригайломъ и обивателями Галицкои Руси. Богданъ Рогатыньскій т. е. дѣдичь Рогатына, который значительнѝ области въ Галицко̂й Руси по̂дъ королемъ польскимъ посѣдалъ, оставилъ край и принялъ службу у Свидригайла. Свидригайло припоручилъ ему начальство въ одно̂й зъ найсильнѣйшихъ крѣпостей своихъ въ Олеську. Жерело польское подавшое намъ тую вѣсть, додае що Богданъ учинилъ измѣну потаемно и самохотячи безъ жаднои нужды [67]). Обивателѣ земскіи въ Белзко̂й земли, приналежавшо̂й тогды, якъ до Казимира, князя Мазовецкого, спріяли такожь Свидригайлу и вспирали его [68]). Знать городы въ Галицко̂й Руси были на сторонѣ короля польского. Про то Свидргиайло натеръ на Льво̂въ и зъ тои причины Русины, возставшіи противу польскому правительству, спалили Бужскъ и опустошили волости вѣроятно приверженцей Польщи.

Многіи городы отримавшіи о̂тъ королей польскихъ право магдебургское, стали-сь щитомъ польского елемента въ сторонахъ рускихъ. Бужскъ, сей стародавный рускій городъ, зныдѣлъ былъ въ слѣдство губительныхъ во̂йнъ, но залюдненый теперъ новыми жителями, по̂дъ покровительствомъ князей Мазовецкихъ отрималъ о̂тъ Семовита князя Мазовецкого всѣ примущества свободного города разомъ съ правомъ магдебургскимъ року

---

[66]) Długosz L. XI. p. 573. Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa.

[67]) Długosz: „Praedictus enim Bohdan, licet bona notabilia in terra Russiae sub rege pacificus obtineret, ad ducem tamen Svidrigail nulla necessitate cogente aufugit-“ Мы встрѣчаемъ въ службѣ Свидригайла якогото Балабана. Балабановичѣ были дѣдичами Струсова, въ области Теребовельско̂й. Acta castrensia p. 38.

[68]) Stryjkowski: „drugie wojsko bełzką ziemię w 6.000 z Kazimierzem Mazowieckim burzyło.“ Długosz: „Dux Masoviae Casimirus et Joannes Mężyk de Dombrowa capitaneus Russiae, qui ex stativis, quae rex prope Vladimiriam habuit in Bełzenzem terram, quam R u t h e n i oppido Busko exusto damnificabant, animosi advenerant et hostibus proflictis victores redierant.“

1411. Сей князь надѣлилъ Бужанъ всѣмъ, що лишь до взросту сего города причинити ся могло, именно правомъ свобо̂дного полову рыбъ ватою, правомъ варки пива и меду и проч. проч., но Русино̂въ выключилъ о̂тъ гдекоторыхъ важныхъ преимуществъ [69]).

Коли Свидригайло Галицкую Русь тревожилъ и прибышами о̂тъ ней посилковалъ ся, король Ягайло скликавши соймъ въ Судомирѣ нараджалъ ся тутъ съ съѣхавшими ся польскими панами. Предстояла во̂йна съ Русію, спріяючою Свидригайлу. Поляки хотѣли впростъ объявити Свидригайлу во̂йну, но король Ягайло надѣялъ ся еще всегда, що згубная во̂йна межи двома побратимчими народами дасть ся оминути. О̂нъ предкладалъ соймови, щобы о̂тправити посольство до Свидригайла. Соймъ принялъ предложенье Ягайла, згодилъ ся на предложеніи условія и рѣшилъ объявити во̂йну, если тіиже князь Свидригайло о̂ткине. Начали-сь переговоры. Король жадалъ о̂тъ Свидригайла, щобы о̂тдалъ Луцкъ съ южною частію Волыня и тіи городы подо̂льскіи, которыми былъ завладѣлъ, потомъ щобы не тревожилъ бо̂льше нападами Червоную Русь, наконецъ щобы прибылъ до Польщи на съѣздъ и яко ленникъ Польщи всенародно сложилъ голдъ коронѣ. Свидригайло отвѣтилъ черезъ посло̂въ, князя Василія Красного и Константина, що зъ Луцка и зъ иныхъ городо̂въ не уступитъ и домагалъ ся зверхъ того еще о̂тъ Поляко̂въ звернення Каменца и прочихъ подо̂льскихъ городо̂въ, которыми по̂дступно Поляки были завладѣли. Свидригайло освѣдчилъ, що Волынь и Подо̂лье есть о̂тчина его, що Литва правомъ дѣдицтва ему належитъ по о̂тступившо̂мъ о̂тъ правленя Литвы родно̂мъ старшо̂мъ братѣ его Ягайлѣ. Далше освѣдчилъ, що не потребуе потверженя на литовско̂мъ престолѣ о̂тъ стороны Польщи, но если Поляки о̂тдадутъ ему Подо̂лье, о̂нъ о̂тъ предложеного съѣзду не о̂тказке ся. Свидригайло переналъ ся былъ стремлѣнями, которіи знаменуютъ остатніи лѣта панованя Витольда. О̂нъ заразъ по вступленю на престолъ литовскій завязалъ тайну кореспонденцію съ цѣсаремъ нѣмецкимъ Сигисмунтомъ, который былъ заразомъ и королемъ угорскимъ, и съ майстрами нѣмецкого и инфлянтского ордина. Цѣсареви изъявилъ Свидригайло готово̂сть пріяти корону, которою Сигисмунтъ хотѣлъ былъ увѣнчати Витольда, а обомъ майстрамъ освѣдчилъ, що радо бы заключилъ союзъ съ ними противу стремлѣнямъ возгордѣвшои Польщи. Цѣсарь заохочовалъ майстра великого[70]) до заключеня тѣснѣйшого союза ордино̂въ съ Свидригайломъ и обѣцювалъ самъ прибыти до Прусъ и зъ о̂ттамъ усовершити коронацію на Свидригайлѣ,

---

[69]) Baliński i Lipiński. „Starożytna Polska" T. III. st. 1184 „w mieście zaś żaden Rusin trudnić się nie ma warzeniem trunków i robieniem słodów."

[70]) Narbutta dzieje T. VII.

которая за житя Ягайла (въ слѣдство перепонъ ставленыхъ черезъ Поляковъ, на Витольдѣ не могла успѣти. И дѣйстно! союзъ ордина съ Свидригайломъ прійшолъ до скутку въ мѣсяци Червню дня 19 р. 1431. Заключеный былъ въ имени В. литовского князя, и що удивительно есть, для лучшого скрѣпленя еще въ имени Андрея, епископа Луцкого (лат. обр.?), князей Симеона Ольгердовича и Сигисмунта Кейстутовича, также и иныхъ пословъ рускихъ князей Улрика Володимировича, Семена Ивановича (Seme Ufanowicz) и Ивана Семеновича [71]). Се доказъ, що Русь дѣйствовала ту рука въ руку съ Литвою, хотячи отъ Польщи отдѣлити ся. Однакожь помежи литовскими князями знайшолъ ся одинъ, который былъ исповѣданя руского и стороны Ягайла придерживалъ ся. Былъ то Федушко, сынъ Іоана Бѣльского, а внукъ Володимира Ольгердовича, съ которымъ встрѣтимъ ся въ продолженю нашого историчного розказу.

Король довѣдалъ ся еще завчасно о тайныхъ умовахъ майстра нѣмецкого ордина съ Свидригайломъ, пославъ до него секретаря своего Лутка (Влодка) зъ Берестя. Той представлялъ Свидригайлу, що неосторожно вяже ся съ ворогами отечества своего, що забывши на сродство крови и на права, которіи король мае до Литвы, подноситъ мятежь противъ своему брату и пану; въ ревности своей сказалъ Влодко, що Свидригайло еще не есть дѣйствительнымъ В. княземъ Литвы, бо еще не узнаный за такого соборомъ народа польского и проч. Свидригайло смѣлою мовою Влодка такъ обрушилъ ся, що сего посла королевского вдарилъ въ лице и ввергъ до темницѣ и тымъ оскорбилъ право межинародовое, которое кождого посла особу освящае.

Приготовленя до войны были уже успѣли. Король розославъ былъ зъ Кракова приказъ, щобы ставали войска въ поготовлю. Тымъ часомъ переговоры продолжали ся. Король отъѣхалъ зъ Кракова до Бѣча, отси двигнулъ ся черезъ Перемышль, Медику и Грубьешовъ и станулъ подъ Городломъ дня 10 Липця 1431. Прибыли ту махины военніи (въ той войнѣ употребляно уже пороху) зъ Кракова и стягнули ся также войска зъ Малои Польщи, не ставало еще войскъ великопольскихъ и полковъ Галицкихъ. Зъ Городла писалъ король листы до майстра нѣмецкого ордина, которого для особистыхъ его свойствъ почиталъ. Король начерталъ предметъ спору межи нимъ и Свидригайломъ и просилъ го умильными словами, щобы своимъ вплывомъ запобѣгъ войнѣ, котору наконецъ буде принуженъ провадити съ непослушнымъ и неспокойнымъ братомъ своимъ; Ягайло предлагалъ, щобы самъ майстеръ межи ними обома (т. е. королемъ и

---

[71]) Dokument u Narbutta T. VII. Dodatek II. do §. 1688.

Свидригайломъ) посередничилъ згоду и побудилъ Свидригайла до винного послушеньства. Тожь само представлялъ на осôбнôмъ съѣздѣ съ майстромъ архіепископъ гнезненьскій [72]). Писали также ôтцѣ собора въ Вазилеи, обрадуючіи тогды надъ важными справами церковными, упоминальніи листы до рицарей нѣмецкого ордина и до Свидригайла. Они заказали закону участвовати въ вôйнѣ съ Польщею, а королю и Свидригайлу припоручали, щобы межи собою погодили ся и крови христіяньскои не розливали [73]). Тіи человѣколюбніи просьбы и представленя немали жадныхъ скутечныхъ послѣдствъ, и проволокли лише военніи дѣйства о трицять дній.

Въ Прусахъ кружили межи рицарями поголоски, що Сигисмунтъ заохочалъ волоского воеводу до тѣснѣйшого союза съ Свидригайломъ и що самъ хотѣлъ участвовати въ тôй вôйнѣ, бы ôтзыскати всѣ тіи краи, которіи корона угорская притязивала [74]).

Свидригайло заключилъ также тайніи уговоры съ Волохами и Татарами. Воевода Александеръ ждалъ лишь на першу лучшу способнôсть, щобы ôтъ зависимости Польщи освободити ся. Ôнъ соединилъ ся съ Свидригайломъ, приобѣцюючи его въ настоячôй вôйнѣ своими силами всперти. Воевода Молдавскій былъ вразъ съ народомъ греческои вѣры — оже вспиралъ Свидригайла, о которôмъ зналъ, що ôнъ вѣроисповѣданю греческому черезмѣрно спріяе.— Въ Маю 1431 вертало посольство Свидригайловое ôтъ орды, ôтпущеное ôтъ хана съ запевненями пріязни и съ тою обѣтницею, що ôнъ въ случаю потребы вспоможе Свидригайла всѣми ему предстоячими силами [75]).

Тымъ часомъ стояло польское войско пôдъ Городломъ надъ Бугомъ. Въ поменшихъ ôтдѣлахъ роспочали ся схватки межи королевскимъ войскомъ и ôтрядами Свидригайла. Грицко Кердеевичь, поставленый ôтъ Ягайла начальникомъ засады въ Ратнѣ, сложенои зъ самыхъ Русинôвъ, на челѣ якого-то полку схватилъ литовскій ôтрядъ пôдъ начальствомъ руского князя Сенька Романовича и побѣдилъ го совершенно. Сенько уби-

---

72) Narbutt T. VII. str 44.

73) Narbutt T. VII. str. 44.

74) Narbutt T. VII

75) Narbutt T. VII. str. 34. Hammer Purgstall Geschichte der goldenen Horde S. 982. Одинъ зъ историкôвъ литовскихъ (Нарбутъ) представляе, що Татары по смерти Витольда уже не бояли ся бôльше Литвы, що лишь гречными приобѣцянками обманювали Свидригайла и що ему скутечнои помочи не давали, — но въ противнôсть тому встрѣчаемъ въ настоячôй вôйнѣ полки татарскіи, хотя не можемъ положительно твердити, що тая помôчь ôтъ хана орды кипчакской походила. Може быти, що и ханъ кримскій Едига, жившій еще въ р. 1431, вспиралъ Свидригайла военными полками.

тый полягъ на полю битвы. Свидригайловіи войска спалили за приказомъ своего князя замки Володимирскій и Збаражскій и забравши съ собою весь военный снарядъ, отступили за Стыръ. Зостали-сь еще въ рукахъ Свидригайла двѣ важнѣ крѣпости надъ Горниномъ и у жерелъ Стыра, Кременецъ и Олесько. Около Кремянца розложили-сь (коло села Тиваня, Нарбутъ зове го Иванье, недалеко нынѣшного Дубна) рускіи полководцѣ Балабанъ и Василій съ своими силами, именно Русинами и Волохами, и стерегли въ якомъ то укрѣпленомъ мѣстци харчевыхъ припасовъ, нагромаженыхъ для потребъ войны. Ягайло черезъ Русина якого то Олешну прибочного дворака своего, объявилъ Свидригайлу войну правильно. Войска польскіи ступали на мостахъ черезъ рѣку Бугъ дня 23 Липця. Володимирская область представляла страшную сцену! Здае ся, еще при попереднѣйшихъ схваткахъ отличили-сь Поляки великою свирѣпостію. Страхъ опановалъ жителей, якъ войско польское рѣку Бугъ переступило. Горожане и селяне оставляли свои хаты и дворища, забирали жены, дѣти, челядь, товаръ и движиміи иманя и уходили зъ своихъ отчинъ въ недоступнѣ мѣста, въ лѣсы, межи багна и мочары. Кождый утѣкалъ где могъ, где му пощастило ся и где его надѣя провадила, що съ своими передъ непріятелемъ скрые ся.

Спостерѣгаемъ въ настоячой войнѣ у Поляковъ и Русиновъ великое противу себе розъяренье умысловъ. Король, познавши у своихъ черезвычайный запалъ военный, усмирялъ го своею повольностію въ военныхъ дѣйствахъ, за то сердили-сь Поляки и посуджали Ягайла о тайніи сношеня съ Свидригайломъ и союзниками его, рицарями нѣмецкого ордина. Мы зъ нашои стороны сказати должнѣ, що Ягайло дѣлалъ ту яко добрый король, обнимаючій своею любовію обѣ землѣ, надъ которыми пановалъ, польску и литовско-руску. Онъ съ болемъ сердця узналъ прудъ военный, который грозилъ мечемъ и огнемъ опустошити и въ нищо обернути землю рускую, до которои Ягайло надзвычайну симпатію чувствовалъ. Сказуютъ, що Ягайло черезъ тайныхъ пословъ предостерѣгъ жителей Волыня а именно селянъ плоского краю, щобы себе и все що найдорожше посѣдаютъ, въ недоступніи мѣстця скрыли и передъ грозою военнымъ духомъ упоеного польского войска сохранили, и сами утѣкали. Нема горшои войны надъ войну домову, а еще зверхъ того войны народнои и религійнои. Настоячая борба прибирала характеръ такои войны чимъ разъ грознѣйше. Но и то примѣтити мы должнѣ, що не всѣ свирѣпости походили отъ религійного и народного престрастія; въ войнѣ а именно домовой, будятъ ся инѣ наміетности, а часто зъ чоловѣка робитъ ся звѣря. Кровопролитье зъ мести и корыстолюбія, товаришатъ часто явленямъ фанатизму.

Подъ Устѣлугомъ розложило ся войско польское таборомъ. Ту явилъ ся Збигнѣвъ Олесьницкій, который тогды былъ душею польского правительства. Онъ благословилъ войско, приклонившое колѣна свои, на войну съ шизматиками, оттакъ отдалилъ ся до Кракова, оставивши въ мѣсто себе при боку короля Николая Држевецкого, кустоша Судомирского. Тому вручена была королевская печать и припоручено ему, щобю волею короля управлялъ. Еще посылалъ король пословъ Альберта Мальского и Вавржинця Зарембу, каштеляновъ, щобы Свидригайла до згоды намовити. Они явили ся передъ Свидригайломъ, но ихъ представленя не сдѣлали ничь у Свидригайла [76]).

Военніи дѣйства продолжали ся. Польское войско вступившое на плоскій край и знайшовши села пустй безъ людей и добытку, кинули ся на мѣстця, где Русины были схоронили ся. Двѣ выспы лежали въ неприступномъ мѣстци межи мочарами, багнами и лѣсами, тамъ засѣкло ся было множество Русиновъ съ своими родинами и добытками. Поляки выслѣдивши ихъ натерли, Русины обороняли ся мужественно, однакожь Поляки побѣдили, захватили черезмѣрный полонъ и роздѣлили тойже помежи войско свое [77]). По томъ до крихты спалили городъ Володимирь и многіи окрестніи села. Въ ночи розсвѣчалъ огонь просторонніи поля Надбужаньскіи, а въ день клубы дыму притемняли свѣтло божого соньця и обмежали взоръ человѣчого ока. Король отдалъ покорену и безъоружену область Володимирскую Федушкови, князеви руского вѣроисповѣданя, сынови князя Іоана Бѣльского, знаного намъ уже зъ попереднѣйшихъ оповѣданій. Той предстоялъ земли яко намѣстникъ королевскій и переселилъ ся съ своимъ дворомъ, службою и маеткомъ зъ своего дотеперѣшного прибытку на опустошеный Волынь.

Въ остатнихъ дняхъ Липця войско польское поступало черезъ Волынь къ Луцку. На дорозѣ бракло воды и не позостало ничь иного, якъ ино въ земли глубоко за водою копати, но и такъ добывали лишь болотнистую, нечистую воду, которая лише зъ нужды жажду у поступаючого войска гасила. Прибыли такожь подчасъ походу черезъ Волынь полки велико-польскіи. Король зганилъ ихъ повольность, приписуючи имъ всю вину такъ незначныхъ успѣховъ въ дотеперѣшнѣмъ походѣ. Онъ сказалъ Великополянамъ, що если бы они скорше были приспѣли, то уже давно былъ бы стоялъ передъ Луцкомъ, а може и губительна война доселѣ былабы укончила ся. Коли онъ ждалъ на нихъ, тымъ часомъ Свидригайло до отпору приготовилъ ся. Въ время, коли великопольскіи полки подъ на-

---

[76]) Narbutt T. VII. str. 48.

[77]) Długosz L. XI. p. 583.

чальствомъ каштелянôвъ Ланчицкого и Сѣрадского приспѣли, находило ся уже войско королевское у селъ Скорче и Бискуповичь въ далеко пріятнѣйшôй околици, наполненôй пріемными горбами и покрытôй дубовыми лѣсами. Войско польское пôдчасъ того похода еще у Скорча и Бискуповичь сповѣдало-сь и причащало-сь. Свидригайло на челѣ избраного шѣсть тысячного войска поставилъ ся на другôмъ березѣ Стыра. Явили-сь ôтъ него такожь литовскіи послы, якій-то князь Константинъ Русинъ и Седиборъ, у Ягайла и предкладали условія мира. Но ихъ предложеня были высокопарнû, знать Свидригайло не хотѣлъ мира и лишь посольствами старалъ ся зыскати времени, бы соотвѣтно до борбы приспособити ся. Дня 30 Липця 1431 станули войска королевскіи надъ Стыромъ передъ лицемъ крѣпости Луцка. Король приказалъ своимъ капелянамъ ôтправити торжественну службу Божу, ушиковалъ войско и готовилъ ся до переправы черезъ рѣку Стыръ. Мôстъ надъ Стыромъ Свидригайло казалъ розôбрати. Поляки шукали бродôвъ. Свидригайло своими Литовцями и Русинами перешкажалъ имъ пасажу черезъ рѣку и зачали ся полки польскіи и Свадригайла черезъ рѣку перестрѣлывати. Свидригайло такъ долго вспинялъ переходъ королевского войска, поки король самъ не приспѣлъ съ своими корѣнными полками. Тогды Свидригайло уступилъ переважнôй силѣ и ôтдалилъ ся. Татары защищали тылъ ôтходячого войска его. Замокъ Луцкій припоручилъ Свидригайло Юрши Русинови, осмотрилъ его ôтповѣдною засадою, а городъ Луцкъ передалъ огню въ тôй цѣли, щобы Поляки якъ всюда, такъ и ту не мали о що при военныхъ операціяхъ оперти ся и щобъ нигде ничь иного якъ лишь пустку находили. Поляки повынаходили мѣлизны, переправили-сь черезъ Стыръ частію вплавъ частію черезъ броды, гонили за уступаючимъ Свидригайломъ, завязали схватку, побили войска его и имали въ погонѣ много Русинôвъ и Литовцей, именно двохъ воеводъ Гаштольда, старосту Виленьского и Ромбольда, маршалка литовского. О самôмъ Свидригайлѣ розôйшла ся поголоска, що зôсталъ убитый, бо помежи предметами полонеными спостережено сукню его кровію обагрену. Тымъ успѣхомъ розсмѣлени Поляки именно Яковъ зъ Рогова, Яковъ Лигоша, Павло Зборжаньскій, Генрикъ Пакославскій, Станиславъ Сѣрадскій и Яковъ Коморовскій завязали схватку съ Татарами, которіи запевно ôтосланы были ôтъ Свидригайла на звѣды, пустили-сь неосторожно за ними нѣбы утѣкаючими, глубоко въ край, зôстали однакожь ôтъ Татаръ обскоченû, побитû, пообдиранû и въ такôмъ станѣ на полю лишенû. Лишь одинъ Павло Зборжаньскій осталъ ся живый, — прочіи поумирали на полю. Тымъ часомъ Поляки приступили къ Луцку, спалили останки мѣста, розложили-сь таборомъ въ прекраснôй долинѣ недалеко ôтъ деревяного латиньского костела св. Креста, взывали Юршу щобы здалъ ся, а коли

упертый Юрша отвѣтилъ, що не мыслитъ о здачи и обороняти ся буде, осадили дня 4 Серпня Луцкъ отъ всѣхъ сторонъ. Поляки збудовали на Стырѣ мостъ и тымъ способомъ обезпечили собѣ легкій переходъ зъ Луцка до прочого Волыня черезъ Стыръ. Туда прибыли галицкіи и мазовецкіи полки подъ начальствомъ руского старосты Іоана Менжика зъ Дубровы и Конрада Мазовецкого, и соединили ся съ войскомъ королевскимъ подъ Луцкомъ. Дня 7 Серпня довѣдали-сь Поляки, що Свидригайло жіе, що сила его несокрушена и що онъ укрѣпивши ся у Степаня новыми прибышами, до отсѣчи Луцка приготовляе ся. Еще Русины приданй Свидригайлу, якъ мы уже сказали, противстояли польскому войску въ Кремянци, еще замокъ Олесько находилъ ся въ рукахъ Свидригайлового приверженця, до того взмутили-сь еще земляне землѣ Белзкои и спалили Бускъ, а залога въ Ратнѣ, сложена зъ самыхъ Русиновъ[78]) спроневѣривши-сь королю и соединивши-сь съ жителями того города, также Русинами въ время отсутствія своего начальника Грицка Кордеевича, который якимъ то полкомъ подъ Луцкомъ въ войску королевскомъ доводилъ, передала замокъ якому-то еще стоявшому ту отдѣлу Свидригайла. Тымъ успѣхомъ ободренй Русины впали оттакъ въ землю холмскую, начали ю пустошити, передаючи огню села и дворища. Не встрѣтивши жадного супротивленя, бродили они безпечно межи дымячими ся дворищами и селами; колиже Бургграфъ холмскій Ціолокъ несподѣвано на неостереженныхъ напалъ, поразилъ ихъ на голову, 300 убилъ, 40 ималъ а прочихъ розогналъ. Тымъ способомъ земля холмская частію оцѣлѣла отъ опустошеня, но Ратненьскій замокъ уже не достал ся больше въ королевскіи руки. Приверженцѣ Свидригайловіи передали его огню и такъ уничтожили одную зъ важнѣйшихъ позицій королевскихъ войскъ надъ Припетію. Менжикъ зъ Дубровы староста рускій и Конрадъ князь Мазовецкій, на челѣ войскъ своихъ оставили Луцкъ и вторгнули въ землю Белзкую, пустошили селеня тыхъ землянъ, которіи противу королю возстали, збили тыхъ, которіи съ оружіемъ въ руцѣ имъ противу стануди, приступили подъ Олесько и принудили Богдана Рогатыньского до обѣтницѣ, що здасть Олесько, если паде Луцкъ, а оттакъ отойшли не запускаючи ся въ дальшу осаду. Въ продолженю осады Луцка при конци мѣсяця Серпня отойшли зъ табора подъ Луцкомъ въ октаву по успеню Пр. Богородицѣ польскіи вельможѣ Петро Шафранець подкоморникъ, Петро Медзиньскій, Дерславъ Влостовскій и Русинъ въ службѣ Поляковъ, Грицко Кердеевичь, и на челѣ 2.000 избра-

---

[78]) Długosz L. XI. p. 588. „castrum regale Ratheno, quod Hriczko Kerdejowicz, cum rege in exercitu personaliter agens a propriis et domesticis (erant enim fere omnes R u t h e n i) hostibus proditum et exustum.“

ныхъ воинôвъ двигнули-сь противу Каменца и въ поближію села Тиваня (мае се быти село Иванье коло нынѣшного Дубна) [79]), на якôй-то рѣчнôй выспѣ засадили-сь. Знать Поляки умышленно кинули ся на тую позицію, которая своимъ положеньемъ а може еще якимъ инымъ свойствомъ способною была скрыти значительное число ихъ и обманути Русинôвъ. Воеводы рускіи Василій и Балабанъ розполагали, якъ мы о тôмъ уже высше сказали, въ тыхъ сторонахъ Волоскими приспѣвшими Свидригайлу на помôчь и рускими полками. Открывши выспу Поляками осажену, думали они, що то фуражеры, которіи звычайно въ маломъ числѣ зъ табору выходили и за харчемъ для вôйска и коней ту и тамъ шатали ся. — Ранною зарею ударили Василій и Балабанъ на челѣ Русинôвъ и Волохôвъ на засѣкшій ся отрядъ реченого польского войска а понеже мнили, що число Поляковъ не великое, пренебрегали и доброю позиціею, котору займали Поляки и забыли наблюдати звычайныхъ при сраженю осторожностей. Нестройнй шики Русинôвъ и Волохôвъ розломили ся о цѣпкіи ряды добре уложеного и приготовленого польского войска. Поляки побѣдили, многихъ побили, натерли шибко на мѣстце, где харчевіи припасы сокрывали ся, полонили много волôвъ и вернули ся назадъ до табору пôдъ Луцкъ.

Тымъ часомъ черезъ мѣсяць Серпень продолжала ся осада Луцка. Поляки стрѣляли зъ пальнои бронѣ, строили махины, метали огонь и стерва на осаженыхъ и пôдсували ся чимъ разъ близше пôдъ замокъ. Упертый Юрша оборонялъ ся мужественно то пальною бронею за помочію пороху, то металъ камѣнье, ранилъ сѣчнымъ оружіемъ и отганялъ осажаючихъ отъ муровъ. Часто не стало ни каменій ни пороху а особенно докучалъ значительно засадѣ рускôй въ Луцку недостатокъ воды. Но и польское войско досвѣдчило много долегливостей. Скваръ соньця, смрôдъ зъ стервины, которая ту нагромадила ся была зъ причины, що конѣ здыхали черезмѣрно, множество мухъ и овадôвъ, недостатокъ здорового харчу для людей докучали польскому войску. Войско изнемогало и нетерпѣлило ся. При такъ затятôмъ упорѣ зъ стороны Русинôвъ и намаганю ся съ стороны Поляковъ поступило престрастье до найвысшои степени. Поляки палили, нищили церкви, обдирали кождого, кто имъ навинулъ ся и навѣть епископа Андрея, пôдписавшого трактатъ Свидригайла съ орденомъ, а теперъ въ таборѣ польскимъ шукаючого прикметы, не ощадили, но до нага ограбили. Русины повѣсили четырехъ Доминиканôвъ, которіи зъ го-

---

[79]) Нарбутъ не знаю на якôй пôдставѣ утверждае, що въ той области коло Иваня Русины заняли мôцну позицію и стерегли съѣстныхъ припасôвъ (магазинôвъ) ту нагромаженыхъ.

года вышедши въ замку были схоронили ся, убивали захваченыхъ въ полонь Поляковъ, якъ загально и кождого, который былъ римского вѣроисповѣданя. Въ таборѣ польскомъ розказовано о забобонныхъ и свирѣпыхъ дѣйствахъ, которыхъ Русины въ замку мали допускати ся [80]). Поляки сказовали, що вся засада руска предала ся чортови. За нарадою жидовъ зарѣзано якого-то молодця польского, выпято его внутренности, посѣкано ихъ и потомъ на кадильници спалено, щобы тымъ городскіи укрѣпленя убезпечити и сдѣлати ихъ незвитяжными. Що дѣяли ся безправности, то никто не заперечитъ, но въ такихъ обстоятельствахъ и фантазія непослѣднюю ролю отгрывае. Люди, уведени пристрастіемъ и фантазіею, представляли взаимнй кривды въ сильнѣйшихъ и огиднѣйшихъ барвахъ, приписовали суперникови всю злобу, добре его не видѣли а злое увеличали. Король якъ на почату войны, такъ и теперь усмирялъ запалъ своихъ. Онъ запретилъ подкопувати муры и припускати ударъ цѣлою арміею на крѣпость, и позволилъ войску лишь отдѣлами сражати ся. Поляки нарѣкали, що король жалуючи Руси, отцѣвства литовскихъ князей, здобывалъ Луцкъ нездобываючи. Сказуютъ, що въ дѣйствахъ военныхъ не было пляну, кождый дѣлалъ що хотѣлъ, що на мѣстце убитыхъ и ранныхъ не вступали свѣжіи воины, которіи якъ звычайно, являючій ся убытокъ въ полкахъ подчасъ сраженя заполняютъ. Неразъ здавало ся, що Юрши не стало ни куль ни пороху, а ту отновляе онъ на другій день борбу и метае на осаджаючихъ стрѣлы зъ пальнои бронѣ якбы градомъ.

Кружили вѣсти, що гденекоторіи вельможѣ вступили въ тайніи сношеня съ Юршою и осаджеными, и що подчасъ розоймовъ достарчали имъ живностей, куль, пороху и иныхъ оборонительныхъ средствъ. Короля посуджано, що ему вѣдома была змова межи гденекоторыми своими панами и Юршою, ба навѣть говорили, що все дѣяло-сь за его волею. Гнѣвъ на короля про его повольность завладѣлъ умами а люди вѣрили тое, що очевидно было лишь догадкою и посудженьемъ. Король нехотѣлъ карати тыхъ, которыхъ о здраду посуджано. Настала распря межи самыми Поляками, однй обвиняли другихъ о здраду, такъ н. пр. Цвѣкла зъ Конина обвинялъ Лаврентого Зарембу, который завозвалъ его на поединокъ и проч.

Больше якъ тіи посудженя, отволѣкали конець борбы и давали отдыхнути осаджаючимъ, частіи довременніи примирія, о которіи просили то Юрша то Свидригайло, нибы въ томъ намѣреню, щобы точити ся могли переговоры межи спорячими сторонами для закончення братнеи войны,

---

80) Długosz: L. XI. p. 589.

котора силы обопôльно изтончала. Такъ уже по первôмъ ударѣ польскихъ войскъ на Луцкъ дня 13 Серпня выпросилъ Юрша у короля тридневый розоймъ, приобѣцюючи, що пôддасть крѣпость, если до того времени не отримае ôтъ Свидригайла помочи, но уже по первôмъ дни призволеного розойму, осмотрѣвши замокъ камѣнями и водою и загативши сдѣланіи диры въ мурахъ, освѣдчилъ, що не мыслитъ сдати ся и въ слѣдуючихъ дняхъ еще съ бôльшимъ ожесточеньемъ обороняль ся. Свидригайло страшилъ Поляковъ, посылаючи имъ прибраного Татарина съ пôдложеными грамотами, въ которыхъ ханъ нибы упоминалъ Ягайла, щобы уступилъ зъ земель рускихъ и нетревожилъ вôйною Свидригайла [81]). Но Поляки ôткрыли пôдступъ, высмѣяли мнимого татарского посла и ôтослали го назадъ. Въ прочемъ много разы Свидригайло черезъ послôвъ своихъ о розоймъ просилъ, то николи ему Ягайло не ôтказалъ.

Пôдчасъ розоймôвъ, которыми кôлькома наворотами борба перерывала ся, дѣлано переговоры, но бôльшою частію безскутечно. Свидригайло объявлялъ, що не заключитъ премирія безъ участія Волоховъ и ордина и тымъ способомъ самъ до тѣсного союза заключеного съ рицарями и Волохами противу Поляковъ призналъ ся. Тое все дѣяло ся еще въ мѣсяци Серпню и на початку Вересня. Зъ стороны Свидригайла дѣйствовали яко послы и ôтпоручники Русины: Олешко, Василій, Григорій Семеновочь и Литовцѣ, зъ которыхъ жерела лишь Гедголда по имени наводятъ; зъ стороны Ягайла сенаторы Сендзивой Остророгъ, воевода Познаньскій и Вавржинецъ Заремба, каштелянъ Сѣрадскій. Очевидно было, що Свидригайло старалъ ся продолжити время, поки не приспѣе глухая осѣнь и не люнутъ дощѣ, и поки не вооружатъ ся рицарѣ и Волохи, бы напали Поляковъ въ власнôмъ ихъ дому, будучи певный, що Поляки въ такôмъ случаю оставлятъ Луцкъ и до дому розôйдутъ ся.

На просьбу Свидригайла пôслану зъ села Степаня, где якъ знаемъ, князь той въ время осады Луцка пребывалъ, ôтписалъ великій майстеръ Русдорфъ, що готовъ есть впасти съ цѣлою уже приспособленою силою до Польщи, надѣючи ся, що Поляки тогды конечно ôтступятъ ôтъ Луцка и потягнутъ до польскихъ краѣвъ. Великій майстеръ перестерѣгалъ Свидригайла, щобы не заключалъ безъ вѣдомости и участія закона жадного мира, но щобы поступалъ за уступаючимъ войскомъ польскимъ крокъ въ крокъ и вредилъ ему скôлько лишь возможно [82]). Объявленье вôйны слѣ-

---

[81]) Dlugosz L. XI. p. 587.

[82]) Narbutt T. VII. Свидригайла листъ „inter octavas St. Pauli" т. е. межи 29 Червня и 6 Липця. Отвѣтъ майстра Свидригайлу „Sontag nach Laurenti 1431."

довало не долго по упоминательнôмъ письмѣ до Свидригайла. Майстеръ объявилъ вôйну королеви письмомъ зъ дня 17 Серпня, якъ выражае ся по причинѣ, понеже король огромнымъ войскомъ наѣхалъ краи великого князя литовского и руского Свидригайла, который съ всѣми своими краями и народами въ дружбѣ и вѣчнôй прiязни съ закономъ и съ всѣми его краями и людьми пребывае и понеже межи ними т. е. королемъ Ягайломъ и великимъ княземъ Свидригайломъ до тревалого и совершенного мира николи прiйти не може. Въ настоячôмъ письмѣ приводилъ майстеръ нѣмецкого ордина королю въ память, що Польща уже давнѣйше побужала Витольда а потôмъ Свидригайла противу ордину и що король такъ якъ и его пôдданй уже ôтъ давна ординъ зъ всѣхъ его землей и посѣдлостей вытиснути намѣрили — и ôткликовалъ ся для потверженя тыхъ слôвъ своихъ на изъявленя устнiи еще небôщика Витольда и на свѣдоцтва жiючого Свидригайла [83]).

Король ôтдалъ былъ начальство Семовиту, князю мазовецкому, но еще пребывалъ въ таборѣ пôдъ Луцкомъ, коли рицарѣ нѣмецкого ордина нашли на Польщу и строго ю опустошали. Надъ Куявами и землею Добриньскою свѣтила луна по ночахъ, а въ дни чорнѣли-сь клубы дымôвъ, по пожарищахъ и лѣсахъ блукали ся люди, а скотина шатала ся самопасъ. Зъ ôтчаяня хапали селяне за оружiе, громадили-сь и устрояли-сь въ шайки и обороняли край зъ нужды, якъ могли. Тымъ часомъ продолжали войска польскiи осаду Луцка съ мечемъ въ руцѣ. Майже въ тое время князь Александеръ на челѣ своихъ Молдавянъ вторгнулъ въ землю подôльскую и рускую, которiи, якъ знаемъ, были пôдъ властiю польскои короны, пустошилъ области Галицкую, Снятыньскую и Каменецкую, плѣнилъ людей, забиралъ имѣнье и напакостивши-сь до волѣ, розложилъ ся съ богатымъ полономъ где-то на Подôлю на лѣвôмъ березѣ Днѣстра по селахъ и поляхъ съ своими войсками. Противу Волохôвъ ôтпоручено зъ пôдъ Луцка братей Михаила и Теодора Бучацкихъ. Тiи соединивши-сь съ шляхтичами рускими и подôльскими (бо замѣтити належитъ, що въ тiи времена хлопъ исключно оброблялъ рôлю а паны владѣли оружiемъ и обороняли край), сближили-сь тишкомъ до Молдавянъ, вдарили на нихъ ненадѣйно, розбили ихъ, ôтобрали полонъ, преслѣдовали утѣкаючихъ съ мечемъ въ руцѣ и одныхъ имали а другихъ побили. Александеръ спасъ ся съ великимъ трудомъ за Днѣстеръ до Молдавiи и не долго по тôмъ нещастнôмъ походѣ на Галицкую и Подôльскую Русь заскочила его смерть. Около того времени станулъ 2—8 Вересня року 1431 тымчасовый миръ

---

83) Narbutta dzieje narodu litewskiego T. VII. Dokument umieszczony w dodatku III.

межи Поляками и Свидригайломъ. Войско королевское зôстало розпущеное, Куявляне и Добриняне повернувши зъ пôдъ Луцка до дому, застали въ мѣсто городôвъ и селъ своихъ лише попелъ и пожарище, имѣнье ихъ розхищеное, а земля кровію обагрена.

Русины и по заключеню мира нелишили-сь престрастного запалу. Они убивали Поляковъ позôставшихъ ся случайно коло Луцка и розоряли лат. костелы луцкои діецезіи. Оже якъ въ Польщи такъ и на Руси, области вширъ и вздолжь приняли печальное пятно и представляли образъ крайнои нужды и изтонченя.

Тымчасове премиріе, которое пôдъ Луцкомъ Свидригайло заключилъ былъ, должно было тревати до св. Іоана крестителя. Постановлено, щобы на свято Громницъ т. е. день Рождества Пр. Богородицѣ слѣдуючого р. 1432 съѣхали ся 12 польскихъ, 12 рускихъ и литовскихъ пановъ, щобы залагодили всѣ споры и межи обома народами вѣчный миръ и соединенье возстановили [84]). Король обѣцялъ въ той самъ часъ приѣхати до Парчова, а Свидригайло обовязалъ ся приѣхати до Берестя, щобы ся зъ близка нарадамъ придивляти. Тымъ часомъ позôставала кождая сторона при своихъ теперѣшнихъ посѣданяхъ. Именно позôставленй были королю городы: Каменецъ, Смотричь, Скала, Червоногородъ съ приналежностями Каменецкими Голзудаевымъ и Илхушовомъ, такожь всѣ села и области, которіи до сихъ поръ зôставали въ дѣйствительнôмъ посѣданю короля польского. При Свидригайлѣ мали зôставати замки и городы Бряцлавъ, Соколецъ, Звинигородъ, Качубей (нынѣшна Одесса), Дашковъ, Латичевъ и всѣ прочіи необороннія городы, села и дворища, которыми до сихъ поръ володѣлъ съ всѣми ихъ приналежностями и ужитками. Земля Бакота находила ся знать частію въ рукахъ Свидригайла, частію въ рукахъ Владислава-Ягайла, короля польского. Такожь що до тои землѣ затвержено кождôй сторонѣ тое, що собѣ приобрѣла, и приказано людямъ, щобы должности и службы исполняли тôй сторонѣ, въ которои рукахъ въ настоячôмъ часѣ ихъ земля находитъ ся. Обѣ стороны обовязали ся замокъ Бакоту ни займати, ни исправляти, ни ôтбудовувати. Споминаютъ ся такожь якіи то давніи свободы и права, въ ужиткованю которыхъ реченая земля до кôньця теперѣшного премирія была позôставлена. Зъ тыхъ намековъ слѣдуе, що настоячая вôйна и на Подôлье розтягала ся.

Бакота видитъ ся была поприщемъ якихъ то военныхъ дѣйствъ межи Литвою и Польщею. Ходило ту жителямъ Бакоты о якіи-то давніи

[84]) Przemierze rozejmowe. Narbutta dzieje narodu litewskiego T. VII. Dodatek IV.

права и свободы, которіи уступити мали новымъ установамъ, про то вôйна на Подôлю знать была вôйною домовою, межиусобицею, ба навєтъ прибирала видъ соціяльнои вôйны. Въ настоячôмъ документѣ, зъ которого мы помянутіи условія мира навели, предполагае ся можливôсть взаимныхъ нападôвъ, опустошеній, заборôвъ, злодѣйствъ и проч., пôдданыхъ короля польского на краѣ великого князя литовского безъ волѣ и вѣдомости дотычныхъ князей владѣтелей. Въ настоячôмъ премирію условлено, щобы будучій конгресъ литовско-рускихъ и польскихъ панôвъ межи Польщею и Литвою естество спору о Подôлье изслѣдилъ, кому оно зъ перва дôстало-сь чи Польщи чи Литвѣ и пôдля справедливости призналъ той плодородный край тому, кому ôнъ правно принадлежитъ. Навѣтъ Волоща т. е. Молдавія и оба ордины инфлянтскій и нѣмецкій, яко союзники Свидригайла, включені были въ условія, а залагодженье спорôвъ, срôвнанье недогодностей и несправедливостей межи Польщею и Молдавією и выжь речеными ординами предъоставлено собрати ся маючему конгресу въ Ломазахъ. Два мужѣ ôтъ стороны Польщи, Николай Закревскій, а ôтъ стороны Литвы Чаганъ Русинъ, выслані были ôтъ воюючихъ сторонъ до Прусъ въ тôй цѣли, щобы увѣдомили великого майстра нѣмецкого ордина о премирію межи Литвою и Польщею, до которого и рицарѣ нѣмецкого ордина по выразьному желаню великого князя литовского Свидригайла были включені. Посольство предложило, щобы рицарѣ вступили-сь зъ Польщи и укôньчили опустошительні и нечеловѣческіи дѣйства. Свидригайло прирѣкъ Ягайлу, що Татаръ, которіи знать ведля отриманыхъ извѣстій Свидригайлу ишли на помôчь, не употребитъ противу Польщи и не нашле ихъ на области и краи королю пôдвластні, оже що ôтъ тои стороны не утерпитъ ни Польща, ни польска Русь жадного вреда, ажь поки настоячое премиріе безъ скутку не укôнчилобы ся. Натомѣсть залагоджені зôстали еще гдекоторіи поменьшіи справы. Непосѣдаемъ полного тексту дотычныхъ грамотъ, маемъ ихъ лише въ извлеченю. Одною зъ тыхъ грамотъ обовязали-сь велико-княжескіи достойники Литвы, плѣнені въ самôмъ началѣ вôйны пôдъ Луцкомъ, а теперь на свободу пущені, що на означеный реченець самі до Кракова ставити ся будутъ. Другою грамотою обовязали-сь князѣ и вельможѣ служившіи Свидригайлу, що представлятъ до Кракова якихъ-то плѣнникôвъ на волю пущеныхъ и що заплатятъ кару два тысячѣ гривенъ, а зверхъ того за кождого плѣнника по сто гривенъ, если зъ даного слова совѣстно невывяжутъ ся[85]). Еще на одное обстоятельство звертаемъ увагу читателя. Свидригайло за-

[85]) Inventarium in archivo regni in arce Cracoviensi p. 381.

ключилъ довременное премиріе подъ Луцкомъ противу воли и безъ вѣдомости ордина. Онъ зналъ подчасъ переговоровъ, кончившихъ ся довременнымъ премиріемъ, що рицарѣ напавши на польскій край грозно го опустошали. Знали о томъ и отпоручники польскіи, условляючіи ся съ послами литовскими. Лишь польское войско незнало по тое время ничь о грабежи нещастныхъ своихъ жилищь. Были отже важніи причины, для которыхъ Поляки уступки Свидригайлу поробили, — но мы незнаемъ, для чого Свидригайло уступилъ Полякамъ и безъ вѣдомости рицарей, и помимо передъостереженя надосланого ему великимъ майстромъ ордина, заключилъ премиріе власне въ тое время, коли внѣшніи отношеня для него ставали-сь способнѣйшими, коли рицарѣ нѣмецкіи и инфлантскіи, якоже и Татары и Волохи вступили-сь за Свидригайла и волости Польщи и польскои Руси загрожали. Може быти, що замокъ Луцкій приведеный былъ войсками Польщи до крайности, а Свидригайлу на утриманю тои важнои позиціи въ сердцю Володимирскои Руси много залежало, но може и тое быти, що Свидригайло заключилъ премиріе нерозважно, слѣдуючи непостоянности своего характеру и легкодушію своему, якъ тое рицарѣ въ познѣйшое время, коли Свидригайло утратилъ былъ велико-княжескій престолъ въ Литвѣ, ему закидали приписуючи ему самому всю вину досвѣдченого упадку. По нашему мнѣнію въ тіи времена въ справахъ тычачихъ ся просторонныхъ земель и многочисленого народа, одинъ князь самовольно нерѣшалъ. Стояли при Свидригайлѣ вельможѣ, бояре, могучіи вліяньемъ княжіи дворяне, дорадчики и пріятелѣ, избравшіи его на великій престолъ литовскій и вспомагали его въ настоячой войнѣ словомъ и дѣломъ. Если ошибае ся поединчій человѣкъ, влеченый престрастьемъ, общество сложеное зъ такихъ мужей, которіи важніи справы заступаютъ, не такъ легко ошибае ся. Прото догадую-сь, що Свидригайло и стоварившившіи ся съ нимъ рускіи князѣ и бояре начали борбу зъ нужды, не зъ своеволія, и що желали мира, а коли Поляки подали отповѣдни и народнои чести неувлекаючіи условія, на тіиже радо пристали. Мы зъ недостатку рускихъ жерелъ не знаемъ докладно всѣхъ подробностей луцкои войны. Може быти, що побѣда, якую отнесли Поляки надъ рускими отрядами около Кримянца, Бакоты(?), Холма и надъ Молдавянами надъ Днѣстромъ, сопсовали справу Свидригайла въ той самъ часъ, коли Татары отъ востока а рицарѣ отъ запада диверзію войскамъ польскимъ стоячимъ подъ Луцкомъ дѣлати начинали.

Якіиж мѣры предпринималъ Ягайло для усмиреня неспокойного духа тыхъ земель, которіи якъ мы видѣли въ настоячои войнѣ тайно и отверто участвовали? Передъ всемъ король негодуючи на Богдана Рогатыньского за его отступленье, отнялъ отъ него Рогатынъ и прочіи многіи села, ко-

торіи тойже правомъ ленництва державъ [86]), и надалъ ôтнятый ему городъ и селеня своему воину и дворянинови Николяю Порава зъ Лубина. Паны рускіи посѣдали городы и села по правѣ леннôмъ, якъ и. пр. давнѣйше князь Острогскій на Волыни а Богданъ Рогатыньскій на Галицкôй Руси. Острогскому, якъ мы знаемъ, не долго по вступленю на тронъ польскій Ягайло потвердилъ его посѣдлости и перемѣнилъ право ленное на право дѣдичное. Ту на Галицкôй Руси ленни добра, обнимаючіи цвѣтучій городъ съ многими селами, перемѣнялъ Ягайло въ дѣдицтва, ôтнималъ ихъ Русинамъ за ôтступленье ôтъ короны и надавалъ Полякамъ.—Чи еще где кого иного укаралъ король подôбнымъ способомъ за его ôтступленье, жерела не сказали. Примѣтити належитъ, що не исполнено было условье, пôдъ которымъ съобовязалъ ся былъ Богданъ Рогатыньскій вручити королю замокъ Олесько. Поляки не здобыли Луцка, протое Богданъ Рогатыньскій затрималъ Олесько пôдъ Свидригайломъ.

Богданъ Рогатыньскій знать около того времени скôнчилъ житье свое. По крайнôй мѣрѣ исторія бôльше о немъ не вспоминае. Ôнъ оставилъ сына Ивана Прислужича Рогатыньского. Молодый Рогатыньскій слѣдуючи ôтцю не спріялъ Польщи а будучи зъ просторонныхъ посѣдлостей исключеный, пребывалъ въ Олеську, где обôймивши начальство надъ залогою по ôтци своемъ, стоялъ вѣрно при Свидригайлѣ и вступалъ ся за его справою. — Еще передъ окôнченьемъ вôйны пôдъ Луцкомъ умеръ намѣстникъ Волыньскій [87]), поставленый надъ тою землею королемъ Ягайломъ, Федушко князь рускій и немаючи дѣтей, записалъ все движимое и недвижимое имѣнье Владиславу-Ягайлу, королю польскому. Король роздалъ сукнѣ, конѣ и прочіи движиміи дорогоцѣнности, такожь и все недвижимое дѣдичное имѣнье умершого князя Федушка межи вôйнôвъ [88]), вынадгорожаючи тымъ способомъ ихъ трудъ и службу въ походѣ на Луцкъ. Не знаемъ, где дѣдичніи посѣдлости князя Федушка лежали, чи внутрь Галицкôй Руси, чи внѣ ей предѣлôвъ на Волыни. На всякій случай рускіи

---

86) Długosz L. XI. p 586. „licet bona notabilia in terra Russiae sub rege pacificus possideret.“ „Vladislaus rex de bonis suis videlicet Rohatyn pluribusque villis aliis Nicolao Porawa de Lubin militi et familiari suo perpetuam fecit donationem.“ Съ тымъ извѣстьемъ у Длугоша не съ всемъ согласуе ся слѣдуюча грамота. Inventarium in archivo regni in arce Cracoviensi p. 254. Vladislaus rex civitatem Rohatyn cum suburbiis et decem villis Nicolao Porawa in ducentis marcis advitae tempora confert. 1433.

87) Długosz L. XI. p. 583. „Oppidum Wladimir cum suo districtu, Vladislaus rex duci Feduschkoni, nepoti quidem sui germano, sed schismatico ritus Ruthenorum donat et inscribit.“

88) Długosz ad a. 1431.

дѣдичніи области князя Федушка розчасткованй, достали-сь польскимъ воинамъ, и руская земля приобрѣла кôлька бôльшихъ, польскôй народности принадлежачихъ дѣдичѣвъ.

Надôйшло свято Громничнои Матки Божои р. 1432. Приѣхалъ король съ панами польскими до Люблина, а ôттакъ до Парчова, Свидригайло же съ рускими и литовскими панами прибылъ до Берестя. Однакожь не прійшло до укладôвъ. Поляки не хотѣли припустити рицарей нѣмецкого ордина до переговорôвъ и желали, щобы съѣздъ ôтбывалъ ся не въ Пôлубичахъ якъ было условлено, но въ Парчовѣ. Въ присланôмъ листѣ безпеченьства (глейтѣ) ôтмовили Свидригайлу польскіи паны титулу великого князя литовского и руского, и назвали его впростъ княземъ. Мы пригадуемъ, що въ выжь наведенôй пôдъ Луцкомъ составленôй премирительнôй грамотѣ Поляки Свидригайлу титулъ великого князя литовского и руского безъ всякихъ перепонъ признали и до всѣхъ настоячихъ требованій Свидригайла съобовязали ся.

Поляки припускаючи Литву въ союзѣ съ рицарями до укладôвъ съ Польщею, былибы дѣлали впростъ уставамъ уніи городельскои, которою узаконено, щобы Польща съ Литвою на внѣ дѣйствовали въ соединеню и выступали напротивъ чужимъ державамъ якъбы одная держава, слѣдуючи однôй политицѣ и маючи тыхъ самыхъ пріятелей и непріятелей. Свидригайло вступилъ въ тѣсный союзъ съ ординомъ. Ôнъ и въ тôмъ союзѣ желалъ укладати-сь съ Польщею, рицарѣ же остатнимъ нападомъ на польскіи краи нарушили миръ, заключеный пореднѣйшими лѣтами межи ординомъ и Польщею и стали-сь отвертыми непріятелями Польщи. Свидригайло дѣйствовалъ непрестанно по внушеню ôтпоручникôвъ ордина, командорôвъ и бѣглыхъ нѣмецкихъ дипліоматôвъ, непріязныхъ уніи Литвы съ Польщею. Поляки жадали ôтъ Свидригайла, щобы на самъ передъ уложилъ ся съ Польщею, а потôмъ вразъ съ Польщею укладалъ ся съ ординомъ. Свидригайло напередъ уложивши-сь съ ординомъ желалъ укладати-сь съ Польщею. При такихъ обстоятельствахъ Поляки зъ своего становища въ уклады съ Свидригайломъ входити не хотѣли. Еще два разы старано ся за помочію съѣздôвъ (разъ въ Луцку) мирнымъ способомъ розрѣшити предметы спора и Русь и Литву до Польщи приближити, и тое еще передъ св. Іоаномъ р. 1432, оже передъ кôнцемъ времени заключеного премирія. Однакожь надармо. Свидригайло всегда объявлялъ, що безъ рицарей и Молдавянъ укладати ся не може, а Поляки тое условье ôтвергали. Наконець продолжено еще для намѣреныхъ укладôвъ довременное премиріе на неозначеное время.

Свидригайло владѣлъ Литвою, Волынемъ и одною частію Подôля и намѣрялъ присовокупити до своеи державы западное Подôлье, которое

по смерти Витольда Поляки ôтъ Литвы были ôторвали. Свидригайло слѣдовалъ частію политицѣ, котору въ остатнихъ временахъ у Витольда спостерѣгаемъ. Ôнъ хотѣлъ занимати самостоятельное становище обôчь Польщи, для того убѣгалъ ся у нѣмецкого цѣсаря о достоинство короля и о корону. На внѣ вязалъ ся ôнъ съ Молдавією и нѣмецкимъординомъ, вôйшолъ въ тѣсніи сношеня съ нѣмецкимъ цѣсаремъ, и намѣрялъ заключити союзъ всѣхъ западныхъ пограничныхъ державъ противу Польщи. Въ тôмъ ôтношеню пôйшолъ Свидригайло дальше, якъ Витольдъ былъ намѣрилъ. Витольдъ при всемъ сближеню ся до рицарей затрималъ на супротивъ нимъ свою самостоятельность, Свидригайло же пôддалъ ся безвзглядно внушеню нѣмецкихъ рицарей. Витольдъ слухалъ цѣсаря, но не хотѣлъ безвзглядного розрыву съ Польщею, Свидригайло же вязалъ ся съ рѣшительными ворогами Польщи. Современно продолжала ся гусситска вôйна. Одна сторона польскихъ магнатôвъ вспирала Гусситôвъ, а навѣтъ польское правительство съ исключеньемъ духовныхъ спріяла Гусситамъ о стôлько, о скôлько головный противникъ Гусситôвъ, цѣсарь нѣмецкій, былъ противникомъ Польщи. Унія Литвы съ Польщею причиняла ся до возвеличеня могучества державы польскои. Цѣсарь нѣмецкій Сигисмунтъ былъ противникомъ тои уніи. Ôнъ намавлялъ Витольда, щобы розôрвалъ унію и въ тôмъ намѣреню сносилъ ся теперь съ Свидригайломъ. Свидригайло оже въ союзѣ съ ординомъ и въ пріязни съ цѣсаремъ былъ противникомъ Гусситôвъ, которымъ одна часть польского правительства спріяла.

Гусситы грозили нападомъ союзникамъ и другамъ нѣмецкого цѣсаря. Свидригайло же грозилъ Польщи вôйною, если нападутъ Гусситы на край нѣмецкихъ ординôвъ зъ причины, що о вспомаганю Гусситôвъ черезъ Польщу не осомнѣвалъ ся. До того степени приспѣлъ политичный роздоръ межи Польщею и Литвою, що предстояла вôйна. Свидригайло, рицарѣ и цѣсарь нѣмецкій сносили-сь посольствами. Якое участье брала южная Русь въ тыхъ оборотахъ и що дѣяло ся на Волыню, жерела не упоминаютъ. На Подôлю наблюдалъ Теодоръ, сынъ (або братъ?) Сигисмунта Корыбута, интересу Свидригайла, не взираючи на то, що отецъ (або братъ?) его Сигисмунтъ стоялъ на челѣ гусситского движеня. Молдавянами управлялъ по смерти Александра воевода Илія, вытиснувши Стефана, молодшого брата своего. Илія входилъ въ сношеня съ рицарями, занялъ сперва непріязное къ Польщи становище и скланялъ ся до вôйны съ Польщею. Поляки устроили три колюмны войска противу Волощи для забезпеченя своихъ границь. Теодоръ Корыбутовичь, владѣючій якимъ-то городомъ Каменцемъ (запевно другимъ) спостерѣгъ тое и донѣсъ о тыхъ оборотахъ польского войска своему князю Свидригайлу [89]).

[89]) Narbutt T. VII. str. 81. List W. księcia do wielkiego mistrza

Въ прочемъ зъ переговоровъ веденыхъ межи рицарями и цѣсаремъ зъ однои, а Свидригайломъ зъ другои стороны, дослѣдити можно, що рицарѣ и цѣсарь не съ всемъ на Свидригайла полагали и самй безъ него съ Польщею укладали-сь; Сигисмунтъ пôддержовалъ часто лишъ посольствами политику Свидригайла [90]).

Свидригайло жилъ въ порозумлѣню съ Татарами и съ Москвою. По смерти Едиги наслѣдилъ въ Кримѣ якій-то Тегинъ Мурза. Свидригайло вспомагалъ того Татарина противу якому-то царику степовыхъ Татаръ. Побѣдивши его завязалъ тѣснiи ôтношеня съ кримскими Татарами, которiи ему помôчь въ всякôй потребѣ приобѣцяли. Въ киптшакскôй ордѣ володѣлъ Магмудъ.

И съ великимъ княземъ московскимъ Василiемъ сносилъ ся Свидригайло посольствами и письмами. Василiй обѣцялъ ему помочи въ случаю потребы, поддерживалъ его стремлѣнье, но попреставалъ звычайно на обѣтницяхъ, которiи не осуществили-сь зъ причины, понеже справы тiи не тыкали-сь безпосередно его паньства и ôнъ самъ еще совершенно внутрь своеи державы необезпечилъ ся.

Житетѣ Новгорода и Пскова повиновали ся въ тôмъ времени Свидригайлу. Новгородъ принималъ ôтъ Литвы намѣстника. Псковяне и Новгородцѣ видитъ ся вспомагали Свидригайла грôшми въ его пôдвигахъ. Сей В. князь завязалъ торговельнiи сношеня съ ординомъ и силезскими князями, ôтворялъ для чужихъ купцѣвъ всѣ входы и выходы, на его дворѣ являли-сь посторонни̂ князѣ, епископы и вельможѣ сусѣднихъ державъ, и убѣгали ся о его прiязнь и взгляды. Жерело сказуе, що черезъ цѣлый часъ теперѣшного панованя своего Свидригайло спрiялъ Русинамъ т. е. ôнъ роздавалъ имъ найважнѣйшiи уряды и достоинства въ Литвѣ [91]). Пôднесеный Русинами на великокняжескiй престолъ Литвы, вспираный ôтъ нихъ въ всѣхъ своихъ намѣреняхъ стремлячихъ до роздѣленя ôтъ Литвы, окруженый людьми того народа и побудженый его священиками, вспиралъ ôнъ передъ всемъ вѣроисповѣданье руское и то знать съ оскорбленьемъ вѣроисповѣданя латиньского. Сказуютъ, що до такого поступованя на-

---

[90]) Narbutt T. VII. str. 102.

[91]) Stryjkowski: „Swidrigajło Russakom i Moskwie więcej życzył i urzędy im rozdawał.“ Narbutt T. VII. str. 110. list szpiega Hans Balg drukowany w Kotzebue Geschichte Preussens: „że Swidrigejło sam zasłużył poniekąd na to, gdyż dla miłości żony i Rusinów wiarę katolicką poniżał, a ruskiemu wyznaniu począł więcej sprzyjać, gnębił Litwinów, Rusinów zaś bogacił.“ Stryjkowski: „Z namowy żony swojej ruskiej księżny Twerenskiej.“

клоняла его пôдъ часъ теперѣшного правленя его власная жена, донька князя Тверского, пôдвладного великому князю Московскому [92]).

Подôбно Витольду загадалъ былъ Свидригайло для литовскои Руси утворити осôбную митрополію. По смерти митрополита кіевско-московского Фотія ôтправилъ Свидригайло своего любимця, Смоленьского епископа Гарасима въ Царгородъ до патріарха, щобы посвятилъ его на митрополита. Гарасимъ посвященый былъ на митрополита литовского року 1433 въ той самъ часъ, коли для московскои Руси именованый былъ митрополитомъ Іона. Гарасимъ повернувши зъ Царгорода не засталъ уже Свидригайла на литовскôмъ престолѣ [93]).

Поляки здѣлали плянъ на изгнанье Свидригайла, который своимъ поступованьемъ много собѣ наробилъ непріятелей. Поднесеньемъ руского елемента и очевиднымъ розрывомъ уніи Польщи съ Литвою, вооружилъ ôнъ противъ себе многихъ вельможъ литовского произхоженя, латиньское духовеньство и уніонистôвъ. Передъ всемъ латиньское духовеньство бояло-сь, щобы вѣроисповѣданье восточное сѣмени католицизму, верженого въ литовскую ниву и еще добре не вкорѣненого не придавило. Промышляно о средствахъ, якъбы запобѣчи розрыву уніи и перешкодити пригнѣтенье литовского елемента и католицизму. Поляки дуже вчасно ôтнесли-сь въ тôмъ взглядѣ до Риму. Уже 18 Марта 1432 призволилъ папа [94]) королю польскому половину зъ десятинъ церковныхъ для якои-то предстоячои вôйны съ Татарами и шизматиками т. е. для предстоячои вôйны съ Свидригайломъ, которого православніи Русины вспирали и Татары вспомагали. Въ время изготовленя тои папскои булѣ не было жаднои инои вôйны и непредстояла жадная ина вôйна съ шизматиками, кромѣ съ Свидригайломъ и его приверженцями. Жерело [95]) сказуе, що король Ягайло повернувши зъ Вильна по вступленю Свидригайла на престолъ литовскій „пôслалъ послôвъ своихъ до ôтця папежа, абы присягу зъ панôвъ литовскихъ сложилъ, и послы были у папежа, а потôмъ прійшли съ розрѣшеньемъ папежскимъ до короля и до панôвъ литовскихъ, и скоро послы прійшли и князѣ и панове литовскіи съ помочію короля Ягайла взяли собѣ господаремъ великого князя Сигисмунта мѣсяця Септембрія первого дня року 1432.“

---

[92]) Długosz: „animos Ruthenorum habens tum ex largitionibus, tum ex favore ritus eorum impenso conciliatos et obstrictos.“

[93]) Историческій сборникъ Т. III. стор. 46.

[94]) Theineri T. II. p. 40.

[95]) Bychowca rękopism (chronika) str. 46.

Девятого Августа 1432 съѣхалъ король до Вислицѣ, принималъ ту епископа краков́ского, Збигнѣва Олесьницкого, и выслалъ Вавржинця Зарембу, каштеляна Сѣрадского до Литвы. Вавржинецъ малъ два припорученя; одное явное, бы предложилъ еще одинъ съѣздъ въ Берестю для взаимного порозумлѣня ся, — другое тайное, бы зволновалъ народ̂ъ литовскій противу Свидригайлу [96]).

Заремба вывязалъ ся добре зъ своего другого припорученя. За его побуженьемъ приспѣлъ до Литвы Сигисмунтъ, молодшій братъ неб̂щика Витольда, надѣленый Стародубомъ въ Сѣверщинѣ. Литовскіи вельможѣ припали заразъ къ нему. Сигисмунтъ п̂дступилъ п̂дъ Ошмяну, где Свидригайло съ своею бременною женою и дворомъ находилъ ся. Тутъ захватилъ жену и дв̂ръ, Свидригайло же предостереженый еще завчасно черезъ своего дворянина Ивашка Монвидовича, ледва успѣлъ убѣгнути. Въ слѣдъ за тымъ обнялъ Сигисмунтъ правленье въ Литвѣ 1. Септембрія р. 1432. 8 Септембрія пребывалъ король въ Судомирѣ и отрималъ вѣсть о усовершен̂мъ изгнаню Свидригайла зъ литовского престола. Все случило-сь въ 28 дней, зъ чего заключаютъ [97]), що приготовленьемъ умысл̂въ въ Литвѣ трудилъ ся ктось-другій еще передъ Зарембою по припорученю Збигнѣва Олесьницкого, и що Заремба ôтправленый былъ до Литвы т̂лько для ук̂нченя дѣйства уже давно кимъ инымъ приготованого.

Скоро по изгнаню Свидригайла явило ся въ Литвѣ посольство зъ Польщи, на челѣ которого стоялъ Збигнѣвъ Олесьницкій, обнародовило папежскую булю, освободжаючу великое княжество ôтъ присяги сдѣланои Свидригайлови и приказуючу присягнути Сигисмунту [98]), по чемъ наступила торжественная интронизація Сигисмунта черезъ епископа Збигнѣва Олесьницкого.

Сигисмунтъ [99]) торжественными записами обовязалъ ся до слѣдуючихъ условій: 1) Не старати-сь о корону литовскую и тую ôтъ никого непринимати, зречи ся всѣхъ сношеній съ рицарями и всѣми иными непріятелями Польщи. Все то вѣрно исполнялъ Сигисмунтъ, вручивши Полякамъ всю тайну кореспонденцію Свидригайла, попавшую ся въ его руки. 2)Узнати короля яко найвысшого князя и пана своего (supremum ducem) и Литву яко лено польскои короны наданое ему (Сигисмунту) зъ ласки

---

96) Dlugosz L. XI. p. 611.

97) Зубр. криг. повѣсть о Червон̂й Руси ст. 298.

98) Narbutt T. VII. str. 117.

99) О Сигисмунтѣ говоритъ Зубрицкій въ критичн̂й повѣсти о Ч. Р. „Онъ не участвовалъ въ в̂йнахъ Витольда, не посѣщалъ его двора, не свидалъ ся съ Ягайломъ, провождая жизнь совершенно праздную и ничтожную.“

доживотно, которое по смерти его снова до польскои короны повернути должно. Въ слѣдъ тому зрѣкъ ся Михаилъ, сынъ Сигисмунта, про себе всѣхъ притязаній до Литвы, на случай смерти ôтця своего. Дѣдичное ôтцѣвство Кейстутовичей Троки застережено ему. 3) Подôлье находячое ся въ рукахъ Польщи, призналъ яко власнôсть короны, до которой ни ôнъ самъ ни его наслѣдники, ни жителѣ великого княжества литовского пôдъ якимъ нибудь предлогомъ и якимъ нибудь способомъ не будутъ и не могутъ мати претенсіи. Тымъ способомъ мала Литва лишь въ посѣданю однои части Подôля и то восточнои, позôстати. 4) Волынь т. е. всю Володимирскую и Волыньскую землю призналъ Сигисмунтъ рôвнымъ способомъ яко власнôсть короны и застерѣгъ собѣ лишь доживотное тыхъ земель ужиткованье. Прото условлено, бы начальники Волыньскихъ городôвъ присягою съобовязали ся, що по смерти Сигисмунта городы и замки управленіи ними ôтдадутъ королю польскому и коронѣ. 5) Городы: Ратно, Велтлинъ, Лопатынъ, Олесько и Городло съ всѣми принадлежачими до тыхъ земель областями и селами признанй на вѣчнй часы коронѣ. Ратно лежало въ холмскôй области, Лопатынъ въ Белзкôй, Городло съ областію на лѣвôмъ березѣ Буга, Олесько на жерелахъ Стыра. Городы тіи належали до сихъ поръ до Волыня и придерживили ся князя Свидригайла. Тіи городы ôтступлєнй были Польщи еще трансакціею зъ р. 1366 и може быти, що на пôдставѣ тои трансакціи Польща о нихъ упоминала ся.— Свидригайло удалъ ся зъ Литвы на Русь. Жерела говорятъ: „и вдячно принятый былъ ôтъ всѣхъ Русинôвъ и Кіевляне Русины за князя его приняли“[100]). „Князь великій Свидригайло побѣгъ къ Полоцку и къ Смоленьску и князѣ рускіи и бояре посадили князя Свидригайла на великое княженье руское“ [1]).

Ôтъ теперь подѣлила ся Литва и Русь на два таборы. Слѣдовала великая распря; однй князѣ и вельможѣ стояли при Сигисмунтѣ, другіи при Свидригайлѣ. Родина Ольшаньскихъ и Лангвеновичей и подôбно многіи иніи родины литовскіи роздирали ся на два сторонництва, такъ н. пр. Симеонъ Семеновичь Лангвеній, Симеонъ Ольшаньскій, братъ рôдный княгинѣ Юліанны Витольдовои [2]) и вѣроятно Михаилъ Ивановичь Ольшаньскій, старый военникъ пребываючій въ Борысовѣ, и Александеръ Володимировичь Кіевскій станули на сторонѣ Сигисмунта. Юрій Лангвеновичь

---

[100]) Stryjkowski: „wdzięcznie przyjęty od wszystkich Russaków, Kijowlanie Rusacy za księcia go przyjęli.“

[1]) Bychowca rękopism (chronika) str. 46.

[2]) Narbutt T. VII. str. 105.

прибывшій знять съ помочію зъ Новгорода великого [3]), Данило Семеновичь Ольшаньскій, Ярославъ Лангвеновичь [4]), Иванъ Володимировичь Кіевскій стояли за Свидригайломъ; такожь Теодоръ Корыбутовичь, позѣйше Сигисмунтъ Корыбутовичь и иніи.

Вельможѣ литовского рода подобно своимъ князямъ освѣдчили-сь за Сигисмунтомъ або вытримовали при Свидригайлу, такъ н. пр. Петрышко Монгердовичь, Гаштольдъ староста Виленьскій, вспирали изгнанье Свидригайла. Довгердъ (Дедиголдовичь), Юшко Гольцевичь, Ромболдъ маршалокъ литовскій [5]), Монвидъ воевода Виленьскій [6]) жертвовали житье свое за Свидригайла.

Мы сказали, що подъ Ошмяною Свидригайло попалъ бы ся былъ въ полонь, еслибы его непрестерѣгъ былъ Литовецъ Ивашко Монивидовичь и не открылъ замахъ Сигисмунта [7]). Той самъ Ивашко Монивидовичь дѣйствуе познѣйше яко посолъ Свидригайла [8]). — Многіи князѣ рускіи тримали ся якъ одинъ мужь при Свидригайлѣ, именно: Митко Жебровецкій, Василій Красный [9]), Иванъ Вяжевичь, Михаилъ Львовичь Вяземскій, князь Михаилъ Балабанъ и князь Алексардеръ Носъ, князь Теодоръ Острогскій мужь вытрвалого и ничимъ не сокрушеного духа (vir magni ac acri ingenii) надзвычайно отважный, опитный въ искуствѣ военномъ, воджь промысльный и великои воинственнои славы.

Свидригайло натиралъ на князей Мазовецкихъ, щобы отступили отъ короля и къ нему прилучили-сь. Того мазовецкіи князѣ неучинили. Однакожь обивателѣ мазовецкіи объявляли охоту служити Свидригайлу именно: якій-то панъ Струмѣло, который посѣдалъ простороннія добра въ Мазовшу на граници литовской [10]), прирѣкъ Свидригайлу помочь, такожь шамбе-

---

3) Bychowca rękopism (chronika) str. 47. „а князей рускихъ много поймали и много побили, князя Юрія Лангвеновича и проч.

4) Bychowca rękopism (chronika) str. 47 „по перве убили майстра инфлянтского и маршалка и многихъ контуровъ его и братанича Свидригайлова Сигисмунта Корыбутовича и князя Ярослава Лангвеновича, и князя Михаила Балабана и князя Данила Семеновича Ольшаньского, и князей Львовича Вяземского и иныхъ князей и бояръ.“ — „да два въ головахъ зъимали князя Ивана Володимировича Кіевского и брата его Теодора Корыбутовича.“

5) Bychowca rękopism (chronika) str. 46 i Narbutt T. VII. str. 128.

6) Narbutt T. VII. str. 128.

7) Długosz L. XI. p. 611.

8) Narbutt T. VII. str. 39.

9) Bychowca rękopism (chronika) str. 46.

10) Narbutt T. VII. str. 143. Замѣтити належить, що Струмѣлы на Галицкой Руси яко посѣдателѣ сель не долго по томъ времени (около 1450) являютъ ся.

оелянъ мазовецкого двора, панъ Рогальскій. Зверхъ того приспѣли Свидригайлу на помôчь князь Ярославъ, рôдный братъ князя Тверского, Бориса Александровича, тестя Свидригайла. Свидригайло завязалъ пріязніи стосунки съ княземъ Юріемъ Дмитровичемъ, который по той часъ опановалъ Москвою, захватилъ великого князя Василія и ослѣпилъ его.— Война домовая межи Василіемъ и Юріемъ не дозволяла вмѣшивати-сь Москвѣ въ тую борбу межи Русію и Литвою.

Свидригайло сносилъ ся съ цѣсаремъ Сигисмунтомъ, влеченый надѣею отриманя короны, связалъ ся особными договорами съ рицарями инфлантскими и пересылалъ ся съ нѣмецкими рицарями. Агентъ ордина Людвикъ Лянге посѣщалъ часто Свидригайла, доражалъ ему, заохочалъ до дѣйствъ и ободрялъ, коли щастье клонило-сь до Сигисмунта Кейстутовича а сторона Свидригайла упадала.

Свидригайло припоручилъ намѣстничу власть въ Кіевѣ и начальство надъ рускими полками якому-то воеводѣ Михаилу. Часто самъ доводилъ бôльшими силами. Сигисмунтъ въ борбахъ особисто не являлъ ся въ поле, но припоручалъ войска свои опитнѣйшому въ военнôмъ искуствѣ сынови своему Михаилу. Свидригайло поставилъ надъ Луцкомъ князя Александра Носа. Той обороналъ Волынь передъ войсками польскими. Жерело выразьно примѣтило, що Носъ былъ руского вѣроисповѣданя [11]). До Луцка зъ всѣхъ сторонъ громадили ся Русины въ великôмъ количествѣ, готовй до бою за справу Свидригайла. На Подôлю вступали-сь за справу Свидригайла Федько Острогскій и Федько Корыбутовичь, призвали Волохôвъ и Татаръ до себе и розпочали бôй съ королемъ польскимъ. Федько Острогскій здобылъ Смотрычь и Скалу [12]), прогналъ зъ тыхъ городôвъ засады польскіи и опановалъ майже цѣлое Подôлье польское, опрôчь Каменця, который мужественніи Бучацкіи обороняли. Засада Олеська вылѣзала зъ крѣпости, нападала дворища пôдданыхъ польскихъ и дѣлала имъ и коронѣ польскôй многіи шкоды року 1432 [13]). Александеръ Носъ непокоилъ землю холмскую. — Тымъ часомъ Свидригайло стягалъ силы и приготовлялъ ся до рѣшительного удару на Сигисмунта Кейстутовича. Король ôтославъ войско польское Сигисмунтови на помôчь пôдъ началь-

---

[11]) Długosz L. XI. p. 627. „castrum Luczko ea tempestate per ducem Nosz Ruthenum, qui graeci ritus erat, clandestinis bonis et largitionibus interceptum, ad quod (Luckum) plurimi mortalium ex Ruthenis Swidrigeloni faventes convenerant.“

[12]) Брацлавъ ту черезъ ошибку наведеный ôтъ Стрыйковского.

[13]) Zapis Zygmunta Kejstutowicza z dnia 13. października 1432 drukowany per extensum w Długoszu i in suplementis ad historica Russiae monumenta „Olesko de quo damna plurima hostiliter regno et ejus subditis inferebantur.“

ствомъ Мщугія зъ Скржина, которого село дѣдичное мы уже перше на Волыни коло Володимира замѣтили. Противу Олеську вырушили войска короны и осадили крѣпость. Иванъ Прислужичь Рогатыньскій не мôгъ остояти-сь переважнымъ силамъ войскъ королевскихъ и Поляки здобыли крѣпость. Король надалъ ю въ держанье Іоану де Сіена, сынови Добеслава каштеляна Любельского и опредѣливши певную часть зъ доходôвъ Олеська и прилежачой области для касы королевской, присоединилъ на всегда той городъ съ землею до короны[14]). Землѣ холмскіи стерѣгъ противу князю Александру Носу Грицко Кердеевичь. Король повѣрилъ былъ сему хороброму и Польщи вѣрному Русинови староство землѣ холмской [15]). Король прибылъ особисто до Львова, щобы зъ близости око мати на наступаючіи событія и потребамъ дѣйствуючихъ войскъ ôтповѣдно зараджати. Уже зъ начала по здобытію города Олеська приказалъ король войскамъ королевскимъ ити противу Теодору Острогскому на Подôлье, а поневаже ихъ число здавало ся быти недостаточнымъ, придалъ имъ еще рускіи войска пôдъ проводомъ старостôвъ рускихъ Вицентого зъ Шамотулы и Іоана Менжика зъ Дубровы. Польское войско пôдъ осѣнь поступало на Подôлье. Федько Острогскій на челѣ численыхъ полкôвъ сложеныхъ зъ Русинôвъ, Волохôвъ, Бесарабôвъ и Татаръ, не впускалъ ся въ отвертый бôй, но непокоилъ войска польскіи нападаючи на нихъ нечаянно зъ скрытыхъ мѣстць, сражалъ ся малыми ôтрядами и разъ побѣдивши Полякôвъ, другій разъ ôтъ нихъ побѣдженый, двигнулъ ся въ задъ на непрезримыи обшары просторонного Подôля. Поляки обернули-сь къ подôльскимъ городамъ и крѣпостямъ, и съ невеликимъ трудомъ тіи поздобывали. Поступаючи въ глубину Подôля не знайшли города, о который бы операціи свои въ такъ непріязной порѣ року могли оперти. Федько спаливши замокъ Бряцлавъ вразъ съ городомъ, зчезнулъ въ степѣ и Поляки не знали, где подѣлъ ся. Настала глубока осѣнь, грозила непогода, бракъ живностей, и не можно было позôстати долго въ тôмъ краю въ цѣли выслѣдженя и уничтоженя военныхъ силъ того смѣ-

---

14) Długosz L. XI. p. 612. „Vladislaus rex castrum Olesko cum adjutorio Dei conquirens, Joanni de Sienna filio Dobeslai castelani Lublinensis, dedit intenutam, certam pecuniae summam sibi in illo conscribens. Ab eoque tempore castrum Oleschko cum teritorio suo, formam provinciae accepit et in regni Poloniae rediit unitatem.“

15) Inventarium in archivo regni in arce Cracoviensi p. 254. Hrycko Kerdejowicz recognoscit castra Chełm et Lubomla a Vladislao rege ad quatuor annos se recepisse, ea conditione, ut census in Chełm, Hrubieszow, Krasnystaw et Czermanczyn regi reliquat. Cracoviae 1433. Грицко былъ послѣ р. 1435 каштеляномъ львôвскимъ, 1438 воеводою подôльскимъ, померъ 1461.

лого руского предводителя. Поляки предприняли походъ ôтворотный и ступали помалу черезъ области на лѣвôй сторонѣ Днѣстра, щобы къ польскôй части Подôля зближити ся. Федько неспускалъ Поляковъ зъ ока, но быстро слѣдилъ всѣ ихъ движеня и засаджалъ ся въ близости ихъ таборôвъ. Густіи лѣсы, покрываючіи тіи области, черезъ которіи ступали Поляки, скрывали Федька. Поляки ишли безпечно неспостерѣгаючи ни въ ширъ ни въ здолжь ніякого непріятеля. Морахва рѣка болотниста и широко выливаюча ся, тече черезъ лѣсы и вплывае до Днѣстра. Она то заступила Полякамъ въ дальшôмъ ихъ походѣ дорогу. Нужно имъ были тую рѣку перейти. Зналъ о тôмъ добре Федько и скрылъ ся съ своими полками на правôмъ березѣ еи въ прилежачихъ лѣсахъ. Ôтъ осѣнного морозу покрыла ся рѣчная вода тоненькимъ ледомъ. Поляки наломали гачи, наложили на лѣдъ и ушиковавши ся по обохъ бокахъ ладовныхъ возôвъ и снаряду военного, переходили черезъ речену рѣку зъ вôльна и осторожно. Уже бôльшая часть польского войска находила ся на противнôмъ березѣ, другая половина возôвъ и войска частію черезъ рѣку переходила частію еще на лѣвôмъ березѣ до переходу готовили ся; въ тôмъ приказалъ Федько ударити въ бубны, заграти въ рôжноголосніи трубы и съ гукомъ и стукомъ съ цѣлою ему предстоячою силою повалилъ ся на ненадѣючихъ ся нападу Поляковъ. Поляки смѣшали-сь, однѝ хотѣли назадъ, но хащь на рѣцѣ спинялъ ôтворотъ и возы находячіи ся на ледѣ заставляли утѣкаючимъ Полякамъ дорогу. Другіи товаришѣ, которіи еще на лѣвôмъ березѣ рѣки находили-сь, вгнали ся въ рѣку и намагали ся всплавъ достигнути другій берегъ, бы унываючимъ помôчь принести. Наступила кровавая битва. Русины свѣдомѝ лучше тыхъ лѣсныхъ и болотнистыхъ мѣстць преодолѣли. Федько імалъ, убивалъ и топилъ Поляковъ. Русины кинули-сь на возы за полономъ и здобычею и въ слѣдство того розстроили ся. Польскіи жерела [16]) сказуютъ, що польскій сотникъ Кемличь съ стома рицарями выѣхалъ былъ для фуражерки въ поблизкіи стороны, и услышавши надзвычайный крикъ и гукъ, догадалъ ся о небезпеченьствѣ своихъ и поспѣшно прибылъ на мѣстце сраженя. Ушиковавши своихъ рицарей, ударилъ на розстроившіи ся рускіи полки. Войска польскіи набрали ôтваги. Федько думалъ, що приспѣла Полякамъ якая бôльшая помôчь. Ôтновила-сь битва и Поляки взяли верхъ надъ полками рускими. 12 хоругвôвъ здобыто, полки зôстали розôгнанѝ а Федько ôтступилъ съ остатками войска въ недостижиміи мѣстця. Поляки гнали за Русинами, имали и убивали ихъ ажь до пôзной ночи, озареной серебрными лучами полного мѣсяця. Тая битва собыла ся дня 30 Листопада 1432.

---

16) Dlugosz L. XI. p. 619.

Того самого дня король молилъ ся сердечно у стôпъ престола Божого въ костелѣ св. Креста въ Львовѣ, щобы Богъ дарилъ побѣдою войско польское, вступаючое въ бôй съ такъ можнымъ непріятелемъ. Въ тôмъ якимъ-то натхненьемъ божимъ розлягла ся по Львовѣ вѣсть, що войско польское Русинôвъ побѣдило. При близшôмъ розсмотрѣ пересвѣдчили ся жителѣ, що вѣсть тая не мала жадноп певности. Ажь въ два дни прибылъ гонець до Львова съ певною вѣстію о ôтнесенôй побѣдѣ. И не могло быти иначе, бо мѣстце, где описана битва случила-сь, т. е. рѣка Морахва и село Копистринъ близко неи, ôтдалени суть майже 40 миль ôтъ Львова. Король обходилъ съ рицарствомъ и духовеньствомъ триумфъ. Ôттакъ поѣхалъ до Кракова и повторивши благодарственніи молитвы въ костелѣ на замку, помѣстилъ 12 въ выжь описанôй битвѣ здобытыхъ хоругвъ межи побѣдоносными знаменами крижацкими, которіи всю внутрь великолѣпного храму помянутого замку украшали.

Вѣрили бысмо тымъ извѣстіямъ, которіи подаютъ литовскіи и польскіи жерела о ôтнесенôй пôдъ Копистриномъ черезъ Поляковъ надъ Русинами побѣдѣ, еслибы листъ Свидригайла до майстра великого ордина насъ о противнôмъ скутку тои битвы не поучалъ. Пôдъ днемъ 20. Грудня 1432 [17]) доноситъ Свидригайло великому майстру нѣмецкому, що отрималъ вѣсти зъ Подôля, якобы Федько Острогскій въ битвѣ пôдъ Копистриномъ умертвилъ 12.000 Поляковъ, межи ними 400 шляхты, и ôтнѣсъ побѣду, которая много для справы Свидригайла обѣцювала. — Знать Поляки прибытіемъ Кемлича принудили Русинôвъ, що тіи ôтступили и дальшому походови Поляковъ несупротивляли ся. Якъ одна такъ и друга сторона приписовали собѣ побѣду. Правда при такихъ произшествіяхъ звычайно по серединѣ. — Мнимая побѣда Поляковъ надъ Русинами пôдъ Копистриномъ непринесла для Поляковъ майже ніякихъ успѣхôвъ на Подôлю. Федько Острогскій въ товаришествѣ Татаръ провадилъ губительну партизантку, нападалъ зъ скрытыхъ мѣстць на области польскіи, захвачалъ все, що мôгъ и звычайно съ великимъ полономъ повертал домôвъ. Тымъ часомъ на Волыню вôйна продолжала ся. Князь Носъ скупивши р. 1433 многіи силы двигнулъ ся къ Бугови знать въ цѣли бы перейти Бугъ и воевати землю Холмскую. Коли Носъ еще къ Бугови сближалъ ся, заложилъ ему дорогу Грицко Кердеевичь, староста землѣ холмскои. Около города Грубѣшева наступило сраженье [18]). Грицко вдарилъ на ôтряды Носа, переломилъ ихъ и побѣдилъ, почемъ Носъ ôтступилъ въ задъ. Грицко гонилъ ся за Русинами и многихъ плѣнилъ. Ôтъ

---

[17]) Narbutt T. VII. str. 124.
[18]) Dlugosz L. XI. p. 628.

тыхъ поръ земля Холмская была свободна ôтъ нападôвъ воеводъ Свидригайла. Въ дальшôмъ теченю вôйны приверженцѣ Свидригайла внутренного еи супокою бôльше не мутили. Жерело литовское[19]) сказуе, що Носъ плѣненый былъ ôтъ Грицка. Если вѣсть о занятію Луцка и Волыня и о плѣненю Носа чрезъ Поляковъ есть правдою, то Носъ скоро отрималъ свободу, а городы Луцкъ и Волынь повернули якъ въ найкоротшôмъ времени до Литвы. Еще того самого року князь Федько Корыбутовичь Збаражскій и князь Носъ воевали на Поляковъ, засадившихъ ся въ гдекоторыхъ городахъ Волыня. и взяли Заславъ, Луцкъ, Брацлавъ (не подôльскій, но иный где то на Волыню) и инй замки. Въ тôмъ самôмъ жерелѣ [20]) помѣщена также вѣсть, що Федько Острогскій прибывши зъ Подôля занялъ Луцкъ и привернулъ снова городъ той Свидригайлѣ. Сей лѣтописецъ вынималъ часто вѣсти зъ рôжныхъ жерелъ; вычитавши въ однôмъ, що Федько Острогскій ôтобралъ Луцкъ, — а въ другôмъ, що тое здѣлалъ Федько Корыбутовичь, помѣстилъ тіи извѣстія одно обôчь другого. Той самъ лѣтописецъ мѣшае ся пôзнѣйше тожсамостію крестныхъ именъ Острогского и Корыбутовича, переноситъ историчніи дѣйства одного на другого, и называе Теодора Корыбутовича вмѣсто Острогского княземъ Нѣсвяжскимъ. Федько вразъ съ Носомъ, осмѣлені успѣхомъ на Волыни, пôйшли пôдъ Бересть, приналежачій до Литвы,. спалили городъ, осадили замокъ и лишеный всякихъ ѣстныхъ припасôвъ былибы здобыли, еслибы король не былъ приказалъ князямъ мазовецкимъ и войскамъ галицко-холмскихъ [21]) областей, поспѣшити Берестю на помôчь и полки тіи еще въ угодный часъ не были явили ся.

Литовское жерело[22]) приписуе сей подвигъ Федьку Корыбутовичу и князю Носу. Федьку Острогскому не было бы догôдно зъ Подôля, где неустанно занятый былъ борбою съ Поляками, звертати оружіе въ ôтдалені стороны, и на Волынь пôдъ Луцкъ ба навѣтъ на Пôдляшіе пôдъ Бересть съ своими полками подвигати ся. Въ тôмъ случаи Острогскій былбы зôставилъ Подôлье на произволъ Полякамъ. Способнѣйше было Теодору Корыбуту зъ города Каменца, лежачого где то не далеко ôтъ

---

19) Stryjkowski ks. XVI. str. 547. Онъ дописуе также, що Носъ Луцкъ проворнымъ способомъ еще передже ôгорвалъ ôтъ Польщи и занялъ на имя Свидригайла, но се не вѣроятно. Луцкъ зôставалъ еще ôтъ смерти Витольда безпрерывно при Литвѣ, оже и при Свидригайлѣ. О занятію Луцка черезъ Грицька и о плѣненю Носа не вспоминае Длугошь ничого.

20) Stryjkowski ks. XVI. str. 547. „Ale i potem kniaż Ostrogski Fedko ubieżał (Luck) i oddał Swidrigajłowi.“

21) Długosz.

22) Stryjkowski ks. XVI. str. 548.

предѣлôвъ Волыня, которого слѣдъ въ лѣтописныхъ памятникахъ старинной Руси находитъ ся, пособляти поборника Свидригайла князя Носа и предпринимати походы въ стороны смежніи Польщи и Литвы, майже въ другую Украину руску, ôтлежачу великою просторонею ôтъ подôльского понизія, поприща военныхъ дѣйствъ Федька Острогского.

Пôдля жерелъ польскихъ побѣдили Поляки князя Острогского на Морахвѣ пôдъ Копестриномъ на голову, истребивши въ тôмъ сраженю цѣлую кôнницю его. Знать Острогскіи съ конными полками уживалъ ся по Подôлю и въ кôннотѣ состояла переважна сила его. Якъбы чародѣйнымъ способомъ явилъ ся Федько Острогскій на челѣ численыхъ полкôвъ рускихъ и татарскихъ, пôдступилъ тайкомъ пôдъ Каменецъ подôльскій и порозставлялъ бôльшіи военніи силы по за горбы, окружаючіи той городъ. Вершины горбôвъ скрывали тую засѣчу полкôвъ Острогского. Въ Каменци былъ начальникомъ мужь военного духа, староста Теодоръ Бучацкій. Федько Острогскій съ малымъ ôтрядомъ приближилъ ся къ городу и опустошалъ прилежачую область. Смѣльчивостію Острогского роздраженный Теодоръ пустилъ ся зъ крѣпости съ малымъ ôтрядомъ рицарей, незнаючи ничь о скрывающихъ ся силахъ непріятеля. Федько Острогскій нѣбы утѣкалъ передъ загонами Бучацкого въ далекій степъ. Бучацкій осмѣленый бѣгствомъ Острогского въ надѣи певнои побѣды удалилъ ся за далеко ôтъ Каменца. Въ тôмъ выскочили рускіи полки зъ поза вершкôвъ гôръ, и ударили въ тылъ ôтряду Бучацкого. Поляки смѣшали-сь, въ тôмъ Острогскій обернулъ ся и натисъ зъ переду на ненадѣйныхъ. Гдекоторіи Поляки мужественно бороли ся, продерли ся черезъ шики рускіи и поутѣкали. Многихъ поимано, межи ними и Теодора Бучацкого язвеного кôлькома значительными ранами. Федько ôтославъ Бучацкого, къ Свидригайлу. Той выдалъ его своимъ союзникамъ, рицарямъ ливоньского ордина на власну просьбу ихъ, которіи его за плѣненого ôтъ Литвы и Сигисмунта Кейстутовича маршалка ливоньского замѣняли. По всей вѣроятности завоевалъ Федько Острогскій теперь Каменцемъ, однакожь о тôмъ жерела не вспоминаютъ. Ôнъ продолжалъ борбу съ Поляками, наѣзджалъ дворища, палилъ села и забиралъ люди въ полонь [23]).

Тымъ часомъ коли розказаніи происшествія собывали-сь на Волыни и Подôлю, вôйна межи Свидригайломъ и ливоньскими рицарями зъ однои стороны, а Сигисмунтомъ зъ другои стороны въ Литвѣ и около Витебска, Полоцка и въ сторонахъ Руси надъ гôрнымъ Днѣпромъ продолжала ся. И рицарѣ нѣмецкого ордина стояли въ тѣсныхъ сношеняхъ съ Свидригайломъ и тревожили ôтъ запада Польщу и Литву. Польща не могла ску-

---

23) Narbutta dzieje narodu litewskiego T. VI. str 115—118. Kotzebue Swidrig.

гечно бо̂льшими силами вспирати Литву. Якъ злощастная хмара виcѣлъ Федько Острогскій надъ рускими, коронѣ по̂двластными землями и лишь ждалъ способности, щобы зъ Подо̂ля въ Галицкую Русь вторгнути. Також не могли Поляки призвати ни Волохо̂въ ни Татаръ на помо̂чь, бо тіи народы во̂йшли въ тѣсніи сношеня съ Свидригайломъ и посылали ему свои полки въ помо̂чь [24]). Польскіи воени полки зъ Куявъ и Добриня стерегли границѣ Польщи о̂тъ стороны рицарей нѣмецкого ордина. Не позо̂стало оже Сигисмунту ничь иного, якъ бороти ся по бо̂льшо̂й части власными силами именно: Литвинами, Жмудами, ко̂лькома о̂трядами Поляко̂въ, поселившихъ ся въ областяхъ коло Дрогичина[25]), и приспѣвшими въ помо̂чь Сигисмунту мазовецкими князями. Король по̂славъ ско̂лька о̂трядо̂въ по̂дъ начальствомъ Мщугіа зъ Скржина. Свидригайло вторгнулъ въ Литву и завязалъ по̂дъ Ошмяною битву съ Михаиломъ сыномъ Сигисмунта, 8 Студня 1432. Русины и Литовцѣ Свидригайла не могли вытримати удару Литовцей. Тіи о̂тнесли побѣду. По̂для польскихъ жерелъ покрыли боевище по̂дъ Ошмяною 10.000 убитыхъ (межи ними гденекоторіи князѣ выжь вычислени) и 4.000 ранныхъ зъ войска Свидригайла. — Свидригайло пораженый двигнулъ ся на Русь къ Кіеву. Ту собравши новіи силы и призвавши на помо̂чь рицарей ливоньскихъ по̂йшолъ слѣдуючого року 1433 на Литву и повоевалъ, пожегъ и поплѣнилъ землѣ литовскои не мало. Воевода Кіевскій Свидригайла, Михаилъ, срѣтилъ ся съ войсками литовскими по̂дъ начальствомъ литовского вельможѣ Петра Монгердовича; наступило сраженье на мѣстци звано̂мъ Копаче, и Русины побѣдили. По то̂й побѣдѣ здобыли Русины Миньскъ и Заславъ, тягнули къ Борысову и такъ завладѣли майже всѣми сторонами го̂рного Днѣпра. Тіи подвиги и борбы въ Литвѣ стояли съ предпринятіями князей рускихъ на Подо̂лю и на Волыни въ тѣсно̂й связи. Свѣдчатъ тое частіи кореспонденціи великого майстра нѣмецкого ордина съ Свидригайломъ именно листъ зъ 18 Лютого 1432, зъ 11 Цвѣтня 1433 и зъ 17 Червня 1434[26]), которіи въ архивахъ пруского правительства заховали ся. Зъ тыхъ листо̂въ видно, що рицарѣ нѣмецкого ордина знали о всѣхъ оборотахъ рускихъ воеводъ на Волыню и Подо̂лю и що подвиги Федька Острогского, соединившого ся съ Татарами и Волохами, мали тую цѣль, бы непокоити краи Польщи, затрудняти польскіи войска о̂тъ востока и такъ енергичному выступленю короны польскои въ справѣ Сигисмунта всегда ставити перепоны.

---

[24]) Długosz L. XI. p. 624. 625. „nec terrae Russiae, ne per hostes interciperentur suffragii praestare poterant, nec Tataros, nec Valachos ad hujusmodi bellum accessire plures conditiones admitterent.“

[25]) Długosz: „et Polonis, qui terram Drohicensem inhabitabant.“

[26]) Napierski T. I. Narbutt T. VI. str. 133. 134. 144.

Современно точила-сь въ сусѣднѣй Польщи, Чехіи и Моравіи губительна вôйна. Якій то князь рускій Фридерикъ, выгнаный зъ отечества своего за якіи-то провины, прибылъ до Чехъ, а принявши ческій языкъ и обычай доводилъ гусситскими полками въ Моравіи, вторгнулъ на Галицкую Русь, занялъ великаньскую гору близъ крѣпости Чорштына, учредилъ крѣпость и непокоилъ частыми нападами Польщу и Угрію. Король польскій пôслалъ противу нему войско, которое по утратѣ много вôйнôвъ зъ поводу возбраня рѣкъ, въ которыхъ много людей потопило ся, приступило на конець до Чорштына и Фридерика до бѣгства принудило р. 1434[27]).

Мы ту не хочемъ твердити, щобы гусситска вôйна съ движенями Русинôвъ на Подôлю и на Волыни стояла въ якôй тѣснѣйшôй связи. Сигисмунтъ ворогъ Гусситôвъ, былъ пріятелемъ и другомъ Свидригайла, но и то може быти, що Гусситы корыстали зъ замѣшательства, якое въ пôдкарпатскихъ краяхъ вôйна подôльская произвела.

Король на съѣздѣ польскихъ панôвъ въ Едльнѣ 1432 присоединилъ землѣ рускіи, оже Холмскую и Галицкую Русь до Польщи[28]). Ôтъ тогды Галицка Русь устроена была по примѣру прочихъ провинцій Польщи и называла ся рускимъ воеводствомъ. Оно розпадало ся на землю Львôвскую, Перемышльскую, Саноцкую, Галицкую, Холмскую и Подôльскую и повѣты: Жидачевскій въ Львôвскôй земли и Красноставскій въ Холмскôй. Для Галицкои Руси ôтъ тогды именованый былъ рускій воевода. Первый воевода рускій былъ Іоанъ де Спрова Одровонжь [29]). Обôчь воеводы замѣчаемъ каштеляна львôвского, каменецкого, пôдстольного львôвского и каменецкого, пôдкоморжого львôвского и проч. Новоучреженіи высокіи уряды коронніи были надѣленіи землями, селами и прочими доходами.— Шляхта вызнаваючая вѣру католицку, отримала тіи саміи привилеи, що шляхта въ Польщи и настоячимъ уставомъ освободжена была ôтъ всѣхъ даній съ изъятіемъ порадльного и ланового. Наступили еще близшіи опредѣленя именно: Король задержалъ зъ прочихъ даней повинныхъ давнѣйшимъ кня-

---

27) Dlugosz L. XI. p. 650.

28) Volumina legum, T I. p. 42. Petersburg 1859. Item pollicemur: quod omnes terras nostras regni nostri Poloniae, etiam terrarum Russiae includendo, salvis tamen avenae contributionibus, de quibus Nobis ad tempora vitae nostrae sola Russiae respondebit, ad unum jus et unam legem communem omnibus terris redducemus reducimusque, adunamus et unimus tenore praesentium mediante.

29) Старостами рускими передъ перемѣненьемъ Галицкои Руси на воеводство были р. 1422—1423 Спитко вѣроятно зъ Тарнова, по немъ наступилъ Петро Володковичь Храбиновскій — 1433 Винцентіи зъ Шамотулъ каштелянъ Межерѣцкій.

ямъ, такъ званый осыпъ т. е. певную данину въ збôжу, тую должна была еще складати шляхта галицко-рускихъ земель (греч. обр.) ажь до смерти короля Ягайла [30]). Рускіи шляхетніи жителѣ (греч. вѣроисповѣдания) зôставлені были служити и за границею безъ жолду 5 гривенъ, назначеныхъ для кождого польского жителя служачого въ вôйнѣ за границями польскои державы. Такожь зôставлено при ней обовязокъ достарчаня людей до будовы городôвъ. Видитъ ся, що шляхта руская перла короля и о рôвноуправленье съ польскою добивала ся. Король сдѣлалъ былъ яковіи приреченя на будучность, на которіи по смерти Ягайла шляхта руская ôткликуючи-сь о рôвноуправленье домагала ся [31]).

Постановленье въ Едльнѣ, щобы горожане вôльні были ôтъ порадльного и ланового съ изъятьемъ тыхъ жителей, которіи не въ самôмъ городѣ, но поза укрѣпленями города на передмѣстѣ обитали [32]), не было для Русинôвъ корыстное. Русины замешковали давніи городы або села. Давнѣйшіи городы были розширені, або на ново осажені [33]) и до роз-

---

30) Volum. leg. T. I. u. s. Документъ настоячій потверженъ зôсталъ въ Краковѣ въ первыхъ днихъ Януарія въ продолженю 8 дней по Благовѣщеню р. 1433.

31) Długosz L. XI. p. 66. „eodem tempore (1434) barones, nobiles et universi terrarum Russiae et Podoliae terrigenae, quo magis animum regis (Vladislai filii Jagielonis) et ejus consiliariorum praecibus suis inclinent gratiam similem (h. e. praerogativa regnicolarum Poloniae) et liberationem Wladislaum genitorem suum clarae memoriae eis promisisse, et dandam decrevisse, effectum tamen sortiri non potuisse, propter mortem subsequutam, evidenti et claro testimonio conprobarunt.“ На зъѣздѣ въ Мостискахъ (in conventu Moscicensi) съобовязали-сь бояре и шляхта земель рускихъ, по смерти Владислава-Ягайла за предидучимъ согласьемъ Витольда и бояръ В. княжества литовского (оже тое все дѣяло ся еще передъ рокомъ 1431) узнати того зъ двохъ его сынôвъ за наслѣдника короны, и за господина, который буде способнѣйшій, если той затвердитъ и заприсягне права и привилеи всѣхъ сословій. Inventarium in archivo regni in arce Cracoviensi p. 255.

32) Volumina legum u. s.

33) Городы, которіи въ періодѣ настоячомъ отримали магдебургское право и новое упосаженье были: Щирецъ 1397, Жидачевъ 1393, Новый Самборъ 1419, Дрогобычь 1421, Кросно 1426, Стрый 1431, Снятынъ 1448, Червоногородокъ 1448. Городы, въ которыхъ Русины уживали рôвныхъ свободъ съ жителями прочими, были: Львôвъ, Каменецъ, въ 1395 ôтъ Витольда, Галичь 1405 ôтъ Ягайла, Холмъ 1392, Луцкъ 1432 и 1444 одарени привилеями. Городы: Бережаны, Тарнопôль, Станиславôвъ, Броды, Чортковъ, Жолква повстали пôзнѣйше, въ настоячое время были они еще селами. Тамъ, где нынѣ Тарнопôль было еще въ настоячôмъ періодѣ пустое мѣсто званое Сопильче. Тамъ, где Станиславôвъ было еще тогды село Заболотье, — где Чортковъ село Чортковичѣ. Городы рускіи одарени правомъ магдебургскимъ стояли уже року 1418 межи собою въ звязи, ихъ посланики съѣзджали-сь що рôкъ, бы нараджати ся надъ горожань-

ширеныхъ або ново осаженыхъ городôвъ призвано приходцѣвъ. Села былѣ перетворенй часто на мѣста, въ которыхъ такожь новіи приходцѣ поселяли ся. Приходцѣ поселяли-сь часто на свѣжôмъ мѣстци и утворили городъ, а старая осада ставала-сь передмѣстьемъ и притыкала до нового города. Русины были давнѣйшими жителями. Новіи жителѣ бôльшою частію Поляки и Нѣмцѣ, утримовали тымъ способомъ освобожене ôтъ порадльного и ланового а давнѣйшихъ жителей до тыхъ свободъ неприпущено.

Не иначе было и съ селами осажеными на правѣ магдебургскôмъ [34]). Поселенцѣ новоосаженыхъ селъ освобожений ôтъ должностей и тягарей, ношеныхъ кметами, осажеными на правѣ рускôмъ, должни были быти католиками а не Русинами. Естъ примѣръ, що Русины и православнй выключений были ôтъ свободъ, которыми надѣлений были прочіи жителѣ селъ, осажени на правѣ магдебургскôмъ [35]). Такая судьба встрѣтила

скими справами. Бускъ, Теребовла, Белзъ, Куликôвъ и пр. были року 1433 цвѣтучими мѣстами. (Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa).— Села перемѣнени на городы: Дунаевъ 1420, Глиняны 1397, Нижанковичѣ (Краснополе) 1408, Радымно 1431, Дубецко 1389, Тирава 1431, Грубѣшовъ 1400, Щекаровъ (Красноставъ) 1394, Сокаль 1424. Перемѣнене Дунаева на городъ 1420 собыло ся Іоаномъ Решовскимъ архіепископомъ львôвскимъ. Радымна 1431 Іоаномъ зъ Люблена епископомъ перемышльскимъ (Дунаевъ належалъ до столовыхъ добръ архіепископства львôвского, Радымно епископа перемышльского л. обр.) Іоанъ Тарновскій староста земель рускихъ упосажилъ и упривилеіовалъ: Щирецъ 1397 — Глиняны 1397. Стрый осадилъ на ново 1431 за предидучимъ изволеньемъ польского короля Тарло зъ Щекаревичь названъ иначе Заклика. Въ Дрогобычи отрималъ въ время перенесеня сего города зъ права руского на право магдебургское 1422 вôйтовство зъ правомъ дѣдицтва Іоанъ Менжикъ зъ Дубровы, чесникъ королевского стола. Вôйтовство въ Городку сродалъ Ягайло при способности упосаженя того города 1389 Нѣмцеви якому-то Миколаеви Ульрикови. Дубецко, Кросно были то осады сягаючіи рускихъ временъ на кранци Галицкои Руси положени. Дубецко перемѣнене р. 1407 зъ села на мѣсто. Еще Казимиръ В. надалъ Дубецко село Полякови Петрови Книтѣ каштеляанови любельскому. На кранци Галицкои Руси учредилъ Казимиръ В. нѣмецку осаду Егренбургъ (Ehrenburg) и вибудовалъ замокъ, которого руины днесь еще преданье по руски китчимъ замкотъ (по польски Odrzykoń) называе.

[34]) Кметы селъ на правѣ магдебургскôмъ увôльнени зôстали ôтъ всѣхъ тягарôвъ краевыхъ, съ изъятьемъ звычайной дачки пô два грошій прагскихъ ôтъ лану такъ званого ланового. Они освобожени были ôтъ всѣхъ прочихъ даннъ и робôтъ и лишь въ крайной потребѣ до ставленя замкôвъ были обовязани.

[35]) O kniaźstwach we wsiach wołoskich przez Alexandra hr. Stadnickiego. Lwów, 1853, str 4. Wyjątek z dokumentu nadającego prawo magdeburgskie wsi Tytowice „eximimus insuper absolvimus et perpetuo liberamus omnes Cmethones et quosvis dictae vilae incolas catholicos, tantum Scismaticis et Ruthenis omnino exclusis et exceptis, qui eorum jure Theutonico uti debent et gaudere, ab omni jurisdictione et potestate omnium regni nostri et terrarum Russiae Palatinorum, Castelanorum etc.“

большою частію Русинôвъ въ городахъ, которіи уже существовали и которыхъ свободы королѣ польскіи наданьемъ права магдебургского розширили. Суть примѣры, що и тутъ православныхъ въ ужиткованю важныхъ свобôдъ городскихъ обмежено. Въ прочемъ такихъ городôвъ, которыхъ безъ передидучого нового осаженя зъ руского права на право магдебургское перенесено, было не много. Невзираючи на то, що существовалъ старый городъ, повелѣвали королѣ або ихъ намѣстники, старосты и воеводы зъ взгляду на то, що городъ, опустошеный непріятелемъ, пôдъупалъ, осажати городъ на ново, розширяючи область городску надаваньемъ ланôвъ и обшарôвъ. Оже такъ и по старорускихъ городахъ народоселенье руское що до комунальныхъ правъ и свобôдъ уступало народоселеню польскому.

Наданю права магдебургского послѣдовало звычайно наданье ланôвъ и обшарôвъ и упосаженье вôйтôвства. Вôйтъ поселялъ на дарованыхъ обшарахъ колонистôвъ, по бôльшôй части прибышôвъ зъ Польщи, и такъ повставали новыи передмѣстя до мѣстъ, надѣленыхъ правомъ магдебургскимъ. Общество розпало ся на упривилееваныхъ и неупривилееваныхъ. Остатніи бôльшою частію Русины, пôдвергали-сь по селахъ пôдвластныхъ дѣдичамъ, судови дѣдичѣвъ и ихъ намѣстникôвъ (бо пôдля статуту въ Едльнѣ ôтдано судъ по областяхъ и селахъ дѣдичамъ и властителямъ селъ и областей и ихъ намѣстникамъ), по добрахъ королевскихъ и городахъ, королевскимъ чиновникамъ. Упривилеіованіи клясы мѣстичей и селянъ, осаженіи на правѣ магдебургскôмъ, подверженñ были, первіи судови и управленю выбиральному черезъ городску громаду, осаженіи же на правѣ магдебургскôмъ селяне судови солтыса, а солтысъ пôдлягалъ судови самого короля.

Въ прочемъ низшая неупривилеіована кляса вôльна была ôтъ службы военнои. Военну службу полнили дѣдичѣ и вôйты, первіи за пôдданыхъ, другіи за вôльныхъ кметôвъ. Дѣдичь такъ якъ вôйтъ (солтысъ) ставилъ ся въ поле съ ôтповѣднымъ числомъ копейникôвъ або и лучникôвъ, за то солтысъ якъ мы высше сказывали, побиралъ важнñ ужитки а пôдданñ чинили дѣдичамъ рôжнñ роботы и ôтдавали данины и всѣ пособія потребніи до исполненя должностей обороны краю, службы военной и проч. Въ прочемъ сіе устройство не впроважено ôтъ разу зъ горы черезъ загальный приказъ королей на Галицкôй Руси, но постепенно основано городы, запроважено магдебургское право, осажено села и срôвнано дѣдичей въ Галицкôй Руси съ дѣдичами прочои Польщи. Долго еще по городахъ было руское право, долго панове рускіи полнили обовязки, якъ и прочіи панове литовскіи, поки ихъ въ правахъ и свободахъ пôсля установленñ въ Едльнѣ съ прочою Польщею постепенно и въ теченю

многихъ лѣтъ не сровнано. При надѣленю мѣста обшарами фундовали ко ролѣ доходы лат. костела наданьемъ лановъ и десятины. Такожь суть примѣры, що въ нановопоселенныхъ городахъ запроважено десятины для епископій лат. обряда [36]). Села осажені на правѣ магдебургскомъ платили лат. костеламъ снопове [37]). Рускіи панове и посѣдателѣ большихъ недвижимыхъ имѣній пріймивши обрядъ латиньскій, такожь упосажали костелы, и не только що обовязали ся давати десятину зъ своихъ фольварковъ, но еще зверхъ того подданыхъ селъ своихъ до плаченя тоиже съобовязывали. Дань платили православні подданї католицкихъ Русиновъ зарядчикамъ польскихъ костеловъ въ часъ отпусту [38]), въ который звычайно народъ до костела стекалъ ся.

Шляхтѣ руской обитавшой на Волыни, признано свободу вѣроисповѣданя и прочіи улегченя тягаровъ феодальныхъ. На якомъ-то попереднѣйшомъ съѣздѣ въ Луцку призналъ король шляхтѣ руской горожаньскіи свободы[39]). Зверхъ того король Владиславъ-Ягайло надалъ Луцкимъ (Волыньскимъ) Русинамъ грамотою изданою въ Львовѣ въ мѣсяци Октобрѣ року 1432 [40]), оже еще передъ началомъ руско-польскои войны, слѣдуючіи свободы: Русины тыхъ областей увольняютъ ся отъ всѣхъ подводовъ даваныхъ подъ послы и слуги королевскіи съ изъятьемъ подводъ повинныхъ самому королю, такожь обезпечаютъ ся жителѣ, що ихъ православні церкви не будутъ розрушені, и они самі жаднымъ способомъ до отверженя отъ православія и до принятія католицкои вѣры не будутъ принуженї. Только тымъ способомъ приготовано дорогу до уговоровъ Польщи съ гденекоторыми рускими вельможами и воеводами Волыня и Подоля, которіи влеченіи отъ Польщи обѣтницями еще при иныхъ случившихъ ся обстоятельствахъ отъ Свидригайла отступили, а коли начала-сь и въ Литвѣ клонити ся справа Свидригайла до упадку, польской коронѣ подали ся.

Тымъ часомъ въ Мултанахъ собыла-сь перемѣна, зъ которои корыстала Польща. Илія, господаръ молдавскій а шуринъ Ягайла, (онъ оженилъ ся былъ съ сестрою королевои Софіи) казалъ утопити матѣрь двоюродного брата своего Стефана и дѣлалъ замахи на житье его. Стефанъ у-

---

36) Lipińskiego i Balińskiego starożytna Polska T. III. Такъ н. пр. въ Щирци платили мѣсячнѣ по 6 грошей вмѣсто десятины лат. епископу.

37) Dodatek do gazety lwowskiej 1853. Dokument z roku 1454. „mensales clericales juxta consuetudinem aliarum villarum terrae Russiae in jus teutonicum locatarum “

38) Ibidem.

39) Długosz.

40) Inventarium in archivo regni in arce Cracoviensi p. 271.

бѣгъ въ горы и за посредствомъ гôрняковъ и за помочію турецкого султана занялъ Молдавію, и выперъ Илію, который вразъ съ родиною шукалъ прибѣжища у своего шваґра Ягайла. Поляки приняли Илію, однакожь коли Стефанъ изъявилъ готовôсть свою зголдовати коронѣ, предпочитали Поляки голдъ Стефана, имѣючого дѣйствительну власть, надъ голдъ изгнаного воеводы Иліи. Они узнали Стефана за правдивого воеводу, а Илію надѣлили мѣсточками, селами, дворищами и областями. Илія тужилъ за трономъ, хотѣлъ утечи зъ Польщи, но Поляки займили его и поставили въ замку въ Сѣрадзи пôдъ стражу. Тымъ способомъ маючи Илію въ своихъ рукахъ, тримали воеводу Стефана на уздахъ и принаймѣй зъ тои стороны ôтъ одного непріятеля освободили-сь. Воевода молдавскій Стефанъ зъ вдячности къ Польщи и зъ причины, що тая увязнила Илію и престолъ молдавскій ему признала, обовязалъ ся служити вѣрно интересамъ польскои короны. Стефанъ побѣдилъ Татаръ, которіи може быти завозваній ôтъ Федька Острогского старали ся продерти черезъ Подôлье до рускихъ Польщи пôдвластныхъ краѣвъ р. 1432. Корыстаючи зъ доброи способности не долго передъ вôйною домовою въ Молдавіи, которую Илія убѣгаючій зъ Польщи розбудилъ былъ, ôтобралъ Стефанъ Брацлавъ силомôчь приверженцямъ Свидригайла и вручилъ го коронѣ. Король Владиславъ-Ягайло повѣрилъ стражь въ замку Брацлавскôмъ шляхтичу польскому Дерславу Влостовскому.

При такихъ оборотахъ историчныхъ событій въ Литвѣ и на Подôлю прибылъ король на Галицкую Русь въ Маю року 1434. Воевода молдавскій Стефанъ готовилъ ся сложити королеви голдъ въ Галичи. Послы воеводы явили ся на Руси, бы къ тому торжественному дѣйству здѣлати приготовленя. Король прибылъ до Медыки и ту по давному лотискому обычаю, ходилъ по лѣсахъ ночію за голосомъ соловѣѣвъ, въ тôй порѣ року въ густыхъ еще тогды лѣсахъ надъ Саномъ чудно приспѣвуючихъ. Нôчь была зимна, король перестудилъ ся и захоровалъ, ôтъѣхалъ хорый до Городка и ту 31 Мая умеръ р. 1434[41]). Тѣло его ôтвезено до Кракова а сердце его зложено на Галицкôй Руси въ костелѣ латиньскôмъ Францишканôвъ, нимъ самымъ въ Городку оснôванôмъ.

Власть короны въ Польщи ослабѣла за панованя Ягайла. Ягайло не правомъ дѣдицтва, но правомъ свобôдного выбору сталъ ся королемъ Польщи. Его сыны наслѣдили ôтцю лишь по согласію польскихъ вельможь. Польскіи соймы и польская рада коронна приобрѣла великую власть.—Политика польскои державы была въ тіи времена выразно опредѣлена. Ягайло повиновалъ ся представителю и управителю тои политики, сенату

---

41) Пôдля Длугоша умеръ король Ягайло 27 Мая 1434.

и духовеньству польскому, приобрѣвшому великое вліянье на справы державніи, и лишь въ крузѣ тѣсно определенôмъ позôставлена ему была свобôдная воля.

Часто тому направленю и прудови польского правительства супротивляли ся симпатіи и навычки Владислава-Ягайла. Ягайло скрывалъ въ сердци своемъ горячую любовь до Литвы, своего отечества и особенное къ рускимъ землямъ привязанье. Ôнъ любилъ свою родину, именно рôдного брата Свидригайла, желалъ добробыту Литвѣ, а своему брату Свидригайлу простилъ ôтъ сердця сдѣланй ему оскорбленя. Ôтступивши ôтъ православія и перейшовши на лоно католицизму, прилягъ до принятои вѣры сердцемъ и душею. Побуженый зверхъ того духовеньствомъ, спріялъ розширеню ся католицизму на Руси, основалъ костелы и манастырѣ латиньского обряда [42]) и упосажалъ ихъ недвижимыми имѣнями, десятинами и проч. Тое дѣяло-сь часто съ оскорбленьемъ православнои церкви. Еи приверженцѣ чувствовали-сь быти утисненй. Про то неспріяли они польскому правительству и раднѣйше вязали ся съ Витольдомъ, коли той князь съ Польщею въ распрѣ былъ, и потому съ Свидригайломъ въ время борбъ его съ короною. Для того-то вкорѣнило ся якое-то ôтверненье ôтъ православныхъ Русинôвъ въ сердци Ягайла. Щедрый ажь до збытку роздавалъ ôнъ имѣня королевскіи польскимъ вельможамъ, ôтбиралъ области рускихъ панôвъ осаженыхъ на правѣ леннôмъ пôдля стародавного учреженя стародавной Руси, и надѣлялъ ними панôвъ польского произхоженя по правѣ аліодіевъ. Ягайло надалъ многимъ мѣстамъ право магдебургское, надѣлялъ ихъ свободами, и осажалъ на свѣжôмъ корени. При тôй способности поселило ся много Полякôвъ въ рускихъ городахъ. Русины были часто и въ горожаньскихъ правахъ стесненй и въ участію свобôдъ городскихъ обмеженй. Ягайло надавалъ высокіи уряды, рускіи староства и руское воеводство Полякамъ. Такъ чимъ разъ глубше вкорѣнялъ ся, чимъ разъ ширше розпростороналъ ся елементъ польскій черезъ городы, посѣдателей бôльшихъ недвижимыхъ имѣній, латиньское духовеньство и высокихъ коронныхъ урядникôвъ, и народное цѣлковитое переобразованье высшого сословія на Галицкôй Руси приготовляло ся.

Ягайло окруженый Поляками, пребываючи въ столечнôмъ городѣ ихъ, долженъ былъ застосовати ся до обычаѣвъ народа польского. Вôйшовши въ той иный цивилизованый свѣтъ, уже въ мужескôмъ вѣку своемъ не

---

[42]) Lipińskiego i Balińskiego starożytna Polska T. III. str. 659. По примѣру Ягайла фундовалъ Іоанъ Тарновскій, староста земель рускихъ и воевода судомирскій р. 1396 костелъ и кляшторъ въ Переворску. Первѣстно спроважени были до нового кляштора въ Переворску монахи знани пôдъ именемъ: Custodes Sti. Sepulchri Hierosolimitani.

мôгъ ôнъ ôтвыкнути ôтъ милыхъ ему ôтъ дѣтиньства звычаѣвъ и обычаѣвъ. Про то Поляки упрекали Ягайлу о забобоны и суєвѣрія. Были то забытки давного житя Ягайла, принадлежачого частію литовскôй народности, частію православію, въ которôмъ рôдная мати Русинка его воспитала. Король сей слабодушный, до вôйны боязливый, въ мирѣ дѣятельный, щедрый, не великихъ талантôвъ государственныхъ, причинилъ ся много до взросту краю нашого, но съ многимъ ущербкомъ рускои народности, которая еще тогды тѣсно была связана съ православьемъ.

ВЛАДИСЛАВЪ ЯГАЙЛОНЧИКЪ

По смерти короля Ягайла всѣ дворяне и шляхта королевства польского на умышленое вôзванье коронной рады узброили-сь съ великимъ поспѣхомъ и вырушили на Галицкую Русь. Предстояла опаснôсть, щобы Русины въ соединеню съ Татарами частыми нападами тревоживши сусѣднія землѣ, не употребили розстроенье, якое звычайно бывае по смерти короля въ великихъ державахъ, въ которыхъ наслѣдники на тронѣ народомъ выбираютъ ся, и не нашли на смежніи рускіи краи. Вооруженое и многочисленое вôйско стояло въ Галицкой Руси такъ долго готове до бою, поки Поляки не собрали-сь и на соймѣ въ Краковѣ не избрали сына Ягайла Владислава II. за короля. Коронація ôтбыла ся дня 25 Липця 1434 въ Краковѣ. Новый король на умильніи просьбы и представленя и съ взгляду на обѣтницѣ, якіи сдѣлалъ былъ Ягайло шляхтѣ рускôй, надѣлилъ руское дворянство всѣми тыми свободами и привилеями, которыми шляхта польская ôтъ давна пользовала ся. Именно освободилъ рускихъ панôвъ (греческого вѣроисповѣданя) ôтъ обовязку служити збройно на вôйнѣ за предѣлами краю противу якому нибудь непріятелеви безъ всякои ôтъ стороны правительства надгороды, такожь ôтъ обовязку даваня осыпу. Осыпъ была то дань ôтъ кождого лану по двѣ мѣрки жита и по двѣ мѣрки ôвса и зверхъ того по четыры грошѣ, которіи складали ленніи посѣдателѣ земскихъ имѣній на стôлъ королевскій [43]). Роптала на тіи наданя шляхта польская и примѣтила, що Поляки по многихъ лѣтахъ, давши многіи доводы послушеньства и приданности, великимъ трудомъ ледво осягнули тіи свободы, шляхта же руская прото уже, що не хотѣла приступити до едности вѣры, на рôвніи преимущества съ Польщею собѣ не заслужила [44]). Здае ся, що черезъ

---

[43]) Stryjkowski T. XVII. str. 551. „na tej koronacyi ruska i podolska szlachta z polską w jednakowych wolnościach porównana i zjednoczona, przy tem Podolanie i Wołyńcy, Chełmianie i Bełżanie, zdawna te powinności czynić musieli kiedykolwiek król, albo wielki książe kazał na wojnę jechać, tedy musieli bez żadnego żołdu etc."

[44]) Długosz L. XI. p. 669.

супротивленье дворяньства польского, а може еще зверхъ того въ слѣдство якихъ иныхъ обстоятельствъ выжь помянутіи надания въ житье невведено. Далеко пôзнѣйше, бо ажь року 1456 надалъ король Казимиръ зъ Нового мѣста далеко меньшіи права и свободы дворяньству рускому, чогобы не былъ учинилъ, еслибы выжь помянутіи просторроннѣйшіи свободы были въ житье вôйшли.

Свидригайло довѣдавши ся о смерти короля польского и брата своего, громадилъ новіи силы и соединивши-сь съ рицарями ливоньскими, плѣнилъ землю литовскую того самого лѣта [45]), коли Поляки собѣ нового короля выбирали. Воеводы его не могли ничого вражебного предприняти противу Польщи зъ причины, що великая сила войска польского Холмско-Галицкую Русь стерегла. Кромѣ того неустанніи слоты вспиняли Свидригайлу, що ничого рѣшительного не мôгъ предприняти. Съ бôльшими силами двигнулъ ся ôнъ на Литву року 1435. Прибылъ ему на помôчь Сигисмунтъ Корыбутъ, знаный намъ полководецъ Гусситôвъ, съ многими Чехами, Моравцями, Силезанцями и остатками Гусситôвъ, которіи добровôльно по укôнченю гусситкои вôйны ему слѣдовали. Цѣсарь Сигисмунтъ за посредствомъ василійского собора погодилъ ся былъ съ Гусситами и намовилъ Сигисмунта Корыбута, который тогды уже въ Чехахъ не малъ що робити, щобы ôтôйшолъ до Литвы и тамъ Свидригайлу въ борбѣ съ Сигисмунтомъ Кейстутовичемъ вспомагалъ. Знать Свидригайло стягнулъ былъ всѣ силы наддньпровскои Руси, Подôля и Волыня, якъ зъ того вносити можно, що князь Теодоръ Корыбутовичь осаженый на Подôлю особисто въ тôй вôйнѣ участвовалъ. Завязала-сь битва близъ Волкомира надъ рѣкою Святою. На сторонѣ Литвы доводилъ Михаилъ сынъ Сигисмунта и Полякъ Іоанъ зъ Кобылянъ; — на сторонѣ Свидригайла опитный въ искуствѣ военнôмъ Сигисмунтъ Корыбутовичь. Свидригайло былъ пораженый, бôльшая часть его воеводъ зôстала убита. Сигисмунтъ Корыбутовичь тяжко раненый дôсталъ ся въ руки непріятеля и умеръ. Князь Иванъ Володимировичь Кіевскій и князь Теодоръ Корыбутовичь попали ся въ полонь. Свидригайло побитый побѣгъ къ Кіеву, Михаилъ поступилъ къ Витебску и Полоцку, которіи то городы пôддали ся. Жителѣ Новгорода В. зголдовали Сигисмунту добровôльно 1436. — Лишь Кіевъ и южная Русь т. е. Волынь и Подôлье оже майже цѣла древная Володимирская Русь стояли еще при Свидригайлѣ. Кіевъ обороняли Свидригайловіи воеводы Юрша и Нѣмира. За Днѣпромъ въ Сѣверщинѣ державъ Григорій Протассôвъ гдекоторіи городы [46]) на имя Свидригайла. Однакожь и ту явило-сь сто-

---

[45]) Bychowca rękopism (chronika) str. 47.

[46]) Narbutt T. VII, str. 199.

ронництво, стоячое за Сигисмунтомъ. Сигисмунтъ высылалъ полки въ тіи стороны, и такъ продолжала ся борба до р. 1437.

Свидригайлу нещастило-сь. Многіи были причины паденя справы его. Рицарѣ заключили не долго по битвѣ подъ Волкомиромъ въ Берестю року 1435 миръ съ Польщею, и зрекли ся всякихъ сношеній съ Свидригайломъ. Отъ тогды утратилъ сей князь найважнѣйшого союзника. Татары заволжскіи также нехотѣли помагати Свидригайлу якъ ино довѣдали ся, що Сигисмунтъ изгналъ его зъ литовского престола. Они вернули-сь зъ дороги, куда уже на помочь ступали Свидригайлу 1433, въ землю Кіевску и Черниговску, придерживаючу ся Свидригайла и вширъ и вздолжь ю поплѣнили. На дармо старалъ ся Свидригайло уняти собѣ Татаръ заволжскихъ частыми посольствами и дарами. Они занятіи борбами внутрь орды старали ся о пріязнь Сигисмунта, которого уважали за дѣйствительного великого литовского князя. Если якіи Татары служили Свидригайлу, то были то Татары кримскіи и Татары поселившіи ся въ литовской земли.

Свидригайла поступованье отвернуло отъ него и внутрь Литвы и Руси множество приверженцей. Онъ каралъ жестокою смертію тыхъ князей, которіи до стороны Сигисмунта принадлежачи въ руки его попали ся, неуважаючи, що они были высокого роду. Такъ Михаилъ и Семенъ Ольшаньскіи по приказу Свидригайла были умертвленй, первого завязали въ мѣшку и утопили въ Двинѣ, другого звергли зъ пропадистои скалы [47]). Митрополитъ твореня Свидригайлового, Гарасимъ, посвященый по смерти Фотія р. 1431 и обитаючій въ Витебску, посудженый былъ о тайніи сношеня съ Сигисмунтомъ, суперникомъ Свидригайла, зосталъ за мнимое вѣроломство захваченый и сожженый въ Витебску (26 Юліа року 1435) [48]).

Такіи дѣйства родили ненависть и отвернене. Зверхъ того Свидригайло гладѣлъ пріязни у папы римского, щобы свою справу въ лучшомъ свѣтлѣ передъ лицемъ Европы поставити. Папа Евгеній вставлялъ ся за Свидригайломъ, писалъ листы до Сигисмунта, и припоручилъ епископу Каменецкому Павлу, щобы въ имени римского престола погодилъ спорячихъ князей, Сигисмунта съ Свидригайломъ [49]). Щобы приобрѣсти взгляды у папы, долженъ былъ Свидригайло зверхъ дотеперѣшному своему обыкновеню объявляти приклонность католицизмови и церковной уніи. Такое стремленье непонравило-сь православнымъ, привязанымъ къ справѣ Свидригайла до сихъ поръ большою частію для того, що онъ взносилъ

---

[47]) Narbutt T. VII.

[48]) Bychowca rękopism (chronika) str. 47.

[49]) Narbutt T. VII. str. 182.

вѣроисповѣданье ихъ а католицкую церковь пренебрегалъ. Знать и смерть Гарасима послѣдовала въ сопровоженю якихъ то произшествій тыкаючихъ ся церкви. Опрôчь Гарасима дѣйствуе при Свидригайлѣ якій то другій митрополитъ, которого имени жерело намъ неназвало. Ôнъ находилъ ся вразъ съ войскомъ князя Свидригайла на поли битвы пôдъ Волкомиромъ р. 1435 и попалъ ся въ полонь, „а руками поймавши князей сорокъ съ митрополитомъ Кіевскимъ“ [50]). Гарасимъ тогды уже не жилъ, но ктожь былъ сей митрополитъ? Современно проживалъ въ Москвѣ митрополитъ Іона, посващеный по смерти Фотія року 1431. Но той не былъ здае ся въ Волкомирской битвѣ. Другій митрополитъ Исидоръ, спріяючій престолу римскому, посвященый былъ не скорше якъ року 1437.

Еще и многіи иніи причины приспѣшили паденье Свидригайла. Найвѣрнѣйшіи приверженцѣ его, найôтважнѣйшіи и въ искуствѣ военнôмъ найопитнѣйшіи воеводы, найвѣрнѣйшіи дорадчики, мужѣ высокого роду, майже весь цвѣтъ поколѣня литовско-рускихъ князей погибъ пôдъ Ошмянею и Волкомиромъ, або попалъ ся въ руки противника Сигисмунта. Жерело сказуе [51]), що пôдъ Волкомиромъ „поймано князей сорокъ.“ Сокровища, ужитіи Свидригайломъ въ настоячôй войнѣ, изтончили ся, щастье ôтступило, а съ нимъ пощезали и пріятелѣ лучшихъ дней, товаришѣ веселыхъ забавъ, и дорадчики злополучного и зубожѣлого князя. Свидригайло по битвѣ пôдъ Волкомиромъ пребывалъ въ Кіевѣ, его приверженцѣ, оставшіи ся воеводы при кôнци зимы року 1436 пôйшли съ полками въ поле на Волынь и соединивши-сь съ Татарами, плѣнили и пустошили области приверженцѣвъ Сигисмунта Кейстутовича и оперли ся ажь о границѣ Галицко-Холмскои Руси.

По якôмъ-то времени Дерславъ Влостовскій зôсталъ ôтъ Федька Острогского зъ Брацлавя вытисненый 1436. Жерело польское[52]) нарѣкае на недѣлательнôсть и лѣнивство Дерслава Влостовского, но мнѣ видитъ ся, що Брацлавъ улягъ лишь на хвилю насильному удару молдавского воеводы и що на будучнôсть трудно было польскому старостѣ отримати ся въ замку, ôтдаленôмъ ôтъ войскъ польскихъ, середъ широкого подôльского степу, по которôмъ полки Федька неустанно пересували ся.

Еще пôдчасъ тыхъ борбъ, которіи затрудняли Свидригайла въ Литвѣ и въ наддніпровскôй Руси, Федько князь Острогскій стоялъ воуруженый где-то близъ границь Галицкои Руси, занятый схватками съ полками польскими.

---

[50]) Bychowca rękopism (chronika) str. 47.

[51]) Bychowca rękopism (chronika) str. 47.

[52]) Długosz L. XII. p. 692.

На Подолю колибала ся власть польскои короны такъ долго, поки Федько Острогскій стоялъ при Свидригайлѣ. Свидригайло веденый якимъ то злополучнымъ подозрѣньемъ, приказалъ не знати для якихъ близшихъ причинъ Федька Острогского увязнити. Поляки вступили-сь за тымъ славнымъ воеводою, именно же Винцентій зъ Шамотулы и Михаилъ Бучацкій напали на мѣстце, где сидѣлъ Федько Острогскій увязненый, перемогли стражу и увольнили Острогского. Федько Острогскій огорченый поступкомъ Свидригайла, ôтступилъ ôтъ него и пôддалъ ся съ цѣлою родиною и всѣми ему принадлежачими областями королю польскому Владиславу-Ягайлѣ. Ôнъ обѣтовалъ королю вѣрнôсть и призналъ коронѣ право до замкôвъ Брацлава и Кремянца [53]), однакожь съ застереженьемъ, щобы оба городы доживотно въ рукахъ его позôстали. Видитъ ми ся, що въ мѣсто Кремянца должно стояти Каменця, бо Кремянецъ былъ еще и послѣ въ рукахъ Свидригайла, а Каменецъ здобылъ Острогскій тогды, коли плѣнилъ былъ Бучацкого и може быти до тыхъ поръ въ рукахъ своихъ держалъ.

Жерело литовское [54]) прозывае Теодора Корыбутовича княземъ Нѣсвяжскимъ, переноситъ ошибочно всѣ произшествія дотычніи Федька Острогского на Теодора Корыбутовича и тымъ способомъ въ исторіи рускôй дѣлае замѣшательство. Федько Корыбутовичь въ слѣдуючемъ роцѣ 1435 стоитъ на сторонѣ Свидригайла, а грамота пôдданьства Федька Нѣсвяжского назначена рокомъ 1434(?). Федько по выразьному свѣдоцтву Длугоша еще долго по смерти Ягайла держитъ ся стороны Свидригайла. Одно уединеное и здае ся испорченое извѣстье [55]) доноситъ, що Теодоръ Корыбутъ еще ôтъ Ягайла пораженый, утратилъ Каменецъ (?) и Брацлавъ (?) и що позôставлено му лишь Збаражь, Вишневецъ, Колодно и Жмулинцѣ; былъ ôнъ предкомъ славныхъ князей Корыбутôвъ Збаражскихъ и Вишневецкихъ, зъ которыхъ одинъ потомокъ засѣлъ въ пôзнѣйшôмъ времени на польскôмъ престолѣ.

Отже тымъ способомъ зôстало ся Свидригайлу зъ обширныхъ его земель еще лишь городы Кіевъ, Кремянецъ и Луцкъ съ прилежачими землями т. е. бôльшая часть древного Володимирского княжества. Вся сѣверо-западная Русь была въ рукахъ Сигисмунта, а южная въ рукахъ Польщи. Стисненый ôтъ сѣвера Литвою, ôтъ юга Польщею, при грознôй

---

[53]) Krommeri inventarium.

[54]) Stryjkowski ks. XVII. str. 552.

[55]) Stryjkowski: „po śmierci Zygmunta Korybuta w bitwie pod Wielkomirem odpiera Jagejle (Teodor Korybut), porażony poddaje Kamieniec, Bracław, sam musiał poprzestać na Zbarażu, Wiśniowcu, Kłodnie i Zmulincach.“

ворожде, которую питалъ Сигисмунтъ къ нему, уважаючи его за досмертного ворога своего, не зôставало Свидригайлу ничь иного, якъ прибѣгнути до Польщи и ту шукати пощады и покровительства. Свидригайло бажалъ за якимъ нибудь удѣломъ, где бы на старôсть голову свою мôгъ приклонити. Щобы корону польскую приклонною собѣ сдѣлати, съобовязалъ ся Свидригайло узнати короля польского яко своего верховного пана. Свидригайло призналъ яко власнôсть короны еще позôставшіи ся ему области, именно Кіевъ съ прилежачею землею и Луцкъ съ Волынемъ. Обопôльная угода уложена была 26. Паздерника 1436 [56]). Призначенѝ были Винцентій зъ Шамотулъ каштелянъ Межерѣцкій и Іоанъ Сіена, каштелянъ Войницкій, начальникъ крѣпости Олесько, щобы при боку Свидригайла обитали въ Луцку, и верховную власть короны надъ тыми землями представляли.

Сигисмунтъ около того времени ударилъ на Кіевъ, однакожь ôтперъ его воевода Свидригайлы Юрша. Другое крыло войскъ Сигисмунта ударило на Луцкъ. Приспѣло объявленье ôтъ стороны короны, що наступаючіи на тую землю литовскіи войска завяжутъ вôйну съ Поляками зъ причины, що Луцкъ и принадлежачая область стали-сь власностію короны. Войско литовское уступило. О тыхъ произшествіяхъ писалъ Свидригайло до майстра нѣмецкого ордина дня 27 Вересня 1437.

Сигисмунтъ жалилъ ся черезъ послôвъ своихъ на соймѣ въ Сѣрадзи, що Польща пôддержуе его затятого ворога, человѣка бунтовничого духа, которого житье самое есть небезпеченьствомъ для Литвы. Послы литовскіи припоминали панамъ раднымъ записы, якіи выдѣлали и заприсягнули были Поляки съ Сигисмунтомъ при вступленю того князя на престолъ литовскій. Они желали ôтданя Луцка и прочихъ городôвъ оставшихъ ся въ рукахъ Свидригайла и грозили розрывомъ заключеного союза и единьства, еслибы Польща не удосточинила торжественнымъ съобовязанямъ ся. Поляки потакнули. — Сигисмунтъ призволилъ воеводѣ Виленьскому Довгерду заприсягнути обѣтницю, що по смерти его не ôтдасть никому замкôвъ Виленьскихъ, окрôмъ Владиславу, королю Польщи и его наслѣдникамъ. Михаилъ, сынъ его, мае позôстати при самыхъ Трокахъ и прочихъ ôтцѣвствахъ, и по смерти ôтця вразъ съ Литвою найвысшôй власти короля польского и его наслѣдникôвъ повиновати ся. За такіи условія, вручаючіи въ случаю смерти Сигисмунта Литву коронѣ, опустили Поляки Свидригайла и выдали пôдъ днемъ 6 Грудня 1437 въ Гроднѣ записъ, которымъ зрѣкаютъ ся премирія и всякихъ сношеній съ Свидригайломъ,

---

[56]) Narbutt T. VII. str. 207. apud Kotzebue Swidr.— List Swidrigajły do W. mistrza z 27. Września 1437. Stadnickiego Syn. G. T. II. str. 198. „adhaesimus serenitati suae cum omnibus castris, subditis terris et dominiis, quae possidemus et domini Poloni et signanter terrarum Russiae dignitarii, contra quoslibet inimicos consilia et auxilia dare ac facere se inscripserunt."

приркаютъ неудляти ему жадной помочи и обовязуютъ ся ôткликати всхъ рицарей польскихъ, которіи въ его служб находили ся [57]).

Послы польскіи обтовали въ настоячôмъ документ въ имени короля, що ôнъ стрыя своего Свидригайла по всей своей можности переслдовати буде [58]). — Однакожь еще въ Лютôмъ, Априлю и Маю 1438 Свидригайло пребывалъ на Волыни и обиталъ въ Луцку, якъ тое достоврніи документа посвдчаютъ [59]). Ôнъ именуе ся еще великимъ княземъ литовскимъ и рускимъ, на инôмъ документ лишь княземъ рускимъ. При его боц находятъ ся князь Иванъ Путята, Иванъ Романовичь и шляхетніи панове Монвидъ, староста подôльскій и кремянецкій, Юрша воевода Кіевскій, Іоанъ Войницкій, староста Луцкій, Юрій маршалокъ придворный, Козаринъ маршалокъ луцкои земл, Петро Мышчичь кухмистръ, Маско Гулевичь, Иванъ Гулевичь, Хохлевскій, Иванъ Волотовичь, Иванъ Чорный, Иванко Мукосевичь, Гаврило Шило и проч. иніи. Были то оставшіи ся врніи слуги Свидригайла. Достоинства безъ доходôвъ, староства частію безъ земель и надя еще не съ всемъ потеряна, якъ о тôмъ свдчитъ кореспонденція съ рицарями [60]), то было все, що Свидригайлови зъ его свтлого быту и благополучныхъ дней позôстало. Ôнъ роздавалъ позôставшіи ему села слугамъ врнымъ по праву феодальному.

Здае ся, що Свидригайло все що малъ роздлилъ до остатку и ничь бôльше ему не позôстало ся. Прибывшому зъ Сверщины Богушу недалъ прото ничого, но обцялъ му дати на будучнôсть якое-то значное заопатренье [61]). Но не о самôй лишь шляхт памяталъ Свидригайло. Въ город Кремянци обитали якъ и по иныхъ городахъ на Руси: Русины, Ляхи, Нмц, Волохи, Ôрмены и Татары. Король установилъ вôйтôвство въ тôмъ город. Вôйтъ обовязаный былъ служити съ двома стрльцями въ вôйн и судити всякі провины. Князь опредлялъ дачку грунтову и доходъ зъ засудженыхъ грошевыхъ каръ, вплываючій бôльшою частію въ княжую касу, меньшоюже частію призначеный на упосаженье вôйтôвства. Новіи установы опертіи на прав магдебургскôмъ обôчь давныхъ устройствъ права ленного соткнули ся ту въ тôмъ закутку Волыня, где скрылъ ся былъ Свидригайло и упадаючую самостоятельнôсть

[75]) Codex diplom. Poloniae Varsaviae.

[58]) Ibidem: „quin imo ipsum Swidrigail pro posse infestabit et persequetur.“

[59]) Акта западнои Россіи, жалована грамота литовск. князя Свидригайла кухмистру Петру Мышчичу Т. I. стр. 48. Грамота Свидригайла Тимотею Богушу Т. I. стр. 49. и паданье войтовства въ Кремянци Юркови.

[60]) Narbutt T. VII. str. 212.

[61]) Акта западнои Россіи Т. I. стр. 49.

позôставшои ся ему части руского Володимирского княжества еще пôддержати силовалъ ся. Наконець Свидригайло не чулъ ся быти безпечнымъ даже въ Луцку на Волыни, тымъ бôльше, коли и Сигисмунту казало-сь быти небезпечнымъ житье его. Свидригайло опасалъ ся о себе и оставилъ Луцкъ, довѣдавши ся о съобовязаняхъ, сдѣланыхъ Поляками въ Городнѣ. Ôнъ вынѣсъ ся до Волощины, а вѣра въ убожество и сирôтство его была такъ розпросторонена, що утворила-сь сказка, що Свидригайло скитаючи ся по Волощинѣ, вступилъ въ службу у якого то богатого волоха и пасъ его чабаны [62]).

Въ року 1438 явилъ ся Свидригайло въ Перемышли. Ту пребывалъ якійсь часъ съ численымъ дворомъ на ласцѣ, утримованый ôтъ братанця своего, короля польского Владислава. Черезъ посла Николая Пôдкраевского гербу Рогаля, сносилъ ся съ рицарями нѣмецкого ордина [63]). Но ординъ ничого не мôгъ для него учинити, будучи связаный миромъ Берестейскимъ, заключенымъ съ Польщею, въ который включена была Литва и еи теперѣшній великій князь Сигисмунтъ. Сигисмунтъ наставалъ у польского короля, щобы выдалилъ Свидригайла зъ своихъ краѣвъ, закидуючи ему, що пôддержуе во преки съобовязанямъ досмертного ворога Литвы. Свидригайло еще разъ принуженый былъ оставити Русь и по чужихъ земляхъ скитати ся. Вѣроятно пребывалъ ôнъ черезъ два лѣта въ Седмоградѣ. Небытностію Свидригайла пользовалъ ся Сигисмунтъ. Ôнъ натискалъ на Полякôвъ, щобы соотвѣтно до заприсяженыхъ съобовязаній ôтдали ему Луцкъ. Кіевъ надали му Поляки уже въ передидучôмъ времени, но коли тое стало ся, докладно сказати не знаемъ. Теперь ôтдали му також Луцкъ и Волынь (давну Володимирію), а Сигисмунтъ вразъ съ своимъ сыномъ на ново заприсягъ, що той городъ и земля на то мѣстъ по смерти Сигисмунта ôтданй будутъ польскому королю [64]).

Въ року 1435 волоскій воевода Илія утѣкъ зъ Сѣрадза, где сидѣлъ безчинно пôдъ стражію Петра Шафранця, палатина (воеводы) краковского, до Волощины и зажегъ домовую вôйну съ братомъ Стефаномъ. Волощина была, якъ мы видѣли, предметомъ спору межи Уграми и Польщею. Въ настоячôмъ времени завладѣли уже были Турки многими областями царства бизантійского и розширяли вплывъ свôй ажь до Волощины. Польща

---

62) Stryjkowski.

63) Narbutt T. VII. str. 220. Письмо ввѣрительное зъ дня 6 Грудня 1438, изданое въ Перемышли, заховало ся въ прускихъ архивахъ до нашихъ временъ.

64) Stryjkowski: Dowgerd wojewoda wileński został starostą łuckim, przysiągł w imieniu wszystkiej Litwy po śmierci Zygmunta nikomu innemu nie poddawać (Luck) jeno Władysławowi i jego namiestnikom.

дѣйствовала, щобы молдавскихъ воеводъ погодити. И дôйстно спорячіи братя погодили ся и роздѣлили Волощину межи себе. Стефанъ затрималъ Бѣлогородъ и пристани на чорнôмъ мори. Илія отрималъ области на югъ ôтъ Днѣстра смежнй Подôлю и городы Хоцимъ, Сучаву, Яссы (ту столиця зъ Сучавы перенесена), Брайлôвъ, Берладъ, Текучу и проч.[65]). Видко, що Илія придерживалъ ся стороны Польщи а Стефанъ Турковъ. Стефанъ ôттягалъ ся ôтъ сложеня голду Владиславови Ягайлончику. Илія же съѣхалъ до Львова 1436 съ своими боярами, привѣзъ королю великіи дары и сложилъ му голдъ и послушеньство. Король надѣлилъ реченого воеводу замкомъ Галичемъ и прилежачею областію вразъ съ поборами и доходами. Тая область мала быти убѣжищемъ для Иліи, а замокъ Галицкій мѣстцемъ, где-бы скрывалъ Илія скарбы свои въ случаю, еслибы Турки его на рôднôй земли загрожали [66]).

Въ Польщи находила ся обôчь партіи католицкои партія спріяючая Гуситамъ. На челѣ тои партіи стоялъ Спитко зъ Мельштына, сынъ погибшого славного богатыря пôдъ Ворсклою, на челѣ католицкои партіи стоялъ знаемый намъ епископъ краковскій Сбигнѣвъ Олесьницкій. Гусситы розбитіи въ Чехахъ загнѣздили ся были въ Силезіи. Гусситскіи проповѣдники пребывали въ Польщи на дворахъ магнатôвъ польскихъ, которіи сторонництву гусситскому принадлежали. Сбигнѣвъ приказалъ панамъ польскимъ, щобы Гусситôвъ зъ дворôвъ пôотдаляли. Спитко связалъ ся съ Дерславомъ Рытваньскимъ и Фридерикомъ (Федькомъ?) Острогскимъ [67]), призвалъ Гусситôвъ Силезкихъ, впалъ въ землю краковскую и пустошилъ церковніи области пôдлежачіи юрисдикціи епископа краковского р. 1438. Паны польскіи съѣхавши ся до Корчина списали противу Спитку актъ конфедераціи. Спитко запôзваный передъ судъ земскій, перепросилъ Сбигнѣва и такь движенье Гусситôвъ на короткій часъ въ Польщи утихомирило ся.

Въ року 1439 по смерти цѣсаря Сигисмунта наслѣдилъ зять его Альбрехтъ, зъ дому Габсбургôвъ, князь Австрійскій, на престолѣ угорскôмъ, ческôмъ и нѣмецкôмъ. Ôнъ не затвердилъ былъ компактатôвъ т. е. тыхъ церковныхъ свободъ, о которіи каликстины (умѣреная сторона Гусситôвъ) съ Сигисмунтомъ были условили ся. Каликстины списали актъ конфедераціи, выключили Альбрехта ôтъ наслѣдія престола и призвали на

---

65) Stryjkowski ks. XVII. str. 554.

66) Stryjkowski ibidem „król mu postępuje zamku halickiego na chowanie skarbów.“ Długosz „castro Halicz eidem Heliae wojewodę effectualiter assignato.“

67) Długosz L. XII. p. 698. „assumpto sibi in auxilium duce Russiae Ostrowski Friderico.“

тронъ ческій 1439 Казимира Ягайлончика, молодшого рôдного брата Владислава II. Сигисмунтъ, великій князь литовскій, домавлялъ Владиславу, що небезпечно естъ для Польщи и Литвы, бы корона угорска, ческа и нѣмецка соединеній были на однôй головѣ, що цѣсареви нѣмецкому въ тôмъ случаю предстоялабы великая сила, що ôнъ уже зъ становища своего вспирати буде ординъ нѣмецкій, принадлежачій до нѣмецкои имперіи, що легко моглобы прійти до вôйны межи Литвою, Польщею и ординомъ, а въ тôмъ случаю Поляки съ Литвою нѣмецкихъ рицарей пособленыхъ ôтъ Нѣмецъ, Чехъ и Угоръ, не преодолѣлибы.

Тіи представленя скутковали. Политичня сторона спріяючая Гусситамъ, перемогла въ радѣ и на соймѣ надъ представленями Сбигнѣва Олесьницкого. Казимиръ Ягайлончикъ принялъ ческу корону и на челѣ польского рицарства ôтправилъ ся до Чехъ и занялъ укрѣпленый Гусситскій городъ Таборъ. Князѣ Силезкіи, зависимй ôтъ ческои короны, нехотѣли признати Казимира королемъ ческимъ. Про то выслала Польща войско и шляхту зъ земель: Краковскои, Судимирскои, Люблиньскои и Холмскои р. 1439. Тое войско наступило на Силезію и спустошило ю [68]). Сторона Казимира Ягайлончика вскорѣ въ Чехахъ упала. Альбрехтъ двигнулъ ся до Чехъ, Полякамъ забракло живностей, папа Евгеній IV. посредничилъ межи Аньбрехтомъ и Казимиромъ, вплывъ Сбигнѣва набралъ переваги въ радѣ, а Казимиръ и войска польскіи въ Силезіи и Чехахъ дôстали приказъ, щобы опустили Чехи и повернули до дому. Спитко розпочалъ снова вражду съ Олесьницкимъ, нападалъ на Корчинъ, однакожь былъ ôтъ Поляковъ католиковъ ôтраженый и убитый р. 1439 [69]).

Въ ордѣ татарскôй внутренніи безпокои неуставали. Илу-Магомедъ зверженый былъ зъ престола р. 1438. Ôнъ перенѣсъ ся до Казана и утворилъ тамъ осôбную суверенную династію. Въ ордѣ киптшакскôй воцарили-сь два ханы. Кутшукъ-Магомедъ, внукъ Тохтамишхана и Сейдъ-Ахмедъ, правнукъ Уру хана. Сеидъ Ахмедъ владѣлъ ордою на рѣцѣ Яйкъ. Въ Кримѣ являе ся новый ханъ Гаджи-Гирей.

Въ ордѣ заволжскôй насталъ голодъ. Въ ôтдаленю ѣзды двохъ дней ôтъ головного сѣдалища орды простирали-сь поля съ плодоносною почвою. Звычайно въ мѣсяци Лютôмъ въ ордѣ вызначеный былъ якій-то день мѣсяця Марта, на которôмъ сѣйба розпочинала ся. На призначенôмъ дни спѣшили Татары на возахъ въ поле и повѣряли сѣмя земли. Ôттакъ ôтходили воевати пограничнй краи и бавили такъ долго, поки збôже не

---

[68]) Dlugosz ad a. 1438 pro 1439.

[69]) Moraczewskiego dzieje (historya) rzeczypospolitej polskiej.

дозрѣло. Жатва была плодоносна, жито выдавало 50 зеренъ, а просо 100 [70]). По жатвѣ звычайно по другій разъ вырушали Татары за добычію. Попереднѣйшій ханъ Илу-Магамедъ т. е. великій Магомедъ, черезъ 11 лѣтъ панованя своего недавалъ Татарамъ ôтпочинку. Ôнъ безперестанно съ своимъ таборомъ ходилъ зъ одного мѣстця на другое, и обороняль ся противу претендентôвъ киптшакского престола. Тымъ способомъ Татары залишили сѣйбу и управу рôлѣ, до которои ôтъ якого-то часу были попривыкали. Нестало хлѣба. Татары принуженѝ были живити-сь мясомъ и молокомъ. Той недостатокъ былъ причиною слѣдуючого нападу Татарского на Подôльскую и Галицкую Русь. Ôтъ времени явленя ся выжь по имени наведеныхъ ханôвъ, Кутшукъ Магомеда и Сейдъ Агмеда, неуставали напады Татаръ на землѣ рускіи, пôдвластнѝ польскôй коронѣ. Ханы неуставали пустошити нашу Галицкую Русь, палили, лупили и забирали все, що имъ на дорозѣ навинуло ся. Годѣ было ôтотхнути ôтъ тревоги, годѣ управити рôлю и зôбрати божій даръ. Родичѣ съ родинами опускали хаты, утѣкали въ лѣсы, яскинѣ и въ пôдземніи диры и скрывали ся тамъ съ родиною и остаткомъ добытку передъ Татариномъ. Въ року 1438 вторгнулъ Сейдъ-Агмедъ съ безчисленымъ множествомъ татарскихъ полкôвъ около Сошествія св. Духа на Подôлье и захватилъ множество невооруженого народа. Бояре рускіи (Russiae barones) вооружили-сь обороняти край, и пустили-сь за Татарами на вздогôнъ. Татары засадили-сь въ якôмъ-то намъ незвѣстнôмъ мѣстци за болотами и моклаками. Войско руское запевно пôдъ проводомъ руского воеводы неосторожно вдарило на Татаръ. Одна часть вôйска загрязла, другая не зрозумѣвши польскую коменду „zasię" [71]) думала, що то воевода далъ приказъ утѣкати, и обернувши ся убѣгала. Татары вдарили въ тылъ убѣгаючимъ и позабивали тысячѣ рускихъ бояръ. Такъ погибъ самъ цвѣтъ руского боярства [72]). Погибли и найлучши воевники благородного польского произхоженя именно: Михаилъ Бучацкій, староста подôльскій, Скарбекъ де Горы, Николай Гиза, Іоанъ Коло; Іоанъ Влодковичь удалъ умерлого и такъ уйшолъ смерти, бо Татары раненыхъ на поли убивали. Татары пôдступили пôдъ Львôвъ, начали осажати городъ, но немаючи потребного приспособленя и средствъ до долготревалои осады а може и принуженѝ пôзною порою року, ôтступили попаливши передмѣстя города Львова [73]). По ôтходѣ Татаръ повернули жителѣ зъ своихъ убѣжищь.

---

[70]) Hammer Purgstall Geschichte der goldenen Horde S. 390.

[71]) Długosz L. XI. p. 706. „zasie voce illa in mallo intellecta significato, quasi omnibus fuga mandaretur etc"

[72]) Długosz L. XII. p. 707. „praestantiores milites Russiae cecidisse."

[73]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 99.

О горе! Где были села и хаты, тамъ застали попелъ и пожарище. Яка. скорбь родинамъ! якій убытокъ народоселеню! якая гибель рускому дворяньству! Вооруженій погибли на поли битвы, старцѣ и дѣти немогучи избѣгнути гибели, были умертвленій, молодцѣ и дѣвчата были захваченій и далеко ôтъ отечества и рôднои земли въ степы заволжскіи и задоньскіи запроваженій.

Той нападъ Татаръ былъ пересторогою для городôвъ. Они будовали, исправляли и взмôцняли укрѣпленя. Горожане Львова найревнѣйше по межи всѣми заняли ся взмôцненьемъ укрѣпленій городскихъ, до чого найбôльше причинялъ ся первый воевода рускій, постановленый по включеню Галичины до Польщи, Петро де Спрова Одровонжъ.

Вѣроисповѣданье латиньское въ Галицкой Руси ширило ся. Въ р. 1436 умеръ архіепископъ лат. обр. Іоанъ Решовскій, за которого временъ по свѣдоцтву жерелъ число вѣрныхъ лат. обряда въ Львовѣ черезвычайно увеличило ся [74]). Замѣтити належитъ, що король Владиславъ не уважаючи на право выбирательное латиньскихъ капитулъ львôвскои и перемышльскои, которіи по смерти выжь реченыхъ архипастырей выбирали наслѣдникôвъ архіерейскихъ престолôвъ (такъ выбрала была перемышльская лат. капитула Францишка де Оржехъ, а львôвская Сильвестра де Здьехôвъ) поставилъ по своему произволу иныхъ мужей архипастырями, именно Николая Хржастовского, епископомъ перемышльскимъ, а въ Львовѣ Іоана де Спрова Одровонжа, рôдного брата выжь реченого Петра де Спрова Одровонжъ, руского воеводы.

Руская церковь не пользовала ся тыми свободами що латиньская. Села и державы, которіи зъ стародавна до нихъ належали, частію имъ ôтрывано и употреблено на иній цѣли [75]). Старосты, урядники и обивателѣ паньствъ земель рускихъ (т. е. Галицко-рускихъ и подôльскихъ) перескажали епископамъ чинити суды въ справахъ попôвскихъ, особливо же въ справахъ розводôвъ и малженьствъ, въ которôй то точцѣ установы греческои церкви ôтъ латиньскои розличають ся. Также часто супротивляли-сь они церковнымъ звычаямъ, которіи по областямъ ôтъ древнихъ временъ были заховали ся [76]).

Тое утисненье поносила церковь греческая для своей рознôсти въ вѣроисповѣданю и ôторваня ся ôтъ церкви католицкой. Настала лучшая

---

74) Dlugosz „cujus temporibus ecclesia Leopoliensis in cultu suo plurimum adamta est.“

75) Галицкій историческій сборникъ Т. III. пр. 52 „Такъ н. пр. жаловалъ ся р. 1440 пôпъ Вавила ôтъ святого Спаса ôтъ Столпа въ Холмскôй епархіи, що староста холмскій сады церковніи ôтъ него ôтбирае.“

76) Акты западной Россіи Т. I. стр. 56. 57.

надѣя, що церковь греческа приобрѣте рôвніи свободы съ церквою латиньского, ôтъ коли на соборѣ въ Флоренціи року 1439 [77]) Іосифъ, патріархъ константинопольскій и многіи иніи епископы восточнои церкви, съ изъятіемъ епископа ефеского Марка, который рѣшительно обставалъ при православію, пôдписали вразъ съ Іоаномъ Палеологомъ, цѣсаремъ бизантійскимъ, унію т. е. соединенье церкви восточнои съ латиньскою.

Митрополитъ Кіевско-Московскій Исидоръ, родомъ Грекъ, посвященый на митрополита ôтъ патріарха по смерти Гарасима 1437, высланый ôтъ московского князя Василія съ многими духовными и мирскими, всего 100 человѣкъ, былъ также на тôмъ соборѣ и причинилъ ся много до заведеня уніи, прото именованый былъ легатомъ папскимъ на Литву, Прусы и Польщу. Вертаючи домôвъ черезъ Угры и Русь выслалъ зъ города Буды въ Украхъ 5 Марта 1440 возвѣщенье „яко церковь восточная съ западною, толико время роздѣлени и едина къ едной враждебни, нынѣ истиннымъ соединеньемъ соединили ся.“

Зъ Буды Исидоръ ѣхалъ до Сонча, и ту принятый ôтъ кардинала Сбигнѣва Олесьницкого, священодѣйствовалъ торжественну службу, ôттакъ приѣхавши до Кракова также принятый былъ съ великою честію и священодѣйствовалъ. Въ Тарновѣ посвятилъ Исидоръ костелокъ Пресвятои Богородицѣ на Бурку [78]), въ дальшôй дорозѣ посѣтилъ Холмъ и Львôвъ. Въ Львовѣ ôтправлялъ службу въ костелѣ катедральнôмъ ведля обряду греческого [79]), которому богослуженю Русины львôвскіи не хотѣли быти притомнй, кривымъ окомъ на дѣйства руского папского легата позираючи. Зъ Львова приѣхалъ Исидоръ до Кіева, зъ Кіева до Москвы. Однакожь тая унія ни въ Царгородѣ, ни въ Москвѣ не была долготревалою. Въ Царгородѣ возмутили ся на самую вѣсть о сдѣланôй уніи чернцѣ зъ ненависти къ Римови, и возбужаючи нарôдъ противу пôдписовавшихъ унію, произвели великое возмученье въ Царгородѣ. Унія въ Царгородѣ пересѣкла ся неинаше и въ Москвѣ. Князь Московскій Василій и епископы Московскіи приняли вѣсть о уніи, привезеную имъ Исидоромъ, съ великимъ огорченьемъ. Созванй епископы низложили Исидора, а на его мѣстци управлялъ давнѣйше на митрополита выбраный, но еще не посвященый Іона. Ажь въ року 1449 посвятили рускіи епископы въ Москвѣ Іону безъ всякого ôтношеня къ царгородскому патрѣарху.

---

[77]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 99. Року 1439 были голодъ и моровая зараза въ Польщи и въ Львовѣ.

[78]) Истор. Сборникъ Т. III.

[79]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 101.

Исидоръ вывлеченый зъ церкви, заключеный былъ въ монастырѣ чудьскомъ. Онъ успѣлъ убѣчи и черезъ Литву отправилъ ся въ Римъ. Ту сложилъ епископство Кіевское въ руки папы и отрималъ достоинство кардинала, дѣйствовалъ въ Константинополи за соединеньемъ, а коли Константинополемъ завоевали Турки, прибылъ по многихъ пригодахъ до Риму и нареченый епископомъ Сабиньскимъ, а потомъ даже патріархомъ царгородскимъ, умеръ 1463 и похороненый при св. апостолѣ Петрѣ въ Ватиканѣ. По всей вѣроятности большая часть епископовъ южнорускихъ и литовскихъ, уважавшая Исидора за правовитого митрополита своего, въ время его повороту зъ Риму приступила до соединеня съ римскимъ престоломъ. Львовскіи Русины, также епископы: Даніилъ Володимирскій и епископъ Берестейскій не признали Исидора и неприняли унію [80]).

Послѣдства того соединеня были для церкви восточнои въ Литвѣ и въ Польщи дуже корыстніи и казали-сь ей надѣяти лучшои долѣ. Польскій король Владиславъ II. Ягайлончикъ выбраный на короля угорского, выдалъ въ Будинѣ дня 22. Марта 1443 грамоту, которою призволилъ Владыкамъ и приложенымъ набоженьства греческого и руского, на всѣ права, способы, звычаи и всякіи свободы вѣчными часами, такіижь, яковыхъ въ королевствахъ польскомъ и угорскомъ всѣ костелы и ихъ архіепископы, епископы, приложени и инии особы костельни звычаю римскои церкви заживаютъ. Польскимъ дигнитарамъ, старостамъ, урядникамъ и обивателямъ королевства польского приказано, щобы не перешкажали юрисдикціи рускихъ владыкъ, и стародавнымъ звычаямъ въ земляхъ королества польского и краѣвъ прилеглыхъ (оже и рускихъ земель принадлежачихъ Литвѣ) не противили ся. Наконець веденый духомъ любви Христовой, привернулъ король „побожною тихостію" всѣ имѣня церковніи, села и области, которіи отъ стародавна до тыхъ церквей належали, и въ рукахъ якои будь особы або въ якихъ нибудь областяхъ въ настоячомъ времени находили ся [81]).

Отпаденье отъ новозаведенои уніи наступило по всей вѣроятности тогды, коли Исидоръ опустилъ Москву и переселилъ ся до Риму, а по томъ до Царгорода. Однакожь еще и тогды переписовалъ ся онъ съ епископами руско-литовскими. Зложивши достоинство митрополита кіевского въ руки папы, представилъ въ мѣсто себе на митрополита кіевского якого-то Григорія Болгарина. Григорій былъ преже архимандритомъ Демитріевого монастыря въ Царгородѣ, посвященый въ митрополита, от-

---

80) Карамзинъ Т. V. стр. 311. Галицкій истор. Сборникъ Т. III.

81) Акта западнои Россіи Т. I. стр. 56. 57.

правленый былъ папою Піемъ II. до Польщи и Литвы. Папа пôдчинилъ ему р. 1458 девять епархій, Брянскую, Смоленьскую, Полоцкую, Туровскую, Луцкую, Володимирскую, Холмскую, Перемышльскую и Галицкую. Нового митрополита Григорія, признаючого папу головою церкви, узнавалъ кто хотѣлъ. Ôнъ обиталъ въ Вильнѣ, однакожь южно-рускіи епископы повиновали-сь Іонѣ и не узнавали Григорія епископомъ скорше ажь по смерти Іоны р. 1461.

Новый митрополитъ, соединеный съ римскимъ престоломъ, не малъ жадныхъ средствъ ôтповѣдныхъ для пропитаня своего, прото опредѣлилъ польско-литовскій король Казимиръ р. 1470 Григорію, митрополиту руско-литовскому, Галицко-крылоскій монастырь съ селомъ Перегинско т. е. соборъ и земскіи имѣня галицко-рускои митрополіи [82]). —

Сигисмунтъ, великій князь литовскій, загадалъ погубити рôдъ шляхоцкій и пôднести станъ хлопскій [83]). Ôнъ въ духу городельскои уніи стремилъ къ тому, щобы князей и вельможь владѣючихъ просторонными имѣнями, срôвнати прочимъ посѣдателямъ малыхъ земскихъ имѣній и людямъ свобôднымъ. Бояре литовскіи бояли-сь за свои привилеи. До сихъ поръ засѣдали они въ радѣ и на соймѣ, управляли вразъ съ княземъ державными дѣлами, пôдносили голосъ въ найважнѣйшихъ справахъ, занимали высокіи достоинства и уряды, володѣли на своихъ имѣняхъ неограничено, надавали области ленникамъ и творили собѣ дворъ зѣобовязаныхъ людей. Сигисмунтъ намѣрилъ запровадити той самъ порядокъ въ Литвѣ, що въ Польщи, где вельможа посѣдатель просторонныхъ областей былъ рôвнымъ въ своихъ свободахъ и вôльностяхъ кождому свобôдному землянинови и вôльному посѣдателю хотя маленькои часточки землѣ. Такое стремлѣнье Сигисмунта возбудило супротивлѣнье, неудовольства, заговоры и сношеня съ Свидригайломъ. Литовцѣ и Русины бояли-сь о самостоятельнôсть Литвы. Предстояло, що ведля записôвъ Сигисмунта по смерти его припаде Литва коронѣ, оже правити буде Литвою король и корона, не самодѣльный литовскій князь, Литва стане ся провинціею Польщи и воля литовско-руского народа обмежитъ ся. Шляхта нарѣкала, що князь окружилъ ся людьми простого произхоженя, повѣрялъ имъ уряды [84]), поводовалъ ся ихъ мнѣніями и доносами. Сигисмунтъ приказалъ многихъ Литовцей и Русинôвъ увязнити, не уважаючи на станъ и произхоженье; такъ н. пр. Олелька Володимировича, князя на Копылю, съ женою и двома

---

[82]) Галицкій историческій Сборникъ Т. III. стр. 52.

[83]) Bychowca rękopism (chronika) str. 48.

[84]) Stryjkowski ks. XVII. str. 559. „Zygmund włości słuckiego księstwa urzędnikami swemi osadził.“

сынами, и Юрія Лангвеновича, князя Мстиславского, князей зъ Ольгердового роду. Тая строгость Сигисмунта сягала такожь на Волынь. Крѣпость въ Луцку переполнена была вязнями, принадлежачими высшому сословію Волыньскои Руси. Были то давніи пріятелѣ и приверженцѣ Свидригайловй, князѣ и бояре. Свирѣпіи дѣла Сигисмунта не кôнчили ся увязненями. Многіи высокоуроженіи мужѣ, именно еще въ время борбы съ Свидригайломъ и по укôнченю вôйны, по повелѣню Сигисмунта зъ причины сношеній съ Свидригайломъ, зôстали умертвлені. Общое неудовольство и роздражненье умôвъ въ слѣдство такъ свирѣпыхъ дѣлъ произвели великій заговоръ. Князь Іоанъ Чарторыскій (Długosz: Joannes Czartoryski ritus et generis Ruthenus) а пôдля литовского жерела[85]) Александеръ Чарторыйскій, Довгердъ, воевода виленьскій и Лелуша, воевода Троцкій, заприсягнули ся противу Сигисмунту, дôстали-сь лестію до внутра замку Троцкого, где передъ людьми и свѣтомъ замыкалъ ся подозрѣливый князь, и умертвили его дня 20. Марта 1443 въ цвѣтную недѣлю [86]).

Заговорчики Чарторыскій и прочіи пôслали до Волохъ искати князя Свидригайла, щобы велико-княжескій престолъ принялъ. Свидригайло бавилъ тогды якъ сказуютъ, въ околицяхъ надпрутяньскихъ. Ту по смерти своеи другои жены, княгинѣ Тверскои, оженилъ ся може быти съ якою красивою дѣвицею, которую пôзналъ пребываючи въ горахъ, где то въ закутку скрываючи ся передъ затѣями на его житье и особу, дѣлаными великимъ княземъ литовскимъ Сигисмунтомъ [87]).

Свидригайло заразъ по смерти Сигисмунта опустилъ свôй дотеперѣшній закутокъ и прибылъ до Луцка. Жителѣ сего города довѣдавши ся о его прибытію, выйшли противу нему съ возторгомъ, привитали прибывшого князя и на баркахъ внесли его тлумно и въ посередъ объявôвъ радостныхъ до Луцка, теперѣшного головного города Володимирскои Руси. Свидригайло освободилъ всѣхъ князей, вязненыхъ въ крѣпости Луцкôй. Ту прибыли и инй приверженцѣ Свидригайловй. Радôсть надзвычайная и ей объявленя зъ причины напраснои смерти великого князя литовского Сигисмунта и явленя Свидригайла продолжала ся черезъ кôлька дней [88]).

---

85) Быховца рукопись сказуе, що Александеръ Чарторыскій убилъ Сигисмунта.

86) Stryjkowski ks. XVII. str. 561. „był tak wielki głód (w roku śmierci Zygmunta) w Litwie i w Rusi i po wsiach i miastach, iż ludzie rozchodząc się z miast i ze wsi po puszczach się błąkali, których zaś zwierż zjadał."

87) Narbutta dzieje narodu litewskiego T. VII. Нарбутъ пребыванье Свидригайла въ надпрутяньскихъ сторонахъ и его женитьбу ôтноситъ до пôзнѣйшихъ временъ. Тіи саміи факта повтарае онъ часто по два разы. Два жерела доносячи о тыхъ самыхъ событіяхъ съ рôжницею въ пôдрôбностяхъ, выдавали-сь Нарбутту якбы розказовали два различніи ôтъ себе событія.

88) Długosz L. XII. p. 725.

Въ Литвѣ такожь освобожені были всѣ плѣнники, а радость зъ причины смерти Сигисмунта была велика. Однакожь лишь высокая шляхта радовала ся. Кметѣ, которыхъ судьбою щиро займалъ ся Сигисмунтъ, плакали ревными слезами, и долго еще по томъ въ пѣсни опѣвалъ народъ литовскій, якъ смѣли князята рускіи забили князя литовского, судьбою убогого сословія занимаючого ся народного отця. Радость шляхетныхъ пановъ въ Литвѣ скоро минула, якъ кождое збыточное объявленье чувства. Литовцѣ и рускіи панове въ Литвѣ отхолонувши отъ первого возторга начали радити, якъбы собѣ на будучность поступити и когобы на великого князя выбрати. Сказуютъ, що еслибы былъ Свидригайло скоро пустилъ ся зъ Луцка до Литвы, его партія занявшая въ его имени головні замки Виленьскій и Троцкій, была бы взяла гору. Но старый Свидригайло потерялъ догодное время въ Луцку, бо миліи му были объявы радости Волыньцей и забавы въ Луцку.

За вліяньемъ Юрія Семеновича Гольшаньского, которому присоединили ся Кезгайло, староста жмудскій, Іоанъ Гаштольдъ, воевода Смоленьскій, Николай Нѣмировичь, Радивилъ, маршалокъ земскій и прочіи, рѣшилъ народный соймъ, собравшій ся по смерти Сигисмунта въ Вильнѣ, щобы Литва и на будучность заняла отрубное при Польщи становище и щобы не чекаючи на позволенье короля и короны вынести молодшого брата короля Владислава, 13 лѣтного Казимира, на престолъ великого литовского княжества.

Поляки мали съ Литвою совсемъ иное намѣренье. Они хотѣли Казимира отпослати въ Литву, но не яко великого князя, но яко королевского намѣстника. На подставѣ записовъ Сигисмунта намѣрили они отдѣлити отъ Литвы Волыньскую Русь и Берестейское Подляшье; первое хотѣли утримати при Свидригайлѣ, другое яко давное достоянье Кейстутовичей при Михаилѣ, сынѣ Сигисмунта. Такъ мала Литва розложити ся на кôлька независимыхъ отъ себе княжествъ, которіи безпосередно мали коронѣ подчинити ся. Тое все намѣряли учинити Поляки, щобы Литва уменьшена о кôлька изобильныхъ земель и на многіи части подѣлена, утратила часть своего могучества и такъ скорше перекоротило-сь ей буйство и стремлѣнье, политичнымъ намѣренямъ Польщи супротивляти ся[89]). Почетъ избраного польского рицарства, межи ними Грицко Кердей, тогдашній воевода подôльскій и Сѣнко, каштелянъ львôвскій и князѣ мазо-

---

[89]) Długosz: „Quatenus ducatus, ipse (Lithvaniae) in plures partitus, acciperet in his terris, quae nondum cultae sunt augmentum et regibus Poloniae atque regno cui subjectus est, taliter diminutus calcitrare non auderet“ — „consultum est, Lithvaniam dividendam partiendamque in plures principes, ut potestate iminuta, insolentia, quae ex illa oriebatur, conquiesceret.“

вецкіи сопровожали молодого князя Казимира до Судомира, ôттамъ до Берестя, а далѣй до Дубна надъ Нѣменъ. Ту до Дубна [90]) пôдля иныхъ до Берестя [91]) приѣхали князѣ Сангушки зъ Волыня, Збаражскіи, Вишневецкіи, Чарторыскіи. Ковельскіи, Кошерскіи, Ольгердовичѣ и инû князята и бояре Волыньскіи [92]). „Князь великій Казимиръ принявши Волыньцѣвъ съ всѣми тыми князями и паны“ приѣхалъ до Вильна. Поляки неуставали напирати, щобы Казимиръ не иначе, но яко намѣстникъ короны принялъ правленье въ Литвѣ, и супротивляли ся рѣшительно намѣреню Литовцей и Русинôвъ, хотячихъ Казимира на велико-княжескій престолъ въ Литвѣ ввести. Литовцѣ смовили ся тайно, запросили Полякôвъ на суту вечеру, упоили ихъ туго и коли увеселенû гостѣ не долго передъ ранкомъ глубокимъ сномъ заснули, впровадили Литовцѣ Казимира до катедральнои церкви въ Вильнѣ, пôднесли его на престолъ великого княжества литовского, надѣли шапкою Гедымина, подали мечь и окрыли его мантіею великихъ литовскихъ князей. Поляки обудили ся радостными окриками виленьского народоселеня, витаючого великого князя, роптали, но уже было запôзно, ничь иного не позôставало, якъ ино узнати сдѣланый фактъ и попращавши-сь зъ Литовцями повернути домôвъ.

Новый литовскій князь повинуючи ся народному голосови, державъ судъ надъ заговорчиками, которіи Сигисмунта убили. Лелуша ôтсуженый былъ ôтъ староства троцкого, Александеръ Чарторыскій непритомный, укараный заточеньемъ и конфискаціею маеткôвъ, Іоанъ Чарторыскій и Довгердъ, староста Виленьскій извинили ся. Казимиръ усталивши ся на тронѣ великого княжества, ôтпославъ воеводу Іоана Гаштольда съ военными силами въ землю Берестейскую. Тую землю съ городами: Берестьемъ, Дрогичиномъ, Мельникомъ и Бѣльскомъ занимали засады литовскіи, начальникъ тыхъже Юрій Носсута державъ ся стороны Сигисмунта и старалъ ся тое древное ôтцѣвство Кейстутовичей при Михаилу Сигисмунтовичу утримати. Въ прочемъ и князѣ мазовецкіи притязивали Берестейскую область для себе, маючи на ню записы ôтъ Витольда и ôтъ Сигисмунта. Михаилъ пребывалъ у князей мазовецкихъ и домагалъ ся у Казимира о ôтданье ôтцѣвства своего. Казимиръ опасалъ ся, що зъ Берестейскихъ городôвъ Михаилъ може непокоити Литву, такожь и князямъ мазовецкимъ нехотѣлъ Казимиръ ôтступити тыхъ городôвъ, которіи были истиннымъ ключемъ зъ Литвы до Мазовша и Волыня а ôттамъ до Литвы.

---

[90]) Narbutta dzieje narodu litewskiego T. VII.

[91]) Stryjkowski ks. XVII. str. 563.

[92]) Нарбутъ Т. VIII. стр. 13 наводитъ ихъ по имени: Александеръ князь Копыльскій и Слуцкій, Юрій Семеновичь Ольшаньскій, Василій Путята, Федько Корыбутъ.

по приказу Казимира приспѣлъ Іоанъ Гаштольдъ, прибо̂чный дорадчикъ Казимира, по̂дъ Навесть, однакожь уже на самое во̂званье по̂ддалъ ся Берестъ и Берестейскіи городы. Юрій Носсута убѣгъ до Мазовша. Такъ неисполнили ся намѣреня Поляко̂въ и що до Берестейскои землѣ, которая вразъ съ городами зо̂стала до Литвы привернена. Волынь съ Луцкомъ осталъ ся такожь при Литвѣ, хотя корона той городъ вразъ съ землею ото̂рвати намагала ся.

Михаилъ, сынъ Сигисмунта, живилъ ненависть и чувство мести въ сердци своемъ противу Казимиру и наставалъ на житье его, но безъуспѣшно. Надармо вставляли ся Поляки на соймѣ въ Парчовѣ р. 1441 за тымъ нещастнымъ княземъ. Принуженый оставити до̂мъ князей мазовецкихъ, где черезъ долшій часъ скрывалъ ся, удалъ ся до Молдавіи, о̂ттакъ до Татаръ, по то̂мъ до Москвы, всюды где мо̂гъ ворого̂въ противу Литвѣ и Казимиру возбужаючи.

Свидригайло по то̂лько доевѣдченяхъ о̂тложивши свои зліи норовы и престрастія, которіи пригладила и остудила старо̂сть его, провадилъ жизнь мирну въ Луцку. Въ Червню р. 1440 оже не долго по вывысшеню Казимира на великій престолъ литовскій, выдалъ о̂нъ въ Тлумачи грамоту, которою слюбовалъ вѣрно̂сть королеви Владиславу и его брату Казимиру (великому князю литовскому) и обѣтовалъ въ каждо̂мъ случаю помо̂чь и раду [93]). На другій ро̂къ по вывысшеню Казимира на великое княжество литовское, прибылъ Свидригайло до Вильна [94]) до дяди (братанця) своего князя Казимира „и князь Казимиръ ласкаво его принялъ и съ великою честію, и далъ ему до живота Л у ч с к о съ в с е ю В о л ы н ь с к о ю з е м л ю.“ Оже не смотрячи на то, що не долго передъ тымъ слюбовалъ былъ вѣрно̂сть королю Владиславу, — теперь Свидригайло обовязалъ ся передъ всемъ великому князю литовскому и принялъ о̂тъ Литвы Луцкъ съ Волыньскою землею (т. е. Володимирску Русь). Гнѣвалъ ся король Владиславъ долго на Казимира прото, що вразъ съ Литовцями ишолъ руку въ руку и вспинялъ Польщу въ перепроваженю политичныхъ намѣреній взглядомъ Литвы, що не призволилъ ото̂рвати Луцка и Волыня о̂тъ Литвы и присоединити къ коронѣ, що не допускалъ подѣлити Литву на области

---

93) Dokument w K. hr. Stadnickiego S. G. T. II. str. 200.

94) Bychowca rękopis (chronika) str. 56. „на другій годъ пріидетъ зъ Волохъ“ — лишь ошибкою сказалъ то лѣтописецъ литовскій. О̂нъ прибылъ зъ Луцка, а до Луцка прибылъ зъ Волохъ. Свидригайло посѣдалъ р. 1424 область межи Черемошомъ и Прутомъ, такъ званое Покутье. Есть грамота, которою надалъ Свидригайло село Коссово съ монастыремъ на рѣцѣ Рыбницѣ въ области Снятыньской и на рѣцѣ Черемошу двѣ полонины Березово и Жабье начавши о̂тъ села Рожнова, Максимови иначе Владови Дрогошновичови съ правомъ волоскимъ,

зависимія ôтъ Польщи, также и прото, що принялъ достоинство великого князя и оставилъ Сигисмунта въ изгнаню безъ всякого ôтцѣвского удѣлу. Король Владиславъ принявши корону угорску по смерти Альбрехта II. р. 1440 и будучи въ Уграхъ войною съ Турками и угорскими мятежниками занятый, не мôгъ новому порядкови на Литвѣ супротивляти ся. Литвѣ остала ся власна воля, однакожь Польща и даже и самъ король не лишалъ ся уже намѣреня, землѣ литовскіи роздѣлити и литовскіи краи безпосередному владѣню короны пôдчинити.

Рôкъ 1440 былъ памятный и зъ природныхъ смутъ. Жестокая зима продолжала ся долго въ весняну пору, зерно погибло пôдъ грубою покрывкою снѣгôвъ, пôдъ которую не могло заглянути солнце, щобы верженое сѣмя выгрѣти. Неурожай и великій голодъ былъ слѣдствомъ того природного явленя [95]). Якъ много утерпѣли рускіи землѣ черезъ жестокую зиму и неурожай, жерела не передали.

Въ р. 1440 по смерти короля угорского и цѣсаря нѣмецкого Альбрехта призвали Угры короля польского Владислава на престолъ угорскій. Сторона придерживаючая ся интересôвъ церковныхъ, на челѣ которои стоялъ Сбигнѣвъ Олесьницкій, перемагала. Панове польскіи рѣшили, щобы король принялъ корону угорскую. Ôтколи король польскій принялъ корону угорску, Поляки прійшли въ дотеперѣшнôй политицѣ своей що до Туркôвъ въ отвертое супротивленье.

Еще польскій король Ягайло утримовалъ пріятельскіи сношеня съ султаномъ Амуратомъ и пôслалъ му богатіи дары для утверженя тои пріязни, о чемъ очевидніи слѣды въ городскихъ актахъ львôвского магистратского архива заховали ся [96]). По соединеню короны польскои съ короною угорскою на головѣ польского короля Владислава Ягайлончика принялъ сей король обовязокъ на себе, провадити жестоку вôйну съ Турками, которіи чимъ разъ дальше посуваючи ся, предѣламъ угорского королевства уже не по первый разъ загрожали. Поляки надѣяли ся, що соединивши ся съ Уграми пôдъ берломъ одного вѣнценосца, утворятъ незвитяжную силу, що пôбютъ Туркôвъ, освободятъ христіяньство стенаючое пôдъ ярмомъ Магометанъ, освободятъ Константинополь ôтъ опасности, которая тому городу ôтъ стороны Туркôвъ угрожала, приспорятъ соединенье церквей восточнои съ католицкою, а въ слѣдство того сближатъ Русинôвъ до Полякôвъ и Литовцей. Они думали, що усталятъ внутренній супокôй и согласіе въ тыхъ державахъ, розтерзаныхъ розличіемъ вѣроисповѣданя, укрѣплятъ естественніи силы Литвы и Польщи,

---

[95]) Dlugosz L. XII. p. 726.

[96]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 100 101.

умножатъ ихъ за помочію угорскою и наконець поконаютъ Татаръ, которіи плодоносну рускую землю, принадлежачу Польщи, опустошали. Красніи то надѣи и намѣреня, благородное стремлѣнье! Однакожь Поляки не розсмотрѣли трудностій, на якіи переведенье тыхъ красныхъ гадокъ встрѣчало.

Владиславъ выбралъ ся съ величественнымъ и свѣтлымъ почетомъ польского рицарства зъ Кракова черезъ Чорштынъ [97]) до Кезмарку и ôттакъ до Буды. Приготовивши ся на долгую небытнôсть, поручилъ ôнъ намѣстничую власть надъ всею Русію Іоанови де Чижôвъ, каштелянови краковскому [98]). Теодору Бучацкому припоручилъ обовязокъ боронити Подôлье передъ нашествьемъ ворогôвъ [99]).

Тымъ часомъ нижели еще Поляки въ Уграхъ были розгостили ся. Оставшая ся жена передидучого угорского короля Альбрехта, породила сына, Владислава Погробовця. Повстало нѣмецкое сторонництво въ Уграхъ, которое права новонароженого немовляти защищало. Въ сторонахъ пôдкарпатско-угорского краю головный предводитель приверженцей Владислава дитяти, Гискра, непокоилъ Полякôвъ неустанно. Неудовольство Угоръ взмагало ся. Они нарѣкали, що Поляки ôтбирали имъ голосъ въ справахъ власного краю, а городы и села ужаляли ся на лупежництво польскихъ охотникôвъ. Король принуженый былъ призвати Петра де Спрова, воеводу руского, и Грицка Кердеевича. Прибывшіи вельможѣ зъ Руси до Угоръ продолжали въ Карпатахъ вôйну съ Гискрою, но безъ успѣха. Самъ Одровонжь понѣсъ значительну страту ôтъ того смѣлого верховодця. Щобы усмирити домовую вôйну, которая кождое смѣлѣйшое предпринятье на внѣ дѣлала невозможнымъ, заключилъ король Владиславъ Ягайлончикъ уговоръ съ Елисабетою, вдовою по Альбрехтѣ, по которому приобѣцялъ Владиславъ задержати правленье въ Уграхъ лишь до полнолѣтства Владислава Погробовця, коли же тое наступитъ, обѣцялъ добровôльно короны зречи ся. Елисабета договоромъ ôтступила Польщи Спижь и признала єй землѣ рускіи и волоскіи [100]). На ôтступленье тыхъ земель негодовали угорскіи магнаты. Однакожь вôйна домовая на якій часъ утихомирила ся. — Поляки не были обовязанѝ полнити военну службу въ чужôмъ краю, за предѣлами Польщи. Королю слѣдовали многіи рицарѣ и вельможѣ польскихъ и рускихъ краѣвъ зъ доброи волѣ, но не задармо! Король съ дѣтинною щедротою роздавалъ городы, замки, села, области, королевскіи доходы, дани и проч. тымъ Полякамъ, которіи до Угоръ самѝ

---

97) Długosz L. XII. p. 719.

98) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 105.

99) Moraczewskiego dzieje (historya) rzeczypospolitej polskiej.

100) Długosz L. XII. p. 770.

або съ ѿповѣднымъ рицарствомъ на службу прибывали. Тымъ способомъ розточилъ имѣнье короны. Коли тое значительно уменьшило ся, роздавалъ король польскимъ рицарямъ мѣсточка и села, которіи не были имѣньемъ короны, но принадлежали ѿтъ давна рускимъ панамъ, первѣстно яко лено, но въ продолженю времени перемѣняли ся въ дѣдицтва. Тое поступованье короля Владислава въ Украхъ, якъ мы ту коротко выложили, мало для рускихъ Галицкихъ бояръ дуже сумніи послѣдства. Многіи польскіи панове, которіи позоставши въ дома должнй были охороняти край передъ наступаючимъ ворогомъ, выходили до Угоръ, где надѣяли-сь корысти, збогаченя и прочихъ ласкъ, которіи изобильно зъ рукъ щодрого короля на нихъ сплывали. Надѣленй областями, городами и селами на рускои земли, приходили на челѣ вооруженыхъ шаіокъ на Червону Русь и выганяли стародавныхъ дѣдичѣвъ насильемъ [1]). Тіи приведенй до крайнои нужды и убожества оставляли родинный край, бѣгли за Днѣпръ, призывали заволжскихъ Татаръ, повертали съ ними на Русь, опустошали власніи села и городы и обертали все въ попелъ и пожарище. Се причина слѣдуючихъ нападовъ Татаръ на Подолье и Галицкую Русь, которіи привели Русь въ крайную гибель и горестное состоянье.

Настоячій нападъ въ р. 1442 споводованый былъ по всей вѣроятности также ѿсутствомъ воеводы Одровонжа и Грицка Кердеевича, которіи, якъ намъ вѣдомо, того року по приказу короля съ военными силами въ Украхъ были явили са. Татары довѣдавши ся, що край безъ защиты и лишеный найлучшихъ оборонительныхъ силъ, при тѡмъ пользуючи ся и заботами короля угорского, затрудненого въ Украхъ, продерли ся черезъ Днѣпръ и розпустили страшніи загоны по Подолю и Галицкой Руси. Даремно Поляки на съѣздахъ въ Піотрковѣ и Сѣрадзи [2]) ухвалили предприняти ѿповѣдніи средства для обороны краю противу Татаръ, ухвалы и постановленя соймѡвъ польскихъ въ тѡмъ взглядѣ зѡстали лише словами, и свѣдчатъ лише о добрѡй воли, которой учинки не послѣдовали. Увага

---

[1]) Długosz L. XII. p. 773. 774.— Владиславъ Ягайлончикъ привилеемъ зъ Буды 1441 надалъ Іоанови зъ Сіена и его потомкамъ за заслуги положенй въ оборонѣ рускихъ земель противу Татаръ замокъ Олесько съ мѣстомъ и цѣлымъ повѣтомъ и съ правомъ, замки и мѣста закладати и села осажати. Реченый Іоанъ зъ Сіена обовязанъ былъ за то ставити на военну выправу 4 копейниковъ и 2 лучниковъ. Іоанъ зъ Сіена былъ старостою судомирскумъ и подкоморжимъ перемышльскимъ. (Balińskiego i Lipińskiego starożytna Polska T. III.)

[2]) Długosz L. XII. p. 773. „licet autem ad providendum tantis malis, praelati et barones Poloniae in Piotrków et Siradzia pro festo St. Georgii et aliis diebus generales tenuissent conventiones, et plura capitula et ordinationes pro defensione terrarum regni deliberassent; deficiente tamen executione fragiles eorum erant conatus et inanes.“

польщи звернена была на Угры и востокъ, где надѣяно-сь приобрѣсти лавры, тымъ часомъ Татары роздирали власный ей домъ. Татары опустошивши землю, набрали въ полонь множество людей и товару и готовили ся до повороту въ заволжскіи степы. На челѣ не великого числа людей уганялъ ся за ними шляхетный панъ держатель Глинянъ, которого имени намъ исторія не заховала. Онъ совершенно побѣдилъ кόлька татарскихъ отрядόвъ и освободилъ множество народа отъ предстоячои горестнои полони. Прочіи Татары скупили-сь въ отдѣлъ черезмѣрного величества, пόгнали за выжь помянутымъ Глиняньскимъ держателемъ и натерли на него цѣлою силою. Онъ оборонялъ ся съ войскомъ своимъ мужественно и хоробро, и многіи Татары погибли отъ стрѣлъ и мечей малои горстки галицкихъ героѣвъ. Нерόвная бόльшόсть силы взяла верхъ, Татары побѣдили, Глиняньскій панъ полягъ на поли битвы а съ нимъ и прочіи его товаришѣ. Хоробрόсть и мужество ихъ въ время сраженя требовало зъ стороны Татаръ сильного участія въ сраженю, великого напряженя силъ и неподѣленои уваги. Отже Татары отступили таборъ, где скрывали полонь, бѣдніи невόльники употребили тую случайнόсть и въ время сраженя многіи спасли ся бѣгствомъ и освободили ся отъ дальшого нещастя.

Исторія потерявши имя славного Глиняньского героя, назвала го Виндикою, що по нашому „мститель" означае [3]). Лишь могилы днесь означаютъ мѣстця, где Галичане въ борбѣ съ поганцями клали головы свои за отечество и вѣру, и не на однόмъ мѣстци скрывае могила тлѣнный порохъ рускихъ героѣвъ.

Въ отдаленю милѣ отъ Глинянъ стоитъ мѣсточко Гологоры. Гологόрская церковь стоитъ посередъ окопόвъ. Сказуютъ, що ту суть останки гологόрскои крѣпости. Напротивъ взгόря, на которόмъ простирае ся мѣсточко Гологоры, стоялъ коли то столпъ мурованый, теперь зваленый. Люди сказуютъ, що той столпъ мѣстилъ образокъ, на которόмъ начеркненй были портреты воджей, которіи побѣженй оплатили житье струями крови татарскои [4]).

Въ два лѣта по тόмъ нападѣ Татаръ наступила битва пόдъ Варною року 1444. Поляки и Угры бороли ся съ Турками, зломивши недолго передъ тымъ заключеное и присягою на евангеліе затверженое премиріе. Поляки собравшіи ся на соймъ въ Піотрковѣ, не-

---

[3]) Dlugosz L XII. p. 773.

[4]) Acta Leop. Castr. L I. S. 25. „Generosus Nicolaus de Gologóry subdatifer Leopoliensis." Сей Николай жилъ въ другόй половинѣ XV. столѣтя, може онъ былъ потомкомъ реченого Виндики.

долго передъ битвою сказали, що не похваляютъ зломанье присяги данои невѣрнымъ [5]) и объявили обаву, що вся тяжесть удару турецкого въ случаю програнои битвы звалитъ ся на краи, которіи были Польщи пôдчиненй. Турки побѣдили Поляковъ и Угрôвъ, король Владиславъ полягъ на поли битвы и сталъ ся жертвою нерозсудного военного возторга поборниковъ справы христіяньскои. По убіеню короля Владислава призвали Угры собѣ за короля молодого Владислава Погробовця, а Поляки выбрали Казимира, князя литовского и рôдного брата короля Владислава Ягайлончика. — Въ Польщи замѣчаемъ тіи роздѣлы: Малопольщу, Великопольщу и недавными временами включену до Польщи Русь. Малопольща сбирала ся съ Галицкою Русію на соймъ въ Корчинѣ, Великопольща въ Колѣ, собираютъ ся такожь загальніи соймы Велико- и Малополяковъ въ Піотрковѣ, Парчевѣ и Сѣрадзи, Литва съ прочею Русію собирае ся осôбно въ литовскôмъ Городку, въ Берестю и проч. Кождый зъ тыхъ соймôвъ знаменуе ся осôбнымъ обласгнонароднымъ характеромъ. — Казимиръ по смерти брата ôттягалъ ся ôтъ принятія польскои короны, а то по совѣту Литовцей. Тіи бояли ся, щобы великій князь Казимиръ вступивши на престолъ польскій, не улягъ систематичному намаганю диплiоматôвъ польскихъ и Литва не стала ся провинціею польскою. Стремлѣнье за самостоятельнымъ бытомъ обудило ся въ Литвѣ сильнѣйше, якъ коли инымъ часомъ. Передъ всемъ опасали ся Литовцѣ, щобы корона присоединивши великое княжество литовское, не ôторвала городъ Луцкъ и область Волыньскую ôтъ Литвы и не присовокупила до Польщи, такъ якъ то прежными лѣтами съ Подôльемъ здѣлала была. На предложенье Поляковъ, щобы Казимиръ принялъ корону польскую, вымавлялъ ся тойже, що того учинити не може, понеже не мае еще певности о смерти короля брата. Полякамъ много залежало на тôмъ, щобы никто иный, якъ Казимиръ, не наслѣдилъ на тронѣ польскôмъ, а то уже для публичного супокою, бо легко по избраню князя иного рода на польскій престолъ мôгъ наступити розрывъ съ Литвою. Многіи Поляки, надѣленй ôтъ небôщика короля Владислава областями, городами и селами, могли пôдъ королемъ иного рода опасати ся, щобы новый король надання своего попередника не ôткликалъ, ôтъ рôдного же брата Владислава могли скорше потверженя тыхъ наданій надѣяти ся. Для того домагаютъ ся Поляки ôтъ Казимира рѣшительного отвѣта, но коли Казимиръ еще ôтъ принятія короны ôттягалъ ся, выбираютъ на соймѣ въ Піотрковѣ Владислава, князя мазовецкого на престолъ польскій пôдъ тымъ условьемъ, щобы выбôръ его обвѣщеный былъ народу, и сдѣлали ся уже наветъ приготовленя до коронаціи въ Краковѣ

КАЗИМИРЪ ЯГАЙЛОНЧИКЪ

---

[5]) Moraczewskiego dzieje (historya) rzeczypospolitej polskiej.

на выпадокъ, если Казимиръ до зеленыхъ святъ текучого року опредѣленно своей волѣ не объявитъ и для принятія ôтцѣвского престола въ Польщи не явитъ ся. Казимиръ опасалъ ся Болеслава Мазовецкого. Той вступаючи на престолъ польскій былъ бы тымъ скутечнѣйше упôмнулъ ся о землю Берестейскую, которую яко князь мазовецкій притязивалъ и былъ бы вспиралъ Михаила Сигисмунтовича противу Казимиру. Сторонництво Михаила утаившое ся въ Литвѣ, могло при змѣнѣ щастя и непостоянности характеру литовского народа умножити ся. Опасалъ ся отже Казимиръ, щобы ôтрекши ся польского, не былъ зверженый зъ литовского трону и щобы Кейстутовичь не преовладѣлъ землею его, Ольгердовича. Въ прочемъ Казимиръ въ Литвѣ не былъ безпечный. Ôнъ дѣлаючи въ всѣхъ точкахъ волю народа своего, досвѣдчилъ кôлька замахôвъ на житье свое. Меже иными найбôльшу увагу на себе стягяе заговоръ на убійство Казимира, сдѣланый рускимъ княземъ Сухтою и многими иными. Но провидѣнье передохоронило Казимира, заговоръ Сухты зôсталъ ôткрытый и сей князь разомъ съ товаришами злочиньства былъ укараный заслуженою смертію. Молодый Казимиръ поводовалъ ся совѣтомъ Іоана Гаштольда, великого воеводы. Сей мужь крѣпкою рукою державъ власть, наблюдалъ порядокъ и укорочалъ всѣ стремлѣня, ведучіи къ обезсиленю правительства и къ ôторваню рускихъ земель ôтъ Литвы. Іоанъ Гаштольдъ былъ отже въ Литвѣ каменемъ приткновеня. Про то негодовали на него многіи панове литовскіи и рускіи, гдекоторіи скланяли ся зъ тои причины до Михайлушки Сигисмунтовича и дѣлали противъ Казимиру тайніи заговоры.

Король Владиславъ Ягайлончикъ ôтдалъ былъ городы Полѣскіи, Бѣльскъ, Бряньскъ (Пôдляскій), Суражь, Клецкъ въ повѣтѣ Новгородскôмъ, Койдановъ въ Минскôмъ, Брянскъ Сѣверскій и Старорубъ яко ôтцѣвство Михаилу Сигисмунтовичу, принявши его до ласки на вставленье ся сенаторовъ польскихъ въ року 1441. Отримавши тіи роздробленй посѣдлости, незадовольнялъ ся ними Михайло Сигисмунтовичь, но порозумѣвши ся съ князями рускими Воложиньскими, здѣлалъ тайный заговоръ на Казимира, постановляючи умертвити его въ пору, коли князь той выбере ся въ Морецкіи пущѣ на ловы. Но заговоръ щастливо ôткрыто. Сигисмунтъ лишеный былъ своихъ удѣлôвъ и изгнаный зъ Литвы яко непріятель отечества. Скитаючи ся по пограничныхъ краяхъ Силезіи и Прусахъ уйшолъ предъ Литовцями, которіи хотѣли захватити особу его, и знайшолъ у воеводы молдавского Петра принятье и прибѣжище. И въ самôмъ Кіевѣ еще передъ изгнаньемъ Михайлушки зъ Литвы было сторонництво, которое ему спріяло[6]). Ôнъ завладѣлъ тымъ городомъ, но Іоанъ Гаштольдъ вы-

---

[6]) Нарбутъ есть того мнѣнія, що Михайло зъ Москвы завоевалъ Кіевемъ, и се завоеванье кладе ôнъ въ р. 1444; но Михайло въ року 1447 пребывае еще на Волощинѣ и ажь року 1448 убѣгае ôтси до Татаръ а ôттакъ до Москвы.

перъ засаду Михайлову зъ Кіева и привернулъ сей городъ правовитому посѣдателю. Кіевъ еще року 1442 ôтданый былъ княжому роду, который тутъ въ давнѣйшихъ временахъ владѣлъ „и будучи великому князю въ Вильнѣ тогожь году и приѣдетъ къ нему князь Олелько зъ Копиля съ двома сыны, съ князем̃ Семеном̃ и Михаиломъ и били чоломъ великому князю Казимиру черезъ всѣхъ пановъ радъ о отчину свою, о Кіевъ, и князь великій Казимиръ на причину пановъ радъ вернетъ ему Кіевъ, отчину его съ всѣми пригородки“[7]). Тое собыло ся еще р. 1443. Поляки въ пôзнѣйшихъ временахъ потвердили тое поданье и вымогли на Александрѣ (Олелку) субмиссію, по которôй Кіевъ по его смерти до Польщи належати и до коронныхъ краѣвъ включеный быти малъ.

Замѣчаемъ еще одно волненье, которое однакожь съ непокоями, возбужеными Михаиломъ Сигмунтовичемъ, не мае ніякои связи. Року 1441 подѣлили ся жителѣ Смоленьска на два сторонництва Скоро по вступленю Казимира на престолъ литовскій, князѣ, бояре и мѣстичѣ освѣдчили ся за Литвою, а горніи люди „кузнецѣ, кожомяки, перешевники, мисники и котельники нарядили ся въ зброи и съ стрѣлами, косами и сокирами, зазвонили въ вѣчевый звонъ“[8]), побили вооруженыхъ дворянъ, утопили маршалка литовского Петрику, изгнали литовского намѣстника Андрея Саковича, призвали князя Юрія Лангвеніевича и умертвили многихъ бояръ. Наконець покорили ся Казимиру, явившому ся съ знаменитымъ войскомъ пôдъ Смоленьскомъ. Юрій Лангвеніевичь просилъ прощеня и Казимиръ пріялъ снова до ласки сего честолюбіемъ уведеного князя р. 1442. Отже якъ въ южнôй Руси, такъ и въ области сѣверной Руси возникаютъ мятежи и направленя противнû настоячому порядку въ Литвѣ, которіи лишь насиліе литовского оружія, опытнôсть воеводы виленьского Іоана Гаштольда и чиннôсть и оборотнôсть молодого Казимира укорочае.

Такое положенье Казимира въ Литвѣ, такій поглядъ на будучнôсть, принудили его за посредництвомъ своей матери Софіи приближити ся къ Полякамъ и начати съ ними переговоры. Великополяне радо приняли вѣсть о новôмъ и рѣшительнôмъ постановленю Казимира. Не такъ Малополяне, которіи преже всего желали ôтъ Казимира условій и при выборѣ Болеслава, князя мазовецкого, сдѣланôмъ на соймѣ въ Піотрковѣ въ р. 1446 крѣпко обставали. Яко послы зъ стороны Казимира являютъ ся въ Польщи князѣ рускіи, Василій красный, Георгій Семеновичь, князь зъ Острова, бояре литовскіи Іоанъ Нѣмировичь, Оначь староста Берестейскіи, Андрушко

---

[7]) Bychowca rękopis (chronika) str. 56.

[8]) Bychowca rękopis (chronika) str· 53.

девойнович и Михаилъ Монтуловичь. Зъ стороны Польщи явили ся яко послы въ Берестю, Іоанъ Одровонжь, архіепископъ львôвскій лат. обряда, Іоанъ де Олешница, каштелянъ Судомирскій, Петро де Спрова Одровонжь, воевода рускій и иній. Король связалъ ся былъ Литовцямъ присягою, що ни Луцка, ни Волыня, ни якого нибудь города литовского не ôторве ôтъ Литвы и цѣлôсть Литвы защищати и за ню стояти буде [9]). Поляки предкладали вспôльный съѣздъ обохъ народôвъ польского и литовско-руского. Литовцѣ мали съѣхати до Берестя, Поляки до Парчова, потôмъ паны обохъ народôвъ должнй были встрѣтити ся въ якôмъ то догôднôмъ мѣстѣ, лежачôмъ межи Берестьемъ и Парчевомъ н. пр. въ Полубицяхъ або Ломазахъ. И дôйстно! Поляки приѣхали до Парчова, Литовцѣ до Берестя. Межи польскими панами рознесла ся была чутка, що Литовцѣ загадали съ Татарами нôчною порою напасти на Парчôвъ, захватити всю раду коронну и радныхъ панôвъ Польщи въ полонь забрати. Литовцѣ нехотѣли також для якихъ то пôдозрѣній о нещирôсти намѣреній польскихъ панôвъ опустити Берестя. Отже щобы переговорôвъ не зрывати, нужно было Полякамъ съѣхати до Берестя, где Казимиръ съ радными панами пребывалъ. Однакожь многіи панове не хотѣли жадною мѣрою до Берестя ѣхати, поневе бояли ся здрады.

Іоанъ зъ Тачина, воевода краковскій, перестерѣгалъ Поляковъ, щобы ѣздою до Берестя не ôтдавали ся въ руки Литовцямъ и головы свои на произволъ Литовцямъ не повѣряли. Однакожь переважила сторона умѣрена, которая тымъ пустымъ вѣстямъ не вѣрила, и обрано людей, межи которыми выжь наведенй польскіи мужѣ зъ руского краю находили ся. Въ Берестю передъ всемъ предложили Поляки желанье, щобы Литва претенсіи свои до Луцка, Подôля и Олеська коронѣ ôтступила. Казимиръ связаный присягою Литовцямъ, не былъ бы присталъ на тіи условія и былъ бы скорше престола польского ôтрѣкъ ся, еслибы гдекоторіи польскіи панове не вмôвили въ него, щобы даремніи недѣлалъ трудности передъ принятьемъ короны, бо зôставши королемъ приобрѣте совершенну власть розпоряжати рускими землями и надѣлитъ Луцкомъ, Олеськомъ и Подôльемъ [10]) кого нибудь ведля волѣ своей, такъ якъ Ягайло отець его надѣлилъ былъ Подôльемъ Спитка зъ Мельштина, Свидригайла а наконецъ Витольда. Ка-

---

[9]) Dlugosz L. XIII. p. 23. „juramentis veteribus et novis de uniendis terris praefatis constrictus (Casimirus)“

[10]) Ôтъ якого то времени належалъ Брацлавъ и часть восточного Подôля до Литвы, знать Польща ôтдала той городъ поданый ей Федькомъ Острогскимъ Литвѣ, скоро лишь вся опаснôсть зъ стороны Свидригайла минула. Другая часть Подôля была въ рукахъ Поляковъ, также въ Волыни городы надбужаньскіи: Городло, Олесько, Лопатынъ и Велтли находили ся ôтъ смерти Сигисмунта въ рукахъ Польщи.

зимиръ услухалъ тои рады и освѣдчилъ безъусловно, що пріймае польскую корону. Народъ польскій принялъ вѣсть о постановленю Казимира радостно. Казимиръ съѣхалъ (р. 1446) до Кракова, где совершила-сь торжественна коронація, которой князѣ мазовецкіи, достойники великого княжества литовского, архіепископъ, епископове, радніи паны польскіи, также князѣ: Болеславъ Свидригайло Луцкій, Георгій Семеновичь, Василій Олешковичь, Василій Красный и бояре литовскіи н. пр. Андрей Сьенковичь и проч. присутствовали.

Около времени вступленя Казимира на тронъ польскій (1446) умеръ въ слѣдство якои-то зарazливои хоробы Казимиръ, князь мазовецкій, потомокъ Семовита. Мы знаемъ, що Семовитъ надѣленый былъ землею Белзкою отъ Ягайла. Тая земля состоячая зъ повѣтовъ Белзкого и Равского перейшла на его сыновъ и внуковъ. Князѣ зъ тои линіи стояли въ службѣ короля польского и вспомагали его въ справахъ противу всякихъ вороговъ, именно противу Свидригайлу. По безпотомной смерти выжь помянутого князя уважалъ Казимиръ землю Белзкую и Равскую яко приналежность короны, и отмавлялъ Владиславу, князю старшои линіи князей мазовецкихъ, ей посѣданье. Казимиръ уважалъ Белзъ и Раву яко лено, которое звычайно по смерти вазаля або его мужескихъ потомковъ до короны повертало. И дѣйстно на колька лѣтъ Казимиръ присоединилъ былъ Белзъ и Раву до короны, по крайной мѣрѣ полки Белзкіи [11]) собираютъ ся обочь полковъ земель холмскои и перемышльскои, львовскои и подольскои на самъ приказъ Короля польского въ поле на войну, чего передъ тымъ николи не замѣчаемъ.

Не долго по вступленю Казимира на тронъ польскій занялъ Теодоръ Бучацкій, староста подольскій, замки литовскіи на Подолю: Межебожье, Хмельникъ и Караволь и засадилъ ихъ коронными полками [12]). Казимиръ зъ своей стороны оторвалъ подчасъ своеи бытности въ Берестю року 1446 селеня Полубичѣ и Ломазы отъ парчовскои економіи и присоединилъ до землѣ Берестейскои. Парчовская економія приналежала коронѣ, Берестейская земля Литвѣ. Оже Литва жаловала ся, що Польща забрала выжь реченіи подольскіи городы. Польща же нарѣкала, що король выжь реченіи села оторвалъ отъ Польщи и присоединилъ къ Литвѣ. Зверхъ того Литва жадала отъ Польщи, щобы Волынь коронѣ повернула. Сей споръ межи Литвою и Польщею о землѣ рускіи отновилъ ся на вспольныхъ соймахъ обохъ народовъ въ Піотрковѣ р. 1447 и Люблинѣ р. 1448

---

[11]) Dlugosz ad a. 1448. „rex omnibus terris Russiae, Praemisliensi, Leopoliensi, Podoliae, Chelmensi, Belzensi mandat.“

[12]) Dlugosz ad a. 1447.

.. далъ поводъ до теснѣйшого розсмотру уговоровъ и условій уніи межи Литвою и Польщею. Преже всего на соймѣ въ Люблинѣ высказаний зôстали такъ Поляками якъ и Литовцями понятія ихъ о уніи Польщи съ Литвою. Мы замѣчаемъ тутъ зъ стороны Польщи Галицкой и подôльской Руси высокихъ достойниковъ, именно Іоана Одровонжа, архіепископа львôвского, Петра Одровонжа, воеводу руского, Грицка Кердеевича, который ту названый старостою Подôля и Теодора Бучацкого, такожь старосту подôльского. Ôтъ стороны Литвы: Матіяша, епископа виленьского, князей Георгія Лангвеновича, Василія Красного, (Нарбутъ зве го княземъ Бѣльскимъ), Льва князя Острогского [13]) и высокихъ достойниковъ великого княжества литовского: Іоана Гаштольда, воеводу виленьского, Монвида воеводу Троцкого и маршалка Петра Монгердовича.

Литовцѣ не прибыли въ простъ до Люблина, но станули обозомъ надъ Быстрицею. Ихъ ополномочений выжь речени особы станули въ Люблинѣ. Ту король самъ предсѣдалъ и съ всякою розтропностію управлялъ пересправами сойму якъ въ р. 1447 въ Піотрковѣ, такъ и теперь року 1448 въ Люблинѣ. Литовцѣ сложили рускимъ языкомъ писану исторію [14]) и зъ ней доказовали, що Ольгердъ побилъ Татаръ и вручилъ здобыту землю Коріятовичамъ. Тіи збудовали городы Смотричь, Бакоту, Каменецъ и иніи городы, заселили ихъ христіянами и такъ хоробростію своею присоединили Подôлье до великого княжества литовского [15]). Послѣ Коріятовичей управляли Подôльемъ литовскіи намѣстники въ имени Витольда, а по смерти Витольда Поляки ôторвали Подôлье ôтъ Литвы лестію и насильемъ. Поляки ôтвѣтили, що никто иный, но Казимиръ великій здобылъ Подôлье на Татарахъ и побудовалъ на немъ городы: Каменецъ, Межибожіе, Хоцинъ, Чекунь и Бакоту, що по Казимирѣ наслѣдилъ тую землю Людвикъ а послѣ принялъ ю яко посѣдлôсть Польщи Владиславъ-Ягайло. Ягайло надѣлялъ Подôльемъ по своему произволу Спитка зъ Мельштина, Свидригайла и Витольда, а тыхъ обохъ князей по своей братнѣй щедротѣ а не зъ нужды або обовязку. Такожь сказывали Поляки, що Свидригайло и Витольдъ посѣдали Подôлье яко дожизвотное лено и що Витольдъ передъ смертію своею сознавъ, яко дожизвотное посѣданье Подôля не надало ему жадного права до ôторваня тои землѣ ôтъ Литвы; прото приказалъ самъ Витольдъ передъ конецемъ житя старостамъ и урядникамъ своимъ, Подôлье вернути Польщи. — Литовцѣ домагали ся городôвъ волыньскихъ надъ Бугомъ: Олеська, Велтлина, Ло-

---

13) Narbutt T. VIII. str. 74.
14) Narbutt T. VIII. str. 75. Kojałowicz historiae Lithvanicae pars II. p. 203. ad a. 1448.
15) Krommer L. XII. p. 508.

патына и Городла. Они опирали ся на тôмъ, що тіи городы посѣданы были через Витольда и що они суть частію литовского Волыня, принадлежавшого Любарту, а по его смерти перешедшого въ руки Ягайла. Поляки може быти отвѣтили, що реченіи городы давною трансакціею зъ р. 1366 отступленй были Польщи. Поляки не только, що рѣшительно отказали Литовцямъ отданье Подôля и городôвъ надбужаньскихъ, но еще отъ Литвы о отданье Волыня домагали ся. Они твердили, що тую землю уже давнѣйше польскіи королѣ были завоевали и отсылали ся до записôвъ Сигисмунта, попередника Казимира на великôмъ престолѣ литовскôмъ, которыми реченй городы признанй были Польщи и утверженй при коронѣ. Литовцѣ же говорили, що они всѣ тіи краи боронили отъ вѣка передъ Татарвою, Москвою и Польщею. Поляки на то ничого не отвѣтили, но въ загалѣ предлагали, щобы розсуженье цѣлои справы припоручити людемъ безсторонньимъ и справедливымъ. Литовцѣ отвергали знать уже тогды судъ полюбовный. Справа о тіи городы спровадила вопросъ и о правовитôсть посѣданя Пôдляшія, о которое Поляки вѣроятно зъ причины притенсій князей мазовецкихъ упоминали ся. Литва попирала права свои до Пôдляшія и городôвъ въ той части Руси тымъ, що оно отъ давна было въ посѣданю Кейстута князя литовского, а не въ посѣданю короны. На тôмъ самôмъ соймѣ спорили Поляки съ Литовцями не лишь о титло посѣданя рускихъ земель, но о самін також принципія (начала). Литовцѣ желали отъ Поляковъ, щобы имъ вôльно было поправити текстъ городельскои уніи и вычеркнути выразы: „присоединяе, включае ся въ вѣки Литва Польщи," зъ обопôльного межинародного литовско-польского уговора [16]). Поляки отвѣтили, що змѣнити не можна выразныхъ слôвъ договора, стверженого пôдписами и торжественно и всенародно заприсяженого. Також вопрошали Литовцей, чи загадаютъ они зôстати въ соединеню съ Польщею пôдъ однымъ берломъ, чи хотятъ отлучити ся отъ короны, а коли Литовцѣ отвѣтили, що они николи отъ короны, допоки владѣе надъ Литвою и Польщею рôдъ Ягайлоновъ, отдѣлити ся не замышляютъ, тогды сказали Поляки, що не пристоитъ дѣлати два паньства и двѣ державѣ незалежніи отъ себе, коли мае быти одинъ панъ и одинъ тыхъ земель владѣтель, лучше бы сдѣлали Литовцѣ и Русины, продолжали Поляки рѣчь дальше, щобы отрекли ся имени [17]), титула и власти великого кня-

---

[16]) Stryjkowski: „iż panowie polscy bez ich wiadomości z wielką litewską zelżywością i jako powinnej i obowiązanej niewoli oświadczenie podpisali (unię)."

[17]) Stryjkowski ks. XVIII. str. 584. „by Litwini i Rusacy wszyscy polskim imieniem i tytułem królestwa odrzuciwszy tytuł i władzę W. księstwa mianować się chcieli."

жества литовского, приняли для всѣхъ земель загальное, собирательное имя „Польши“ и всѣ тымъ самымъ именемъ прозвали ся, и щобы Литва и Русь вступили въ тое ôтношенье до Польщи, що земля Краковска, Судомирска, Люблиньска, Подôльска и проч. и тыми самыми правами, свободами и привилеями ужитковали якъ Польща [18]) и тую самую судьбу съ Польщею подѣляли. Литовцѣ не приняли тыхъ предложеній. Такъ спорячіи народы непогодили ся, а зъ тои причины король не хотѣлъ пôдписати и стврдити уговорныхъ грамотъ, которіи составленй были на пôдставѣ дословного тексту городельскои уніи и содержали вычисленье правъ, превилеѣвъ и свобôдъ шляхоцкого сословія, якъ о тôмъ низше говорити будемъ.

Въ року 1448 воеводы молдавскіи Илія и Стефанъ сознали всенародно и ствердили уговорами, що суть вазалями польскои короны. Окрôмъ того заключили оба воеводы уговоры пріязни и единьства съ великими князями литовскими, именно въ лѣтахъ 1437—1442 и 1447, обовязуючи ся вспирати великихъ князей, которыхъ старшими пріятелями або и родителями называютъ, безъ лести и хитрости противу кождому съ изъятьемъ короля польского и царя татарского. Зъ другои стороны обовязуютъ ся литовскіи князѣ молдавскимъ воеводамъ противу непріятелямъ всякую давати помôчь. Такъ отже тревала тѣсная пріязнь межи Молдавіею, Литвою и Польщею. Молдавія ишла тогды рука въ руку съ Польщею и Литвою; такъ н. пр. молдавскіи воеводы обовязали ся были здрайцѣвъ стану выдавати Литовцямъ и у хана татарского Литвѣ послами и просьбою т. е. дипліомаціею помагати [19]). Тіи дружескіи ôтношеня тревали до смерти воеводъ Иліи и Стефана, которіи, якъ мы уже высше видѣли, Молдавіею были подѣлили ся. По смерти Иліи зôстала вдова по немъ, тетка Казимира а рôдная сестра его матери, съ двома сынами: Романомъ и Илихною. По смерти Стефана наслѣдилъ Петрило, вспертый ôтъ намѣстника угорского Іоана Гуніядого. Ôнъ прогналъ Марію, Иліи жену, а сынъ ей Романъ умеръ зъ отрои.

Михаилъ Сигисмунтовичь прибылъ до Молдавіи и принятый Петриломъ найшолъ ту прибѣжище. Казимиръ поспѣшилъ на Русь, посѣтилъ городы: Перемышль, Львôвъ, Бôбрку, Галичь, Бучачь и Ягольницю, а наконець прибылъ до Каменця. Подôляне приняли Казимира съ великою радостію и давали добровôльно подвôйніи пôдводы. Они надѣяли ся ôтъ

---

[18]) Dlugosz: „in eadem sorte, conditione, jure, privilegio et libertate, quae terrae Cracoviensis, Sandomiriensis, Lublinensis, Leopoliensis, Podoliae et aliae existunt.“

[19]) Акты западнои Россіи Т. I. стр. 60. 61.

него залагоженя краевыхъ справъ и предпринятія оборонительныхъ мѣръ противу нападамъ Молдавянъ и Татаръ, которыми оба тіи народы передъ всемъ Подôлю угрожали. Вдовиця Марія явила ся передъ Казимиромъ съ 100 рицарями, приверженцями єй сынôвъ, которіи изгнанôй слѣдовали. Король принялъ тую нещастную княгиню гостепріятно въ Галичи, и даровалъ и опредѣлилъ ей на утриманье городъ Коломыю, а землямъ рускимъ именно Львôвскôй, Перемышльскôй, Подôльскôй, Холмскôй и Белзкôй приказалъ ставити ся збрôйно и собирати ся на опредѣленыхъ мѣстцяхъ и въ означенôмъ часѣ на военный подвигъ противу молдавскому воеводѣ Петрилу. Войска собрали ся въ великôмъ числѣ и розложили ся таборомъ около Каменця.

Еще передъ выступленьемъ въ походъ на Молдавію, пôслалъ Казимиръ Петра Одровонжа и Пржедбора зъ Конецполя до воеводы Петра съ предложенями и условіями покою. Петро зъ своеи стороны ôтвѣтилъ Казимиру черезъ боярина своего и Михаила канцлера, которіи изъявили готовôсть Петра, коронѣ голдъ сложити. Петро прибылъ до Хоцина. Но Казимиръ оставилъ былъ уже Каменецъ и поѣхалъ до Новгородка въ Литвѣ, споводованый важными справами литовского народа и престола, припоручилъ однакожь четыремъ вельможамъ польскимъ, Іоанови зъ Крисова, старостѣ краковскому, Іоанови зъ Пилча, Іоанови зъ Конецполя, канцлерови коронному и Петрови Одровонжови, воеводѣ рускому, щобы приняли ôтъ Петра обѣтницю послушеньства коронѣ и взглядомъ взаимныхъ условій уложили ся. Тіи ôтпоручники уложили новіи уговоры съ Петромъ, воеводою молдавскимъ, и утвердили ихъ новыми записами и грамотами. Петро слюбовалъ передъ выжь речеными послами вѣрнôсть и послушеньство коронѣ и обовязалъ ся при первôй догоднôй способности передъ королемъ лично ставити ся и голдъ передъ нимъ особисто сложити [20]). По такихъ освѣдченяхъ и взаимныхъ съобовязаняхъ ся войско, собраное около Каменця, розпущено. Военніи полки розвязали ся и кождый воинъ зъ особна повернулъ до дому.

Нещастный князь Михаилъ прибылъ былъ тыми временами до Молдавіи и приобрѣлъ на дворѣ Петрила прибѣжище. Послы Казимира жадали, щобы Петрило выдалъ Михаила. Петрило объявилъ, що коронѣ не пристоитъ жадати а ему не пристоитъ выдати князя шукаючого у него въ изъгнаню гостепріємства и прибѣжища. Щобы однакожь дати доводы пріязни, обовязалъ ся выдалити Михайлушку зъ Молдавіи и двора своего. Михаилъ принуженый оставити Молдавію, побѣгъ до Татаръ заволжскихъ. Ту найшовши принятье, которое ему христіяне ôтмовили,

---

[20]) Dlugosz L. XIII. p. 43.

побужалъ хана татарского Сейдъ Ахмета на Польщу, пôдмавлялъ его до нападôвъ и опустошеній, опустилъ Татарію, прибылъ до Москвы и побудилъ московского великого князя до непріятельскихъ крокôвъ противу Литвѣ, ей великому князю, и королю Казимиру. — Казимиръ жилъ въ тѣсной дружбѣ съ Татарами кримскими або перекопскими. Дружба Казимира съ ханами кримскими походитъ еще ôтъ того времени, ôтколи Татары кримскіи призвали на престолъ Криму Гадши Герея, татарина зъ давного княжеского роду, который передъ призваньемъ на престолъ кримскій, провадилъ жизнь въ Лидѣ, надѣленый якою-то чатскою землѣ межи Татарами литовскими. Гадши Герей приодѣтый Казимиромъ, подôбно якъ коли-то приодѣвалъ Витольдъ ханôвъ заволжскихъ ознаками достоинства ханьского, прибылъ до Криму и веденый вдячностію заховалъ Казимиру ненарушену пріязнь и щиру дружбу къ великому княжеству литовскому. Его посолъ Калина явилъ ся въ время бытности Казимира въ Каменци[21]) и обѣтовалъ помôчь противу воеводѣ волоскому, въ случаю, если той нехотѣлъ бы Казимиру покорити ся и послушеньства слюбовати. Казимиръ одарилъ былъ посла татарского Калину, далъ ему якіи то тайніи припорученя и ôтпустилъ го домôвъ. Пріязнь ханôвъ киптшакскихъ была до теперѣшного времени Литовцямъ дуже на руку. Они стерегли перевозôвъ на Днѣпрѣ, крѣпостей и замкôвъ надъ подôльскимъ Богомъ, и пристаней надъ чорнымъ моремъ передъ Татарами и заволжскими Турками и такъ хоронили литовскую Русь передъ нападами тыхъ дикихъ ордъ. Пятнацять дней по ôтходѣ короля зъ Каменца р. 1448 полки Татаръ заволжскихъ найшли на тую часть Подôля, которая Польщи послушала, пустошили ю съ великимъ ожесточеньемъ и свирѣпостію, не щадили ни нѣжного вѣку ни пола, и множество народа захваченого вразъ съ полонеными быдлятами упровадили въ далекій степъ, въ вѣчну неволю. Войско коронное розôйшло ся было по селамъ и областямъ. Теодоръ Бучацкій собралъ на борзѣ дружину, засѣлъ въ якихъ-то болотнистыхъ мѣстцяхъ, где повертаючіи Татары должни были черезъ узкую и обополъ мочарами стисненую дорогу переходити, вдарилъ на повертаючій ôтдѣлъ татарского войска и освободилъ много люда ôтъ полони. Иніи татарскіи загоны повернули домôвъ, быстро двигнувши ся къ своимъ предѣламъ. Запевно ханъ кримскій стерѣгъ входôвъ и выходôвъ на дôльномъ Днѣпрѣ, Днѣстрѣ и Бузѣ и своимъ становищемъ на побережію помянутыхъ рѣкъ принудилъ заволжскихъ Татаръ спѣшити до дому. Иначе былибы они еще долше гостили на Подôлю и еще бôльше были бы нещастя намножили.

---

[21]) Dlugosz L. XIII. p. 45.

Староста Брацлавскій Юрша гостилъ Татаръ въ время ихъ теперѣшного нападу на Подôлье запевно зъ причины, щобы симъ гостепріемствомъ ôтвернути опустошенье литовского Подôля. Поляки провадили тогды еще споръ съ Литовцями о земли рускіи. До крайности огорченй обвиняли они Литовцей, ба даже самого Казимира, що стоятъ въ сношеняхъ съ Татарами, що ихъ умышленно навели на польскую часть Подôля, носили-сь слухи, що даже самъ Калина, оный-то посолъ хана кримского, находилъ ся въ толпѣ упостошаючихъ Татаръ и проч. Однакожь Поляки розсѣваючи тіи выдумки забули, що Калина былъ посломъ хана перекопского (кримского), и що ханы перекопскіи жили тогды въ дружбѣ съ Литвою а въ нелюбію съ Татарами заволжскими, и що они входы и выходы зъ заволжскои Татаріи до литовскои Руси на Днѣпрѣ, Бозѣ и Днѣстрѣ боронили. Для чего удало-сь однакожь Сейдъ-Агмеду пробрати ся черезъ тіи рѣки, помимо чуйности Татаръ кримскихъ? Иначе тое вытолковати не можно, якъ ино тымъ предположеньемъ, що поединчіи Русины зъ Подôля и прочои Польши пôдвладнои Руси а може и где-которіи Литовцѣ ведені престрастнымъ нелюбіемъ къ Полякамъ и ихъ правительству, спровАжали заволжскихъ Татаръ и показовали имъ дорогу черезъ рѣки и подôльскіи степы. Тое предположенье выясняе пôдозрѣня Поляковъ, которіи о стôлько были неосновными, о скôлько Поляки не поединчихъ Русиновъ и Литовцей, но литовского воеводу въ Брацлавѣ, литовское правительство, ба даже самого короля и великого князя Казимира о такіи вражебніи замахи на краи рускіи, польскôй коронѣ пôдвладніи, посужали.

Въ року 1449 найшолъ былъ Михаилъ съ помочію ôтъ Татаръ заволжскихъ на заднѣпровскую Русь и завладѣлъ городами: Новгородомъ Сѣверскимъ и Стародубомъ. Михаилъ побѣдилъ былъ войско литовское противу нему высланое и поплѣнилъ прилежачіи волости Литвы. Король Казимиръ собралъ войско зъ самыхъ Русиновъ и Литовцей[22]). Коли Казимиръ съ тымъ войскомъ двигнулъ ся на Днѣперъ, Михаилъ не смѣлъ ему противустанути и побѣгъ снова до Татаръ. Такъ Сѣверщина остояла ся при Литвѣ. Въ тôмъ самôмъ року загадалъ Казимиръ предприняти походъ на Москву [23]). Московскій князь Василій Василіевичь вспиралъ Михаила и его пôдвиги, которіи той князь на Литву за помочію Татаръ пôдоймалъ. Може быти, що великій князь Московскій до такого поступованя споводованый былъ новыми заборами Литвы [24]). Литва выступала про-

---

[22]) Dlugosz L. XIII. p. 48.

[23]) Акты западнои Россіи Т. I. стр. 51. 52.

[24]) Быховца рукопись стр. 54. 55. „Тои зимы (1445) пôслалъ Казимиръ воеводъ своихъ, князей и панôвъ съ войскомъ противу Московской земли и воевали Козельскъ, Верею, Калусу, Можайскъ и много зла сотворили Московичамъ."

тиву Москвѣ тымъ сильнѣйше, чимъ бôльшое число князей и городôвъ рôкъ въ рôкъ ôтъ Москвы ôтпадали и верховную власть Литвы признавали, якъ н. пр. учинилъ року 1442 князь Одоевскій и Новосельскій. Казимиръ заключилъ умову съ княземъ Теодоромъ Воротиньскимъ въ тôй цѣли, щобы Василія звергнути зъ Московского престола и воздвигнути на тойже престолъ зятя Воротиньского Ивана Андреевича Можайского. Воротиньскій обовязалъ ся въ имени зятя своего, коли Казимиръ допоможе ему на престолъ Московскій, ôтступити Казимиру гденекоторіи московскіи городы, посылати ему на вôйну воеводъ своихъ и людей безъ хитрости и границѣ ôтъ Татаръ боронити „съ господиномъ нашимъ королемъ Казимиромъ“ [25]). Знать Казимиръ еще вспиралъ другого претендента московского престола, брата Василіева, Деметрія Шемяку. Нижели еще вырушилъ Казимиръ зъ Вильна въ цѣли осуществленя выжь реченыхъ уговорôвъ съ княземъ Воротиньскимъ, старалъ ся Василій за посредництвомъ митрополита Іоны перемирити-сь съ Казимиромъ. Желаня Василія исполнили ся. Казимиръ принялъ предложеніи примирительніи условія. Тымъ способомъ уговоръ съ княземъ Воротиньскимъ зôсталъ уничтоженый, Казимиръ обовязалъ ся не пріймати Шемяку, а Василій прирѣкъ не пріймати князя Михаила у себе. Оба государѣ Василій и Казимиръ обѣтовали стояти одинъ за другого и области свои украйніи передъ нападомъ Татаръ вспôльно обороняти. Наконецъ определеній были торговельніи ôтношеня межи Литвою а Москвою и границя новая межи обома державами, именно же границя ôтъ Пскова, и Смоленьска зôстала означена, а ôтъ стороны Сѣверщины потвержена.

Въ р. 1450 затрудненіи были войска воеводства руского и Подôля подвигомъ на Молдавію. По смерти Петрила воеводы молдавского выступилъ якій-то Богданъ. Ôнъ твердилъ, що есть природнымъ сыномъ воеводы Александра, дѣда воеводы молдавского Петрила. Правовитый наслѣдникъ Молдавіи, Илихна, сынъ Иліи, проживалъ съ матерію своею въ Коломыи. Король пôслалъ Іоана, старосту зъ Олеська, съ войскомъ на Молдавію. Той забралъ городы Ньемчь, Сучаву, Хоцинъ, прогналъ Богдана и впровадилъ Илихну на престолъ княжества молдавского. Богданъ скрылъ ся въ горахъ и полонинахъ. Однакожь скоро ино Іоанъ Сіена Олеській опустилъ Молдавію, повернулъ Богданъ зъ гôръ, прогналъ Илихну и засѣлъ снова на молдавскôмъ престолѣ. Илихна съ матеріею приnуженый былъ убѣгнути на Подôлье. Панове польскіи нараджали ся въ Краковѣ и Судомирѣ, що теперь розпочати. Многіи совѣтовали, щобы пôслати войско, прогнати Богдана и край той одареный изобильною почвою, догôдный для торговлѣ и преисполненый богацтвомъ, загорнути для короны а Илихну якою часткою на Руси за молдавскій престолъ вынадгородити.

---

25) Акта западнои Россіи Т. I. стр. 61. 62.

Королъ Казимиръ былъ иного мнѣнія. Ôнъ зналъ добре трудности перепроваженя такого проекту. Прото совѣтовалъ, щобы созвати войско зъ всѣхъ земль рускихъ, прогнати Богдана, а Илихну на его мѣстци осадити. Стало ся по совѣту королевскому. Войско рускихъ земель: львôвскои, саноцкои и перемышльскои собрало ся около св. Іоана коло Львова, а ôтси вырушило на Подôлье. Около Каменца соединили ся войска зъ Подôля и полки молдавскіи, которіи придерживали ся Илихны. Видко, що Илихна малъ сильну партію въ Молдавіи и що тая разомъ съ нимъ край опустила. Хоцинъ, городъ на Днѣстрѣ, утримованый былъ при Илихнѣ. Король представилъ былъ войску рускому воеводъ: Петра Одровонжа, воеводу руского, Пржедбора зъ Конецполя, старосту перемышльского, вразъ каштеляна судомирского, который привелъ такожь съ собою Судомирянъ и Теодора Бучацкого, старосту подôльского. Галицкими полками предводилъ Николай де Порава, староста Галицкій. Войско подѣливши ся на три бôльшіи ôтряды перейшло Прутъ и стануло обозомъ около Липовця. Богданъ увидѣвши великую силу противу себе, началъ переговоры. Воеводы хватили-сь его предложеній. Имъ здавало ся, що лучше заключити миръ на выгôдныхъ условіяхъ, якъ розпочати вôйну съ человѣкомъ, кото[р]ый обзнаемленый былъ съ всѣми скрытыми входами лѣсôвъ и ущелій карпатскихъ горъ. Прото польскіи воеводы предпочитали певный миръ долготревалôй вôйнѣ. Богданъ съобовязалъ ся Польщи платити щорôчну дань 70 тысачей червоныхъ турецкихъ, узнати Илихну за правовитого воеводу и въ его имени управляти Молдавіею, поки Илихна не приспѣе до 15 лѣтъ и самъ узды правленя не пріийме. Войско польское убезпеченое тыми условіями мира, повертало домôвъ черезъ Красноволе около Василуй; ту на узенькôй дорозѣ пôдчасъ переправы черезъ лѣсы зôстало вѣроломнымъ Богданомъ захваченое, коли бôльшая часть возôвъ и военного снаряду ôтправила ся на передъ и пôдъ проводомъ приклонного Илихнѣ молдавского бояріна Бурголапа ôтдѣливши-сь ôтъ головного ôтряду, пасажу тую перебыла и на рôвнинахъ за лѣсами розстелила ся. Наступило жестокое сраженье. Войска земель: Перемышльскои, Галицкои, Саноцкои и Подôльскои бороло-сь мужественно, войска рускіи побѣдили кôнницю волоскую, но улягли удару молдавскои пѣхоты. Воевода Петро Одровонжь, староста Галицкій, Николай Порава, и Бучацкій (Михаилъ?) полягли на поли битвы героичною смертію. Окрôмъ тыхъ погибли въ сраженю: Николай Клушь, Іоанъ Ньезвеіовскій, Іоанъ Бьесковскôй и Станиславъ Давидовскій. Предводителѣ львôвскихъ охотникôвъ Адамъ и Янушь Савкове [26]) (жерело польское называе ихъ Samek [27]) сплатили такожь на поли битвы смертію долгъ отечеству.

---

[26]) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 107.
[27]) Długosz L. XIII. p. 63.

Польское жерело сказуе, що Поляки ôтновили битву и за помочію ôтряду, посланого на передъ и прибѣгшого войску на помôчь, въ тôй критичнôй хвили Богдана побѣдили. Богданъ убѣгъ до Берлата. Однакожъ тое поданье не есть вѣроятное. Богданъ отрималъ ся въ Молдавіи, а мати Илихны съ придаными боярами Молдавіи скитала ся по Галичинѣ, явила-сь 1451 въ Самборѣ, и просила короля Казимира приѣхавшого до того мѣста, о помôчь и покровительство противу Богдану. Тѣла погибшихъ героѣвъ привезено до Львова. Львôване приняли тіи земскіи останки съ приналежитою честію, съ плачемъ и рыданьемъ, и похоронили ихъ въ гробахъ созданыхъ въ архикатедральнôмъ костелѣ [28]).

Оставшое ся войско рускихъ земель повертало зъ нещастного походу до дому, но незастало ту ни женъ, ни сестръ, ни дѣтей, ни селъ, ни имѣня, но пожарище, попелъ и крайное опустошенье. Сейдъ Агметъ довѣдалъ ся, що войска рускихъ земель лишивши край безъ защиты вôйшли были до Молдавіи. Тогды собравши великое множество Татаръ прельстилъ чуйнôсть Гадши Гирея и перебралъ ся черезъ Днѣпръ. Татары подѣливши ся на кôлька загонôвъ розпустили ся рôжными дорогами по Подôлю и Червонôй Руси, пустошили хаты и селеня, захвачали людей и имѣнье, забивали немовлята и ôтпроважали молодежь вразъ съ товаромъ. Они поступили ажь по Городокъ [29]), вторгли въ предѣлы землѣ Белзкой, и мало що не имали Владислава Мазовецкого, пребываючого тамъ на ловахъ. Не было кому противустанути Татарамъ, взяти ся за оружіе и край обороняти. Несподѣванôсть татарского нападу принудила жителей оставити селеня и въ неприступніи мѣстця убѣгати. Прото Татары гостили такъ долго, поки христіяньскою кровію и горемъ не насытили ся. Многіи области рускіи ôтъ тогды носили вѣчное пятно опустошеня. Рускіи молодцѣ и дѣвицѣ ôтпроваженй въ далекіи стороны, зôставали спродавани по торжищахъ въ неволю, употребленй до найнизшихъ робôтъ або приненуженй до принятія магометаньскои вѣры и татарскихъ обычаѣвъ. Жены, сестры и доньки непритомныхъ ôтцей и братей, проливаючихъ кровь свою въ Молдавіи за справу, которая бдзпосередно руского краю нетыкала ся, попали ся Магометанамъ въ руки и стали ся жертвою ихъ сластолюбія. Якôе-жь горе наполнило грудь жителя повернувшого зъ Молдавіи, обагреного кровію и въ крайнôмъ изнеможеню, до любимыхъ родинъ и жилищь

---

[28]) Тронутый смертію брата воеводы умеръ напрасно братъ его архіепископъ, по чемъ наслѣдилъ славный Григорій зъ Санока на стôлци архиепископства лат. обр.

[29]) Stryjkowski 1451. „Tatarowie gwałtem do Podola i Rusi wtargnęli burząc i paląc aż za Lwów do Grodka, z wielkością łupami i zdobyczami ludzi i bydła do Hordy wyszli.“

своихъ. Чувство ôтчаяня тлумило всѣ нѣжніи чувства. Не было надъ. ôтмстити досвѣдченіи кривды на Татарахъ, бо они уже вернули были въ далекій степъ, въ свои кочевища за Вольгу.

Въ время тыхъ происшествій княжилъ еще ôтъ року 1440 Свидригайло въ Луцку, заховуючи вѣрность Казимиру, яко королю польскому и великому князю литовскому, въ тôмъ смыслѣ, якъ еще за временъ Ягайла князѣ рускіи великому князю литовскому и коронѣ послушеньствомъ были обовязали ся. Свидригайло именуе ся еще всегда великимъ княземъ. Въ его имени управляе староста луцкій Нѣмира, при боку его стоятъ маршалки, князь Михаилъ Чарторыскій и панъ Бернатъ[30]). Зъ Луцка роздае Свидригайло села, такъ н. пр. надае ôнъ мѣстцевôсть Ригичôвъ шляхеткымъ Теодору Жуку и Ходорови въ неôтзовную власнôсть и вѣчную ôтчизну, обовязокъ на нихъ вкладаючи, щобы служили ему и намѣстникамъ его двома стрѣлами на заволаную вôйну[31]). Замѣчательно есть, що тое наданье сдѣлалъ Свидригайло по словамъ грамоты „съ королевскимъ приказаньемъ.“ Теодоръ и Ходоръ звутъ ся фамилійнымъ именемъ Чоботы. За надѣленую область ôтобралъ Свидригайло Чоботамъ якое то селенье и присоединилъ тоеже къ княжимъ имѣнямъ, яко вѣчную ôтчизну королевского двора. Въ прочемъ самъ король Казимиръ розполагалъ областьми Луцкои землѣ т. е. ôнъ надалъ[32]) року 1450 многіи села въ Мельницкôй волости, Луцкои землѣ, Олизару Шиловичу за выслуги сдѣланй у Свидригайла, королевского стрыя, въ ôтчину и держанье. Олизаръ Шиловичь зъ своей стороны присягъ торжественно и заклялъ ся на своей души и тѣлѣ своемъ, що буде служити королю Казимиру вѣрно и спріяти великому княжеству литовскому. Зъ тои заприсяженои грамоты видно, що король поручилъ городъ Луцкъ выжь реченому Олизару Шиловичу, который пôдъ тою самою присягою обовязалъ ся держати Луцкъ на имя короля, при великôмъ княжествѣ литовскôмъ, а по смерти короля никому иному не ôтдавати, тôлько тому сынови короля, который въ великôмъ княжествѣ литовскôмъ володѣти буде.

Олизаръ Шиловичь сѣдилъ уже въ Луцку при боку князя Свидригайла и представлялъ заступника и намѣстника великого князя литовского.— Мы видѣли, що князь Свидригайло давнѣйшими лѣтами посѣдалъ зъ наданя короны значительніи области на Червонôй Руси. Не знаемъ, що ему зъ тыхъ имѣній еще и на пôзнѣйшіи лѣта позôстало. Пôсля самыхъ польскихъ жерелъ побиралъ ôнъ и въ время побыту своего въ Луцку

---

[30]) Акты западнои Россіи Т. I. стр. 59.

[31]) Акты западнои Россіи Т. I. стр. 58. 59.

[32]) Акты западнои Россіи Т. I. стр. 67. 68.

2000 гривенъ звычайнои монеты зъ Городка и прочихъ дôбръ коронныхъ (на земли рускôй) [33]). Поляки утвержали, що Свидригайло тіи знячительнии доходы побиралъ яко надгороду за то, що присягою и уговоромъ обовязалъ ся былъ володѣти Луцкомъ и держати луцкіи области на имя короны. Однакожь уговорнои грамоты такого содержаня по всей вѣроятности не было въ архивѣ краковского замку, где прочіи грамоты ôтносячія ся къ правамъ короны до земель и областей рускихъ дуже старанко сохраняли ся, иначе бы компиляторы и регистраторы коронного архиву о выжь реченôй важнôй грамотѣ вспôмнути и тую же въ извлеченіи навести были не залишили.

Литовцѣ уважали Луцкъ съ всею волыньскою землею оже и надбужаньскіи городы яко власнôсть рода Гедымина по Лубартѣ, прото намѣрили всѣми имъ предстоячими способами цѣлый Волынь при Литвѣ удержати. Подôлье уважали Литовцѣ, якъ высше сказано, яко здобычь Ольгерда и Коріятовичей, прото и тую землю для Литвы притязывали. Мы видѣли, що о Волынь и Подôлье спорили Поляки съ Литовцями еще на передидучихъ соймахъ передъ коронаціею Казимира. Той споръ вспломенѣлъ на ново, коли Свидригайло притисненый старостію знемогалъ и що день гробу своему зближалъ ся, а съ предстоячою смертію Литва собѣ, а Польща собѣ Володимирскую Русь забезпечити бажали. Литовцѣ и Русины собирали ся на соймахъ въ Гроднѣ и Вильнѣ (1451) [34]) и ту нараджали ся вразъ съ королемъ надъ способами, якъ бы Волынь и Луцкъ при Литвѣ удержати а Подôлье ôтъ Польщи ôтзыскати. Они предложили Полякамъ, щобы собрати соймъ обохъ народôвъ и посовѣтовати ся надъ тою справою въ Берестю. Поляки извиняли ся, що Бересть за далеко ôтстоитъ ôтъ Польщи и лежитъ имъ не на дорозѣ. Такъ на той разъ предложенье вспôльного съѣзду ôтвержено. Поляки самі нараджали ся вразъ съ королемъ на частнôмъ соймѣ въ Піотрковѣ 1449 надъ справами тычачими ся рускихъ краѣвъ. На тôмъ соймѣ явилъ ся посолъ ôтъ цѣсаря нѣмецкого Фридерика III., зъ дому Габсбургôвъ, Конрадъ князь Козельскій. Той вставлялъ ся въ имени своего цѣсаря у короля Казимира, щобы ôнъ Владиславу Мазовецкому ôтдалъ землѣ Белзкую и Равскую, которіи по смерти Казимира припали до короны. Владиславъ Мазовецкій былъ рôднымъ вуемъ по матери цѣсаря Фридерика. Оже Фридерикъ III. зъ дому Габсбургôвъ исполнялъ ту прекрасный доказъ любви къ сроднику своему. Казимиръ принялъ посла съ честію и оставилъ Владислава Мазовецкого такъ для власныхъ его заслугъ якъ

---

33) Długosz.

34) Długosz L. XIII. p. 65.

и для глубокого почтеня къ цѣсарю тымчасово въ посѣданю областей Белзкои и Равскои, поки цѣла тая справа въ догодное время рѣшительно не опредѣлитъ ся [35]).

Всѣ предметы нарадъ того частного польского сойму не суть намъ знаніи зъ причины, що кардиналъ Сбигнѣвъ Олесьницкій утворилъ тѣсную раду (privatum concilium) съ выключеньемъ всѣхъ прочихъ польскихъ пановъ, и що тяя тѣсная рада таемно вразъ съ присутствуючимъ ту королемъ польскимъ совѣтовала. Участниками тѣсного совѣта короны были: Іоанъ зъ Чижова, староста краковскій, Іоанъ зъ Тачина, воевода краковскій и Петро Одровонжь, воевода рускій. Оже то по первый разъ въ Польщи вопросы надъ важными справами совѣтовано въ тѣснômъ крузѣ и предмету и результату розправъ не обнародовлено. Я думаю, що справы рускіи могли быти однымъ зъ головныхъ предметôвъ нарадъ тои стисненои коронной рады. Лѣтописецъ замѣчае тое въ загалѣ говорячи, що король съ Сбигнѣвомъ и панами польскими умышленно съѣхали ся до Піотркова еще року 1449, щобы надъ рускими справами обрадовати [36]).

Въ р. 1451 на съѣздѣ земель Краковскій, Судомирской и Люблиньской въ Корчинѣ, упоминалъ Сбигнѣвъ Олесьницкій короля, щобы былъ справедливый для князя Михайлушки, призвалъ его ôтъ Татаръ и ôтдалъ ему его ôтцѣвство, и тымъ способомъ ôтвернулъ ôтъ рускихъ земель многіи нещастя и смуты. Михаилъ бо пребывалъ у Татаръ и Москвитянъ, возбужалъ непріязнь у тыхъ народôвъ на корону, и спровάжалъ Татаръ на рускіи краи. Но король не согласилъ ся на тое предложенье, якъ въ загалѣ не соглашалъ ся ôнъ такъ легко въ всѣхъ справахъ тычачихъ ся Руси и Литвы на совѣты самыхъ Полякôвъ и не удовлетворялъ ихъ желанямъ, не ôтнесши ся въ передъ до своихъ Литовцей и не увзглядувши интересôвъ тои еще тогды полусамостоятельнои державы.

Король радъ былъ, щобы мирнымъ способомъ межинародный споръ о рускіи землѣ рѣшити, и посовѣтовавши-сь съ Литовцями на соймахъ выжь названыхъ, завôзвалъ Полякôвъ и Литовцей на вспôльный съѣздъ соединеныхъ народôвъ на рôкъ 1451 до Парчова. Въ тôмъ року прибылъ король зъ Судомира черезъ Лежайско и Ярославъ до Перемышля, бавилъ ту черезъ 14 день и ôттакъ на день св. Бартоломея приѣхалъ до Самбора. Ту явили-сь послы Іоанъ де Бобрекъ, староста Бьецкій и Іоанъ Длугошь, настоячій польскій дѣеписатель, бывшій тогды кустошомъ Вислицкимъ и каноникомъ Судомирскимъ. Они ôтпосланіи были ôтъ тыхъ мужей, зъ

---

35) Dlugosz L. XIII. p. 54. 55.

36) Dlugosz: „rex cum Sbigneo cardinali et baronibus partium Cracoviensium, Sandomiriensium Russiae negotia deliberaret."

і торыхъ въ року 1449 тѣсная прибочная рада коронна составляла ся, т. е. ôтъ Іоана де Крисовъ, каштеляна краковского, Іоана зъ Тачинъ, воеводы краковского и кардинала Сбигнѣва Олесницкого. Предложеня тыхъ мужей попирала также королевская мати Софія. Настоячое посольство произнесло передъ королемъ рѣчь слѣдуючого содержаня: „князь Свидригайло недугою сложеный и вѣкомъ притисненый не за долго умре, — корона польская мае право до Луцка, опертое на зреченю ся великого князя литовского Сигисмунта и вельможь литовскихъ до тыхъ земель; належитъ оже королю ôтложивши на короткое время всѣ державніи заботы предприняти потребніи мѣры, щобы Луцкъ по смерти Свидригайла присоединеный былъ до короны.“ „Король призваный зôсталъ“ говорили посолове „на престолъ Польщи пôдъ тымъ условіемъ: щобы права короны не тôлько сохранялъ, но еще и розширялъ; — если король несхоче ничого учинити въ тôмъ взглядѣ, и по смерти Свидригайла Литовцѣ Луцкъ осадилибы, тогды они самі вельможѣ Польщи повстанутъ и самі безъ короля употреблятъ потребніи мѣры, щобы такъ прехороша часть землѣ не была Польщи ôтчужена, и тогды не буде честно для короля, если они безъ приказу зъ стороны его возьмутъ ся до оружія и выповѣдятъ ему послушеньство. Инакше Поляки собѣ порадити не могутъ. Въ прочемъ они не приѣдутъ на заповѣженый съѣздъ до Парчова, еслибы король неудосточинилъ настоячôй воли ихъ, або ôтъ ей осуществленя ôттягалъ ся.“

Король въ сознаню своего высокого становища съ достойностію собѣ приличною ôтвѣтилъ черезъ Якова зъ Сіена, пробоща краковского, и Бартоломея зъ Обуличь, судію краковского, щобы въ справѣ Луцка саміи вельможѣ безъ него ничого не розпочинали и не предпринимали, но щобы на призначеный день приѣхали до Парчова на съѣздъ обохъ народôвъ, где настоячая справа всенародно залагодитъ ся. Польскіи послы ôтъѣхали неудоволени и ôтказовали на короля, що въ справѣ Луцка спріяе бôльше Литвѣ якъ коронѣ.

Въ время своей бытности въ Самборѣ освѣдчилъ Казимиръ на просьбу Маріи Еліашовои, которая тутъ, якъ мы уже высше о тôмъ вспоминали, съ почетомъ бояръ молдавскихъ, своихъ приверженцей явила ся, щобы два ей бояре приѣхали на настоячій съѣздъ до Парчова, где отримаютъ полный ôтвѣтъ на сдѣланї предложеня и узнаютъ о рѣшеню сойму взглядомъ Молдавіи.

Зверхъ того приказалъ Казимиръ Андрею Одровонжу, брату погибшого воеводы Петра, щобы военною силою защищалъ Марію и ей сына Александра въ ихъ областяхъ передъ нападомъ Богдана, претендента молдавского престола. Такъ войско зъ рускихъ краѣвъ стерегло Покутье передъ Молдавяниномъ, который радъ былъ прогнати Марію зъ близости

Молдавіи. Може быти Марія зъ ôтси удержовала связь съ жителями Молдавіи и неудоволени зъ настоячимъ правленьемъ около Маріи и ей сына на Покутю згромажали ся.

Король ôтъѣхалъ зъ Самбора до Городна. Посвѣтовавши ся съ панами литовскими[37]) нижели еще Свидригайла смерть заскочила, поспѣшилъ на соймъ, для обохъ народôвъ до Парчова на 18 Вересня 1451 розписаный. Соймъ той малъ складати ся зъ 12 делегатôвъ зъ польскои а 12 делегатôвъ зъ литовскои стороны. Межи польскими делегатами находилъ ся кардиналъ Сбигнѣвъ Олесьницкій и Русинъ Грицко Кердеевичь. Литовцѣ станули обозомъ въ Ломазахъ. Рознесла ся была въ литовскôмъ обозѣ вѣсть о якихъ то тайныхъ заговорахъ панôвъ польскихъ на панôвъ великого княжества литовского. Прото Литовцѣ не хотѣли ѣхати до Парчова преже, поки имъ листъ безпеченьства врученый не буде. Но панове польскіи отвѣтили, що выдаванье такого листу супротивляе ся установленôй едности и сгодѣ межи обома народами руско-литовскимъ и польскимъ. Король увидѣвши тое злое розположенье панôвъ литовскихъ до польскихъ, съѣхалъ самъ особисто до Ломазъ и спровадилъ панôвъ литовскихъ до Парчова. Лишь воевода виленьскій Гаштольдъ нехотѣлъ приѣхати, ôнъ не вѣрилъ знать устнымъ забезпеченямъ зъ стороны короля, може быти для того, що зналъ, яко панове польскіи найбôльше ему несприяли за тое, що ôнъ управляючи волею короля ôтъ молодости потягалъ своею радою молодого владѣтеля на сторону интересôвъ и желаній Литвы. Панове литовскіи приѣхавши за королемъ до Парчова предложили, щобы имъ вôльно змѣнити записы передидучихъ уговорôвъ уніи въ Городлѣ, именно слова: „мы (Литовцѣ и Русины) вѣчною неволею уярмленй привлащаемъ и присоединяемъ и присовокупляемъ землѣ рускіи и литовскіи до королевства польского.“ Они жадали, щобы имъ свобôдно было замѣнити тіи записы на вѣчную неволю — на инни записы узаконяючіи вôльный союзъ межи двома собѣ рôвными державами. Литовцѣ и Русины примѣтили, що они самй пôдписали условія городельскои уніи, не знаючи ихъ содержаня, на самъ приказъ и зъ послушеньства до тогдашного князя литовского (Витольда) [38]). Литовцѣ и Русины утвержали [39]), що панове польскіи грамоту городельскои уніи безъ вѣдомости съ великимъ оскорбленьемъ Литовцей, яко залогъ повиннои и вѣчно обовязуючои неволѣ написали.“

---

[37]) Stryjkowski: Kazimierz w Litwie wtenczas mieszkał sejmując z panami litewskiemi koło przywrócenia Litwie Podola.“

[38]) Długosz L. XIII. p. 77. 78.

[39]) Stryjkowski ks. XVIII. str. 586. 587.

Кардиналъ Сбигнѣвъ Олесьницкій въ сильнôй промовѣ опровергалъ, якобы грамота городельскои уніи безъ вѣдомости пановъ литовскихъ написаною была, и ôтсылалъ ся до присутствуючихъ панôвъ литовскихъ, именно до епископа виленьского, которіи не могли заперечити, що они выжь помянутый актъ городельскои уніи пôдписали и заприсягли. Якъ до тои головнои точки, такъ и шо до Луцка и Волыня не прійшло межи Польщею и Литвою до сгоды. Литовцѣ произносили еще на соймѣ любельскôмъ наведенй ними доводы, яко Волынь по правѣ дѣдицтва по Любартѣ до Литвы належитъ. Поляки зновъ казали, що тая земля еще въ передидучихъ вѣкахъ завоевана была королями Польщи, оже ôтъ давна (по правѣ забору) Польщи принадлежала. Въ прочемъ показали Поляки Литовцямъ грамоту Сигисмунта, которою сей князь тую землю Польщи ôтступилъ. Поляки предлагали повторно, щобы сдати ся на судъ полюбовный самого короля Казимира, но Литовцѣ ôткинули тое предложенье. Такъ снова народы руско-литовскій и польскій несогласили ся, и лишь о стôлько сгодили ся, щобы на св. Михаила 29. Вересня року 1452 еще разъ собрати ся въ Парчовѣ для вспôльнои нарады надъ тыми самыми справами.

Для остаточного уложеня справы молдавскои ôтпославъ король трехъ вельможъ до Молдавіи: Іоана зъ Чижова, каштеляна и старосту кракôвского, Петра зъ Шамотулъ и Пржедбора зъ Конецполя.

Тымъ часомъ Свидригайло кôнчилъ остатніи дни житя своего въ Луцку. Поляки собрали ся въ Опатовѣ пôдъ проводомъ Сбигнѣва Олесьницкого 1452, ôтправили послôвъ до короля съ возваньемъ, щобы розширялъ права короны по примѣру попередникôвъ своихъ и призволилъ на случай смерти Свидригайла осадити Луцкъ на имя короны. Такожь ôтправили они пôдсудію Судомирского Николая зъ Паухова до Луцка а то[40]) съ почетомъ польского рицарства, щобы въ самôмъ городѣ придивлялъ ся токови произшествій и вымôгъ на старостѣ Свидригайла Нѣмирѣ, на княгини женѣ Свидригайловôй и боярахъ Волыньскихъ, щобы по смерти Свидригайла выдали Луцкъ коронѣ. Литовцѣ тымъ часомъ на новый рôкъ 1452 [41]) собрали соймъ въ Вильнѣ и ôтпослали панôвъ Юрія Пинского, Радивила Гостиковича и Юршу Русина на челѣ военныхъ полкôвъ до Луцка, щобы при наступаючôй смерти Свидригайла приняли Луцкъ съ принадлежачею до того города Володимиріею (Волыніомъ) яко часть родинного имѣня великихъ князей литовскихъ зъ рода Гедыминôвъ.

---

[40]) Narbutt T. VIII. str. 109.

[41]) Narbutt T. VIII. str. 103.

Свидригайло взрôсъ въ ненависти къ польскôй коронѣ и боролъ ся съ нею майже черезъ цѣлое житье свое. Ôнъ загадалъ продолжати нить стремлений, якіи остатніи лѣта панованя Витольда цѣховали. Ставувши на найвысшôмъ степени могучества по смерти Витольда, въ продолженю борбы зверженый былъ зъ престола, выгнаный зъ Литвы и зъ Руси, переслѣдованый въ изгнаню, наконецъ ограниченый на самую землю Волыньскую, которая единственно ему позôстала зъ тыхъ всѣхъ обширныхъ краѣвъ, которыми по смерти Витольда Кейстутовича управлялъ.

Свидригайло уважалъ Луцкъ и Волынь за дѣдицтво и ôтцѣвство рода Гедымина. Ôнъ записалъ остатокъ своего достояня Литвѣ, по воли и по согласію князей и бояръ Волыньскихъ, которіи его окружали. Узнавши о усильныхъ намаганяхъ польскои дипломаціи и рады коронной, щобы Луцкъ и цѣлую посмертную спустизну по немъ до короны присоединити, завозвалъ Свидригайло старосту Нѣмира и бояръ волыньскихъ, именно князей Михаила и Ивана Чарторыскихъ, и приказалъ Юрши передъ лицемъ всѣхъ тыхъ присутствуючихъ сложити присягу, що никому иному по его смерти не ôтдадутъ Луцкъ, якъ ино ôтпосланникамъ великого князя литовского. Якъ ино прибыли до Луцка ôтпосланій панове литовскіи, Свидригайло на смертельнôй постели въ притомности тыхъ посланникôвъ приказалъ Нѣмирѣ повторити уже разъ сдѣлану присягу, що по смерти его сложитъ ключѣ замку Луцка на домовинѣ его, и недозволитъ тіи никому взяти, тôлько посламъ литовскимъ, дѣйствуючимъ ту въ имени великого князя литовского [42]). Свидрилайло умеръ 10 Лютого року 1452.

Свидригайло опиралъ ся найбôльше на елементѣ рускôмъ и исповѣдникахъ православія. Литовское племя и католики станули по бôльшôй части на сторонѣ Польщи и Ягайла; Русины и православній на сторонѣ Свидригайла. Упрекаютъ Свидригайлу о непостояннôсть характеру. Мы

---

[42]) Подôбну присягу исполнилъ такожь Олизаръ Шиловичь, староста въ Луцку, поставленый ôтъ короля Казимира. Акта западнои Россіи Т. I. стр. 68. „Я панъ Олизаръ Шиловичь присягаю Богу, пречистôй его матери и всѣмъ святымъ и королю его милости, що то ми его милость полицилъ и далъ Лучоскъ держати вѣрно, на короля его милость, къ великому княжству литовскому, и не маю его никому спускати ани однои и не иной сторонѣ, только господарю королю его милости и великому княжству литовскому. А Боже того не дай, господаря короля еслибы не стало, тогды тотъ городъ Лучоскъ маю спустити сыну его милости, который будетъ на великôмъ княжствѣ литовскôмъ, къ великому княжству литовскому. Если то сдержу, Боже помози ми; а если не сдержу, побій мя Богъ въ души и тѣлѣ."

иначе понимаемъ князя того, опозореного польскими и литовскими историками. Свидригайло былъ мужемъ постояннымъ о стôлько, о скôлько через долгое время стремилъ неперестанно къ тому, щобы ôтдѣлити Русь ôтъ Литвы и построити особенну ôтъ Литвы и ôтъ Польщи независимую державу. Вражда зъ стороны Польщи принудила его вязати-сь съ ей ворогами, рицарями нѣмецкого ордина. Тому союзу былъ ôнъ вѣрный, наветъ въ тіи времена, коли о нещирости пріязни рицарей мôгъ переконати ся. Свидригайло неопустилъ рицарей, но они опустили его. О стôлько можна Свидригайла упрекати о непостоянnôсть, о скôлько ôнъ будучи преже греческои вѣры, перекрестилъ ся на латинскую, а по тôмъ хотя былъ латинникомъ, спріялъ православію, часто и на некорысть латиньского вѣроисповѣданя. — Мы не можемъ уважати Свидригайла яко звычайного мятежника и безпокôйного человѣка. Ôнъ уважалъ ся дѣдичнымъ паномъ Литвы и вступалъ ся за права, которіи ему пôдля его способу зрѣня не зъ ласки польскои короны, но правомъ дѣдицтва по родству, яко найстаршому брату по Ягайлѣ принадлежали. Польща уважала Литву уже яко аквизицію короны, а Литва уважала еще себе и всѣ ей принадлежачіи краи яко политичную независимую цѣлôсть, которая никому иному не принадлежала, якъ роду князя Гедымина, основателя паньства литовского.

Въ Свидригайлѣ замѣчаемъ одное свойство, вредячое великимъ предпріятіямъ и не властивое великимъ мужамъ, и въ тôмъ ôтношеню характеръ Свидригайла значительно ôтъ Витольдового розличалъ ся. Витольдъ самостоятельно творилъ пляны, избиралъ средства до ихъ переведеня, и былъ душею правительства и цѣлого политичного стремленя Литвы. Вельможѣ и панове польскіи повиновали ся ему безъусловно. Витольду служило щастье, ему послушали Литовцѣ и Русины, которіи передъ его высокимъ духомъ и передъ его неуступчивою и консеквентною волею, зъ боязни, покôрности и навычки угинали-сь. Витольдъ наконецъ не провадилъ певного направленя до крайности, увзглядннялъ непреодолиміи обстоятельства, и уступалъ имъ, коли иначе не мôгъ дѣлати. Ôнъ ничого не предпринималъ чему бы розôрванье Руси ôтъ Литвы и общое розстроенье ея цѣлости послѣдовало.

Насупротивъ тому Свидригайло зависѣлъ ôтъ тыхъ, которіи его окружали, предпріятія свои розговорывалъ съ своими приверженцями (сторонниками) и дѣлалъ пôдля ихъ внушеня. Свидригайло пренебрегалъ часто обстоятельствами, у него перемогало чувство надъ розвагою. Предпріемчивый и дѣятельный, но заразомъ скорый и вспыльчивый не разъ въ порывчивости своей сдѣлалъ беззаконнôсть, оскорблялъ лица и ôтверталъ ôтъ себе часто тыхъ, которіи зразу щиро ему спріяли. Зôрвавши съ Польщею поступилъ до крайности и не увзглядннялъ непреодолиміи об-

стоятельства. Поссорившися съ Литовцями привернулъ ся до Руси и роздеръ княжество литовское,— любленый былъ Русинами и православными, а ненавидженый Литовцями и латинниками. Вспираючи хотѣня Руси, приобрѣлъ еи любовь и возбудилъ къ своей особѣ великое привязанье. Мы видѣли, якъ Русины радо слѣдовали ему и за него кровь свою охотно проливали. Но Свидригайлу было быти великимъ княземъ рускимъ а не литовскимъ. Тогды мôгъ былъ полагати на любвѣ одного народа; яко великій князь литовскій любовію до Русинôвъ ôтклонялъ собѣ Литовцей. Великому князю литовскому треба было быти справедливымъ, якъ былъ Витольдъ, а не односторонпымъ и уступаючимъ вліяню мнѣній одного круга, который цѣлои Литвы не представлялъ. Витольдъ трималъ пôдданыхъ своихъ въ значнôмъ ôтъ себе ôтстоянію. Ôнъ не лишь въ дѣлахъ державныхъ но и въ личнôмъ (приватнôмъ) обхоженю съ ними былъ тверезый, воздержаный, молчаливый;—говорливый Свидригайло сообщалъ ся съ своими приверженцями не яко государъ, но яко другъ въ житю приватнôмъ и въ дѣлахъ державныхъ. Наконецъ щастье не служило Свидригайлѣ. Еслибы ôнъ свои намѣреня былъ осягнулъ, знайшолъ бы былъ може быти и панегирика, но и ôтъ щастя опущеный и побѣженый приобрѣлъ ôнъ лишь нагану. Поляки и Литовцѣ представили Свидригайла яко піяницю, человѣка безпокôйного, свирѣпого и безталантного.

По смерти Свидригайла Луцкъ осаженый былъ Литовцями передъ лицемъ польского посла. Слѣдство было: великое волнованье умыслôвъ въ Польщи [43]). Поляки сходили ся и нараджали ся въ Краковѣ, Судомирѣ и Львовѣ. Всюда роздалъ ся голосъ межи вельможами, щобы хватити за оружіе и насильемъ Литовцямъ Луцкъ ôтобрати. Вдругъ явилъ ся и посолъ королевскій Николай зъ Боржеховичь и предостерѣгалъ, щобы Поляки не брали ся за оружіе и недѣлали роздвоеня, которое посторонніи непріятелѣ ужити могутъ, бы въ время замѣшательства нападъ на край сдѣлати.— Ничь не помагало! Поляки пôслали двохъ мужей Альберта зъ Мнихôва, каштелана Завихвосткого и Іоана зъ Олешницѣ, воеводу Судомирского до короля, который тогды перебывалъ въ Литвѣ. Тіи панове мали короля просити, щобы не призволилъ ôтрывати Луцка ôтъ короны и щобы потвердилъ давніи права и преимущества сословія шляхотского въ Польщи, що звычайно королѣ при вступленю на тронъ чинили. На дорозѣ встрѣтили выжь реченіи послы повертаючи зъ Литвы Іоана зъ Чижова. Той освѣдчилъ имъ, що даремный ихъ трудъ до Литвы и що крѣпость въ Луцку засѣли Литовцѣ по приказу и новелѣню самого короля.

---

[43]) Stryjkowski ks. XVIII. str. 588. „Polacy zgrzytali na króla, iż za jego wolą Litwa Lucko wzięła."

Не смотрячи на то, Малополяне сгромадили ся въ Піотрковѣ и ухвалили, щобы галицко-рускіи и любельскіи воины вооружили ся и противу Луцку въ полѣ вырушили. Луцкъ не былъ тогды заопатреный въ снарядъ военный. Поляки приказали пôдскарбіому коронному и жупникови сольному, бы нiякои брони до Луцка недопускали, хотя бы и король тое приказовалъ. Тіи шатаня ся Поляковъ были Литовцямъ знаемѝ, по крайнôй мѣрѣ известно имъ было ихъ розположенье. Скоро по смерти Свидригайла спалили Литовцѣ городъ Володимирь зъ причины, щобы сей городъ (не добре укрѣпленый) не былъ занятый Поляками и неслужилъ имъ за точку въ ихъ операціяхъ военныхъ противу Литвѣ. Поляки готовили ся до войны, они постановили ôтбудовати Володимирь и польскими войнами засадити. Теодоръ Бучацкій дѣлалъ соотвѣтніи движеня войскъ, щобы ôтъ Подôля всперти настоячій пôдвигъ Поляковъ противу Луцку. Прото подôльская земля лишена была оборонителей, которіи двигали ся къ сѣверу. Лишь позорніи сторожѣ были по Подôлю зôставленѝ. Татары пользуючи-сь ôтсуствіемъ войскъ вторгли передъ святомъ Іоана крестителя на Подôлье, многихъ христіянъ поубивали, многіи села попалили, наконецъ надѣлавши вреда до волѣ и забравши въ полонъ многихъ жителей, повернули домôвъ [44]).

Всѣ ухвалы соймôвъ партикулярныхъ скôнчили ся на ничемъ. Малополяне увидѣли, що зъ стороны короны не дôстанутъ жаднои платы на подвигъ военный и цѣлую выправу власными грôшми удержовати должнѝ. Тое обстоятельство значительно охолодило военну охоту. Были такожь такіи, которіи настоячій подвигъ уважали за ôтвертый бунтъ противу коронѣ, ини убѣгаючи ся о достоинства бояли ся утратити ласку у короля. Велико-Поляне собрали ся въ Колѣ. Луцкъ далеко ôтстоялъ ôтъ Великои Польщи, а земля Луцкая въ ничемъ ихъ не обходила. Они станули всѣ, якъ одинъ мужь на сторонѣ короля, зганили Мало-Полянамъ ихъ поступованье, завзываючи ихъ, щобы всѣ военніи мѣры противу Луцку залишили. Король жаловалъ ся передъ Велико-Полянами на Сбигнѣва Олесьницкого и его товаришей, що они собираютъ соймы и ободряютъ соотечественниковъ до отвертой мятежи противу правовитому пану. Въ слѣдство того Мало-поляне оставили военнѝ мѣры противу Луцку и всю опозицію обернули противу королю. На съѣздахъ и соймахъ въ Піотрковѣ и Краковѣ опровергалъ Олесьницкій королеви, що способъ поступованя его и Литовцѣвъ що до справы Луцка есть хибный, що Луцкъ не

---

[44]) Dlugosz ad a. 1452. L. XIII. p. 91. „castellum quoque Row conquirunt et nobilem Stogneum Rey de domo Okscha, cum uxore et liberis in illo captivant. Terrigenam Mroczkonem cum aliis terrigenis interficiunt et alios homines in saevam captivitatem abducunt.“

есть власностію рода Гедымина, но давнымъ приобрѣтеньемъ польскои короны, що Польща права на Луцкъ не ôтъ Ягайла, но еще ôтъ давнѣйшихъ королей своихъ посѣдае, которіи тую землю оружіемъ завоевали.

Олесьницкій ганилъ королеви, що слѣдуе въ своей политицѣ Витольду, который такожъ нить правъ коронныхъ до Литвы и прочихъ земель перервати хотѣлъ черезъ то, що старалъ ся приняти корону и титулъ короля литовского. Казимиръ яко король польскій долженъ окружити себе совѣтниками и радцями польскими, а ôтдалити радцѣвъ литовскихъ, (межи которыми очевидно было много Русинôвъ), щобы по воли и интересѣ народа польского, а не зъ взгляду на захотѣня Литовцей, управлялъ державою для славы и въ корысть обохъ соединеныхъ народôвъ. Якъ первше, такъ и теперь вся опозиція ôтъ тыхъ трехъ мужей выходила: Сбигнѣва Олесьницкого, Іоана зъ Тачина и Іоана зъ Олешницѣ. Они упоминали ся о потверженье правъ и привилеѣвъ сословія шляхецкого и грозили выступленьемъ своимъ зъ рады або абдикаціею, если король не достоучинитъ всѣмъ предложенымъ требованямъ. Король якъ мôгъ такъ лагодилъ умыслы. Еще разъ р. 1452 на съѣздѣ въ Сѣрадзи старалъ ся привести до скутку порозумѣнье межи Литовцями и Поляками. Зъ стороны Литовцей приѣхалъ на съѣздъ въ Сѣрадзи Андрушко Девойновичь и Михаилъ Монтольтовичь. Снова пôднесли литовскіи послы въ имени Литвы той самъ голосъ взглядомъ Луцка и Подôля: Луцкъ и Подôлье достоянье роду Гедыминового, — литовскіи князѣ въ неустаннôмъ тыхъ земель посѣданю, Подôлье ôтобрали Поляки лишь здрадою по смерти Витольда а о Луцкъ покушаютъ ся теперь лишь неправымъ способомъ.

Наконецъ еще разъ жадали Литовцѣ, щобы рабство и неволя, до которои записами съобовязали ся, перемѣнени были на вôльный и свобôдный союзъ обохъ соединеныхъ народôвъ, объявляючи, що радше всѣ умрутъ, якъбы неволю и рабство дальше зносити мали [45]). Литовцѣ грозили, що о иныхъ пріятелей и ини союзы постараютъ ся и правъ своихъ доходити будутъ. Поляки ôтповѣли знаными намъ доводами и заключили рѣчь свою, що корона въ созианю правъ своихъ спокôйно сдати ся хоче на справедливый судъ самого короля або которого нибудь князя католицкого. Такъ пересвѣдчено ся, що мирнымъ способомъ на дорозѣ уговорôвъ Польща съ Литвою не погодятъ ся. Поляки наставали на короля, щобы потвердилъ и заприсягъ права и привилеи шляхотского сословія. Король ôтсыляючи ся до присяги своей сдѣланои Литвѣ, требовалъ еще зволоки времени, щобы въ тôмъ часѣ еще разъ уговоръ межи По-

---

[45]) Długosz L. XIII. p. 93. „mallentque omnes (Lithvani) ad unum mori, antequam paterentur, se esse regno incorporatos aut subjectos“

..яками и Литовцями осуществити. Ôнъ замѣтилъ у Полякôвъ великое возмущенье умыслôвъ. Цѣлое собранье Полякôвъ освѣдчило свое неудовольство и признало созѣтникамъ польскои короны выжь реченымъ мужамъ совершенну справедливôсть. Предстояло, що вельможѣ польскіи безъ короля и противу воли его сконфедеруютъ ся, и заручатъ собѣ и затвердятъ всѣ права и преимущества, которыхъ заприсяженя надармо у короля домагали ся. Замѣчательна есть роля, которую ôтгрывае ту короля мати Софія. Она стояла на сторонѣ совѣтникôвъ коронныхъ Польщи, лагодила вспыльчивость Полякôвъ и сына своего склонити на сторону польску старанно усиловала ся. Король на тайнôй и тѣснôй радѣ просилъ польскихъ радцѣвъ еще разъ о звлеченье времени зъ причины, щобы тымъ часомъ увѣзъ свои скарбы до Польщи, обсадилъ Луцкъ и прочіи крѣпости литовскіи своими приклонными и вѣрными людьми и проч., иначе выставитъ свое житье на небезпеченьство, и себе на утрату литовского престола. Знать король уже теперъ узналъ, що не возможно буде ему боронити правъ, якъ тіиже въ своемъ интересѣ Литва понимала, прото приобѣцялъ письменно, що затвердитъ всѣ права и преимущества шляхты на съѣздѣ будучôмъ и то безъ прежныхъ укладôвъ съ Литовцями. Поляки согласили-сь и сховали письменное заученье въ скрыню, ôтдавши попеченье надъ нимъ поборнику коронной политики кардиналу Сбигнѣву Олесьницкому.

Коли Литовцѣ съ Поляками межи собою о землю луцку и о прочіи права естествени спорили, пригнѣтали землю рускую различни нещастя.

Князь Михаилъ Сигисмунтовичь суперникъ Казимира, проживалъ въ Москвѣ. По заключеню мира межи Москвою и Литвою, опустила Москва сего князя. Ôнъ переховывалъ ся по манастырахъ. „и будучи ему въ одномъ монастырю и слухаючи обѣднѣ, игуменъ не любяше его и дасть ему вельми лютую отраву, ядовитую въ дори (т. е. въ просфорѣ) и ôнъ скоро укусилъ и съѣлъ и тутъ же палъ и издохъ. И игуменъ боячи ся того, што такъ въ борзо умеръ, и самъ вкуси и тутъ же умре, и такъ ся конецъ сталъ Михайлушку Сигисмунтовичу“ [46]). Тое собыло ся еще року 1452.

На просьбу изъявлену еще передъ скономъ Сигисмунта, тѣло его привезено до Литвы и въ тое самое время съ тѣломъ Свидригайла въ архикатедральнôмъ костелѣ въ Вильнѣ похоронено. Различно толкуютъ причину смерти того нещастного князя.

Въ тое время возсталъ противу Василію Василіевичу, великому князю въ Москвѣ, князь Шемяка вспираный потаемно черезъ Литовцей.

---

[46]) Bychowca rękopis (chronika) str. 56.

Ôнъ надѣялъ ся помочи у Литвы и пребывалъ въ Новгородѣ. Реченый игуменъ, отроившій Михайлушку малъ быти его приверженцемъ. Отравчикъ убоялъ ся мести матери великого князя Василія, Софіи, рôдной тетки Михаила Сигисмунтовича, прото отроилъ ся самъ, щобы избѣгнути мести, коли увидѣлъ що отруя скоро скутковала и не можно было укрыти ся передъ справедливымъ подозрѣньемъ. Однакожь хотяй умеръ Михайлушко, возбудившій татарского хана Сейдъ-Агмеда противу Казимиру, напады Татаръ на землѣ рускіи пôдвластніи коронѣ не уставали.

Поляки знали добре о недобрôмъ розположеню Татаръ къ нимъ и що нещастье ôтъ стороны Татаръ рускимъ краямъ пôдвластнымъ Польщи угрожало. Прото постановилъ король Казимиръ Іоана зъ Чижова, каштеляна и старосту краковского и Іоана зъ Тачина воеводу краковского воеводами надъ войскомъ, которое мало устроити ся противу Татарамъ для охороненя краѣвъ рускихъ ôтъ ихъ нападôвъ. Король выплатилъ реченымъ высокимъ урядникамъ кôлька тысясей гривенъ съ тымъ припорученьемъ, щобы собрали войско вправное и до бою приспособленое зъ Польщи и всѣ потребы до защиты краѣвъ рускихъ и до вôйны съ Татарами предъуготовили. Такожь припоручилъ король землянамъ Руси и Подôля и воеводѣ молдавскому Александру, который тогды знать по изгнаню Богдана володѣлъ Молдавіею, щобы приспѣли на помôчь войскамъ польскимъ, иміючимъ вооружити ся противу Татарамъ. Но еще соймъ въ Сѣрадзи не окôнчилъ ся (соймъ розпочалъ ся былъ 24. Серпня 1452), коли татарскій ханъ небытностію панôвъ польскихъ пребываючихъ тогды въ Сѣрадзи и участвуючихъ въ спорѣ съ Литовцями воспользовалъ ся.

Татары вдерли ся на Русь и поступили ажь въ глубъ землѣ галицкои пôдъ Львôвъ [47]). Жителѣ краю хоронили-сь звычайно въ тыхъ временахъ въ лѣсахъ и ущеліяхъ гôръ передъ Татарвою и тогды (въ мѣсяци Серпню) повыходили были на чистое поле, щобы зъ плодородной землицѣ богатіи плоды собрати. Татары захвачали всѣхъ безъоруженыхъ людей, забивали немовлята и старцѣвъ, а молодь подôбно быдлятамъ въ ясôиръ упроважали. Щобы якъ найбôльше людей полонити, брали ся Татары на способы. Они прельщали жителей. Нѣбы уже удоволивши ся захваченымъ полономъ ôтходили. Бѣдніи жителѣ убѣгшіи въ скрытіи мѣстця думали, що уже минула гроза татарская, повертали снова на поля, щобы собрати принаймѣй остатокъ позôставшого жнива, и такъ забезпечити ся передъ голодомъ. Бо якая-жь ихъ будучнôсть, еслибы обдертыхъ зъ вся-

---

[47]) Długosz L. XIII. p. 96. „sub tempore autem conventionis Sadachmeth exercitus, terras Russiae inopinate invasit et usque ad Leopolim grassatus est." a. 1452.

кого имѣня и лишеныхъ засобôвъ, хоть скупое жниво не было засилило. Татары ино того бажали и увѣдавши, що люди вышедшіи зъ лѣсôвъ и печерей сквапливо снова жатвою заняли ся, повернули назадъ и неостереженыхъ до остатку захвачали. Тую лесть повторили безбожники пять разей. Тымъ способомъ прельстили они и каштеляна Галицкого Іоана Книгеницкого и полонили возы его обладованй богацтвами, которіи ôнъ передъ Татарвою увозилъ [48]). Король пôслалъ рускую шляхту съ Іоаномъ Чижевскимъ и съ Тачиньскимъ (зъ Тачина) воеводою краковскимъ и Волохами, щобы ôтперли Татаръ. Но нижели реченй панове вразъ съ рускою шляхтою на Татаръ зготовили-ся, Татары повернули уже были съ великимъ полономъ до орды [49]).

Сказуютъ [50]), що Литовцѣ именно панове Гаштольдъ и Монвидъ увѣдавши о тôй пакости татарскôй, нанасенôй краямъ коронѣ пôдвластнымъ, выправили Радивила Гостиковича до орды съ дарами и съ подякою що розорилъ край, съ которого володѣтелями борбу продолжали. Тымъ часомъ въ ордѣ собылъ ся переворотъ. Татары звергли Сейдъ Агмета зъ престола и вознесли Гаджи Герея, захватили Радивила и дары несенй Агмету и ôтобрали ему все имѣнье и одежи.

Сейдъ Агметъ убѣгъ съ своею родиною и придворною службою до Литвы. Литовцѣ, щобы узыскати собѣ пріязнь Гадши-Герея поставили хана Сейдъ-Агмета пôдъ тѣсную стражу. Такъ пребывалъ ôнъ въ Ковнѣ якъбы въ заточеню, проживаючи до глубокой старости жизнь нуждену и пренебрежену.

До щоденныхъ смутъ присоединила ся моровая зараза, которая всю Литву до крайности изтощала. Явила ся она въ Литвѣ около рождества Богородицѣ (8 Вересня) 1452 [51]). Про недостатокъ жерелъ не можемъ точно опредѣлити, якъ далеко тая зараза въ Литвѣ пановала и чи на Волынь и Галицкую Русь была розпросторонила ся. Мнѣ видитъ ся, що голодъ и звычайніи товаришѣ голода, хоробы и зараза посѣтили Галицкую Русь по ôтшествію Татаръ, которыхъ нападъ мы теперь описали.

По упадку Сейдъ-Агмета переховывали-сь останки розсыпаной орды его по степахъ Украины. Тіи Татары скитали ся ту съ женами, дѣтьми и родинами ôтъ мѣстця до мѣстця, на конецъ въ день Воведеня (Obrzezania

---

48) Długosz L. XIII. p. 96.

49) Stryjkowski ks. XVIII. str. 589.

50) Stryjkowski ks. XVIII. str. 589.

51) Długosz L. XIII. p. 96. „ad eoque peste gravi (Lithvania) premebatur, ut homines ambulantes sedentes, dormientes, aut comedentes, subito correpti extinguerentur.“

Páňskiego) 1453 вдерли ся на Волынь въ землю Луцку [52]) и не встрѣтивши нiякого супротивленя бтъ стороны жителей, и не найшовши жадноп обороны краю, полонили множество неостереженыхъ людей, направили шествье свое къ Олеську, захватили також много люда, а бттакъ повернули въ украиньскую степъ, ведучи съ собою около 9000 полоненыхъ особъ, которыхъ подѣливши межи себе, на торжищахъ якъ товаръ спродавали, або до обычаѣвъ татарскихъ прихоровляли. Такая легкость въ опустошеню, такое богацтво полона ободрило розбойничiи шайки татарскiи тои самои орды Сейдъ-Агмеда, которая по изгнаню хана въ Украѣнѣ кочевала, до нового нападу.

Оже на самъ Великдень, припадаючiй тогды дня 1. Цвѣтня р. 1453 вдерли ся Татары на Подолье. Поляки были тогды затруденi войною съ Iоаномъ, княземъ Освѣцимскимъ, который пустошилъ краи Польщи и на западѣ такъ свирѣпо починалъ якъ Татары на востоцѣ. Татары вторгнувши на Подолье розпустили загоны ажь въ Теребовельскую [53]) область, пустошили въ ширъ и въ здолжь и не встрѣтивши жадного супротивленя захватили множество людей обоего пола. Они приближили ся ажь до самого Львова и попалили передмѣстя [54]). Городъ самъ добре укрѣпленый остоялъ ся передъ опустошеньемъ. Тымъ часомъ державтель Лящъ зъ Зѣнковицъ, Iоанъ Нѣмечь зъ Латычова и Мацѣй зъ Межибожiя (а ведля литовского жерела Иванъ князь Острогскiй [55]) собрали на борзѣ людей вооруженыхъ а то кбнныхъ и пѣшихъ, пустили ся за Татарами и настигли ихъ другого дня великодныхъ святъ въ таборѣ розложеныхъ на поли званбмъ Красново надъ рѣкою Случомъ, межи Острогомъ и Зѣнковичами, ударили ночною порою на неостереженыхъ Татаръ, побѣдили ихъ совершенно и освободили полоненыхъ людей. Другiй бтрядъ татарскiй состоячiй зъ 300 людей, узнавши о потерѣ своихъ товаришей, злѣзъ зъ коней и скрывши ся ждалъ дня и намѣрялъ або тайкомъ убѣгнути, або сраженье бтновити.

---

52) Długosz L. XIII. p. 105.

53) Długosz L. XIII. p. 108. „circa festum Paschae in primam diem mensis Aprilis 1453 exercitus Tatarorum terras Podoliae, velut omni defensione vacuas praedandi animo et districtum Trembowlensem ingressi sunt.“

54) Zubrzyckiego kronika miasta Lwowa str. 108.

55) Stryjkowski ks. XVIII. str. 590. „tegoż czasu Iwan książe Ostroskie i Jan Laszcz w dzień wielkanocny Tatarów według Miechowiusza u Trembowli porazili na głowę i pobili, tak bardzo, iż żaden poganin nie uszedł, czego i Krommer lib. 22. w te słowa poświadcza: Ita ut ne unus quidem evasisse existimetur, a więźniów 9.000 nasi odbili i insze łupy.“

Лящь затаивши ся вытропилъ Татаръ, ударилъ на нихъ въ время самого розсвѣта, встрѣтилъ воеводу татарского, завязалъ съ нимъ личный бôй, убилъ его, почемъ устрашени Татары розсыпали ся въ бѣгство. Рицарѣ гонили за ними, многихъ убили а многихъ полонили. Тіи, которымъ подарилось убѣгнути, направили ся къ Брацлаву, принятіи были Брацлавянами нѣбы гостепріемно, но потôмъ ихъ поубивано. Може на инôмъ мѣстци но въ тое самое время, побѣдилъ Иванъ князь Острогскій, якій-то ôтрядъ Татаръ[56]). Тыми побѣдами зôстали останки горды Сейдъ-Агмеда уничтожени.

Пôдля иныхъ извѣстій [57]) зверженый былъ Сейдъ-Агмедъ не скорше ажь р. 1455, и убѣгъ до Кіева съ девятьми сынами. Казимиръ ôтпославъ къ нему Андрея Одровонжа, старосту львôвского. Той увязнилъ Сейдъ Агмета и ôтпровадилъ го до Ковна. Въ Кіевѣ княжилъ тогды яко намѣстникъ Литвы князь Симеонъ. Ôнъ не супротивлялъ ся поступованю Одровонжа съ Сейдъ-Агметомъ. Жителѣ Кіева, довѣдавши ся о увязненю Сейдъ-Агмета, кинули ся на пребываючихъ Татаръ въ Кіевѣ и всѣхъ поубивали [58]).

Тымъ часомъ приспѣлъ заповѣдженый срокъ для сойму въ Парчовѣ, день 3 Червня 1453. Поляки явили ся въ значительнôмъ числѣ, Литовцѣ сгромадили-сь въ Берестю, нехотѣли однакожь ѣхати до Парчова, бо мали доносы, що Поляки якій-то плянъ на ухваченье (або убитье) головнѣйшихъ предводителей литовского народа здѣлали. Прото не хотѣли приѣхати до Парчова и лишь черезъ послôвъ переправляли. Яко послы зъ стороны Литвы явили ся: Іоанъ Ходкевичь, намѣстникъ Витебскій, Николай Радивилъ и Пацъ, староста лѣдскій [59]). Пôдля иного жерела [60]): Юрій Семеновичь, Борысъ Онакъ, Андрей Жаковичь и Іоанъ Нѣмира. Може быти, що двѣ делегаціи одна по другôй, и що по одинъ разъ первіи по вторый разъ другіи выжь наведенй мужѣ въ имени Литвы въ Парчовѣ явили ся. Литовцѣ выступили съ тыми самыми предлогами, що давнѣйше. Именно желали они звернения Подôля захваченого Поляками по смерти Витольда. Литовцѣ досвѣдчили на передидучихъ соймахъ, яко ихъ историчніи доводы, которыми доказывали, що Подôлье Литовцѣ, а не Поляки завоевали, оспорени ложными противоположенями Полякôвъ, жадного скутку не сдѣлали. На настоячôмъ съѣздѣ въ Парчовѣ примѣтилъ Борысъ Онакъ, що Витольдъ купилъ былъ Подôлье ôтъ Ягайла за 40.000 широ-

---

[56]) Narbutt T. VIII, str. 125. Stryjkowski u. s.

[57]) Długosz L. XIII. p. 181.

[58]) Hammer Purgstal. Geschichte der goldenen Horde S. 397.

[59]) Stryjkowski.

[60]) Długosz.

кихъ грошей. На то отвѣтилъ Сбигнѣвъ, що се есть доводъ, яко Подôлье сперва не Витольду, но коронѣ прислужало и що Витольдъ державъ тую землю на свою особу, и тая по его смерти до короля (Владислава Ягайла), яко найблизшого въ родинѣ правовитого сукцесора повернула [61]).

Литовцѣ жадали еще разъ змѣны утяжливыхъ условій уніи. Поляки отвѣтили, що немогутъ сонзволити на уничтоженье записôвъ, которіи майже пôлвѣковая древнôсть освятила. Они покликовали ся, що Польща оборонила Литву и Жмудь передъ рицарями и що для блага Литвы рицарей побѣдила. Поляки въ настоячôмъ спорѣ предлагали снова судъ полюбовный. Судію найбы Литовцѣ избрали собѣ сами, на которого сгодили бы ся: папу, цѣсаря, або которого нибудь иного зъ князей христіяньскихъ. Литовцѣ вопросили, чибы Поляки нехотѣли пристати на судъ татарского хана. Поляки поняли той вопросъ яко иронію зъ стороны Литовцей и переконали ся о безскутечности взаимныхъ умовъ и укладôвъ.

Теперь залишили Поляки переговоры съ Литовцями, замыслили оставити Парчôвъ и понудили короля, щобы созвалъ чисто польскій соймъ нѣ Піотрковѣ, который по укôнченю съѣзду Парчôвского року 1453 собралъ ся.

Два съѣзды въ Парчовѣ въ р. 1451 и 1453 суть до себе подôбными такъ що до предмету переговорôвъ якъ и ихъ результатôвъ. Тымъ поводовани историки одное обстоятельство, которое бôльше согласное съ історією сойму парчовского въ року 1453, ôтвели до сойму парчôвского въ року 1451.

„Въ годъ по коронаціи учинили панове лядскіи вальный соймъ лядскій *(въ Петрковѣ) для справъ земскихъ и на томъ соймѣ вмыслили панове всѣ лядскіи,* потай короля соймъ другій учинити въ Парчовѣ и штобы тамъ были всѣ панове литовскіи, властелѣ великого князства и вмыслили на томъ соймѣ литовскôмъ панôвъ литовскихъ порѣзати, а князство литовское до коруны привлащити и потомужь учинити какъ вчинили надъ паны рускими перемышльскими, позвавши ихъ до рады и тамъ порѣзали и Перемышль засѣли, и король подлугъ рады ихъ соймъ положилъ въ Парчовѣ и Ляхомъ и литовскимъ паномъ, а о томъ ему невѣдаючи, што мѣло быти, на томъ соймѣ, литовскимъ паномъ, а панове лядскіи и литовскіи до Парчова ся съѣхали по воли господаря своего, великого короля Казимира. И паномъ литовскимъ о томъ ничого же невѣдуще и первого дня и другого до рады панôвъ лядскихъ ѣздили, а на третій день

61) Dlugosz.

на конецъ всѣхъ пановъ литовскихъ умыслили порѣзати, и былъ некоторый Ляхъ зъ роду доброго Андрей Рогатыньскій и довѣдавши ся достовѣрно о пагубѣ литовскихъ пановъ и потай сповѣдаетъ то литовскимъ панамъ Ивану Гаштольду и старостѣ Жомонтскому Кезгайлу и тіи панове не повѣдающе слугамъ своимъ и вмыслили такъ и просили пановъ польскихъ къ собѣ на завтріе на обѣдъ, и просивши на обѣдъ и сами ночію въ борзѣ уѣхали до Берестя а слуги и обозы постявили для досвѣдченя на мѣстцу въ Парчовѣ и панове лядскіи о томъ невѣдуще и подлугъ умыслу своего, хотячи ихъ порѣзати и справивши людей въ числѣ не мало и послали до обозу побити ихъ и тіи люди приѣхали и наскочили въ борзѣ на обозъ и пановъ литовскихъ не нашли, только обозъ да слуги. И потомъ ляцки панове розмыслили ся, ижь негораздъ вчинили и такъ ся уставили и обозомъ и слугомъ ничого невчинили и отпустили въ борзѣ до Литвы. И отъ того часу стала брань великая и непріязнь межи паны литовскими и ляцкими, и отъ тогожь часу панове литовски сваснивши ся Иванъ Гаштольдъ воевода виленьскій, Ивашко Монвидъ, воевода троцкій, Кезгайло староста жимонтскій, Петрашь Монгердовичь маршалокъ земскій, намѣстникъ Новгородскій и сваснивши ся и гербы ихъ имъ отослали, а своими старыми гербами печатовати стали и много злого мыслили межи собою чинити, и король Казимиръ въ то ся пильно вложилъ и много самъ господаръ о томъ мыслилъ, поки ихъ звелъ у згоду“ [62]). — Стрыйковскій описуючи тое событіе майже тыми самыми словами, но лучшимъ слогомъ, якъ рукопись Быховца, зъ которои мы той уступъ навели, именуе межи панами литовскими, отославшими гербы свои Полякамъ, такожь Радивила [63]). Онъ розказуе, що панове литовскіи станули (передъ Парчовомъ) въ окопѣ таборомъ и що оттамъ черезъ два дни ѣздили до Парчова до рады.

Стрыйковскій ссылае ся на 12 лѣтописей рускихъ и литовскихъ, которіи поровновалъ и которіи той фактъ одноголосно стверзжаютъ.

Выжь наведена рукопись Быховца повѣдае, що замыслъ порѣзати пановъ литовскихъ, повзяли панове польскіи на соймѣ въ Піотрковѣ отбывшомъ ся въ годъ по коронаціи. Но коронація Казимира отбыла ся 1447 — и въ томъ самомъ року 1447 было два соймы, именно: въ Піотрковѣ; потому слѣдовалъ соймъ люблельскій, на которомъ, якъ мы видѣли, спорили Литовцѣ и Поляки о Подолье, Волынь и о основы кардинальніи обопольнои уніи. Въ лѣтахъ 1448 и 1449 не было больше жадныхъ соймовъ вспольныхъ для взаимного переспpавляня Литовцей съ Поляками.

---

[62]) Bychowca rękopis (chronika) str. 57. 58.
[63]) Stryjkowski ks. XVIII. str. 587.

Оже выжь речена кроника якъ въ обще що до хронологіи не певна, такъ и ту що до року мильное подала известье.

Ажь въ року 1450 отбылъ ся соймъ въ Піотркове чисто польскій, — року 1451 отбылъ ся соймъ литовско-польскій въ Парчове. Мы видели высше, що Литовце приехали были до Ломазъ и дальше нехотели ехати до Парчова зъ причины, що Поляковъ о якіи то змовы на себе подозревали. На томъ оже сойме, якъ сказуе Стрыйковскій, загадали Поляки осуществити плянъ на затраченье сенаторовъ литовскихъ. Но тому противоречитъ поданье, що по усильномъ стараню и по особистомъ вданю ся въ справу самого короля, панове литовскіи съ изъятьемъ Гаштольда съехали ся до Парчова и ту въ нарадахъ съ Поляками участвовали. Не можно допустити, щобы по такомъ роздоре межи Литовцями и Поляками, якій наступилъ въ время парчовского сойму, Литовце такъ скоро и легко дали ся усмирити. Великое огорченье зъ стороны Литовцей требовало много времени и великихъ усилований зъ стороны короля, щобы усмирило ся, якъ то и зъ выжь наведеного местця рукописи Быховця явно, „и много" т. е. черезъ долгое время „господаръ о томъ мыслилъ, поки сихъ звелъ у згоду." Трудно оже верити, щобы Литовце отославши гербы Полякамъ и сорвавши съ ними єдность целковито, — уже року 1452 на сойме въ Серадзи, а въ р. 1453 на сойме въ Парчове съ тыми самыми предложенями выступали и еще верили въ можливость погоженя спора за посредствомъ переговоровъ, еслибы уже на сойме въ Парчове року 1451 были такую затею на житье найлучшихъ мужей Литвы досведчили и въ следство того съ Поляками решительно зорвали.

Я раднейше положилъ бы тое событье въ рокъ 1453 и приписалъ бы го парчовскому сойму отбывшому ся въ томъ роце.

На той соймъ также Литовце не съехали ся до Парчова, но до Берестя, т. е. може быти где то еще въ пределахъ земле Берестейскои. И тогды отримали якое то предостереженье зъ стороны самыхъ Поляковъ о якихъ то затеяхъ. Отси посылали посольства до Парчова, що согласно съ поданьемъ рукописи Быховца: „и первого дня, и другого дня до рады до пановъ ляцкихъ ездили." — Одное лишь обстоятельство стоитъ нашому мненію на заваде, що парчовскій соймъ не попередженый былъ соймомъ въ Піотркове, но въ Серадзи. —

Може быти, що первый проектъ Поляковъ на убитье сенаторовъ литовскихъ возникъ въ Серадзи, або на которомъ иномъ зъ частныхъ собраній Поляковъ, которіи рукопись Быховца, не обзнаемлена добре съ справами обываючими ся въ Польщи, до Піотрковского сойму р. 1447 отнесла. Въ прочемъ ажь на парчовскомъ сойме въ року 1453 пересведчено ся о безскутечности обопольнои угоды за посредствомъ переговоровъ Литов-

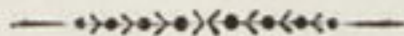
..ей съ Поляками. Литовцѣ станули при тôмъ, що посѣдали, а Поляки залишили переговоры съ Литовцями въ той справѣ на долго, бо до р. 1463, и приступили до одностороннего усмиреня спору, на соймѣ уже чисто польскôмъ въ Піотрковѣ, собравшôмъ ся заразъ по безскутечнôмъ окôнченю сойму парчôвского року 1453. Король прибылъ ту самъ безъ всякого участія совѣтниковъ и пановъ литовскихъ. Долго ôнъ опиралъ ся намаганю Поляковъ, щобы пôдписалъ грамоту потвердительну правъ и свободъ, такъ якъ на соймѣ сѣрадскôмъ року 1452 прирѣкъ былъ. Король согласилъ ся затверженье реченыхъ условій сдѣлати яко король польскій, а не яко великій князь литовскій. Поляки на тое не пристали. Они подѣлили ся на двѣ избы: сенаторскую и рицарскую, грозили королеви, що сконфедеруютъ ся, выберутъ собѣ иного короля и проч. Король радъ не радъ согласилъ ся и въ притомности кôлькохъ сенаторôвъ и дванацять пословъ сдѣлалъ присягу слѣдуючого содержаня: „Я король и великій князь литовскій Казимиръ присягаю, що все ôтъ короны несправедливымъ способомъ ôтнятое по моей силѣ боронити буду, въ прочемъ всѣ городы, мѣста, и въ обще всѣ землѣ, именно: Литву, Русь и Молдавію, которіи то землѣ по моихъ попередникахъ наслѣдилъ я и которіи мнѣ принадлежатъ, николи и пôдъ жаднымъ позоромъ не ôтчужу коронѣ.“ — Сказуютъ, що такая присяга обща не изключала персональну унію и чувства Литовцей въ ничемъ не оскорбляла. Въ потвердительнôй грамотѣ вычисляютъ ся всѣ привилеи шляхотскіи и потвержаютъ ся всѣ ухвалы соймовіи: именно щобы королю придано было четырехъ радцей або такъ звану раду прибôчную (перманентну — неуступаючую), щобы Литовцей, которыхъ подозрѣвано, що причиняютъ ся до упорности короля, ôтдалено ôтъ боку его, щобы въ Литвѣ король именовалъ намѣстника, щобы король бôльше занималъ ся справами польскими якъ литовскими, щобы срôвнани были тягары публичнiи обохъ народôвъ и проч.

Съ болемъ сердця допустилъ король тое стисненье своей волѣ, которое обезсиляло монархичную освящену власть и въ ничемъ до добра соединеныхъ народôвъ непричиняло ся.

Въ пôзнѣйшихъ обвѣщеняхъ обовязуютъ ся такъ Казимиръ Ягайлончикъ, якъ и его наслѣдники Александеръ и Іоанъ Альбрехтъ, що предѣлы великого княжества литовского не уменшатъ, но всѣ того великого княжества землѣ и краи, якъ ихъ по своихъ попередникахъ: Александрѣ, Витольдѣ и Сигисмунтѣ одѣдичили, стеречи и хоронити будутъ. — Такъ усталилъ ся роздѣлъ древного Галицко-Володимирского княжества на Русь польскую и литовскую. Галицкая Русь ôтъ давна принадлежала коронѣ, и о тую спору не было. Западная часть Подôля съ Каменцемъ подôльскимъ остояли ся при Польщи, городы занятіи перше Теодоромъ Бучацкимъ повернули знать до Литвы. Восточная часть Подôля съ голо-

вным городомъ Брацлавомъ зостала оже при Литвѣ, такожь Волынь ь. земля Берестейская. Землю Белзкую держали князѣ мазовецкіи. Въ року 1462 вымерли потомки князя Мазовецкого, которому земля Белзкая въ удѣлъ зоставлена была. Литовцѣ упоминають ся тогды у Поляковъ о землю Белзкую и о надбужаньскіи городы, еще перше Литвѣ ôтчуженій. Поляки жадали снова ôтъ Лотовцей, щобы звернули Волынь и область луцкую, котору по ихъ мнѣнію Литовцѣ неправно загорнули. Обѣ стороны остояли ся при своемъ, Польща при Белзкой земли а Литва при Подôлю и Волыни. Волынь и восточное Подôлье оставшіи ся при Литвѣ, мали своихъ урядниковъ Литовцей, Волынцей або Подôлянъ независимыхъ ôтъ Польщи. Войска тыхъ земель творили осôбній полки и бороли ся въ рядахъ войскъ литовскихъ. Сенаторове и епископы волыньскіи и подôльскіи засѣдали въ литовскôмъ сенатѣ.

Внутренняя борба въ Литвѣ не уставала. Одна часть Литовцей пôдъ проводомъ Монвида держитъ ся стороны короля и заступае идею тѣснои уніи Литвы съ Польщею, друга сторона Литовцей намагае ся усунути Казимира ôтъ престола великого княжества литовского и на его мѣстце вынести зятя Гаштольда, Симеона князя Кіевского, зъ роду князей Слуцкихъ на престолъ великого княжества литовского. Стороны тои держалъ ся потомокъ бодрыхъ князей Острогскихъ, Юрій (Georgius) Острогскій, а за тымъ стремленьемъ стояла бôльшою частію Русь волыньская и подôльская. Король поставляе ся межи обома сторонами въ серединѣ. Ôнъ ôтпирае всѣ намаганя Поляковъ, желаючихъ уничтожити автономію Литвы и тіи землѣ до Польщи присоединити, а зъ другои стороны надае права и свободы польскои шляхты, дворянамъ великого княжества литовского и перетворяе постепенно цѣлый организмъ Литвы и земель рускихъ съ нею соединеныхъ на способъ устройствъ въ Польщи. Тôй политицѣ слѣдуютъ и его потомки. Королѣ польскіи и великіи князѣ литовскіи ставляютъ всенародными грамотами Литву на рôвни съ Польщею и тымъ способомъ приготовляютъ тѣснѣйшій союзъ межи Литвою и Польщею, такъ звану унію люблельскую, собывшую ся одное столѣтіе пôзнѣйше, року 1569.



СПИСЪ ПРЕДМЕТОВЪ.

ПЕРІОДЪ I.

Ôтдѣлъ II.

сторо

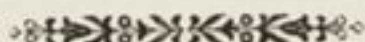
ПЕРІОДЪ II.

ÔТДѢЛЪ I.

Ôтдѣлъ II.

ОТДѢЛЪ III.

стор.



СПРОСТОВАНЯ И ДОПОЛНЕНЯ.

Сторона:	Стихъ:		Вмѣсто:	Читае ся:
1	10	зъ горы	Ростиславичей	Ростиславичей р. 1198
2	22	„	Язиги	Ятвяги
6	2	„	Концюковъ	Конунговъ.
10	32	„	родимцями	родинами
14	4	зъ долу	[19]) Chronica Nestoris ut s. pag.	Chronica Nestoris ut s. pag. 48. 49.
19	19	зъ горы	побочна линія	зъ побочнои линіи
19	14	„	звернулъ	звернулъ [27])
19	16	„	побѣду [27])	побѣду
24	29	„	наслѣдилъ Изъяславъ	наслѣдилъ сынъ его Изъяславъ
24	31	„	Игоръ	Прочіи сынове: Игоръ
25	35	„	Святополкъ	Святославъ
26	27	„	Смоленьского	Смоленьского Игоря
28	3	„	отрималъ	отрималъ повторно
31	31	„	Островъ	Острогъ
32	19	„	Святослава	Святослава Ярославича
33	16	„	Володилиря	Володимира
33	28	„	Болеславъ Кривоустый	Болеславъ Кривоустый князь краковскій
34	3	зъ долу	тымъ же	тыми же
35	16	зъ горы	Володимирко [49])	Володимирко
35	23	„	наслѣдникъ	вторый наслѣдникъ
35	29	„	Щирця [50])	Щирця [49])
36	11	„	Галичи [51])	Галичи [50])
36	13	„	Галицкимъ [52])	Галицкимъ [51])
37	4	„	въ Звенигородѣ [53])	въ Звенигородѣ [52])
38	4	„	Про то Владиславъ	Про то найстаршій Владиславъ
39	4	„	ииръ	миръ
39	3	„	сзучаю	случаю
39	23	„	осада	засада
39	29	„	осады	засады
39	38	„	Мстиславичь	Изъяславъ Мстиславичь
40	6	зъ горы	сына Ростислава	Ростислава
40	33	„	вервулъ	вернулъ
41	28	„	городъ Володимирскій	городъ Володимирской Руси
43	3	„	Изъяславъ устремилъ ся ня Кіевъ, прогналъ Юрія	Изъяславъ зъ Кіева устремилъ ся на Юрія прогналъ его
46	11	„	Въ Володимирѣ Волыньскôмъ	Зъ Волыньского Володимиря
46	17	„	понеже то	понеже ôнъ
47	31	„	съ оружіемъ	оружіемъ
48	23	„	молодшое поколѣнье	поколѣнье
50	14	„	кученьминомъ	кучельминомъ

Сторона:	Стихъ:	Вмѣсто	Читае ся:
50	17 зъ горы	Ростиславъ	Иванко Ростиславичь
50	30 „	Пересоцницкій	Пересопницкій
52	33 „	Мстиславъ	Андрей
53	9 „	р. 1170	р. 1171.
53	20 „	Смоленьскому. Ярославъ	Смоленьскому. По Романѣ наслѣдилъ братъ его Рурикъ въ Кіевѣ. Ярославъ
53	26 „	3 знаменитыхъ	знаменитыхъ.
57	12 „	тому осмѣлени впростъ противу князю виступили и ударъ	тому несмѣвши впростъ противу князю виступити, ударъ
57	28 „	именно Рурикъ и Всеволодъ сынъ Ростислава	именно Всеволодъ и Рурикъ, сынъ Ростислава
57	31 „	Романа	Романа Мстиславича
59	4 „	ней	ему
60	8 „	князя Володимиря Суздальского	князя Суздальского
60	34 „	где то около р. 1200	въ лѣтахъ 1201—1203
61	5 „	сынъ но	сынъ его
61	35 „	Кремянця	Каменца
64	4 „	Мстиславу	Мечиславу
68	18 „	бо сына еще В. князя Всеволода	сына В. князя Всеволода Суздальского
69	9 „	збунтовали ся	возмутили ся
74	31 „	изгнали	имили
76	12 „	дочку свою Марію	дочку свою Анну
76	39 „	Данила въ Галичи	Данила, который доводилъ засадою въ Галичи
87	15 „	съ ихъ княземъ	съ еи княземъ
88	10 „	Огошай	Оготай
96	2 зъ долу	Литовцѣ Миндога	сродники Миндога
97	18 зъ горы	Городенъ	Городно
110	5 „	лѣтописецъ	лѣтописецъ (Dlugosz)
103	25 „	нв родинной	на родинной
110	14 „	Каменца Волыньского	Каменци Волыньского и Подольского
118	2 „	Стефаня	Степаня
119	16 „	землю Судомирскую	землю Судомирскую стоявшу при Локетку
123	9 „	1205	р. 1305.
127	1 зъ долу	Radwańskiego	Rawdańskiego
132	11 „	якъ кроника Стрыйковского и Быховца сказуе	якъ кроника Стрыйковского сказуе
137	33 зъ горы	тивунъ т. е.	тивунъ, дѣтскіій т. е.
138	15 „	поселяли-сь тутъ	поселяли-сь тутъ нови приходцѣ
138	19 „	Владислава	Владислава Локетка
139	9 „	щедротъ	небесныхъ щедротъ
146	24 „	о событіяхъ того краю	о событіяхъ въ тôмъ направленію
148	10 зъ долу	родославная	родословная
150	10 зъ горы	принялъ	принялъ въ послушеньство
155	25 „	Короля Люберта	Короля Роберта
158	7 зъ долу	Detko	Datko
159	6 зъ горы	Детко	дятко
159	11 „	Деткомъ	дяткомъ
162	1 зъ долу	Demetrius Detko	Demetrius Datko
163	10 „	совѣстное	совѣстную
167	6 зъ горы	пôзнѣйшимъ изслѣдователямъ и любителямъ исторіи руской	на пôзнѣйше

Сторона:	Стихъ:	Вмѣсто:	Читае ся:
170	11 зъ горы	рокомъ 1356 т. е. межи лѣтами 1351 и 1353	рокомъ 1357 т. е. межи лѣтами 1352 и 1354
170	13 „	року 1356	року 1357
174	2 „	тымъчасомъ прибылъ	тымъчасомъ зъ Италіи прибылъ
175	31 „	Казимиру давалъ	Казимиру передже давалъ
181	23 „	Казимиръ	Король Казимиръ
181	33 „	молодшого брата Б. Тройдановича	молодшого брата Тройдена Болеславича
183	7 „	противу союзу	противу давнѣйшому союзу
183	8 „	который выжь нами наведенымъ уговоромъ	который въ рôкъ пôзнѣйше, выжь нами вспôмненымъ уговоромъ
183	38 „	Вторый уговоръ	Уговоръ
186	7 зъ долу	ludu litewskiego	narodu litewskiego
187	11 зъ горы	Кочубей Гирей	Хочубей Гирей
188	1 зъ долу	protohegymini Stadnickiegos	protohegumeni Stadnickiego S.
190	12 „	Заолавщина	Заславщина
190	24 „	ротумѣютъ ся	розумѣютъ ся
194	19 зъ горы	и такъ званое Полѣсье	о такъ званое Подляшье
196	36 „	Днѣпра; куда	Днѣпра, туда
207	12 „	Великіи князь Литовскіи	Великіи князь Московскіи
207	29 „	мужу доброй славы	мужу доброй славы Алексію
212	15 „	Болеславъ	Владиславъ
214	31 „	королѣ польскіи	королѣ польскіи зъ роду Піастôвъ
216	10 „	замокъ	замки
217	12 „	катедра	катедра лат. обр.
228	32 „	Мункачѣ	въ Мункачѣ
230	33 „	Солтистрво	Солтиство
231	21 „	левъ (на щитѣ)	левъ изъображенъ на щитѣ
232	1 „	сестрѣнецъ	внукъ
237	18 „	до короны	до короны польскои
240	2 „	въ Кревѣ	въ Кревѣ
246	3 зъ долу	Stadnicki dodatki	Stadnickiego S. G. dodatki
249	32 зъ горы	Ольгерда надѣленого	Ольгерда, надѣленого
252	29 „	креввіи	кревніи
260	5 „	въ Утряхъ	въ Уграхъ
261	3 зъ долу	князь	князь Владиславъ
261	27 зъ горы	Литву	Литву и Польщу
266	2 зъ долу	prassicus	prussicus
278	8 зъ горы	стояло	стояло ордину
278	7 зъ долу	умирительни	умирительни р. 1392.
281	34 зъ горы	1293	1393.
282	8 „	Ôтобравши Демитрію землю Сѣверскую	Ôтобрано Демитрію Корыбуту землю Сѣверскую
286	8 „	року 1393	року 1399.
286	14 „	20.000 (гривенъ)	20.000 (гривенъ?)
286	17 „	у двацяти тысячь гривенъ	у двацяти тысячь (гривенъ?).
287	24 „	Тшагатая	Темутшина
287	26 „	Токшамытъ	Toктамышъ
288	7 „	На Сѣверѣ	На Сѣверѣ въ Москвѣ
291	20 „	Исцье	Усцье
291	3 зъ долу	заставлено	заставлено Спиткови зъ Мельштиня
293	8 зъ горы	смерти	смерти Витольда
294	2 зъ долу	fluxos animus	fluxos animos
297	11 зъ горы	повторно Смолдньскъ	повторно збунтованый Смоленьскъ
303	8 „	въ Любомлѣ	въ Любовлѣ
304	31 „	воеводы	старосты
315	19 „	епископы перемышльскіи	епископы перемышльскіи гр. обр.

Сторона:	Стихъ:	Вмѣсто:	Читае ся:
316	2 зъ горы	Люблинъ	Любомль
322	6 „	съ Татаріею и съ угорскими краями	зъ Татаріи и зъ угорскихъ краѣвъ
345	1 „	(послы) гость	гость
346	35 „	на завдячуе	не завдячуе
350	8 „	Спитко	Спитки
350	9 „	малъ	мали
352	19 „	якъ до Казимира	до Казимира
359	2 зъ долу	personaliter agens	personaliter agens tenebat
367	8 и 9 зъ горы	перемѣнилъ Ягайло въ дѣдицтва, отнималъ ихъ Русинамъ за отступленіе отъ короны и надавалъ Полякамъ	перемѣнилъ Ягайло въ дѣдицтво, отнялъ ихъ Русинови за отступленье ôтъ короны и надалъ Полякови
373	10 зъ горы	Володимирскую и Волыньскую землю	Володимирскую (Волыньскую) землю
382	22 „	Іоанъ де Спрова Одровонжъ	Петро де Спрова Одровонжъ
392	15 „	Ошмяною	Ошмяною
393	22 зъ горы	Федько	Федько Корыбутовичъ
395	25 „	Король	Свидригайло
399	29 „	Михаилъ Бучацкій	(Михаилъ?) Бучацкій
403	6 „	Іонѣ	Кіевско-Московскому митрополитѣ Іонѣ
409	11 „	розгостили ся. Оставшая	розгостили ся, оставшая
410	24 „	короля угорского	короля угорско-польского
414	34 „	князъ зъ Острова	князь зъ Острова (Острога ?)
417	36 „	надъ Бугомъ	надъ Бугомъ або въ близости Буга
421	21 „	Татарами и заволжскими Турками.	заволжскими Татарами и Турками
429	2 „	Іоана де Крисовъ	Іоана де Чижовъ
436	12 „	тыхъ трехъ мужей	трехъ мужей
438	8 „	напады Татаръ	напады заволжскихъ Татаръ

Галицко-Володимирская
РУСЬ
и еи важнѣйшіи
историчныи мѣстцевости отъ
найдавнѣйшихъ временъ до року 1453.
Краковъ
Кіевъ
Черниговъ
Стародубъ
Переяславъ
Каневъ
Черкасы
Звенигородъ
Браславъ
Мункачъ
Пряшовъ
Кошицъ
Кезмаркъ
Берестъ
Люблинъ
Холмъ
Володимиръ
Луцкъ
Перемышль
Теребовля
Колымыя
Снятинъ
Сучава
Бѣлгородъ
Килія
Браиловъ
Олешна
Корсунь
Азовское море
Тмуторокань
Чорное море
Угры
Литва
20
25
30
35
40
45
50